

**сказки
и
мифы
народов
востока**

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1964 г.

сказки и предания алтайских тувинцев

Собраны
ЭРИКОЙ ТАУБЕ

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1994

Редакционная коллегия серии
«Сказки и мифы народов Востока»

Г. А. ЗОГРАФ, Е. М. МЕЛЕТинский (председатель),

С. Ю. НЕКлюдов (отв. секретарь), Е. С. НОВИК,
Б. Л. РИФТИН, С. С. ЦЕЛьНИКЕР

Составление, предисловие, комментарий
ЭРИКИ ТАУБЕ

Авторизованный перевод с немецкого
Б. Е. ЧИСТОВОЙ

Редактор издательства
Л. С. ЕФИМОВА

С 43 Сказки и предания алтайских тувинцев. Собранные Эрикой Таубе. Авторизованный перевод с немецкого Б.Е. Чистовой. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — 382 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

ISBN 5-02-017236-7

Книга представляет собой публикацию сказок и преданий тувинцев, живущих на Алтае, — одной из народностей МНР, собранных известной исследовательницей из ГДР Э. Таубе. Часть из них была издана ею в ГДР, другие переведены по ее рукописи. Авторизованный перевод выполнен Б. Е. Чистовой. Сказки сопровождаются вступительной статьей и примечаниями.

Рассчитана на взрослого читателя.

С 4703020500-075
013(02)-94 Без объявления

ББК 82.33

ISBN 5-02-017236-7

© Э. Таубе, составление, предисловие,
комментарий, 1994
© Б. Е. Чистова, перевод, 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тем, что сказки алтайских тувинцев впервые публикуются здесь на русском языке, а многие из них публикуются впервые, и тем, что их вообще удалось собрать, мы обязаны чистому случаю — брошенному вскользь в разговоре со мной замечанию одного студента-германиста из МНР*. Говорили мы, кажется, об ориентации двери юрты, и он сказал: «У нас это не так, как у монголов». Оказалось, что он не монгол, а представитель тюркоязычного национального меньшинства в МНР — тувинцев. Я пыталась найти о них сведения в литературе и, обратившись к труду «*Philologiae Turcicae Fundamenta*», изданному в 1959 и 1964 гг. и представляющему собой обширный свод сведений о языках и литературах тюркоязычных народов, нашла в нем лапидарную фразу: «Вне Танну-Тувы (ныне Тувинская АССР.— Э. Т.) сойоны¹ встречаются отдельными, разрозненными группами, расселенными по всему монгольскому аймаку Кобдо, который находится на крайнем северо-западе МНР, во Внешней Монголии, а кроме того, западнее его, в бывшем аймаке Чинг Сэдкилту, от Алтая до Тарбагатай, живет “Семь знамен урянхайцев”, подвергающихся там сильной монголизации»². Эта информация основана на сообщениях таких известных русских путешественников и ученых, как Г. Н. Потанин, В. Ф. Ладыгин и Г. Е. Грум-Гржимайло; в них содержится, разумеется, несколько больше сведений об этой тувинской группе на Алтае, еще и сегодня говорящей на своем родном (тюркском) языке, но в целом к середине XX в. в нашем распоряжении были о ней только самые скудные данные. Так, ленинградский тюрколог и этнограф Л. П. Потапов, специально занимающийся тюркоязычными народами Сибири и больше всего тувинцами и алтайцами, констатировал в своей вышедшей в 1969 г. в Москве монографии «Очерки народного быта тувинцев»: «К сожалению, в течение примерно ста лет у алтайских урянхайцев (т. е. алтайских тувинцев.— Э. Т.) не было исследователей, особенно этнографов, что весьма отрицательно сказалось на выяснении их исторического прошлого и современного состояния. Известно, что в составе алтайских урянхайцев в верховьях Кобдо проживает группа тувинцев, именуемая окружающим населением урянхайцами-мончак. Эта группа в какой-то степени сохранила свой родной тувинский (тюркский) язык. В свое время она была отмечена Г. Н. Потаниным под названием “кукчулутуны”» (с. 78).

Упомянутый мною знаменательный разговор состоялся осенью 1965 г., и я с помощью Чинагийн Галсана, того самого студента-германиста, учившегося в Лейпциге, начала проникать к основы его родного языка. Счастливого случая было угодно, чтобы через несколько месяцев я получила возможность впервые побывать в Монголии. Я решила использовать свою научную командировку для того, чтобы посетить эту сохранившую свое тюркоязычие тувинскую группу на западе Монгольской Народной Республики и собрать материал, который мог бы помочь как языковым, так и фольклористическим исследованиям. Моя рабочая программа была одобрена, и благодаря поддержке моих уважаемых монгольских коллег, и в первую очередь тог-

давшего ректора Государственного монгольского университета (позже заместителя председателя Совета Министров МНР), профессора, доктора Д. Цэвэгмида и руководителя кафедры монгольского языка и литературы М.-Ш. Гадамба я смогла в середине июля 1966 г. отправиться в Баян-Улэгэйский аймак к живущим там в сомоне Цэнгэл тувинцам, у которых я пробыла до середины сентября и начала сбор народной поэзии. После этой поездки были еще две: двухмесячная в 1967 г. и трехнедельная в 1969 г. После тринадцатилетнего перерыва, в 1982 г., я снова смогла поехать на три недели к «моим» тувинцам, а в 1985 г. я еще раз побывала у них, прожив с ними две недели, но уже не на Алтае, а у двух больших групп тувинцев, которые за последние 15 лет покинули Алтай и поселились в центральных районах страны, и этой последней поездкой я также обязана в первую очередь проф. Д. Цэвэгмиду.

Прежде чем рассказать подробно о собирательской работе, об условиях полевой работы среди тувинцев Цэнгэла, необходимо сказать несколько слов о тувинской группе, от которой получены тексты предлагаемого издания.

Кроме Советского Союза тувинцы живут в Монгольской и Китайской народных республиках, большая часть их — на Алтае. Между местом их расселения и территорией Тувинской АССР расположена полоса земли, населенная монголами — потомками различных монгольских родов, издавна живших на этой территории. Тувинцы, живущие на Алтае, появляются в научной литературе под различными названиями: урянхайцы, алтайские урянхайцы, кокчулутуны, мончаки, сойоны, мончак-урянхайцы, кобдинские урянхайцы, кобдинские тувинцы, алтайские тувинцы, чему есть свои причины (о них речь пойдет ниже), но множество названий привело к путанице и неточностям. Поэтому необходимо кратко остановиться на причине этих различий в терминологии.

Самоназвание всех тувинцев Цэнгэла и вообще Алтая — *дыва* (об этом сообщает уже Г. Н. Потанин), в то время как тувинцы Советского Союза называют себя *тыва* — от этого этнонима произведено понятие «тувинцы», и он получил международную известность как название территориального района — Тува. Алтайские дыва делят себя по территориальному признаку на «тувинцев алтайского направления» (*алдай джюктюнг дывазы*), живущих южнее Алтайского хребта, на территории, принадлежащей Китайской Народной Республике [пров. А-Шань с центром А-эртai (= Алтай)], и на «тувинцев хомдуского направления» [*Хомду джюктюнг дывазы*; Хомду — это тувинское название реки Ховд (Кобдо)], живущих севернее Алтайского хребта, в верховьях р. Хомду, на монгольской территории. Тувинцев из Тувинской АССР они называют «тангды-тувинцами» (*тангды дывалар*), т. е. «те, кто живет около гор Танну-Ола». Очевидно, на основе былой принадлежности к разным племенам тувинцы сомона Цэнгэл делятся на самых среди них распространенных гёк-монджаков («голубые монджаки», «голубые шнуры» или «голубые ленты») и сойанов, которые, в свою очередь, делятся на ак-сойанов («белые сойаны») и хара-сойанов («черные сойаны»). В сомоне Цэнгэл все эти группы говорят по-тувински с известными диалектальными различиями и небольшим преобладанием монголизмов в словарном запасе хара-сойанов. Эти самоназвания лежат в основе некоторых встречающихся в литературе названий — «сойан» и «мончак», и еще «кокчулутун», что восходит к монгольскому переводу *хох чулуутан* тувинского гёк *монджак*, означающему «те, что с голубыми камнями», что предположительно можно отнести к прикрепленным на их головных уборах шнурам из бирюзовых бус. Как это ни удивительно, более общий этноним — «дыва» еще не встречается в ранних сообщениях.

В путевых записках и в научной литературе все тувинцы, в том числе и южно-сибирские, встречаются сначала под названием «урянхай», данным им их монголь-

скими соседями. Так, Г. Н. Потанин, первым сообщивший о тувинцах на Алтае³, называет их урянхайцами, и в соответствии с этим первое монографическое исследование тувинского языка, которым мы обязаны хакасскому ученому Н. Ф. Катанову, содержащее много больше, чем просто языковой материал, в том числе и сказки, называется «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» (Казань, 1903). Но урянхайцами называли не только тюркоязычные, но и монголоязычные группы. В своих «Очерках Северо-Западной Монголии» (вып. 2, с. 1—46) Потанин рассматривает по отдельности тюркоязычные и монголоязычные народы Северо-Западной Монголии и называет урянхайцев и в той и в другой группе. Возможно, Потанин сознательно избегал понятий «тюркоплеменной» и «монголоплеменной», так как это подняло бы сложные вопросы, для решения которых тогда, а отчасти еще и теперь не хватает материала, ведь в былое время какие-то небольшие группы часто отделялись от крупных единств, присоединялись к другим, а иногда, конечно, и смешивались с ними. Язык же, на котором говорили в определенное время, напротив, всегда был ясным дифференцирующим признаком.

Иные замечания Потанина особенно интересны для решения проблемы этнической принадлежности. Например, о причисляемых сегодня обычно к монгольским народам мянгатах он говорит, что «мингиты считают себя частью народа тангну-урянхай», т. е. частью тувинцев, живущих севернее Танну-Ола. А о монголоязычных урянхайцах у него говорится, что они — «те монгольские колена, которые, по видимому, еще недавно принадлежали к урянхайскому народу и говорят теперь по-монгольски» (с. 7). В сознании тувинцев собо́на Цэнгэл представление о первоначальном тюркоязычии урянхайцев, говорящих сегодня по-монгольски, было живо и через сотню лет, когда я в конце 60-х годов вела среди них мои полевые исследования. Они четко отличают себя, тюркоязычных дыва, от монголоязычных урянхайцев, живущих дальше на восток и юго-восток от них, по ту сторону Цэнгэл-Хайрханского хребта, но считают урянхайцев родственной им этнической группой, сохранившей с ними много общего в культуре и прежде всего в нравах и обычаях; их шаманы до последнего времени, по крайней мере до середины нашего столетия, камлали на тувинском языке; то же сообщил Потанин о монголизированных в языковом отношении уже в его время дархатах (Потанин Г. Н. Очерки. Вып. 4, с. 22). По всей вероятности, именно на этом первоначальном языковом, культурном и, конечно, этническом единстве и основано употребляемое монголами и для тюркоязычных и для монголоязычных групп общее название — «урянхайцы». А все это не исключает того, что среди монголоязычных урянхайцев находятся и некоторые монгольские по происхождению группы населения⁴.

Во время своего путешествия 1876—1877 гг. Потанин затронул лишь крайний юго-восток района, расположенного в самом западном выступе сегодняшней МНР, где давно уже живут тувинцы, говорящие только на тувинском языке (глагол *дывалаар*), а именно район Цэнгэла в верхнем течении р. Ховд, между горами Цэнгэл-Хайрхан (3943 м над уровнем моря) и Таван Богд (4356 м). Понятие «кокчулутун» (то же, что по-тувински *гёк монджак*) употреблялось, очевидно, Потаниным в основном для обозначения всех тувинцев, живущих по верхнему течению р. Ховд (Потанин Г. Н. Очерки. Вып. 2, с. 7 и сл.).

Сойанов (у Потанина — сойоны) этого района он упоминает только однажды (на с. 10): «Кроме того, на Ак-Коле (имеется в виду Ак-Хем, монг. Цагаан-Гол. — Э. Т.) помещают поколение сойон, которое делится на две кости: сары-сойон и кара-тёшь». Объяснение простое: он не объездил этот чисто тюркоязычный район, а, наверное, встретился в районе Даян-нуур только с представителями гёк-монджак, а

пастбища которых (особенно летние стоянки) и до сегодняшнего дня находятся в этом районе и на север от него, у р. Харааты (или Хараангыты). Потанин подчеркивает, что своими глазами видел мало «уряныхайцев»: «Мне не удалось много видеть этот народ» (*Потанин Г. Н. Очерки. Вып. 2, с. 7*). И еще в 1926 г. Г. Е. Грум-Гржимайло пишет о «кокчулутунах»: «В этнографическом отношении они по-прежнему нам почти неизвестны»⁵.

Лишь много позже название «уряныхайцы» было и в научной литературе последовательно заменено в соответствии с их самоназванием на «тувинцы».

Л. П. Потапов, который ввиду недостаточного еще тогда материала («...в нашем распоряжении мало данных») лишь бегло касается тувинцев на Алтае в своей книге «Очерки народного быта тувинцев» (с. 78), называет их всех алтайскими тувинцами (в прежней терминологии — алтайские уряныхайцы). Этим названием он объединяет, правда, группы, говорящие и на монгольском языке, и на языке тувинском, исходя, таким образом, из их общего происхождения. Но это название не относится у него к тем уряныхайцам монгольского происхождения, которых на монгольском языке при более тонкой терминологической дифференциации называют — отличая их от *алтай урианхай* (алтайских уряныхайцев) — *урианхан* или *халх урианхай*⁶.

Тувинский ученый Д. А. Монгуш справедливо указывает на то, что при выпадении этих атрибутивных компонентов *халх* и *алтай* — а это происходит, очевидно, довольно часто — расширяется значение понятия «уряныхай», что очень затрудняет проникновение в ситуацию (*Монгуш Д. А. О языке тувинцев, с. 130*).

Исследованная мной группа тувинцев, давшая мне этнографический материал и большую часть моего фольклорного материала, относится к тувинцам Алтая, алтайским тувинцам; я называю ее, как и сами они теперь, тувинцами сомона Цэнгэл (кратко: цэнгэлские тувинцы). Такое название этнически характеризует их как тувинцев и вместе с тем дает возможность точной локализации в замкнутом районе, окруженном со всех сторон горными хребтами с царящей над ним горой Цэнгэл-Хайрхан, давшей название одноименному сомону (суму) и существовавшей еще до него примерно в тех же пределах территориально-административной единице. К тувинцам сомона Цэнгэл относится наиболее многочисленная группа гёк-монджаксов, а кроме того, группы ак-сойанов и хара-сойанов, в конце 60-х годов насчитывающие всего 2400 человек. Название «кобдинские тувинцы»⁷ (у Потанина — кобдинские уряныхайцы), охватывающее всех тувинцев, живущих в Монголии севернее Алтайского хребта, по всему течению р. Ховд, в аймаках Баян-Улэгэй и Кобдо, нельзя признать удачным для исследованной мною группы, так как пока имеется большое собрание этнографического материала только о тувинцах сомона Цэнгэл, а не о тувинцах аймака Кобдо. Это значит, что в нашем распоряжении нет надежных данных, которые помогли бы уже теперь установить, составляют ли все тувинские группы на западе Монголии этнографическое и языковое единство. По всей вероятности, тувинцы аймака Кобдо, живущие среди монголов, испытали гораздо большее влияние монгольского языка и, возможно, даже быта, чем тувинцы сомона Цэнгэл.

В предлагаемом издании большинство сказок принадлежит тувинцам сомона Цэнгэл и небольшая часть — тем тувинцам, которые родились в районе южнее Алтайского хребта, жили там и в разное время перебрались из КНР на территорию МНР, в Цэнгэл, последние из них — вследствие «культурной революции» в Китае. В их числе — два моих лучших исполнителя, Байынбурээд и Б. Устээн. По некоторым сообщениям, там живут в районах рек Ханас и Хава около 2000 тувинцев, сохранивших в определенной мере свою культуру. Постоянные контакты между тувинцами района Цэнгэла и тувинцами, живущими в КНР, несмотря на существующие уже государственные границы, сохранялись до середины нашего

века. Судя по текстам, между обеими группами почти нет никаких языковых различий.

Мне, правда, мало известно о нынешней ситуации. Но из-за этих постоянных контактов и общего языка не кажется уже удивительным, что сказки обеих групп отчетливо принадлежат одной и, по существу, единой традиции. Поэтому сказки нашего собрания можно рассматривать как общее достояние живущих на Алтае тувинцев. Даже в тех случаях, когда место фиксации находится вне Цэнгэла и даже вне Алтая, как, например, в Улэгэе — центре Баян-Улэгэйского аймака, в Улан-Баторе или Маркклееберге под Лейпцигом, а также в других аймаках МНР, где сегодня имеются более или менее крупные группы еще недавно живших в сомоне Цэнгэл тувинцев, информаторы неизменно родом с Алтая.

В конце 60-х годов в районе Цэнгэла тувинцы во всем сохраняли свою культуру. В какой-то мере монгольское и в незначительной степени казахское влияние отразилось прежде всего на материальной культуре. Хотя в Цэнгэле тувинцы живут в непосредственном контакте с казахским населением, браки между тувинцами и казахами пока встречаются редко; хватило бы пальцев одной руки, чтобы сосчитать их. В Цэнгэле живет несколько монголов, приехавших сюда вслед за женами или мужьями, поэтому здесь практически нет условий для смешанных браков этих двух этносов. Иное дело, когда молодые тувинцы отправляются получать образование в другие районы страны, часто они там и остаются. Но и там браки между тувинцами и монголами встречаются пока очень редко.

Языковое влияние сказывается прежде всего на словарном составе, в последнее время особенно на современной терминологии. Но все это остается в рамках того, что наблюдается сейчас во всем мире, так что о языковой монголизации не может быть и речи. Изменения, происшедшие за прошлое десятилетие в области культуры, ясно ощущавшиеся мной в 1982 г., не влияние другого этноса, а общее влияние современности в международном масштабе, ведущее к заметным изменениям жизненных условий: регулярными стали теперь контакты с центром аймака и всей страной, увеличился приток промышленных товаров, появились новые виды деятельности, обычным делом стало получать образование вне первоначальной территории, за пределами собственной общности, и тем самым начинается ломка традиционных социальных структур.

Иначе обстоит дело с тувинцами, покинувшими за последние 15 лет свои родные места на Алтае и поселившимися главным образом среди монголов Центральной и Северной Монголии; к ним относится почти половина тех, кого я застала в конце 60-х годов в Цэнгэле. Там, где они поселились небольшими группами в несколько семейств, или на окраинах городских селений монгольское влияние и вообще влияние современности чрезвычайно велико. Дети, увидевшие свет на новой родине, по словам информантов, уже не владеют тувинским как родным языком, так как даже в семьях говорят уже по-монгольски. Можно встретить полный отказ от традиционного образа жизни, т. е. многие живут оседло и занимаются нетрадиционными профессиями, и по сравнению с жизнью в юрте на пастбищах изменилось соответственно очень многое.

Даже и там, где переселенцы из Цэнгэла живут большими группами, по 50 и более юрт, в составе кооператива, работая скотоводами и доярками, как, например, в Заамаре (Центральный аймак) и Зуун-Бурэне (Селенгинский аймак), где мне случилось проводить полевые исследования осенью 1985 г., монгольское влияние явно ощущается в различных областях их традиционной культуры: ориентировка юрт на юг, отказ от легкой тувинской юрты из ивняка без опорных шестов, монгольские имена и т. п.

Причины отказа от традиционной утвари различны: климатические, — например, непригодны и губительны при высоких летних температурах их кожаные сосуды для приготовления и хранения жидких молочных продуктов; географические — характер местности позволяет перевозку тяжелых юрт монгольского типа; отчасти и субъективные причины — иные изменения основаны, как мне говорили тувинцы, на стремлении жить в новом окружении вместе с другими, а стало быть, так, как другие. Но тувинский язык в таких семьях и при межсемейном общении служит еще единственным средством коммуникации, — правда, словарь явно обогащен монголизмами. Родившиеся здесь дети говорят на тувинском языке, на праздниках поют старинные песни. Рассказывая о том, как хорошо они живут в новом окружении, они подчеркивают, что здесь даже с руководством кооператива они говорят по-тувински, в сомоне Цэнгэл как деловым языком нужно было обязательно пользоваться казахским. Так как тувинцы из Цэнгэла внесли в работу кооператива некоторые методы переработки молока, неизвестные монголам, и так как они, кроме того, считаются работающими и прилежными, они пользуются доброй славой и большим уважением в кооперативах новой родины среди своих монгольских соседей, их часто привлекают к руководству кооперативами, среди них много заслуженных работников и депутатов в масштабе аймака и даже страны.

Летом 1986 г. в одном из писем мне сообщили, что переселение из Цэнгэла прекратилось, что основная часть находящихся там к этому времени тувинцев останется в своем родном районе, где теперь будут, пожалуй, все условия для сохранения их языка и многих обычаев и устных преданий.

Сомон Цэнгэл расположен в Баян-Улэгэйском аймаке и занимает самый крайний западный кончик МНР. Природная среда — горная степь с разнообразной растительностью, холодными реками, высокими горными хребтами, иным летним утром покрытыми снегом, относительно коротким жарким летом с холодными ночами и долгой малоснежной зимой с температурой, падающей иногда до —50 градусов по Цельсию. В Цэнгэле есть горы высотой до 4000 м, как, например, особо почитаемая жителями Цэнгэла, покрытая вечным снегом Цэнгэл-Хайрхан (по-тувински Харлыг хааркан), или даже еще более высокие, почти на тысячу метров превосходящие саянские вершины. Район сомона Цэнгэл расположен по верхнему течению р. Кобдо и ее притокам — Ак-хем (монг. Цагаан-гол), Харааты, или Харангыты (монг. Харганын-гол), и Годан. Горы на границе с Китайской Народной Республикой покрыты густым лесом, в центральной же части сомона и к северу от него лесов гораздо меньше, и только в долине Кобдо прибрежные полосы вдоль реки покрыты лиственными и ивняком. Для природы юга сомона характерны два кобдоских озера, Хотон-нуур и Хоргон-нуур (тув. Годан-хёл и Хураан-хёл), и оз. Хар-нуур (тув. Хара-хёл).

Центр сомона одновременно является и центром кооператива «Алтайн оргил» («Вершины Алтая»). В конце 60-х годов четвертая из семи бригад кооператива состояла главным образом из строительных рабочих, сплавщиков и земледельцев — тувинцев и казахов. Шестую также составляли тувинцы (хара-сойаны) и казахи, но в две бригады входили только тувинцы: во вторую — гёк-монджаки и ак-сойаны, в седьмую — только гёк-монджаки. Обе эти бригады почти целиком скотоводческие, так как основным занятием тувинцев Цэнгэла по-прежнему остается скотоводство, которое требует здесь кочевого образа жизни, смены пастбищ в течение года. Но в глаза бросаются существенные перемены. Мы становимся свидетелями зарождения оседлости. Часть населения по характеру своей работы уже привязана к постоянному местожительству, к центру сомона (учителя, врачи и ветеринары, рабочие деревообрабатывающих артелей и артелей по обработке кожи, плотники, строители, служащие управления и других общественных учреждений). Но частично и те, кому

поручена работа в стадах, прежде всего доярки со своими семьями, на зимние месяцы возвращаются в центр сомона. Только за четыре года, с 1966 по 1969-й, мне привелось наблюдать значительное увеличение числа постоянных жилищ типа бревенчатых домов. Заметно выросло за это время и число общественных зданий, чаще всего построенных из глиняных кирпичей и покрытых штукатуркой⁸. К началу 80-х годов картина еще более изменилась: участки оседлых — ансамбль из юрты и бревенчатой избы, иногда и с хозяйственными пристройками — обнесены сегодня забором; кирпичных домов, в том числе трехэтажных, стало гораздо больше.

Вторым важным занятием тувинцев-мужчин является охота, так как колхоз взял на себя обязательство заготавливать ежегодно большое количество меховых шкурок. А ведь скотоводство и охота суть два традиционных компонента, составляющих жизненную основу рассматриваемой тувинской группы. Наряду с этими основными занятиями вплоть до начала нашего столетия понемногу — в соответствии с географическими и климатическими условиями — занимались и земледелием, что нашло отражение и в народной поэзии — в песнях и сказках. Одно время — возможно, под влиянием утверждавшегося на рубеже столетий ламаизма — от земледелия и вовсе отказались, но начиная с 50-х годов им стали снова заниматься. Сообщение Потанина о том, что «урянкайцы вовсе не занимаются хлебопашеством» (*Потанин Г. Н. Очерки. Вып. 2, с. 36*), относится не к тувинцам района Цэнгэла, а к живущим на юго-восток от них монголоязычным урянхайцам.

Не только материальная культура, но и нравы и обычаи, да и весь мир представлений, в различной степени нашедшие отражение в сказках алтайских тувинцев и в других жанрах их народного творчества, во многом соответствуют тому, что сохранилось у них до второй половины нашего столетия, когда глубокие изменения, начавшиеся в 20-х годах в МНР, стали ощущаться более явственно и в этом удаленном от центра районе. И сегодня еще тувинцы Цэнгэла в большинстве своем живут в решетчатых юртах, крытых войлоком, в этом легко транспортабельном жилище с деревянным остовом, который легко сложить и быстро установить на новом месте, что с точки зрения кочевого скотоводства, несомненно, является идеальным типом жилья. Правда, уже в давнее время существовали постоянные места, где селились в определенное время года, — зимние стоянки, чаще всего в горах, в защищенных местах; там стояли бревенчатые строения, и каменные или деревянные ограды давали приют в непогоду хотя бы мелкому скоту (овцам и козам).

По разбросанным в сказках упоминаниям юрты и составляющих ее частей можно легко составить себе представление о ее устройстве, которое мало в чем изменилось и до сегодняшнего дня. Верхушку юрты образует дымовой круг, в котором «девятикратно перекрещиваются» шесть жердей, — такая типичная конструкция описана в сказке о Хан Тёгюсвеке (№ 17). В этот круг вставлены жерди крыши, нижние концы которых прикрепляются к расходящимся ножницами верхушкам жердей решетчатых стен.

Этот остов покрыт большими кусками войлока, в сказках иногда «такими, что могли бы покрыть весь свет». Войлок, прикрывающий дымовое отверстие, служит защитой от дождя, сырости и ночных холодов и может откидываться днем и в хорошую погоду. В одной сказке жена героя с помощью волшебства заставляет непрошеного похотливого хана провести всю ночь, закрывая это отверстие.

Сегодня дверь деревянная, а прежде вход в юрту прикрывался войлочным матом, укрепленным на перекладине; часто в сказке мощь (или слабость) героя определяется тем, с какой силой он откидывает, входя в юрту, войлок.

Напротив двери в юрте расположено почетное место (*дёр*), где стоят большие, ярко расписанные или украшенные серебром сундуки, в которых хранятся одежда, меха и другие ценности. Там, «наверху», сидят обычно старшие члены семьи (в первую очередь мужчины) и самые почетные гости; в сказке там отводят обычно место богатырям. Справа от почетного места находится мужская половина. Здесь хранятся седла и сбруя, оружие и силки, а в непогоду здесь же располагаются только что родившиеся животные. На правой стороне, у самой двери, часто находится и сшитый из окуренной кожи мешок (*гэгээр*), в котором сквашивается ячье, овечье и козье молоко в напоминающий кумыс (приготавливаемый из молока кобылиц) хойт-пак, из которого изготавливается масло. Из хойтпака путем дистилляции перегоняют водку (*арагы*), остаток прессуют и измельчают, превращая его в сушеный творог (*ааршы*).

Слева от почетного места, ближе к двери, размещается посуда и пища, на жердях решетчатых стен юрты развешаны куски мяса. На этой стороне стоит и деревянная кровать (сегодня в каждой юрте две-три металлических кровати). Обращенная к центру юрты боковая стенка кровати, пестро расписанная, доходит чуть не до самого пола, так что под ней, как об этом часто говорится в сказках, легко можно вырыть яму и спрятать в ней человека. Эта сторона юрты считается женской.

В центре юрты, под дымовым отверстием, находится очаг. Когда-то он состоял, как и сегодня еще, когда размещаются под открытым небом, например во время охоты, из трех очаговых камней, в сказках под ними, покидая стоянку, оставляли известия о себе или пищу. Позже, вплоть до нашего столетия, над очагом стоял еще и железный таган, на его четырех подпорках помещался котел. Впоследствии были введены закрытые очаги, значительно уменьшившие опасность пожара, но и здесь, как и по всей Монголии, это наталкивалось на сопротивление многих стариков, не желавших запирать почитаемый тувинцами огонь очага «в темницу».

Отсюда видно, сколь непосредственно связаны с повседневной жизнью древние анимистические религиозные представления, согласно которым все существующее на свете является одушевленным и весь мир населен множеством добрых и еще бóльшим числом злых духов. Из этих представлений можно вывести и различные формы почитания таких местных божеств, как горы, реки и источники. Во многих сказках говорится о том, что герой скачет на «свою» большую гору, как делал это Чингисхан перед важными битвами, а в сказке «Шаралдай Мерген с конем в желтых яблоках» (№ 11) и ее вариантах эти духи-хранители активно вмешиваются в события. Об этой одушевленности, которой наделены все предметы и животные, свидетельствует и то, что иной раз герой закликает лошадь, аркан и стрелу, подув на них. И сегодня еще при игре в кости принято заклинять игральную кость, подув на нее⁹, чтобы она выпала желанным образом.

В обрядах, которые и ныне еще в ходу у тувинцев, многое объясняется этим мировоззрением, и иной обряд, ставший сегодня уже непонятным, становится понятен, если взглянуть на него с этой точки зрения. Анимизм лежит и в основе шаманистского мирозерцания, которое еще и в нашем столетии долго продолжало играть доминирующую роль в религиозных представлениях алтайских тувинцев. Различные местные духи-хозяева вовлекались шаманом в ритуалы при осуществлении им роли посредника между миром людей и миром духов.

К особо почитаемым местным духам-хозяевам принадлежит и хозяин того места, где ставится юрта (тув. *хонаш*), где к веревке, натянутой меж колышков, привязан молодняк, где находится коновязь, а в теплое время выполняется множество хозяйственных работ: забой скота и переработка продуктов животноводства, обработка мехов и кож, изготовление кожаных веревок, арканов и пут для стреноживания ло-

шадей, чистка и изготовление оружия, взбивание шерсти и производство войлока, ссучивание нитей и веревок из шерсти и из волос яка, изготовление нитей из жил, шитье одежды, которая раньше изготовлялась чаще всего из шкур, и многое другое; здесь же играют в кости дети, а старшие присаживаются поболтать.

Этому духу-хозяину Бай Хонашу каждое утро приносится жертва разбрызгиванием первого сваренного чая с молоком, равно как и огню очага, который, когда им не пользуются, старательно сохраняют, прикрыв пеплом. Если же по недосмотру огню давали погаснуть и таким образом отнимали у духа-хозяина его жилище, то это был грех, который обязательно навлекал несчастье, как это и происходит, например, в сказках «Бёген Сагаан Тоолай» и «Хевис Сююдюр» (№ 5, 7).

Наряду с войлочной юртой сказки называют и другие виды шатров — *хадгыыр* и *джадыр*, обычно крытые корой. Хадгыыр, напоминающий чум, представляет собой тип шатра, распространенного прежде всего у тувинцев зоны тайги, живущих охотой, а также и у многих других сибирских народов, который крыт вместо войлока (для его изготовления необходимо животноводство) корой березы или лиственницы.

Доказательства того, что тувинцам Цэнгэла хадгыыр был тоже известен, можно найти не только в их сказках (например, № 12, 39 и др.) или воспоминаниях стариков, но и в обычае, согласно которому молодые люди, прежде чем поселиться в юрте, должны были определенный срок прожить вместе в хадгыыре. В сказках хадгыыр и джадыр, удлинённый тип шатра с коньком, служат жилищем бедняков или чудовища женского пола — джелбеге, причем иногда говорится и о том, что ее жилище находится под землей. При этом приходят на ум землянки с выстроенным над ними деревянным помостом, которые были обнаружены в результате археологических раскопок в районе, относящемся ныне к Монголии.

И сегодня еще мужчины, уезжающие летом на охоту, отсутствуют много дней, иногда даже недель — срок, вполне достаточный для того, чтобы оставшиеся дома женщины, как они это обещают в сказке «Хан с двенадцатью женами» (№ 21, версия сказки о царе Салтане), имели достаточно времени, чтобы сшить одежду и шапочки.

При описании охоты в сказке можно найти некоторые архаические моменты, например коллективную охоту, когда кого-то, чаще всего младшего или слабейшего, оставляют на стоянке заботиться об очаге и еде, но за это его наделяют равной со всеми долей охотничьей добычи (ср. сказки № 19 и 20). Этот обычай и сегодня еще существует в сомоне Цэнгэл, и я сама наблюдала его однажды в действии несколько дней, когда вместе с другими участвовала в охоте на сурков.

После долгого отсутствия мужчины возвращаются, их седельные ремешки еле стягивают шкурки и убитую дичь — такая сцена часто встречается в сказках, например в № 10, — и лошади иногда так нагружены, что сам охотник едва помещается в седле.

В сказках праздничные состязания — борьба, стрельба из лука (в том числе стрельба по ремням) и скачки — играют большую роль, чем каждодневные дела. Часто им отводится главное место в повествовании, они обеспечивают движение сюжета, особенно в богатырских сказках. Такие игры распространены и очень популярны у всех центральноазиатских — в широком смысле — народов, их можно увидеть и сегодня в МНР во время национального праздника наадама, и не только в столице, где состязаются лучшие в стране, но и в центрах всех аймаков и сомонов. В сказках такие состязания связаны обычно со сватовством.

В некоторых сказках можно найти отражение старинного обычая: при сватовстве отец молодого человека передавал родителям избранной невесты подарки; обычно это происходило, особенно в малоимущих семьях, за много лет до свадьбы, часто еще тогда, когда будущие супруги были детьми. Прообразом шкатулочки, которая во

многих сказках (например, № 2, 24) избирается героем в качестве награды за спасение ребенка чудесного существа и помогает ему впоследствии обрести красивую жену, богатую юрту и многочисленные стада, является, несомненно, шкатулка, которую дарили в семье каждой дочери; в ней хранились ее пуповина и несколько украшений, и туда же мать девушки укладывала подаренный сватом *хадак* — длинный шалеподобный шелковый платок — в знак того, что сватовство принято.

Мы знаем, что и у тувинцев существовало представление, согласно которому через изображение человека, его волосы (ср. сказки типа АТ 465 и нашу № 26) и его имя можно повлиять и воздействовать на их носителя, на чем основан целый ряд табу. Этим можно, очевидно, объяснить и значение такой шкатулки, которая первоначально считалась, возможно, чем-то вроде вместилища души девушки, овладение ею означало и обретение девушки. В некоторых районах подарки при сватовстве принимала мать, и это указывает на то, что ей принадлежало решающее слово. Особенно ясно это из сказок, где мнение отца и матери о новом зяте и отношение к нему резко расходятся, как, например, в № 19 и 20. В обеих этих сказках, по всей видимости, сохранилось воспоминание о матриликальном браке, существование которого у древних тувинцев допускает Л. П. Потапов: после свадьбы жених переселяется к жене. Это нашло отражение в сохранившемся до недавнего времени обычае: юрту со всем ее содержимым невеста получала в качестве приданого от своих родителей и родственников. Стало быть, и после возникновения патрилокального брака (невеста переселяется к жениху), что также нашло отражение в большинстве сказок, содержащих этот сюжет, отдельные старые обычаи сохранялись и после ликвидации тех институтов, которыми они были сначала порождены.

Для тувинцев дети — самое ценное из того, что у них есть, и в сказке в соответствии с этим тоже всегда подчеркивается, что ребенок — это лучшее, что может пожелать себе человек, и нет ничего необычного в том, чтобы усыновить ребенка, даже если это лисенок или лягушка (№ 20, 47), ибо бездетность и одиночество — большое несчастье в старости (см. № 14, 21) даже по экономическим причинам, так как еще и до сегодняшнего дня само собой разумеется, что родители в старости живут у одного из своих детей, который содержит их и заботится о них, а ему помогают и все другие братья и сестры.

Этому соответствует и отношение к детям, которое показалось примечательным и Менхен-Хельфену, путешествовавшему по Туве в конце 20-х годов (*Mänchen-Helfen O. Reise*, с. 80), и на меня оно тоже произвело большое впечатление. Почти за шесть месяцев, которые я прожила среди тувинцев в их юртах, принимая участие в их жизни, я ни разу не видела, чтобы ударили ребенка. Существует множество защитных обрядов и табу, чтобы уберечь ребенка от всего злого. Очень важен при этом выбор имени: имя может заключать в себе пожелание или предзнаменование для его носителя. Это тоже находит отражение в сказках, в которых часто много места отведено описанию обстоятельств, связанных с наречением имени (ср., например, № 12, 13), ибо герой, как таковой, может начать действовать только после того, как будет наречен именем.

Внешне жизнь тувинцев в Цэнгэле и сегодня еще намного суровее, чем наша, и многое из того, что для нас является уже безусловным, им еще незнакомо. Именно поэтому помимо твердо установленных календарных праздников, чаще всего связанных со скотоводством, они пользуются любым событием в жизни человека или общины, чтобы устроить празднество. И многие сказки, в которых происходят благоприятные события, заканчиваются праздником с обилием еды и питья.

Останавливаясь на отдельных примерах, я старалась показать, что в сказках, как и в других формах народной поэзии, мы находим отражение типичного быта,

нравов и обычаев, и в первую очередь религиозных представлений. В них содержится информация не только об известном, но порой о давно уже забытом, но иногда они помогают понять явления, которые еще можно наблюдать, однако уже трудно объяснить. Стало быть, сказки — это не только драгоценные свидетельства древней культуры, мышления и художественного восприятия алтайских тувинцев и их предков; наряду с курганами, обелисками, каменными бабами и наскальными рисунками, сохранившимися на территории сомона Цэнгэл, они являются источниками исторических исследований, и ценность их особенно велика, так как тувинцы не имели в прошлом письменности¹⁰.

Исследование истории тувинцев началось довольно поздно по сравнению с изучением истории других народов Азии, а систематическое изучение их литературы, которая до установления в Туве Советской власти (а у тувинцев МНР, по существу, и до сегодняшнего дня) ограничивалась лишь устной традицией народной поэзии, началось только в первой половине нашего столетия. А эти исследования чрезвычайно важны, так как, кроме древнетюркских надписей на камнях (известны как «Енисейские надписи») и письменных сообщений чужеземцев (монголов, китайцев и др.), у тувинцев не существует никаких своих письменных источников, так что сегодня перед археологами, этнографами, фольклористами и историками стоит общая задача — помочь исследованию исторического прошлого тувинского народа.

Тувинцы Советского Союза только в 1930 г. при активном участии советских ученых, и прежде всего А. А. Пальмбаха, получили собственную письменность (базирувавшуюся на латинском алфавите, а с 1940 г. — на кириллице), и это явилось исходной точкой развития в Туве современной литературы и науки и открыло самому тувинскому народу возможность овладения культурным наследием, его творческого применения и развития.

Изучение тувинского фольклора велось сначала на основе материала из Южной Сибири, так как образцы устного фольклора тувинцев Алтая впервые были записаны лишь в 1966 г. Но хотя систематическое исследование тувинской народной литературы началось относительно поздно, собирание и научные занятия тувинским фольклором предпринимались еще в прошлом веке, когда основатель русской тюркологии В. В. Радлов в 1861 г. записал в Кара Холе (ныне район Бай-Тайги) четыре песни и две сказки («Пагай Чюрю» и «Кюджюттюм Модун»), которые были опубликованы в Петербурге в 1866 г. в первой части его десяти томного издания «Образцов народной литературы тюркских племен» (с. 424 и 429).

Через 15 лет после него русский ученый и путешественник-исследователь Г. Н. Потанин проследовал его маршрутом в Северо-Западную Монголию через район поселения тувинцев и записал там около 25 сказок и несколько космогонических легенд и сказаний. Среди его материалов есть краткие редакции нескольких известнейших героических эпических поэм, как, например: «Танаа-Херел», «Эртинэ-Мерген» и «Кангывай-Мерген», а также варианты некоторых весьма распространенных сегодня волшебных и бытовых сказок, таких, как: «Богатый Боралдай», «Тюммендей с тысячью рыже-золотых лошадей» (варианты № 22, 23), «Оскюс-оол» (ср. первую часть № 2 и № 24). Его записки в качестве этнографического материала были изданы вместе с другими материалами его путешествий в Санкт-Петербурге под названием «Очерки северо-западной Монголии» (вып. 2 — 1881 г. и вып. 4 — 1883 г.).

Через десятилетие в Туву приехал Н. Ф. Катанов. Сам представитель соседнего с тувинцами южносибирского народа хакасов, он считается одним из отцов современной, богатой традициями советской тюркологии и вместе с тем первым настоящим исследователем Тувы. «Как известно, до Н. Ф. Катанова, — пишет тувинский

ученый Д. С. Куулар, — в ориенталистике о тувинцах говорили лишь как о неизученном и загадочном этнографическом памятнике»¹¹.

Подобно тому как Радлов использовал свой этнографический материал и в языковом отношении для своего основополагающего «Опыта словаря тюркских наречий», интересы Катанова и его труды тоже были ориентированы на исследование языка, этнографии и фольклора тувинцев. Среди 1410 произведений различных жанров тувинского фольклора, переведенных Катановым на русский язык и опубликованных в IX томе уже упоминавшегося компендиума Радлова, есть 12 волшебных и бытовых сказок (среди них варианты наших сказок № 22, 23, 31, 39, 62), две грубоватые сказки-анекдоты и пять этиологических сказок (похожих на наши сказки о тарбагане — № 50, 51), — правда, в очень кратком изложении, одним-двумя предложениями, просто указывающем на наличие таких сказок. Большая часть этих сказок была уже опубликована в 1903 г. в Казани самим Катановым в его «Опыте исследования урянхайского языка», первом обширном труде о тувинцах, в библиографическом указателе которого среди прочих работ содержится 84 публикации с данными о тувинцах.

Еще одним сборником тувинских сказок мы обязаны сосланному в Сибирь революционеру Ф. Я. Кону¹², который участвовал в 1902—1903 гг. в одной из научных экспедиций в район «Урянха», т. е. в Туву, организованной Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества. Он опубликовал восемь из собранных им сказок (среди них варианты сказок № 8, 9, 10 — сказка о молодце Хайтыкаре и № 11 — сказка про царя Черни), а четыре остались еще в рукописи. Я получила возможность познакомиться с его сказками лишь после составления комментариев.

Первые записи тувинских сказок носят почти сплошь конспективный характер, частично — как у Потанина и Кона — они имеются лишь в русском переводе, а не на языке оригинала. По этой причине, как пишет о записях сказок сам Потанин, они представляют интерес главным образом для этнографа и исследователя мифологии — как свидетельства древнего миропонимания, для фольклориста же их интерес будет лишь относительным, ибо ему важны художественные особенности, которые, конечно, теряются при таком методе записывания. Но и они дают по крайней мере доказательства существования и характера сюжетов, из которых что-то могло бы пропасть в быстротекущем процессе формирования из племен народностей, сопровождающемся отмиранием того или иного диалекта, если бы мы стали ждать, пока найдутся лингвисты, знающие все эти диалекты и языки, способные сделать аутентичные записи¹³: (А сам Потанин собрал сказки всех населявших алтайский район народностей — и тюркских и монгольских.) Нечего и говорить о том, сколь справедлива была такая точка зрения.

И действительно, сопоставление записей Радлова, Потанина и Катанова с записями, сделанными через сто лет, свидетельствует о живучести традиционной народной поэзии в этой части Центральной Азии.

Вновь образцы тувинской народной литературы начали собирать и публиковать лишь после долгого перерыва. Уже в 1921 г., когда была основана Тувинская Народная Республика, в принципе были созданы благоприятные условия для интенсивного занятия фольклором тувинцев, но продолжение собирательской и публикаторской деятельности тормозилось из-за отсутствия национальной письменности, которая была создана лишь в 1930 г. Только тогда получила реальную почву и широкий размах интенсивная собирательская работа, проводимая прежде всего национальными кадрами. Систематическое собирание, издание и исследование устного народного творчества с самого начала направлялось Тувинской революционно-народной партией (ТРНП), которая сознательно использовала добрые традиции культуры тувинского

народа в борьбе с пережитками феодализма и призвала к использованию резервов, тающихся в народной поэзии. Формировавшееся в то время первое поколение тувинских писателей принимало активное участие в собирательской деятельности и нашло в тувинском фольклоре немало важных импульсов для своей творческой работы.

В самой Туве первое издание тувинских *тоол* (сказок, сказаний), содержащее две бытовые сказки и два героических сказания, вышло в 1938 г. Через год в сборнике тувинских поэтов было опубликовано еще одно героическое сказание, а в 1941 г. вышло самое обширное из тувинских героических сказаний в журнале «Заря революции» («Револустунг херели»), органе Комитета по делам культуры при Совете Министров Тувинской Народной Республики, в первом номере которого была опубликована статья со ссылкой на резолюцию X съезда ТРНР, где не только говорилось о смысле и значении сохранения всех произведений и жанров литературы, которая до сих пор существовала лишь в устной традиции, но и были даны конкретные указания и руководство к собирательской деятельности. А так как национальная письменная литература тогда еще отсутствовала, первые публикации тувинского фольклора вместе с переводами с русского языка стали первыми образцами художественной литературы на тувинском языке. Может быть, это и явилось одной из причин глубокой народности современной тувинской литературы, тесной связи ее создателей с народом.

В 1944 г. начался новый этап в исследовании культуры Тувы. Теперь гораздо больше молодых тувинцев получало образование в вузах и университетах Советского Союза. Наблюдался заметный подъем работы научно-исследовательских учреждений в области языка, истории, археологии и этнографии, литературы и фольклора. Организационным центром научной работы по собиранию и публикации тувинского фольклора стал основанный в 1945 г. Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). Сотрудники сектора литературы и фольклора выезжали на полевые исследования, разыскивали сказителей и записывали их репертуар. Кроме того, этот сектор организовал актив собирателей из местной интеллигенции и учащихся и стал практиковать магнитофонную запись.

С 1947 г. институт в Кызыле издал — почти с равными промежутками — одиннадцать выпусков сказок и героических сказаний (*тыва тоолдар*) на тувинском и четыре — на русском языке, в том числе три выпуска записей из репертуара очень известных тогда рассказчиков (О. Ч. Чанчы-хоо, 1895—1962; О. Н. Мангнай, 1892—1968; Т. Х. Баазангай). Кроме того, в 1979 г. вышло издание «Кангывай Мерген» для детей и в 1983 г. — героический эпос (*маадырлыг тоол*) «Бора шокар аът-тыг Боролдай» сказителя Х. С. Монгуша, запись О. К.-Ч. Дарыма¹⁴. В рукописном фонде сектора литературы и фольклора ТНИИЯЛИ хранится сегодня обширный материал по всем жанрам народного творчества, из сказок — намного больше того, что уже опубликовано. Исследование этого материала советскими учеными, прежде всего тувинскими, дополняет данные этнографических и археологических исследований, китайские и монгольские письменные источники и труды европейских путешественников и восточных авторов и будет способствовать написанию истории тувинского народа.

Наряду с несколькими научными статьями и исследованием Л. В. Гребнева о героическом эпосе тувинцев было разработано первое монографическое исследование о тувинской сказке — диссертация И. А. Вчерашней.

В настоящее время фольклористы Тувинской АССР работают над задачей, которую они поставили перед собой к 40-летию создания тувинского шрифта и 25-летию основания ТНИИЯЛИ: над совершенствованием научно-методической и организаци-

онной основы собрания традиционного и послереволюционного фольклора, над систематическим изданием сборников фольклора и над завершением монографического описания всех жанров тувинского фольклора, их поэтики, социального содержания и соотношения с художественной литературой.

Но пока упомянутые сборники и исследования не охватили сказочного репертуара и вообще фольклора алтайских тувинцев. Поэтому значительный научный интерес имеют записи и публикации фольклора, еще бытующего у тувинцев сомона Цэнгэл в МНР. Это и было главной целью моих полевых исследований, первого этапа на пути к выполнению этой задачи. И то, что среди моих информаторов были тувинцы, живущие по ту сторону Алтайского хребта, что от них были записаны образцы устного народного творчества и этой группы и сборник, таким образом, может представить сказки алтайских тувинцев в целом, создает более прочную основу для рассмотрения их на фоне сказок тувинцев Южной Сибири.

Вскоре после начала собирательской работы мне стало ясно, что тот фольклор, который бытовал еще здесь в народе, не только будет интересен исследователю, но и принесет радость всем тем, кто испытывает живой интерес к жизни, мышлению и чувствам других народов.

Результатом моей в общей сложности почти шестимесячной полевой работы¹⁵ кроме этнографического материала, часть которого уже обнародована в ряде статей, были записи 120 песен (*ыр*), 17 шаманских заклинаний, 50 благословений (*алгыш*) и восхвалений (*мактаар*), около 800 пословиц (*джечен сёс*) и загадок (*дывызык*) и 90 сказок (*тоол*), историй (*тёёкю*) и мифов (*домак*).

Первыми из этого материала были опубликованы тексты трех этиологических мифов о тарбагане с переводом в исследовательской статье. Затем единым изданием были опубликованы песни, собранные во время первых экспедиций в 1966—1969 гг. с исследованием о текстах, мелодии, функции совместного пения и т. п. и комментарием к отдельным песням. Сначала в 1977 г. я опубликовала 26 сказок и один зачин сказки в немецком переводе. Хотя это издание и предназначено для детей, тексты не подвергались искажающей обработке и могут быть использованы с научной целью. Лишь в нескольких случаях было чуть смягчено грубое или неприличное выражение. Через год, в 1978 г., вышел еще один сборник тувинских народных сказок в международной серии «Сказки народов мира» издательства Akademie-Verlag в Берлине (*Taube E. Tuwinische Volksmärchen*). Он явился первым и пока единственным отдельным изданием тувинских сказок на немецком языке и вообще первым сборником, в котором представлены вместе сказки тувинцев Южной Сибири и алтайских тувинцев с подробным фольклористическим комментарием.

В этот сборник вошло 38 сказок тувинцев, живущих в Тувинской АССР, которые были уже опубликованы раньше на тувинском или русском языке, и вместе с «Хвалой Алтаю», с которой многие рассказчики начинают свое исполнение, еще 33 сказки и предания алтайских тувинцев, собранные мною (восемь из них совпадают с изданием 1977 г.). Различным аспектам сказочной традиции был посвящен за это время ряд статей, а в связи с переводом всего фольклорного материала на немецкий язык были разработаны принципы полного глоссария к ним, так как имеющихся тувинско-русских словарей оказалось недостаточно для работы с фольклорными текстами этого диалекта.

Предлагаемый сборник включает в себя все сказки алтайских тувинцев, уже изданные на немецком языке, а также и еще не публиковавшиеся сказки. Таким образом, это самое полное на сегодняшний день издание сказочного фонда данной тувинской группы, вобравшее в себя большую часть моей коллекции. Не включены в него лишь часть вариантов и некоторые тексты из материала 1985 г.

Несколько слов о том, как и в каких условиях велись до сих пор полевые работы и как был собран этот фонд сказок.

Самые первые тексты моей коллекции тувинского фольклора — три варианта сказки о тарабагане и легенда о Манджын Богде (№ 67), как это ни странно, были записаны не на Алтае, а еще в 1965 г. в нашем доме в Маржклеберге, предместье Лейпцига, на магнитофонную пленку, сразу после того, как выяснилось, что Чинагийн Галсан — тувинец по рождению. Полевые исследования начались через год, в середине июля 1966 г. После перелета из Улан-Батора через Кобдо в Улэгэй мы продолжили нашу поездку отсюда на ГАЗ-69. Нас было трое: кроме меня прикрепленный в помощь мне молодой романист из Монгольского государственного университета Ц. Сухбаатар и Чинагийн Галсан, тот самый студент-германист, ставший за это время другом нашей семьи. Он ехал на каникулы домой, в Цэнгэл, и сопровождал меня в это первое лето, а также в трех моих следующих поездках. Мы поехали не прямо в сомон Цэнгэл, а сначала через Цагаан-нуур к оз. Адаг-нуур, где в это время стояли юрты родителей Галсана и семьи его старшей сестры.

Мы пробыли там три дня, и я вела в это время этнографические записи и имела полную возможность познакомиться с особенностями жизни в юрте, что было нетрудно. Существенным для моей работы оказалось то, что мы встретили там тувинского учителя, назвавшего нам ряд лиц, которые могли пригодиться нам как сказители и информанты. 27 июля 1966 г. мы добрались до Цэнгэла и сначала остановились на три дня в доме для приезжающих, пока родители Галсана не прибыли со своей юртой в Цэнгэл, где их средний сын жил со своей семьей примерно в четырех километрах от центра, на другом берегу р. Ховд. По моей просьбе мы перебрались из дома для приезжающих в этот аил, который красиво раскинулся в 150—200 м от реки, на плоской равнине с разбросанными по ней редкими отдельными тополями, старыми лиственницами и ивняком. Он и стал нашим приютом на ближайшие два месяца. 28 июля мы начали работу. Приданный в помощь мне Ц. Сухбаатар, не знавший тувинского языка, занимался прежде всего организационной работой: его обязанностью было обеспечивать нам электрический ток, от которого мы еще зависели в 1966 г., когда мне приходилось работать с неудобным и непрактичным в этих условиях магнитофоном марки «Смарагд», так как другого у меня не было. Ц. Сухбаатар доставал верховую лошадь для приезда к нам в центр того или иного сказителя, он хлопотал в таких случаях об освобождении сказителя от работы, организовывал покупку нескольких овец из отары кооператива, чтобы мы могли вносить свою лепту в каждодневные трапезы. Галсан взял на себя необходимые записи текстов (преимущественно песен, пословиц и загадок).

Трудно переоценить помощь, которую оказал в моих полевых исследованиях и особенно в контактах с исполнителями Галсан, пожертвовавший для этого своими летними студенческими каникулами. Отец Галсана, Шыныкбай, был одним из самых почитаемых стариков этой тувинской группы. И то, что я жила в его юрте и чувствовала себя там в известной мере членом семьи, а его сын сопровождал меня, открывало мне — даже при и без того безграничном гостеприимстве тувинцев — не только все двери, но и сердца людей.

Для многих я была не столько «доктором из далекой страны», сколько «девушкой из аила Шыныкбая», т. е. своей. Так было и во всех последующих поездках, когда я приезжала к ним уже как старая знакомая: в 1967 и в 1982 гг., когда я в отпускное время продолжала мою собирательскую деятельность за собственный счет, и в 1969 г., когда я снова приехала в командировку в МНР и Галсан официально был придан мне в помощь из университета, и в 1985 г., когда я без Галсана, но зато впервые имея постоянно в своем распоряжении джип, приехала к двум группам пе-

перселившихся тувинцев и могла теперь навестить тех, которые во время моих первых экспедиций еще были детьми, в их собственных юртах. Всегда и везде я встречала сердечный прием.

На второе лето в некоторых юртах меня угощали не только традиционной едой, но и рыбными и овощными консервами, которые месяцами хранили для этой цели, и не только моя «матушка Балсын», которая приняла меня как дочь, но и некоторые другие женщины пекли для меня в казанах на очаге хлеб наподобие лепешек, так как хотели угостить чем-то привычным для меня. Случалось, что кто-нибудь клал мне горстку лесных ягод на тетрадку, когда я, сидя за юртой, вносила в нее дополнения к моим записям, или маленькие мальчики приносили, нанизав на ивовый прут, пойманных ими в р. Хомду рыб — и все потому, что распространился слух, что у нас в далеком «Германе» едят иначе: гораздо меньше, чем здесь, мяса, зато много овощей. Когда я приехала в Цэнгэл в 1969 г., в нашу юрту пришел старик, от которого раньше я записала множество загадок и пословиц. Поздоровавшись со мной так, как полагается старикам, и «поцеловав» меня, он сказал со слезами: «Ах, дитя мое! Мне уже семьдесят лет, и не думал уж я, что еще тебя увижу!» Для моих тувинских друзей было большой радостью, что я, вернувшись через тринадцать лет, привезла с собой сына, и тут оказалось, что есть уже несколько детей, носящих мое имя. Уже в 1966 г. именем «Эрика» называли мальчика, родившегося в наше отсутствие. И когда я через несколько дней после нашего возвращения намекнула на то, что мое имя — женское и мальчика лучше бы назвать Эрик или Эрих, его бабушка, давшая ему имя, сказала, что безразлично, какое оно — мужское или женское, «главное, чтобы у него было твое имя». В 1985 г. я встретила еще одного старика, который напомнил своей жене: «Это та самая желтая девчушка из аила Шыныкбая, которая приходила тогда в нашу юрту». Во время всех моих приездов, кроме 1985 г., я жила с тувинцами в их юртах, выполняла многие неизбежные ежедневные работы, не страшась непривычного, деля с ними их быт, их радости и трудности. Таким образом я искала и нашла непосредственную близость с местными жителями, и тувинцы Цэнгэла приняли меня. И можно ли было желать лучших предпосылок для работы?

В 1966 г. мы начали искать непосредственный контакт с двадцатью указанными нам сказителями. За время нашего пребывания в Цэнгэле число их возросло до двадцати семи, но вследствие нашей зависимости от электрического тока мы сосредоточились сначала только на тех, кто жил в то лето в центре Цэнгэла или в непосредственной близости от него. Обычно мы ехали верхом к юрте рассказчика или туда, где он в то время находился, прихватив с собой обычные подарки — сладости из ГДР для детей, кое-какие полезные мелочи для взрослых, нюхательный табак для стариков, — чтобы познакомиться, намекнуть о цели нашего прибытия и только потом наконец высказать нашу просьбу.

Мы делали себе заметки об их репертуаре и старались побудить их исполнить что-нибудь из него и по возможности договориться о времени встречи. В мои последующие приезды, когда со мной был магнитофон с питанием от батареек, мы уже ~~могли вести записи сразу на месте, что, конечно, было намного благоприятнее.~~

Такие посещения юрт были более или менее продолжительными, редко они укладывались в один-два часа, чаще же продолжались и полдня, и даже дольше. После обязательного чая с молоком, без которого никто еще не покидал юрту, и поданного к нему сушеного творога, боорсака (тесто, обжаренное в кипящем жире), ломтей подсушенных сливок и сладостей, часто варили еще и мясо (пару раз наш визит стоил жизни барану) и подавали арагы (молочная водка). Только после общих бесед о том о сем мы излагали свою просьбу. И тут выяснялось, что лишь немногие испол-

нители были сразу же готовы рассказать что-либо. Самой распространенной реакцией было: *Билвес мен, уруум* — «Я ничего не знаю, дитя мое!» А некоторые говорили: «Ну что мы, бедные тувинцы, можем рассказать!» — и разговор опять уходил в сторону, пока мы не возвращались снова к нашей теме. И это могло повторяться не раз и не два, пока намеченный нами исполнитель не говорил, что когда-то он слышал что-то и может нам это рассказать. В случае удачи он усаживался, откашлялся и говорил: *Джэээ — амды бир тоол аайтын бээр мен* — «Ну ладно, сейчас я расскажу вам сказку...»

Одновременно с налаживанием прямых контактов мы просили известить о наших намерениях некоторых рассказчиков, живших далеко, и с разрешения руководства кооператива стали приглашать по одному в центр тех, кто жил в десятках километров от него.

В первый год нашего пребывания в Цэнгэле сама возможность магнитофонной записи зависела от взаимодействия множества совершенно разных лиц. Кроме нас обязательно должны были присутствовать: сторож кооператива, распорядившийся ключом от клуба, «красного уголка», в котором можно было включить магнитофон в электрическую сеть; ответственный за электростанцию, обеспечивавший на время записи производство электрического тока; служащий почты и телеграфа, где мы оставляли тяжелый магнитофон, чтобы не возить его на лошади десять километров до центра и обратно, и, наконец, сказитель.

Часто один из них отсутствовал в назначенное время, два раза случилось так, что сказитель вообще не явился, а уехал на длительную охоту, но это ведь были исключения. Как бы то ни было, а мне пришлось для начала привыкнуть к тому, что представления о времени в Центральной Европе и Цэнгэле сильно отличаются и здесь еще не наступила диктатура часовой стрелки. Собственно говоря, в этом и состояла единственная трудность. Был даже такой момент, когда я стала сомневаться в успехе моего предприятия. Но потом я отбросила иные представления, возникшие за письменным столом, приспособилась к реальной ситуации и согласовывала с ней свои задачи. К счастью, я вовремя поняла, что работать иначе было бы невозможно, и тогда я вновь обрела необходимые мне спокойствие и внутреннее равновесие.

Были, конечно, и другие трудности. Дважды выходил из строя магнитофон. Ц. Сухбаатару удалось починить его на радиостанции в Улэгэе, но всякий раз — от одного почтового автобуса до другого — это обходилось в несколько дней. На это время останавливалась наша работа со сказителями, и не всегда была возможность договориться о новом сроке. Например, сплавщик Джаб именно в эти дни приезжал на один день в кооперативный центр, возвращаясь вверх по реке к кобдоским озерам, а на следующее утро вместе с другими сплавщиками он ускакал дальше; другой должен был после назначенного времени отправляться со своей бригадой на сенокос. Один сказитель заболел. Погонщика верблюдов Хойтювека отозвали срочно к табуну, когда он успел рассказать только первую часть «Эргил-оола» (№ 2, вариант № 3), а когда летом 1969 г. мы поехали верхом к его аилу, чтобы записать сказку до конца, на р. Годан было такое наводнение, что мы не рискнули переехать через нее на наших лошадях. Мы видели юрты на том берегу и перекликались, приветствуя друг друга, но этому варианту Эргил-оола суждено было остаться фрагментом, ибо, когда после тринадцатилетнего перерыва, вызванного непреодолимыми для меня бюрократическими барьерами, я наконец опять попала в сомон Цэнгэл, М. Хойтювека уже не было в живых; он умер за три недели до моего приезда.

Но, несмотря на подобное вмешательство не зависящих от нас сил и другие объективные трудности, в основном работа протекала гладко, и я с благодарностью могу признать, что не только все, хоть как-то участвовавшие в этой работе, но и руково-

данные кадры администрации кооператива и сомона оказывали мне всяческую поддержку: предоставляли в мое распоряжение джип или лошадей или освобождали сказителей на время записи от работы.

Наша работа в 1966 г. стала общественным событием в центре Цэнгэла и его кооператива. Уже утром, когда мы только еще ожидали открытия «красного уголка», к нам подходил то один, то другой житель сомона, чтобы завязать разговор или просто, как это было прежде всего с детьми, поглядеть на нас. Каждый, у кого было дело в сомоне, заходил в течение дня — кто надолго, кто на короткое время — в наше помещение или просто прижимался лицом к окошку. Недалеко от нас как раз строился новый, большой клуб, и работавшие на строительстве мужчины, женщины и молодежь приходили к нам в перерыв и были нашими постоянными гостями. Некоторые дети стояли иногда часами и слушали. Их всех интересовали не только сказки, которые тут можно было услышать в столь неурочное время — летом и среди дня, но и наш магнитофон, который чудесным образом удерживал и передавал человеческий голос, и наверняка уж и совсем непохожая на них женщина — ведь я была первой европейкой, приехавшей в Цэнгэл.

Сначала многим все равно было непонятно, для чего кто-то из далекого «Германа» проделал к ним долгий путь, чтобы записать то, что рассказывают друг другу тувинцы и чего нет даже в книгах. Сначала это чуть не стало даже нашей главной трудностью. Стереотип *билвес мен* («я ничего не знаю») прежде всего объяснялся тем, что люди, к которым я обращалась, были твердо убеждены в моем интересе лишь к сказкам из книжек, т. е. к монгольским сказкам (все тувинцы в Цэнгэле говорят и по-монгольски: молодые, уже посещавшие школу, — довольно хорошо, некоторые старики, никогда не покидавшие родной алтайской области, — чуть-чуть). То, что передавалось только изустно, они вовсе не считали столь важным, чтобы это могло заинтересовать меня. Может быть, известную роль сыграло здесь то обстоятельство, что по причине их малочисленности и рассредоточенности тувинцы в МНР не считаются национальным меньшинством, как казахи, поэтому тувинские дети не имели возможности учиться на своем родном языке. Им приходилось выбирать казахскую или монгольскую школу, причем в основном предпочтение отдавалось последней.

Нам удалось постепенно развеять это сомнение в ценности для других их собственного народного творчества, и в этом отношении в следующие приезды нам уже было намного легче. Первоначальная сдержанность со временем отступила и сменилась куда большей готовностью рассказать нам то, что еще сохранилось. Позже были даже такие случаи, когда кое-кто сам приходил к нам и предлагал что-нибудь рассказать. Так было, например, со столяром Джоксумом. В 1982 г. в юрте брата Ч. Галсана, где я жила во время этого приезда со своим сыном Яшей, появились два старика и спросили, где «ящичек» — имелся в виду кассетный магнитофон, они хотели спеть мне кое-что. Увы, в этот день у меня поднялась температура, и сын самостоятельно отправился в отдаленный аил к одному сказителю, прихватив с собой, конечно, магнитофон. Оба старика были очень разочарованы тем, что я записала их тексты только от руки и что им не удалось после записи услышать свои голоса из «ящичка», — они проделали на своих лошадях долгий путь через горы, и им необходимо было возвратиться в тот же день.

На второй год, в 1967 г., учитель П. Дживаа дал мне переписать тетрадку с пословицами и загадками, из которых я заимствовала около 150 неизвестных мне единиц.

Летом 1969 г. нам сказали, что многие старшеклассники завели тетрадки-песенники, и мы нашли в таких тетрадках еще не записанные нами тексты. Один из учителей дал домашнее задание каждому ученику записать по тувинской сказке (конеч-

но, на монгольском языке); результатами этого опыта были, правда, лишь краткие варианты уже имевшихся сюжетов. Все эти свидетельства собственной инициативы тувинского населения не только принесли пользу моему собранию, но и доставляли мне огромную радость.

В два моих последних приезда, в 1982 и 1985 гг., к тому благоприятному обстоятельству, что я уже побывала раньше в большинстве айлов и юрт, добавился и еще один момент, быстро рассеявший последние следы сдержанности: я привезла с собой фотографии, сделанные в прошлые приезды, и некоторые свои иллюстрированные публикации. Все сгрудилось вокруг них, и прежде всего женщины, которые вообще-то в беседах вели себя сначала довольно сдержанно. «Смотри-ка, желтый Дююр!»; «А тут старшая сестра Балсын!»; «А это кто же?»; «Гупан, добрый наш!»; «Пха!» — так и жужжало все вокруг. Иногда мне даже удавалось помочь в идентификации той или иной личности, особенно на фотографиях детей, которые тем временем давно уже стали взрослыми. Тогда раздавались слова признания: «Пха, она знает наших лучше, чем мы сами!» И сразу же завязывался разговор. Сейчас это было особенно важно, так как я приезжала на относительно короткое время и сокращение вводного церемониала оставляло мне больше времени на опросы и записи. И те, кто «что-то знает», быстрее и охотнее делились своими знаниями.

Уже в первый год нашей работы в живом интересе к ней местного населения открылась еще одна особо важная сторона: постоянное присутствие при наших записях в «красном уголке» семи-восемью лиц заменяло исполнителям публику, большинству из них необходимую. Кроме того, оно смягчало непривычную для исполнителя очень скучную по сравнению с вечерним сидением в юрте атмосферу маленькой комнатки клуба. Комната была светлая, уставленная мебелью, немыслимой в юрте. Исполнитель сидел на стуле, что было ему крайне непривычно, и поэтому, конечно, неудобно, перед аппаратом, которого он никогда раньше не видел, в технике которого ему чудилось что-то неладное и таинственное. И, несмотря на постоянное движение — приход и уход публики, было, несомненно, много положительного в том, что таким образом сказитель был все время окружен знакомыми. Во все последующие годы ситуация во время записывания или полностью, или частично — если это происходило днем, то хотя бы в пространственном отношении — соответствовала привычному для сказителей ритуалу исполнения фольклора. Кто хоть раз наблюдал настроение при свободном рассказывании в юрте, тот поймет, что записывание сказок в нетипичных обстоятельствах вроде тех, в которых это происходило в первое лето в Цэнгэле, лишь скудное, вынужденное решение и в некоторых случаях может даже отрицательно повлиять на результат, так как вся обстановка и настроение рассказчика очень важны для самого процесса рассказывания и определяют, насколько удастся рассказ. Правда, в 1966 г. мы и в таких условиях записывали Байынбурээда, одного из известнейших рассказчиков Цэнгэла, и эти записи — из лучших в моем собрании.

Обычно же сказки рассказывают в юрте по вечерам, особенно в длинные зимние вечера. В очаге горит огонь, в котле кипятится молоко вечерней дойки или варится мясо. Сидя вокруг очага, едят и пьют. Одна-единственная свеча освещает лица, и помещение кажется еще меньше, чем оно есть на самом деле. И только когда все насытятся, отставят в сторону блюдо для мяса, а пиалы с арагы по крайней мере один раз обойдут круг, рассказчик произнесет свое многозначительное: *Джэээ — амды...* — «Ну, вот...» Все смолкает. Может быть, какая-то женщина скажет еще что-нибудь ребенку, понизив голос. Все напряженно прислушиваются. Рассказчик сидит на почетном месте в типичной для мужчин позе — скрестив под собой ноги или выставив правую ногу и положив на колено правую ладонь. Стар-

шие дети сидят на кроватях или лежат на животах, оперев подбородки о ладони. Младшие сидят на коленях матери или бабушки, прижимаясь к ним. Старшие мужчины тоже сидят на почетном месте, прислонясь спинами к деревянным сундукам или передним спинкам кроватей. Снаружи слышны еще шаги, кто-то входит, здоровается почти беззвучно, садится. Быстро передают друг другу, что будет рассказываться.

Сказки рассказывают, а старики часто и напевают их, особенно богатырские и волшебные. Рассказчик чуть раскачивает из стороны в сторону верхнюю часть тела или сильно подрагивает плечами, производя движения, напоминающие танцевальный стиль, характерный в Западной Монголии. Одни сильно замуривают глаза, и создается впечатление, что они полностью погрузились в мир своих героев. Другие наблюдают за реакцией своих слушателей и сопровождают свое исполнение поясняющими жестами или время от времени вставляют объяснение от себя. Кто-то очень собран и серьезен, только в комичных местах прозвучит иногда легкий смех. Некоторые рассказывают очень живо и сами от души веселятся, изображая забавные сцены — когда, например, герой в конце скачек хочет остановить свою лошадь, но делает это неправильно, и поэтому она продолжает тащить его за собой. От их темперамента зависит и то, как они попивают арагы. Например, Байынбурээд, когда он в 1967 г. рассказывал в юрте, почти ничего не пил. Д. Дагва, напротив, под конец был почти пьян. И позже, при письменной фиксации его текстов с магнитофонной ленты, обнаружилось, что он в конце сказки перепутал имена. Рассказчик он довольно живой. Он стал исполнять нам сказку «Хевис Сююдюр» однажды после обеда, когда кроме нас присутствовали только женщины и дети из двух наших юрт. Не прошло и десяти минут после начала рассказа, как он прервал его, сказав: «Дети, я ведь не бесчувственный какой, мне нужны слушатели!» Тогда кто-то поскакал в соседний аил и вернулся с несколькими мужчинами. Этот эпизод показывает, на кого ориентирует рассказчик свое повествование — явно не на часть сообщества и отнюдь не на детей, а на всех членов общества в целом и даже прежде всего на взрослых. Этот пример показывает и то, что отчетливо прослеживается всегда: исполнение фольклора не просто что-то вроде развлечения для уже присутствующих, а более серьезное событие, которое притягивает к себе людей из ближнего окружения и даже издалека.

Во время исполнения слушатели не соблюдают полной тишины. Они достают себе из тарелок лепешки, сушеный творог и сахар, хозяйка время от времени наполняет пиалы, из рук в руки передается фляжечка с нюхательным табаком. Слушатели живо реагируют на описываемые события. Раздаются восклицания, выражающие сожаление и сочувствие, когда герой начинает отставать, радость и удовлетворение, когда он все-таки оказывается победителем, смех и легкие насмешки, когда он ведет себя глупо и неловко, и слова отвращения и презрения в адрес злонамеренного хана или коварных братьев. Слушатели сопереживают, они радуются и страдают вместе со своими героями. И всегда испытывают облегчение, когда счастливым образом преодолены все препятствия. В известной мере они переносят события сказки на свою собственную жизненную сферу. И это является доказательством того, насколько они, хоть и бессознательно, идентифицируют себя с образами сказок. Когда герой побеждает мангыса, обязательно говорится: «Ну и задал же он ему!» Когда братья Бёген Сагаан Тоолая (№ 5) готовят гибель своему младшему брату, мать Галсана взволнованно воскликнула: «Как только представлю себе, что мой Гагаа мог бы так дурно обойтись с моим Джурук-уваа! О мой богатый Алтай!» Иногда кто-нибудь вмешивается, считая, что какой-то эпизод рассказан неверно, какая-то картина не так изображена, неправильно названо имя. В одном случае этим и кончается, в дру-

гом — вспыхивает спор со ссылками на других рассказчиков: «Тогда, в моем детстве, такой-то рассказывал именно так».

Во время моих поездок число лиц, о которых мне говорили, что они могут что-то рассказать, и лиц, от которых я уже кое-что записала, возросло до 52, не считая тех, от кого я записала песни, загадки, пословицы и шаманские заклинания. С семьей из них нам так и не удалось встретиться. Сомон Цэнгэл с севера на юг тянется примерно на 240 км. Наибольшее расстояние в направлении с востока на запад — около 120 км. Не все айлы достижимы на моторном транспорте. Мы ездили на джипе и на грузовиках, даже на грузовиках, полных дров, но чаще всего на лошадах. И когда с первого раза мы не заставали в далеком айле исполнителя, уехавшего на несколько дней, нам не всегда удавалось поехать туда еще раз.

В ноябре 1985 г. сильные снегопады положили конец дальнейшим поездкам в горы. Кое-какие встречи не дали положительного результата, в 37 случаях нам что-нибудь рассказали. (К ним следует добавить еще Джучаша, четырех с половиной лет от роду, старшего сына учителя Баатыра, который рассказал нам две крохотные сказки, когда мы в 1967 г. были в гостях в юрте его родителей. Чувствовалось, что у него что-то на уме, и наконец его мать сказала, что и он хочет рассказать что-нибудь «своей старшей сестре Рийке», т. е. Эрике. Я дала ему микрофон, и он начал рассказывать прерывающимся от волнения голосом. Никогда мне не забыть, как потом, широко открыв огромные сияющие глаза, он слушал собственный голос и все спрашивал, пригодится ли мне то, что он рассказал.)

37 моих исполнителей (среди них 9 женщин), из которых кое-кто уже в пенсионном возрасте, можно классифицировать следующим образом: 15 пастухов (один из них, бывший шаман, занимался еще и кузнечным делом), 3 столяра, 6 доярок, 2 мастера молокозавода, 1 сплавщик, 1 полевая сторожиха, 1 охотник (бывший лама), 1 учитель, 1 студент, 3 ученика, 1 старик (когда-то был один из самых богатых людей Цэнгэла), 2 «домашние хозяйки». Следует также заметить, что деятельность тувинских женщин и сегодня еще скорее можно сравнить с работой альпийских пастушек, чем с тем, что мы понимаем обычно под понятием «домашняя хозяйка», а все названные мужчины хотя бы частично или время от времени занимаются работами, типичными для скотоводов-кочевников, и охотой.

Дифференциация исполнителей по возрасту тоже очень показательна: до 20 лет (кроме маленького Джучаша) — 3; 30—40 лет — 3; 40—50 лет — 6; 50—60 лет — 8; 60—70 лет — 7; свыше 70—7. В Тувинской АССР положение очень сходное: возраст 96 информантов фольклорной экспедиции лета 1967 г. был от 40 до 86 лет¹⁶. В районе Монгун-Тайги, расположенном на юго-западе Тувинской АССР, отделенном от остальной территории Тувы труднопроходимыми горными хребтами, напротив, есть хорошие знатоки фольклора и в младшем поколении и даже дети дошкольного возраста пробуют свои силы в речитативно-напевном исполнении его¹⁷.

Состав моих исполнителей показывает, сколь важны были регулярные поездки, для того чтобы успеть сохранить то, что еще можно было зафиксировать и что теперь уже потеряно, так как многих из обнаруженных нами сказителей сегодня уже нет в живых. Всякая задержка, отодвигавшая следующую поездку за эти тринадцать лет — с 1969 по 1982 г., означала невозвратимую потерю.

Только семь из моих рассказчиков первых трех лет какое-то время жили вне сомона Цэнгэл и перемещались по Монголии. Двое — родом из области, которая находится по ту сторону монгольской границы, на территории КНР. Один из них, Байынбурээд, переселился сюда еще в 1927 г. из местности Сундарыг вследствие военных столкновений между казахами и китайцами. Б. Устээн, напротив, оставил КНР позже, спасаясь от «культурной революции».

Никто из них не является профессиональным сказителем, т. е. зарабатывающим на жизнь исполнением фольклора. По словам местных жителей, таких среди тувинцев Цэнгэла никогда и не было. И все же они, конечно, отличаются друг от друга различным поведением при исполнении сказок и художественным качеством исполнения. Иные из их числа рассказывают нам то, что когда-то слышали и сохранили в памяти, они стараются передать как можно добросовестнее содержание, так, будто беседуют с вами о каком-то событии. Вне семейного круга они вообще не рассказывают, да и нам рассказали что-то только потому, что мы их об этом попросили.

Есть и другие, которые рассказывают более часто и уже славятся как знатоки сказок, и исполнение их отличается от упомянутого выше тем, что они употребляют при исполнении стилистические средства, например общие места или аллитерационный стих. По способу выражения и его зрелости они немногим отличаются от известных сказителей. Так, в сказках столяра Джоксума (№ 9 и вар. к № 5, 8 и 10), который, по собственному признанию, всегда в дни новогоднего праздника рассказывает сказки жителям своего айла, очень хороши образные выражения, но в фабуле его сказок есть пробелы и слабые места, — возможно, дело в возрасте рассказчика. Варианты таких исполнителей обычно короче, чем варианты широко известных сказителей (*тоолучу*), которые и сами себя в отличие от предыдущих осознают сказителями, хотя и они из присущей им от природы скромности, как, например, Байын-бурээд или Б. Семби, не сразу обнаруживают свои таланты. Что же касается способа изложения и передачи текста, они считаются знатоками. Их тексты, главным образом волшебные и богатырские сказки, относительно длинны, как правило, они их напевают, и время исполнения определяется тем, приходится ли оно на длинные зимние или более короткие летние вечера. В большинстве случаев традиция перенята тоже от известного рассказчика, нередко от отца, от которого сказка была воспринята давно, еще в детстве. Но и другие исполнители часто могли указать, от кого именно они усвоили рассказанную нам сказку.

Большой опыт и натренированность в рассказывании сказок, а также индивидуальный талант проявляются в уверенном владении сюжетом и традиционными художественными средствами. Рассказчик не привязан строго к какому-то определенному тексту¹⁸. Но он придерживается твердых правил и законов. Интересно сообщение А. К. Калзана о его наблюдениях в самом близком к сомону Цэнгэл районе Тувинской АССР — Монгун-Тайге, где молодые рассказчики, особенно дети знатоков сказок, по возможности избегают исполнять что-либо в присутствии родителей, но не потому, что это им запрещено, а из-за требования рассказывать правильно и без искажений¹⁹. Мне приходилось и у пожилых людей наблюдать последствия того же требования ничего не исказить при рассказывании сказок. Например, дважды запись не могла состояться, так как в первый раз сказитель не мог точно вспомнить имени героя, а во второй — исполнительница забыла кличку его коня (ср.: *Taube E. Zur ursprünglich magischen Funktion*). Опустить имя было явно нельзя, в то время как сокращение сюжета — скажем, по причинам отсутствия времени — оказывалось вполне возможным.

Сюжет и постоянный запас формул и стихов являются в известной мере тем материалом, из которого рассказчик, используя свои знания о строении и характере сказки вообще (как, например, трюичность, гиперболы, нарастание действия или качеств) при всяком новом исполнении именно этой своей сказки, а не какой-либо другой, вновь создает ее в соответствии с данными условиями и обстоятельствами. Я, правда, убеждена, что хороший рассказчик, если он расстроен, вообще не расскажет ничего; и все-таки следует сказать, что физическое и психическое состояние и внешние обстоятельства, как, например, отведенное исполнителю время или ограни-

чение его, спокойствие или помехи во время рассказа, состав публики и степень ее внимания, являются решающими факторами того, каким будет художественный результат.

Из разговоров после исполнения сказок следовало, что какой-то слушатель уже слышал эту сказку один или несколько раз от того же исполнителя, который в прошлый раз выпустил тот или иной мотив или целый эпизод, а иногда и сам исполнитель высказывался в таком роде, и эта вариативность каждой сказки — даже в репертуаре одного сказителя — и есть в конце концов одна из причин того, что отдельные, особенно любимые сказки имеют множество вариантов.

Первое время я стремилась записать как можно больше различных сказок, чтобы получить представление о циркуляции сказочных сюжетов в среде тувинцев, и поэтому сначала я отказалась от записывания вариантов уже имевшихся у нас сказок. Позже мы записывали и варианты самых распространенных сказок, например пять вариантов «Бёген Сагаан Тоолая» (№ 5, 6), по четыре — «Паавылдай Баатыра с конем леопардовой масти» (№ 8—10) и «Хитрого лисенка» (№ 47—49), по два — «Мальчика с тысячью буланных лошадей» (№ 22, 23) и «Юноши с собакой, кошкой и рыбой» (№ 24, 25). В 1982 и 1985 гг. к уже имеющимся в собрании сказкам добавились еще и новые варианты.

В настоящий сборник включены и некоторые из вариантов излюбленных сюжетов, чтобы дать представление о характере вариантности и сохранить хоть какое-то соответствие реальному составу устной традиции.

После того как материал был просмотрен и приведен в порядок, мне показалось, что было бы особенно интересно сделать несколько записей одной сказки от одного и того же сказителя через определенные промежутки времени. Это позволило бы понять многое в бытовании сказки вообще. Но, к сожалению, мне не дано было реализовать это намерение; как я уже писала выше, после тринадцатилетнего перерыва я уже не застала в живых лучших моих сказителей.

В наших алтайско-тувинских сказках текст в большинстве случаев основан на магнитофонной записи. Но, конечно, случалось и так, что мы слышали чье-нибудь исполнение там, где не было возможности использовать магнитофон, работавший от электрической сети, или там, где мы, не рассчитывая на «улов», не имели его при себе. Так случилось, например, в 1966 г. в центре аймака Улзгэй, куда мы поехали только для того, чтобы купить книги. В юрте родственников Галсана нам встретила женщина по имени А. Бааяа, которая на наш вопрос о сказках неожиданно ответила: «Грудь моя полна ими» — и сразу же начала рассказывать. В таких случаях мы просили рассказывать помедленнее, чтобы Галсан успел записывать вслед за исполнителем. Но это мешало свободному течению речи рассказчика, мы давали ему спокойно рассказать, записывая лишь опорные места, а после исполнения сказки Галсан записывал все и лишь в отдельных случаях — на следующий день, опираясь на заметки, сделанные во время рассказа и фиксировавшие имена, специальные понятия, удачные или оригинальные сюжетные повороты и выражения, образные сравнения, формулы и т. п., как на остов, красную нить развития действия. У сказок, записанных таким образом, названо в комментариях имя сказителя. С большим промежутком записаны были только № 19 и балладоподобная легенда «Балджын Хээр» (№ 77).

При расшифровке магнитофонных записей 1966 г. обнаружилось, что колебания в напряжении электрического тока, произведенного специально для нас, отразились на качестве звука, но только запись «Балджын Хээра» оказалась непригодной. Ч. Галсан записал этот текст, связав воспоминания об исполнении Байынбурээда с воспоминаниями своего детства, когда он не раз слышал эту историю. У меня было

много случаев убедиться, насколько близки Галсану традиции его народа. Но иногда в нем просыпался студент-германист, которому хотелось немножко приукрасить текст, когда рассказ казался ему слишком простым. И нелегко было убедить его в том, что тот хорош именно такой, каков он есть. От природы он наделен большими способностями рассказчика, которые, несомненно, были разбужены и активизированы его участием в собирательской работе, новой встречей с устными традициями его народа в столь концентрированной форме. (Примечательно, что Ч. Галсан в это же время начал писать рассказы, по большей части на немецком языке, и за это время вышло по сборнику его рассказов — на немецком и монгольском языках²⁰; по языку и стилю эти рассказы несут на себе явный отпечаток фольклора алтайских тувинцев.)

В текстах сказителя всегда переплетены друг с другом традиционное и индивидуальное. Индивидуальный, творческий элемент весьма силен в этой редакции «Балджын Хээра».

К полевой работе примыкало переписывание текстов с магнитофонной пленки, что Ч. Галсан взял в основном на себя, а в 1985 г. к нему присоединился и его племянник Гагаагийн Золбаяр (студент-монголист).

Сказочный репертуар алтайских тувинцев содержит все главные виды сказок, встречающихся в фольклоре самых разных народов: сказки о животных, волшебные, богатырские, бытовые, этиологические сказки, сказки о глупом чуде, анекдоты и сказки-легенды, кумулятивные сказки и небылицы. У различных народов количественное соотношение сказок разного вида не всегда одинаково. А в нашем конкретном случае можно наблюдать и четкую разницу в относительной частоте распространения отдельных видов сказок у тувинцев Тувинской АССР, как можно судить по опубликованному материалу, и у тувинцев Алтая.

И рассматривать эти группы сказок мы будем не в хронологической последовательности — от более древних по происхождению к более поздним, как это принято, а в соответствии с их значением в повествовательной традиции, как это выявилось на основе собранного материала и впечатлений, полученных в ходе полевых исследований, — начиная с малых форм, а затем переходя к неразрывно связанным друг с другом волшебным и богатырским сказкам.

Относительно слабо представлены сказки о животных, — может быть, и потому, что с ними еще не связано никаких дидактических целей (см. ниже). В них действуют животные, наделенные человеческими свойствами, отношения которых друг с другом построены по модели человеческого общества. Появляются в таких сказках и люди, но как фигуры второстепенные. Если в сказках о животных часто в аллегорической форме отражена социальная ситуация, то в тех немногих сказках о животных, которые удалось записать от алтайских тувинцев, социальному аспекту отведена, пожалуй, крайне незначительная роль. Хотя и в них присутствует тема борьбы слабых с сильными, но более существенной представляется мне мифологическая подоплека. Выбор животных довольно узок и соответствует природной и экономической среде. На стороне слабых, которые, однако, проявляют отвагу и находят выход из любого положения, маленький бычок-ячок, козленок, ягненок, птичка, тарбаган и особенно часто лисенок; сильных представляют волк, медведь, человек и старуха-джелбеге — мифологическое чудовище, особенно часто фигурирующее в волшебных и богатырских сказках.

Два животных выступают как бы центральными фигурами — лисенок и тарбаган. Лисенок, почти всегда наделенный в сказке этой уменьшительной формой имени (по-тувински *дилгижек*, *дилгижек-оол*), хитер и лукав и использует эти свои ка-

чества против превосходящих его силой зверей, человека или джелбеге (ср. ниже). Но иногда он оказывается и полезным человеку, и не только в сказках о животных, но и в варианте сказки «Кот в сапогах» (КНМ 214, АТ 545В), где он воздаст юноше за спасение своей жизни тем, что помогает ему жениться на красивой и богатой невесте (ср. русскую сказку «Козьма Скоробогатый»). Хитрости лисенка по отношению к волку, медведю и джелбеге, по нашему ощущению, обман и коварство, и все-таки лисенок не несет за это наказания, и на его стороне остаются симпатии рассказчика и слушателей. Сказки этого типа распространены и популярны во всей Средней Азии и до Ладака и Тибета, где, правда, у оседлых тибетских групп роль лисенка часто отводится зайцу. Это отличие в функции лисицы, например, в немецкой (да и в русской) сказке и во всем немецком языковом ареале, где слово «лисица» до сих пор имеет негативное значение как синоним злокозненной хитрости, объясняется разной экономической основой. Для оседлых крестьян лиса — вредитель, наносящий урон домашней птице и крольчатнику. А для кочевых скотоводов лиса — в отличие от волка и медведя — не представляет собой никакой опасности. Для охотников она не только дичь и по крайней мере полезный объект охоты, но — при их тесной связи с природой — еще как бы и достойный противник, хитрость которого они ценят, так как она бросает им вызов; во всяком случае, лиса — это ценный дар природы, и к ней относятся уважительно. Поэтому отношение к лисе у охотничьих народов и не может быть таким, как у оседлых крестьян.

Плутовские рассказы имеют тенденцию к образованию циклических структур. Таким образом, и отдельные эпизоды о хитрых проделках лисенка у алтайских тувинцев связываются друг с другом, образуя нечто вроде цикла. Совершенно то же встречаем мы в Ладаке, что доказывают записи миссионера из гернгутеров А. Х. Франке (1901 г.). А так как культура Ладака, как и культура алтайских тувинцев, во многом обнаруживает весьма архаичные черты, можно предположить, что здесь мы имеем дело с древними, автохтонными преданиями центральноазиатского ареала в более широком смысле, которые, может быть, указывают на то, что существовал животный эпос, складывавшийся вокруг образа лисы (см. ниже)²¹.

В то время как в сказках о животных из Тувы отчетливо прослеживаются социально-критические и явно сатирические черты и есть уже тенденция к басням о животных, в аналогичных тувинских сказках о животных с Алтая не найти ничего подобного. Здесь определяющую духовную основу составляют анимистические представления, которые были живы до недавнего времени и нашли свое отражение во множестве соблюдающихся еще и теперь табу и обычаев, большинство из которых связано с охотой.

В сказках о животных тувинцев Алтая оживает целый мир, в нем животные воспринимаются как создания, во всем равные людям, и человеческие представления ориентируют их жизнь на жизнь людей: звери живут в юртах, лисенок пасет коз, тарбаган принимает участие в состязаниях, архара волнует исход этих состязаний и т. п.; мы видим мир, в котором нет разделения живых существ. Распад этого единого мира и является, пожалуй, предметом сказок этиологического характера, группирующихся вокруг тарбагана; нам рассказали много их вариантов (ср. № 50—52). Тарбаган, стрелок, равный во всем человеку, терпит поражение в состязании, и это поражение можно истолковать как символ последовавшего за ним подчинения зверей человеку, ибо с этих пор будут сохнуть толстые губы тарбагана на седельных ремешках охотника, и еще один намек на охотничий обычай: рога архара будут сохнуть в горных ущельях. Теперь это уже мир человека и мир зверей, на которых можно охотиться, они перестали жить вместе и уже не находятся на одной и той же ступени.

К мифологическим временам возвращают нас и другие сказки этимологического характера, объясняющие отдельные природные явления или свойства животных. В них находит отражение исключительно тонкий дар наблюдательности и точное знание животного с его специфическими особенностями и привычками. Из мифологического мира и образ Сардакбана — разновидность культурного героя; предания о нем широко известны всем народам, живущим на Алтае. У меня нет сведений о том, какую роль играет Сардакбан в устной традиции тувинцев китайского района, но в представлениях тувинцев сомона Цэнгэл на территории Монголии он тесно связан со многими примечательными географическими точками этого района, и особенно с расположенными по течению р. Кобдо (Ховд), выше Верблюжьей Шеи (подробнее об этом см. в коммент. к № 61).

А короткие предания с исторической подоплекой — собственно, не сказки, а скорее легенды, группирующиеся вокруг фигур Амурсаны (по-тувински Амырсанаа, № 72), последнего ойротского князя, потерпевшего поражение в восстании против господства маньчжурской династии в Китае в 1757 г., Шапкана Прекрасного (Джаагай Шапкан, № 70) и Арвыйанга (№ 74), — переносят нас в относительно недавние времена.

Краткость этих рассказов и гомогенность традиции, на основе которой они возникают здесь в качестве отдельных рассказов без особых вариантов, могут создать впечатление, что они не играют большой роли в устном репертуаре. На деле же именно эти три имени встречаются в рассказах стариков настолько часто, что их нельзя не причислить к основному фонду устной традиции. Не только эти связанные с историей, но и основывающиеся на мифологии этимологические сюжеты рассматривались и отчасти продолжают еще рассматриваться тувинцами как подлинные события, что выражается и в том, что их часто определяют термином *тёёкю* — «история».

Так называемые бытовые сказки, которые в репертуаре из Тувинской АССР отражают феодально-патриархальный уклад старинной Тувы с отчетливыми признаками классовой дифференциации, вплоть до непримиримых классовых противоречий, и содержат более или менее сильно выраженные элементы социальной критики, в корпусе сказок алтайских тувинцев почти полностью отсутствуют. Они представлены лишь несколькими номерами, в которых есть только намек на классовые противоречия. В сказке «Хараат Хаан и Джечен Хаан» (№ 39) разногласия двух ханов составляют фон одного из вариантов сюжета о мудрой девушке. В сказке «Совет отца» (№ 40) преподносится в форме рассказа общеизвестный тезис об опытности стариков.

Как ни удивительно, но по этой причине отсутствуют и столь характерные для сказок из Тувы мотивы о бедном сироте, которому приходится наниматься на работу к богачу и подвергаться там всевозможным гонениям, мотивы жестокого в социальном отношении хана, шамана-обманщика, и нет даже таких сказочных формул, родившихся, несомненно, на социальной основе, как: «когда хан приказывает, простой человек должен идти». Иначе, чем в некоторых монгольских вариантах, выглядят и сказки, в которых хан или богач, считающий себя очень умным, посрамляется и выставляется на осмеяние намного превосходящей его своим умом девушки из простого народа, в тувинской же сказке с Алтая хан стремится найти такую мудрость в девушке, ибо она должна стать главным качеством его будущей снохи. И совершенно неважно, что мудрая девушка оказывается дочерью самого бедного из его подданных.

В репертуаре тувинских сказок большое место принадлежит волшебным сказкам. Они являются наиболее древними литературными свидетельствами и, возможно, уходят своими корнями во времена первобытной общности. По своей мировоз-

зрелческой основе и по сюжетному содержанию к ним очень близки богатырские сказки, в центре которых героические походы и приключения богатыря с целью завоевать невесту или восстановить нарушенный врагом порядок.

Так как богатырские сказки образуют в фольклоре тюркских и монгольских народов Центральной Азии весьма характерную группу с рядом известных особенностей, фольклористы обычно, игнорируя их общность с волшебными сказками, рассматривают их раздельно. Сами тувинцы их не различают. В этих сказках как бы отражена борьба человека с еще не познанными им природными силами, коренящимися в древних мифологических представлениях. Человек и зверь живут в отношениях равноправного партнерства, помогают друг другу, вступают в связь. А так как не существует фантазии, независимой от реального мира, фантастические образы тувинской сказки, будучи производными от силы человеческого воображения, все-таки как-то связаны с реальным миром. В соответствии с тем, что в древних тувинских народных верованиях, основанных на шаманистских представлениях, мир наполнен множеством духов, прежде всего злых, и в тувинской сказке мы встречаем ряд злых по своей сути, враждебных человеку существ. Наряду с албысами, которые, очевидно, мыслятся как нечто вроде эльфов степи, мучащих человека и наносящих ему вред, чаще всего встречается шулмус, или шулбус; как правило, это существо женского пола, уродливое и часто одноглазое, но иногда оно принимает обличье красавицы и заманивает мужчин, обманывая их и ввергая в пучину несчастий. Оно связано с другими злыми духами, с которыми общается, приняв обличье серо-синего волка; с целью превращения оно обычно вываливается в золе, а опасаться ему должно (освященного) огня (ср. № 28, 35).

Еще одна часто встречающаяся в волшебных и богатырских сказках волшебная женская фигура — джелбеге, известная в Туве как чылбыга. В ней есть что-то общее с ведьмой немецких сказок, главная ее особенность в том, что она высасывает кровь человека и даже заглатывает его. Чаще всего ее жертвами становятся молодые женщины и дети. Живет она как человек, часто вместе с семьей своими детьми, в юрте, или джадыре, или в жилище, вырытом в земле. Ее внешние признаки — уродство: уши — такие длинные, что на одном она лежит, а другим прикрывается; груди — иногда такие длинные, что она может перебрасывать их через плечо. Она обманывает свои жертвы стереотипной формулой: «Когда я лежу, я не могу встать, когда я стою, я не могу лечь». Эту же формулу мы встречаем и в киргизских и в казахских сказках, где она вложена в уста Джалмауыз-Кемпир, или Джалмауыз-Калпыр. В древнейшие времена относит нас миф о сожравшей всё джелбеге; на помощь в борьбе с ней земные существа призывают тридцать три гурмусту (ср. № 60). Это пристрастие к проглатыванию всего подряд и поиски спасения на дне озера — два мифических мотива, сохранившиеся и в волшебных сказках (ср. № 22, 23). Первое письменное упоминание имени джелбеге имеется в «Диване» Махмуда Кашгарского (1072 г.), и там оно выглядит так: *yeti başlıŋ yel bökä*. В словаре этот термин переведен как «семиглавая демоническая змея». Можно предположить, что джелбеге тувинских сказок Алтая восходит к этой демонической фигуре, причем семь детей джелбеге выглядят трансформацией ее семи голов.

В отличие от джелбеге — сказочного образа, специфичного для тюркских народов, окружающих Алтай, и Средней Азии²², — две другие фигуры встречаются и в монгольском фольклоре: Эрлик (Хаан), называемый иногда Эрлик Номун Хаан (это монгольская калька титула «царь закона, владыка веры», относящегося к древнеиндийскому владыке царства мертвых — Яме), или Эрлик Ловун Хаан, и мангыс. Эрлик — властитель нижнего мира. К нему попадают души умерших. Он посылает за ними своих гонцов и судит их по прожитой ими жизни и совершенным ими делам,

тицательно взвешивая добро и зло. Теперь воздвигается за все: супруги, которые в мире людей спали, «не обратившись друг к другу», в царстве Эрлика непрерывно ищут и не находят друг друга; у того, кто при жизни скупился на еду своим братьям и сестрам, в котле теперь одна кость. Зато многодетным матерям оказываются все почести (ср. № 3). При допросе мертвых зеркало показывает Эрлику, правду ли они говорят или лгут. Но в сказках он чаще всего выступает не в этой своей первоначальной функции, а просто как враг людей. И тогда он в сказке уже не всеведущее божество, а может быть обманут человеком, как и все персонажи сказки, враждебные человеку, и как злые духи в древних верованиях. Вполне возможно, что в образе Эрлика, которого идентифицируют с вышеупомянутым Ямой древнеиндийской мифологии, в фольклоре алтайских тувинцев слились буддийские влияния и более древние представления саяно-алтайских народов о некоем персонаже потустороннего мира, партнере-противнике Творца и вообще доброго начала.

Мангыс тувинских волшебных и богатырских сказок — это некий великан, который в соответствии со своими размерами является обладателем необычайной силы и может заглатывать целые стада животных и группы людей. Он тоже, в сущности, живет как человек, берет в жены женщин и умеет все, чего можно ожидать от богатыря: скачет на охоту, борется и стреляет. Иногда у него много голов и вместо ногтей ножи или напильники, поэтому его трудно победить в бою, и удаётся это лишь тогда, когда противник уничтожит его жизненный дух (одну из его душ), который хранится где-то за пределами его тела. При изображении борьбы, даже если противник тоже человек, в сказке можно найти интересные отражения древних представлений, связанных с верой в существование души человека или даже двух — внутренней, которая остается у человека, и внешней, которая может покидать тело и странствовать. Иногда вместилище внешней души — птица, чаще — нож героя с желтой рукояткой, и я сама имела возможность наблюдать, что к ножу, который всегда при себе у каждого мужчины, отношение особое: в принципе его никогда никому не дают (например, когда едят мясо), в особенности женщине, а если уж и дают кому-нибудь, то это служит доказательством особого доверия и уважения.

По представлениям алтайских тувинцев, вообще нет постоянного, определенного места, которое было бы вместилищем души. Она может находиться в живом существе или вне его. Пока ее не уничтожишь, нельзя убить человека или чудовище, которому она принадлежит, это существо бессмертно. Если душа находится в человеке, она может покинуть тело в тот момент, когда человека убивают, но чтобы действовать как и прежде, ей необходимо вернуться в тело. Этим и объясняется то, что противника рубят на части, чтобы, так сказать, лишить душу ее вместилища; чтобы оживить вновь убитого, необходимо собрать и сложить все его кости, что является довольно распространенным мотивом сказок. Мотив превращения, принятия другого облика указывает, очевидно, еще и на представление о двух душах, бытующее, например, у монголов и китайцев.

Функция мангыса как мужского противника героя может переходить в сказке к враждебному хану, которого иногда называют Хараат Хааном или Харааты (Харагаты) Хааном — имя, выражающее нечто злое, что прямо и выражено в форме «Харагаты Хаан с черными (т. е. злыми) мыслями». В этом нашли отражение те изменения в человеческом мышлении, которые произошли в связи с изменением человеческого общества. Как результат прогресса в процессе познания, представления об отрицательных и положительных силах постепенно перемещаются от уровня магико-мифологического к уровню общественной реальности, а это развитие вызвало и возникновение бытовой сказки с ее социально-критическими мотивами, что по всем признакам еще не произошло у алтайских тувинцев.

Итак, сверхъестественные герои из персонификаций непознанных естественных сил или тех или иных воздействующих факторов становятся персонификациями познаваемых или уже познанных сил. Особенно отчетливо это видно там, где в вариантах сказок одинакового типа выступают в одной и той же функции в одной и той же сказке мангыс и хан; и это иногда особенно заметно при сравнении тувинских сказок Алтая и Тувинской АССР.

Хан в роли противника выступает в сказке еще и в другой функции, нежели та, где он, подобно мангысу, нападает на страну героя и уводит его людей, а именно в функции отца невесты, которой добивается герой. В этом случае он требует доказательств искусства в трех состязаниях — стрельбе из лука, борьбе и конских скачках, а кроме того, и выполнения трудных задач, основная цель которых — погубить героя и избавиться от нежеланного жениха. Так как герой выполняет все его требования, он в соответствии с существующими нормами вынужден отдать ему дочь и даже может, как в сказке «Оттек Джуман» (№ 19), умереть с горя от сознания, что был так несправедлив к зятю. Но и при такой функции хана в сказке мифологическая подоплека этого персонажа часто отчетливо выражена в его имени: Ай Хаан (Хаан-Луна), Хюн Хаан (Хаан-Солнце), Темир Хаан (Железный Хаан). Первоначально первые две фигуры, очевидно, воспринимались как персонификации небесных светил, каковыми они выступают еще и сегодня в мифах, а Темир Хаан, в соответствии с некоторыми преданиями (например, кумандинцев), может быть, воспринимается как сын бога Неба.

Совершенно отличный от описанного выше образа мангыс встречается в сказках типа нашей № 31 и в ее вариантах из Тувы, имеющих много общего со сказками о глупом черте. Здесь он в основном выглядит как фигура человекоподобная, у него отсутствуют многие черты мангыса из волшебных и богатырских сказок. От его силы мало толку, так как она выступает в союзе с глупостью. То, что он может быть заменен зверем (ср. «Старик и тигр» — Тувинские народные сказки. Кызыл, 1954, с. 38), подчеркивает более близкий зооморфному характер мангыса в этой группе тувинских сказок. В отличие от богатырских сказок он здесь по своей сути скорее напоминает джелбеге.

Образы довольно многих отрицательных персонажей тувинской сказки можно объяснить, исходя из тяжелых условий жизни народа в прошлом, которые еще усугублялись особенно неблагоприятными природными условиями, а от них, как и от болезней и других бед, им почти невозможно было защититься.

Даже хозяин высшего мира Гурмушту, дочь которого часто выходит замуж за героя сказки, не всегда относится к нему дружелюбно. К добрым фигурам и помощникам относятся живущий на дне озер, часто змееподобный князь этого нижнего водяного мира Лузут Хаан, его дети в образе людей или змей, мифическая птица Хан Херети и другие звери — собака, кошка, лиса и, конечно, лошадь, так как они знают, что такое благодарность, и за добро воздают добром.

Избавив от смерти сына Лузут Хаана, встреченного им в облике змеи, или его дочь в облике рыбы, герой получает красный ларец и с ним в жены дочь Лузут Хаана, которая впоследствии благодаря своей магической силе помогает ему выполнять различные трудные задачи и избегать опасностей, остаться целым и невредимым и в конце концов выйти победителем из всех испытаний.

Иногда в качестве советчика и помощника героя выступает седобородый старик, пастух (чаще всего телятник) хана или старая женщина, они дают ему советы и помогают завладеть волшебными предметами, и прежде всего оружием, которые полезны ему и приносят ему счастье.

Образ Белого старика, который отчетливо определяется в алтайско-тувинских сказках как хозяин Алтая (ср. № 11), распространен по всей Северной, Центральной и Восточной Азии. У монголов он — Цагаан Овгон, у тибетцев — Сгам-по-дкар-по, или Ми-цэ-рин, у китайцев — Шоу син, у нас — Первый предок. В Сибири ему соответствуют Байанай, покровитель охотников и рыбаков у якутов, или Бай Байана, которого буряты чтут как божество тайги и хозяина дичи, и тунгусы тоже представляют себе хозяина тайги и дичи в образе белобородого старика. Эта фигура, заимствованная ламаизмом, занимает, однако, в его пантеоне последнее место и в ламаистских мистериях цам в северных районах его распространения деградировала до некоего подобия шута, что говорит о том, что Белый старик ведет свое происхождение из пантеона «черной веры» — шаманизма. В широком смысле его можно понимать как некую персонификацию родовой территории и ниспосылателя благодати и благосостояния, поэтому в сказке он выступает как помощник и охранитель всего доброго.

Героем волшебной сказки выступает мальчик или юноша и в случае, если вообще что-то говорится о его происхождении, — сын простых, часто старых людей или хана. В отличие от сказок Тувы, где круглый сирота Оскюс-оол является центральной фигурой волшебных и бытовых сказок, сказочный герой алтайских тувинцев относительно редко изображается сиротой (№ 11). Трижды его зовут Эрген-оол («Сирота», № 3, 36) или Эргил-оол (№ 2), и в сказке говорится: «Никто не знает, вырос ли он из земли или упал с неба». Позже его конь нарекает его именем «Эргил-оол, отец которого — небо, а мать — земля», и объедает пушок с его головы, что равнозначно первой стрижке ребенка, связанной с наречением имени. Это обстоятельство позволяет предположить, что постричь первые волосы больше некому, и поэтому многие исследователи видят в образе «сироты» из сказки нечто вроде первого человека или основателя рода. Иногда герой появляется сначала в зверином облике, как в сказке «Лягушонок» (№ 20). В богатырской сказке с его рождением связаны порой фантастические обстоятельства: мать забеременела, так как съела грудинку кобылы («Бай Назар», № 14), или он рождается тогда, когда родители его — уже глубокие старики. Еще в раннем детстве у него проявляются сверхъестественные способности, он растет быстрее, чем обычные дети, становится богатырем. Потом он показан как умелый и рачительный человек, который охотится и заботится о своем стаде так, как это принято у аратов. Даже если к имени его добавлен титул «хан», нет и следа того, чтобы он противопоставлял себя своим людям, своему народу, который, впрочем, упоминается лишь тогда, когда его угоняют враги, освобождают или возвращают домой, в остальном ему не отводится никакой роли. Герой действует всегда во благо своих людей, за установление или возвращение мирного порядка. Одолевая все препятствия и всех противников, он выполняет под конец то, что было его задачей, то, за что он взялся, чего от него требовали или что было поставлено ему как условие. И он преодолевает трудности и побеждает врагов не только своим мужеством, упорством (то, что уж начато, должно быть доведено до конца), умением и владением всеми мужскими навыками, но и магическими средствами, с помощью различных помощников.

Самый главный среди этих помощников во многих сказках — конь героя. Лук героя необычайно тяжел и крепок, а стрела его никогда не минует цели, так что охотничья добыча навалена горами; конь его быстрее ветра и может покрывать расстояние лишь за малую часть отведенного на него времени. Он — верный друг героя, часто даже умнее его (иногда он подвергает его испытанию и корит потом за недостаток ума), он обладает даром провидения и в самых опасных ситуациях спасает своего хозяина, активно вмешиваясь в события. Такая роль коня, основывающая-

яся, конечно, на его значении в повседневной жизни скотоводов-кочевников, влечет за собой восторженное описание его свойств и красоты его тела — куда более пышное, чем описание женщины, и эта черта тоже роднит тувинскую сказку с монгольской.

Если герой волшебной сказки может иной раз обойтись без коня, то в богатырской сказке — нет. Конь — неизменный, верный спутник богатыря в его героических походах, предпринятых для того, чтобы отомстить за несправедливость, отвоевать имущество, похищенное в его отсутствие, и вновь завоевать угнанный скот и людей (здесь мы, пожалуй, имеем дело с отражением бывших межплеменных междоусобиц) или завоевать женщину, ради которой он не только участвует в трех состязаниях — борьбе, стрельбе из лука и конных скачках, — но и успешно выполняет трудные задачи (реминисценции к экзогамному браку и умыканию невесты). И все это совершается при самой активной помощи известных уже нам сверхъестественных помощников. В этом отношении волшебные и богатырские сказки не отличаются друг от друга. К тому же отдельные комплексы мотивов, сюжетные линии, связанные между собой в богатырской сказке, легко сочетаются с комплексами мотивов, типичными для волшебной сказки (например, спасение змеи и награда змеиного князя), делая невозможным четкое разделение этих двух категорий сказок. И в той и в другой случается, что имя, давшее название сказке, является именем не героя, а его отца, часто не играющего в сказке почти никакой роли (например, № 14, 24 и 27). Можно сказать только очень приблизительно, что в волшебных сказках центр тяжести лежит скорее на фантастических элементах, а в богатырской сказке — на героических подвигах, причем иногда здесь можно наблюдать что-то вроде рыцарского духа, благородства (ср. № 7), отличающегося от обычного поведения героя. И это сближает богатырскую сказку с героическим эпосом, делая ее как бы переходной формой к нему.

Порой в богатырских сказках на значительном участке повествования главной фигурой становится девушка или женщина, как в нашей сказке «Шаралдай Мерген» (№ 11). Здесь это сестра героя, выказавшая себя умной и находчивой. С помощью магии она обретает большую физическую силу («Не я стреляю — стреляет мой брат Шаралдай!»), позволяющую ей вступить в поединок под видом мужчины. И вообще женщина в тувинской сказке чаще всего изображается умной и рассудительной, и ей выказывается большое уважение, что тоже является отражением реальной жизни.

Сказки о животных и бытовые сказки, сказки о глупом мангысе и часть волшебных сказок представляют собой малые формы тувинской сказки — в некоторых из них действует мало персонажей, они построены просто, без особых художественных средств. В отличие от них некоторые волшебные сказки и особенно богатырские являют совершенно иную картину: большинство их значительно больше по размеру, в них действует много персонажей, иногда в некоторых эпизодах действие удаляется от главной линии повествования.

По содержанию и композиции эти сказки — самые богатые и сложные среди тувинских сказок Алтая. Хотя герой описан иногда весьма подробно, но по своей сути он остается еще типом. Начальную индивидуализацию можно обнаружить в характеристике его чувств к ближним: у него не просто есть сестра, а он любит ее, «как свет своих очей и кровь своей груди». Я говорила уже об особенностях его рождения и о магическом росте. Он сам силен и не нуждается, в сущности, в помощи. Его имя и кличка его богатырского коня часто скреплены аллитерацией, например: *Пар шоокар аъттыг Паавылдай Баатыр* (Паавылдай Баатыр с конем леопардовой масти) или *Сарыг шоокар аъттыг Шаралдай Мерген* (Шаралдай Мерген с

конем в желтых яблоках). Отдельные участки текста тоже могут объединяться аллитерацией.

Такую поэтическую форму — аллитерацию в сочетании с параллелизмом — можно обнаружить по меньшей мере в различных формулах, которые можно подразделить на три вида. За почти обязательным у сказителей Цэнгэла восклицанием *джэз амды*, которое должно привлечь внимание присутствующих к тому, что сейчас начнется сказка, следует формульный зачин. В нем выражено неопределенное указание на «давнее время», что должно свидетельствовать о древнем происхождении сказки, подкрепленном перечислением того, что именно совершалось тогда, когда возник мир, когда ковыль-трава и деревья были такой-то высоты; к этому иногда примыкает и столь же неопределенное указание на место событий. В волшебных и богатырских сказках события всегда разыгрываются на фоне знакомого, типичного пейзажа горных степей и лесистых гор, но никогда нельзя точно определить местность, как, например, в некоторых дунганских сказках, возникших на китайских территориях (Дунг НС, с.14) или в сказках Непала²³, где иногда весьма конкретно названо место действия. Столь же неопределенно и время действия. Даже когда упоминается Чингисхан, нельзя принимать это за конкретное историческое приурочение, а, как это видно из контекста, следует понимать лишь как указание на далекое мифологическое время. И, несмотря на это, жизнь охотников и скотоводов, открывающаяся в сказке, в своих основных чертах напоминает тот традиционный образ жизни, который до недавнего времени сохранялся у тувинцев сомона Цэнгэл. Здесь еще относительно стабильны формулы зачина богатырских и многих волшебных сказок, простейшие из которых: «В давнее время...», «В самое давнее из давних времен...», «Во времена давно прошедшие...», в то время как в сказках из Тувы, как утверждает И. А. Вчерашняя, они сейчас исчезают или полностью отсутствуют.

Столь же постоянны, но менее дифференцированы заключительные формулы. В основном они относятся к радостному пиршеству, которым счастливо завершается сказка, или характеризуют мирную и богатую жизнь, которая началась теперь для героя и его близких: «Арагы капал с его бороды, жир капал с его пальцев — так счастливо стал он теперь жить» или «... и жил в мире и счастье».

Третью группу формул я называю описательными. Они изображают одними и теми же словами или же очень сходными сочетаниями слов определенную, стереотипную ситуацию, определенный предмет или определенный ход действия в самых разных, но преимущественно богатырских сказках, что можно сравнить с ирландскими сагами или похожими повторениями у Гомера. Они употребляются рассказчиком для описания богатырской внешности героя, превосходных качеств его коня, красоты его одежды или изысканности его седла и сбруи и процесса взнуздания коня, для изображения того, как конь его покрывает расстояния, как сам герой ест и спит, как прекрасна его жена и как умело готовит она пищу, как герой входит в юрту, натягивает лук, в них содержатся сведения о том, по каким признакам еще издали можно узнать мангыса, как условливаются богатыри о поединке, как князю змей волей-неволей приходится отдать ларец, которого добивается герой, как просыпается герой утром в волшебным образом появившейся юрте и о многом другом... Владая обширным репертуаром таких формул, относящихся к типичным сказочным ситуациям, сказитель имеет в своем распоряжении важнейший строительный материал, и отчасти этим можно объяснить феномен рассказчиков, знающих много очень обширных сюжетов.

Формулы всегда организованы ритмически, как стих, для этого употребляются два уже называвшихся выше стилистических приема народной поэзии, типичные и для других тюркских и монгольских народов.

Первый прием — это аллитерация, связывающая одинаковым звучанием не только начальные слоги двух или нескольких строк, но и повторяющиеся внутри стихотворной строки:

джылдык джернен джыгдын алыр
айлык джернен айладып билир
На расстоянии года почуять его запах,
На расстоянии месяца узнать заранее.
ырджызын экээп ырладып
довшуурджузун экээп довшуурладып
Он привел своего певца и велел ему петь.
Он привел своего довшуриста и велел ему играть.

Второй поэтический прием — синтаксический параллелизм, заключающийся в том, что две, а иногда и большее число синтаксических единиц строятся параллельно, как в приведенном выше примере, причем, подчеркнутая агглютинирующим характером языка, может возникнуть конечная рифма. И хотя рифмованные строки могут встретиться иногда в богатырских сказках и вне формул, именно формулы наиболее наглядно и ясно демонстрируют особенности народной поэзии.

В этих описательных формулах, состоящих обычно из двух параллельных частей, часто можно встретить гиперболу, с помощью которой рассказчик конкретизирует величину, красоту и силу героя и его коня (например, часто называется точное число людей, необходимых для того, чтобы поднять седло или помочь герою сесть на коня). Примечательно, что в таких случаях гипербола почти всегда нисходящая, т. е. в противоположность европейской сказке первое число или вообще первый компонент параллелизма больше, чем второй (ср. выше, первый пример). Подобное же явление можно наблюдать и в некоторых песнях из репертуара тувинцев Цэнгэла.

Наиболее часто употребляемые числительные, как и в сказках других народов, — семь (у джелбеге семь детей, у стариков семь желтых коз, семь звездочетов должны отыскать дерево Бум и др.) и три (богатырь сражается с тремя противниками, например с тремя братьями Гургулдаями, он должен выиграть три состязания, трое калек собираются, чтобы жить вместе и компенсировать друг другу недостающие органы чувств и члены, герою нужно исполнить три трудные задачи, три брата или зятя отправляются, чтобы вернуть утраченное). У хорошего рассказчика при троекратном повторении все происходит, как и первый раз, но с повышением напряжения и достигает наивысшей точки в поворотном пункте, который наступает в третий раз.

К художественным средствам тувинских сказок Алтая следует отнести обильно употребляемые стереотипные *epitheta organia*, например: нож с желтой рукояткой, желто-крапчатый или черно-крапчатый лук, высота в семьдесят саженей, огонь без дыма, плечи, данные родителями, рожденный мужем (+ имя) и многие другие. Рассказчик пересыпает свой текст афоризмами и пословицами, которыми богат тувинский язык, и широко пользуется изысканными, образными сравнениями. Наиболее велика концентрация этих художественных средств в богатырских сказках.

Наконец, к художественным средствам сказителя следует отнести и то, как он преподносит свой сюжет. Я уже упоминала, что алтайские тувинцы исполняют сказки так, как обычно исполняют только героический эпос, — поют их. Подобное известно и у алтайцев, у которых даже есть специальное название для таких поющих сказок — *кай чёрчёк*. Такое исполнение обычно сравнивается с речитативом. Но лишь условно можно отнести это к исполнителям наших сказок. Они используют определенные мелодии, состоящие из двух фраз, в соответствии с ними делится на части и текст, а мелодии поочередно повторяются. В мелодии можно отметить вари-

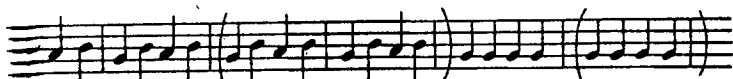
ации темы, причина которых — в вариациях числа слогов и, стало быть, в различной длине сегментов текста. Возможно, например, повторение отдельных звуковых рядов, прежде чем будет пропет завершающий звуковой ряд. Сегменты текста, лежащие на две фразы мелодии там, где имеется синтаксический параллелизм, соответствуют двум стихотворным строчкам. Если речь идет о прозе, они являются частями предложения. Так как членение сложноподчиненного предложения происходит не вполне произвольно, а по синтаксическим группам, то получаются отрезки текста различной длины. Если числа их слогов недостаточно для полной фразы, текст может быть дополнен семантически не значащими слогами (у Байынбурээда это часто *лай-лай-лай-лай*) или вопросительным *энес бе?* («не так ли это было?») и т. п., причем не исключено известное эмоциональное содержание иных вставок. Подобным же образом ради сохранения поэтической формы могут придумываться слова похожего звучания, но не имеющие семантического значения, и с их помощью может осуществляться аллитерация.

По моим наблюдениям, совпадающим с наблюдениями А. К. Калзана в районе Монгун-Тайги, в процессе исполнения могут в зависимости от содержания сменять друг друга две-три разные мелодии, что непосредственно связано с тем, о чем в данный момент повествует сказка. Так, например, мелодия меняется, когда рассказывается о том, что герой отправляется на опасные подвиги. И хотя мелодии отдельных сказителей отличаются друг от друга, они звучат в одной тональности и имеют сходные признаки. Вот, например, основная мелодия Байынбурээда, состоящая из двух музыкальных фраз.

Первая фраза:

Вторая фраза:

Звуки, заключенные в скобки, в зависимости от текста могут выпасть. Вместо четверти могут быть две восьмые.

Вот некоторые допустимые вариации.

К первой музыкальной фразе:

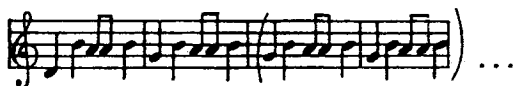
или:

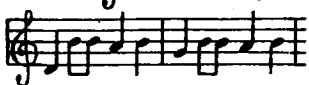
или:

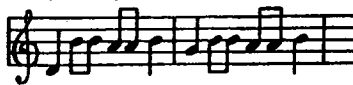
Ко второй музыкальной фразе:

или:

или:

К этому примыкают вариации третьего и четвертого (или пятого и шестого), тактов, которые могут соответствовать вариациям двух последних тактов первой музыкальной фразы.

Мелодия расчленяет и прозаический текст²⁴. Исполнители поют по-разному. Иногда они, как Байынбурээд, начинают отдельные фразы мелодии громким голосом, но уже на втором слоге снижают интенсивность и к концу, особенно если еще и добавлены незначащие слоги, могут перейти на бормотание. Притом первый слог первой фразы мелодии несет на себе основное ударение. Хотя вторая фраза и начинается с отчетливо ударного слога, но по сравнению с первой ударение это более слабое. Такая техника позволяет исполнять на одном дыхании довольно длинные пассажи одной музыкальной фразы — в 13, 17 или в 21 слог. Очень редко случается, чтобы исполнитель сделал второй вдох до конца музыкальной фразы. Ударение первого слога и первого тона мелодии повторяется всякий раз в начале новой фразы. Это создает слегка варьируемый, но в принципе постоянный ритм, и исполнение длинных сюжетных пассажей напоминает поэтому бесконечную песню.

Некоторые сказители, как, например, М. Хойтукев или Д. Дагва, начинали исполнение в целом относительно однообразно и размеренно, но потом могли намного повысить интенсивность пения и его выразительность. Они могли, например, ради отчетливого выделения прямой речи из остального текста повысить голос и скорее говорить, чем петь, и тем самым внести в исполнение больше движения и напряжения и добиться драматического эффекта. М. Хойтукев начинал свое исполнение и новые куски текста восклицанием *ааалаяний*, напоминающим начальный запев киргизского шаманского камлания, призывающего духов-помощников²⁵.

Язык сказок обнаруживает некоторые архаичные элементы, в том числе слова, уже исчезнувшие из современного языка²⁶ или обозначающие предметы, сегодня уже вышедшие из употребления, и часто даже старые люди не могут оказать помощи в индентификации понятий. Создается такое впечатление, что отдельные слова представляют более древнюю языковую ступень. Так, например, сохранился старотюркский начальный *б* [тувинскому *мёге* соответствует алтайско-тувинское *бё-ге(н)*,] и благодаря этому оказалось, что тексты алтайских тувинцев чрезвычайно ценны и для языковедческих исследований.

Весьма образному способу выражения противостоит относительно скупая языковая форма. Часто в предложении отсутствует подлежащее или дополнение в винительном падеже и иногда в столь длинных пассажах, что в переводе приходилось их компенсировать. А с другой стороны, характерно постоянное возвращение к предыдущему предложению вроде: «После того как (герой) сделал то-то и то-то, он ускакал. А когда он ускакал и ехал, ехал, конь его остановился. После того как он остановился, он сказал...» Эти постоянные повторения в переводе не всегда сохранены, чтобы не утомлять читателя, и передаются часто соответствующими по смыслу союзами: «тогда», «потом», «тем временем» и др. Стереотипное *den dur* [«сказал (он)»] в конце прямой речи, лишь очень редко сменяющееся в текстах *suran dur* [«спросил (он)»], по той же причине переводилось расширенным рядом синонимов.

Описания чувств и состояния души действующих лиц, как те, что встречаются в опубликованных сказках Тувинской АССР и, может быть, являются результатом обработки («спросил он грубо»..., «сердито сказал Алдын Дангына...», «он стонал и плакал»), в повествовательном фольклоре тувинцев Алтая совершенно не приняты.

Наконец, некоторые сказители при упоминании имени героя или клички его коня употребляют не просто основную форму имени, а добавляют к ней притяжательное местоимение второго лица: «твой Паавылдай», «твой конь леопардовой масти». Такое необычное для нас употребление этой формы передается местоимением «наш». А может быть, эта форма объясняется тем, что сказитель обращается со своим рассказом в первую очередь не к слушателям, а к духу-хозяину сказки — *тоолдунг ээзи*, кому «принадлежит» не только сама сказка (*тоол*), а также выступаю-

щие в ней персонажи, в том числе и кони (подробнее об этом см.: *Taube E. Zur ursprünglich magischen Funktion*).

Это главные случаи «вмешательства», которые мы сочли неизбежными. В целом перевод выполнялся очень близко к оригиналу, чтобы сохранить звучание и стиль сказки или сказителя, насколько это возможно. Мы старались сохранить и приблизить к оригиналу передачу образных выражений и пословиц даже тогда, когда в русском языке были для них подходящие эквиваленты, чтобы не нарушать первоначальной природной и культурной среды, в которой создавались те или иные образы, сравнения и пр. В некоторых случаях мы отказались по этой причине от русской идиоматики и русского словоупотребления.

Выпущены также возникающие при исполнении сказки слогги, не несущие семантической нагрузки; вследствие этого пропадает стихотворное членение и текст выглядит как сплошная проза, чем он, по сути дела, и является. Ритм, возникающий при «пении» сказки, все равно невозможно сохранить целиком вследствие совершенно иной системы строения индоевропейских языков, но мы старались передать общий характер напевности и ритмику сказочного повествования, хотя и понимали, что большая разница между живым исполнением, воспринимаемым на слух, и письменной фиксацией текста для чтения все равно неизбежно таит в себе какие-то потери сказочной субстанции. Уменьшить эти потери, насколько это возможно, и было нашим главным стремлением в работе над переводом.

В текстах выделялись как стихи в основном только вводные и конечные формулы, а описательные формулы, которые благодаря их параллельному строению и так воспринимаются как стихи, специально не выделялись.

При сравнении сказок этих двух тувинских групп (в Тувинской АССР и на Алтае) заметны различия — и небольшие и значительные. Мы уже говорили о некоторых из них, касаясь персонажей, формул, частотности определенных сказок. Но есть, кроме того, еще и различия в языке и характере изложения. Сказки, опубликованные в Тувинской АССР, даже когда не указано, что они подверглись обработке, производят впечатление более олитературенных, чем сказки с Алтая, в том виде, как они были нам рассказаны. Тут необходимо учесть замечание тувинского фольклориста А. К. Калзана: «С популяризацией произведений народного творчества дело обстоит у нас довольно благополучно. Но есть в этой области и немало недостатков. Мы еще не выработали четких требований к текстологической работе фольклористов и критериев обработки произведений, бытующих в устной традиции, для популярных изданий. Нередко в этом причина ошибок субъективного характера при подготовке текстов к печати»²⁷. Может быть, содержания эти ошибки касаются меньше, хотя не исключено, что в отдельных случаях одна сказка дополнялась и приукрашивалась элементами из ее вариантов. Языка и стиля сглаживание коснулось, по-видимому, сильнее. Например, бросается в глаза, что определенные словесные повторы (не формулы!) встречаются здесь реже, чем в текстах с Алтая; что в противоположность крайней скромности словаря многих собранных нами сказок здесь мы встречаемся с большой словарной вариативностью, которая, может быть, еще более усилена в переводе на русский язык и в любом случае свидетельствует о влиянии литературного образования²⁸.

Может быть, обработка выразилась и в том, что в сказках (прежде всего о животных и в бытовых) в интересах идеологии и педагогики сильнее, чем в устном варианте, подчеркиваются определенные моменты социальной критики или гуманистические высказывания или такие высказывания вводятся в сказку там, где их вовсе и не было, что можно, например, предположить при сравнении сказки «Чижик»²⁹ с ее алтайско-тувинским вариантом «Серая птичка с шишкой на груди» (№ 54). Если в

последней все, кто отказал в помощи птичке, наказаны ветром небесным, то к варианту из Тувы добавлена мораль, совершенно чуждая текстам с Алтая.

Но отчасти различия могут быть и в самом материале, и тогда они объективны по своей природе. Это касается, например, различия доли сказок о животных и бытовых сказок в репертуарах Тувы и Алтая. Но и здесь необходимо упомянуть еще о возможности некоторых субъективных факторов.

Во-первых, это условия работы. Для издания сказок Тувинской АССР можно было выбрать сказки и их варианты из куда более богатого фонда, который сложился в результате многолетней, регулярной, интенсивной и систематической деятельности многих людей. Коллективы фольклорных экспедиций обычно состояли из четырех-пяти человек. Материал же с Алтая — результат короткой, шестимесячной полевой работы в более чем скромных условиях. И все-таки, пожалуй, можно считать, что нашим собранием охвачен основной репертуар типов и мотивов; это показали полевые исследования двух последних экспедиционных сезонов, результатом которых было много вариантов уже записанных сказок, но относительно мало новых ее типов; о том же говорит и рассмотрение сказок в контексте центральноазиатской сказочной традиции. И поэтому можно считать, что предлагаемый сборник сказок вполне представляет основной фонд сказок алтайских тувинцев.

Во-вторых, во всем, что касается сказок из Тувы, я могла опираться только на уже опубликованный материал, так как пока у меня не было возможности работать в Тувинской АССР, познакомиться с записями рукописного фонда Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) или услышать тамошних сказителей. Поэтому я не могу с уверенностью судить о том, соотносится ли соотношение отдельных групп опубликованных сказок из Тувы их фактическому месту в устной традиции, или же издатели стремились соблюсти соотношение, привычное для сказочных изданий других народов. Правда, я познакомилась с авторефератом И. А. Вчерашней «Тувинские народные сказки», в котором рассматриваются четыре группы тувинских сказок Южной Сибири: волшебные, богатырские, бытовые и о животных, причем автор указывает на большое значение волшебных и особенно богатырских сказок, но при этом подчеркивает, что «довольно большое место» занимают и сказки о животных. А то, что она пишет о сказках бытовых, не дает никаких оснований утверждать, будто они слабо представлены в общем сказочном репертуаре по сравнению со сказками волшебными и богатырскими, как это отчетливо видно на фольклоре алтайских тувинцев. Поэтому можно предположить, что у тувинцев Южной Сибири и алтайских тувинцев объективно существуют немалые различия в формировании бытовых сказок и есть определенная разница в корпусе сказок о животных неэтнологического характера. Даже если принять во внимание экономические и бытовые особенности части тувинцев из Тувинской АССР, обусловленные их жизнью в районе тайги, то все равно можно сказать, что основа сказок обеих тувинских групп, как и их непосредственных соседей — тюркских и монгольских народов Центральной Азии, очень похожа: кочевое животноводство и охота и вытекающий отсюда специфический образ жизни. Стало быть, причины неодинакового развития отдельных категорий сказок в Туве и на Алтае в другом.

Для политической истории Центральной Азии характерны военные столкновения, народные движения и монгольское и китайское иго. Область Тувы никогда не оставалась в стороне, а всегда оказывалась вовлеченной в события. В XIII в. этот район попал в феодальную зависимость от Монголии, но отношения тувинцев с монголоязычными племенами начались, конечно, гораздо раньше. Через монголов, которые принесли в Туву и ламаизм, тувинцы познакомились со сборниками индийских

и персидских сказок; они были не просто пассивно переняты, но и переделаны применительно к конкретной материальной и социальной ситуации, в них все больше и больше вносился тувинский колорит, и в результате они дошли до нас как новые, специфически тувинские сказки. Связь с китайскими сказками встречается относительно редко, несмотря на то что район Тувы с середины XVIII в. находился под властью маньчжурской династии в Китае. В отличие от этого контакты с русским населением, продолжающиеся в районе Тувы уже несколько столетий, не обошлись без влияния на сказки. Так, в тувинском фольклоре мы встречаемся с распространенным в русской сказке мотивом: юноша на своем коне возносится к окну принцессы, сидящей в высоком тереме. В сказке «Илья Мурмуич» Илья Муромец обрел типичные черты тувинского богатыря, а сказка «Иван» — тувинская редакция русской сказки об Иван-царевиче. Такое обогащение народной поэзии не было односторонним. В сказках, собранных у русских Сибири, можно найти много соответствий с живущими по соседству народами.

Те области Алтая, где живут еще и сегодня тюркоязычные, т. е. не монголизованные тувинцы, отличаются удаленностью, труднодоступностью и более суровыми условиями жизни, чем невысокогорные районы Монголии и Южной Сибири, и, может быть, потому этот район оказался на периферии главных военных и исторических событий. Сравнительная застойность общественно-экономического развития в районе Монголии при режиме маньчжурской династии проявилась здесь наиболее сильно, и поэтому вследствие географической и этнической изоляции традиционная культура дольше сохранялась без серьезных чужеземных влияний. Можно наблюдать определенные параллели в культурной ситуации в районе Монгун-Тайги Тувинской АССР, также отдаленном, и в районе Цэнгэла. А так как и ламаизм пробовал энергично утвердиться здесь только к рубежу нашего столетия — слишком поздно для того, чтобы наложить свой отпечаток на культуру, влияние тех сказок, которые, возможно, попали в Центральную Азию вместе с буддизмом, оказалось тут меньшим, чем в Туве и у других народов Центральной Азии. А то, что бытовые сказки в районе Тувы встречаются гораздо чаще, чем на Алтае, и что в них отчетливо выступают социальные мотивы, можно, конечно, объяснить не только влиянием русского фольклора и воздействием революционного мышления, но и в большей степени тем фактом, что классовая дифференциация шагнула здесь куда дальше. Гнет местного господствующего класса усиливался здесь игом сменявших друг друга иноземцев и их связями со служителями ламаизма. Столетиями тяготело это невыносимое бремя над народом, постоянно нарастая к началу нашего столетия. В отрезанных горных долинах Алтая отрицательные последствия феодального и иноземного гнета, возможно, сказывались главным образом на отношениях тувинцев с внешним миром, на необходимости вносить известную дань, в то время как в пределах этнического единства жизнь коллектива определяли отношения доклассовых общественных формаций. Пережитки таких отношений существовали еще и в конце 60-х годов XX в., например в обычаях, связанных с охотой. И более широкое распространение в Туве сказок о животных, может быть, также обосновано той же исторической особенностью, так как именно этим сказкам свойственно в аллегорической форме вскрывать и бичевать недостатки.

Даже в волшебных и богатырских сказках из Тувы социальная дифференциация акцентируется много сильнее, чем у алтайских тувинцев, в сказке которых она безразлична сказителю или вовсе отсутствует. Например, конфликты, возникающие от того, что кто-то овладевает чужой собственностью, похищает чужую жену, не хочет видеть кого-то своим зятем или игнорирует младшего зятя, выглядят в сказках алтайских тувинцев не как выражение социальной дифференциации, а как следствие

общечеловеческих пороков», причем в двух последних случаях скорее всего могут еще найти отражение социальные различия. В соответствии с этим у алтайских тувинцев отсутствуют формулы, выражающие социальные противоречия, такие, как, например, обычно вкладываемое в уста хану: «Отрубить руки вместе с рукавами, голову вместе с шапкой» или: «Когда зовет хан, простой человек должен идти». Образ ламы встречается очень редко, а шаман, который у тувинцев Южной Сибири выступает чаще всего, судя по опубликованному материалу, как отрицательная фигура обманщика, у алтайских тувинцев в таком качестве вообще отсутствует.

В свете взаимосвязи общественной реальности и устного фольклора и в то же время доминирующей роли шаманизма в религиозно-духовной сфере кажется удивительным, что представители шаманизма не встречаются в сказках алтайских тувинцев. Шаманизм явно не воспринимается алтайскими тувинцами как нечто, заслуживающее критики и осмеяния, как отрицательный феномен. Он представлен в их сказках совершенно иным образом, как и в сказках других народов и районов мира.

Как известно, существует множество сказочных мотивов, в которых, считают исследователи, отразились шаманистские представления. Английский ученый А. Хатто в своей работе «Shamanism and Epic Poetry in Northern Asia» обратил внимание на шаманистские элементы в эпической поэзии шумеров («Гильгамеш», «Лугалбанда») и в «Одиссее», и нельзя не видеть их в рунах «Калевалы» или «Слове о полку Игореве» и связанных с этим сюжетом русских былинах (ср. превращение Волха/Вольги в волка, щуку и сокола). Богатырские сказки, предшественницы героического эпоса, составляют специфичную группу сказок именно в Сибири и на севере Центральной Азии, т. е. как раз в том районе, который считается классическим для шаманизма.

Довольно жесткая схема связывает содержание богатырских сказок с отдельными фазами шаманских ритуалов.

1. Случается несчастье.
2. Герой отправляется на поиски врага, чтобы победить и уничтожить его.
3. Преодолев множество препятствий и избежав множество опасностей — иногда и после временного поражения, он побеждает врага.
4. Герой возвращается, и восстанавливается первоначальное состояние.

Центральным элементом являются путешествия в потусторонний мир, посещение иных миров, где предстоит совершиться «подвигам». Герой заручается предварительно помощью местных духов, обзаводится чудесными помощниками. Совершенно очевидна параллель с шаманским ритуалом. На эту схему нанизываются мотивы и детали, которые следует понимать как отражение шаманистских представлений, и они, в свою очередь, подчеркивают связь богатырских сказок с шаманизмом. Назову лишь некоторые из них в том виде, как они встречаются в богатырских сказках алтайских тувинцев (подробный материал и этнографические параллели к нему содержатся в моей работе «South Siberian and Central Asian Hero Tales and Shamanistic Rituals»): чудесное рождение ребенка; его вместе с люлькой прячут в дупле дерева; он просыпается, «как будто возвратившись к жизни после смерти»; мифическая птица Хан Херети сначала заглатывает его, потом становится его чудесным помощником; вместо Хан Херети может выступать белый верблюд; герой «забывает» свою жену, встретив на своем пути другую; разрубленное на части тело героя должно быть снова собрано воедино; оживить его может только нетронутая девушка; временно умершего героя прячут в недоступном месте; герой преследует своего противника в облике различных, сменяющих друг друга животных; летя на птице Хан Херети, он кормит ее кусками своего собственного тела; часто в своем путе-

щества он попадает в водяной мир, где супружеская чета змей снабжает его чем-то, что придает ему силу; девушку, которой он добивается, называют *джайаан* («судьба», «предназначенная судьбой» — и точно так же называется дух-хранитель шамана). Эти мотивы появляются очень часто, и именно в той связи, в которой они наличествуют в шаманских ритуалах.

Все названные выше и многие другие мотивы имеют соответствия в шаманистских представлениях различных народов этого региона. Шаманизм алтайских тувинцев исследован еще недостаточно³⁰. Но когда такие шаманистские мотивы встречаются в их сказках при отсутствии соответственных этнографических данных, можно по крайней мере предположить, что подобные представления, известные другим народам, не были чужды и алтайским тувинцам. Довольно часто можно найти этнографические соответствия у якутов, что особенно интересно, так как оба эти народа жили в этнической изоляции, способствовавшей относительно долгому сохранению у них древних элементов культуры.

В сказителе Байынбурээде мы видим воплощение единства шамана и сказителя, единства, которое, между прочим, отразилось в эвенкийском и других тунгусо-маньчжурских языках: слова, обозначающие «камлание» и «исполнение рапсодом героических песен», имеют один и тот же корень. Кроме того, встречаются одни и те же мелодии у шаманов и сказителей, на что указала Г. М. Василевич³¹. В Байынбурээде воплотилось также единство шамана и кузнеца, которое упоминается уже у древних китайских историков по отношению к «северным варварам»³². Из всего этого следует, что среди сказок алтайских тувинцев особенно ценными для изучения связи между сказками и шаманизмом во всех его аспектах являются именно богатырские сказки.

Так как связь определенных сказок с шаманистским ритуалом несомненна, необходимо хотя бы коротко коснуться культовой функции сказок и их исполнения.

Исполнение — по крайней мере более длинных сказок — сказитель всегда начинал с хвалы, обращенной к Алтаю. Это следует понимать таким образом, что рассказ его обращен и к Алтаю (а первоначально, очевидно, прежде всего к нему). Точно так же по вечерам на охотничьих стоянках сказки рассказывались для того, чтобы завоевать благосклонность духа-хозяина местности, где находились охотничьи угодья, и дичи, чтобы он посулил им на завтра богатую охотничью добычу. Совместное пение на празднествах тоже, считалось, должно доставить удовольствие сверхъестественным силам³³, и этим объясняется целый ряд правил и табу, которые точно соблюдаются вплоть до сегодняшнего дня: пение всегда начинают с определенной песни; твердо установлено, кто должен начать ее; по окончании каждой песни с жестом, которым обычно сопровождают простые благословения, восклицают: «Эх, празднужа, будем счастливы!» Не полагается, чтобы начинал песню тот, кто не сможет донести ее до конца. Потому что, если бы не оказалось никого, знающего все строфы и стихи, песня получилась бы фрагментарной, а это все равно что принести негодный дар местным духам-хозяевам, т. е. оскорбить их. И, по-видимому, вообще не поют просто так, без причины, а только в определенных праздничных ситуациях. Расскажу об одном эпизоде, возможно доказывающем это: одна женщина во время моей экспедиции 1985 г. спела мне две песни и, когда я спросил ее, может ли она спеть еще что-нибудь, она ответила: «Хватит. Вот будет праздник, тогда я и спою». Это сразу вызывает ассоциации с некоторыми моментами, которые можно наблюдать и при рассказывании сказок. О том, что их рассказывают не просто так, а при соблюдении известных условий, уже упоминалось. В 1966 г. один старик прервал исполнение богатырской сказки («Джинге шилги аъттыг Шаралдай Баатыр»), едва начав ее, так как он не мог точно вспомнить некоторых подробностей. Если забудет-

ся имя того или иного сказочного персонажа, то этой причине уже достаточно, чтобы отказаться от рассказывания данной сказки. Может быть, в некоторых случаях, когда человек, указанный нам как сказитель, не хотел ничего рассказать, причина его отказа была в том, что он не хотел рассказывать сказки просто так, а не с собственной, первоначально магической целью (см.: *Taube E. Zur ursprünglich magischen Funktion...* и приведенную там литературу). То, что М. Хойтюек был срочно отозван в свое стадо верблюдов, из-за чего его сказка «Эргил-оол» (№ 2) так и осталась незаконченной, была неизбежной необходимостью, но я не уверена, что необходимость вернуться к стаду не была желанным предлогом — если не для самого Хойтюека, то по крайней мере для его жены, так как женщины соблюдают заповеди и табу, унаследованные от предков, с куда большим пиететом, чем их мужья.

В оставшейся не рассказанной Хойтюеком части «Эргил-оола» герой отправляется в нижний мир, в царство Эрлик Хаана, где наблюдает картины, напоминающие ад Данте (ср. № 2). Хотя М. Хойтюек и сам назвал «Эргил-оола» в числе сказок, которые собирался нам рассказать — как человек, знавший свое дело, он считал сказки «Хан Тёгюсвек» и «Эргил-оол» важнейшими сюжетами тувинцев, — он все же сообщил нам, что сказку «Эргил-оол» можно рассказывать только зимними вечерами, а лучше, как убеждал его отец, и вовсе не рассказывать (точнее, только в редких случаях), так как негоже слушать истории о царстве мертвых. Поэтому я не исключаю, что перерыв в исполнении был желанным и избавил семью рассказчика от иных сомнений.

В. Я. Проппу принадлежит мысль о том, что сказки о животных тоже выполняли известную магическую функцию, в этой связи он упоминает индейцев-скиди Северной Америки, у которых сказки о хитроумном койоте рассказывались всегда перед тем, как надо было предпринять нечто, требующее ловкости и хитрости койота, чтобы эти качества животного перешли на рассказчика³⁴, а возможно, и на его слушателей. Мне не известно ничего похожего об алтайских тувинцах, но подобный магический аспект помог бы объяснить, почему среди так скудно представленных у них сказок о животных относительно много сказок о лисе и почему именно эти сказки, как в Ладаке, свободно и произвольно складываются в циклы. Ибо если предположить, что их рассказывали с той же целью, что и индейцы-скиди свои сказки о койотах, то было бы так понятно, что желаемое воздействие было тем сильнее, чем больше приводилось примеров хитроумия лисы. Во всяком случае, лиса играет роль и в обрядах обережения у алтайских тувинцев.

Известно, что эпосу о Гесере у монголов приписывалась определенная врачевательная роль. Может быть, считалось, что сила и непобедимость героя должны воздействовать на злых духов, вызвавших болезнь? Не рассказывались ли богатырские сказки и сказки вообще с целью укрепиться и устоять в мире, наполненном враждебными силами? Может быть, это было средство, доступное и «непосвященным», так как в шаманском ритуале можно обнаружить четкую «сюжетную организацию», по определению Е. С. Новик (*Новик Е. С. Обряд и фольклор*, с. 17), подобную той, которая есть и в повествовательном фольклоре?

Культовая функция рассказывания сказок — одна из многих древних черт сказок алтайских тувинцев; вплоть до нашего столетия такие черты можно было в изобилии наблюдать и в других областях их материальной, духовной и социальной культуры. Назову здесь лишь один удивительный феномен: за двумя исключениями, они для всех своих песен, исполняемых на тувинском языке, — мы записали их больше ста — употребляют одну и ту же мелодию. Эта мелодия представляет собой некий мелодический каркас, который при помощи нанизываемой на него гетерофонии, мелизмов и протяжности может с легкостью варьироваться в каж-

дой отдельной песне. И особенно пения тоже можно считать архаичными³⁵. Наконец, следует указать, что в песнях почти не сформировалась жанровая дифференциация.

Дифференциация повествовательного фольклора алтайских тувинцев тоже была, очевидно, весьма ограничена. Они различают терминологически мифы (*домак*), исторические легенды и этиологические сказки (*тдэку/тдюкю*), употребляя, подобно южносибирским тувинцам и в противоположность монголам, для всех остальных сказок единое понятие «тоол» — будь то сказки о животных, волшебные, богатырские или редко встречающиеся у них бытовые сказки — независимо от того, идет ли речь о совсем коротких текстах или таких объемистых, как, например, наш «Хан Тёгюсвек» (№ 17). Такие слишком большие по европейским масштабам тексты фольклористы часто относят уже не к сказкам, а называют «малым эпосом» или «кратким эпосом», что мы встречаем, например, у ученого из КНР Ц. Ринчиндоржа, который подчеркивает их более древний и первоначальный характер по сравнению с героическим эпосом. Принадлежность таких крупных сказочных форм к сказке или эпосу проблематична, и это подтверждается тем, что для материалов из Тувы при обозначении одних и тех же сюжетов или произведений употребляются различные термины: наряду с «богатырской сказкой» и «богатырское сказание», и «героическое сказание», и даже «героический эпос».

Часто кроме разницы в объеме сказки тут нельзя даже обнаружить никаких существенных различий в содержании, художественной форме или идейной основе. По-видимому, у тувинцев не было необходимости по-разному обозначать различные виды сказок, хотя они и сознавали прекрасно разницу между сказкой о животных и богатырской сказкой, их объемом и построением. Очевидно, более существенным представлялось им все же их сходство, то, что было присуще различным видам сказок, и, может быть, следует искать это сходство в функции сказок. Исходя из общего термина «тоол», я считаю название «богатырская сказка» удачным для тех текстов, у которых много общего с героическим эпосом тюркских и монгольских народов. Они знаменуют переход к героическому эпосу, и их можно считать непосредственным предшественником героического эпоса (ср.: *Новик Е. С.* Обряд и фольклор, с. 224), сформировавшим основное сюжетное ядро эпоса тюркских и монгольских народов³⁶. У алтайских тувинцев в силу всей их общественной ситуации еще не произошло формирование эпоса из богатырской сказки, оно только-только еще начиналось. Поэтому место их повествовательного фольклора и степень его развития определяются общим развитием традиционной культуры алтайских тувинцев, которая в целом носит более архаичный характер, чем культура многих тюркских и монгольских народов, у которых успели уже сложиться поздние «феодализованные» эпосы (термин С. Ю. Неклюдова) и такие большие эпические циклы, как «Манас», «Джангар» или как «Алпамыш», архаическую версию которого В. М. Жирмунский увидел в алтайской богатырской сказке «Алып-Манах»³⁷.

М. П. Грязнов обнаружил отражение центральных тем богатырских сказок и более поздних эпических песен тюрко-монгольских народов в изображениях на бронзовых бляшках V—III вв. до н. э., найденных при археологических раскопках в районе Ордоса и в Южной Сибири, — сцены охоты героя, единоборство, оживление героя при помощи женщины. Главным образом на материале бронзовых бляшек из района Ордоса Грязнов приходит к выводу, что в ранней эпике роль богатырского коня была, возможно, гораздо важнее, чем в эпосах более позднего времени, а одно изображение выглядит прямо как иллюстрация к сцене борьбы из «Хевис Сююдюра» (№ 7), где богатырские кони активно вмешиваются в действие и способствуют тому, что события увенчиваются счастливым концом.

На основе исследований М. П. Грязнова можно предположить, что определенные сюжеты повествовательного фольклора Центральной Азии очень древнего происхождения. И в этом свете интересно, что сравнительное рассмотрение части предлагаемого собрания показало, что некоторые, самые распространенные у алтайских тувинцев сказки, как, например, «Бёген Сагаан Тоолай» (или «Бёген Ак Тоолай»), «Бай Назар» и «Шаралдай Мерген» (№ 5, 14, 11), встречаются прежде всего у тюркских народов и концентрируются на Алтае, вокруг него и западнее от него, т. е. скорее в западной части Внутренней Азии, причем монгольские варианты записаны от калмыков, бурят и монголов Ордосского района. «Паавылдай Баатыр» (№ 8), также весьма популярный, кажется, напротив, весьма распространен у тюркских и монгольских народов и локализуется на Алтае, в Южной Сибири и Северной Монголии. Поэтому и кажется иногда, что некоторые сюжеты имеют общие тюрко-монгольские корни, а другие принадлежат прежде всего тюркской среде. Примечательно и то, что множество этнографических параллелей с бурятами, живущими сейчас в большом отдалении от алтайских тувинцев, указывает на их более тесные отношения в прошлом и что археологические находки из Северо-Западной Монголии (Улангом) имеют соответствия в районе Ордоса.

Восточная граница ареала распространения некоторых характерных для алтайских тувинцев сюжетов явно соответствует условной линии, отделяющей различные типы каменных баб древнетюркского периода в Центральной Азии и Южной Сибири³⁸. Эти беглые указания на возможность постановки интересных проблем, требующих более глубокого исследования сказок алтайских тувинцев, позволяют надеяться на то, что результат таких исследований, на задержку которых сетует Л. П. Потапов, помог бы осветить историческое прошлое алтайских тувинцев, а также внести ясность в некоторые проблемы фольклористики и этнографии. И представляется весьма удачным, что в основу такого изучения исследователь сможет положить предлагаемый настоящей книгой относительно полный материал, который удалось собрать на довольно замкнутом участке в четко ограниченное время.

Фольклор алтайских тувинцев сохранил древние представления и архаические черты их культуры в целом и сказок в частности. Разумеется, живущие на Алтае и в Западной Монголии народы и племена обменивались сказками. Алтайским тувинцам, несомненно, были известны сказки из восходящих к индийским прообразам книжных циклов о «Волшебном мертвеце» и хане Арджи Борджи — об этом свидетельствуют отдельные сюжеты. Но эти циклы не являются строгими переводами: взамен некоторых сюжетов они включают сюжеты центральноазиатского фольклорного фонда. Нельзя исключать возможности, что ряд распространенных у многих тюрко-монгольских и тибетских народов сказочных сюжетов, встречающихся также в письменных источниках, бытовал в Центральной Азии до их письменной фиксации. В связи с этим, а также учитывая архаичность культурных традиций алтайских тувинцев, не следует переоценивать влияние монгольских, буддийских сказок и письменных источников.

В памятниках народного творчества на протяжении столетий и даже тысячелетий концентрировался художественный опыт алтайских тувинцев и их далеких предков, кем бы они ни были. Благодаря своей тесной связи с жизнью людей они никогда не ощущались «устаревшими». Поэтому такие произведения, передаваемые из уст в уста, и до сегодняшнего дня сохранили свое место в духовной жизни алтайских тувинцев. И ныне эти сказки могут поведать нам о той общности, в которой они зародились, о ее особенностях в далекие времена, о ее жизни и культуре, осно-

ванной на древних традициях, а также о ее надеждах и мечтах, о стремлении к счастью и справедливости. Они являются ценным живым свидетельством прошлого этого маленького народа.

К сказкам можно отнести то, что однажды во время праздника сказал мой старший тувинский отец Шыныкбай о песнях: «Это все песни, которые когда-то создали бедные тувинцы. Это не мы их сочинили» — высказывание, в котором отразилось глубокое осознание своей связи с культурными традициями и ощущение истории своего народа. И когда тувинские сказители Алтая исполняют нам свои «черные слова из далекого прошлого»³⁹, нам не только приятно это, но и полезно прислушаться к ним, когда они повествуют о том, что и как было «давным-давно, в самое давнее из давних времен».

О характере перевода самое главное уже сказано выше. Русский перевод был выполнен на основе немецкого. Но чтобы избежать опасностей, которые всегда таит в себе вторичный перевод, переводчица, канд. филол. наук. доцент Б. Е. Чистова (Ленинград) работала в постоянном контакте со мной, и таким образом удалось сохранить максимальную близость к оригиналу, повествовательный стиль и художественные изобразительные средства тувинских сказителей Алтая. Слова, для которых в языке перевода не нашлось эквивалента, оставлены в форме оригинала и объяснены в словаре.

Чтобы более точно передать гармонию гласных тувинского языка в транскрипции, мы решили отказаться от практики употребления букв *o* и *u* для передачи гласных как переднего, так и заднего ряда. У нас *ē* соответствует немецкому *ö* (тувинскому *o*); *io* — немецкому *ü* (тувинскому *y*); *э* внутри слова соответствует немецкому *ä*; *ng* — немецкому *ng* (*ŋ* в фонетич. транскрипции; тувинскому *ŋ*); *йо* — русскому *ë*. От этого принципа мы отступаем только в начале слова. Долгие гласные переданы двойными гласными (*aa, oo, ii, yy, ээ, ёё, юю*). Краткий звук *э* передается буквой *e*, как и в тувинском шрифте. Такая транскрипция использована лишь в словах и именах диалекта алтайских тувинцев. Тувинские слова, географические названия и собственные имена из Тувинской АССР, как и монгольские, передаются в написании, принятом уже в русском языке.

Эта книга не вышла бы без разносторонней дружеской поддержки коллег разных стран и национальностей. Я от всего сердца благодарю Чинагтийн Галсана, которому я обязана знакомством с алтайскими тувинцами, успехом моих экспедиций и ценной информацией; моих монгольских коллег, способствовавших тому, что мои экспедиции могли состояться, и прежде всего профессоров Д. Цэвэгмида и Н. Соднома, М. Ш. Гаадаамба, Ц. Сухбаатара и Д. Ользийбаяра; моего мужа М. Таубе, принимавшего на себя во время моих экспедиций присмотр за детьми и домом и всегда относившегося к моей работе с участием и пониманием.

Я благодарна моим советским коллегам и друзьям, в особенности членам-корреспондентам АН СССР Б. Л. Рифтину и К. В. Чистову, вдохновившим меня на это издание, и дирекциям ленинградских отделений Института этнографии и Института востоковедения АН СССР, предоставившим мне возможность работать в городе на берегах Невы и оказывавшим мне всяческую поддержку; Л. П. Потапову, потратившему на меня много времени, поощрявшему мою работу и дававшему мне много ценных советов; В. П. Дьяконовой, С. Ю. Неклюдову, помогавшим мне словом и делом; моим коллегам из Тувы и С. И. Вайнштейну, снабжавшим меня литературой из Кызыла; В. Л. Парисскому, который, несмотря на технические трудности во время ремонта в помещении фонда в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, предоставил мне

возможность ознакомиться с тувинскими публикациями, и еще многим коллегам из Ленинграда и Москвы.

От всего сердца я благодарю Б. Е. Чистову за ее тщательность и стремление вжиться при переводе в мир тувинской сказки, за наше доброе и взаимообогащающее сотрудничество.

И наконец, мысли мои с благодарностью обращаются к Алтаю, ко всем людям, которых я там встретила, — и тем, от которых я почерпнула фольклорный материал, и тем, кто просто тепло принял меня. Их всех я всегда буду помнить, любить и уважать, так как кроме песен и сказок они одарили меня еще очень и очень многим.

ПРИМЕЧАНИЯ

* По техническим причинам в книге не учтены изменения в названиях отдельных государств, городов, научных организаций и пр., произошедшие уже после подписания рукописи в набор.

1 Имеются в виду тувинцы.

2 Philologiae Turcae Fundamenta Т. 1, с. 641; ср.: О. Латтимор (China Yearbook, 1934, с. 72 и сл.), который опирается здесь, конечно, на Потанина, Грум-Гржимайло и китайские источники.

3 Потанин Г. Н. Очерки. Вып. 2, с. 7—10.

4 Ср.: Ральдин Х. П. Этнический состав, с. 31.

5 Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, с. 178.

6 Ср.: Цолоо Ж. Урианхай аялгууг судалсан зарим дун (Некоторые результаты исследования урянхайского диалекта). — Хэл Зохиол судлал (Исследования по языку и литературе). Т. 9. Вып. 1—21. Улаанбаатар, 1972, с. 57.

7 Так называет С. И. Вайнштейн исследованную мною тувинскую группу в сомоне Цэнгэл.

8 Более подробно об этом см.: Taube E. Anfänge der Selbsthaftwerdung, с. 97—108.

9 Ср.: Taube E. Einige mongolische Unterhaltungsspiele, с. 56—65.

10 Подробную информацию о тувинцах сомона Цэнгэл содержат публикации автора настоящих строк, приведенные в списке литературы.

11 См.: Куулар Д. С. Н. Ф. Катанов и тувинский фольклор, с. 220.

12 Ср.: Кон Ф. Я. За пятьдесят лет.

13 Потанин Г. Н. Очерки. Вып. 4, с. 649—651.

14 Более подробные библиографические данные см. в списке литературы.

15 Эти полевые исследования в МНР велись по поручению научных учреждений ГДР, а не по поручению Института этнографии АН СССР, как утверждает С. И. Вайнштейн в статье «Тувинцы Монгольского Алтая». Сведения, приводимые С. И. Вайнштейном о сроках моих экспедиций («в 1970—1980 гг.») и о собирании мною этнографического и фольклорного материала от тувинцев Цэнгэльской сомона [«по согласованной (с ним. — Э. Т.) этнографической программе»], также, к сожалению, не соответствуют действительности [см. с. 233—234 статьи «Тувинцы Монгольского Алтая (кобдинские тувинцы)», помещенной в «Полевых исследованиях Института этнографии АН СССР». 1980—1981 (М., 1984) и не авторизованной мною].

16 Ср.: Дарыма О. К.-Ч. Новые записи, с. 317.

17 Ср.: Калзан А. К. О фольклоре Монгун-Тайги, с. 305.

18 Ср.: Schröder D. Aus der Volksdichtung, с. 12.

19 Калзан А. К. Из фольклора Монгун-Тайги, с. 306.

20 Galsan Tschinag. Eine tuwinische Geschichte und andere Erzählungen. Mit einem Nachwort von Erwin Strittmatter. В., 1981; Галсан Ч. Айангат цагийн тууж. Улаанбаатар, 1986 (с-предисловием Л. Тудэва).

21 Подробнее см.: Taube E. A. H. Franckes Fuchsgeschichten aus Ladakh.

22 У алтайцев встречается и дельбеген (-йелбеген) мужского пола — хозяин гор. О характере образа джелбеге см.: Schröder D. Aus der Volksdichtung, с. 75—78 (там же есть и рассуждения об азиатских сказках и о заглавьях).

23 Ср. Sharma N. Folk Tales of Nepal. New Delhi, 1976.

24 О возникающей таким образом ритмизованной прозе см.: Kara Gy. Chants d'un barde mongol и рецензию на эту книгу С. Ю. Неклюдова (Народы Азии и Африки. 1972, № 5, с. 190а).

25 См.: Баялиева Т. С. Доисламские верования, с. 137.

26 Ср.: Татаринцев В. И. О некоторых группах монголизмов, с. 174.

27 Калзан А. К. О тувинской фольклористике, с. 191.

28 О допустимых отклонениях от оригинала см.: Taube E. Tuwinische Volksmärchen, с. 336—337.

²⁹ ТС, с. 179.

³⁰ Материал моих записей 1966—1969 гг. см.: *Taube E.* Notizen zum Schamanismus bei den Tuwinern des Cengel-sum.

³¹ *Vasil'evic G. M.* Erwerbung der Schamanenfähigkeiten bei den Ewenken (Tungusen). — *Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker.* Budapest, 1963, с. 370, Ср. также: *Лебедева Е. П.* О фольклоре нанайцев, с. 14—15.

³² См. статью В. П. Дьяконовой «Об одной категории социальной иерархии шаманов», с. 222, и цитируемую в ней работу М. Mori, а также книгу Л. П. Потапова «Очерки народного быта тувинцев», с. 348.

³³ Ср. представления китайских театральных трупп в честь богов и на радость богам.

³⁴ *Пронн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки, с. 359.

³⁵ См. об этом: *Taube E.* Gemeinsamkeiten zentralasiatischer Nomadenlieder.

³⁶ См. *Неклюдов С. Ю.* Жанрово-типологическое сопоставление, с. 41.

³⁷ *Жирмунский В. М.* Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, с. 9, 13; он же. Тюркский героический эпос, с. 222. К вопросу соотношения богатырской сказки и эпоса у алтайских народов ср. также работы Е. В. Баранниковой, С. С. Бардахановой и Н. В. Кидайш-Покровской в сб. «Эпическое творчество народов Сибири». Улан-Удэ, 1973.

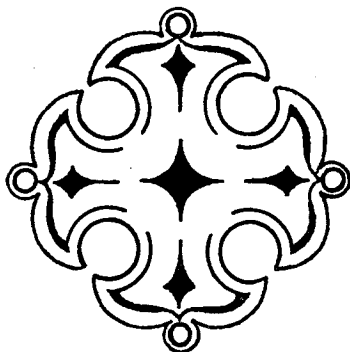
³⁸ Этому был посвящен доклад московского археолога Э. А. Новгородовой, прочитанный в сентябре 1983 г. в Алма-Ате на конференции ЮНЕСКО о культурах Центральной Азии VIII—XVIII вв.

³⁹ Так выразился рассказчик Джоксум, кончив сказку № 60. Ср. выражение *ка-ра сёс* у киргизов, которое интерпретируется как «народное повествование», т. е. не тронутое исламом, не признанное муллами устное творчество неграмотных (см.: *Радлов В. В.* Образцы. Ч. 3. Киргизские наречия, с. XIX).

РАБОТЫ Э. ТАУБЕ ОБ АЛТАЙСКИХ ТУВИНЦАХ (в хронологическом порядке)

- Kinderwiegen im Cengel-sum (West-Mongolei).— Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. [B.], 1967, 13, c. 199—206.
- Drei tuwinische Varianten zur Sage von der Herkunft der Murmeltiere.— *Studia Asiae*. Festschrift für Johannes Schubert. Pt. 1 (= Supplement to «Buddhist Yearly 1968»). Halle/Saale: Buddhist Centre, (1969), c. 263—275 [= Taube, 1968].
- Mutter und Kind im Brauchtum der Tuwiner der Westmongolei.— *Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*. 1970, 27, c. 75—89.
- Die Widerspiegelung religiöser Vorstellungen im Alltagsbrauchtum der Tuwiner der Westmongolei.— *Traditions religieuses et para-religieuses des peuples altaïques*. Strasbourg, 1972, c. 119—138.
- Baldzin-Her. Eine tuwinische Volksüberlieferung aus der Westmongolei zur Entstehung zweier Musikinstrumente.— *Wissenschaftl. Zeitschrift der Martin-Luther-Universität*. Halle, 1973, 22 (Gesellschafts- und Sprachwissenschaftl. Reihe), c. 59—66.
- Zum Problem der Ersatzwörter im Tuwinischen des Cengel-sum.— *Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker*. B., 1974 (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. 5), c. 589—607.
- Das Kastrierfest bei den Tuwinern des Cengel-sum.— *Asien in Vergangenheit und Gegenwart*. B., 1974 (Studien über Asien, Afrika und Lateinamerika. 16), c. 443—457.
- Изучение фольклора у тувинцев МНР.— *СЭ*. 1975, № 5, c. 106—111.
- Das leopardenscheckige Pferd. Märchen der Tuwiner. In der MVR gesammelt und nacherzählt von E. T. B., 1977 [= Taube, 1977].
- Zur Jagd bei den Tuwinern des Cengel-sum in der Westmongolei.— *Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*. 1977, 31, c. 37—50.
- Tuwinische Volksmärchen (übersetzt und hg. von E. T.). B., 1978 (Volksmärchen. Eine internationale Reihe) [= Taube, 1978].
- War das Urbild des Gestiefelten Katers ein Fuchs?— *Proceedings of the Csöma de Körös Memorial Symposium held at Mátrafüred, Hungary*. Budapest, 1978, c. 473—485.
- Das Märchen von Bögen Sagān Tölaj und seine Beziehung zu einer Überlieferung von der Herkunft der Cengel-Tuwiner.— *Asienwissenschaftl. Beiträge*. Johannes Schubert in memoriam. B., 1978, c. 139—168.
- Über das Sammeln von Volksdichtung unter den Tuwinern des Cengel-sum im Bajan-Olgij-Aimak der MVR.— *Abhandlungen und Berichte des Staatl. Museums für Völkerkunde Dresden*. 1979, 37, c. 201—222.
- Tuwinische Lieder. Volksdichtung aus der Westmongolei. Aufgezeichnet, übertragen und hg. von E. T. Leipzig — Weimar, 1980 [= Taube, 1980].
- Современное состояние традиционных форм быта и культуры цэнгальских тувинцев.— *Etnografia Polska*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1980, 24, c. 95—100.
- Gemeinsamkeiten zentralasiatischer Nomadenlieder.— *AOH*. 1980, 34, c. 287—296.
- Notizen zum Schamanismus bei den Tuwinern des Cengel-sum.— *Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*. 1981, 33, c. 43—69.
- Anfänge der Sesshaftwerdung bei den Tuwinern im Westen der MVR.— *Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart*. B., 1981 (Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde Leipzig. 33), c. 97—108.
- Die Tuwiner im Altai (MVR).— *Kleine Beiträge des Museums für Völkerkunde Dresden*. 1981, 4, c. 34—40.
- Goldmädchen und Feuerjunge. Zur Namensgebung bei den Tuwinern.— *Kleine Beiträge des Museums für Völkerkunde Dresden*. 1982, 5, c. 30—36.
- Aspects and Results of Investigating Tuvinian Folklore.— *The Arab World and Asia in Development and Change*. B., 1983 (Studies of Asia, Africa and Latin America. 37), c. 267—277.
- Einige Aspekte der Untersuchung tuwinischer Volksmärchen.— *Beiträge zur Zentralasienforschung*. Humboldt-Universität Berlin. Berichte. 1983, 20/83, c. 90—99.

- Relations between South Siberian and Central Asian Hero Tales and Shamanistic Rituals. — Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал (1982), III боть. Улаанбаатар, 1984, с. 165—171.
- Zur Vergangenheit der Tuwiner des Cengel-sum nach ihrer mündlichen Überlieferung. — Kulturhistorische Probleme Süd- und Zentralasiens, hrsg. von B. Brentjes und H.-J. Peuke. Halle, 1984, с. 143—156.
- Die tuwinischen Personennamen unter historisch-ethnographischem Aspekt. — Beiträge zur Onomastik II. B., 1985 (Linguist. Studien, Reihe A, Arbeitsberichte. 129/II), с. 375—383.
- Zur traditionellen Kleidung der Tuwiner des Cengel-sum. — Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Bd. 37, с. 99—127, табл. XV—XXVIII.
- Von den Rätseln der Tuwiner im Altai. — Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde. Lpz., 1988, 52, с. 56—60.
- Ergil-ool. Chan Tögüsvek (Aufgezeichnet und aus dem Tuwinischen übersetzt von E. Taube). — Heldensagen aus alter Welt. B., 1988, с. 120—128, 224—257 (то же: Stuttgart, 1988) (= Heldensagen).
- Zur Bedeutung von Sammlung und Publikation tuwinischer Volksmärchen (Wolfgang-Steinitz-Gedächtnissymposium. B., 1984). (Im Druck).
- Эпический фольклор тувинцев на Алтае в сравнительно-историческом аспекте. Материалы 29-й конференции ПИАК в Ташкенте. 1986 (в печати).
- Der tol-Begriff und die epische Dichtung der Tuwiner im Altai (Vorträge des 6. Epensymposiums des Sonderforschungsbereichs 12. Bonn, 1988, hrsg. von W. Heissig, Wiesbaden). (Im Druck).
- Zur ursprünglich magischen Funktion von Volksdichtung (Materialien der 31. PIAC. Weimar, 1988). (Im Druck).
- Der Igel in der Mythologie altaischer Völker Altaica Osloensia. Proceedings from the 32nd Meeting of the PIAC. Oslo, June 12—16, 1989. Ed. by Bernt Brendemoen. Oslo, 1991, с. 339—354.
- ālaiani — ālani — ā. Die Einleitungsformel eines altaituwinischen Erzählers als ethnographische Quelle (Festschrift für András Róna-Tas. Budapest). (Im Druck).
- Sardaḡban in den Überlieferungen der Tuwiner im Altai (Materialien der 33. PIAC. Budapest 1990). (Im Druck).
- Die altaituwinische Version des Er-Töštük-Stoffes im Verhältnis zu den Versionen anderer Türkvolker (Materialien der 2. Deutschen Turkologenkonferenz. Rauschholzhausen. 1990). (Im Druck).
- Следы сюжетов из «Джангара» среди тувинцев на Алтае. — Материалы международной научной конференции: «Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста (в печати).

БОГАТЫРСКИЕ СКАЗКИ

1. Хвала Алтаю

В стародавнее время,
Во времена, когда еще только возникал Алтай,—
Не то ли было это время,
Когда росла трава белая, как мягкая вата?
На северных склонах гор
Деревья росли, черные, как вода источников,—
Вот какие, говорят, были тогда времена!
На самые высокие вершины
Лег тогда первый лед.
В высоких скалах
Стали появляться ущелья.
Не в те ль времена было все это?
Могучий Алтай!
Когда одно за другим
Возникли дичь и птицы — эй!
И все живое — эй!
Возрадовались десять тысяч живых тварей
Своему Алтаю.
— Стал краше теперь золотой мир!—
Так радовались десять тысяч живых тварей.
Не в те ли времена было все это?
Пять видов животных стали домашним скотом;
И сами люди родились впервые.
Это было время,
Когда целиком раскрылся золотой мир.

А теперь перейдем-ка к тому, что касается человека.

2. Эргил-оол

Ааалаяний! Жил однажды маленький мальчик с серой лошадей-двухлеткой, с которой ключьями свисала прошлогодняя шерсть, маленький мальчик с кудлатыми волосами и зубками, как гниды.

Ааалаяний! День ото дня становился мальчик все больше похож на мужа: он рос, как трава, прибавлял в весе, как звери Алтая.

Ааалаяний! День ото дня он становился все более зрелым и разумным. Сделал себе лук из камыша, сделал себе стрелы из ковыля и пристрастился стрелять по ремням!

Ааалаяний! А потом он принялся стрелять вверх по взлетающим птицам и вниз по слетающим птицам.

Ааа! День ото дня мальчик все больше становился мужем, день ото дня мир становился все более прекрасным; ааа - каждый день он разбрызгивал жертвы своему великому Алтаю, привязывал жертвенные ленты к его деревьям и возносил ему молитвы. Как знать — вырос он из земли или упал с неба.

И еще была у него сине-серая лошадь-двухлетка, с которой ключьями свисала шерсть, оставшаяся с прошлого года.

Ааалаяний! На третий день прибывающего месяца он ушел молиться алтайскому небу, воскурив ему жертвы. А на четвертый день старого месяца он возвратился домой.

Ааалаяний! Сидел в один прекрасный день мальчик и размышлял: «Разве раньше не говорили: одна-единственная щепка еще не костер, один-единственный человек еще не аил». Поразмышлял так мальчик про себя, а потом поднялся на свой великий Алтай и решил отправиться куда-нибудь.

Ааа! В один прекрасный день взял он своего серого двухлетка с ключьями прошлогодней шерсти и поехал без седла, устремив взгляд прямо на север; и, оказавшись довольно высоко, увидел он какое-то завихрение, столбом поднимавшееся к небу. Если подумать, что это пыль, то скорее это похоже на дым; а если подумать, что это дым, то скорее это все же похоже на пыль.

Увидев это завихрение, мальчик задумался: «Ну как же я выгляжу: конь, на котором я еду, без седла, в руке моей никакого оружия».

Ааалаяний! Поскакал мальчик дальше и приехал к жалкому джадыру из сена. Переночевал там и снова поскакал, не меняя направления. Так он и ехал, а когда поднялся на Серый Холм Договора, до которого добрался еще накануне, и оглянулся — столб дыма, тот, что он уже раньше видел, приблизился.

«Ааалаяний! Если мне туда не поехать, то кто-нибудь, кто видел меня, решит, конечно, что я испугался», — размышлял он. Но вознамерившись ехать туда, мальчик подумал: «Проклятие, когда ты таков, что сил еще не хватает, как же это тяжело!» Так сидел он, раздираемый противоречивыми мыслями, но, хоть и тяжело было, он все-таки решил наконец: «Нет, черт побери, пристало ли человеку бояться смерти? Чем бы все ни кончилось, поеду!» Сел он на своего сине-серого двухлетка с ключьями прошлогодней шерсти и быстро поскакал к тому месту, где вздымался столб не то дыма, не то пыли. Когда мальчик скакал туда, его сине-серый двухлеток с ключьями прошлогодней шерсти вдруг остановился — а как ему было не остановиться?

Мальчик удивился, спешил, только взглянул на сине-серого двухлетка с ключьями прошлогодней шерсти, как сине-серый двухлеток заговорил.

Ааа! Губы двухлетка, похожие на крышки казана, вытянулись, и он начал говорить:

— Ааа! Ты, мальчик с зубами, как гниды, и кудлатой головой, о чем ты думаешь, куда направляешься? — так спросила его лошадь.

— Ааа! Я еду туда, хочется мне посмотреть на это завихрение, похожее на пыль, если подумаешь, что это дым, и похоже на дым, если подумаешь, что это пыль.

— Ах, как ты можешь отправиться туда, ты, малыш из малышей, ты, мальчишечка, мясо которого еще не стало мясом, кровь которого еще не стала кровью, — так сказал сине-серый двухлетка с ключьями прошлогодней шерсти.

Ааалаыйний! Когда сине-серый двухлеток с ключьями прошлогодней шерсти сказал так, мальчик задумался и не знал уже, что ему делать.

— Ах, мой мальчик, — сказал сине-серый двухлеток с ключьями прошлогодней шерсти, — где же твое седло и сбруя, без них ты не сможешь скакать на мне. Где же твое оружие, без него ты не сможешь ведь схватить врага? Каково имя твоего отца, каково имя твоей матери? И какова кличка лошади, на которой ты едешь? И как зовут тебя самого? Какова цель, к которой ты стремишься? Где дорога, по которой ты отправишься? Если тебя спросят об этом, что же ты тогда ответишь?

Так сказал его конь, сине-серый двухлеток с ключьями прошлогодней шерсти.

«Ааалаыйний! Тут и правда есть о чем подумать», — сообразил мальчик. Стал он размышлять, получил благословение от всех четырех копыт своего сине-серого двухлетка с ключьями прошлогодней шерсти, расстелил полу своего халата и стал ему кланяться этот мальчик. Ааа — тут взглянул его сине-серый двухлеток с ключьями прошлогодней шерсти вверх и чихнул; потом взглянул вниз и чихнул; и из одной его ноздри выпало полное снаряжение коня — седло и сбруя, а из другой ноздри выпали стрелы и лук — полное снаряжение, необходимое для того, чтобы отправиться на место боя, сбросил мальчику его сине-серый двухлеток.

Ааалаыйний! Мальчик вскочил, надел на своего сине-серого двухлетка с ключьями прошлогодней шерсти седло, натянул туго двадцать пять подпруг, надел ему на голову недоуздок и узду — и все как раз подошло сине-серому двухлетку.

Ааа! Лук в черных пятнах, колчан со стрелами прикрепил он себе на бедро, и вооружение так подошло мальчику — ай-яй-яй-яй!

Ааалаыйний! На голове мальчика еще был тот пушок, с которым родила его мать. Его кудлатая голова была все еще такой же, как и всегда. Ааа — сине-серый двухлеток с ключьями прошлогодней шерсти стал покусывать там и сям и съел весь пух с головы мальчика. А теперь сине-серому двухлетку с ключьями прошлогодней шерсти настала пора нарекать имена, и он обратился к своему мальчику:

— Теперь пришло нам время дать друг другу имена. И ты дай мне имя Сине-серый двухлеток с ключьями прошлогодней шерсти, одаренный при рождении двадцатью пятью умениями предсказывать будущее. А себя ты можешь назвать Эргил-оол, родившийся с зажатými в кулаке кончиками сердец двадцати пяти настоящих мужчин из двадцати пяти разных краев, родившийся с зажатými в

кулаке кончиками сердец десяти настоящих мужчин из десяти разных краев, тот, отец которого — Небо, а мать — Земля. — Вот какое имя дал ему его Сине-серый двухлеток.

Ааалаяний! И сказал тогда мальчик:

— Получилось, кажется, очень метко! — и вскочил на своего сине-серого двухлетка с ключьями прошлогодней шерсти, одаренного при рождении двадцатью пятью умениями предсказывать будущее, опоясался, надел лук и стрелы, и с этого дня родился он как славный герой.

Ааалаяний! Теперь пожелал он узнать, что же все-таки случилось, и отправился туда, где вздымалось что-то похожее на пыль, если подумать, не дым ли это, и похожее на дым, если подумать, не пыль ли это.

Ааа! Взобрался мальчик на холм, спешил, повел свою лошадь и, еще раз оглядев все вокруг, осторожно нагнулся над вдруг оказавшимся перед ним отвесным обрывом: он убедился в том, что это поднимался дым. И, приглядевшись повнимательней, он увидел, что приближается большой пожар.

Ааа! Увидел он пожар, и огонь стал пробиваться к нему, а перед языками пламени мчался большой змей в черных пятнах, кончик его хвоста уже кое-где обгорел. И подумал мальчик: ах вот ведь тоже бедняга этот змей, как ему приходится удирать! Спасу-ка я ему жизнь! И он вытянул из лука в черных пятнах украшенное черными пятнами волшебное средство, вызывающее дождь, обратился с заклинаниями к небу Алтая, вызвал снежную бурю, загасил пожар и засыпал змея черной легкой землей, наш мальчик.

«Ааа! Хоть это и был всего-навсего пожар, но ведь все-таки победил я врага, уничтожил зловерное существо», — думал мальчик, и постепенно мысли его успокоились. Он сел на серого двухлетка с ключьями прошлогодней шерсти и опять поехал к своему джадыру из сена.

Ааалаяний! Проведя в нем вторую ночь, он утром опять вышел к покрытым снегом вершинам своего Алтая, воскурил Алтаю жертву и принес ему свои молитвы.

Ааа! Когда он снова огляделся, то увидел опять дым неподалеку от вчерашнего места и понял, что опять приближается пожар.

И снова поехал мальчик навстречу пожару. И, вглядевшись, увидел, что опять спасается от огня его вчерашний змей и кончик его хвоста уже кое-где обуглен.

«Ах, хоть это и червь земли, он ведь бежит, спасая свою жизнь, бедняга», — подумал мальчик, поднял змея тамарисковой рукоятью своей плетки и закинул его за семьдесят горных гряд.

Ааа! Он опять отправился к своему джадыру из сена. И, скача на коне, Эргил-оол заметил, что тот самый змей в черных пятнах дожидается на дороге его возвращения. Подумал он: «Ну и ну, разве не забросил я его за семьдесят горных гряд? Что ему здесь надо?» — и сказал:

— Эй, я тебя убью, вот увидишь! — и схватил плетку с тамарисковой рукоятью, трижды обмотав вокруг запястья ее петлю, и уже хотел было ударить змея, но тот вдруг заговорил:

— Ааа! Мой Эргил-оол, не убивай меня! Я ожидаю тебя на твоём пути, потому что я из тех, кому ты помог. Я не собираюсь вредить тебе, — сказал змей.

— Ааа! Я очень спешу! Ну говори же скорей, что тебе надо сказать, выскажи то, что тебе надо высказать! — сказал он.

И когда Эргил-оол сказал это, змей ответил:

— Эй, Эргил-оол, мне хотелось бы, чтобы мы с тобой обменялись золотой клятвой и стали друзьями. Я — герой, отправившийся на войну с морем Узут. Там был один герой, которого звали Хаан на черном коне с белой звездой на лбу. Он был такой, что не хотел оставить ничего на всем большом Алтае. Ааа, сражаясь все время с этим ханом, я остался на свете совсем один и, когда не было уже никакой надежды, решил бежать, и тогда он послал за мной пламя и стал меня преследовать. Ты, Эргил-оол, спас мне жизнь. Как же мне расстаться с тобой? Пойдем вместе в мою юрту, в мою страну!

«Вот проклятие, как бы мне отделаться наконец от этого змея!» И наш Эргил-оол поднял его на рукоять своей плетки и снова закинул за семьдесят горных гряд.

Поехал он дальше, но тут остановился его Сине-серый двухлесток с ключьями прошлогодней шерсти, во времена прежнего хана назвавший себя сам Эрдинэ Гёк — Драгоценный Сине-серый. Наш Эргил-оол спешил, простер полу своего халата, снова получил благословение от всех четырех копыт коня и сказал:

— Мой Сине-серый с ключьями прошлогодней шерсти, что тебе известно? Видно ли тебе, что я умру, или видно, что вырасту?

Задавая коню эти вопросы, наш Эргил-оол держал простертой полу своего халата и молился стоя.

— Ах, этот твой змей не возвратится змеем, — сказал конь. — Ааа! Придет черноволосый юноша с широкой черной бородой и с лицом красным, как малина, и станет говорить с тобой. Будешь ли ты, дружелюбно выслушав его речь, отвечать ему по-хорошему? — вот что сказал конь.

Ааалааний! Сел наш Эргил-оол снова на своего коня по кличке Эрдинэ Гёк и поехал. Навстречу ему показался всадник, который, увидев Эргил-оола, прыгнул со своей лошади и, ведя ее под уздцы, подошел к нему. Поравнявшись с Эргил-оолом, он остановился.

Ааа! Наш Эргил-оол спросил сердито:

— Как тебя зовут? Где твоя земля? Мой путь не терпит задержки, до моей земли еще далеко. Если хочешь сказать что-нибудь, говори скорей!

— Я пустился в путь и жду Эргил-оола, чтобы встретиться с ним и сделать его своим старшим братом. Я тот, кто пришел, желая увидеть твое юное лицо, — сказал он. — Ааа, я господин всего живущего в море. Ну а где ваша земля, какова кличка вашего скакуна? Каково ваше собственное имя? Меня зовут Один из девяти героев-ленников Гесер Богды, — сказал он.

— Что касается моего скакуна, то его зовут Сине-серый двухлесток с ключьями прошлогодней шерсти, одаренный при рождении двадцатью пятью умениями предсказывать будущее. Что же до мо-

его собственного имени, то зовут меня Эргил-оол, мать которого — Земля, отец которого — Небо,— сказал Эргил-оол.

— Ааа! Теперь я отправлюсь с вами, пойдем в мою юрту! — настойчиво просил тот.

И когда тот стал уж очень наседать, Эргил-оол сказал:

— Я приеду завтра! — И, узнав у него название местности, он сделал зарубку на солнце, забил колышек на луне, точно назначив день и месяц, и дал обещание тому человеку.

Оба они стали добрыми друзьями, наши герои, призвав на свои головы защиту Балджыр Бургана, на свои косы — защиту Гесер Богды, а на свои темечки — защиту Очир Бургана и дав друг другу золотую клятву.

Ааалаяний! Теперь наш Эргил-оол опять поехал к своему джадыру из сена, а наш юноша с обрамляющей его лицо черной бородой и лицом красным, как малина, повернул прямо на север и усекакал. Встав утром, наш Эргил-оол тотчас собрался и поехал прямо на север, вслед за своим добрым знакомцем.

И, скача по дороге, он вспомнил слова, сказанные ему накануне его добрым другом.

— Когда ты взберешься на большую и высокую гору Сюмбер, то увидишь тогда перед собой большое море,— сказал он.— Если ты, высоко подняв полы своего халата и закрыв глаза, прыгнешь на середину этого моря, то там окажется дом, сложенный из трех домов, вставленных друг в друга, к нему привязаны собаки Озер и Гозар. Как будто не видали они никогда человека, набросятся на тебя собаки Озер и Гозар. А ты, подумав о том, что эти собаки еще никогда не видали человека,— хлоп! — и опустишь полы своего халата, и обе собаки остановятся. Когда ты пройдешь в третью дверь, увидишь, что там на черном троне лежит и спит змей, черный, как коршун. Если ты скажешь: «Добрый друг, все ли у тебя мирно и благополучно?» — я, конечно, проснусь. Над этим змеем на троне в черных пятнах будет спать, свернувшись кольцами, змей в черных пятнах. Если ты поздороваешься с ним так: «Отец, все ли у вас мирно и благополучно?» — то поднимется и подойдет к тебе старик. А над ним на троне в бледных пятнах будет спать змея в светлых пятнах. Если ты обратишься к ней с приветствием: «Ну, матушка, все ли у вас мирно и благополучно?» — то встанет старая женщина и пойдет тебе навстречу.

Ааа! Все это он ему сказал. Ааалаяний — когда наш Эргил-оол поднялся теперь на ту высокую гору, он увидел, что там действительно раскинулось большое море. Ааа — прыгнул он в него с закрытыми глазами. Все, что тот сказал ему заранее, оказалось истинной правдой: две собаки, Озер и Гозар, появились и напали с двух сторон. Он подумал: эти собаки никогда еще не видели человека, и — хлоп! — опустил полы своего халата. И тогда обе наши собаки остановились. Когда он прошел и в третью дверь и, войдя, посмотрел — на нижнем троне в черных пятнах лежал, свернувшись в девять колец, большой черный змей. Он обратился к нему с приветствием:

— Добрый друг, все ли у тебя мирно и благополучно?

Тот ответил:

— Да, мирно и благополучно, добрый друг. А сам ты здоров ли и благополучен?— И подошел к нему его знакомец и пожал ему руку.

Ааа! Змея в черных пятнах на троне в черных пятнах он спросил:

— Эй, отец, живется ли вам мирно и благополучно?

И тот отвечал:

— О да, благополучно и мирно, сын мой. А сам ты благополучен ли и здоров?— И седоватый старик поднялся и пошел ему навстречу.

Теперь он спросил его мать о ее самочувствии. На троне с бледными пятнами лежала змея в бледных пятнах, и оттуда поднялась старуха с совсем белой головой:

— Ааа! Сын мой, здоров ли ты, благополучен ли?— спросила она.

Ааалааний! Так приветствовал он своего отца, свою мать и доброго друга. Разожгли огонь без дыма, сварили чай без пара² и накормили Эргил-оола. Он насытил свой проголодавшийся желудок, отоспался за все недоспанное и был счастлив.

Ааа! Пришло время Эргил-оолу уезжать. Но до отъезда он сказал своему верному другу добрые слова:

— Ну вот и наступило время моего отъезда. Моя страна далеко, люди мои воинственны, я поеду,— сказал он.

Ааа! Тот ответил:

— Правильно, добрый друг.

И потом спросил родителей:

— Что же нам дать нашему другу?

— Возьмет ли он нужные ему вещи или возьмет скот и будет его содержать?— спросили они.

Ааа! Эргил-оол отвечал:

— На что мне скот, который надо содержать, и разве я не найду нужных мне вещей? А вот если вы дадите мне тот золотой ларец, что стоит на ваших сундуках, его-то бы я взял. Это как раз то, что подойдет, ведь он займет немного места и на скаку его можно держать перед собой за пазухой.

— Ах, сын мой, ну подумай сам, как же мы можем его отдать тебе, как можем подарить именно этот ларец?— сказали они.

— Ну, раз так, то я вообще ничего не возьму!— сказал наш Эргил-оол, и рассердившись, он уже хотел было уйти, но тут они сказали:

— Ах, мой мальчик, оставайся. Мы дадим тебе ларец, а там уж будет видно.

И они взяли и подарили ему свой золотой ларец. Старик и старуха, плача одним глазом и смеясь другим, протянули ему ларец.

Ааа! Его добрый друг сказал:

— Ну вот, Эргил-оол, когда ты уже будешь в своей стране, положи свое седло под подушку, возьми вместо одеяла войлочный чепрак и положи этот ларец, не заглядывая в него, рядом со своей подушкой. Потом ложись и приоткрой ларец, не заглядывая в него, ни в коем случае, открывая, не заглядывая в него!

Взяв ларец, Эргил-оол отправился в путь. Взорвавшись на свою большую гору Сюмбер, он сел на Сине-серого двухлетка с ключьями прошлогодней шерсти и поскакал туда, где раньше жил. Сделав из своего седла подушку, а из войлочного чепрака — одеяло, он открыл крышку золотого ларца и лег спать. Ну и долго же спал он!

Вдруг в его сон ворвался какой-то шум, и он услышал какие-то звонкие голоса. Удивился он: «Ну и ну, вот чудеса! Что бы это могло быть?» Открыл глаза наш Эргил-оол и поразился, увидав себя на кровати с восемью ножками; а когда встал, то увидел, что у казана на очаге хозяйничает фея, такая прекрасная, и от нее исходил такой яркий свет, что можно вдеть нитку в иголку, что можно при таком свете охранять лошадей.

Ну можно ли было нашему Эргил-оолу оставаться лежать, спрятавшись в своем укрытии! А когда он встал, чтобы одеться, раздался крик:

— Встает наш хан, добро пожаловать к нам!

Кто-то побежал и принес ему сапоги, другой бегом принес ему шубу. Они одели его, подняли, дали ему облегчиться и посадили его на ханский трон.

А выйдя из юрты, он увидел множество людей и юрты айла, стоящие одна рядом с другой. Земля и его величественный Алтай были полны людей и скота, а он был человеком, которому отныне на земле принадлежала власть надо всем и надо всяким.

3. Эрген-оол

Когда возникли земля и вселенная во всей своей красе,
Когда раскачивались молодые деревья
высотой в тридцать сажень
И трава осока высотой в три сажени,

жил тогда простой паренек по имени Эрген-оол. Однажды он поднялся на свою гору Сюмбер, чтобы поохотиться и добыть себе дичи. Настрелял он там самых красных соболей и самых синих бобров.

Вечеру он вернулся в свою золотую, как дворец, белую юрту, сварил себе цветного красного чая своего бургана и выпил его. И заснул он крепким сном, а утром опять проверил свой скот и отправился на гору Сюмбер поохотиться. Оглянулся он и увидел, что от середины желтой степи Сарамбай движется большой красный огонь.

«Будь проклят тот, кто отнимает место у собственного отца! Что там за пожар?» — удивился он. Стал он заклинать погоду, вызвал большой дождь и загасил огонь.

Загасив огонь, он повернул к дому, и вдруг на дороге встретился ему короткий и толстый черный змей.

— Давай подружмся, добрый друг мой! — попросил он.

— Ах ты проклятый, отнявший место у собственного отца! Я рожден человеком и никогда еще не водил дружбы с гадами! Я рассеку тебя на куски, несчастный! — закричал он, занеся свою желтую плетку. Но не успел он опустить ее, как змей исчез.

Поехал он дальше и опять увидел короткого, толстого змея.

— Будем друзьями! — сказал тот. Но Эрген-оол опять повторил свое, и, как только он поднял плетку, змей снова исчез.

Поскакал он дальше, и вдруг его конь остановился. Соскочил Эрген-оол, протер по земле полу своего халата и спросил у него благословения. И молвил его конь:

— Стань другом короткого, толстого змея. — И опять, не успели они тронуться, появился короткий, толстый змей и заговорил:

— Добрый друг, давай подружимся!

— Сказать по правде, я до сих пор еще никогда не водил дружбы с червяком, да уж ладно, коли так!

И тут змей превратился в смуглого юношу с розовым лицом на синем коне. Стали они разговаривать, смеяться, а когда приехали к юрте, был устроен большой праздник. Сварили мясо семидесяти баранов, принесли семьдесят дажыров, наполненных арагы, и стали пировать. А когда они пришли в себя, оказалось, что прошел целый месяц.

— Ну, добрый мой друг, настало время мне уезжать. До моей страны очень далеко. И вот что скажу я тебе на прощание. Приезжай в гости к нам в юрту. Если ты поедешь прямо на юг, то увидишь там большую черную гору. Когда ты поднимешься на ее вершину и поглядишь оттуда, то увидишь посреди озера стеклянный девятислойный дом. Это и есть мой родной дом. Когда ты доберешься к нему, то увидишь перед дверью двух львов. Входи без опаски! Как войдешь, увидишь двух орлов. И их не бойся! Когда одна твоя нога будет в юрте, а другая еще снаружи, крикни: «Живете ли вы в мире и благополучии хан-отец? Живете ли вы в мире и благополучии ханша-мать? Друг мой! Явись в своем добром обличье!» А когда станешь отправляться домой, скажи: «Я возьму золотой ларец, обернутый в девять слоев хадака, что лежит у вас в сундуке». Если они не дадут его тебе, приведи меня за руку и скажи: «Я возьму моего доброго товарища!» — И, рассказав все это Эрген-оолу, он укачал прочь.

Прошло несколько дней, и Эрген-оол решил поехать к своему товарищу. Скакал он, скакал. На вершине высокой горы огляделся и увидел на острове, посреди большого озера, большой, девятислойный дом.

Да, стал он дуть на своего коня Хан Шилги и превратил его в кремешок, сунул его в свое огниво и подумал: «Пойду-ка я к юрте моего доброго друга!»

Зажмурил он глаза и прыгнул с вершины высокой черной горы. Он услышал какой-то звук — плых-плюх — и почувствовал, что нога его уперлась во что-то. Открыв глаза, он увидел, что упал прямо перед стеклянным девятислойным домом. Не успел он коснуться земли, как на него напали два льва. Он стал отбиваться от них и кое-как проник в дверь. Тут напали на него два орла, и опять он едва от них отбился. Потом вступил он одной ногой в дом, а другую оставил снаружи и крикнул:

— Досточтимый хан-отец, живете ли вы в мире и благополучии? Досточтимая ханша-мать, живете ли вы в мире и благополучии? Мой добрый друг, явись в своем добром обличье!

Видит: лежат на трех постелях отец-змея в черных пятнах, мать-змея в светлых пятнах и тот его добрый друг — змей в желтых пятнах. И добрый его друг обернулся смуглым юношей с розовым лицом и подошел к нему.

Поднялись и подошли к нему отец и мать его друга. Сварили мясо девяносто баранов, принесли со всех сторон девяносто дажыров арагы, устроили веселый праздник. А когда очнулись, оказалось, что прошел целый месяц. И тогда он сказал:

— Ну, досточтимые хан-отец и ханша-мать, и ты, друг-хан, теперь мне пора ехать!

— Что же ты возьмешь, мальчик?— спросили они.

— Если дадите, я взял бы золотой ларец, завернутый в девять слоев хадака, что лежит в сундуке.

— Да этого мы не можем отдать, мальчик! Возьми что-нибудь другое из скота или вещей!

— Ну ничего, если вы не можете это дать, я возьму с собой моего доброго товарища,— сказал Эрген-оол. Но когда он взял его за руку, те закричали:

— Ладно, бери себе ларец — вынули его и вручили ему. Он положил ларец за пазуху.

Но, выйдя, он не знал, как попасть теперь на вершину той горы. Подошел к нему человек и спросил:

— Ну что ты здесь стоишь, мой мальчик?

— Ах, я не знаю, как подняться на ту гору!

— Ну, коли так, закрой глаза и сядь мне на ладонь!

И когда он закрыл глаза и сел к нему на ладонь, дунул этот человек изо всех сил. И Эрген-оол взлетел и упал прямо на вершину той горы.

Своего коня Хан Шилги, обращенного им в кремешок, он снова вытащил из огнива, сел на него и поехал к своей юрте. Здесь он открыл свой ларец и заглянул в него, там лежали вырезанные из ушей метки: пяти видов скота, ножницы и игла.

— Ах, проклятие! Быть мне таким добрым другом и дать мне эдакую дребедень! Ну и дрянь же это!

С треском швырнул Эрген-оол ларец о край своей постели, да и заснул.

Назавтра, на заре, когда пришло время вставать и он отогнал свой долгий сон и проснулся, везде — и в юрте, и вокруг нее — кишело множество скота, а внутренность его юрты светилась.

«Что такое?»— Он осторожно огляделся и увидел, что девушка сияющей красоты уже сварила и остудила цветной красный чай его бургана.

И подумал тут Эрген-оол: «Что же мне теперь делать?» Ему было так стыдно, что он решил не вставать. Но наконец он не выдержал, сделал вид, что только-только проснулся, и вскочил. И тут же двое мужчин подали ему сапоги, украшенные узорами, двое мужчин набросили на плечи теплую шубу. Когда он вышел по малой нужде, кто-то крикнул:

— Ах, юноша, отдай половину твоего народа!

Как только он вернулся в юрту, ему принесли львиный трон о восьми ножках.

— Ах, отдай какую-нибудь часть этого народа!— молвила девушка, остудившая чай, и тут же большая часть его людей начала уходить.

Эрген-оол выпил чаю и пошел охотиться на свою гору Скумбер. А в том краю жил хан по прозванию Харагаты Хаан с черными мыслями.

Этот хан отправился на охоту с тысячью воинами. Они подстрелили трех перепелов, но не нашли, на чем бы их зажарить.

Оглянулся хан и увидел посреди большой долины, рядом с высокой белой горой, черную реку — черную реку, окаймленную деревьями.

Послал он двух своих людей, дав им тех трех перепелов, и сказал:

— Отнесите их в большой лес у той белой горы, зажарьте и принесите обратно!

И они, привязав трех перепелов к своим седельным ремешкам, усаkali галопом. Но, прискакав туда, увидели: то, что они считали белой снежной горой, на самом деле белая юрта-дворец, а то, что они принимали за черный лес, пятнистый черный скот.

Подойдя к белой юрте-дворцу, они крикнули:

— Эй, попрдержите-ка своих собак!

Тут кто-то выглянул в щель палатки, и два всадника, ослепленные сияющей красотой женщины, сползли с лошадей с правой стороны, а не с той, с какой положено. Потом они зашли в юрту и сказали:

— Харагаты Хаан с черными мыслями приказал нам то-то и то-то и велел: «Зажарьте трех перепелов и принесите их обратно». Можно зажарить их в вашей юрте?

— О, конечно, конечно, зажарьте их там у очага,— отвечала женщина.

Жаря перепелов, они не могли отвести глаз от этой красавицы и забыли про перепелов. А когда пришли в себя, был уже вечер. Взглянули — а от их перепелов остались лишь три круглых обуглившихся комочка. Оба заплакали. А жена Эрген-оола спросила их:

— Что вы плачете?

— Ах, теперь Харагаты Хаан с черными мыслями убьет нас!

— Ну полно, нечего плакать!

Отрезала она три куска от хвоста овцы, побрызгала на них молоком из своей груди, подула и дала им:

— Вот, возьмите, дайте ему и скажите: «Мы зажарили трех перепелов и принесли тебе».

Хан ел их и никак не мог съесть, и он и все его люди ели их целый месяц, да так и не доели. И подумал тут хан: «Так вот оно что! Убить бы еще этих птиц, которых называют перепелами, и поест бы их, вот это лакомство!»

И отправился опять на охоту. Он охотился с сотней воинов, и они убили трех перепелов. Но, съев их, он не насытился. И сказал хан:

— Приведите ко мне тех двух людей! Убейте их!

И когда хотели уже их убить, они сказали:

— Лошади, которую продают, раскрывают пасть — таков ведь обычай? А человеку, которого хотят убить, дают слово — ведь таков обычай, хан?

И спросил тогда хан:

— Ну, где это вы недавно зажарили трех перепелов?

— О, то, что вы считали белой горой, оказалось не чем иным, как белой юртой-дворцом, а то, что вы считали черным лесом, это был черный пятнистый скот. Мы пошли в юрту, чтоб зажарить перепелов. Но там мы не могли отвести глаз от сияющей красоты хозяйки юрты. И наши перепела сгорели, а хозяйка юрты отрезала три кусочка от хвоста овцы, побрызгала на них молоком из своей груди, подула и дала их нам, — рассказали они ему.

И тогда хан послал туда двух других своих людей. И они пошли туда, крикнули:

— Попридержите своих собак.

И вышла та женщина. Так сияла она красотой, что они зажмурили глаза и сползли с лошадей не с той стороны, с какой положено. Выпили они чаю, поскакали назад к хану и доложили ему:

— Да, все это правда.

Отослав тысячу своих воинов, хан один отправился к этой юрте. Подойдя к ней, он крикнул:

— Эй, попридержите своих собак!

А когда выглянула жена Эрген-оола, хан соскользнул на правый бок коня и еле удержался в седле, вцепившись в его гриву.

И хотел хан провести там ночь. Только женщина легла на кровать, как сказала:

— Ах, в старости человек становится забывчив! Я забыла прикрыть жар пеплом.

Тут воскликнул хан:

— Ну, чего уж там, я прикрою, — вскочил, и она заставила его до утра сражаться с пеплом. Ведь жена Эрген-оола была человеком, знавшим двадцать одно волшебство.

Назавтра хан опять остался ночевать. И, ложась на кровать, она воскликнула:

— Ах, моя забывчивость! Я не прикрыла войлоком дымовое отверстие!

— Я выйду, — сказал хан, — натяну войлок и вернусь.

Он пошел и, как только схватился за веревку на войлоке, так и приклеился к ней.

И, несмотря на все это, он остался еще на одну ночь.

— Ах, я не заперла дверь, придется нам спать с отпертой дверью, — сказала она, ложась в постель.

Хан сказал:

— Я пойду запру дверь и вернусь.

Пошел хан, но, прикоснувшись к двери, он приклеился к ней. Ну вот, на этот раз он переночевал, до рассвета колотясь о дверь.

Проведя так три дня, он собрался домой:

— Ладно, когда вернется ваш муж, скажите ему, пусть приедет к нашей юрте!

Через несколько дней возвратился с охоты Эрген-оол. Лег он вечером в постель, а жена и говорит ему:

— А теперь я хотела бы что-то рассказать, можно?

А он как закричит:

— Проклятие! Не хватало еще, чтобы женщина изрекала мне свои мудрости,— и толкнул ее хорошенько. Да так толкнул, что она упала с кровати. Но она опять легла на кровать и опять попросила разрешения что-то рассказать, и вновь он толкнул ее. Когда же она в третий раз попросила позволения что-то рассказать, разрешил он ей молвить слово.

Рассказала она ему все, что было в его отсутствие, и добавила:

— Это был Харагаты Хаан с черными мыслями. Он побился об заклад, что возьмет меня. Но это ему никак не удалось, и он хотел пригнать меня к себе красным огнем. Вы погасили этот огонь, и я стала вашей женой. Харагаты Хаан, полный черных мыслей, превращает место, которое он предлагает тебе, в ад, а еду, которой он угощает тебя,— в отраву.

На следующий же день Эрген-оол пустился в путь. Приблизившись к юрте того хана, привязал он своего коня Хан Шилги, а когда оглянулся, то увидел, что тот холкой достает до небесных облаков, а четырьмя ногами перекатывает валуны нижнего мира — так он стоял. Снял Эрген-оол с себя все мужское снаряжение, отнес его на солнечную сторону и прислонил к юрте; тут послышалось: крактарс — и юрта вся перекосилась. Затем он вошел, и ему сказали: «Сядь на львиный трон о восьми ножках!» Но он не стал садиться на него, прошел и сел рядом с ханом. Когда тот налил ему арагы, он сказал хану:

— Попробуйте сами!

Хан обмакнул в арагы свой палец и обжег его. И сказал тогда Эрген-оол:

— Место, которое вы предлагаете,— ад, а еда, которой вы угощаете,— отраву. Что вы за хан?

Разозлился хан:

— Относишься к тебе как к человеку, кормишь-поишь тебя, а ты не пьешь.

Тут выплеснул Эрген-оол арагы, и он спалил все на площади в семьдесят сажений.

И сказал тогда хан Эрген-оолу:

— Хорошо, побьемся трижды об заклад: на жену и скот другого!

Сначала Эрген-оол должен был спрятаться. Он пустил вскачь своего коня, приехал домой и, едва спрыгнув с коня, стал рыть под своей кроватью яму. А жена его и спрашивает:

— Что вы там делаете?

— О, я заключил пари с Харагаты Хааном с черными мыслями и теперь прячусь.

— Ну и глупец же вы, рыть под кроватью!— воскликнула она.— Садитесь! Уж я найду выход, когда придет хан.

Когда она услышала топот копыт ханского коня, она подула на Эрген-оола и превратила его в железный утюжок на длинной рукоятке и поставила его на огонь.

Хан искал-искал, ничего не нашел.

— Ладно уж, Эрген-оол, выходи,— крикнул он.

— Ну и слеп же этот хан, ну и дурак!— появился Эрген-оол.

— Да, это пари ты выиграл,— сказал хан.

Настала очередь хана прятаться.

— Он превратится в шерстинку дорогой скотины и повиснет под войлоком крыши своей юрты слева,— сказала Эрген-оолу жена.

Он пошел туда, поискал немного для виду в юрте, а потом вытянул из войлока крыши на левой стороне юрты один овечий волосок.

— Да, и это пари ты тоже выиграл,— сказал хан.

Теперь опять была очередь Эрген-оола прятаться, и его жена сказала ему:

— Сиди, пусть он приезжает!

Хан приехал, спешился. Тогда жена подула на Эрген-оола и превратила его в щипцы для очага. Не найдя его, хан закричал:

— Ладно, и это пари твое!

А Эрген-оол сказал:

— Совсем ослеп этот хан! Ищет и даже не видит человека, сидящего здесь!— встал и подошел к нему.

— А теперь хан спрячется, превратившись в средний из трех стеблей камыша, посреди черного острова, севернее его юрты. И если сможешь, быстро сломи его!— сказала Эрген-оолу его жена.

Подойдя к трем стеблям камыша на острове, он воскликнул:

— Боже мой, какой красивый камыш! Возьму-ка я его на ручку к моему кнуту! — Но только он хотел сломить его, как перед ним возник хан и крикнул:

— Ради бога, ты сломаешь мне спину! Два пари уже твои!

Пришел Эрген-оол домой, и жена опять заставила его ждать прихода хана. А как только тот явился, она подула на мужа — и он превратился в ножницы для материи. И хан опять не мог найти его и сдался:

— Ладно, все три пари твои.

— Что ж это за хан — ничего он и угадать не может!— крикнул Эрген-оол и встал рядом с ним во весь рост.

— На этот раз хан пойдет и оборотится в пеструю желтую плетку у привязи его коня,— сказала жена.

Отправился туда Эрген-оол, поискал там-сям и сказал:

— Боже мой, какая красивая плетка!— И только он хотел схватить ее, как хан закричал:

— Ладно, ты выиграл все три пари. А раз ты такой молодой и умелый, походи убей Эрлик Хаана и возвращайся! Сумеешь, так все — твое!— сказал хан.

— Когда-нибудь и молодой человек достигнет середины жизни, и подковы коня износятся на далеком пути!— изрекла жена.— Поезжай не раньше чем через два дня,— сказала она,— возьми с собой восемь мешков песка, семь бечевков из сухожилий, семь палок-кожемялок², один овечий хвост и отправляйся!— сказала она.—

Если ты отправишься прямо на юг, то увидишь, что по выжженному летнему пастбищу аила бегают черные песики. Подзови его, накорми овечьим хвостом, а потом скажи: «А теперь, братец, пойдешь в землю Эрлика и подожди там своего старшего брата!» — и, удавив его насмерть, отрежь ему хвост и засунь ему в пасть. Потом ты увидишь большую снежную гору, высыпь свой песок, и ты перейдешь через нее. Потом придут семеро мужчин, страдающих от чешотки, и спросят: «Почесаться нам о тебя или о твоего коня?» Дай им тогда семь палок-кожемялок. Потом придут семь женщин и спросят: «Вытянуть сухожилия у твоего коня или у тебя самого?» Дай им семь бечевок из сухожилий, — так поучала его жена.

Провел он дома еще две ночи, затем взял с собой все это и отправился в путь. И по дороге с ним случилось все то, что предсказала ему жена. И он сделал все так, как она ему посоветовала.

Наконец он увидел по обе стороны большой крутой скалы двух людей — мужчину и женщину.

— Где ты? Где я? — кричали они все время друг другу.

— Что вы за люди? — спросил их Эрген-оол.

И они ответили:

— Ах, когда мы жили в стране людей, мы были мужем и женою, а спали, отвернувшись друг от друга, и, когда мы попали на тот свет, Эрлик Хаан наказал нас вот таким образом!

Пошел он дальше и увидел по обе стороны озера двух людей, мужчину и женщину, кричащих: «Где ты? Где я?»

Он спросил:

— Что вы за люди?

И они ответили:

— Ах, когда мы жили на земле людей, мы всегда плевали друг на друга. А теперь, когда мы попали в мир иной, вся наша слюна превратилась в озеро — так мы наказаны.

Пошел он еще дальше и увидел кипящий бронзовый котел с водой. Он спросил:

— Чей же это котел?

И услышал ответ:

— Это котел человека, который был крайне скупым.

А котел кипел, и в нем была одна-единственная мозговая кость без мяса.

— Чей же это котел?

И ему ответили:

— Ах, когда его хозяин жил на белом свете, у него было всего в избытке. Это котел человека, у которого никогда не было еды для сестер и братьев.

Пошел он дальше и видит: какой-то человек ест листья чая величиной с монгольскую корову.

— Что ты за человек? — спросил он.

И тот ответил:

— Ах, когда я жил на белом свете, я выбрасывал чай, не выварив его хорошенько!

Двинулся он дальше, а к нему подошел юноша и сказал:

— Ну как, вы благополучно прибыли, старший брат?

— Да, хорошо, благополучно,— ответил Эрген-оол.

Это был, оказывается, его черный песик. Юноша привел его в свою юрту и спросил:

— Ну, скажи, братец, знаешь ли тайну Эрлик Хаана? А я знаю. Когда он говорит: «Я сплю, я сплю», значит, он не спит. А когда он говорит: «Я не сплю, я не сплю» — вот он как раз и заснет. Он заснет к утру.

Ну, пошел Эрген-оол в юрту Эрлик Хаана, а там сидели девять женщин. И спросил он Эрлик Хаана:

— Что за женщина сидит на самом почетном месте?

— Эта женщина, когда она жила на белом свете, родила девять сыновей,— ответил Эрлик Хаан.— Следующая за ней женщина родила восемь, следующая — семь, и так далее по порядку.

Эрген-оол остался там. Он все думал, как бы погубить жизненный дух хана, но не мог ничего придумать.

Тогда спросил он совета у Хан Шилги. И тот научил его:

— Ну, коли так, превратись в волосок от конского хвоста и ляг под войлочную крышу у хана. Как только он скажет: «Я не сплю, я не сплю», вскочи в его ноздрю и разорви нить его жизни!

Пришла ночь. Эрген-оол превратился в волосок и лежал под войлоком крыши и слышал, как Эрлик твердил: «Я сплю, я сплю». К утру он вдруг стал бормотать: «Я не сплю, я не сплю». Услышав это, Эрген-оол проскочил в его ноздрю и оторвал кончик его сердца, а потом превратился в серого сокола величиной с быка и улетел. В пути он опять принял свой облик и пошел, и тут он увидел: бежит черная собака, один человек ведет ее на цепи, а другой погоняет. А значило это, что Эрлик убил Харагаты Хаана с черными мыслями и вот вел его. Ведь Эрлик Хаан — такое существо, что если он даже и умрет, то опять оживает и остается жив.

Так и выиграл Эрген-оол все пари и вернулся в свои земли. И стал он жить в мире и радости.

Арагы капал с его бороды,
Жир капал с пальцев —
Так счастливо зажил он с тех пор.

4. Зачин сказки

Ну, дети мои, сейчас я первым расскажу сказку.

Столько было темно-пятнистых коней, говорят,

Что они весь Алтай наполняли.

Столько было темных черногривых коней, говорят.

Что они весь Хангай наполняли.

Золотой источник и источник серебряный

Служили им водопоем, так ведь говорят!

А пестрая большая гора Скумбер-Уула

Служила им заслоном, говорят.

Начал вертеться земной шар

И был сотворен Чингис Хаан, говорят.

Это было время, когда все тринадцать вершин Алтая

И весь мир были красы совершенной, говорят.
Рога горного козла доставали до неба, говорят,
Хвост верблюда доставал до земли.

Таким, говорят, было то время.

Была трава осока длиной в три сажени,
Были молодые деревья в тридцать сажений,
Это было время, когда как раз возник
Золотой мир, говорят.

Это было время, когда жил истинный муж

По имени Бёген Сагаан Тоолай.

У хвоста лисы был тогда конец,

У хвоста коровы было тогда начало.

Была осока-трава длиною в три сажени,

Были молодые деревья в тридцать сажений,

Не счесть было черных деревьев,

Не найти конца текучих рек.

Были моря, прекрасные своими водами.

Это было время, когда сыны и дочери людские

Как раз начали счастливо и подолгу жить на свете.

Ведь так говорят, не так ли это было?

Уу-уу-уу-уу-иий...

Это было время, когда они начали объезжать

Своих темно-пятнистых коней,

Которые весь Алтай наполняли,

Когда они начали охранять своих темных черногривых коней,

Которые весь Хангай наполняли,

Когда они пасли свой скот,

Охотились на свою дичь — не так ли это было?

Уу-уу-уу-уу-иий...

Это было время, когда наш истинный муж утолял свою жажду
водой золотого и серебряного источников и поднимался на свою
большую пеструю гору Сямбер. Он вытер свои пятнистые глаза ха-
даком, оглядел мир и сказал:

— Есть ли на свете враг скоту моему и мне самому?

Это был паренек, которого звали Бёген Сааган Тоолай.

5. Бёген Сагаан Тоолай

В давнее время,
Когда прославляли Чингис Хаана,
Когда возник весь мир,
Когда летал еще Хаан Гэрди,
Когда возникла земля,

тогда и случилось, говорят, что появился на свет рожденный быть
мужем Бёген Сагаан Тоолай, так рассказывают.

С кудлатой головой,
С зубами, как гниды,
В коротком халате,
В стоптанных сапогах,
В меховой шубе,

Подпоясанной веревкой,
Наш храбрый мальчик
Бёген Сагаан Тоолай, дорогой,
Был тут как тут.

Только пронесся слух, что пришло время и родился дорогой наш храбрый мальчик, как на страну Бёген Сагаан Тоолая напал Хюрелдей Хаан. Как только до Хюрелдей Хаана дошла весть, что родился Бёген Сагаан Тоолай, он сказал:

— Захватим-ка его страну, пока он еще не стал мужчиной!

Собрал он десять тысяч своих воинов и обложил его. Собрал он шестьдесят тысяч своих воинов и окружил его. Они пришли, когда он лежал еще в люльке, — что же еще им оставалось делать! А оба его старших брата, несчастные, были как раз в это время на охоте. Как прослышали золówki, что идет на них за добычей Хюрелдей, завернули они Бёген Сагаан Тоолая в вату, чтобы не было на нем грязи, сунули ему вместо соски корень березы, чтобы не было на нем греха, а потом спрятали его в тополином дупле и ушли. Едва успели они это сделать, как явился Хюрелдей, захватил их и богатую добычу, не оставив ничего, ну, решительно ничего.

Забрал он всех буро-каурых лошадей, наполнявших ущелья,
Необезженных каурых лошадей, наполнявших долины.

Им, бедным, обрезал хвосты он и гривы¹,

Сделал их своей добычей и ушел.

Вот как, рассказывают, дело было.

Эй-ей-ей-ей².

Уй-юй-юй-юй³.

Когда пришел в себя Бёген Сагаан Тоолай,

Показалось ему, что после смерти он снова

к жизни вернулся,

Что после долгого сна он очнулся.

Сказал он: борс — не было вокруг ни пылинки,

Сказал он: барс — ничего вокруг не было видно.

И вот лежал он нищий, совсем один. Потом сел, посмотрел туда-сюда и увидел круглый отпечаток стоявшей здесь прежде юрты, — казалось, огромное юрты и быть не могло. Увидел он и следы, оставленные скотом, — никогда еще, казалось, многочисленнее стада и быть на свете не могло. Догадался он, что жеребцам-двухлеткам обстригли хвосты и гривы и увели их прямо на запад. Оглядел он хорошенько место, где стояла юрта, и заметил посредине четыре камня от очага — огромные, как четыре холма. «Для чего они тут?» — подумал он и отвалил один из камней. Взглянул и увидел под ним громадное огниво. Сдвинул он второй камень и нашел под ним моток веревки с плетеным серебряным концом длиною в три сажени. Он взял ее себе, а что было ему еще делать? Откатил он третий камень и нашел под ним серебряную палку длиною в шесть саженей. Что оставалось ему, как не колеблясь взять себе и ее. Сдвинул он наконец последний камень — под ним лежала его трубка с головкой из ивового дерева и его цветной синий табак. Что оставалось ему делать, как не колеблясь взять все это себе. Собрав свои вещи, он хорошенько огляделся, набил трубку с головкой из ивового дерева, закурил свой цветной синий табак, посадил в землю серебряную палку длиною в шесть саженей и снова уселся, оглядывая все вокруг. «Что же произошло?» — думал он, и, осмотрев все вокруг очень внимательно, он наконец понял:

«Вон оно что, враги разграбили мои владения и утащили добычу на запад!» Ведь он уже стал мужем, разум его созрел — как же ему было этого не понять? А если приглядеться хорошенько, было видно, что здесь жил народ, многочисленнее которого и быть не могло. Несчастный! Сидя здесь, он понял все.

— Вот безобразие! — воскликнул он. — Что же они, не знали, что ли, что я стану мужчиной? Я отомщу этой ненавистой стране и потребую свое добро обратно! Я обращаю мою месть на эту проклятую страну!

Огляделся он вокруг и вдруг заметил, что на краю неба появилась серебряная подпорка.

«Что бы это значило?» — и, приглядевшись, понял, что это серебряная лестница, уходящая в небо. Взобрался он по ней и увидел золотую лестницу, уходящую в небо. «Что это со мной?» — подумал он, и, превратившись уже в мужа с созревшим разумом, понял он: «Мой народ стал добычей врагов, пришедших с запада, — это ясно. Но ведь известно, что мужчина может трижды испытать свои силы, — отправлюсь-ка я в путь!»

Бёген Сагаан Тоолай —
С кудлатой головой,
С зубами, как гниды,
В коротком халате,
В стоптанных сапогах,
Подпоясанный веревкой —

перекинул через плечо на спину свою серебряную палку длиною в шесть сажений, и, взглядевшись, вызнал он, что, обрезав жеребцам-двухлеткам хвосты и гривы, сложили из них враги на дороге оваа высотой с гору и двинулись дальше.

И сказал он:

— Ну не возмутительно ли это? Не потому ли они ограбили меня, что считали меня мертвым? Не потому ли они выразили свое презрение, что считали меня погибшим? Я это разужнаю!

Что ему еще оставалось делать, как не отправиться по их следу? Решил он это в своем сердце, хряснули его коренные зубы: тарс, сошлись его брови: хюрс, и отправился он в погоню. В твердой почве утопали его ноги по щиколотку, в мягкой почве утопали они по колено. Так он шел, что казалось, будто годовой путь превращается в путь месячный, казалось, будто месячный путь превращается в суточный путь, казалось, будто суточный путь превращается в путь однодневный, казалось, будто путь однодневный превращается в путь одного часа.

Эй, шел он, шел и наконец увидел — одними уголками глаз — крытую корой землянку. «Что за землянка?» — подумал он и, подойдя к ней, услышал, как там разговаривали два человека:

— Не умер ли наш бедный младший брат Бёген Сагаан Тоолай в своей люльке? Не погиб ли он в своей колыбели? Пока мы сидим здесь оба, может быть, высохла уже грудь Бёген Сагаан Тоолая, может быть, кости его торчат из земли?

Заглянул он в землянку и увидел двух беседовавших друг с другом мужчин.

— Эй, что вы за люди? — спросил он их.

— Ах, Хюрелдей Хаан разграбил нашу страну. А мы отправились за ним. Семь лет мы безуспешно гнались за ним. А теперь вот сидим здесь в тоске, грязные и оборванные. Тут и умрем. Тогда только еще родился наш младший брат Бёген Сагаан Тоолай. Но он остался дома. Наверное, погиб и пропал. Нет у нас еды, чтобы идти дальше, и мы слишком устали, чтобы самим поохотиться. Поэтому и сидим здесь, готовясь к смерти, — таков был их ответ.

Услыхав это, Бёген Сагаан Тоолай спросил:

— А из какого вы хошуна? В каком вы жили хошуне?

— Да из какого же мы могли быть хошуна! Мы жили в хошуне «Четыре сумуна». Пришел хан Хюрелдей Мерген и поработил нас, как раз тогда, когда родился Бёген Сагаан Тоолай. Долго мы гнались за ним. А теперь вот сидим здесь, силы наши на исходе, а его мы так и не догнали!

О, как только Бёген Сагаан Тоолай услышал это, скрипнули его коренные зубы: тарс, сдвинулись его брови: хюрс, и опять сказал он:

— Вот безобразие! А вы что за люди?

— Мы — старшие братья героя по имени Бёген Сагаан Тоолай. Когда Хюрелдей угнал наш народ и наших родителей, мы бросились за ним вдогонку. А теперь сидим здесь, умирая с голода, а его так и не догнали!

Тут он вскочил, перекинул за спину свою украшенную серебром палку из сандалового дерева длиной в шесть сажений и сказал:

— Сидите здесь, я скоро вернусь!

Гнал он с горных вершин вниз, в степь, горных козлов и там убивал их, загонял он с равнин вверх на вершины гор горных козлов и убивал их, сложил из них целую гору и отдал ее своим братьям, сказав:

— Я — ваш Бёген Сагаан Тоолай! Я стал зрелым мужчиной. Моя рука достает до седельных ремешков, моя нога достает до стремени. Теперь-то я отомщу ненавистной мне стране! Уж утолю я там свою ненависть! А вы оставайтесь здесь до моего возвращения и ешьте понемногу, чтобы еды хватило вам надолго.

И еще настрелял он всевозможной дичи, сложил из нее высокий холм, отдал братьям и спросил их:

— В какую же мне сторону отправиться, братья?

— Ах, милый братец, — отвечали они, — откуда же нам знать, в какую тебе отправиться сторону? Идя по следу Хюрелдея, мы добрались сюда, но совсем сбились с пути!

— Вот беда, ну и глуп же я, что прошу у вас совета. Это мне следовало самому знать наперед!

И с этими словами он отправился на запад — могло ли быть иначе?

Рожденный мужем Бёген Сагаан Тоолай отправился на поиски своего врага, а было-то ему всего два-три года. Эй, шел он, шел, да и уперся в высокий завал деревьев, скатившихся с гор. «Как же мне пройти?» — подумал он. Где бы он ни искал, нигде не было прохода! Тут стал он своей серебряной палкой длиной в шесть сажений раскидывать в стороны деревья и проложил себе дорогу.

Но вскоре путь ему опять преградила высокая гора. «Как же мне взобраться на эту гору?» — подумал он. Хотел он взобраться на нее с помощью своей серебряной палки длиною в шесть саженей, но оказалось, что человеку вообще не под силу забраться на столь высокую гору. Тогда он стал своей серебряной палкой длиною в шесть саженей долбить в горе отверстие насквозь, проделал лаз и с трудом протиснулся сквозь него на другую сторону горы.

Но что это за огромное море? Там оказалось еще большее море! «Как же мне перебраться через него?» — подумал он. Но как ни велико море, люди же его переезжают! Схватился он обеими руками за свою серебряную палку длиною в шесть саженей и поплыл и таким образом перебрался. (Вот так и возник плот.)

Переплыл он это море и двинулся дальше,
Проходя годовой путь за месяц,
Проходя месячный путь за сутки,
Проходя суточный путь за полсуток.

И тут он увидел большую белую юрту-дворец, такую большую, что войлок ее крыши мог бы покрыть весь мир, а войлок ее стен мог бы покрыть всю землю. Он быстро вбежал в нее, оказалось, что это юрта Джес Мангная.

— Ого, Бёген Сагаан Тоолай, уж больно много ты о себе мнишь! Что ты тут шатаешься? Зря ты пришел, пошел прочь! — сказала жена Джес Мангная, стараясь вытолкнуть его — а что же ей было еще делать?

— Ах, беда какая! Пришел сирота в гости в вашу страну, а вы позволяете своим людям издеваться над ним! Вот уж безобразие!

Отвесил он женщине пощечину правой рукой и дал ей пощечину левой рукой, велел ей сесть, а сам занял почетное место в ее юрте. А потом сказал:

— Есть у тебя что-нибудь поесть, давай сюда!

Пока он сидел, она отрубила мясо от серого барана Борукучу, приготовила ему еду и наполнила пиалы. Да и что же ей было делать? Накормила она его, проводила к коню и отправила в путь.

— Куда ж мне теперь ехать? — спросил он.

— Поезжай на запад! — отвечала она. — Все равно тебе не проехать дальше страны Джес Мангная. Ох, как ты много о себе мнишь, сирота! Мы и не таких, как ты, видали!

Конечно, через полдня он, малый наш, добрался до страны Джес Мангная. Там стояла большая белая юрта. Войлок ее крыши мог бы покрыть весь мир, а войлок ее стен мог бы покрыть всю землю! Прислонил он к ней свою палку из сандалового дерева длиною в шесть саженей, но юрта от этого так накренилась, что он не мог бы в нее войти, даже если б и захотел.

— Да что же это за хан, если юрта у него что твой сарай — не может выдержать и одной палки!

Воткнул он свою палку на две сажени в землю и вошел в юрту.

И сказала ему жена Джес Мангная:

— Ой, беда, какое высокомерие! Зачем ты пришел, мой Бёген Сагаан Тоолай?

Он ответил:

— Эх, вот как ты говоришь с сиротой, пришедшим к вам в гости! Если ты уже приготовила что-нибудь поесть своему мужу, не дашь ли мне самого лучшего?

А она ему:

— О, как ты высоко летаешь! И не подумаю дать тебе самое лучшее из еды, приготовленной для моего мужа! Ступай-ка ты отсюда вон!

— Ой, — сказал он, — я человек, пришедший к вам в гости, и не мое ли право — отвесть белого?⁵

— Эй-ей, подбери-ка свой зад да убирайся, ну и воображала же ты! — воскликнула женщина и ткнула его несколько раз кочергой и щипцами для очага.

— О, как это безобразно — прогонять гостя! Как это назвать: оскорблять меня, потерпевшего урон! — крикнул он и давай ее тужить. А что ему еще оставалось?

— Ну и ловок ты, парень, — сказала она, приготовила еду без пара, разожгла огонь без дыма⁶, положила в пиалы самое лучшее и подала ему.

Поев, он подошел к ней и спросил:

— Куда отправился Джес Мангнай?

— Он отправился охотиться на запад. Уж пора бы ему возвратиться.

— А каким путем он возвращается домой? — спросил Бёген Сагаан Тоолай.

И она ответила:

— Он идет по дороге, прорезанной в высокой, крутой горе, лежащей на запад отсюда.

Пошел Бёген Сагаан Тоолай к выходу из ложбины, подождал немного, и из нее появился старик со стоящей торчком черной бородой. Криво сидел он на своем рыжемордом четырехлетнем коне Дёнен Галдыре, к седельным ремешкам была привязана его охотничья добыча. Бёген Сагаан Тоолай спокойно ждал на дороге. Даже не поздоровавшись с ним, Джес Мангнай заорал:

— Эй, что за нелепица! Послушай, ты испугаешь моего коня! Эй ты, чертов парень, бледный, как палка-кожемялка⁷, отойди в сторону! Лошадь моя с норовом! — И с этими словами он хотел проехать мимо.

— Коли ты принял меня за мужчину, почему не дождался моего привета? Коли ты принял меня за ребенка, почему не поинтересовался моим именем и родителями? А еще насмехаешься — вот что плохо! — сказал Бёген Сагаан Тоолай, ударил его по голове серебряной палкой в шесть сажений и засунул его в тополиное дупло. Трижды потрепав Дёнен Галдыра по морде, он подтянул на нем седельные ремешки и отпустил его со словами: «Не растеряй свою поклажу! Довези ее до дома, старый одёр!»

А наш-то милый, чем больше он мерился с силами с Джес Мангнаем, тем больше в него вливалось сил, и наконец он победил его.

И отправился наш Бёген Сагаан Тоолай дальше на запад; когда ступал он по твердой почве, ноги его уходили в нее по щиколотку; когда ступал он по мягкой почве, ноги его уходили в нее по колено.

И так добрался он наконец до страны, где жил Хюрелдей Мерген. Стояла там белая юрта-дворец. Войлок ее крыши мог бы покрыть весь свет, войлок ее стен мог бы покрыть всю землю. Ни у кого на всем свете не было такой роскошной, словно дворец, юрты! А вокруг в несколько рядов стояли молодые сандаловые деревья. И рядами окружали ее старые сандаловые деревья и тополя. Раздвинул он молодые сандаловые деревья и прислонил свою палку к стене юрты, но та и не шелохнулась. «Вот прекрасная юрта!» — подумал он и положил свою сандаловую палку длиною в шесть саженей на крышу юрты, но она ничуть не прогнулась — так прочна была эта юрта!

— О, какая прекрасная, прочная юрта! — вскричал он, отогнул войлок двери, оперся о плечи героя, сидевшего у входа, наступил на голову героя, сидевшего посредине, и уселся на самом почетном месте, рядом с сидевшим там героем, скрестив под собой ноги, как положено.

И-да, и сказала жена Хюрелдей Мергена:

— Что с тобой, ставший мужчиной? Бёген Сагаан Тоолай, да ты превратился в мужчину! Да ты молодец, милый мой!

— А куда же отправился наш друг, рожденный мужем? — спросил он, и она отвечала:

— Он отправился на охоту на запад.

— Когда же он вернется?

— Уж пора бы ему возвратиться. Сейчас он приедет, — ответила она. — Как пойдешь на запад, увидишь высокую, отвесную скалу. Вверху, на ее вершине, вырыта ложбина, да такая глубокая, что отсюда видны лишь головы всадников. Он приедет по этой дороге.

— Ах ты милая, а есть ли у тебя что поесть? — спросил он, и она ответила:

— Есть кое-что. Разве не сказано: «Настоящего мужчину нужно ценить»? Раз уж ты стал мужчиной — что же мне остается, как не угостить тебя? Настоящие мужчины, придите и дружески встретьте друг друга!

С этими словами налила она ему лучшее, что у нее было, из питья, наполнила пиалы лучшей едой, проявляя глубокое уважение, накормила Бёген Сагаан Тоолая и отпустила его.

И отправился Бёген Сагаан Тоолай спешно на запад, перекинув через плечо свою серебряную палку длиною в шесть саженей, — а что ему было еще делать? — уходя в твердую землю по щиколотку, а в мягкую — по колено.

— Гей, Хюрелдей Мерген, где ты, парень, разоривший мою землю, когда я был малым ребенком? Раз уж я не умер из-за тебя, хотел бы я встретиться с тобой в бою! — сказал он и двинулся в путь — а чего ему было еще делать?

Двинулся он в путь и увидел всадника на середине ложбины, вырубленной на вершине отвесной скалы. Стал он недвижно на его пути, уселся милый наш, опершись на свою серебряную палку длиною в шесть саженей. Поднялся тут сильный ветер. Прислушаешься раз — и кажется, что скачет он на расстоянии суток, прислушаешься другой раз — и кажется, что скачет он на расстоянии полу-

суток, — с таким шумом скакал он. Дыхание, вырывавшееся из его груди, становилось туманом, слюна, брызжащая из его рта, становилась градом — вот как он ехал. О, его дыхания не мог бы выдержать ни один человек!

И не похоже было, чтоб Бёген Сагаан Тоолай смог выдержать его. Он вогнал свою серебряную палку длиною в шесть сажений на три сажени в землю и стоял, крепко держась за нее, уйдя по щиколотку в твердую почву, — а что ему еще было делать? А храбрец с двенадцатью громами Алтая во рту все приближался. И оттого что он приближался, дыхание его чуть ли не валило с ног и отбрасывало в сторону Бёген Сагаан Тоолая, и устоял он лишь потому, что вбил глубоко в землю свою серебряную палку длиною в шесть сажений.

Эй, и вот тот разом выплыл из тумана. О ужас, лицо его, красное, как дерево мундузун, могло напугать и тысячу людей! А четыре его клыка отражали свет солнца и луны. Так и появился он, смельчак, державший во рту двенадцать лун, — могло ли быть иначе! И разве мог он не крикнуть, увидав Бёген Сагаан Тоолая, вцепившегося в свою палку, загнанную в землю на три сажени:

— Ну-ка прочь с моей дороги! Посторонись-ка, ты, слабак, бледный, как блеклая палка-кожемялка! Посторонись!

— Но я ведь мужчина — почему ж ты не берешь меня за плечи! Я ведь досточтимый человек — а ты не хватаешь меня за плечи! Что ты насмехаешься надо мной? Остановись, эй, ты! Ты еще со мной не поздоровался. Если уж тебя остановили, почему бы тебе не отнестись ко мне по-человечески? — сказал Бёген Сагаан Тоолай.

— Ой-ой, и на что только похожи твои стоптанные сапоги! На что похож твой короткий халат, лохматая голова, эти зубы, как гниды, эй ты, бездельник, подпоясанный веревкой, несчастный! Не тебе требовать, чтобы я с тобой здоровался! — ответил тот.

Когда Хюрелдей Мерген проезжал мимо него, Бёген Сагаан Тоолай сказал:

— Ну как, схватишь меня за плечи, как честный человек, или возьмешься за гибкий меч? Остановись же, Хюрелдей!

А тот сказал:

— Ну, коли так, ты, смотрю я, храбрец! Если хочешь биться со мной, давай спустимся в просторы мира, на гладь земли!

Что было делать нашим храбрецам? Они усмехнулись: хюрс-хюрс, засмеялись: тарс-тарс, сошли с коней и похлопали друг друга по плечам. Хюрелдей Мерген так привязал голову своего буланого четырехлетка поводьями к седлу, что он стоял твердо, как отвесная скала, он так связал ему ноги путами, что он стоял неподвижно, как глыба. Бёген Сагаан Тоолай, милый, вогнал свою палку длиною в шесть сажений на две сажени в землю и встал около нее.

— Эй, Бёген Сагаан Тоолай! Просто беда, до чего ты высокомерен! Ты что, приехал, чтобы сразиться со мной? — спросил Хюрелдей Мерген.

— Как же мне с тобой не сразаться? Да, я приехал, чтобы драться с тобой! — отвечал Сагаан Тоолай.

И что же оставалось Хюрелдей Мергену, как не спросить:

— А чем же мы будем драться?

— Чем бы ни драться — мне все одно, — сказал Бёген Сагаан Тоолай.

Тогда Хюрелдей решил:

— Я буду драться плечами, данными мне отцом! — Как же могло быть иначе?

— Коли так, давай! — ответил Бёген Сагаан Тоолай, подвязал свои стоптанные сапоги, подпоясал свой короткий халат и начал свой танец орла. Так как Хюрелдей Мерген родился первым, он вырвал гору, покрытую лесом, и ударил ею противника. Родившийся позже Бёген Сагаан Тоолай отломил кусок отвесной скалы и ударил ею. Оба храбреца бежали, перескакивая с одной горы на другую, и боролись. И когда оба мужа сражались, гремела бронзовая скала: хюрс-харс, когда оба славных дрались, трещала высокая отвесная скала: тарс-тарс, так навсегда и осталось — иначе и быть не могло!

Что за силач был этот Хюрелдей Мерген! Он схватил Бёген Сагаан Тоолая и подкинул его к небу, но тот обернулся змеей, обвился вокруг него, а когда он захотел сбросить его в нижний мир, тот превратился в подпорку и лег поперек. А что касается силы, то похоже было, что Хюрелдея вообще не победить. Тут Хюрелдей Мерген крепко прижал Бёген Сагаан Тоолая к своей груди, широкой, как деревянный сундук абдыраа. Но когда он хотел опять свалить его, тот превратился в шест, и с ним ничего было не сделать. Ну как тут было не разогреться мышцам Хюрелдей Мергена!

Когда ж его мышцы разогрелись, они то тут, то там обжигали и опаляли тело Бёген Сагаан Тоолая, и у него уже не было сил победить Хюрелдей Мергена. И когда дело дошло до этого, вспомнил, конечно, Бёген Сагаан Тоолай, что у каждого человека есть свое Небо-Алтай.

— Наступило время, когда Хюрелдей Мерген умертвит своей силой меня, несчастного сироту, ставшего его добычей, — сказал он, оглянулся и восхвалил царство Алтая, взглянул вперед и восхвалил родную землю. Что еще ему оставалось?

И тут собрались черные облака Неба-Алтая — и не иначе как пошел снег с градом. Мышцы Хюрелдей Мергена, обжигавшие мышцы Бёген Сагаан Тоолая, конечно, охладились. И силы и мощь этого родившегося раньше борца уменьшились — могло ли быть иначе? Теперь разгорались мышцы рожденного позже Бёген Сагаан Тоолая — могло ли быть иначе? А милый наш, хоть и родился позже, схватил Хюрелдей Мергена за бедра. Но когда он бросил его вниз, тот повалился поперек, как палка, и все было напрасно. А когда он подбросил его кверху, тот превратился в змею и стал извиваться, и ничего нельзя было с ним сделать.

И когда так случилось, пошел сильный черный град, и боевая сила Хюрелдея уменьшилась — могло ли быть иначе? А мышцы Бёген Сагаан Тоолая разгорелась — эх-эх-эх! А когда дело пошло так, что было ему еще делать, как не свалить Хюрелдея, чтобы он превратился в красного человека нижнего мира? Теперь он победил его и спросил:

— Эй, Хюрелдей Мерген, что мне теперь с тобой делать? Станем ли мы братьями и друзьями?

Когда Бёген Сагаан Тоолай сказал это, тот ответил:

— О горе! Будущим поколениям станут рассказывать историю о том, как я сдался мальчику-сироте Бёген Сагаан Тоолаю! Разве не родился я мужем? И в горе не стану я просить у тебя пощады. С тобой, Бёген Сагаан Тоолай, не стану я никогда брататься!

Выпил Бёген Сагаан Тоолай полную деревянную чашу крови из кончика сердца Хюрелдей Мергена, смолот его в каменной мельнице и засунул в яму глубиной в семь саженей. И ничего ему больше не оставалось, как уйти. Хюрелдея, рожденного мужем, Бёген Сагаан Тоолай покорил.

— О, у Бёген Сагаан Тоолая в стоптанных сапогах, коротком халате, с растрепанной головой я не стану просить пощады!

В ответ на это выпил Бёген Сагаан Тоолай всю кровь из кончика сердца Хюрелдей Мергена, уничтожил его, и вся земля и весь народ Хюрелдея стали его добычей. И ничего ему больше не оставалось, как вернуться домой.

Завладев народом Хюрелдей Мергена, он сказал:

— Где я провел длинную черту, там лежит ваш путь, а где я очертил кружок, сделайте привал на день!

Он поспешил в свою страну и по дороге посадил на коня обоих своих братьев. Приехав в свою землю, они снова сложили свой большой золотой оваа и пустили обильные воды целебного источника.

Чтобы определить место для юрты, они выстрелили вверх. Стрела Бёген Сагаан Тоолая покружилась и упала на правый край их стоянки. И точно там Бёген Сагаан Тоолай поставил свою юрту. Обоим его братьям выпал левый край, там они и соорудили свои юрты. Тут подошел и завоеванный им народ. Приведя в свою землю народы Хюрелдей Мергена, Джас Мангная и Джес Мангная, Бёген Сагаан Тоолай взял себе жену Хюрелдей Мергена и предался спокойной жизни. Его братья взяли жен Джас Мангная и Джес Мангная — как же было теперь трем братьям не зажить счастливо?

Ах, жил себе наш хороший так счастливо, да однажды пришли обе его золовки к своим мужьям:

— Этот Бёген Сагаан Тоолай берет бо́льшую долю скота! Лучших людей берет Бёген Сагаан Тоолай! Самое большое счастье достается на долю Бёген Сагаан Тоолая! А мы, бедные, не счастливы, что же это такое? Нельзя ли его сжить со света?

Посветовавшись друг с другом, его золовки и решили:

— Можно ведь убить Бёген Сагаан Тоолая! Если мы положим конец счастью Бёген Сагаан Тоолая, то сами станем им наслаждаться!

Вот что, стало быть, постоянно злило золовок. Оба его старших брата, хороших, ушли по старой привычке на охоту, и они говорили это за их спинами. А когда оба брата, бедняги, вернулись с охоты, что еще оставалось делать их женам? Они наполнили пиалы и заговорили:

— Этот Бёген Сагаан Тоолай, он берет большую долю скота, ставит лучшую юрту, ест лучшие кушанья! Если он и дальше будет жить так, мы никогда не узнаем счастья. Сживем его со свету, и тогда будем пользоваться всем, чего он нам не дает!

На эти слова золовок оба его брата отвечали:

— Нет, нам нельзя забывать наше прошлое и погубить нашего младшего, рожденного последним брата. Мы не можем сделать такое с нашим единственным младшим братом, благодаря ему мы нашли свое счастье.

Но золовки не отставали. В один прекрасный день они усадили обоих братьев, налили им арагы и вина, подали им по хадаку и пригнали из стада жеребцов-двухлеток с челками. И сказали:

— Ах, пока мы не убили этого Бёген Сагаан Тоолая, не будет нам счастья! Вот вам в подарок от нас хадак, вот наши жеребцы-двухлетки с челками на лбу. Пользуйтесь всем этим сколько захотите, а его, брата своего, убейте!

Сказали оба брата:

— Нет, вряд ли мы сможем! — На этом в первый раз и кончилось. Но они пришли и на следующий день, подарили хадаки с бурганом, пригнали своих серых коней, пришли к обоим братьям и стали их умолять. — иначе и быть не могло.

«О, до чего же глупые мы парни! Вчера они пришли и принесли хадаки, привели двух жеребцов-двухлеток с челкой на лбу. Сегодня это уже хадаки с бурганом и целый табун пригнанных серых коней. День ото дня все пуще!» — думали они. Но и в этот день братья не отважились и сказали:

— Эх, но мы ведь действительно не можем это сделать!

Возвратившись на третий день, золовки угостили обоих братьев, дали им по хадаку с бурганом, дали каждому по шубе, крытой шелком, пригнали целые стада скота и стали уговаривать:

— Если вы убьете Бёген Сагаан Тоолая сегодня ночью, видели, все эти вещи будут вашими. Пока жив Бёген Сагаан Тоолай, нам вообще не может быть счастья!

А так как подарков становилось с каждым днем все больше, братья дали провести себя и сказали:

— Ну ладно, так тому и быть! — Что им было еще делать! И они сказали:

— Мы не можем убить его. Разве мы сможем сделать это?

— Если вы согласитесь, мы и сами сделаем это, — сказали обе золовки братьям.

— Ну, если так, убивайте Бёген Сагаан Тоолая сами, на это уж мы согласны.

На четвертый день они разливали в юрте Бёген Сагаан Тоолая арагы и кумыс, празднично угощали Бёген Сагаан Тоолая и его супругу, подарили им своих иноходцев и шелковые одежды. Обе золовки притворялись и льстили: «Мой младший брат, моя золовушка!»

Устроили они пир, разливали арагы и вино, произносили застольные здравицы и льстивые речи. Так обманули они Бёген Сагаан Тоолая и опоили его.

Они подождали, пока оба, он и его жена, заснут. Тогда они украли его крепкий черный меч, закаленный кровью шестидесяти мужей, и привязали его поперек двери. Но они не унесли его серебряной палки длиною в шесть сажений — не смогли ее поднять. И сказали они братьям:

— Привяжите железный хёнек к хвосту строптивого необъезженного коня-двухлетка и гоните его с криком в загон. А мы будем кричать: «Ты мертвый иль живой? Разбой! Разбой!» После этого Бёген Сагаан Тоолай вскочит, это уж точно. А в тот момент, когда он выскочит, бедняга, разве не сделает свое дело крепкий черный меч, добрый, закаленный кровью шестидесяти мужей?

Так говорили обе золовки.

И когда он спал глубоким сном, его старшие братья привязали железный хёнек к хвосту строптивой необъезженной лошади и с криками ворвались в загон, перепугав весь скот. Обе его ничтожные золовки стояли уже наготове и закричали:

— Бёген Сагаан Тоолай, ты мертвый или живой? На нас напали, опять явился Хюрелдей Хаан, он грабит, выходи поскорей!

Бёген Сагаан Тоолай, спавший крепким сном, накинул шубу, подбитую мехом дикой лошади, но, когда он выбегал, его крепкий черный меч, закаленный кровью шестидесяти мужей, отсек ему обе ноги по ягодицы, да так, что они отвалились. Было ясно, что оба его брата и золовки разграбили все вокруг. Пока он полз и скакал на руках, они все взяли и убежали.

Волочась грудью по земле, он пополз опять в свою юрту и схватил серебряную палку длиною в шесть сажений, так как увидел, что его не жеребившаяся три года белая кобылица, которую они захватили, как раз собирается убежать. Своей серебряной палкой длиною в шесть сажений он ударил по всем ее четырем ногам и удержал ее.

Оба его старших брата, алчущие захватить землю несчастного, коварно бросили его одного на покинутой кочевке, а сами снялись с места и откочевали. Ах, что же ему, неподвижному, было делать, как не остаться, страдая от боли, в своей стране. Как был, без ног, подтащил он все-таки белую кобылицу, не жеребившуюся три года, к подножию молодого сандалового дерева. Вернувшись к своей юрте, он увидел, что в очаге есть только одна искорка жару. Он взял эту искорку, разжег с помощью щепочек огонь, раздул его, зажег кобылу, начиная от хвоста, чтобы как-то поддержать свою жизнь. А сам все думал: «Хоть я и лишился своих ног, но надо же как-то достать их!» Пополз на руках и принес обе свои ноги и положил их рядом с собой. А потом он лежал и кормился жареным мясом нежеребой кобылы. Как знать, сколько прошло дней и ночей. Он опять пришел в себя и увидел, что юркая желтая мышка гложет икру его отрезанной ноги.

«Хоть она и отрезана, но ведь это часть моего тела. Ну как не рассердиться на эту мышку!» — подумал он. Он кинул в мышку одной из лошадиных ног, и она упала с двумя оборванными лапами — иначе и быть не могло.

— Вот так-то! Иди по моим следам, следуй по моему пути! Раз ты грызла мое мясо, как же можно дать тебе спокойно жить, ах ты, несчастнаямышь! — сказал он, усевшись у костра.

А в один прекрасный день появиласьмышка, держа в пасти обе свои лапки. Приложив их к тому месту, откуда они были оторваны, она стала непрерывно глотать корень какой-то травы. Через три дня — смотри-ка! — обе лапкимышы были опять на месте.

«Оторванные лапкимышы приросли, оттого что она ела эту траву. Может быть, и мне удастся вылечить таким образом?» — подумал он. Подполз он к корням, оставшимся отмышки, приложил к себе обе ноги и стал есть эти корни. И мясо его срослось, но кости никак не срастались.

«Ах, сколько же мне еще сидеть здесь в печали совсем одному!» — подумал он. Вырвал он деревце мандалаш и, продолжая лечиться, вырезал себе из него шоор и стал играть на нем. И теперь, когда он лечился, играя на своем шооре, ему казалось, что он уже не так одинок. Ему казалось, что он снова в своей семье, — столько радости доставлял ему шоор.

А кости его между тем не срастались, хотя обе ноги приросли. Но когда он пробовал ходить, он не мог сделать ни шагу. Мясо зажило, а кости не заживали. А как поглядеть, тело его было таким же, как прежде. Жил он все время тем, что жарил и ел мясо кобылицы — а что ему было еще делать? И вдруг загремел голос:

— Пусть не смолкает напев твоего шоора, пусть он не смолкает! Продолжай играть!

Услыхав эти слова, он заиграл песню о коне Балджын Хээр-ю,обежавшем вокруг озера Марга:

«Дёёрээ Мёнгюнн, Дёёрээ Мёнгюн, о, как обежал ты четырехугольное озеро, ах, Дёёрээ Мёнгюн!» — играл он.

— О, как прекрасно звучит этот инструмент! Только пусть он не замолкает, пусть он не замолкает, пусть он не замолкает, я буду передвигаться по нему! — сказал голос.

Услыхав это, Бёген Сагаан Тоолай продолжал, конечно, играть. И вот появилось несчастное существо с высохшими черными глазами. Когда оно приблизилось, Бёген Сагаан Тоолай спросил:

— Ты кто такой?

— Меня зовут Шонанынг Шона Шилви.

— Что случилось с твоими глазами? Как ты попал сюда? — спросил Бёген Сагаан Тоолай.

— Ах, на меня напали и разграбили мою страну. Я пошел и отомстил. А когда я вернулся, оба моих старших брата возжаждали моей добычи. Они налили мне в глаза яда и ослепили меня. Отняв у меня все, они удалились, и тут я узнал, что такое нужда. Я бродил повсюду, нигде не находя себе места. Шел я, шел и вдруг услышал прекрасные звуки и пришел сюда на звуки твоего шоора.

— Увы, мне тоже навредили мои старшие братья. Возжаждав моей добычи, они лишили меня обеих ног и скрылись. Наши судьбы похожи, — сказал он, и стали они жить вместе, слепой и калека.

И вот сидели они однажды утром, жарили мясо кобылы и ели его, и вдруг по лесу с ревом пробежал олень.

— Послушай-ка, что там такое? — спросил Бёген Сагаан Тоолай. И сказал тогда Шонанынг Шона, могучий:

— Когда-то, когда я еще бродил повсюду, я слышал однажды, что олень ревет не от боли. Я слышал, что олень ревет перед смертью или перед несчастьем, угрожающим всей стране. Пойдем-ка поглядим!

— Я без ног, как тут поглядишь?

— Тогда я понесу тебя на спине! Ты хорошо мечешь палку?

— То, что я высмотрю глазами, уж не уйдет от меня — благодаря моей палке из сандалового дерева длиною в шесть саженей, — сказал Бёген Сагаан Тоолай. — Мои глаза еще остры. Была не была, возьми меня себе на спину! Пойдем к лесу и поглядим, что там!

Шонанынг Шона Шилви посадил Бёген Сагаан Тоолая себе на спину. И они отправились, волоча за собой палку из сандалового дерева длиною в шесть саженей. И увидали они человека без обеих рук, скакавшего по лесу на олене без седла. Сидя верхом на олене, он рвал зубами мясо с его шеи и спины. Ай, ну что же оставалось Бёген Сагаан Тоолаю, доброму герою, как не перебить оленю сандаловой палкой длиною в шесть саженей все четыре ноги? Когда безрукий спешился, они подошли к нему и спросили:

— Эй, ты кто таков?

— Я — Хёдээнинг Гёк Бёге.

— Что ты здесь делаешь?

— То есть как это: «Что ты делаешь?» — это говорите мне, ставшему чужой добычей! Однажды, когда я сам с добычей возвращался домой, мои братья возжаждали ее и отрубили мне обе руки. Они увезли за собой завоеванных мной людей. После того как они откочевали, я сел на спавшего оленя, а так как я был голоден и страдал от жажды, я рвал и ел его мясо.

— Ах, боже мой, как сходны наши судьбы! Собралось нас трое калек! — С этими словами они притащили оленя, разожгли костер из тополя и зажарили его. Так они и беседовали: «Ты кто такой? Кто я такой?» А что ж еще?

И сказал Хёдээнинг Гёк Бёге:

— Я никогда не упускаю того, что мне однажды попало.

Шонанынг Шона Шилви сказал:

— Я много чего слышал, так как я из вас самый старший. Слышал я, что в верхнем мире есть принцесса. Она может дать глаза слепому, может дать ноги безногому, может дать руки безрукому. Найдём ли мы волшебное средство, чтобы отправиться за ней туда?

Бёген Сагаан Тоолай ответил:

— Я могу обернуться соколом и полететь, а потом превратиться в иноходца. Этими двумя волшебствами я владею.

И когда он спросил: «Хёдээнинг Гёк Бёге, а у тебя какая волшебная сила?» — тот ответил:

— Я могу превратиться в синего волка и побежать. Если это не нужно, то никаким другим волшебством я не владею.

— Ну, коли так, отправляйся ты, Бёген Сагаан Тоолай! Если ты пригласишь сюда с неба младшую дочь Арыкча Хаана и доставишь ее сюда, мы получим волшебное зелье.

Бёген Сагаан Тоолай превратился в сокола и стал подниматься все выше по золотой лестнице неба. Когда он достиг верхнего мира, у Арыкча Хаана был в самом разгаре большой пир. Такой большой пир! Хороший наш отправился туда, превратился в черного иноходца — им, людям, он вообще не был виден. А там была одна подданная хана — старая женщина с одной-единственной осиротевшей дочерью... Три дня он бегал вокруг иноходью — что было ему еще делать? В черного иноходца превратился Бёген Сагаан Тоолай, а хан издал приказ: «Того, кто поймает нам этого черного иноходца, наградим мы землями и добром!»

Бегал Бёген Сагаан Тоолай иноходью туда-сюда, но не давал поймать себя людям хана. А среди его подданных была та старуха с единственной дочерью. И когда Бёген Сагаан Тоолай хорошенько рассмотрел дочь этой старой женщины, ему показалось, что она-то и есть та принцесса, которая может дать глаза слепому, ноги безногому и руки безрукому. Сколько людей старались окружить его — он им не давался. Прыгал то туда, то сюда и не давался. Но дочери той старой женщины в хадгыре он дал поймать себя сразу же, как только она подошла к нему.

Когда единственная дочь старой женщины привела к хану черного иноходца, хан увел его и запер в стеклянном доме. В тот день Бёген Сагаан Тоолай был черным иноходцем, но, как только настала ночь, он превратился в сокола и насыпал под себя кучу конских яблок. Все думали, что это настоящий конь, и однажды разрешили младшей принцессе поскакать на нем.

Три дня она гоняла его иноходью по всем окрестностям, а потом он унес ее, обманув десять тысяч охранявших ее воинов. Дыханием из своей груди напустил он черного тумана, чтобы они заблудились, а потом унес девушку вниз, в нижний мир, — ничего иного и быть не могло.

Десять тысяч воинов Арыкча Хаана искали ее в тумане до полного изнеможения. Но конечно, не смогли найти принцессу. Пока десять тысяч воинов Арыкча Хаана обшаривали верхний мир, Бёген Сагаан Тоолай прибыл уже в нижний мир.

Когда он принес принцессу в нижний мир, то, уж не знаю сколько дней, все трое — безглазый Шонанынг Шона Шилви, безрукий Хёдээнинг Гёк Бёге и безногий Бёген Сагаан Тоолай — не могли отвести глаз от ее красоты. Сидели они и смотрели на нее, а когда пришли в себя, огонь в их очаге погас. Когда они очнулись и хотели раздуть очаг, огня уже не было.

— Ой, теперь есть у нас прекрасная дочь хана, да нет огня! Теперь по нашей вине она умрет! Вот ведь такое несчастье! Что нам делать теперь, принцесса? Откуда взять нам огонь — спрашивали они принцессу, которую привели к себе. И она сказала:

— Эй, вот что я слышала однажды. Вы, несчастные, не можете никуда пойти: у одного из вас нет глаз, у другого — рук, у третьего — ног. Вы такие беспомощные! Но я кое-что слыхала: есть в нижнем мире старуха, которую называют джелбеге. Говорят, что ее огонь вообще никогда не гаснет. Я пойду туда, попрошу у старухи огня и вернусь. Слыхала я, что старуха-джелбеге очень опасна,

что она пожирает мир. Очень коварная старуха! Но я уж как-нибудь проберусь туда и возвращусь! А вы сидите здесь!

С этими словами принцесса ушла, и к тому времени, когда пришла к золотой лестнице неба, она успела все обдумать: «Я пришла к этим калекам и принесла им беду. Если б не я, эти несчастные калеки не упустили бы огонь. Сначала я снова зажгу их очаг, а уж потом вернусь домой!»

Огляделась она вокруг и увидела большое облако дыма, поднимавшееся к самому небу. Пошла она туда и увидела на земле бледную старуху с седой головой, которая спала, лежа на одном своем ухе и прикрывшись другим.

— Бабушка, бабушка! Что случилось? Здоровы ли вы?

— Я здорова, здорова, дитя мое. Ты откуда?

— Ах, дорогая бабушка, я сирота из верхнего мира. Спустившись в нижний мир, упустила свой огонь. Я пришла попросить у моей бабушки огня.

— Ах, милая моя девочка, йе-йе-йе, я не могу улечься, когда встану, и не могу встать, когда улягусь. Возьми там чуточку жар-ра! — сказала она. Принцесса подошла, подставила свой подол и отгребла в сторону золу.

А старуха-джелбеге сказала:

— Уй, милая моя девочка, давай я тебе насыплю жару!

Она проколола подол халата, насыпала в него пепла, а потом жару и отпустила девушку. С жаром в подоле принцесса вернулась к калекам — а что ей еще оставалось? Она пришла, раздула им огонь, приготовила еду и села с ними.

А старуха-джелбеге решила съесть эту принцессу. Дорогу она отыскала по следам пепла, высыпавшегося из ее продырявленного подола. Пришла она туда и решила: «Выпью кровь этих калек и сожру их!» И после того как однажды пришла джелбеге, оказалось, что она полностью высосала кровь той прекрасной, сияющей принцессы. На следующий день с шумом встали все трое — безглазый, безрукий и безногий. А когда настало время готовить еду, они увидели, что принцесса сидит бездыханная и не говорит ни слова.

— Привезли мы себе такую красавицу, а с ней вон что случилось! Нет нам счастья! — сказал Бёген Сагаан Тоолай. А Шонанынг Шона Шилви, безглазый, слепой, сказал:

— Э, однажды я слышал что-то. Говорят, было существо, которое звали джелбеге. Оно вот так выпивало из человека кровь, а потом съедало его самого. Ох, наша принцесса принесла огонь от джелбеге, а теперь джелбеге пришла и высосала из нее кровь! Сегодня она пришла и выпила кровь, а теперь сожрет ее. Если она придет завтра, то съест всех нас! На тот случай, что она сегодня вернется, посадим нашу принцессу в юрте на самое почетное место и покараулим ее! — так он сказал.

— Ну, Хёдээнинг Гёк Бёге, а ты-то что умеешь?

— О, вообще не было еще случая, чтобы я выпустил что-нибудь, что мне попало в руки.

— Ты что, такой сильный? — спросил его Шонанынг Шона Шилви.

— О, если что-нибудь хоть на миг попадет мне, то я уже этого никогда не выпущу! — отвечал он. — Ну а теперь возьмемся за старуху-джелбеге, которая выпила кровь из нашей принцессы, — сказал Хёдээнинг Гёк Бёге и уселся на пороге у двери. Шонанынг Шона Шилви сел по другую сторону. Бёген Сагаан Тоолай превратился в сокола и уселся наверху, у дымового круга. В час самого глубокого сна, о мой Гурмушту, явилась старуха, уши которой покрывали чуть ли не весь мир, — а иначе и быть не могло! Едва появилась она в дверном проеме, как тотчас же проглотила принцессу — ведь вчера она уже высосала из нее кровь! В тот момент, когда она уже глотала ее, Хёдээнинг Гёк Бёге ухватил ее за уши и уселся на нее верхом.

— Ну и могучая же ты бабища! Выплюнь ее, выплюнь ее! — закричал Хёдээнинг Гёк Бёге в отчаянии, что не успел помешать ей проглотить принцессу, и схватил ее за оба уха. Шонанынг Шона Шилви уселся ей на зад, а Бёген Сагаан Тоолай обхватил руками ее голову — а что им было еще делать?

— Выплюнь, выплюнь! — повторяли они.

И так и эдак заставляли они ее выплюнуть принцессу, но все было напрасно. И тут они поняли, что принцесса оказалась в мизинце джелбеге. Ведь это соловей сел на дымовой круг и запел: «Мизинец, мизинец!»

— Почему он пел «мизинец»? — удивились они и стали осматривать мизинец джелбеге. Тут-то они и поняли, что принцесса, проглоченная джелбеге, спряталась в мизинце ее ноги. Отрезали они его, освободили принцессу, и она опять была живой и такой же прекрасной и сияющей принцессой, что и прежде.

— Ну если ты на такое способна, то проглоти и Бёген Сагаан Тоолая! — закричали они и заставили ее проглотить его.

А потом она выплюнула его — и появился Бёген Сагаан Тоолай уже с целыми ногами.

Они заставили ее проглотить и Шонаныг Шона Шилви. Но, заставив ее проглотить его, они никак не могли добыть его обратно.

И опять прилетел соловей и запел: «Мизинчик на руке, мизинчик на руке!» — и тут они увидели, что он забрался в маленький палец ее руки. Они отрезали ей мизинец, заглянули в него, и — о чудо! — в него был втиснут Шонанынг Шона Шилви. И вышел оттуда с распрекраснейшими глазами.

Тогда Бёген Сагаан Тоолай и Шонанынг Шона Шилви схватили старуху-джелбеге за уши и заставили ее проглотить их безрукого товарища. И когда она выплюнула его, это был уже человек с настоящими, хорошими руками. Обрадовались они и закричали:

— Как прекрасно иметь руки! Как прекрасно иметь глаза! Как прекрасно иметь ноги!

Теперь наконец все были здоровы по-настоящему! И так как джелбеге излечила их, они отпустили ее восвояси, а сами устроили пир.

И сказала тут дочь Арыкча Хаана:

— Да, теперь вы все выздоровели, и я уже вернула вам свой долг — сделала для вас все, что могла. И вам не надо даже прово-

жать меня домой. Воскурите Алтаю двенадцать жертв! А когда ваш можжевельник сгорит, я возвращусь к себе!

Они сложили большой золотой оваа, воскурили двенадцать жертв, прочли свои молитвы и принесли самые лучшие жертвы — а что им, трем прекрасным богатырям, еще оставалось делать?

Принцесса, милая, оборотилась к небу и полетела снова в верхний мир, в царство Алтая. А трое ее мужчин сидели такие счастливые: у безглазого снова появились глаза, у безногого — ноги, а у безрукого — руки.

— Что будем теперь делать? — стали они думать и рядить.

— Пойдем и объединим вместе три наших владения, которые были разграблены.

И они, все трое, пошли в разных направлениях — а как же иначе?

Ах, дорогой мой, к тому времени, как эти трое разошлись в трех направлениях, трем их женам глубоко врезались в плечи веревки, на которых они носили корзины с навозом, а сами корзины натерли до ран их спины. На лопатках трех их лошадей могли наклеваться досыта три сороки, на их бедренных костях можно было повесить по ведру — такие они были истерзанные.

Три храбрых мужа прибыли, чтобы объединить три своих хошууна. И увидели они, что в ямках над глазами их лошадей вывелись птенцы, что меж их лопаток досыта наелись сороки, что на заострившихся бедрах висят ведра — вот в каком виде были их кони! А что было с тремя женами? Их спины натерли до ран корзины с навозом, в их плечи врезались веревки корзин. Они так исхудали, увидели они, что не могли даже встать без посторонней помощи.

Да, и тогда три храбрых мужа привели с трех разных сторон три своих хошууна. Поглаживая головы и шеи своих лошадей, привезли они трех своих жен — вот как дело было. Три храбрых мужа гладили своих лошадей и гнали их туда, где они могли выпить чистой воды и поесть свежей травы. Они усадили своих жен, и каждый из них сказал:

— Радуйся своему счастью! Исцели свои израненные плечи!

А потом трое мужей сказали:

— Мы отомстим!

Каждый из них привез своих старших братьев и обеих золовок — всего их было двенадцать человек, — и, подвергнув мучениям, они бросили их в безлюдной степи, оставив им еды.

Тот, кому выкололи глаза, выколол глаза обоим своим старшим братьям. Тот, у кого были отрублены руки, отрубил своим старшим братьям руки. А Бёген Сагаан Тоолай, у которого отняли обе ноги, отрубил обоим своим старшим братьям ноги. Они отвезли этих двенадцать человек в безлюдную степь и оставили их там. Они сложили им запас еды и сослали их туда.

А потом они вернулись и пировали семь дней и ночей без передышки и шесть дней и ночей без перерыва.

А когда кончился их великий праздник, они опять пошли в степь невестить братьев; те уже лежали при смерти, погибали: они

не нашли еды и ничего не ели. Когда они пришли туда и поглядели, те лежали и произносили свое последнее слово:

— Твоим потомкам я стану злым духом. А самому тебе, раз уж ты здесь, я стану тучей насекомых!

Наверное, потому в наше время стало так много комаров и мух.

6. Эр Агыын

С супругой Эрвен Джечен,
С принцем Эрге Мёндюр,
С орлом Оле Барчин,
С псами по имени Гезер и Базар
Жил славный Эр Агыын.

Было у него два старших брата, оба бедняки. Да и у Эр Агыына не водилось никакого богатства, кроме лошадей, принадлежавших стаду его жеребца Быстрого Гнедого. Но завистливые старшие братья хотели известить младшего брата. И для этого украли они меч Эр Агыына и привязали его поперек дверной рамы в его юрте.

К хвосту Быстрого Гнедого они привязали хёнек, набросали в него камней и погнали жеребца к юрте Эр Агыына. Поднялся дикий шум, тут и они закричали:

— К нам пришла война! Эр Агыын, ты мертвый или живой? Что ж ты лежишь да спишь?

Эр Агыын проснулся и выбежал из юрты, но тотчас же рухнул с обрезанными по бедра ногами.

А его братья уже сгоняли спешно верблюдов и лошадей, навьючивали животных, силой увели жену Эр Агыына, согнали весь народ и двинулись в путь. Но пока люди еще собирались и грузились, жена Эр Агыына волшебством поместила арагы из восьми дажыыров в один дажыыр и превратила мясо девяти баранов в мясо одного барана. И то и другое она положила в корыто, из которого поили Быстрого Гнедого, туда же сунула весточку: «Они похитили меня».

Придя в себя, Эр Агыын нашел все это возле себя. Девяносто дней питался он мясом девяти баранов, восемьдесят дней освежал его арагы из восьми дажыыров. Он сломал тополь, выдул из него сердцевину и вырезал себе шоор. Однажды, когда он сидел и играл на своем шооре, услышал он голос: «Кто ты, мой добрый помощник, младший брат или мой старший брат? Если ты моложе меня, то будешь мне единственным младшим братом, а если ты старше меня, то будешь мне единственным старшим братом. Пусть не замолкает голос твоего шоора, пусть он не замолкает!» И к нему подошел слепой человек, на ощупь ища дорогу, падая и опять поднимаясь.

Они поздоровались и разговорились, и выяснилось, что и он тоже попавшее в беду создание: два его старших брата ослепили его. Они налили ему в глаза свинца, отняли у него скот и все имущество и бросили его в безлюдной земле. Имя его было Шону Шилби.

Пока они сидели так и Эр Агыын снова играл на своем шооре, опять раздался голос: «Кто ты, мой добрый помощник, младший брат или мой старший брат? Если ты моложе меня, то будь моим

единственным младшим братом; если ты старше меня, то будь моим единственным старшим братом. Пусть не замолкает голос твоего шоора, пусть он не замолкает!»

И к ним приблизился крепко привязанный к спине оленя человек без рук. Эр Агын удáрил своим мечом, олень упал.

— Дар ли это алтайской земли, что лежит подо мной, или это дар неба, что надо мной? — сказал человек, вырывая ртом куски мяса из спины оленя и поедая их.

Когда они разговорились, то оказалось, что и он попал в беду. Его старшие братья отрубили ему руки, привязали его к спине оленя и пустили в безлюдный край. Имя его было Хёдээнинг Гёге Харазы.

Позже к ним прибилсá еще один бесцельно блуждавший мальчик-сирота, и они заключили братский союз. Сирота заботился о своих братьях, он ловил им маленьких рыбок. Однажды в закинутую им рыболовную сеть попался золотой лебедь. Мальчик не решился убить его и рассказал о нем своим братьям.

Они сказали:

— Мы ведь едва не умираем с голоду! Перережь лебедю глотку и носи его сюда!

Мальчик вернулся. Но когда он хотел перерезать лебедю шею, тот заговорил:

— Сохрани мне жизнь! Я — единственная дочь владыки Неба, — и превратился в красивую девушку. И приняли они дочь владыки Неба в свое содружество, и теперь их в семье стало пятеро.

Трое старших братьев, отдохнув немного и подлечив свои раны, ходили на охоту, младший, как и раньше, ловил сетью мелкую рыбу, а девушка оставалась в юрте и вела хозяйство.

Однажды четыре брата поймали зайца. Они подарили его своей единственной младшей сестре, чтобы та не скучала. Как-то девушка заигралась с зайцем и забыла про огонь. Она очень испугалась, но вспомнила: разве не рассказывают, что у существ, которых называют джелбеге, всегда есть огонь? Она пошла вдоль большой реки, шла, шла и увидела дым, поднимающийся из крытого корой джадыра. Она вошла, а там жила старуха-джелбеге, на одном ухе лежала, а другим прикрывалась.

— Откуда ты, милое дитя? — спросила она, и девушка объяснила, что она вышла из дому, чтобы найти огонь.

Та сказала:

— Поешь немного, а потом возьми огонь и иди!

Она кликнула двух своих злых и уродливых собак — желтую и черную. Установила цинковый котел. Собаки отряхнулись, и в котел посыпалось столько вшей, что он наполнился до краев. Их джелбеге и зажарила для девушки. Когда девушка поела, джелбеге исколола полу ее халата, насыпала в нее пепла, а сверху положила жару. Девушка побежала домой. Но там, где через проколотую полу халата просыпался, образуя след, пепел, появились на земле ростки молодых ив.

На следующий день, не успели братья отправиться на охоту, к юрте явилась старуха-джелбеге, прискакавшая по следу на пятнистой собаке, и сказала:

— Ну, где твои калеки? Где твой слепой? Несчастлиная, давай сюда твой мизинец!

Девушка испугалась и протянула ей мизинец. Джелбеге долго сосала его, а потом удалилась. Когда вернулись братья, то в лице девушки не было ни кровинки. И она не отвечала на их расспросы.

На следующий день, только ушли братья, опять появилась джелбеге, сказала те же слова, что и вчера, насосалась из другого пальца девушки и убежала. Вернувшись, братья увидели, что девушка еще жива. Теперь она наконец рассказала, что с ней случилось. Три брата спрятались, чтобы выследить джелбеге, и опять она появилась верхом на пятнистой собаке.

— Где слепой? — закричала она и тотчас проглотила девушку. Но не успела она и глазом моргнуть, как с трех сторон выскочили трое мужчин и схватили джелбеге.

— Если вы пощадите мою жизнь, — закричала джелбеге, — я тебя, безрукого, превращу в человека с обеими руками, тебя, безногого, в человека с ногами, тебя, безглазого, в человека с двумя глазами! Убедитесь сами, что я не лгу!

Ее вырвало, и выскочила единственная дочь небесного владыки — еще более прекрасная и цветущая, чем раньше.

— Как все-таки хорошо быть здоровой, — закричала она и убежала в сторону.

Теперь они заставили ее проглотить Шону Шилби, и, когда она вернула его, тот воскликнул:

— Ай, как хорошо все-таки иметь два глаза!

От радости он пел и танцевал.

Когда и Хёдээнинг Гёге Харазы был проглочен и выплюнут джелбеге, он крикнул:

— О, чего все-таки стоят две руки!

И своими руками то валил он на землю лиственницу, то выдирал из земли другую и не мог нарадоваться.

Последним они дали ей проглотить Эр Агыына, но она не возвращала его — ни когда они скомандовали: «Готово!», ни когда отодрали ее за уши. Тогда они убили джелбеге и взрезали ей живот. А там уже сидел Эр Агыын с двумя ногами, из кончика его стрелы сыпались искры, а ствол дымился. Натянув лук, он как раз собирался прострелить дыру в животе джелбеге, чтобы выйти наружу.

7. Хевис Сююдюр

.
В стародавние времена,
Когда возник мир,
Когда, говорят, сложился мир земной,
В то время, когда появился на свет
Рожденный быть мужем Хевис Сююдюр,
Старшим братом которого был Алдычы Мерген
На серо-белом коне,
Отцом которого был старец Агваан
С белой головою,
Жил тогда рожденный быть мужем

Алдычы Мерген,
Местом дневного отдыха его
Был серый холм у дороги,
Приютом его
Была пестрая гора целебных источников.

Так как рожден он был мужем, он, конечно, отстреливал на пестрой горе целебных источников лучшую дичь. И если отправлялся он на охоту при молодом месяце, то возвращался, когда тот был уже старым. И тогда верхние его седельные ремешки были натянуты до предела под тяжестью добычи, а нижние седельные ремешки обрывались, и добыча падала — могло ли быть иначе!

Кто знает, сколько лет он охотился так, но однажды, когда он вернулся с охоты домой, появился на свет рожденный мужем Хевис Сююдюр.

«Родился у меня младший брат — поддержка в старости, вот когда я наконец вкушу счастья!» — подумал Алдычы Мерген и устроил праздник — иначе и быть не могло — на семь дней без роздыха. А отпировав шесть дней — ведь большой был пир, поехал он снова на охоту. Ведь к этому он привык сызмала, к этому лежало его сердце, и ничем его было не перебороть.

«Родился Хевис Сююдюр! Наконец и я узнал счастье! Родился мой младший брат! Поохочусь я теперь пять дней, да и вернусь домой» — так думал Алдычы Мерген, отправляясь на охоту — иначе и быть не могло — на пеструю гору целебных источников. Но сколько ни гонялся за дичью наш герой, рожденный мужем, ничего в этот раз ему не попало. И туда метал он свою палку, и сюда — ничего. Гнал он горную дичь вниз по склону и кидал в нее своей дубинкой — ничего; гнал он дичь со склонов вверх на гору и метал в нее палку — и снова ничего.

«Ну, значит, пришел мой смертный час», — решил он. И так как в этот день не было ему ни в чем удачи, вернулся он спешно к своему серому коню, владевшему даром провидения. Дыхание, вырывавшееся из груди коня, было словно черный туман; слезы, капавшие из его глаз, градом падали на землю — такой он был грустный!

— Эй, ты, коли хочешь проглотить своего собственного хозяина, сейчас самое время! Что ты видишь впереди? У меня ведь всегда была богатая добыча! Что же случилось на этот раз? — спрашивал он. В конце концов он нагнал осиротевшего детеныша архара, уложил его, а когда галопом прискакал с этой единственной добычей домой, то оказалось, что народ его захватили как добычу и не осталось там ни пылинки, ни соринки — вот что случилось.

«Ну, теперь я погиб», — решил Алдычы Мерген. И он стал взбираться по золотой лестнице неба. И когда он поглядел оттуда во все стороны — эгей! — на дне одного очага клубилось что-то вроде тонкого дыма. Поскакал он туда во весь опор. А там, оказывается, оставалась его жена, отделившая себе табун длинногривого карего жеребца.

— Что случилось, что тут произошло? — спросил он.

И она ответила:

— Ах, нашу страну с боем покорил Гургулдай Хаан! Два-три дня я с трудом тащила на себе твоего младшего брата Хевис Сююдюра, а потом, завернув его в вату, чтобы не было на нем грязи, и сделал ему соску из березового корня, чтобы не было на нем греха, я спрятала его. А потом я и сама укрылась в горах и отстала от них. На хана по имени Гургулдай Хаан обычный человек и взглянуть не посмеет — такое это опасное существо! Я видела этого хана — от одного его вида, от его дыхания люди разбегаются. Поэтому-то я и скрылась с помощью хитрости и притворства, и мы остались целы. Теперь нам не жить — ни тебе, ни мне — в нашем почтенном возрасте. Не успел наш младший брат родиться, как нас завоевали. Нё будет нам больше счастья!

— Ой-ой, коли так, не отправиться ли мне вслед за ним, чтобы отомстить? Как думаешь? — спросил он.

— Ах, глупости, никто еще не мог победить его, куда уж тебе, милый мой! Разве он не всемогущ? — отвечала она.

— Вот если Хевис Сююдюр умер в своей люльке, если он высох в своей колыбельке и если он не станет сражаться за нас — а ему этого не сумеет — тогда нам обоим погибель! — сказала она.

— Ну что ты болтаешь! Маленький слизнячок! Как же ему не высохнуть, как ему выжить? Много же пройдет времени, пока он сможет принести мне счастье! Попробую-ка и пойду я сам! — решил Алдыычы Мерген.

— Вот глупости, ну что ты задаешься! Коли ты такой смелый, то не допустил бы, чтобы мы стали чужой добычей! Почему же мы сами не завладели ими, когда они напали на нас?

Так говорила жена Алдыычы Мергена.

Тем временем Хевис Сююдюр пришел в себя — он словно после смерти снова вернулся к жизни, как бы проснулся ото сна; пришел он, стало быть, в себя — и лежит один-одинешенек в безлюдном месте, вокруг ни пылинки, ни соринки.

— Что бы это значило? — спросил он и вскочил. Поглядел он туда, поглядел сюда, и стало ему ясно: была здесь обширная страна с юртами намного больше обычных, со стадами, в которых скота было поболее, чем обычно. Были здесь раньше большие реки, полные целебной воды, и высокие холмики-оваа, сложенные из золота. А теперь распались их оваа, высохли целебные реки и земля их потеряла все свои краски. И когда Хевис Сююдюр стоял их глядел туда-сюда, увидел он следы коней, больших, чем обычные кони. Здесь побывали люди повыше обычных людей, и они обрезали гривы² жеребят и двухлеткам, украли их и скрылись. Продолжая оглядываться вокруг, увидел он большую синюю подпорку, уходящую прямо в небо.

— Что бы это значило? — спросил он, взобрался наверх по сильней подпорке и стал оглядывать местность. И тут он увидел длинную тонкую ниточку дыма, поднимавшегося со дна далекого очага, — вот как!

«Что там за дым?» — подумал он, и когда, клонясь и шатаясь, добрался туда, то увидел в пещере в скалах шестистенную белую

юрту. Пошел, поглядел, и оказалось, что это юрта его старшего брата Алдычы Мергена. Навстречу ему вышла жена брата:

— Так ты пришел — не умер, не сгинул, младший брат мой! — воскликнула она.

Встретив его с почетом, она раздула огонь без дыма и приготовила еду без пара³, наполнила пиалы и уселась.

— Ну что я за человек? Все время брожу с одного места на другое. А вы что за люди? — спрашивал он.

— Ах, милый мой братец! Когда ты только-только родился и лежал в своей люльке, напал на нас Гургулдай Хаан, разорил нас и уехал. Я оставила тебя, сделав соску из корня березы, чтобы не было на тебе греха, обернув тебя ватой, чтобы не было на тебе грязи. И вот вырос из тебя мужчина и пришел к нам! А теперь ты ведь выполнишь наше желание, правда? Гургулдай Хаан разграбил нашу страну, увез богатую добычу и был таков. А мы укрылись здесь.

— Ха, что вы там сказали, повторите-ка еще раз! — сказал Хевис Сююдюр.

— Когда ты был маленьким, явились люди Гургулдая и завоевали нас. И мы осиротели, брошенные всеми, не стало у нас ни семьи, ни родителей, — рассказывала она.

Тут затрещал его бронзовый лоб: трах, а коренные зубы шелкнули: крак.

— Повтори-ка свой рассказ еще раз, — сказал он и стал внимательно слушать.

— Ну что ты хочешь еще услышать! Мы стали чужой добычей! Гургулдай Хаан ограбил нас и был таков! А мы теперь не знаем, как и жить. Хорошо, что ты стал мужчиной. Давай решим с тобой, что нам делать!

— Коли так, то в этой сумасшедшей стране найду я свое отмищение! В этой ненавистой стране найду я свою ненависть! Можно мне уже отправляться, золовка?

— Ну, конечно, можно, — отвечала она.

И сказал он тогда:

— Здесь ли конь, на котором мне суждено ездить? Здесь ли оружие, которое мне суждено носить?

— Где им еще быть? Не торопись, братец! Раз ты стал мужем и пришел сюда, больше нам и желать нечего. Уж теперь-то мы, ставшие чужой добычей, победим когда бы то ни было! Ах, теперь, когда ты, возмужавший, вернулся к нам, никому уже не удастся покорить нас! — говорила она.

— Здесь ли конь, на котором мне суждено ездить? Здесь ли снаряжение, которое мне суждено носить? — спросил он у своей зловки.

Она отвечала:

— Эх-хе-хе! Нужно тебе снаряжение не в наших руках. Конь, на котором тебе суждено ездить, — рыжевато-буланый жеребенок пестрой кобылы-трехлетки, что спустится вместе с ним по золотой лестнице с неба на берег озера Марга. Если тебе удастся поймать его, когда он спустится и пойдет на водопой, то он и станет тем конем, на котором тебе суждено ездить!

— А как же мне поймать его, золовка?

Она ответила:

— Оборотись золотым клещом и спрячься в кустике джавшана, потом заговори аркан, которым станешь ловить своего коня, — шесть саженой его переднего конца должны быть плетеными, — лежи тихо и жди. Залечь надо на рассвете. Когда солнце поднимется высоко, сойдет к воде пестрая кобылица с рыжевато-буланым жеребенком.

Только он туда прыгнул, залег посредине озера, как тотчас спустилась к воде пестрая кобылица, ведя за собой рыжевато-буланого жеребенка. Напилась воды, а напившись, стала щипать траву. Подбежал рыжевато-буланный жеребенок и трижды обежал вокруг — молодой ведь, не станет скучать! — хотел побежать за матерью, да Хевис Сююдюр успел уже заговорить свой аркан и бросил его — иначе и быть не могло. «Если это скакун, предназначенный мне судьбой, тогда попади, не минуя всех его шести шейных позвонков!» — такими словами заговорил он аркан и бросил его, и он, конечно, охватил шею жеребенка, не минуя всех его шести позвонков.

Жеребенок протащил за собой Хевис Сююдюра по всему нижнему миру, не останавливаясь. Бежал он в горы — горы рушились, бежал он по степям — степи распадались. Горы становились степями, степи становились озерами — могло ли быть иначе? Беднягу Хевис Сююдюра так растрясло, что он лишился чувств. А когда пришел в себя, закричал:

— Уходит моя золотая жизнь! Ломаются мои бедра! Если ты конь, предназначенный мне судьбой, остановись!

И пока он упирался и дергал аркан, конь сказал:

— Если ты хозяин, назначенный мне судьбой, быстро яви мне приметы!

И тогда взял он двенадцать молний-стрел Алтая, свистнул и сотворил перед собой тройную радугу. Потом брызгнул слюной изо рта, и выгнулась на солнце тройная радуга. Тут жеребец остановился и сказал:

— Я думал, ты просто земной враг и разбойник. Потому-то я испугался и убежал.

Его белые, как алюминий, зубы лязгнули, его добрые мысли сверкнули в глазах, он остановился и заржал — тихо и сдержанно.

Теперь, когда оба героя познакомились, Хевис Сююдюр трижды погладил голову Дёнен Хулы, который превратился уже в четырехлетнего рыжевато-буланого жеребца. Дёнен Хула чихнул трижды и не сдвинулся с места. Хевис Сююдюр сделал ему из своего аркана серебряным плетеным концом длиной в шесть саженой недоуздок, сел на него без седла и поехал — иначе и быть не могло — к старшему брату и золовке.

Подъехал. Вышла золовка из юрты и видит: прискакал Хевис Сююдюр, поймавший Дёнен Хулу.

«Ну, младший наш брат, разве сможет теперь кто-нибудь победить тебя!» — подумала она. И пока она стояла и радовалась, глядя на Хевис Сююдюра, возвратился Алдычы Мерген с одним из своих табунов.

— Ах,— закричал он,— вернулся твой Гургуддай! Я умираю! Я погибаю! — С криком и визгом бросился он в юрту и забился под кровать.

Тут жена его сказала:

— Ах, да это не Гургуддай! Это твой брат Хевис Сююдюр! Теперь снова вспыхнет твой потухший было огонь и опять оживет твой погибший жизненный дух. Не умирай, не погибай! — И с этими словами она вытащила его.

Потом велела она Алдычы Мергену сесть на почетное место, сказала: «Сиди!» — и выбежала из юрты, чтобы встретить Хевис Сююдюра.

Она почтительно взяла за повод его коня, перед юртой помогла спешиться младшему брату, привязала его коня к молодому сандаловому дереву так, чтобы на него падала тень старого сандала, и ввела младшего брата в юрту. Потом раздула она огонь без дыма, приготовила еду без пара, наполнила пиалы едой. Тогда Хевис Сююдюр спросил:

— Тот ли это конь, на котором мне суждено ездить?

И она отвечала:

— Да, тот самый, это и есть тот конь, на котором тебе суждено ездить. А сейчас ты получишь снаряжение, которое тебе предназначено.

Первым делом — иначе и быть не могло — накинула она на голову Дёнен Хулы серебряную уздечку, на трензельных кольцах которой с обеих сторон сиял свет солнца и луны.

— А теперь что? — спросил он.

Она сбила из шерсти столько ваты, что на нее могли бы улечься сорок человек, одним махом подняла на коня черное, как наковальня, седло, на котором могли бы одновременно ехать сорок человек. Она пригнала седло к спине коня, широкой, как Алтай. Взяла нагрудный ремень, сплетенный из шестидесяти ремешков и надела на его золотую грудь. Махнула рукой — и появился гравированный нагрудный ремень из меди, и стянула она им грудь коня. Взяла его подхвостник, литой из сплава. Протянула гравированный подхвостник из меди и серебра под его хвостом. Так снарядила она статного его коня. А теперь — иначе и быть не могло — понадобилось снаряжение доблестного мужа.

Скинула она ему прочные и крепкие сапоги с загнутыми вверх носами, сшитые из кожи шестидесяти разных животных, и, когда он натянул их на обе ноги, она дала ему белые штаны богатыря, прочно сшитые из шкур белого архара и отороченные мехом джейрана, и велела ему натянуть их на соколиные колена — иначе и быть не могло. Она подала ему шубу, сшитую из шкур ста диких зверей, подобранных по цвету, и отороченную мехом джейрана, и она прилась ему как раз по плечам. Скинула ему пояс, сшитый из собранной в складки шкуры трехлетнего архара, и опоясала им его бедра. Скинула она ему шапку с твердым дном, сшитую из собранных в складки шкур шестидесяти разных видов зверей и подбитую лапками семидесяти видов зверей, и подогнала ее по его черноволосой голове. Скинула она ему четырехгранную плетку,

свитую и сплетенную из кожи быка-трехлетка, скрученную и связанную из кожи быка-четырёхлетка, и накинула ее петлю на его запястье. На шапке его, говорят, был шарик, сплетенный из шестидесяти нитей. Спустила она из этого шарика шестьдесят красиво переплетенных золотых нитей и ими обвила его косу и украсила ему спину меж лопаток. Скинула она ему черный тангутский⁵ лук, верх которого был украшен фигурками двух бодающихся горных козлов, и повесила его герою за спину так, что он как раз уместился меж плеч. Скинула она ему колчан и стрелы, способные повергнуть скверных врагов, и повесила их ему наискосок на грудь — иначе и быть не могло.

Теперь наконец снаряжение славного мужа и коня стало, можно считать, полным. И сказала тогда золовка доброго героя:

— С таким снаряжением да при его-то храбрости ничто уже не сможет одолеть нашего мальчика! — И Хевис Сююдюр одним махом опрокинул поданную ею чашу.

Вскочил Хевис Сююдюр на коня Дёнен Хула и ускорился, чтобы отомстить врагу — а как же иначе? А золовка стояла и глядела ему вслед — ах, мой милый, нет, не победить его обычному человеку! А шарик из шестидесяти нитей казался вдали горой, покрытой лесом. Посмотрела она на его плечи — и показались они ей двумя горными хребтами. Посмотрела на его тело — и было оно как огромная гора.

— Ай, как может кто-нибудь победить такое создание? — сказала она Алдычы Мергену. — Он отомстит за нас во что бы то ни стало. Ну, старик, уже по тому, как уезжает наш младший брат, видно, что он во что бы то ни стало отомстит и возвратится к нам.

— Ай-яй-яй, он ведь еще малыш, его мясо еще не стало мясом, его кровь еще не стала кровью. Ну разве он из тех, кто мог бы отомстить. Надо бы, наверное, мне! — говорил Алдычы Мерген.

— Ах, какие у тебя честолюбивые мысли! Если так, почему ж ты давно уже не отомстил? Не надо таких слов! — говорила жена Алдычы Мергену.

А-а, наш герой, рожденный мужем, был уже, конечно, на пути в ненавистную землю, где он надеялся остудить свою ненависть и отомстить за содеянное ему зло. Месячное расстояние он проезжал за сутки, суточное расстояние он проезжал за полсуток, так он гнал, сокращая расстояние между Алтаем и остальным миром, — а что же ему было еще делать?

Вот едет так наш герой, рожденный мужем, и видит: повалено множество деревьев, и все — с одной горы.

— Что это за дрова? Как же нам здесь проехать, почему здесь обрывается дорога? — спросил он.

— Я слышал что-то в этом роде о землях двенадцатиглавого мангыса. Говорят, эти деревья пронзают людей, попавших в завал, и те погибают, — отвечал конь Дёнен Хула.

Хевис Сююдюр спросил:

— А что же нам теперь делать?

— Попытаться развалить эту кучу десятью стрелами из твоего колчана, — отвечал конь.

Взял он свой черный тангутский лук и натянул его. Когда он его натянул, лопатки его зашли одна за другую на три пяди, а когда уже со всех десяти его пальцев капала вода, он спустил стрелу. Ну и конечно, он развалил нагромождение стволов.

— Эй, а теперь что нам делать? — спросил он у Дёнен Хулы.

— Теперь быстро садись мне на спину, я перемахну через этот завал, — отвечал конь и в четыре-пять прыжков перескочил через разваленные стрелой стволы — а как же иначе? И лишь кое-где изранил кожу на коленях.

Поехал он дальше и приехал — могло ли быть иначе — к большой, высокой горе.

— Что это еще у тебя за гора? — спросил он коня.

— Это высокая гора мангыса.

— Ну а знаешь ли ты, как ее преодолеть?

— Если приблизиться к этой горе, то она опасна для ног и ступней так же, как напильники и ножи. Мы здесь погибнем и сгнием! Поробуй развалить стрелами и эту гору, — ответил Дёнен Хула.

Снял Хевис Сююдюр свой черный тангутский лук, натянул его, вложил стрелу из колчана, натянул тетиву и выстрелил так, что гора дала трещину от середины до краев, — а как же иначе? Раскололась гора и зияла.

— А теперь быстро садись мне на спину! — сказал Дёнен Хула.

Ну, как было Хевис Сююдюру не вскочить на Дёнен Хулу! Прыгнул конь в расщелину между половинками расколотой горы, а когда он выпрыгивал из-за горы, ему кое-где опалило кожу на ногах, и она сморщилась — можно себе представить! «Ну и опасное же место! Удастся ли мне в конце концов одержать победу?» — подумал Хевис Сююдюр, — и когда его конь опустился, то — могло ли быть иначе — они оказались прямо на берегу гигантского моря.

— Н-да, как же нам переправиться через это море? — спросил, конечно, Хевис Сююдюр коня Дёнен Хулу.

— Здешнее море очень ядовито! Я слышал, оно разъедает все, что его коснется. Теперь правь мною так, чтобы я взмыл вверх и перескочил бы обратно через гору. А когда мы будем по ту сторону горы, выстрели из лука. Теперь ее яд, раз ты расколол гору стрелой, потерял свою силу, нам он уже не опасен, — сказал конь. — И еще не забудь, когда будешь по ту сторону горы, хорошенько стегни меня, чтобы я взвился повыше. Я постараюсь перескочить через море одним прыжком. Если мы опустимся не на середине — выберемся невредимыми!

И понесся он на Дёнен Хуле галопом назад за расколотую им гору; зубы его застучали: крак, брови его сдвинулись: трах; стегнул он хорошенько своего коня — а что же ему было еще делать! Чуть не перебил он ему бабку, чуть не разорвал ему рот до ушей, уж и стегал он его — ведь иначе бы ничего и не вышло! И когда они наконец оказались опять на берегу моря, у Дёнен Хулы появился нужный разбег, и он перескочил через море. Но пока он несся к дальнему берегу, взмах его ослаб, и он опустился у самой кромки воды — иначе и быть не могло! Коснувшись воды, потерял,

конечно, Дёнен Хула половину своего хвоста; одно из его копыт наполовину сторело, и под слоём рога осталось только красное мясо — могло ли быть иначе?

— О мой Гурмусту! Что за сила в этой воде! — сказал несчастный герой. Он скакал уже месяцы и годы без передышки и совсем обессилел. И, одолев подряд три тяжелых препятствия, он решился спросить Дёнен Хулу:

— Может быть, отдохнем теперь немного, а потом уже поскачем дальше! Какие нас ждут еще препятствия?

И его конь ответил:

— Не будет нам больше никаких препятствий! Теперь мы можем отдохнуть.

— Ну если так, я отдохну немного! — сказал Хевис Сююдюр.

Постелил он себе вместо постели сорокаслойную попону, подложил себе вместо подушки седло, черное, как наковальня, и заснул и отдыхал шесть дней без перерыва, семь суток подряд — могло ли быть иначе?

И пока он так спал семь дней подряд, увидел вдруг его конь на рассвете, что появился наш страшный двенадцатиглавый черный мангыс и, обнюхав все снизу доверху, почуял добычу.

Хевис Сююдюр спал как убитый. Ударил его конь по голове, чтоб разбудить, а весь его мозг и вытек! Ткнул конь его в живот — вывалились все его внутренности, а он так и не проснулся!

А двенадцатиглавый мангыс приближался.

Рванул Дёнен Хула голову вперед и оборвал поводья, рванул голову назад и порвал поводок. Ускакал он большими прыжками за горное седло и, когда остановился и поглядел из-за гор, увидел, что двенадцатиглавый приблизился и приготовился проглотить Хевис Сююдюра. Но тот не вошел в его пасть. Он попробовал проглотить его с головы — она вошла только до ушей, а дальше никак. Хотел он проглотить его с туловища — оно тоже не вошло ему в пасть. И, увидев, что ему не проглотить Хевис Сююдюра, он уместил его меж своих двенадцати голов и помчался обратно в свою землю.

Тут опять, плача и причитая, появился из-за горы Дёнен Хула.

— Так вот оно то место, где ему суждено умереть! Ему, одолевшему столько страшных опасностей, пасть теперь, побежденным самым обычным созданием! Настал его смертный час! — причитая так, он бежал за ними, не спуская с обоих глаз, и проследил, как наш двенадцатиглавый мангыс унес его в свои края, как раз к месту своего полуденного отдыха.

А Дёнен Хула все думал: «Но ведь не таков Хевис Сююдюр. Что же он делает?» Он продолжал бежать за ними, плача и причитая, и все приглядывался. И вдруг Хевис Сююдюр проснулся, как будто его вернули к жизни из смерти, — так крепко он спал! — и увидел, где он лежит, и понял, что он стал жертвой двенадцатиглавого мангыса.

И подумал он: «Вот двенадцать голов двенадцатиглавого мангыса, и на средней — черная родинка. Не слыхал ли я как-то, что именно там и спрятан его жизненный дух?»

Взмахнул он своим острым черным мечом, закаленным кровью шестидесяти мужей, над средней из двенадцати голов и отрубил черную родинку — что он мог еще сделать? И мангыс, конечно, тут же рухнул и вытянулся во всю свою длину. А Хевис Сююдюр — могло ли быть иначе? — помчался к своему Дёнен Хуле.

— Так, только что уничтожил я этого мангыса, а теперь быстро смелем его в каменной мельнице, чтобы уже навсегда покончить с ним! — сказал он.

Ну и пришлось, конечно, Хевис Сююдюру скакать дальше. И далеко впереди, там, куда недостает силы зрения обоих глаз, показалась белая юрта-дворец. Войлок ее крыши мог бы покрыть весь мир, а войлок ее стен мог бы покрыть всю землю.

— Что это? — спросил герой у Дёнен Хулы, и тот отвечал:

— Я слышал, что это юрта матери мангыса. Нет никого опаснее ее! Если нам удастся миновать ее, мы спасены, а если не удастся, мы останемся там навеки!

— А есть ли средство против этого? — спросил он Дёнен Хулу, и тот ответил:

— Это желтая старуха, она постоянно чешет себе живот палкой-кожемялкой. Обмани эту старуху, как-нибудь хитростью вымани у нее эту палку и беги с ней, а я буду в полной готовности дожидаться тебя у входа!

— А как мы туда отправимся?

— Ты обернись лысым, а я прикинусь шатающимся от слабости, запаршивевшим жеребцом-двухлетком с клочьями зимней шерсти, — сказал Дёнен Хула.

Вскочил на него Хевис Сююдюр, и так они добрались туда.

Дёнен Хула, превратившись в жеребца-двухлетка со свалявшимися клочьями зимней шерсти на боках, шатаясь, пасся у юрты. Хевис Сююдюр, оборотившись лысым, вошел в юрту.

Там сидела белая старуха, такая толстая, что на нее невозможно было смотреть, и чесала свой жирный живот палкой-кожемялкой. В юрте ее было полно серебряных подпорок для подвешивания мяса. Видно, здесь собралось и скопилось все, что только можно было назвать маслом и жиром.

— Ну, откуда ты, сын мой? — спросила она.

— Я подданный Боруку. У него исчезла верблюдица с надорванной ноздрей, и вот я уже три года ищу, да так и не нашел еще. Я погибаю, я так исхудал, что вот-вот умру. Я хочу есть и пить. Вы не видели такой верблюдицы, матушка? — спросил он — а что было ему еще делать?

— Ах ты бедняга! Ну и высокие же у тебя мысли, мой лысый! Я ведь не могу встать, когда лягу, не могу сесть, когда встану, так что уж спрашивать, видела ли я твою верблюдицу! Я, старуха, не могу ни жить, ни умереть. Слыхала я, что уши у лысого длинные, а глаза у него острые. Не знаешь ли ты, не стал ли уже мужчиной Хевис Сююдюр? Вот о чем хотела я спросить тебя! — говорила старуха.

— Ах, бабушка, ну откуда мне это знать, я ведь исхудал и обесилел! Ждать новостей от меня, три года искавшего верблюди-

цу с надорванной ноздрей, бежавшего повсюду в поисках ее! Да ведь это несусветная глупость, бабушка! Но до меня дошел слух. Однажды я слышал, будто названный Хевис Сююдюрм стал уже мужчиной. Говорили, что он пришел и стрелой разбил широкий завал из бревен. Я слышал, что ему удалось одолеть отвесную гору, и еще слышал я, что он перебрался через глубокие воды. И когда ему удалось совершить эти три подвига, явился двенадцатиглавый мангыс и завладел им. Вот что слышал я, бабушка,— ответил он.

— Дорогой мой мальчик! Да будут благословенны речи твои! Что ты хочешь у меня взять, что хочешь поглядеть? — спросила она.

— Ах, не надо мне еды, не надо мне ничего из вещей, милая бабушка. Очень интересно мне только то, что лежит рядом с тобой, чем ты чешешь все время свой жирный живот,— твоя серебряная палка-кожемялка! Можно ее поглядеть? — отвечал он.

— Милый мой мальчик, это как раз то, до чего я никому не разрешаю дотронуться. Но ты произнес такие благословенные слова — что поделаешь! Погляди-ка на нее издали, да и уходи! — сказала старуха.

И, не двинувшись с места, она покрутила во все стороны серебряной палкой-кожемялкой, которой чесала свой жирный живот, так, что кругом засверкало. И воскликнул тут Хевис Сююдюр:

— О, эта палка-кожемялка моей бабушки! С тех пор как я рожден человеком, ничто меня так не интересовало! Она стоит куда больше, чем верблюдица с надорванной ноздрей! Ах, как прекрасна палка-кожемялка моей бабушки! Ах, бабушка, как она прекрасна!

А она все сидела и вертела кожемялку. Схватил он ее за один конец и выскочил из юрты. Прискакал Дёнен Хула и припал перед самой дверью юрты на колено — а то как же! Хевис Сююдюр вскочил ему на спину, и они умчались!

А старуха с криком и визгом ухватила за хвост Дёнен Хулы — а то как же! Хвост Дёнен Хулы оборвался и упал на землю. А сам Дёнен Хула взмыл на вершину горы.

— Ах, что за чудесная палка-кожемялка! Ну-ка, испытаем ее волшебную силу! — И как только он ударил ею по отвесной скале, отвесной скалы не стало, она, конечно, развалилась, а палка разлетелась на кусочки — иначе и быть не могло!

— Ой, ну и опасная же это местность! — воскликнул Хевис Сююдюр и вырыл на дороге большую яму, в семьдесят саженей глубиной и выбрал из нее всю землю.

А когда он потом вернулся в юрту, то увидел, что жирная желтая старуха повесилась на своей распорке для подвешивания мяса.

— Отчего же она умерла? — спросил он себя. И, подумав хорошенько, понял, что она умерла как раз в то время, когда он уничтожил ее палку-кожемялку, в которой был ее жизненный дух.

Смолол он ее в каменной мельнице и развеял по ветру, и тут она сказала:

— Я буду опасным врагом твоим потомкам. Я напущу на них мух и оводов.— И сказав это, исчезла.

Поехал он теперь на север и увидел юрту больше всех юрт, юрту больше всего на свете!

— Что это? — спросил он Дёнен Хулу.

— Это юрта двенадцатиглавого мангыса, — ответил тот.

Он поспешил к ней и вбежал в нее. А там была принцесса. Она раздула огонь без дыма, готовила еду без пара, наполняла пиалы — а то как же? Когда он сел на самом почетном месте, скрепив под собой ноги, она подошла и подала ему самую лучшую еду.

— Я прибыл в царство столь высокого хана и не вправе первым отведать самое лучшее. Сначала я должен капнуть едой в огонь, а уж потом вкусить ее, а то она мне не пойдет на пользу, — сказал он и капнул из поданной ему еды в огонь. Тут вспыхнул и побежал огромный огонь — иначе и быть не могло!

— Что же это ты даешь мне такую еду? — спросил он.

Оказывается, жена двенадцатиглавого мангыса подлила ему яду. Выплеснув все из пиалы, он рассек пополам жену двенадцатиглавого мангыса острым черным мечом, закаленным в крови шестидесяти мужей, — разве могло быть иначе?

Тут выскочил из нее мальчик-недоносок, ему было еще три месяца до рождения, и Хевис Сююдюр обхватил его и прижал к своей груди, огромной, как сундук. Но когда он бросил его оземь, мальчик превратился в подпорку юрты и встал торчком. Когда он подкинул его вверх, чтобы забросить на небо, тот стал змеей, начал извиваться и снова стоял стоймя — да иначе и быть не могло!

— Что за напасть! Неужели мне суждено погибнуть вот так, от комочка слизи, которому не хватает еще трех месяцев до рождения. Ведь сейчас мое время! — воскликнул Хевис Сююдюр. Но когда он прижал его к своей груди, огромной, как сундук, ему рук не достало, чтобы обхватить мальчика. «Швырну-ка я его на семь саженей в нижний мир», — подумал он, но, когда он свалил его на землю, тот превратился в подпорку юрты и устоял.

«И впрямь, безобразная история! Заброшу-ка я его в верхний мир», — подумал он. Но как только он подбросил его вверх, тот превратился в змею и стал извиваться. Комочек слизи, которому не доставало еще трех месяцев до рождения, обвился вокруг Хевис Сююдюра и был опять тут как тут — что ему еще оставалось!

«Искал я кое-кого получше, что это еще за важная фигура!» — и снова бросился на мальчика, которому не хватало трех месяцев до рождения, хватил его об угол, крепко прижал его опять к своей груди, широкой, как сундук. На этот раз он не бросал его ни вверх, ни вниз, просто запихнул его в нижний мир, бросил туда — а что же еще можно было сделать, мои дорогие? Выпил он миску крови из жилы его сердца, вытащил его внутренности и засунул его в яму глубиной в семь саженей, а потом пошел, собрал дров на поклажу десяти тысячам верблюдов, привез на своей лошади поклажу тысячи верблюдов, сложил из этих дров огромный костер и развеял на нем в дым недоноска — а что же было ему еще делать?

— Я стану злым духом твоим потомкам! А для тебя, бродящего здесь, я превращусь в мух и оводов, — вскричал тот и развеялся по воздуху.

Да, мои дорогие, вот так он расправился со страной главного мангыса.

— Ну а теперь что нам делать? — спросил он совета у Дёнен Хулы. И тот ответил:

— Теперь мы отправимся к Гургулдаю, который захватил нас как свою добычу!

И вот, уничтожив царство мангыса, он отправился на север — да иначе и быть не могло! Он ехал верхом. И тут перед ним оказались высочайшая из гор, глубочайшие из вод и густейший из лесов.

— Что это такое? — спросил он Дёнен Хулу. И тот ответил:

— Слышал я, что такова природа той страны, которая станет тебе добычей! Через эту гору я могу перепрыгнуть. Этот бескрайний лес я могу вырубить. Эти глубокие воды я могу переплыть. Садись мне на спину и держись покрепче. Я перепрыгну через крутую гору! Я проберусь через бескрайний лес! Я пересеку глубокие воды! — сказал Дёнен Хула.

Хевис Сююдюр крепко сидел на коне, крепко держался за его подхвостный ремень, крепко вцепился в его нагрудный ремень. Помолился он, и отправились в путь — а что им еще оставалось?

Преодолели они и бескрайний лес, и крутую гору, перебрались и через глубокие воды.

Эй, и встретилась им белая юрта-дворец — войлок ее крыши мог бы покрыть весь мир, а войлок ее стен мог бы покрыть всю землю, и тогда Хевис Сююдюр спросил:

— Что это?

— Это юрта-дворец большого Гургулдая, — ответил конь.

Привязал герой коня к молодому сандаловому дереву в тени другого сандала, вбежал в юрту и поспешно сел у очага. О горе, тут заговорила жена большого Гургулдая:

— Хевис Сююдюр, бедняга, мясо твое еще не стало мясом, кровь твоя еще не стала кровью. А ты пришел в нашу юрту. Напрасно это! Отступись, пока еще не поздно!

Тут она принялась размахивать кочергой и щипцами для очага, согнала его с места — да иначе и быть не могло.

— И все-таки нечего насмехаться надо мной, юношей, который приехал в гости издалека! — воскликнул он, выбросил ее кочергу и щипцы и затолкал женщину под постель. Потом сел на самом почетном месте, скрестив под собой ноги. А что ему было еще делать?

— Если у тебя есть какая-нибудь еда, неси сюда! — велел он.

После того как он съел тазовую часть серого барана Боракчын Хаана, она подала ему все лучшее, что у нее было, и отпустила его — что ж поделаешь?

Приехали они — да иначе и быть не могло — в страну среднего Гургулдая. Ах, дорогие, он и на этот раз привязал своего коня к молодому сандаловому дереву в тени старого сандала. Вбежал в юрту и, конечно, опять сел на самом почетном месте.

— О горе! Какое высокомерие, Хевис Сююдюр! Еще не пришло время сидеть тебе, скрестив под собой ноги, на почетном месте. Если ты такой храбрый, как же могло случиться, что ты стал чужой добычей? Не лучше ли тебе отступить и возвратиться домой, по-

ка ты еще цел? — Такие веские слова сказала ему жена этого среднего Гургулдая.

— Ой, ай, почему ты насмехаешься надо мною, над тем, кто узнал столько страданий и явился к вам в гости? Подай мне хозяйскую еду, коли она готова. Почему ты оскорбляешь меня, брошенного всеми сироту, пришедшего к тебе в гости? И хоть уже готова еда, которую ты готовишь для своего мужа, ты даже не дала мне отведать лучшего куска. Если еда готова, подай же мне ее, милая старшая сестра, — сказал он.

— Вот горе, что за спесь! Вон! — заорала она, замахала деревянной лопатой для выгребания пепла и щипцами и давай его выталкивать — иначе и быть не могло!

— О, это действительно никуда не годится! Я ведь пришел в гости, а вовсе не для того, чтобы меня отсюда выгоняли, — сказал Хевис Сююдюр и запихнул ее под постель. А потом — что же было ему еще делать? — сел, скрестив под собой ноги, на самом почетном месте.

— А ты и впрямь парень, с которым нельзя не считаться, правда? — сказала женщина, вылезла, распрямилась, угостила его лучшим, что было у нее, и сказала:

— Храбрый богатырь! Иди же туда, куда хочешь, сын мой! — и отпустила его.

Вот едет он, и вдруг его зубы делают: крак, а бронзовый лоб: трах, и очень он разъярился, потому что наконец приехал туда, где ему надо было убивать. И направился он к юрте младшего Гургулдая. По твердой почве пустил он своего коня так, что ноги его уходили в землю по щиколотку, а по мягкой почве так пустил он своего коня, что ноги его уходили в землю по колено, а потом погнал его, и он помчался словно ветер. Поскакал он так, что разгорелось все пространство меж облаков небесных, и ни одна душа человеческая не посмела приблизиться к нему. И возникла вдруг перед ним большая, белая, как дворец, юрта — войлок ее крыши мог бы покрыть весь мир, а войлок ее стен мог бы покрыть весь свет. Доскакав до нее, Дёнен Хула покружил в нерешительности вокруг юрты и совсем смутился. Даже Хевис Сююдюр взволновался и остановился в полной нерешительности, что же ему предпринять. Но через некоторое время он все-таки сказал:

— Раз уж мы здесь, не будем терять присутствия духа! Соберем все свое мужество, бросимся туда!

И, услышав это, сказал Дёнен Хула:

— Ладно, раз так, привяжи меня крепче к молодому сандаловому дереву и поставь меня хорошенько в теплую тень старого сандалового дерева.

Хевис Сююдюр подбежал к нему и привязал его трижды к молодому сандаловому дереву в тройной тени старого сандала и подвязал ему назад голову. А потом Хевис Сююдюр откинул войлок над дверью юрты до высоты своих бедер. Опершись о плечи богатыря, сидевшего у самой двери, он прижал голову богатыря, сидевшего в середине, и уселся на самом почетном месте в благородной позе — а что же ему было еще делать?

Жена младшего Гургулдая сказала:

— Один мужчина предан другому. Относитесь друг к другу как друзья!

Сказав эти дружелюбные слова, она разожгла свой огонь без дыма и приготовила еду без пара. Она зажарила мясо серого барана Борукчу Хаана, дала ему от него курдюк и наполнила миски едой. Когда оба славных героя⁷ были гостеприимно накормлены, Хевис Сююдюр вышел, чтобы пуститься в путь. Женщина помогла ему сесть на лошадь, поддержав его под руку, и сказала:

— Один мужчина предан другому. Относитесь друг к другу как друзья и возвращайтесь! Не гонитесь слишком за мстостью!

Она трижды погладила его по голове и продолжала:

— Как раз сегодня он вернется с севера. Я слыхала, что его конь несется прямо над головами всадников — так высок его конь! Когда он возвращается с севера, он выбирает дорогу, вырубленную в отвесной скале. Уж близится время, когда он вернется.

С этими словами жена младшего Гургулдая отпустила Хевис Сююдюра в путь — а что же ей еще оставалось!

Они отправились к дороге, по которой должен был возвратиться младший Гургулдай. Пока они ждали, начался сильный снегонад и пошел град. Стали они думать да гадать, и им показалось, что слышно уже приближение младшего Гургулдая. И почудилось им, что приближается храбрый человек, слюна которого, вытекая из рта, превращается в град, дыхание которого падает туманом, — человек, который свистит и держит в руках двенадцать молний Алтая. Прислушался Хевис Сююдюр, и показалось ему, что шум слышится с юга; прислушался еще раз, и показалось, что слышится он с севера. Но как бы то ни было, а приближался необычайно сильный герой! Подтянул Хевис Сююдюр еще раз шестидесятислойный нагрудный ремень Дёнен Хулы, вскочил на него и прислушался. Но как ни старался, никак ему уже было не удержаться наверху, он опять спешился и стоял, прислушиваясь, в конце дороги, и тут он понял по шуму, что тот уже довольно близко. Он приближался со свистом, с двенадцатью молниями Алтая в руке, и дыхание, вылетая из его рта, тотчас же превращалось в туман. Капельки слюны, падая с его губ, превращались в градины. И вот он уже совсем близко. Поднялся такой ветер, что обычному человеку было не удержаться на ногах. Крепко держась одной рукой за гриву своего коня, а другой цепляясь за седло, Хевис Сююдюр зорко оглядывал все вокруг. Ха, да вот он, этот превосходный муж! Он не знал, сколько прошло суток с тех пор, как показалась его голова и стал различим его затылок; он не знал, сколько прошло суток с тех пор, как показался его лоб. Ах, и пока он стоял так, в крайнем удивлении, через какое-то время появилась вся верхняя часть тела, и наконец стал виден и весь человек — прекрасный герой — могло ли быть иначе!

У него было молодое красное лицо, способное навести ужас на десять тысяч человек, черная борода, круглая, как дымовой круг, способная запугать шестьдесят человек, а от четырех его зубов-резцов шли радуги. Преградив ему путь, Хевис Сююдюр поздоровался с ним — могло ли быть иначе?

— Досточтимый герой, как твоё здоровье?

— Ой, эй, Хевис Сююдюр, ты ли это? Мясо твоё ещё не стало мясом, кровь твоё ещё не стала кровью! А высокомерие! Прямо беда! Ты что, пришел драться со мной? Отойди-ка в сторону да освободи мне дорогу! — ответил, конечно, Гургулдай.

— О, я собираюсь утолить свою ненависть на ненавистной мне земле, обрушить мою месть на эту проклятую землю. Ну что, хватило тебе, когда ты разграбил мою землю? Я пришел сражаться с тобой, и я не уйду. Хочешь испытать свои мужские плечи, нет? Хочешь биться гибким голубым⁸, выкованным искусным мастером? Я все равно буду биться с тобой! — сказал Хевис Сююдюр.

— Раз ты явился сюда из упрямства, я стану биться с тобой и так и эдак, — ответил Гургулдай.

— А где мы станем мериться силами? — спросил Хевис Сююдюр.

— Полем битвы будет нам вся земная ширь и вся даль мира!

Эй, тут Хевис Сююдюр вскочил, конечно, на коня Дёнен Хулу, а младший Гургулдай — на своего коня. Так и ехали оба богатыря, улыбаясь: хюрс-хюрс, задевали друг друга плечом, смеялись: тарс-тарс и тыкали друг друга в бедра — так не терпелось им подражаться!

Наконец-то оба приехали в мировую даль и земную ширь. Тут они немного поспорили, а потом накрепко подвязали своих коней Дёнен Хулу и Дёнен Галдара поводьями к седлу так, что они стояли неподвижно, как скала. Связали им ноги так крепко, что они стояли неподвижно, как сундук. Тут оба богатыря стукнули себя по своим соколиным коленям, как и полагается настоящим борцам, и стали драться. Они срывали горы вместе с лесом и били ими друг друга — а что им было ещё делать? Рожденный ранее Гургулдай свалил, конечно, однажды Хевис Сююдюра. Но когда рожденный позже Хевис Сююдюр ударил Гургулдая горой, покрытой лесом, тот даже не почувствовал удара. Тогда они схватили по горе в каждую руку и стали драться, прыгая на вершинах гор и хватая друг друга.

Прыгая по заросшим лесом горам, дрались они друг с другом — что ж им еще оставалось? От борьбы этих двух богатырей, родившихся мужами, затрещала бронзовая скала: хюрс-харс, от драки этих двух молодых мужей зазвенела отвесная скала: тарс-турс — а иначе и быть не могло! Они дрались так, что степи стали озерами, а горы — степями. Пока они дрались друг с другом, конь Дёнен Хула испытал Гургулдая и обнаружил, что его жизненный дух спрятан в носу Дёнен Галдара.

И сказал Дёнен Хула:

— Пусть наши хозяева находят удовольствие в борьбе, а мы, два коня, тоже поищем удовольствия, потремся друг о друга!

И он погладил гриву и хвост Дёнен Галдара, но потом — никуда не денешься — сунул ему в нос камышинку. Дёнен Галдару стало щекотно, и он чихнул. И тогда, конечно, выскочил спрятанный в носу жизненный дух Гургулдая. А как только дух его выскочил, младший Гургулдай вмиг оказался побежденным Хевис Сююдюром.

И, победив его, сказал Хевис Сююдюр:

— Ну вот, был бы ты только теперь таким смелым! Ведь это ты пришел когда-то ограбить меня! А теперь, не стал ли ты теперь моей добычей? Коли ты такой храбрый, ешь теперь мое мясо, пей кровь из жилы, в которой сидит мой жизненный дух! — так издеваясь, он уселся на грудь Гургулдая, как на скамеечку, — могло ли быть иначе?

Оба коня стояли, наблюдая все это. Хевис Сююдюр, уж конечно, не выпустил бы никогда из своих рук младшего Гургулдая.

— Вместо того чтобы губить друг друга, не лучше ли было бы обоим храбрецам жить в согласии друг с другом? Тогда бы и мы, два коня, могли бы идти рядом. Разве это невозможно? Мы оба хотим попросить, чтобы оба они были живы! Пойдем вместе! Пусть и оба храбрых богатыря пойдут вместе!

С такими речами подошли Дёнен Хула и Дёнен Галдар с обеих сторон к двум храбрецам и молили их — и лучше они ничего не могли сделать!

Хевис Сююдюр, юноша, сначала жаждавший утолить свою ненависть, сказал:

— С тех пор как я стал человеком, не слышал я еще таких речей от моего Дёнен Хулы. Его слово — слово справедливое. Согласен ли ты с этим, Гургулдай?

— Я согласен с этим! С тех пор как я стал человеком, мой конь Дёнен Галдар тоже никогда еще такого не говорил. Раз так, что ж поделаешь! Коли уж наши кони пришли, чтоб уговорить нас, станем друг другу братьями! Нашим коням хочется подружиться, как жеребцам-двухлеткам от одной кобылы. А раз так — ладно! Вкусим и мы счастья! — ответил Гургулдай Хевис Сююдюру и добавил: Решай ты! — А что же ему еще оставалось?

И сказал Хевис Сююдюр:

— Я согласен, если согласен и ты — хорошо! Если уж наши жеребцы так умоляли нас, не станем мы больше — ни ты, ни я — покушаться на жизнь друг друга. Ты отважно напал и разграбил меня... Я явился отомстить... А теперь пусть ни в одном из нас не будет ненависти к другому!

— Ладно, если ты того желаешь, так тому и быть! — отвечал другой.

И вскочили оба храбрых богатыря на ноги. Они смеялись: тарс-тарс, шептались друг с другом: тырс-тырс, гладили друг друга по голове, по шее и помирились. И кони их тоже ласкали друг друга. Потом поделили они между собой охотничью добычу, подвязали все к седельным ремешкам и поскакали как два брата в край младшего Гургулдая.

Из дичи младшего Гургулдая Хевис Сююдюр привязал себе то, что висело на его верхнем седельном ремешке, а то, что висело на нижнем седельном ремешке, привязал к своему седлу младший Гургулдай. А потом они отправились радостно в его землю — а как же иначе? Могло ли быть иначе? И вот они уже приближаются, радостно смеясь, к стране младшего Гургулдая.

Жена младшего Гургулдая выскочила из юрты.

— Вот возвращаются друзьями оба наших храбреца,— сказала она. Потом она наставила гору всевозможных блюд, собрала своих людей и приготовила все для праздничного пира — а как же иначе?

Оба богатыря приехали, конечно, друзьями и спешились. Много советников и подданных пришли и бросились на землю, изъявляя свое почтение. Поддерживая под мышки, ввели они обоих побратимов и усадили их рядом на самом почетном месте.

Ай, бог мой Гурмушту, шесть дней без перерыва, семь дней без остановки натягивали шесть джеле и к ним привязывали множество жеребцов, быстрых и подвижных, как рыбки. А потом устроили празднество: выпускали своих борцов биться друг с другом, пускали наперегонки своих быстрых лошадей, так вот и праздновали — можно себе представить!

Ох, дорогие мои, выпускали много десятков тысяч коней — иначе ведь и быть не могло. Дёнен Галдар, конь родившегося ранее младшего Гургулдая, пришел, конечно, первым. Четырехлеток родившегося позже Хевис Сююдюра пришел — иначе ведь и быть не могло — вторым. Иначе и быть не могло, что самый любимый боец Гургулдая занял первое место. А боец Хевис Сююдюра занял второе место. Радостно отпировав у Гургулдая, они решили соединить свои хошууны, забрали с собой людей младшего Гургулдая, и теперь Хевис Сююдюр устроил свой пир для людей Гургулдая. Привели туда людей Хевис Сююдюра и соединили оба хошууна. И опять устроили пир.

— Что же нам теперь делать? — спросил Хевис Сююдюр Гургулдая.

— Теперь праздник наш кончился, кончился пир. Но мы будем всегда счастливы, так как навсегда останемся братьями,— сказал Гургулдай.

Сложили они себе большой золотой холмик камней—оваа,
Пустили обильный поток целебных вод,
И в просторах мира,
Посреди земли,
Были они — так рассказывают — счастливы.

8. Паавылдай Баатыр с конем леопардовой масти

(Вариант I)

Когда-то, в стародавнее время, жил один старый человек со своей женой в юрте, крытой корой. Кормились они кое-как, тем, что старик приносил с охоты. Когда старику исполнилось шестьдесят лет, а жена его приближалась к пятидесяти, у них наконец родился сын. И они сказали: «Пусть мальчика зовут Паавылдай Баатыр!»

Мальчику не было еще и трех лет, когда однажды отец его не вернулся с охоты, а когда ему исполнилось три года, он спросил как-то у матери:

— Где мой отец? Где мой скакун? Где вещи, которые принадлежат мне по праву?

— Твой отец уже приказал долго жить, сын мой. Коня, на котором тебе надлежит ездить,— трехлетнего жеребца леопардовой

масти, сына кобылы в желтых яблоках,— ты найдешь на северо-западе. Будешь ездить на нем!

У мальчика была благородная, красивая мать, у него была черноглазая младшая сестра.

— Достань точно на западе свой золотой аркан и отправляйся в путь,— сказала его мать. Он достал золотой аркан. Подошел к конскому табуну, а там стоит конь леопардовой масти. Заклял он свой золотой аркан и набросил его на шею коня. И рванулся конь, и помчался, превращая горы в ровную степь, превращая равнины в пропасти, и поволок за собой мальчика.

Наконец мальчик крикнул: «Твой господин, которому пристало скакать на тебе, это я!» Он простер полу своего халата и поклонился коню, сложив руки у своего лба. И тут конь тихо заржал и остановился. И тогда он привел домой этого коня и крепко привязал поводья к седлу.

Придя к себе домой, он стал играть с мальчиками в бабки. Иначе быть не могло — он выиграл. И сказали мальчики: «Ах ты мальчик, который научился всяким смешным пустякам! Ну и что с того, что ты победил нас, если ты не можешь даже найти костей своего отца!»

Мальчик опять спросил у своей матери:

— Где мой отец?

Она отвечала:

— Не знаю. Он ушел на северо-запад и не вернулся.

Говорят, вскоре воры увели кобылу в желтых яблоках, и мальчик отправился на поиски. В поисках кобылы в желтых яблоках он пришел туда, где какой-то человек нанизал все мясо кобылы на один-единственный вертел. Своего коня он привязал коротким недоузком, а сам лежал себе и спал.

Паавылдай Баатыр закричал:

— Кто ты? Где то место, на котором ты умрешь? Поглядим. Он схватил желто-пятнистый лук и пошел на него.

— Ого, неужто до того уже дошло, что какой-то смуглый малыш вроде тебя, у которого и мясо еще не стало мясом, и кровь не стала кровью, и соки не стали соками, вызывает меня на бой? Я — Хёдээнинг Гёк Бёге, синий боец широкой земли! — крикнул тот ему в ответ.

На это Паавылдай Баатыр сказал:

— Эй, будешь бороться гибким голубым мечом, скованным искусным кузнецом? Или будешь бороться красными руками, данными тебе отцом и матерью?

— Ну ладно, раз уж ты такой парень, что не можешь сладить с собой, давай бороться нашими красными руками!

Так сказал тот и сорвал мясо кобылицы с вертела. Он разом проглотил его, выплевывая толстые кости изо рта, выталкивая тонкие кости из носа.

Боролись два мужа красными руками. Так боролись друг с другом, что гористая местность стала степью, степная — стала озером, что дни превратились в часы, а месяцы — в дни.

Наконец победил Паавылдай Баатыр; он связал противника, бросил его в яму глубиной в семьдесят сажень и прикрыл яму черным камнем величиной с юрту. Потом вернулся домой.

Отдохнул день-два и снова поскакал охотиться и искать кости своего отца.

— Не ходите прямо на запад! — велел он своей матери и младшей сестре, прежде чем уехать.

Зверей, которые были в горах, стрелял он, сгоняя их к реке, зверей, которые были на берегах, стрелял он, загоняя их на горы. И уже собирався было вернуться домой к матери и сестре.

А мать его тем временем говорит:

— Что же это он сделал? Он был такой странный! Давай-ка посмотрим! — И она пошла со своей дочерью на северо-запад. Пришли они к большому красному полю битвы, а там, в яме, вырытой в земле, лежит человек и издает глухие стоны.

— Кто ты такой?

— Я — Хёдээнинг Гёк Бёге!

И когда он добавил: «Я — тот, кто будет отцом безотчей, я — тот, кто будет супругом безмужней» — обе женщины сказали: «Мы тебя вытащим!»

Побежали они к своей юрте, поймали дикого черного жеребца и дикого верблюда Паавылдай Баатыра, чтобы с их помощью отвалить камень. Они обвязали камень веревкой и попробовали черного жеребца. Но силы его не хватило. Тогда они запрягли впереди верблюда. Стали они его понукать, а он закричал и лег, так ничего и не добившись. Они насыпали меж его задних ног раскаленные угли и стали раздувать их мехами, тогда он вскочил на ноги, рванулся и потащил за собой камень. Они принесли Хёдээнинг Гёк Бёге в свою юрту, дали ему целебного зелья и еды и стали его выхаживать.

Через семь дней вернулся сын домой. Они вырыли под кроватью яму и спрятали в ней Хёдээнинг Гёк Бёге. Мать пожевала красную нить, притворилась, что выплюнула кровь, легла и сказала: «У меня боли в боку, достань мне легкое и сердце синей собаки, той, что живет прямо на север отсюда».

Поскакал Паавылдай Баатыр, поскакал, поскакал. В пути встретила ему юрта. Мать и ребенок жили в ней — девочка и старуха.

— Пришел мой зять! — воскликнула старуха и стала угощать его.

Он рассказал ей, с какой целью отправился в путь.

Старуха спросила:

— Ах, сын мой, а верно ли, что мать твоя больна? Может быть, она просто проглотила красную нить, спряденную из девяти пучков пряжи?

Эти слова рассердили мальчика, и он, разозлившись, уехал.

— Будешь возвращаться, обязательно остановись у нас, прежде чем отправишься домой, — уговаривала его старуха.

Поскакал юноша в северном направлении. Его конь тихо заржал и остановился помочиться. «К чему бы это?» — подумал юноша, соскочил и испросил у своего коня благословение.

И сказал конь: «Мы приехали к мангысу, который проглотит тебя! Вынимай свои стрелы и лук!» А синяя собака уже широко разинула пасть и собиралась проглотить его. «Закляни синюю собаку и натяни желто-пятнистый лук до упора! Потом скажи: “Попади в верхний из шести ее шейных позвонков” — и стреляй!» — шепнул ему конь.

Он сделал, как ему было велено, убил собаку и вырвал ее легкое и сердце.

По пути домой он остановился у той юрты. Старуха и ее дочь подменили его добычу: они сунули ему в сумку другое сердце, похожее на сердце синей собаки.

День и ночь, не давая себе отдыха, скакал юноша к матери. Она же тем временем якобы выздоровела.

— О, я опять здорова. Сын мой, вернувшийся таким усталым из дальних стран, возьми, попей мясного отвара!

Она дала ему поесть и сказала:

— «Пусть твой сон будет как можно более глубоким! Пусть твое счастье будет как можно более долгим! — и прикрыла его.

Когда он заснул глубоким сном, она разбудила Хёдээнинг Гёк Бёге словами:

— Сделаешь ты это наконец?

Он ответил:

— Пока еще нет. Лучше я заберусь в свою яму.

Паавылдай Баатыр ничего этого не заметил. Он отправился на охоту, скакал по родным долинам и был счастлив. Когда он вернулся домой, мать его опять была больна.

— Что мне теперь сделать? — спросил он.

Она отвечала:

— Прямо на севере живет синий бык с рогами, достающими до неба. Говорят, его легкие и сердце очень полезны. Когда твой покойный отец приносил их, я всегда выздоравливала.

Паавылдай Баатыр отправился в путь, сокращая расстояние в месяц пути до расстояния в день и ночь, сокращая расстояние в день и ночь пути до расстояния в час. Скакал он, скакал и наконец приехал к знакомой юрте, стоявшей на пути. Переночевал он у двух женщин и дал отдохнуть своему коню. В ответ на их вопросы он рассказал им, куда едет.

— Ах, не знаю, сын мой, правда или ложь болезнь твоей матери, не проглотила ли она красную нить, спряденную из девяти пучков пряжи? — спросила старуха, и опять юноша рассердился.

— Приезжай к нам обязательно на обратном пути и остановись у нас! — велела она ему.

По дороге конь его вдруг остановился, стал мочиться кровью и тихо заржал.

— Что там такое? — спросил он. — Увидал ты мою смерть или свою смерть?

— Не видишь, что ли, прямо перед собой громады? Это лежит железный синий бык с рогами, достающими до неба!

Перед ними вздымалась синяя гора.

— Да, а что же мне теперь делать? — спросил он своего коня.

Тот ответил:

— Ну, будь что будет! Смотри, чтобы стрела твоя вонзилась прямо в основание его верхнего шейного позвонка. Но попади именно в это место!

Ну что ж, вынул он лук утром и натягивал его до вечера. Да так натягивал, что лопатки его сошлись. Словами «Обязательно попади в верхний шейный позвонок!» заклил он стрелу. Выстрелил, и не знаю уж, как это ему удалось, но синяя гора рухнула. Подошел он к ней, вырвал легкие и сердце быка и сунул их в свой мешок. Скакал он, скакал, а из мешка его капал яд. И от яда ляжки коня пожелтели, кожа на них съежилась и опалилась.

На обратном пути он опять приехал к юрте. И опять его угостили чаем, а девушка вынула тем временем ядовитые легкие и сердце и выкинула их в море. Море в этом месте сразу же высохло. Потом она положила в сумку легкие и сердце другого синего быка. Переночевав, Паавылдай приторочил легкие и сердце к седельному ремешку и продолжил свой путь.

Усталые и измученные, возвратились конь и всадник домой. А мать была свежа и бодра. Она сказала:

— О, сын мой, а я уже опять выздоровела. Я сварю что-нибудь тебе, уставшему от долгого пути.

И Паавылдай съел и выпил все, что она предложила. Привязав своего коня так, чтобы он мог отдохнуть, он велел постелить себе постель и тотчас заснул.

Когда сын заснул глубоким сном, мать разбудила Хёдээнинг Гёк Бёге словами: «Твой враг теперь стал слабее!»

Он поднялся и сел Паавылдай Баатыру на грудь. Паавылдай вскочил в страхе и скинул его. Начали они бороться друг с другом. Но ни один из них не мог победить другого. Тогда Паавылдай крикнул:

— Подсыпьте под Хёдээнинг Гёк Бёге гороха, а под меня подсыпьте муки!

Но они насыпали горох под Паавылдаю, а муку — под того, другого, так что Паавылдай поскользнулся и упал. Все трое вместе кое-как связали его. Они засунули его в уже вырытую яму и заставили дикого черного верблюда прикрыть ее камнем величиной с юрту.

«А теперь быстро обезвредить коня леопардовой масти!» — закричали они и выбежали из юрты. Конь леопардовой масти, закинув голову назад, разорвал узду и поводок, нагнув голову вперед, разорвал поводья, привязанные к седлу, и убежал.

Теперь Хёдээнинг Гёк Бёге взял мать Паавылдаю в жены и дал ей имя Аны Мерген. Хара Нюдюн, черноглазую, сделал он своей дочерью, и стали они жить вместе.

Конь леопардовой масти убежал высоко в горы. Несколько дней пил он там чистую воду горных ручьев, щипал свежую горную траву и отдыхал. Набравшись сил, он полетел на небо к старшей сестре Паавылдаю, на которой некогда женился сын небесного хана. Конь леопардовой масти приблизился к юрте с левой стороны и, когда наступило время сна, взрыл землю подковами и издал тихое и короткое ржание.

«Так ржал бы леопардовый конь Паавылдая, если бы ему отрезали уши и раздробили кости!» — вскричала старшая сестра, быстро накинула на плечи тон и выбежала из юрты.

— Где ты потерял своего хозяина? — спросила она еще на бегу.

Конь леопардовой масти ответил:

— Они все вместе обошли моего хозяина и бросили его под землю, в яму.

Заплакала старшая сестра. Она дала коню отдохнуть два-три дня, а потом полетела на нем на землю.

Когда они приблизились к месту, где стояла юрта, то увидели там только голую черную землю. Но из-под земли неслись слабые человеческие стоны. Старшая сестра подбежала и крикнула:

— Это пришла я, твоя единственная старшая сестра, которая живет у Гурмусту! — С этими словами она вылила через щель в яму целебное зелье, и к Паавылдаю возвратилась жизнь.

— Дорогие, не стойте так близко от меня! Отойдите на расстояние половины дня пути, я взвьюсь, как страшный черный жеребец! — крикнул он. Так он и сделал, но не хватило ему силы сдвинуть камень.

И тогда он крикнул:

— Ну а теперь отойдите на расстояние целого дня пути. Если я не смогу взвиться, как взвивается дикий черный молодой верблюд, мне вообще не одолеть этот камень.

Взвился он трижды. И тогда черный камень величиной с юрту отлетел на расстояние половины дня пути, и, только когда он упал, старшая сестра отправила коня в обратный путь. Встретились они в этой безлюдной местности и были счастливы. Старшая сестра взяла Паавылдая с собой на небо к Гурмусту. Она привезла его в свою юрту, накормила и дала ему отдохнуть. Ему подавали лучшие кушанья и самые верные целебные зелья, и за семь дней он пришел в себя.

«Ну, теперь-то уж я найду свою землю и своих людей! Отправляюсь-ка я, пожалуй!» — сказал Паавылдай Баатыр. Он дунул легонько на своего коня леопардовой масти, и тот превратился в кремешок, засунул его в свое огниво и был готов отправиться в путь. Старшая сестра спустила его в нижний мир и оставила там. Тут они и попрощались.

— Твой пузырь полон желчи, твои легкие слишком спешат! Ты плохо владеешь собой! Дай мне увидеть мою младшую сестру и мать, не убивай их! — уговаривала его старшая сестра.

Он бежал, бежал и достиг наконец границ земли Хёдээнинг Гёк Бёге. Тут он обернулся лысым мальчиком в жалком тоне из сорочьих шкурок, стал всюду прислушиваться да выведывать. Некоторые из людей говорили ему, что были прежде подданными Паавылдай Мергена. А еще он узнал, что завтра будет свадьба принцессы Хара Нюдюн.

Лысый мальчик сказал:

— Если я пойду завтра на пир, обратят ли они вообще внимание на такого человека, как я?

И еще он спросил:

— Где пастух у Хёдээнинг Гёк Бёге? Хотел бы я хоть раз досыта напиться коровьего молока!

Пастухом был старик, живший в шалаше из коры. Когда Паавылдай пришел к нему, тот пас стада, сидя на необъезженном си-нем быке.

— Вообще-то я пастух Паавылдай Мергена, — сказал он.

Стало поздно, и Паавылдай заночевал у старика.

— Здесь столько коров и быков, дедушка, дайте мне теленка-двухлетка! Ведь это принадлежит какому-то хану? Кто заметит, что чего-то недостает? — уговаривал он.

И так как от него не было покоя, они закололи теленка-двухлетка и съели его. Но только старик отвел глаза, как лысый заколол быка Хёдээнинг Гёк Бёге и насаживал его уже на вертел. Старика обуял страх, но мальчик его успокоил. Съев все мясо и выпив мясной отвар, он улегся. Ночью старик вдруг проснулся, и ему показалось, что он видит десять раз переплетенную крест-накрест ко-су Паавылдай Мергена и что рядом с ним лежит и спит сам Паавылдай Баатыр, который мог бы одним пинком ноги разнести убогий корьевой шалаш.

Старик испугался, забрался под свой тон и стал размышлять. А когда через некоторое время опять взглянул туда, он действительно увидел Паавылдая.

Но утром там опять оказался вчерашний лысый в жалком то-не из сорочьих шкурок на плечах. Он спросил, когда начнется праздник, и старик ответил ему и назвал место, где живет хан. Мальчик пошел, старик поглядел ему вслед и увидел удаляющегося Паавылдая. Сидя на коне леопардовой масти, он пустил его рысью.

Когда он приехал, праздник уже начался. Борцы уже кончили борьбу, и как раз пришло время стрелять из лука. Он пошел к месту, где готовились к стрельбе, и спросил, можно ли и ему принять участие. Одни сказали — можно, другие стали смеяться над ним. Так как не оказалось ни одного человека, силы которого хватило бы на то, чтобы натянуть желто-пятнистый лук Паавылдая, стали стрелять из лука Гечилбей Баатыра.

— Велик этот праздник, и игры — на все ханство, можно и мне принять участие? — спросил мальчик в тоне из сорочьих шкурок. Люди смеялись. А он все-таки пошел к Хёдээнинг Гёк Бёге и попросил у него разрешения, сказав при этом:

— Можно ли мне — умоляю вас со сложенными руками — получить благословение?

— О, какой славный, смелый мальчик! Ведь у него лысина, — значит, он мужчина. Дайте ему лук! — был ответ.

Но Паавылдай, уже натягивая лук, сломал его.

И сказал Хёдээнинг Гёк Бёге:

— Что за удивительный лысый мальчик мешает нашим играм! Раз он такой сильный парень, принесите-ка мой черный лук, рассчитанный на силу девяти мужчин!

За один конец держали его трое мужчин, и за другой конец держали трое мужчин — с трудом они внесли его.

— Ну, мой милый, этот уж будет по тебе! — сказал хан, но, как только Паавылдай слегка натянул его, лук разлетелся. Кое-кто рассердился, кое-кто удивился, а хан сказал:

— Раз уж это такой сильный парень, несите-ка сюда желто-пятнистый лук Паавылдая!

Теперь лук за один конец держали шесть мужчин и за другой конец — тоже шесть мужчин — целых двенадцать мужчин притащили его.

— Вот это поистине снаряжение настоящего мужчины, не правда ли? — сказал хан.

Паавылдай получил благословение у своего желто-пятнистого лука и нерешительно приблизился к нему. Он натянул лук до предела, обернулся — и перед всеми предстал, крепко держа свой желто-пятнистый лук, Паавылдай Баатыр в прежнем обличье.

— Подставь-ка мне свое уязвимое место! — крикнул он, и не успели и глазом моргнуть, как он разбил стрелой верхний шейный позвонок Хёдээнинг Гёк Бёге.

Тогда к нему подошли с одной стороны его мать, а с другой — младшая сестра и бросились ему на шею. И заплакали они:

— Хороший мой! Как ты опять вернулся к жизни? Откуда ты пришел?

А он только и спросил у своей матери:

— Ну что ж, ты старый человек, что тебе нужно?

Она ответила:

— Мне нужен только острый нож и шило.

И он дал их ей.

И у младшей сестры он спросил:

— Что нужно тебе, ты ведь такая молодая?

— Табун одного жеребца, — отвечала она. И он дал ей табун.

Он убил свою мать лезвиями ножниц. А младшую сестру привязал к хвостам необъезженных молодых кобылиц и пустил их на все четыре стороны. И сделал это Паавылдай, так как забыл слова своей старшей сестры.

Он собрал свой народ, устроил празднество на целый год и зажил в радости. И, сидя на пиру, он вдруг вспомнил: «Прямо на севере живет человек, предназначенный мне судьбою!» Он вышел и отправился на север. Добрался до той юрты, а там была его девушка — дочь Лузут Хаана. Он взял принцессу в жены и привез ее домой. Они отоспали свой длинный прекрасный сон, отпраздновали свой прекрасный великий пир и жили в счастье и мире в своем ханстве.

9. Паавылдай Мерген с конем леопардовой масти

(Вариант II)

В старое время, в давнее время жил, говорят, наш Паавыл Мерген, и был у него конь леопардовой масти.

Рассказывают, что пропала его пестрая кобыла, уже шесть лет как не жеребая. И отправился он на реку Тунгуйлук искать ее.

Прибыв к реке Тунгуйлук, закурил он свой крепчайший желтый табак, сделал одну затяжку, и вся долина Тунгуйлука наполнилась туманом.

Отдышавшись и оглядевшись вокруг, он увидел поднимающуюся вдали струйку тонкого синего дыма. Отправился он туда. А там в тени возлежал за едой Шаралдай Мерген, а на вертеле жарилась пестрая кобыла Паавылдая, уже шесть лет как не жеребая.

— Это что такое? Вставай-ка и пошли! Если ты настоящий мужчина, выбирай: будем ли мы бороться плечами или оружием? — воскликнул Паавыл.

— О мальчик, дорос ли ты до меня? — спросил тот.

Тогда Паавыл Мерген закатал вверх свою куртку, сшитую из шкур семидесяти оленей, закатал штаны, сшитые из шкур шестидесяти оленей, и начал исполнять боевой танец, а ляжки нашего Паавыл Мергена блестели, как вечный снег на вершинах Алтая.

И спросил он:

— Где мы будем бороться?

И другой на это ответил:

— Мы поскачем в желтую степь, куда не прилетит и сорока, в выжженную степь, куда не прилетит и ворона, там мы испробуем нашу мужскую силу.

У реки Харангты, говорят, было полным-полно черноголовых овец, около Оленгиг было полным-полно серебристо-серых верблюдов. Около Холааша было полным-полно буланных в яблоках лошадей — такой, говорят, богач был этот Шаралдай.

Когда он с шумом вобрал в себя воздух, камни посыпались с горы в реку, камни из реки взлетали на гору, — такой это был сильный муж.

Превосходнейший из мужей — плечи его были словно вырублены из одного куска! И был тут его серый орел Марчын, его охотничьи псы Гезер и Базар. И так они стали бороться друг с другом — правда!

Так боролись они друг с другом шесть лет без устали, сражались друг с другом семь лет без отдыха, и наш Паавылдай Мерген с конем леопардовой масти уже чуть не падал от усталости. Тут он крикнул, так как у него ведь была благородная белая мать, была ведь младшая сестра Мижид Улаан:

— Эй, сестричка моя! Подсыпь под меня муки, а под Шаралдая — гороху!

Но его младшая сестра Мижид Улаан подсыпала под единственного своего старшего брата гороху, а муку — под Шаралдая. И наш Паавыл упал. Как только это случилось, Шаралдай Мерген завернул Паавыл Мергена в мокрую воловью шкуру и швырнул его в яму глубиной в семьдесят саженей — так рассказывают.

А раньше, прежде чем его отец взял в жены его мать, она ходила к Шаралдай Мергену, но этого наш Паавылдай не знал.

Наш леопардовый рванул головой вперед и разорвал поводья, рванул головой назад и разорвал поводок и умчался к своей горе Сюмбер. Тут он одним махом взлетел наверх к старшей сестре Па-

авылдай, на которой женился принц Гурмусту Хаана. В полночь он спрыгнул за ее юртой и заржал — так рассказывают.

Едва услышала его старшая сестра Паавылда, как воскликнула:

— Ах, пусть у тебя никогда не будет хозяина! Ты что, проглотил своего хозяина?

Набросила она себе на плечи шубу из собольих шкур и, выйдя из юрты, увидела коня леопардовой масти, взмокшего от пота.

Приняла она благословение от его передней ноги, а потом стала его расспрашивать, и конь рассказал обо всем. Тогда она засунула себе за пазуху вороватую черную водяную крысу, села на коня леопардовой масти, промчалась галопом вокруг горы Сямбер и спустилась вниз. Тут она выпустила свою вороватую крысу. Та упала в яму глубиной в семьдесят саженей, разгрызла воловью шкуру, проделав в ней дыру, и сестра увидела, что Паавылдай уже мертв. Тогда влила она ему в рот животворное зелье, данное ей отцом, и вернула его к жизни.

И закричал наш Паавылдай:

— Отойдите!

Шевельнулся он в первый раз — и земля слегка задрожала, шевельнулся во второй — обвалились скалы и ходуном заходила земля. Шевельнулся он в третий раз — и разорвал воловью шкуру на куски, и освободился от нее.

Старшая сестра хотела увести его в свою юрту, но он не поехал с ней, а сказал:

— Я разыщу Шаралдай! — А сказав так, сел на своего коня леопардовой масти и пустился в путь.

Поскакал он и приехал к Шаралдаю как раз тогда, когда тот занимался устройством большого праздника. Подул Паавылдай на своего коня леопардовой масти, заклиная его, и превратил его в серого двухлетка в клочьях зимней шерсти. Свою стрелу он превратил в стальную штопальную иглу и воткнул ее в свое огниво, а потом поскакал на этот праздник.

Придя на площадь, где шла стрельба из лука, он разбил все луки, даже желто-крапчатый лук Шаралдая. Шаралдай отругал его и сказал:

— Ну, пес, способный совершить насилие даже над собственной матерью! Если он такой уж сильный парень, принесите-ка черно-крапчатый лук этого Паавылдая!

Принесли черно-крапчатый лук. Паавылдай его все натягивал, натягивал, а стрелы не спускал, тогда Шаралдай сказал ему:

— Что случилось?

И Паавылдай ответил:

— Я боюсь вашего лица!

Тут Шаралдай отвернулся, а Паавылдай прицелился точно в его верхний шейный позвонок, и, как только он выпустил стрелу, разлетелись все шесть шейных позвонков Шаралдая, и он упал, не издав ни звука.

Ну, теперь наконец — а как же иначе! — собрал он своих подданных, и настало время вернуться в свою родную страну. Но прежде чем отправились они в путь, Паавылдай сказал:

— И в самом деле, я ведь что-то забыл! Мижид Улаан, младшая сестра моя, что ты выберешь? Белая моя благородная матушка, а ты что выберешь?

Сестра его ответила на это:

— Мне дай семь несобезженных кобылиц.

А мать его сказала:

— А мне дай семь белых ножиц!

И тут — а как же иначе! — привязали его сестру к хвостам семерых кобылиц, и они разорвали ее на семь частей. Его мать разрезала семью ножницами и разбросала части ее тела на семь сторон.

А Паавылдай взял своих людей, свой скот, все свое имущество, сказал:

— Где ты моя родная земля?

И отправились они в путь.

10. Гунан Хара Баатыр

(Вариант III)

Жил давным-давно герой по имени Гунан Хара Баатыр. И были у него старшая сестра Ак Тевене, младшая сестра Хара Нюдюн и мать. У был у него вороной конь. Стрелял Гунан Хара Баатыр на своей горе Сюмбер самых красных соболей и самых синих бобров.

Однажды, поднявшись на гору Сюмбер поохотиться, он сложил свой белый шелковый платок ценою в сорок кобылиц, протер им оба своих глаза — сначала справа налево, потом слева направо — и стал всматриваться в даль. И тут он увидел, что посреди бескрайней степи движется, направляясь к нему, едва заметный, тонкий, как волосок, столбик пыли.

И подумал он: «Проклятие! Что же это там такое?» Стал он приглядываться к тонкому волоску пыли и, когда он чуть приблизился, различил человека, скакавшего на синем долгогривом коне.

Вскочил Гунан Хара Баатыр на своего коня и галопом спустился с горы Сюмбер. И спросил его тот человек:

— Проклятый! Как зовут тебя и как зовут коня, что под тобой?

— Ого! Я герой Гунан Хара Баатыр на Вороном коне, имеющий старшую сестру Ак Тевене и младшую сестру Хара Нюдюн, — отвечал Гунан Хара Баатыр и, в свою очередь, тоже спросил:

— Проклятый, а ты кто таков? Как зовут коня, что под тобой?

И ответил тот:

— Я герой Хёдёснюнг Гёк Бугазы на Долгогривом синем коне. Прослышав, что здесь живет Гунан Хара Баатыр, я приехал сюда, чтобы умертвить твое большое тело и поселиться на твоих обширных землях.

Услышав это, схватил Гунан Хара Баатыр его за плечи, высоко поднял, бросил о землю, да так, что тот ушел в нее на семьдесят саженей, а образовавшуюся дыру заткнул черным камнем величиной с верблюда. Взял он его коня, поднялся на свою гору Сюмбер, насадил Долгогривого коня на длинную палку, зажарил его, съел, а

потом вернулся к своей юрте и рассказал обо всем матери и младшей сестре.

— Времена, матушка, стали теперь трудные, законы суровые, не надо бы вам теперь ездить прямо на север,— так он сказал.

Но только Гунан Хара Баатыр уехал на охоту, мать его отправилась прямо на север. И слышит она вдруг: человек кричит, а откуда крик — не знает:

— Я пришел, чтобы стать сироте отцом, а бездетному — сыном. А Гунан Хара Баатыр замучил меня, заткнув меня в яму. Пусть бы уж он убил меня, если хочет убить, а не хочет убить — так выпустил бы!

Услышав эти крики, пошла мать Гунан Хара Баатыра домой и сказала младшей дочери:

— Быстро, дитя мое, вылови из тысячи лошадей бурую кобылу с клоками прошлогодней шерсти на шкуре и приведи ее сюда, дитя мое!

Когда дочь поймала и привела ей бурую кобылу с клоками прошлогодней шерсти на шкуре, обе они сели на нее и поехали к тому месту. Но им было не под силу сдвинуть с места черный камень величиной с верблюда и выпустить вбитого в землю героя Хёдёёньюнг Гёк Буга. Привели они тогда верблюда Гунан Хара Баатыра, заставили его сдвинуть камень и освободили врага своего Гунан Хара Баатыра.

Освободили Хёдёёньюнг Гёк Бугу, привели к своей юрте и накормили его.

Дали ему поесть, а тут и Гунан Хара Баатыр возвращается. Он охотился и принес богатую добычу — самых синих и красных соболей и бобров. И теперь, после охоты, он возвратился домой.

А вечером того же дня, когда он вернулся с охоты, говорит ему его младшая сестра Хара Нюдюн:

— Старший брат мой, я хотела бы поискать у вас вшей.

И, сделав вид, что ищет у него, она ощупала Гунан Хара Баатыра и проверила, в теле ли он.

На следующий день Гунан Хара Баатыр снова пошел на охоту. Отохотившись, он вернулся вечером к своей юрте и крикнул:

— Сестрица, выйди и отвяжи седельный ремешок! Руки твоего старшего брата закованы от холода.

Выглянула младшая сестра в дверную щель и сказала:

— Пусть псы жрут твою добычу! Моя мать заболела.

Услышав это, вытащил Гунан Хара Баатыр дичь, висевшую у него на седельном ремешке, кинул ее на землю и поспешил в юрту. Там лежала его мать, стонала и кричала.

— Матушка, да что это с вами?— спросил он.

Она отвечала:

— Ах, мой мальчик, я лежу здесь совсем больная. Однажды, когда я была так же больна, твой отец вылечил меня, мальчик мой!

— Как же вылечил тебя мой отец?— спросил Гунан Хара Баатыр у матери.

И она ответила:

— Он сразу вылечил меня, как только привез мне молока белой верблюдицы, живущей прямо на северо-запад отсюда, посреди озера.

И сказал Гунан Хара Баатыр:

— Ну, если только в этом дело, привезу я тебе молока!

На следующий день надел Гунан Хара Баатыр на себя все мужское вооружение и отправился в путь. Ехал он, ехал. Ехал под облачным небом, над ветвистыми деревьями и все гнал вскачь своего коня.

Когда прискакал он в земли другого хана, оказалось, что какой-то человек ждет его на дороге, приблизился тот к нему и сказал:

— Наш хан зовет вас к себе, он говорит: пусть придет, выпьет чаю, а потом уж продолжит свой путь.

Рассердился сначала Гунан Хара Баатыр и закричал:

— Будь проклят тот, кто стал помехой на моем пути! Но тут же подумал: «Будь что будет, пойду, пожалуй, а потом продолжу свой путь».

Прискакал он к юрте этого хана, спешился, вошел, приветствовал всех как положено, выпил чаю и поел. А потом рассказал ему:

— Моя мать больна, и я пустился в путь за молоком белой верблюдицы, что живет в северо-западном направлении.

И сказал хан:

— Ну и прост ты, мой мальчик. Твоя старуха из тех, что прекрасно умеют притворяться. Лучше не ездить туда! Сколько молодых, сколько могучих богатырей не попали туда еще до тебя! Ты ищешь то, чего искать не следует, мой мальчик, возвращайся домой!

Но Гунан Хара Баатыр не согласился с этим:

— Ну, будь что будет, а я привезу ей молока белой верблюдицы!

Покинул Гунан Хара Баатыр эту юрту и поскакал, поскакал, поскакал. Въехал он на вершину большой горы, остановился и стал оглядывать местность вокруг. И вдали, куда уже и взгляд не доставал, различил он большое озеро. А когда он подъехал к берегу озера и взглянул на него, то увидел, что на острове среди моря стоит и ревет белая верблюдица.

Гунан Хара Баатыр был такой герой, что мог семнадцать раз менять свое обличье. Прискакав к берегу озера и увидев на острове белую верблюдицу, он обернулся волком-трехлетком и побежал. Бежал, бежал, оборотился на бегу лисой-трехлеткой и побежал дальше. Потом обернулся трехлетним орлом и полетел через озеро, а подлетев ближе, опустил белым туманом, укротил белую верблюдицу и выдоил из ее вымени молока.

И были у Гунан Хара Баатыра жемчужные четки; девяносто девять жемчужин были разделены на них девятью особенно крупными. Вырвал он одну из крупных жемчужин и подарил ее верблюдице. И сказала она тогда:

— Будем друзьями! Приходи всегда на мой зов, а я всегда приду на твой! — На том они и расстались.

На обратном пути тот хан опять выслал за ним человека и позвал его к себе.

Гунан Хара Баатыр рассердился и сказал:

— Проклятый, неужто ты всегда торчишь помехой на пути человека! — но все-таки снова свернул к айлу хана, приехал, спешился и выпил чаю.

А жена того хана тем временем вылила молоко белой верблюдицы на землю. И прожгло оно в почве дыру глубиной в семьдесят сажень. Надоила ханша молока простой верблюдицы и налила в его дажыр.

Вскоре уехал Гунан Хара Баатыр. Приехал к своей юрте, вскипятил молоко и дал его выпить матери.

Когда он смотрел, она делала вид, что пьет его, а когда он отворачивался, выливала молоко за пазуху.

А ночью, когда он спал, опять пришла его младшая сестра и стала искать у него вшей. Опять она ощупала его, но Гунан Хара Баатыр был упитанным, будто ничего и не случилось.

Проснувшись наутро, он увидел, что мать его здорова; она была на своем месте и хороша собой, как и прежде.

Гунан Хара Баатыр поехал, как всегда, охотиться на свою гору Сямбер. Когда же он вечером возвратился домой, мать его снова была больна.

— Что с тобой, матушка? — спросил он, и она отвечала:

— Я опять больна, мой мальчик. Когда я как-то раньше болела так, твой отец достал мне легкое и сердце пары леопардов, живущих прямо на юг от нас, и этим он вылечил меня, сын мой.

На эти слова Гунан Хара Баатыр ответил:

— Всего-то! Ну что ж, я отправлюсь туда и привезу тебе и то и другое.

И на следующий день он опять снарядился в путь.

И опять посреди пути тот хан велел позвать его. «Что этому проклятому от меня надобно? Только ему и дела что задерживать людей на пути!» — подумал он, но все-таки подъехал к его юрте и спешился.

— Ах, сын мой, слишком уж ты прост! Эти леопарды так сильны! Уж сколько героев отправлялись за ними до тебя, да так и пропали. Никто еще не побеждал этих леопардов, мой мальчик! Ох, и трудно будет тебе, если ты все же туда отправишься! Даже если тебе повезет, вряд ли удастся сразу уложить их обоих, очень уж они опасны! — говорил ему хан.

Но Гунан Хара Баатыр продолжал свой путь, скакал да скакал, и вдруг на его пути встала высокая гора. Въехал он на вершину той горы, вынул свой белый шелковый платок ценою в сорок кобылиц, сложил его и протер им оба глаза — сначала справа налево, потом слева направо. И когда стал он вглядываться в даль, увидел он в камышах посреди большой реки четыре огонька.

«Фу ты, — подумалось ему, — что за странные огни?» Но, прищурившись внимательнее, он понял, что это горят глаза пары леопардов.

Обернулся он тогда волком-трехлетком и побежал, побежал; потом обернулся лисой-трехлетней и побежал дальше; потом обернулся трехлетней лаской и добежал до них.

Тут он обернулся бледным туманом и напал на них. Взял у них легкое и сердце, оторвал от своих четок с девяноста девятью маленькими и девятью большими жемчужинами еще одну большую жемчужину, дал ее леопардам и поклялся им в дружбе.

— Я всегда приду на ваш зов! И на мой зов всегда приходи-те! — сказал он и отправился домой.

На обратном пути тот хан снова велел позвать его в гости. И опять он рассердился, но все же спешился у той юрты. Пока он сидел с ним и пил чай, жена того хана подложила ему легкое и сердце простой охотничьей собаки, а легкое и сердце леопардов вынула.

Вернувшись домой, он нарезал их хорошенько на мелкие кусочки и пожарил для своей матери. Мать делала вид, что жует, когда он глядел, когда же он отворачивался, выбрасывала их и старалась потихоньку все спрятать.

Вечером они заснули. И сестра убедилась опять, что Гунан Хара Баатыр ничуть не спал с тела.

А когда они встали утром, мать, как и в первый раз, была совершенно здорова.

Тогда поехал Гунан Хара Баатыр охотиться на свою гору Сюмбер, а вернувшись оттуда, закричал:

— Ах, сестрица, руки и ноги твоего старшего брата заковенели! Иди развяжи узлы его седельных ремешков!

А она отвечает ему:

— Пусть псы жрут твою добычу! Выкинь ее подальше! Моя мать опять больна.

Вытащил Гунан Хара Баатыр добытую им дичь, бросил ее и бе-гом в юрту:

— Матушка, что с вами опять случилось?

А она ему отвечает:

— Ах, мой сын! Давешние мои боли были еще ничего. А сегодня я так тяжело больна, мой мальчик! И ты мне обязательно должен достать лекарство, сын мой! Когда ты еще был мал, я болела так же, и твой отец достал мне легкое и сердце девятиглавого чудища Андалвы, что живет прямо на восток отсюда.

— Ну уж эта тварь мне ничуть не страшна, — засмеялся Гунан Хара Баатыр и опять на следующее утро пустился в путь.

И, как всегда, послал за ним тот хан. Гунан Хара Баатыр снова сошел с коня и выпил в его юрте чаю.

— Ах, мой мальчик, твоя мать, как и прежде, опять притворяется. Уж сколько молодцов, рожденных героями, ни отправлялось туда, это черное девятиглавое чудище — Андалва-мангыс — уничтожило их всех, ни одного не пощадило! Нет на свете никого, кто бы равен был по силе девятиглавому черному Андалве! Как худо, что ты идешь туда, мой мальчик! Твоя старуха совсем завралась. Ну и хитра же она! А ты веришь каждому ее слову... Не кончится ли это для тебя бедой? — так уговаривал его хан.

— Да что уж там, как бы то ни было, а я поеду, досточтимый.

— Ну что ж, так тому и быть! Пусть помогут тебе Алтай и Небо! А коли ты победишь девятиглавого черного Андалву, привези мне кожу со лба средней головы этого девятиглавого черного чуди-

ща, мой мальчик. И еще я хочу, чтобы ты запомнил: если придется тебе совсем трудно, крикни так, мой мальчик: «Высокий отец, дай мне сверху силу тридцати мужчин и дай мне силу шестидесяти мужчин снизу!» — вот что велел запомнить Гунан Хара Баатыру тот хан.

И поскакал Гунан Хара Баатыр, и конь его летел как ветер, и вдруг на скаку он увидел в широкой степи след коня величиной с отару в тысячу овец.

Когда его конь вступил в этот след, Гунан Хара Баатыр сравнил: копыто его коня было как голая косточка из конской ноги. «Проклятие! Ну и огромные же ноги у коня этого девятиглавого черного чудища Андалвы!» — подумал Гунан Хара Баатыр и очень рассердился. Подстегнул он плеткой своего коня, погнал его вскачь, чтобы показал он полную свою силу. И когда он снова велел ему вступить в тот же след, оказалось, что теперь копыто его коня равно следу.

Поехал он, поехал, попал в другую местность и увидел там девятислойный стеклянный дом. Трижды объехал он вокруг девятислойного стеклянного дома, но так и не смог найти вход в него.

— Как же попадает туда наконец тот Андалва-мангыс, ведь нигде нет входа? — закричал он и наступил в ярости прямо на дом, да так, что он надломился с одной стороны. И там внутри поднялась от пепла своего очага жена черного Андалвы.

— Несчастный, ты что, прибыл, чтобы стать обедом девятиглавого черного Андалвы? Или ты собираешься быть его ужином? — спросила она. Но раз уж Гунан Хара Баатыр приехал, она стала угощать его, как принято.

Обычно девятиглавый черный Андалва, вернувшись с охоты, съедал мясо девяносто баранов и выпивал девяносто дажыыров арагы — лишь тогда он утолял свою жажду и голод. И Гунан Хара Баатыру хозяйка тоже подала мясо девяносто баранов. Маленькие кости он вычихивал из носа, большие — выплевывал изо рта. Вмиг съел он все, да и то не слишком насытил свой голодный желудок. А когда она подала ему девяносто дажыыров арагы, он выпил все, но жажды своей так и не утолил.

А потом он спросил:

— А в каком направлении поехал девятиглавый черный Андалва?

И она ответила:

— Да, пожалуй, ты ему теперь сгодишься! Он поехал прямо на юг.

Поскакал он прямо на юг, скакал, скакал. И на скаку увидел он на краю степи две большие красные полосы, а меж них — большое пламя. Приглядевшись внимательнее, он понял: то, что казалось ему красными полосами, это разинутые от летней жары пасти двух бегущих охотничьих псов. А огонь между ними был не чем иным, как средней, главной головой черного Андалвы.

Поскакал он дальше, но тут к нему подлетели два орла девятиглавого черного Андалвы и выхватили из каждого его плеча по куску мяса величиной с корову. Гунан Хара Баатыр стал отбиваться и с большим трудом убил их.

Проехал он еще немного, и тут на него с обеих сторон набросились два охотничьих пса девятиглавого черного Андалвы и вырвали из его ляжек по куску мяса величиной с корову. Он отбивался изо всех сил и их тоже уложил.

Проехал он еще немного и спешился, чтобы встретить противника, и вот уже девятиглавый черный Андалва с важной усмешкой, оглядев его со стороны, проехал мимо.

— Эй, подъезжай сюда, черный Андалва! — крикнул Гунан Хара Баатыр.

— Подъезжай сам, коли тебе надобно, — ответил тот, а когда Гунан Хара Баатыр подъехал, спросил его девятиглавый черный Андалва:

— Откуда ты взялся, проклятый?

— Я богатырь по имени Гунан Хара Баатыр на Вороном коне, есть у меня старшая сестра Ак Тевене и младшая сестра Хара Ньюдюн. Убью я тебя, огромного, и завладею твоим большим ханством, для того я и приехал, — ответил Гунан Хара Баатыр. И поскакали они в желтую степь, где всегда проходили состязания по стрельбе из лука.

Ударил Гунан Хара Баатыр плеткой по лопаткам девятиглавого черного Андалвы. Черный Андалва рассердился и ответил ему тем же. Оба поскакали галопом, на скаку избивая друг друга плетками, так что плечи их покрылись пестрыми синяками.

Посреди желтой степи они спешили, сняли со своих коней седла, связали им ноги, откинули и подвязали им головы. Потом пошли, пританцовывая, друг на друга и начали борьбу.

Прошло три месяца, а они все еще боролись друг с другом, и у обоих еще доставало сил, и силы их были равны.

Тут на небе услышал об их борьбе Гурмусту Хаан. Велел он зажарить мясо девяносто баранов и наполнить арагы девяносто дажыров, и молвил он тогда:

— Ладно, теперь я убедился в том, что вы оба очень сильны! Так кончайте же биться и выпейте, что я вам пошлю. Над средним миром разразилась страшная беда! В густом облаке пыли, поднятом вами, не могут найти дороги люди, животные и птицы — вот до чего дошло!

Спустились на землю слуги Гурмусту, передали борющимся эти слова и принесли им мясо девяносто баранов и девяносто дажыров арагы.

Съели герои мясо девяносто баранов и насытили свои изголодавшиеся желудки, выпили они девяносто дажыров арагы и утолили свою великую жажду.

Опьянел изрядно Гунан Хара Баатыр и ударил девятиглавого черного Андалву одним из дажыров. А девятиглавый черный Андалва, как только тот его ударил, вскочил, схватил Гунан Хара Баатыра, и начали они опять бороться, но с Гунан Хара Баатыром Андалва так и не мог справиться.

И тут на обеих руках девятиглавого черного Андалвы выскочило по пяти ножей и на обеих его ногах — тоже по пяти — всего значит, двадцать ножей. А они все боролись и боролись, да так,

что затрещали у Гунан Хара Баатыра все кости, и, когда стало ему трудно, вспомнил он слова, что говорил ему тот хан, у которого он всегда гостил по пути. Выпустил он своего противника и закричал:

— Эй, высокий, досточтимый отец! Дайте мне снизу силу шестидесяти мужчин! И дайте мне сверху силу тридцати мужчин, о высокий, досточтимый отец!

Вмиг приплыло к нему небольшое черное облако, заморосило, и мясо его стало бронзовым. Он вскочил, обхватил изо всей силы девятиглавого черного Андалву и бросил на спину.

— Ну, проклятый черный Андалва! Если хочешь оставить завешание, говори, сейчас я тебя убью!— крикнул он.

Тот отвечал:

— Нет у меня никакого завешания, нечего мне сказать тебе. Но что бы ни случилось, возьми себе мою жену, только не обращай с ней плохо! На моей голове, у начала косы, спрятан нож с желтой рукояткой². Ударь меня им в затылок³, а потом сунь его обратно на место.

Взял он нож и вонзил ему в затылок. Потом стянул кожу со лба на средней голове, вынул его легкое и сердце, а потом рассек мечом жену черного Андалвы пополам, а его людей и скот погнал перед собой и направился в обратный путь.

На обратном пути тот хан снова велел позвать его к себе и сказал ему:

— Сын мой, я рад, что с помощью Алтая и Неба ты уничтожил девятиглавого черного Андалву и вернулся невредимым!

Пока они сидели и беседовали, жена хана вынула легкие и сердце девятиглавого черного Андалвы, выбросила их и положила вместе них легкие и сердце охотничьей собаки.

Вот вернулся Гунан Хара Баатыр домой, разрезал и зажарил то, что считал легкими и сердцем черного Андалвы, для своей матери.

И опять мать делала вид, что ест, когда он глядел, и повыбрасывала все вон, когда он отвернулся.

Когда Гунан Хара Баатыр лег спать, его младшая сестра опять начала искать у него вшей. Ощупав его, она заметила, что старший брат похудел. И когда Гунан Хара Баатыр крепко заснул, его мать и младшая сестра вынесли из юрты все его мужское снаряжение и оружие и сложили все в потайном месте. А потом вытащили Хёдёёнюнг Гёк Бугу, которого они выхаживали под своей постелью. И тот сразу же набросился на спящего богатыря.

Гунан Хара Баатыр испугался, и рука его дрогнула. И от этого Хёдёёнюнг Гёк Буга вылетел в дымовое отверстие и упал на спину перед входом в юрту. Тотчас же он вскочил, вбежал в юрту, и начали они друг с другом бороться. А мать и младшая сестра Гунан Хара Баатыра подсыпали под Гунан Хара Баатыра горох, а под Хёдёёнюнг Гёк Бугу — муку.

И, увидев это, воскликнул Гунан Хара Баатыр:

— О, раз у моей матери и у младшей сестры такие черные замыслы, мне нечего больше делать на этом свете!— и лег на землю. Тут заколол его Хёдёёнюнг Гёк Буга ударом ножа в затылок. Потом забрал людей, скот и вместе с женщинами отправился домой.

Только Вороной конь Гунан Хара Баатыра не дал себя поймать и убежал. И вот поскакал Вороной конь Гунан Хара Баатыра в верхний мир, куда выдали когда-то замуж старшую сестру Гунан Хара Баатыра Ак Тевене. Побегал Вороной к юрте той старшей сестры и заржал. И воскликнула старшая сестра:

— Э, быть тебе всегда без хозяина! Прискакал сюда, а хозяина, что, проглотил? Мой младший брат умер! Пойду-ка я верну его к жизни!— С этими словами вскочила она на Вороного коня и ускакала.

Когда наконец она приехала в земли младшего брата, там не было ни души. Гунан Хара Баатыр — как огромная бронзовая гора — уже наполовину сгнил на страшной жаре. Оба его орла прикрывали его тенью своих крыльев, а две его собаки попеременно бегали, макали в озеро свои хвосты, возвращались и обрызгивали и охлаждали его.

Ак Тевене внимательно оглядела брата, собираясь вернуть его к жизни, и заметила, что недостает одного ребра. Приглядевшись, заметила она под ним дыру, уходящую в землю. Превратилась она тут в червя, вползла в нее, попала в нижний мир. Там она увидела, что след ведет к белой-пребелой юрте. Встала она у юрты и сказала:

— Послушайте, жил на свете мой младший брат, и был он великим героем. Теперь мой славный младший брат мертв. А когда я захотела оживить его, оказалось, что у него не хватает одного ребра. Кто-то его взял и унес. А когда я пошла по следу, он привел меня к вашей юрте. Если ребро здесь, отдайте его мне!

— О, мы слышали, что прекрасный богатырь по имени Гунан Хара Баатыр умер, и действительно, услышав об этом, мы принесли сюда его ребро, — ответили люди из юрты и вытащили из девятидонного сундука ребро, завернутое в девятицветный шелковый хадак, и отдали ей. Ак Тевене взяла его, бегом вернулась и, выбравшись из дыры, вставила ребро на место. Тут она стала думать, какие же есть средства оживления, и оказалось, что для этого нужна жена Гунан Хара Баатыра. Но жены у Гунан Хара Баатыра пока еще не было. Правда, в детстве он был сговорен с дочерью того хана, который всегда останавливал его на пути. Вспомнила об этом старшая сестра и привезла дочь хана.

Накрыла дочь хана тело Гунан Хара Баатыра покрывалом из бобровых шкур, села на неоседланного Вороного коня и трижды перепрыгнула через него на коне.

И тут заговорил Гунан Хара Баатыр:

— Ох, и долго же я спал, правда? Фу ты, — зевнул и встал.

Когда он ожил, обратилась к нему старшая сестра:

— Ну вот что я скажу тебе: раз твоя мать и твоя младшая сестра отплатили тебе ненавистью, отомсти и ты им!— Поставила она своему младшему брату и молодой невестке юрту и вернулась к себе.

Прошел месяц. Оборотился Гунан Хара Баатыр бедным парнем в ободранной шубе, на паршивом черном жеребце-двухлетке и вторгся в землю Хёдёёнюнг Гёк Буги. По пути он увидел старика, пасущего стада. Поздоровался с ним:

— Дедушка, а дедушка, живется вам в добре и мире?

— Хорошо, хорошо! А ты откуда, сын мой?— спросил тот.

— Ах, дедушка, дедушка, я ишу навару погуше и чайной заварки покрепче,— отвечал Гунан Хара Баатыр.

— Ну что ж, мой мальчик, отправляйся туда, вниз; там, внизу, стоит покрытый травой джадыр. Это наш дом, сын мой. Иди туда и останься там на ночь, пусть бабушка сварит тебе чай, и напейся чаю!— сказал старик и отправил его к своей юрте.

Пришел он к юрте этого старика, жена его как раз варила чай. Не успел еще чай вскипеть, как к юрте прискакал старик, запыхавшись, едва дыша. Сев около старухи, он сказал:

— Я уже пригнал коров.

Потом он чуть подвинулся к двери, потянув старуху за подол, и тянул ее за собой до тех пор, пока они не оказались оба у самой двери. Тут он подал ей тайный знак и выманил ее из джадыра.

— Ну, старуха, что я видел, удивительно!— сказал он со смехом.

— Что же?

— Да юноша, который сидит там, не наш ли это герой Гунан Хара Баатыр? Ну и удивился же я, когда увидел его! Вот хорошо было бы, если бы это был Гунан Хара Баатыр! Знаешь, есть три приметы. Пусть он сегодня обязательно переночует у нас!

И старуха ответила ему:

— Хорошо!

— Да, теперь налей ему чаю в простую пиалу,— сказал старик.— Если это Гунан Хара Баатыр, он скажет: «Я пью всегда из одного и того же савыла». Это первая примета. А вторая примета: когда он ляжет ночью спать, его грудь будет в юрте, а ноги — снаружи. И еще одна примета: у клыков его Вороного коня — и справа и слева — должно быть по тройной радуге. Если ты все это увидишь, то это и есть три приметы.

Все это старый пастух рассказал своей жене.

Вечером, когда они налили ему чаю в простую пиалу, Гунан Хара Баатыр сказал:

— Ах, дедушка, я бы очень хотел выпить чаю вот из этого черного савыла.

И старуха налила ему чаю в черный савыл.

Тогда они привели священного синего быка Хёдёёнюнг Гёк Буги, содрали с него шкуру, и юноша съел его мясо. Ночью, когда он крепко заснул, они увидели: лежал он, и верхняя часть его туловища была в юрте, а зад — снаружи. И заплакали старики, и засмеялись. Вышел старик из юрты, пошел к паршивому черному двухлетку, посмотрел: у обоих его клыков по тройной радуге. Увидав это, он обрадовался: «Ну, значит, это пришел к нам наш Гунан Хара Баатыр, живой и невредимый!»

А через два-три дня ожидался праздник. Готовили большой праздник по случаю того, что Хёдёёнюнг Гёк Буга убил Гунан Хара Баатыра и сделал его мать своей старшей женой, а сестру — младшей.

Подошел праздник, и начались большие состязания. Гунан Хара Баатыр, как был все еще в обличье бедного парня, в оборванной и вылинявшей шубе, пошел на этот праздник и сказал хану:

— Эй, старший брат, есть у меня одно желание: хотел бы я принять участие в стрельбе из лука.

А нужно было, говорят, прострелить семьдесят овечьих черепов, которые поместили за семью горными хребтами.

— Ну, коли так, пожалуйста,— стали насмехаться люди над юношей в оборванной, линялой шубе.

Принесли ему лук. Он натянул его так, что тот лопнул. И так он натянул и сломал четыре или пять луков. И сказал тогда Хёдёёньонг Гёк Буга:

— Ах, проклятый! Если уж он такой умелый парень, принесите ему стрелы и лук этого Гунан Хара Баатыра! Тогда поглядим, на что он способен.

Принесли лук. Бедный парень схватил его и крикнул:

— Клянусь Небом, сила у меня есть! А что это за прекрасный лук?— и натягивал его три дня.

Почему же он натягивал его так долго? Почему не выстрелил в верхний шейный позвонок Хёдёёньонг Гёк Буги? Это было потому, что он все ждал подходящего момента. Наконец, через три дня, в тот миг, когда Хёдёёньонг Гёк Буга повернулся, он точно прицелился в его верхний шейный позвонок и выстрелил. Выстрелив, он сразу же обернулся Гунан Хара Баатыром и полностью вернул себе свой прежний облик. Заплакали тогда его люди от счастья, а люди врага обратились в бегство.

Да, и тогда он подошел к своей матери:

— Ну, матушка, что вам дать?

— Ах, дай мне кобылу, сын мой.

Тогда его матери крепко связали вместе руки и ноги, привязали ее к хвосту кобылы. Хлестнули кобылу так, что она встала на дыбы и понеслась. Так умерла его мать.

Тогда он спросил свою младшую сестру:

— Ну а тебе что дать, моя девочка?

И она ответила:

— Дай мне ножницы.— Тогда он тут же, не сходя с места, разрубил свою сестру мечом надвое.

Потом он собрал свой народ и свой скот и вернулся в свою прежнюю страну, и там жил он в мире и блаженстве. Арагы тек из уголков его рта, и жир капал с его пальцев, так счастливо зажил он с тех пор!

11. Шаралдай Мерген с конем в желтых яблоках

В самое раннее из всех времен, говорят,
В давно ушедшее время, говорят,

жил храбрый богатырь Шаралдай, и не было уже у него ни отца, ни матери. Не богат он был и скотом. А осталась у него одна-единственная младшая сестра, которую он любил, как свет своих очей, как кровь своей груди.

Он ездил охотиться в горы своего всегда готового защитника его Алтая, только и слышалось: хлип-хлоп, только и звучало: динь-дон

под копытами его коня в желтых яблоках. Он стрелял зверей горных хребтов, гоняя их в ущелья. Он стрелял дичь ущелий, загоняя ее на горные хребты. Однажды, когда он вернулся, принеся в седле столько добычи, что конь в желтых яблоках добрался до юрты уже в полном изнеможении, он ел самые вкусные блюда и пил самый крепкий чай. И то и другое приготовила ему младшая сестра. И пока он там сидел, вошел, плача и жалуясь, лысый парень и сказал:

— Я хотел бы стать старшим братом тому, у кого нет старшего брата! Я хотел бы стать младшим братом тому, у кого нет младшего брата!

«Ой, беда,— подумал Шаралдай, рожденный мужем,— ну что за несчастное создание, он чувствует себя, видно, таким одиноким!» И взял его себе в младшие братья.

На следующий день, когда он опять собрался охотиться на своей высокой горе, он посадил лысого с собой на своего коня в желтых яблоках и пустил коня шагом. По дороге этот лысый и спрашивает:

— О брат, где спрятан твой жизненный дух?

— А почему ты спрашиваешь об этом?— ответил ему Шаралдай вопросом на вопрос.

И тот ответил:

— Разве я тоже не мужчина? И нельзя быть уверенным, что не придет однажды время, когда вы мне понадобится, как нельзя быть уверенным и в том, что не наступит однажды время, когда и я понадобится вам.

Подумал Шаралдай: «Может быть, это и правда!»— и сказал:

— У меня три жизненных духа: один из них — мой ножичек с желтой рукояткой в подошве моего сапога. Другой — желтая птичка в желтом ящичке, спрятанном в носу моего коня в желтых яблоках. А последний — три сплетенные красные нити на моем пупке.

А у лысого на уме были черные мысли. Назавтра ночью, когда все спали, он встал, оторвал подметку от сапога Шаралдая и разломал ножичек с желтой рукояткой. Он выбрался из юрты и стал дуть в нос коня в желтых яблоках. Конь в желтых яблоках чихнул, так как ему было не выдержать вони, шедшей от лысого, и от этого выскочил из его ноздри желтый ящичек. Лысый поднял крышку, увидел в нем желтую птичку и сразу же ее убил. Потом откинул одеяло на спящем Шаралдае и отрезал три сплетенные нити, которые виднелись у его пупка. Когда настало утро, Шаралдай лежал мертвый, распростертый, как бурый олень Алтая.

Теперь лысый собирался взять в жены девушку Мешгээд Улаан, которая уже с самого рождения была красавицей. Но Мешгээд Улаан убежала и добралась до отвесной скалы. Там она села и стала плакать. И тут к ней подошел белобородый старик — дух-хозяин Алтая, утешил ее и дал ей совет. После этого Мешгээд Улаан — иначе и быть не могло — вернулась к лысому и со словами: «Это не я даю тебе пощечину, ее дает тебе Шаралдай, мой брат» — ударила его. Тут сломался его верхний шейный позвонок, и он упал

замертво. Тогда девушка подняла своего любимого брата, отнесла его на отвесную скалу и крикнула:

— Не я прошу тебя, а мой брат Шаралдай. Отвесная скала, откройся мне! Я хочу спрятать в тебе моего единственного брата!

И открылась перед ней отвесная скала. Положила она в скалу своего брата и сказала:

— Отвесная моя скала, закройся! Храни хорошенько моего единственного!— И отвесная скала опять закрылась.

Мешгээд Улаан опоясала себя колчаном Шаралдая, вскочила на коня в желтых яблоках и отправилась на поиски девушки, предназначенной ее брату судьбой. Долго она ехала, а когда добралась туда, где жила та девушка, ее отец, хан, как раз устраивал пир, на котором хотел просватать свою дочь, и объявил, что отдаст ее тому, кто выиграет в трех состязаниях.

Уже начались скачки, и не найти было юношу, который захотел бы поскакать на коне в желтых яблоках. Побежала тогда сестра Шаралдая к дочери хана, а та как раз ела густую ячменную кашу, вылепила она из этой ячменной каши фигуру юноши и посадила его на коня в желтых яблоках. Когда пришло время лошадям прийти к цели, милая Мешгээд Улаан вбила стальной крюк в вершину лиственницы и, приговаривая: «Не я ловлю тебя, ловит тебя мой брат Шаралдай»,— словила коня. Конь в желтых яблоках пришел первым, когда других коней еще не было и видно, и попался как раз кольцом уздечки на крюк. Мешгээд Улаан крикнула:

— Не я тяну, а тянет мой брат Шаралдай!— и дернула коня назад, но лошадь протащила ее дальше, пропоров семь горных хребтов, проволокла ее через семь степей. И лишь тут конь в желтых яблоках остановился. И задрожал тогда, говорят, весь шар земной.

Когда начались состязания в стрельбе из лука по цели — как же их могло не быть!— сказала Мешгээд Улаан, как и прежде:

— Не я стреляю, стреляет мой брат Шаралдай.

И выпущенная ею стрела пробила ушки семи штопальных игл, разбила всю поклажу для семи верблюдов, а потом еще попала в семь диких баранов, пасшихся за семью ущельями, и уложила их наповал. Наконец наступило время состязаний по борьбе. Обернула она себе грудь попоной и сказала:

— Не я исполняю боевой танец, танцует мой брат Шаралдай.

Стала она прыгать с ноги на ногу, и побледнело лицо у первого богатыря, от страха зашел ум за разум у последнего богатыря, а все остальные попрятались друг за друга. Со всеми билась Мешгээд Улаан и всех их бросила на самые колючие кусты караганы и раздавила о самые острые скалы, так и случилось, что она вышла победительницей всех трех состязаний.

Отправляя дочь в путь, ханы-родители забили белого барана, предводителя овечьего стада, чтобы приготовить на дорогу еды. И когда хан сказал:

— Зять, заостри-ка вертел для кровяной колбасы!— Мешгээд Улаан выскочила из юрты, ухватила молодую лиственницу, стоявшую у опушки леса, сказала:

— Не я тяну, а тянет мой брат Шаралдай,— и вырвала ее с корнями — иначе и быть не могло. А потом дала ее коню в желтых яблоках; тот ухватил ее сразу шестью своими клыками, а когда он снова раскрыл пасть, из нее выпал восьмигранный вертел.

— Хан-отец, вот я вырезала вам вертел,— сказала она и положила его наискосок поперек котла. Тут всеми людьми овладел страх, а несколько богатырей, оставшихся в живых, вместе вытащили вертел из юрты. Мешгээд Улаан велела дочери хана следовать за собой. А сама быстро уехала на полдня раньше. Возвратившись домой, она крикнула:

— Отвесная моя скала! Отворись! Я выну моего единственного!

Тут скала раскрылась. Ее единственный брат лежал там как во сне, не тронутый тленом. Она принесла его к берегу быстрой реки. Потом подвязала коню в желтых яблоках голову назад, так, что он стоял неподвижно, как скала, связала ему передние ноги путами так крепко, что он стоял, как ящик. Потом написала пару строк на ладони брата и ушла.

Когда принцесса, нареченная ему в жены, прибыла туда, Шаралдай лежал мертвый. Она трижды ударила его, потом трижды переступила через тело направо и трижды налево и таким образом оживила его. Шаралдай очнулся и удивился. «Умоюсь-ка я и приободрюсь!»— подумал он. И с этим спустился к реке, но, когда он хотел зачерпнуть воды руками, он заметил такую надпись на своей ладони: «Я сделала все возможное, чтобы оживить тебя. Твоя суженая вернет тебя к жизни. А так как теперь нет места, где я могла бы приклонить свою голову, я превратилась в серого зайца и удалилась на высокую гору, которая защитит меня».

И тут заговорила маленькая черная служанка, которую хан отправил со своей единственной дочерью:

— Кажется, наш молодой муж был очень стройным юношей со светлым лицом. Почему же он вдруг стал таким широкоплечим и темнокожим?

— Муж — это существо, которое может обернуться и три раза на день. Когда он приехал на свою родную землю — Алтай, его лицо, очевидно, приняло свой первоначальный цвет, а тело стало более прекрасным. А как же иначе?— ответила принцесса, не задумываясь.

Шаралдай, дорогой, каждый день отправлялся охотиться на гору, так как очень скучал по своей младшей сестре. Прежде чем возвратиться домой, он всегда оставлял почки и сердце убитой дичи и думал: «Может быть, их найдет моя младшая сестра».

Маленькая черная служанка сразу заметила, что каждый раз не хватает почек и сердца, и снова высказала свое удивление, но дочь хана сказала ей:

— Он, наверное, из тех, кто очень любит почки и сердце. Наверно, он жарит их и ест после охоты,— и не стала и думать об этом.

Наконец Шаралдай с большим трудом отыскал свою младшую сестру, превратившуюся в серого зайца, и попросил ее принять прежний облик. Маленькая черная служанка, которая вечно следи-

да за ним, узнала и об этом. Как только Шаралдай удалился, она подошла к бедной девушке, которую замучили вши, сделала вид, что хочет поискать у нее в голове, а сама налила ей в уши олова. Когда Шаралдай вернулся на следующий день, он обнаружил, что его сестра оглохла на оба уха. Он посадил несчастную в ящик и повесил его на шею дикому барану. Через некоторое время он вернулся на то же место, но, сколько ни искал, найти ее больше так и не смог. Три года искал Шаралдай, и он, и его конь исхудали и совсем обессилели. А он все скакал и скакал, кружа по всему миру, объезжая всю землю.

Однажды приехал он на берег озера, где два маленьких мальчика играли с луком и стрелами. И, глядя на них, он вдруг услышал, как один из них воскликнул:

— Это не я стрелял, стрелял мой дядя Шаралдай, — и выиграл состязание.

Шаралдай подошел к мальчикам и спросил, кто их родители. И так он узнал, что его младшая сестра вышла замуж и живет здесь с мужем и детьми. Наконец брат и сестра встретились и рассказали друг другу о том, что им пришлось пережить. Один охотник на Алтае, прекрасный юноша, застрелил того дикого барана, и, когда он открыл ящик, в нем оказалась красивая девушка. Олово, которое ей налили в уши, вытекло вместе с гноем.

— Теперь я тебя, дрянь ты эдакая, несчастная черная служанка, изрублю на куски! — вскричал в ярости Шаралдай и ускакал. Но его жена, обладавшая чудесной силой знать наперед, что случится через месяц, уже целый день шла ему навстречу по дороге. Она налила белого молока в золотую пиалу и встретила его с такими словами:

— Обрушь весь твой гнев на меня! Из крови родится кровь, из молока родится молоко! Подумай только: ведь настоящее счастье ваше, брата и сестры, только еще начинается!

Он пораскинул умом — подумал и о том, и об этом — и понял, насколько права его разумная жена. Взял он из ее рук золотую пиалу и выпил молоко.

12. Хара Буурул Дюжюмел

В давние времена жил старец по имени Хара Буурул Дюжюмел. И был у него табун черно-пестрых лошадей, наполнявших весь Алтай. И табун черногривых лошадей, наполнявших весь свет, тоже был его. Старый Ак Сагал был его табунщиком.

Однажды, когда старик Ак Сагал, табунщик, спал, ему приснился сон, что большая война разогнала стадо черногривых коней, наполнявших весь свет, и стадо черно-пестрых коней, наполнявших весь Алтай. И он сказал:

— Мне снилось, мой хан, что пришла большая война и, пока ты пребываешь в полном неведении и празднуешь свои пиры, так что арагы каплет с твоей бороды и жир стекает с уголков твоего

рта, она разогнала черногривых коней, наполнявших весь свет, и черно-пестрых коней, наполнявших весь Алтай.

Хара Буурул Дюжюмел сказал:

— Э-э, твой сон — полная бессмыслица. Он ничего не значит. Бывает, что такое привидится во сне.

Однажды табунщик заснул и опять увидел тот же сон. Едва проснувшись, он спешно поскакал в табун. Передние животные его табуна пили прозрачайшую воду и ели свежайшую траву. Средние пили мутную воду. А последние лошади лизали уже жидкую грязь.

В один прекрасный день он согнал всех лошадей вместе. Потом лег, заснул, и опять ему приснилось, что началась большая война и угнаны его черногривые кони, наполнявшие весь свет, и черно-пестрые кони, наполнявшие весь Алтай. «Ах, этот сон все-таки неспроста», — подумал он про себя и быстро поскакал к своему табуну, но воры уже угнали лошадей. Тогда он пошел к Хара Буурул Дюжюмелу и доложил ему обо всем. Хара Буурул Дюжюмел взошел на свою высокую гору, громовым голосом позвал своего коня Хан Шилги, и тот сейчас же примчался к хозяину. Хара Буурул Дюжюмел надел ему на спину гигантское черное седло, на котором могло бы поместиться сорок мужчин, и четырехугольный чепрак, изготовленный из шерсти сорока овец. Затем он схватил свою плетку, сплетенную из кожи сорока яков, и, взнуздав коня Хан Шилги серебряной уздой, изукрашенной нефритом, ускакал.

Хара Буурул Дюжюмел скакал себе да скакал. Он въехал на гору и огляделся вокруг. И увидел он белую юрту-дворец, достававшую до неба. Хоть перед дверью и лежали два пса, Азар и Базар, но, когда Хара Буурул Дюжюмел вихрем пронесся с горы мимо юрты-дворца, собаки Азар и Базар не смогли схватить его. Он спешился и спросил женщину:

— Ну, где твой муж?

— Мой муж отправился на охоту на север.

Хара Буурул Дюжюмел сказал женщине:

— Слушай! До полудня завтрашнего дня сними свою юрту и соберись к отъезду! Я приду и увезу тебя со всем твоим скарбом! — И хотел уже было уехать.

Но вернулся с охоты его враг Хюлер Мангнай — Бронзовый лоб; по одну сторону к его седлу было приторочено на ремешке семьдесят оленей, а по другую — шестьдесят оленей.

— Ну что, Хюлер Мангнай?

— Ничего!

— Хорошо же, Хюлер Мангнай, пришло время свести нам счеты. Будем сражаться друг с другом! — сказал Хара Буурул Дюжюмел.

— Ладно! Ты явился сюда сражаться — стреляй первым! — сказал Хюлер Мангнай.

Хара Буурул Дюжюмел стреножил своего коня, чтобы тот стоял неподвижно, как сундук, и прицелился. Он выстрелил Хюлер Мангнаю в грудь, но стрела его отскочила, будто он стрелял в скалу, отскочила, будто он стрелял по льду, и сломалась.

— Теперь твой черед! — сказал Хара Буурул Дюжюмел.

Хюлер Мангнай выстрелил, и его стрела тоже отскочила, будто он стрелял в скалу, отскочила, будто он стрелял по льду, и сломалась.

— Ну, тогда будем бороться грудью и плечами, дарованными нам отцом и матерью, — сказал Хара Буурул Дюжюмел, и, после того как они дрались и боролись и снова дрались, опрокинул Хюлер Мангнай Хара Буурул Дюжюмела на высохшую шкуру синего быка так, что она затрещала, протащил его по высохшей шкуре черного быка так, что она загремела, и связал его.

Конь Хан Шилги сразу же ускакал, хотя и был стреножен. Добравшись домой, напился он на своей горе чистой родниковой воды и пощипал своих трав.

А между тем жена бедного Хара Буурул Дюжюмела вскоре после его отъезда родила сына.

Когда конь Хан Шилги огляделся, он увидел в дымовом отверстии юрты-дворца Хара Буурул Дюжюмела золотую подпорку!

— Эй, что там случилось? Кажется, родился сын, который смог бы заступить место Хара Буурул Дюжюмела?

Конь Хан Шилги подбежал и увидел в юрте Хара Буурул Дюжюмела его сына. Прошло всего три дня, как он родился, а мальчик играл уже как трехлетний, бежал вверх и стрелял по птицам, взлетающим вверх, бежал вниз и стрелял по птицам, слетающим вниз. Кто-то из людей Хара Буурул Дюжюмела, отправившись за водой, ударил коня черпаком по заду и крикнул:

— Вот неверная скотина, проглотившая своего хозяина, наконец-то ты вернулся!

Тогда конь схватил мальчика зубами и ускакал в гору.

— Мало того, что он погубил своего хозяина, теперь он сожрет моего единственного сына! — громко причитала мать.

Конь унес ребенка на высокую гору, вырезал красивый четырехугольный кусок луга, положил его себе на седло, усадил мальчика на луг играть с цветами семи разных цветов и рысью отправился с ним в путь. Прошло немного времени, и показалась белая юрта-дворец, которую не скрепляли ни веревки, ни завязки. У юрты мальчик слез с коня. В ней жил старик, руки которого растрескались, а на плечах были следы ярма.

— А ты кто? — спросил мальчик.

— О, меня зовут Хара Буурул Дюжюмел, — ответил старик.

Но тут появился Хюлер Мангнай и сказал сыну Хара Буурул Дюжюмела:

— Ну, первым стреляй ты, раз пришел сражаться!

И когда выстрелил сын Хара Буурул Дюжюмела — ах, мои милые, этого можно было ожидать, — его стрела отскочила, как будто он пустил ее в скалу, отскочила, как будто выстрелил ею в лед, и отлетела.

— Ну, стреляй теперь ты, — сказал мальчик Хюлер Мангнаю.

И когда Хюлер Мангнай выстрелил в грудь этого мальчика, его стрела тоже отлетела, как будто ее пустили в скалу, отскочила, как будто выстрелили ею в лед, и исчезла.

— Ладно, будем бороться грудью и плечами, данными нам отцом и матерью, — сказал сын Хара Буурул Дюжюмела.

Они боролись друг с другом так ожесточенно, что пустыня превратилась в озеро, боролись до того, что горная местность превратилась в равнину, и наконец сын Хара Буурул Дюжюмела свалил противника на землю. Прижав противника коленом, мальчик спросил:

— Где твой жизненный дух?

Хюлер Мангнай ответил:

— В подушке моего седла есть ножик с желтой рукоятью. Если ты разобьешь его, я умру.

Сын Хара Буурул Дюжюмела вынул засунутый в седло нож с желтой рукоятью, и, когда он сломал его, Хюлер Мангнай умер.

Сын Хара Буурул Дюжюмела собрал воедино стадо черногривых лошадей, заполнивших весь свет, и стадо черно-пестрых лошадей, заполнивших весь Алтай, взял к себе на седло своего отца и пустился в обратный путь. Приехав на родную землю, Хара Буурул Дюжюмел устроил пир и сказал:

— Теперь придумаем мальчику имя. Кто не захочет дать мальчику доброго имени, тому я снесу голову с плеч!

Но никто не мог найти мальчику достойного имени — никто из подданных Хара Буурул Дюжюмела, праздновавших по одну сторону юрты, и никто из праздновавших по другую сторону юрты.

— Ну, нашли вы имя?

— Нет! — был ответ.

В это время подошел табунщик, старый Ак Сагал, и сказал:

— Я дам имя твоему сыну!

— Хорошо, дай! — согласился Хара Буурул Дюжюмел.

Тогда этот старый табунщик сказал:

— Пусть его зовут Уйюл Мёнгюн Хадаасын, родившийся со сгустком крови, зажатым в правой руке, появившийся на свет с комком земли в левой руке!

Дав мальчику это имя, он потряс своей правой рукой — и выпал гребень, потряс левой рукой — и выпали ножницы и нож, которыми положено обрезать ребенку первые волосы².

После этого праздник продолжался. Это был пир для подданных Хара Буурул Дюжюмела, а табунщика Ак Сагала он посадил рядом с собой. Сам же он умер еще во время праздника. А его сын сохранил за собой имя Уйюл Мёнгюн Хадаасын и правил вместо отца в мире и благополучии.

13. Сулу Балдыр Хаан с конем Эрдине Хюренг

Давным-давно, в те времена, когда возник весь мир в своей красе и совершенстве, с молодыми деревьями в тридцать саженой высотой, с травой осокой в три сажени длиной, жид да был некий хан. Звали его Сулу Балдыр Хаан с конем Эрдине Хюренг — Драгоценным Бурым. И было у хана сто восемь жен и единственная дочь — Ак Тевене. Да... И вот однажды возвратился этот хан с

охоты и опять взял себе новую жену. И стало их у него теперь сто девять.

Прошло немного времени, и Сулу Балдыр Хаан отправился прямо на запад охотиться на своей горе Сюмбер. И спешил он у юрты человека по имени Бёге Буурул. Не было у него с собой ничего, кроме коня, так как он оставил на полпути все свое оружие и снаряжение.

Когда он там остановился, в юрте был лишь молодой богатырь, младший брат Бёге Буурула, Улаан Тевек. Оборотившись волком, он лежал на земле и спал. А тут Улаан Тевек вскочил, схватил Сулу Балдыр Хаана и заорал:

— Ах ты, старый пес, вогнать мне тебя, что ли, в землю или разбить о скалу?

Но появился Бёге Буурул и сказал:

— Брат мой, брат мой, не делай этого! Для такого человека мы найдем что-нибудь другое.

Он привел Сулу Балдыр Хаана в свою юрту и сказал:

— Ну, старый пес, дам-ка я тебе три задачи. Согласен ты их решить?!

— Ах, — ответил хан, — у меня сто девять жен, но нет ни единого сына, который мог бы заступиться за меня! Что мне, старому человеку, остается, только согласиться.

— Ну, коли так, тогда носи в полё халата пепел, пока пола не порвется! Носи на спине дрова, пока веревка не поранит тебе плечи. Носи воду, пока руки твои не потрескаются.

— Ну что ж, раз так, выполняю три твои задачи.

А его конь Эрдине Хюренг тем временем убежал, и Бёге Буурул так и не смог догнать его. Когда конь поднялся на гору Сюмбер и оглядел все вокруг, то увидел, что в дымовом отверстии юрты младшей жены Сулу Балдыр Хаана виднеется развилка золотой подпорки. «Добрый знак!» — обрадовался конь Эрдине Хюренг. И подумал: «Что же случилось? Да, наверное же, у младшей жены родился сын! Вот пройдет три дня, и я отправлюсь туда!» Эти три дня конь Эрдине Хюренг провел на горе Сюмбер, беспокойно пританцовывая. А на исходе трех дней он еще до рассвета прискакал туда. И встретил он маленького мальчика, одетого в тон из козлиной шкуры, который стрелял целые косяки птиц, летевших над ним вверх, и птиц, летевших под ним вниз. Конь Эрдине Хюренг схватил мальчика зубами за плечо и унес его на гору Сюмбер.

Закричали тут женщины айла и стали причитать и плакать:

— Мало разве того, что конь сожрал старого Сулу Балдыр Хаана? Теперь он еще прискакал за нашим мальчиком!

Добравшись до своей горы Сюмбер, конь стал кататься по траве джавадай, пока не склеил свое седло с чепраком, потом посадил на себя мальчика и помчался по воздуху под облачным небом, над ветвистыми деревьями. Но маленькому мальчику было не вынести такой скорости — на губах его выступила кровь. Заметив это, конь вызвал дождь, и он охладил и освежил мальчика. И так добрались они до места, где было спрятано оружие Сулу Балдыр Хаана. Вдали виднелась юрта, а возле нее — три человека.

Конь Эрдине Хюренг сказал:

— Твой отец пошел на охоту. Он вошел в юрту человека по имени Бёге Буурул, и младший брат Бёге Буурула напал на него. Человек в халате с изорваннойполой, плечи которого изранены, а руки растресканы, и есть твой отец. Другой человек, идущий рядом с твоим отцом, это тот, кого зовут Бёге Буурул, а тот, кто, оборотившись волком, спит, лежа у юрты,— богатырь Улаан Тевек.

Мальчик взял оружие и снаряжение своего отца, и они пришли ему в пору. Он погнал коня Эрдине Хюренга, и в ответ на его громкие крики распустилась перевязь белой юрты-дворца. Они подъехали поближе, и конь Эрдине Хюренг сказал:

— Этого оборотившегося волком богатыря Улаан Тевека тебе придется убить, а двух остальных убивать не надо!

Вскинув плетку, мальчик с криком помчался вперед, но богатырь Улаан Тевек вскочил и вырвал зубами его стрелы и лук.

Сын Сулу Балдыр Хаана повалил на землю старого Бёге Буурула. Тут Сулу Балдыр Хаан спросил мальчика:

— Скажи-ка, мой мальчик, как зовут коня, на котором ты скачешь, из какой ты страны, что делашь здесь, куда держишь путь?

Конь Эрдине Хюренг ответил за маленького мальчика:

— Когда вас взяли в плен, я помчался на гору Сюмбер. Оглядевшись вокруг, я увидел в дымовом отверстии юрты вашей младшей жены развилку золотой подпорки. Через три дня я поспешил туда и привез вашего сына.

Обрадовался старик, засмеялся и велел заколоть синего быка Бёге Буурула, велел зашить в его шкуру самого Бёге Буурула, а шкуру высушить. Привязал ее потом к хвосту своего синего коня и потащил за собой. Потом он согнал много людей и скота, взял их с собой и отправился домой.

Да, наконец они опять вернулись на родную землю, и мальчик опять принялся за свою любимую игру у юрты: стал стрелять целыми стаями птиц, летевших над ним вверх, и птиц, летевших под ним вниз. Но однажды он сказал советнику Сулу Балдыр Хаана:

— А теперь, дедушка, скажите моему отцу, дедушка, что мне пора отправиться на подвиги!

Советник обещал передать это отцу. Но прошло несколько дней, а мальчик все еще ожидал ответа своего отца и снова сказал старику:

— Дедушка, а дедушка, мне пора отправляться, пойдите к моему отцу и скажите ему об этом!

Советник пошел к хану и сказал:

— Послушайте, ваш сын дважды или даже трижды приходил ко мне и говорил: «Мне пора отправляться». Что прикажете делать?

Хан отвечал:

— Кровь моего сына еще не стала настоящей кровью, его соки еще не стали настоящими соками, пока еще не время.

Через несколько дней мальчик еще раз пошел к советнику хана. Советник передал хану слова мальчика, и тот надолго погрузился в размышления. Наконец он сказал:

— Ну раз так, приведи мне моего сына!

Предстал перед ним мальчик, и хан сказал:

— Ладно, сын мой, отправляйся через три дня! До тех пор мы дадим тебе и твоему коню имена!

И хан велел тотчас же разнести по всей стране такую весть: через три дня мальчику впервые остригут волосы², дадут ему имя, и тогда он отправится в далекие края.

Собрался весь народ. Когда начался пир, хан старательно нато-чил свой меч и сказал:

— Ну, братья, вот все вы и собрались. Теперь дадим имя маль-чику. Кто осмелится предложить плохое имя, тому я отрублю голо-ву. Кто найдет хорошее имя, того я награжу!

Люди собрались и сидели с утра до вечера, но не нашлось нико-го, кто бы осмелился предложить имя сыну хана.

Настал вечер, и кто-то закричал за дверью: «Эй, придержите-ка ваших собак!» Выглянули, а там белобородый, седой старик вер-хом на синем быке:

— Что с вами, люди? Что за смертная тоска? По какой это причине у вас такие мрачные лица?

И молвил, выслушав их, старик:

— Ну, коли так, я дам имя твоему сыну.

Никто не стал возражать, и он сказал:

— Пусть твой сын обращает яд в еду и питье! Пусть зовут его Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр на черном рогатом коне! Если он отправится через два дня прямо на запад и дойдет до восточной стены скалы, он найдет там новорожденного маленького черного жеребенка. Да будет он его конем! А что случится потом — про то знает конь!

Вскочил старик на своего синего быка и исчез; никто не знал, куда он уехал и откуда явился.

Через два дня мальчик отправился в путь — прямо на запад. Шел он, шел и увидел у восточной стены огромной скалы новоро-жденного черного жеребенка. Свой пояс длиной в сорок сажень об-вязал он вокруг шеи жеребенка, взял его с собой и отправился дальше. В пути этот жеребенок вырос и стал с лошадь-двухлетку. Прошли они еще немного, и он превратился в сильного коня. Мальчик сел на него верхом. Проехали они немного, и конь вдруг остановился. Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр соскочил, простер пе-ред ним полу халата и спросил:

— Почему ты остановился?

Конь ответил:

— Быстро надрежь мне заднюю ляжку с той стороны, с которой не садятся!

Мальчик ловко надрезал правую заднюю ляжку своего коня, и из нее выпали седло, сбруя и все снаряжение скаковой лошади. Про-ехали они опять большой отрезок пути, и конь опять остановился.

Мальчик спросил:

— Ну, что ты опять остановился?

И конь сказал:

— Быстро надрежь мне заднюю ляжку с той стороны, с которой садятся!

Когда мальчик надрезал левую ляжку, оттуда посыпалось всевозможное оружие и боевое снаряжение — все, что нужно мужчинам. Он надел на себя оружие, и они поехали дальше.

И в третий раз сказал конь:

— Надрежь оба моих уха спереди!

Мальчик послушался, и выросли прямо вверх два рога, и его лошадь превратилась в черного рогатого коня.

Мальчик вернулся в юрту своего отца верхом на рогатом черном коне и в полном вооружении. Две-три ночи провел он в юрте-дворце своего отца, а потом опять сказал:

— Да, отец, пришло мне время отправляться!

— Ну, мой сын, время твое еще не настало, но раз так, что делать! Если ты так уж спешишь, иди и испытай свои силы! Отправляйся и поезжай прямо на юг. В молодости я был там и кое с кем кое о чем говорил. По дороге встретится много врагов. Отправляйся, сын мой, и будь осторожен!

Через три дня пустился Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр со своим рогатым черным конем в путь. Он мчался, он летел под облачным небом и над ветвистыми деревьями. Он скакал и скакал и, достигнув границ земли своего отца, подумал: «Какая у моего отца огромная земля и сколько же у него скота!»

Так скакал Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр и приближался к соседней стране, где правил другой хан. По пути он встретил трех братьев, ожесточенно сражавшихся друг с другом. Закричал Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр что было мочи, и от силы его крика развязались веревки, удерживавшие их юрту, и трех братьев унесло ветром на расстояние половины дня пути. Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр нагнал и плеткой своей измолотил старшего из братьев в порошок, потом повернул своего коня и рассек среднего из братьев пополам, и, опять повернув коня, он рассек пополам последнего из трех братьев. Когда же он проскакал путь длиной в полдня, его догнал один из трех братьев, которого он рассек пополам; он уже снова стал целым и невредимым и сказал:

— Дорогой старший брат, я хотел бы стать вам младшим братом!

Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр отвечал:

— Так тому и быть! Ступай со мной!

В стране чужого хана они узнали, что владыка как раз устраивает большой пир, чтобы отдать свою дочь тому, кто победит в трех состязаниях. Они спешили к юрте-дворца, и Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр так стреножил своего коня, что он стоял неподвижно, как сундук. Он так привязал поводья к седлу, что конь стоял, как скала. Когда он вошел в юрту, там сидели уже семь богатырей, он обменялся с ними приветствиями. Тогда хан спросил:

— А ты, парень, возглавдавший постели своего отца, откуда ты прибыл? Как зовут твоего коня?

— Я — тот, кого зовут Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр с рогатым черным конем, сын Сулу Балдыр Хаана с лошастью Эрдине Хюренг и ста девятью женами, который живет прямо на запад отсюда!

Только теперь они поздоровались друг с другом.

На следующий день начался праздник. Хан объявил:

— Кто победит в трех состязаниях, тот получит мою дочь. Сначала состоится борьба, потом скачки, а затем нужно, чтобы стрела, перелетев через семь горных гребней, прошла сквозь отверстия в тазовых костях семидесяти овец.

В борьбе победил Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр. В скачках первым пришел к цели его рогатый черный конь. И при стрельбе через семь горных гребней сквозь тазовые кости семидесяти овец стрела, пущенная Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыром, перелетела через семь горных гребней, прошла сквозь отверстия в тазовых костях семидесяти овец, выжгла семь рек и понеслась дальше. Поэтому Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр получил в жены дочь того хана и возвратился к себе домой.

Но тут он увидел полное разорение, от его прекрасной страны не осталось ничего, на чем бы мог отдохнуть глаз. Она простерлась перед ним — выжженная солнцем и пустынная. Поставил он свою юрту и сказал:

— Ах, мерзавец, претендующий на постель своего отца, кто же ты, сделавший моего отца и его владения своей добычей? — и отправился прямо на запад. В пути он услышал, что Хёдээнинг Гёк Буга напал на его родную землю, угнал его скот и всех людей.

Три месяца он вел войну с Хёдээнинг Гёк Бугой и наконец победил. За это время умер его отец, но мать была еще жива. Вместе с ней отправился Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр домой. Он гнал перед собой свой скот и вел за собой на родную землю свой народ.

С тех пор у него уже не было врагов. Его обширное ханство пребывало в мире и покое, и Уйел Мёнгюн Хадаасын Баатыр тоже жил теперь спокойно и мирно, празднуя со своим народом большой праздник, и тек у них жир по пальцам, и капал арагы у них с бо-
род.

Так он наслаждался тихим, прекрасным счастьем.

14. Бай Назар

В давнее время жил старый человек, и звали его Бай Назар. У старика Бай Назара было восемь сыновей. Восемь сыновей угнали восемьсот его лошадей и были таковы. Когда сыновья угнали восемьсот лошадей и скрылись, старики остались одни умирать с голоду.

Нашли они грудинку темно-каурой кобылы. Сделали из нее себе ужин и обед и только принялись за еду, как родился еще один мальчик. Старик сказал:

— Ну, раз этот мальчик появился на свет, когда мы ели грудинку темно-каурой кобылы, назовем его Эр Тёстюк — Парень-грудинка¹.

Прошло три дня, а мальчик стал уже таким, как трехлеток, через четыре дня он стал как мальчик-четырёхлеток. Соорудил он себе лук из камыша и играл, стреляя вверх по птицам взлетающим, стреляя вниз по птицам слетающим.

Однажды он подстрелил крыло рябчику. Погнался он за ним и увидел пожилую женщину, плетущую мешок. Он наступил ей на нитку так, что она оборвалась. Тогда она сказала:

— Ну откуда ты взялся такой, что мог бы совершить насилие даже над собственной матерью! Если уж ты такой ловкий и сильный, взял бы и нашел восьмерых своих братьев! — и побила мальчика. Вернувшись домой, он спросил у родителей:

— Что это за история? Куда делись восемь моих братьев? Я найду восьмерых своих братьев!

Отец ответил:

— Ах, мой мальчик, нет у тебя восьмерых старших братьев, все это выдуманно, наврано, все это чушь, ничего такого нет и в помине!

Однажды он зашел в юрту той самой женщины, что плела мешок, а ее мальчик захотел взять камышовый лук Эр Тёстюка, и тот крикнул:

— Ты кто такой, что дерешься из-за моего камышового лука, — и щелкнул его. А мальчик сразу же умер. Увидев мертвого мальчика, женщина закричала:

— Ну что ты за вражье отродье, такой может совершить насилие даже над собственной матерью! Если уж ты такой ловкий, источающий яд, если ты ничем не лучше ни черта, ни волка, то почему бы тебе не найти восьмерых своих ушедших братьев и не заставить их вернуться домой?

И она избивала мальчика чуть не до смерти. Вернувшись домой, он сказал своим родителям:

— Я найду восьмерых своих братьев!

Они сказали:

— Нет у тебя никаких восьмерых братьев, люди соврали.

Но он сказал:

— Нет, я пойду!

Взял он свой камышовый лук и отправился в путь.

Шел он, шел и пришел в чужую страну, где как раз готовились к большому пиру. «Что здесь происходит?» — подумал он, и, когда он сидел на пиру, прислушиваясь, кто-то сказал:

— Подайте старшему сыну Бай Назара!

Когда на большом блюде внесли мясо и все набросились на него, он подумал: «Ну, теперь, когда я это увидел, я должен во что бы то ни стало найти моих старших братьев. Куда они понесут мясо?

И он увидел, что мясо понесли троим юношам — старшему, второму и третьему сыновьям Бай Назара. Он подошел поближе к ним и уселся. Сел он возле них и сказал:

— Я буду тоже есть это мясо.

Люди сказали:

— Не ешь!

Но он крикнул:

— Ха, я тоже сын Бай Назара, я — младший по имени Эр Тёстюк!

Он познакомился с тремя старшими братьями, поговорил с ними и, не сходя с места, нашел восьмерых своих братьев.

Когда он вместе с ними решил ехать домой, они не могли найти вожака для восьмисот лошадей. Он словил черно-каурю кобылу, связал ей ноги и отхлестал ее: вжик, вжик, вжик, он хотел этим собрать всех лошадей, но не пришла ни одна. И он отпустил черно-каурю кобылу и словил бурю, стал хлестать ее — и собрались все кони.

— Ну, значит, она и будет вожакон табуна, — сказал он. И когда он повел бурю кобылицу, двинувшись в путь, лошади одна за другой побежали за ней следом.

Когда они прибыли на родную землю, их родители уже чуть не умирали с голоду. Прибыв в свою страну, они устроили пир, и старик сказал:

— Теперь у меня девять сыновей, и я хочу дать им в жены девять дочерей одного человека! — и отправился на поиски.

Пришел он к большой белой юрте. Вошел и увидел висащие в ряд восемь пар серег.

Увидев, что висит всего восемь пар серег, старик заплакал:

— Ах, как жаль, здесь только восемь пар серег, а у меня девять сыновей. О горе! Было бы их девять!

Услыхал его плач хозяин юрты и сказал:

— Их девять, пожалуйста! — и принес и повесил еще одни серьги. Тут старик сказал:

— Да, их стало девять. Теперь посватаемся!

А тот в ответ:

— Вот одна из них!

И он сосватал для своего младшего сына ту, чьи серьги были повешены последними. И взял он эту девушку.

Один отдал свою дочь по имени Хенджевей, а другой взял ее и собрался в путь. И тут сказал отец девушки Хенджевей:

— Вот что, вам захочется переночевать в месте под названием Хужурлуг Худук, что значит «Соляной колодец». Но не делайте этого! Проезжайте мимо, не останавливаясь. И устройтесь на ночевку только тогда, когда минуете это место.

Когда они отъехали, старик Бай Назар сказал:

— Хе, я переночую у Соляного колодца.

— Ох, не будем ночевать у Соляного колодца. Мои родители не раз меня предупреждали! Лучше не останавливаться в этом месте!

Бай Назар возразил:

— Что может понимать женщина в том, где надо ночевать! — И они переночевали у Соляного колодца.

На следующий день после того, как они провели там ночь, девушка решила: «Пошлю я кого-нибудь к моему отцу, пошлю-ка. Пусть он даст свою кольчугу для Эр Тёстюка. Пусть даст свою белую верблюдицу для поклажи Эр Тёстюка, пусть даст своего Сероголубого коня — хвост торчком, чтобы Эр Тёстюк скакал на нем».

И послала она одного человека. Отец дал свою кольчугу.

— Серо-голубой конь — хвост торчком — первый среди моих коней, — сказал он и не дал его.

— Моя белая верблюдица — первая среди моих верблюдов, — сказал он и не дал ее.

Девушка обиделась и сказала:

— Я ведь послала сказать тебе, что Эр Тёстюку нужно скакать, я ведь послала сказать тебе, что Эр Тёстюку нужно везти поклажу! Что же мне делать, когда ты дал не все, что нужно!

Она сидела и плакала, и, когда ее отец узнал об этом, послал он Эр Тёстюку коня и верблюдицу

Вечером привязали белую верблюдицу, а утром, когда встали, увидели, что ее нет на месте. Так она и пропала. Бай Назар пустился в путь на поиски пропавшей белой верблюдицы.

Подъехав к Солянному колодцу, он увидел, что около него лежит белая верблюдица, а рядом джелбеге — лежит на одном ухе, а другим ухом прикрывается. Он крикнул:

— Бабушка! Бабушка! Вставайте и приведите мне этого верблюда!

Она ответила:

— Нет, нет! Если я встану, мне уже не сесть, сынок, а когда я сяду, мне уж не встать. Слезай с коня и сам бери верблюда!

Когда он спешился и хотел взять верблюда, джелбеге схватила старика и сказала:

— Я тебя съем!

Он крикнул:

— Ах, не ешьте меня! Не ешьте меня! У меня есть восемь сыновей, я дам их!

— Не хочу твоих восьмерых сыновей!

— У меня есть еще восемьсот лошадей, я дам их тебе!

— Не хочу восьмисот твоих лошадей!

— Ну, коли так, у меня есть еще девятый сын — Эр Тёстюк, я дам тебе его!

Она спросила:

— А как ты мне его дашь?

Старик ответил:

— У меня его треугольный напильник, которым он точит свои стрелы. Я оставлю его здесь. Когда он придет за ним, съешьте его.

Она согласилась, отдала ему белую верблюдицу и отпустила его.

Вернувшись с белой верблюдицей, он увидел, что девушка Хенджевей избивает Эр Герзенга.

— Ты уже не человек земли, ты человек того света!

Когда Эр Тёстюк спросил, что случилось, она отвечала:

— Твой отец продал тебя старухе-джелбеге, и теперь джелбеге съест тебя! Если ты думаешь, что я лгу, спроси своего отца, где твой треугольный напильник!

Он спросил:

— Отец, где мой треугольный напильник?

— Твой треугольный напильник остался у Соляного колодца, мой сын, пойди за ним!

— Коли это так, на чем мне поехать?— спросил Эр Тёстюк, и отец ответил:

— Скачи на шестиногом коне, а на смену возьми восьминогую коня!

Он взял двух коней и уже хотел ускакать, как девушка Хенджевей сказала:

— Возьми кольчугу, которую дал тебе мой отец, и надень ее! Возьми Серо-голубого коня — хвост торчком, которого дал тебе мой отец, и поезжай на нем. Твой восьминогий конь не выдержит восьми лет, твой шестиногий конь не выдержит шести лет. И еще: если Эр Тёстюк на своем Серо-голубом коне — хвост торчком вернется целым и невредимым, пусть тогда белая верблудица родит верблюжонка-самца. Если Эр Тёстюк вернется целым и невредимым, пусть этот кушак сам, не развязанный, упадет!

И с этими словами она опоясалась шелком длиною в несколько метров. Сказав эти слова, она уложила белую верблудицу и велела ее привязать.

Эр Тёстюк пустился в путь. И когда он был в пути, конь его заговорил:

— Ну вот, когда мы приедем в джелбеге, скажи: «Бабушка, бабушка, что это за семь детей позади тебя?» Когда джелбеге оглянется, я быстро лягу, а ты постарайся схватить свой напильник.

Когда они приблизились к ней, лошадь пригнулась, а Эр Тёстюк сказал:

— Бабушка, бабушка, что за семь детей за тобой? Что с ними?

Джелбеге оглянулась, а юноша, не сходя с коня, схватил свой напильник. И они умчались. Джелбеге испугалась, что они улизнут, и размахнулась своей железной палкой-кожемялкой², но лошадь не дала перебить себе ноги. Тогда она привязала к палке-кожемялке камень величиной с корову и принялась колотить им.

Они мчались, мчались, мчались, не давая ей догнать себя, они опустили под землю, и, сойдя под землю, сказал Серо-голубой конь — хвост торчком:

— Да, теперь мы — ты, Эр Тёстюк, живущий на земле, и я — сошли под землю. Как нам теперь снова выйти? Тут есть дворец змея Боббук Хаана, пойдем туда! Я подожду здесь, а ты войди во дворец. Когда ты войдешь, змея в черных пятнах вползет тебе за пазуху и выползет из рукава, а змея в желтых пятнах вползет тебе в штанину и выползет из-за пазухи. Не пугайся! Постарайся вынести это! Иди безо всякого страха и садись на почетное место! Если ты испугаешься, мы оба не сможем больше попасть отсюда на землю!

И вот они уже приблизились к юрте этого змеиного хана. Эр Тёстюк вошел. Появилась змея в черных пятнах, вползла ему за пазуху и выползла из рукава. Змея в желтых пятнах вползла ему в рот и выползла через нос, вползла ему за пазуху и выползла из штанины. Так вот случилось. А когда он, не обращая на нее внимания и не выказывая ни малейшего страха, вошел и сел на почетное место, змея в черных пятнах превратилась в хана, а змея в желтых пятнах — в ханшу.

— Ну, Эр Тёстюк, живущий на земле, зачем ты спустился под землю? — спросили они.

И на их вопрос, почему он, Эр Тёстюк, живущий на земле, спустился под землю, он ответил:

— Причина моего прихода такова: я хочу посватать за сына змеинного хана Боббук Хаана дочь Темир Хаана — Железного хана. Для того я и явился.

— Ну, это хорошо, приводи ее!

И змеинный хан отпустил его.

Выйдя, он направился к своему коню, и, проехав немного, они увидели человека, ловившего и сразу же отпускавшего диких лошадей. Поймает и отпустит.

— Эй, что это ты все время делаешь?— спросили они.

Тот сказал:

— Я слышал, что Эр Тёстюк, живущий на земле, спустился под землю. Вот я и сижу здесь, так как хотел бы пойти вместе с ним.

— Да, но в каком деле ты мастер, чтобы идти вместе со мной?

На этот вопрос, в каком деле он мастер, чем он может быть полезен, если пойдет вместе с Эр Тёстюком, тот человек отвечал:

— Я столь ловкий человек, что ловлю даже птицу на лету. Ни один быстрый зверь не догонит меня, любого я могу поймать!

— Ну, тогда пойдем!— сказал Эр Тёстюк, и они пошли, взяв его с собой.

Потом пришли они на место, где увидели человека, который прикладывал к земле ухо и слушал, потом прикладывал другое ухо к земле и снова слушал. Сидел человек, который слушал землю. Эр Тёстюк спросил:

— Эй, что это ты делаешь?

И тот ответил:

— Пронесся слух, что Эр Тёстюк, живущий на земле, спустился под землю. И я сижу здесь, так как хотел бы пойти вместе с ним.

— А в каком деле ты мастер, что хочешь пойти вместе со мной?

И тот ответил на этот вопрос:

— Я — столь чуткий человек, что слышу все, о чем говорят, где бы то ни было на белом свете.

— Ну, если так, будь моим товарищем, идем!— сказал он, они взяли его с собой и пошли, пошли...

И увидели они человека, который целиком глотал мясо быка и сразу же выпускал его сзади, проглотит целиком и сразу же выпустит.

— Что это ты там все время делаешь?

— Говорят, земной Эр Тёстюк спустился под землю. Я сижу здесь, хотел бы стать его товарищем.

— Ну а в каком деле ты мастер, чтобы стать мне товарищем?

Тот ответил:

— О, я такой огромный человек-великан, что ничто не может насытить меня. Съев мясо целого быка, я сразу же выпускаю его сзади — вот что я умею.

— Ну, коли так, пошли с нами!— сказал Эр Тёстюк и взял его в товарищи.

И опять двинулись они дальше и увидели в пути человека, который сидел у моря, выпивал его целиком и снова выливал.

— Что это ты тут делаешь?

— О, слышал я, что Эр Тёстюк, живущий на земле, спустился под землю, и вот я сижу, так как хотел бы стать его товарищем.

— А в каком деле ты мастер, чтобы стать моим товарищем?

А тот на это:

— Я выпиваю все море, так что оно все высохнет, а потом выливаю опять целое море — вот какие большие у меня способности!

— Ну, коли так, будь моим товарищем, — сказал Эр Тёстюк, взял его с собой, и они отправились в путь.

Шли они, шли и пришли туда, где какой-то силач поднимал гору и переставлял ее на другое место. Да, и сказали они этому могучему богатырю:

— Что это ты делаешь?

— О, говорят, что Эр Тёстюк, живущий на земле, спустился под землю. И я пришел сюда, так как хочу идти с ним вместе!

— Да, но если ты хочешь стать моим товарищем, в каком же ты деле мастер, покажи!

— Ну, если я здесь поднимаю гору, то создаю гору на другом месте, где подниму гору, а где поставлю — вот в чем я великий мастер!

— Ну, коли так, хорошо, пойдем с нами!

И пошли они все вместе, и после долгих скитаний пришли они к тому Темир Хаану.

Когда пришли они к Темир Хаану, там как раз в разгаре был большой пир, и люди другого хана сватались к его дочери, устроив состязание.

— Ну, и я тоже буду участвовать в состязаниях, и мы выиграем! — сказал Эр Тёстюк.

Они подошли и начали состязаться. Первым в состязаниях выступил спутник Эр Тёстюка, который умел ловить диких лошадей. На место скачки он пустил своего Серо-голубого коня — хвост торчком. На бегу сказал ему Серо-голубой конь — хвост торчком:

— Слушай, ко времени моего возвращения натяни три ряда железной проволоки, если я смогу задержаться у этого тройного препятствия, я остановлюсь. Если я побегу дальше, не остановившись, мы никогда не сможем выбраться из преисподней.

Коней пустили наперегонки, и они побежали сначала к старту. И когда Голубой конь — хвост торчком покрыл расстояние в три года, он повернул обратно. И когда он вернулся, были натянуты три ряда железной проволоки — первые два лопнули, а у третьего Голубой конь — хвост торчком остановился.

— Ну как, выиграно состязание? — спросил Эр Тёстюк.

— Ну да, ты выиграл, — был ответ.

— А что будет теперь?

— Теперь устроим борьбу!

Когда сказали, что будет борьба, Эр Тёстюк послал бороться своего силача. И тот, кто поднимал гору и переставлял ее на другое место, уложил всех борцов.

— Ну что, победил я в этом состязании? — спросил он.

— Ну да, так.

— А теперь что будем делать?

Хан сказал:

— Теперь сварим очень много мяса. Тому, кто съест все это мясо без остатка, я отдам мою дочь.

Стали варить много-премного мяса, и, когда оно было готово, человек, который съедал мясо целого быка, все съел.

— Ну, выиграл я это состязание?

— Ну да, так.

— А теперь что?

— Мой чугунный казан свалился в океан, когда мы проезжали мимо. Я отдам свою дочь тому, кто вернет мне его, — сказал Темир Хаан.

Тут сел Эр Тёстюк на своего Голубого коня — хвост торчком и взял с собой человека, выпивающего море. И, приехав на берег того моря, он крепко привязал своего Голубого коня — хвост торчком и попросил своего спутника выпить море. Трижды тот вобрал в себя море и вылил его в другом месте. Когда он вобрал его в себя и вылил в первый раз, оно обмелело у берега на палец; когда он вобрал его в себя и вылил во второй раз, море обмелело на два пальца; когда он вобрал его и вылил в третий раз, оно обмелело на три пальца — море уменьшилось, но совсем не высохло, таким оно и осталось.

— Что же теперь делать?

— Я нырну! Если поднимется вся свернувшаяся черная кровь, сидите вместе и плачьте. Если поднимется пенистая-пенистая бесцветная кровь, сидите и радуйтесь! — сказал Голубой конь — хвост торчком и вбежал в море.

Эр Тёстюк и человек, выпивающий море, сидели у берега моря и смотрели, и, увидав, как поднялась пенистая-пенистая кровь, стали они радоваться. Но когда поднялась вся свернувшаяся черная кровь, они сидели и вместе плакали. Это случилось, когда Голубой конь — хвост торчком схватил своими резцами чугунный казан и сломал один зуб, и тут поднялась свернувшаяся кровь. Тогда он привязал этот казан к своему хвосту и выплыл. Потом привезли они казан хану, а после того как они привезли его к Темир Хаану, Эр Тёстюк спросил:

— Ну, Темир Хаан, выиграл я состязание?

— Ты выиграл!

— Ну и что же?

На это Темир Хаан сказал:

— Нужно убить этих шестерых, нужно запереть их в этом доме и сжечь.

Чтобы сжечь их, разожгли большой костер и направили его на дом. Тогда человек, перемещающий горы, взял дом, свалил его, и все вышли наружу.

— Ну, выиграли мы это состязание?

— Ну да, так.

— Да, теперь нужно взять их ядом, им шестерым нужно теперь дать яд! — сказал Темир Хаан. — Принесите им, этим шестерым, отравленное мясо! А неотравленное принесите нашим подданным!

Но человек, слышавший все, что говорится на земле, услышал это, и, когда принесли мясо, они сами взяли порции, предназначенные для подданных хана. А отравленное мясо, которое принесли им, передали они подданным Темир Хаана, и тогда очень многие из них умерли.

— Ну что, выиграли мы состязание?

— Да, так!

Взяли они тогда дочь Темир Хаана. Пошли и привели ее к змеинному хану Боббуку. Боббук Хаан сказал:

— Ну хорошо, прекрасно! Теперь мы дадим тебе девушку Хюнкээ. И дадим тебе пять человек. Идите навверх, на землю!

И отпустили их. Эр Тёстюк взял девушку и пятерых мужчин, и они отправились в путь.

Но так как путь на землю был очень далеким, все пять человек умерли. Осталась только девушка Хюнкээ.

Взял он девушку Хюнкээ к себе на коня, на Голубого коня — хвост торчком, и ехали они, ехали, пока не подъехали к большому черному дереву. Приехав под дерево, они улеглись спать, но тут — о лама! — разразился сильный дождь, пошел град. И что-то плакало и кричало — это были птенцы, они пищали, пищали и кричали, не вылупившись еще из яиц.

«Что это еще?» — подумали они и, подняв глаза на дерево, увидели, что вверх по лиственнице ползет змея в желтых пятнах. И пока она так ползла себе и ползла, они поняли, что это та самая змея, которая всегда пожирает птенцов птицы Хан Гэрди. Тут Эр Тёстюк выстрелил из своего камышового лука в верхний из шести шейных позвонков змеи, и она упала замертво на землю. А птенцы защелкали от радости и остались на месте целыми и невредимыми.

Когда забрезжило утро, опять пошел снег с градом. И прилетела большая черная птица, прилетела и опустилась на вершину лиственницы. Ее птенцы были живы.

— Что это за три предмета лежат там на земле, под деревом? — спросила она своих детей. — Лошадь и два человека — что с ними? Это люди, которых я съем!

— О, это тот, кто спас нам жизнь! Не ешь их, не ешь их! — умоляли птенцы свою мать.

— Коли так, то я пойду и встречу с ними, — сказала она.

Спустившись к подножию лиственницы, она спросила:

— Что вы за люди?

— Ох, я — Эр Тёстюк, живущий на земле и спустившийся в подземный мир. Мы возвращаемся и не можем никак выбраться, — ответил он. — Мы уничтожили тварь, которая из года в год пожирает твоих детей, твой выводок. Вон там, видела? — И они показали на змею.

— Ну, раз так, что же мне сделать? Погляжу, не смогу ли я помочь вам выбраться из подземного мира. Там, где вам нужно выйти из земли, старуха-джелбеге, живущая у Соляного колодца, родила сына Шойунг Гулака — Чугунное ухо. Этот мальчик Шойунг Гулак сидит у отверстия в земле и ждет. Он сказал: «Когда выйдет Эр Тёстюк? Я убью его, когда бы он ни вышел!»

Ну, что тут было делать? Та птица, добрая, взяла Эр Тёстюка вместе с Голубым конем — хвост торчком и девушкой Хюнкээ на свои крылья, доставила их к отверстию в земле и сказала:

— Ну вот, если ты попадешь в беду, если ты даже попадешь в царство ада и окажешься в беде, сожги тогда это мое перо!»

Сказав так, птица вырвала одно свое перо, дала ему, а потом Хан Гэрди улетела опять под землю.

Тут уж Шойунг Гулак схватил Эр Тёстюка и сделал девушку Хюнкээ своей женой. Он поймал Эр Тёстюка, вырыл яму глубиной в семьдесят саженей и засунул его туда.

Однажды Шойунг Гулак сел на Голубого коня — хвост торчком и поехал на охоту. Когда он пошел охотиться, он оставил лошадь на воле, спутав ей только передние ноги, но она сразу же убежала. Он снова и снова связывал ей и две ноги, и три, но она все равно рвала путы.

На другом месте Шойунг Гулак связал Голубому коню — хвост торчком передние ноги своим поясом, так как больше у него ничего подходящего не было, а в кушак были спрятаны камни от огня. Как только он ушел, Голубой конь — хвост торчком взял эти путы, побегал к яме и спустил кушак в яму. Он упал вниз к Эр Тёстюку, тот взял его, выбил огонь и поджег перо. Хан Гэрди сразу же узнала об этом и прилетела. У птицы Хан Гэрди были крылья длиной в семьдесят метров. Она сунула одно крыло длиной в семьдесят метров в яму и вытащила Эр Тёстюка.

А потом собралась улетать.

— Теперь спасай себя сам! Я уж больше ничего не могу сделать. У меня нет больше никакого способа помочь тебе, — сказала она и улетела.

Тогда Эр Тёстюк пришел к девушке Хюнкээ и спросил:

— Куда пошел Шойунг Гулак?

— Шойунг Гулак пошел на охоту.

— Что случилось с Голубым конем — хвост торчком?

— На нем поехал Шойунг Гулак.

— Ну, коли так...

От Шойунг Гулака у девушки Хюнкээ был ребенок. Ребенок лежал в люльке.

— Я вырою яму под этим ребенком в люльке и лягу туда. Когда придет Шойунг Гулак, царапай ночью ребенка и щипли его, пока он не заплачет! — сказал Эр Тёстюк. — Когда Шойунг Гулак спросит: «Почему мальчик плачет?» — ты отвечай: «Мальчик плачет: «Ах, я сын Эр Тёстюка. Я не сын Шойунг Гулака. Если бы я был сыном Шойунг Гулака, он спрятал бы свой жизненный дух около меня». Вот что хочет сказать мальчик» — так нужно тебе сказать.

Эр Тёстюк вырыл яму в земле под люлькой, лег в нее и стал слушать. А девушка Хюнкээ, как он велел, довела младенца до слез. Эр Тёстюк лежал себе, полеживал, а Шойунг Гулак спросил:

— Эй, почему мальчик плачет?

И на этот вопрос, почему мальчик плачет, она ответила:

— Этот мальчик плачет: «Я сын Эр Тёстюка, и, так как я сын Эр Тёстюка, Шойунг Гулак не хранит у меня свой жизненный дух.

Если бы я был сыном Шойунг Гулака, он бы хранил свой жизненный дух рядом со мной!» — вот что он хочет сказать! — сказала она.

Тогда Шойунг Гулак выгнал девушку Хюнкээ из юрты и шепотом сказал мальчику на ухо:

— Ах, мой мальчик, ты — мой сын. Но мой жизненный дух не может быть вблизи тебя. Мой жизненный дух находится у семидесяти оленей, у Соляного колодца. Среди семидесяти оленей есть один рыже-бурый, и в рыже-буром сундучке внутри рыже-бурого оленя, мой мальчик, там и находится мой жизненный дух. И поэтому я не могу хранить его около тебя.

Эр Герзенг, который лежал под полом и слушал, понял все-все.

— И теперь, когда Эр Герзенг — Эр Тёстюк все узнал, он пошел к Соляному колодцу. Пошел он к Соляному колодцу, вырыл себе яму в земле и лежал там себе, полеживал. Когда пришли к водопою семьдесят оленей, они насторожились. Они учуяли запах парня и испугались, перепугались. Ах, ему ничего другого не оставалось, как крикнуть:

— Подождите! Остановитесь, семьдесят моих оленей! За что вы меня обижаете? Не убегайте от меня! Я убил Эр Герзенга, скакал на его лошади и надел его одежду. Поэтому, конечно, остался на мне его запах, семьдесят моих оленей.

Услыхав это, семьдесят оленей вернулись и стали пить воду.

«Шойунг Гулак говорил о рыже-буром олене с закинутыми назад рогами!» — вспомнил он о том, что услышал. Навел свой лук из камыша и тут увидел в самом конце оленьего стада рыже-бурого оленя. Он выстрелил в рыже-бурого оленя и из него выпал рыже-бурый сундучок. Схватил Эр Тёстюк выпавший рыже-бурый сундучок, открыл его, заглянул в него и увидел там девять птенчиков. Одного из них он оставил, а остальных восьмерых убил, свернув им шеи.

— Я хочу встретиться с Шойунг Гулаком, пока он еще жив, — сказал он, сунул птичку себе за пазуху и ушел. Вернувшись, он спросил Хюнкээ:

— Как Шойунг Гулак?

Она ответила:

— Он пока еще жив.

— Ну что, разве не повезло мне, ах ты мерзавец! А теперь что с тобой? Как с твоей болтовней: «Я тебя съем, я тебя проглочу!»?

При этих словах Шойунг Гулак вскочил, и они стали бороться. Они боролись так, что превратили пустыню в богатую водой землю, а богатую водой землю превратили в море, так они боролись, что горы превратили в пустыни.

И дело обернулось так, что Шойунг Гулак был уже близок к тому, чтобы убить Эр Герзенга, но тот крикнул:

— Хюнкээ, Хюнкээ! Иди сюда скорей! Вынь у меня из-за пазухи рыже-бурый сундучок, открой его и, если найдешь там что-нибудь живое, убей поскорей!

Подбежала Хюнкээ, вытащила рыже-бурый сундучок, который был за пазухой у Эр Герзенга, открыла его и, взглянув туда, уви-

дела, что там снова было девять оживших птенцов. И только когда она убила всех девятиерых птенцов, свернув им шеи, Шойунг Гулак умер.

Да, а что же случилось потом? Тот мальчик, грудной младенец Шойунг Гулака, сказал:

— Ты убил моего отца Шойунг Гулака! Когда-нибудь я убью тебя!

В ответ на эти слова грудного младенца из люльки привязал его Эр Тёстюк к черному камню и бросил в царство бездны глубиной в семьдесят сажень.

Потом посадил девушку Хюнкээ на своего коня, и поскакали они, поскакали...

Когда он прибыл в свою страну, белая верблюдница произвела на свет верблюжонка-самца. Когда девушка Хенджевей побежала к белой верблюднице, красный шелковый кушак развязался и упал.

— О, дела Эр Герзенга идут хорошо, и он уже возвращается!

Когда Хенджевей, девушка, ставшая уже седой старухой, остановилась, она снова превратилась в пятнадцатилетнюю девушку. Эр Герзенг, подъехавший как раз на своем сером двухлетке, в которого в этот миг превратилась его пятилетняя лошадь, Эр Герзенг, тоже ставший за это время белоголовым старцем, превратился в пятнадцатилетнего юношу, и теперь они были наконец навсегда вместе и устроили пир.

15. Паавылдай Мерген с конем леопардовой масти

Паавылдай Мерген с конем леопардовой масти был единственным сыном одного человека, хана.

Было там две юрты, и случилось так, что в одной женщина родила девочку, а в другой женщина родила мальчика. В обеих юртах одновременно родились два ребенка. Поменяли пеленки — да, обменялись пеленками. И так они породнились, стали свойственниками. Чтобы когда-нибудь потом отдать юноше девушку, они поменялись пеленками.

Мальчик стал мужчиной. И девушка выросла. Теперь она жила далеко. И тут стали говорить:

— Э, гляди-ка, плечи мальчика уже превратились в плечи мужчины! Нужно послать парня к его девушке. Пусть он привезет ту невесту, пошлем-ка его!

Спросил он тогда своего отца:

— На какой лошади мне поехать, отец?

— О, возьми для поездки ту лошадь, которая посмотрит на тебя, когда ты подойдешь к табуну, — ответил он.

Взглянув на табун, он увидел, что там стоит пятнистая лошадь-двухлетка и смотрит на него. Паавылдай Мерген с конем леопардовой масти вскочил на пятнистую лошадь, надел на спину колчан со стрелами и пустился в путь — поскакал и уехал.

Скакал он так и скакал. И вдруг конь леопардовой масти остановился и лег.

— Ну, что тебе стало известно, мой конь?— спросил юноша и связал ему передние ноги, чтобы он стоял неподвижно, как сундук.— Что тебе известно, мой конь?— спросил он, заклиная его.

— Видишь, что виднеется там вдали? Две скалы ударяются друг о друга, все время ударяются друг о друга. Меж этих двух скал нельзя пройти.

Но это было еще не так страшно. Нашелся выход. Паавылдай Мерген вложил стрелу и натянул лук, потом прицелился и выстрелом отделил эти скалы друг от друга. А потом галопом проскакал меж них. Ну вот, проскакал он там.

Но когда он быстрым галопом скакал из одной земли в другую, конь его опять остановился и лег. И когда он так остановился, Паавылдай спросил:

— Ну, мой конь, что ты там увидел, что узнал?

— Видишь там что-то большое и гладкое? Это гигантская змея, которая издали высасывает из человека кровь, высасывает ее на расстоянии человеческого взгляда.

— Ну, это ничего!— Он вложил стрелу и натянул лук. Он так натянул его, что кровь закапала из кончиков его пальцев, и, когда он выстрелил, своей стрелой он рассек ей голову надвое. И галопом пронесся мимо. И когда он ехал уже по другой земле, там как раз был в разгаре большой праздник: еще один ханский сын захотел взять в жены дочь великого тестя Паавылдая.

Были устроены состязания. У нашего хорошего была только одна лошадь — Паавылдай Мерген приехал за этой девушкой один-единешенек на своем леопардовом коне.

Ааа, а теперь были состязания, борьба. Когда Паавылдай боролся, он бросил своего соперника на землю. А когда он его победил, в следующем состязании должен был выиграть тот, кто прострелит насквозь ушки девяноста штопальных игл, воткнувших вот таким образом¹. Выстрелил Паавылдай, и его стрела прошла сквозь ушки девяноста штопальных игл. Потом принесли шкуры девяноста быков и поставили эти затвердевшие шкуры девяноста быков — кто прострелит их, будет победителем. Он все их прострелил.

А теперь оставались еще лошади. Пока Паавылдай выигрывал все состязания. А тут должны были бежать кони. Но у него не было мальчика, которого он мог бы послать на скачки. И он пошел к своей будущей жене.

— Что же делать? У меня нет мальчика, которого я мог бы послать на скачки. И нельзя поскакать мне самому.

Тогда она вырвала из своих волос один-единственный волос, заклала его и сделала из него мальчика. И он послал его на скачки. Этому мальчику она сказала:

— Послушай, на ночном привале спать нельзя! Не спите! Не спите ни в коем случае!

Потом он ускакал и, приехав на ночевку, заснул. Заснул не только мальчик, заснул и конь, а когда он проснулся и огляделся — ах ты голубое небо!— он проспал целых три дня, и лошади хана уже снялись с места и ускакали. Они спали три дня!

Он побежал к мальчику и заржал вот так², но тот не проснулся. И даже когда он ударил его — хоть бы что. Мальчик был мертв! Тогда конь помчался к Гурмусту-хану.

— Моего господина убили, что мне теперь делать! — сказал он.

Когда он обратился к Гурмусту-хану, тот дал ему целебную воду.

— Вот тебе вечная целебная вода. Если ты пойдешь туда и вольешь ее ему в рот, он оживет. Беги себе дальше по воздуху.

Влил конь в мальчика эту вечную целебную воду, и мальчик снова ожил.

— По воздуху! — сказал он.

А лошади, участвовавшие в скачках, бежали уже три дня. И когда они помчались по воздуху, стало видно, что последней скачет шулмусиха, она выжидала момент, чтобы причинить мальчику вред, когда он появится. А тот пролетел над ней, как самолет, и, когда они перегнали всех и опять спустились вниз, мальчик первым пришел к цели.

И заговорили тут: «Ах, проклятие! Мы-то думали, что волшебная сила во всаднике, а она вовсе не в хозяине, а в этом несчастном пятнистом двухлетке. Вся беда, оказывается, от этого двухлетнего пятнистого!» — так говорили все.

Он победил, его пятнистый конь. Промчавшись по стольким царствам, по двум ханствам, пришел к цели пятнистый конь. Пришел он победителем.

Тогда тесть стал отделять имущество для аила дочери — скот и людей. После того как отделил он половину скота и половину людей, их отправили в путь.

И сказал тогда Паавылдай хозяйке своей юрты:

— Двигайтесь дальше и переночуйте там, где я начертил круг, и следуйте дальше по отмеченным мной местам! Я же поскачу вперед в свою страну, все подготовлю и сообщу новость моему народу! — Так сказал он и уехал в свою страну.

Приехал он в свою страну и увидел, что после его отъезда все покинули стоянку. Голубой дым, поднимавшийся некогда из дымового отверстия отцовской юрты, улетел, и в пролете открытой двери хорошо был виден обгоревший угол ящика для кирпичиков чая.

«Что же это такое?» — подумал он и быстренько вытащил его, а под ним было письмо. В нем говорилось: «О, нас как свою добычу увело прямо на север какое-то существо. Как ты теперь найдешь нас? Если ты еще жив, знай, оно схватило нас и ушло прямо на север, ушло со своей добычей».

Тогда Паавылдай Мерген с конем леопардовой масти оставил на видном месте такое письмо: «Я отправился прямо на север. Здесь было какое-то существо и все захватило как свою добычу. Похоже на то, что это был мангыс. Оставайтесь здесь, на этом месте!»

Потом он начертил на земле знак и написал: «Оставайся здесь и будь властительницей земли и людей!»

Затем Паавылдай пустился в путь — вслед за людьми своего отца. Он отправился к мангысу.

Прибыл он туда, а там этот хан-мангыс сделал его отца ничтожнейшим из батраков и разграбил всю его страну — вот так-то!

Постой-ка, а где же теперь был этот хан? Этот мангыс был существом с девятью головами. Девятиглавым был он! Это был мангыс, у которого вместо одной головы было девять!

Когда Паавылдай приблизился к его юрте, привязал лошадь и прислонил к ней вот так свой колчан, юрта мангыса зашаталась — только из-за тяжести лука в колчане.

— Ах, проклятие! Юрта эдакого девятиглавого мангыса и не может выдержать даже лука! Каков же он сам! — воскликнул Паавылдай и воткнул в землю одну-единственную стрелу из своего колчана и на ее зазубрину, на зазубрину своей стрелы, повесил свой лук и вошел в юрту.

Когда он вошел туда, в юрте сидел кто-то из его людей:

— Эй, да это и впрямь Паавылдай, откуда ты взялся? Нас сделал своей добычей этот девятиглавый мангыс, который явился к нам однажды. Видишь, он сделал меня своей женою! — Вот какой это был человек из его страны!

— Куда же он отправился?

— Ах, он опять поехал туда на поиски добычи.

— А когда он вернется и как он вернется — верхом?

— Да нет, он прилетит по воздуху. Когда он рассердится, небо гремит и проливается дождь. Ну а когда он приходит обычным способом, он является в своем собственном обличье. А так как он узнал тебя, он придет теперь при грохочущем небе и напустит дождь!

— Ой, что же мне теперь делать?

— Если ты будешь здесь, он тебя убьет, он сожрет тебя!

Он вырыл яму под ее кроватью и залег в нее. Схватив свои стрелы, он был теперь и впрямь могучим!

Ой, под грохот неба примчалось нечто большое, сопящее и фыркающее! И вошло в юрту, приняхиваясь.

— Кто тут есть? Следы этого коня ведут сюда! А где же он сам?

А этот Паавылдай с конем леопардовой масти заклинанием превратил лошадь в камень своего огнива, и она была теперь при нем.

И когда мангыс продолжал спрашивать: «Чем это здесь пахнет?» — Паавылдай Мерген выбрался из своего укрытия и вышел.

Они боролись и боролись друг с другом. Они сражались так, что горные хребты превращали в степи, степи превращали в горные хребты, а горы превращали в реки — так боролись они друг с другом, и с большим трудом Паавылдай Мерген убил его. А все потому, что конь его сказал:

— На его средней голове есть черная родинка. Именно там его уязвимое место, там его смерть!

И он победил его и убил.

А жена мангыса должна была вскоре родить. В утробе ее был ребенок, которому не хватало еще трех месяцев до того, как родиться. Он убил эту женщину, а мальчика того вытащил из ее чрева. И тот, волоча за собой пуповину, сразу же начал сражаться с ним — мальчик, которому не хватало еще трех месяцев до рождения! И когда он боролся, дело дошло до того, что мальчик повалил и прижал Паавылдая Мергена к земле и хотел было убить его.

— О, не допусти этого! Бей прямо по черной родинке на его лбу! Там его уязвимое место! — крикнул Паавылдай, не сдаваясь. Тут конь леопардовой масти рванул свою привязь, оборвал повод и одним из своих копыт разрубил пополам черную родинку сына мангыса.

И тогда тот воскликнул:

— О, несчастные, о, эта проклятая лошадь леопардовой масти! Если бы не она, я бы победил! Его одного уж я победил бы. Я умираю, так как мне недостает трех месяцев!

После всего этого Паавылдай вернул свой народ вместе с народом мангыса к себе на родную землю, и стало там тогда три ханства, и зажил он теперь счастливо, дитя мое!

Ну, вот и все, дитя мое, вот и вся моя сказка.

16. Зачин сказки

Ааа —

В давнее время,
Время, когда возник мир,
Росла тогда трава такая —
С корнями, что волчьи хвосты,
С колосьями, что лисьи хвосты.

Ааа —

Вода текла из безводной теперь земли,
Трава росла из бестравной теперь земли,
Скота было столько,
Что не настичь его было голосом,
Подданных было столько,
Что не настичь их было законами.

Это было время, говорят,
Когда хвост верблюда касался земли,
Когда рога горного козла задевали небо.

Ааа —

Духов было миллионы,
Богов было десять тысяч.

Ааа —

Если пускались в путь
На высокий Алтай
В первый день прибывающего месяца,
Занимаясь охотой,
Добывая дичь —
С богатой добычей,
Счесть ее невозможно —
Возвращались домой
Только в последний день убывающего месяца. —
Вот каким было, говорят, то время!

Ааалаяний! В давнее, давно ушедшее время жил бег Хан Тёгюсвек. И были у этого Хан Тёгюсвека богатырь Тайваган Улаан Баатыр, ни разу не побежденный Красный боец, и знатная жена Тойлу Гоо, Сияющая, как зеркало, — вот какой это был бег!

В уже немолодые годы пришлось ему взять себе еще одну жену. Однажды среди ночи на то место, где девять раз перекрещиваются жерди дымового круга его юрты¹, сел и закаркал ворон. Он кричал два-три дня подряд, и бег подумал: «Что бы это значило?» — и взял Птичью книгу, есть такая Птичья сутра², взял он ее, заглянул, а там говорилось: «Этому мужчине следует теперь жениться».

И, решив поехать на поиски жены, задумался Хан Тёгюсвек: как бы уехать так, чтобы этого не заметили ни в аиле, ни во всех его владениях? И все думал он: «Где же она, та земля, откуда я должен привезти себе супругу? Где же страна, куда мне надо поехать?» А был этот Тёгюсвек человеком, который едет всегда прямо на север.

«Теперь люди узнают об этом», — подумал он. А если бы люди это узнали, они не дали бы Хан Тёгюсвеку уехать. Хан Тёгюсвек был такой человек, что умел сам волшебством вызывать своих коней — Большого соколино-серого со звездой на лбу и Малого соколино-серого со звездой. По вечерам он подзывал этих соколино-серых коней со звездами, подвязывал языки им обоим — Большому и Малому — и отпускал их на волю. Этих коней невозможно было привязать у всех на виду и невозможно было привязать их тайно, поэтому он и подвязывал им языки и отпускал их на волю. Несколько дней и ночей паслись они на воле. А потом он привел одного из своих коней и осмотрел его, и оказалось, что конь в хорошей форме — он достаточно поголодал, живот его втянулся.

«Как же мне выбраться вместе с конем?» — думал он. Чтобы не разбудить своих людей, он потихоньку взял свое седло и чепрак и прокрался из юрты тайно от своей семьи.

Выехал Хан Тёгюсвек на своем Большом соколино-сером коне со звездой на лбу, ведя на поводе Малого, со словами: «Ну, где же твой север?»

Скакал и скакал себе Хан Тёгюсвек. Как только супруга Хан Тёгюсвека Тойлу Гоо встала утром, она закричала:

— Нет Хан Тёгюсвека! Куда же он делся?

Стала она расспрашивать и тех людей, и этих — никто не видел нашего Хан Тёгюсвека. Да, этот Хан Тёгюсвек исчез. Что же теперь делать?

Одному слуге, находившемуся в юрте, — а звали его Джээрен Джилбирти — сказала жена Хан Тёгюсвека, супруга его Тойлу Гоо:

— Приведи мне богатыря Тайваган Улаана! Скажи, что я велела ему прийти ко мне!

С такими словами послала она, значит, своего слугу Джээрена Джилбирти. А потом Джээрен Джилбирти вернулся и привел богатыря Тайваган Улаана. Тот пришел. И она рассказала богатырю:

— Вот, так-то и так-то, сегодня ночью исчез твой старший брат. Я даже не представляю себе, куда он мог деться. Нигде его нет, и никто его не видел. Я искала его повсюду и не нашла. Выследи-ка его, своего Хан Тёгюсвека!

Стал он разыскивать его след, и с какого-то места след его вел прямо на север, здесь нашел он и отпечатки копыт обоих его коней.

— Хорошо, — сказал он, — по этому следу мы и отправимся!

Оба, супруга нашего Хан Тёгюсвека Тойлу Гоо и его богатырь Тайваган Улаан, отправились по следу за ним вдогонку.

Приехали они в незнакомую местность, огляделись и увидели, что вдали, посреди степи, скачет Хан Тёгюсвек, и вьется за ним тонкая, как нить, полоска пыли.

Помчались они галопом вслед за ним, желая догнать Хан Тёгюсвека. Оглянувшись Хан Тёгюсвек и увидел догоняющих его богатыря Тайваган Улаана и свою супругу.

«О, это никуда не годится! То, что я задумал, теперь мне не удастся!» — думал Хан Тёгюсвек и злился, злился в глубине души.

«Да, недаром говорится: когда жена гонится за мужем, то задуманное ему не удастся. Ну хотя бы богатырь Тайваган Улаан был один!» — думал Хан Тёгюсвек и продолжал сердиться. И когда его супруга стала к нему приближаться, он выхватил свой меч, которым, уезжая, опоясал себя, и стал точить его о девятислойную подметку своего сапога. А потом в гневе воскликнул Хан Тёгюсвек:

— Я разрублю ее вместе с лошадыю!

Богатырь же Тайваган Улаан скакал рядом с женой брата, своей золовкой, — он знал, что тот нападет на нее.

Вот Хан Тёгюсвек приблизился и взмахнул мечом, но только он хотел нанести ей удар по голове, как богатырь Тайваган Улаан подставил свою распростертую ладонь, и наш Хан Тёгюсвек, старый человек, не только не смог рассечь свою жену, но чуть не сломал себе плечо — словно по камню ударил он. Он нападал еще три раза, и только после этих трех попыток удалось богатырю Тайваган Улаану утихомирить своего старшего брата Хан Тёгюсвека.

— Ну, хватит тебе сердиться! Пусть перейдет на нас твой гнев! Куда это ты отправился? Что ты там узнал? Что ты там увидел? — говорил герой Тайваган Улаан Хан Тёгюсвеку.

А Хан Тёгюсвек отвечал на это:

— Теперь мое намерение не осуществится! Если уж нельзя было иначе, почему ты не поехал один, почему явился вместе с моей супругой? — так говорил Тайваган Улаану Хан Тёгюсвек.

— Если нужно уехать, то, конечно, следует уехать! И все же разве нельзя было уехать, предупредив нас? Мы не знали, живы вы или умерли, ничего не знали, куда вы пропали!

Поговорили они, и Хан Тёгюсвек рассказал ему все о карканье ворона и о том, что в назначенный срок он должен был отправиться в путь.

— Вот каковы мои дела. Я должен взять еще одну супругу, там, впереди, страна, которая мне суждена, — говорил он. — Меня посетил вестник — ворон.

И, сказав это, Хан Тёгюсвек ускакал.

А супруга его вместе с богатырем Тайваган Улааном вернулись домой.

— Стань теперь хозяином нашей страны! Я вернусь только через столько-то месяцев и столько-то лет! — сказал Хан Тёгюсвек и ускакал.

Ехал он, ехал и, когда приехал на берег большой реки, увидал, что по долине, в изгибе реки, петляя, бегает черная лиса. И подумал он: «Ну, погоди, эту черную лису я застрелю! Красивая лиса, из нее получится прекрасный обшлаг на рукав!»

Хан Тёгюсвек вытащил из колчана стрелу и бросился за лисой. Потом он прицелился в эту лису стрелой, вложенной в лук, и выстрелил. Когда он выстрелил, лиса исчезла, и стрела ударилась о землю, подняв столб пыли. А лиса пропала. Не было ни убитой лисы, ни убегавшей.

«Ого! Куда же делась эта лиса? — думал он, глядя то туда, то сюда. — Исчезла! Вот оно что! Это — знамение того, что задуманное мне не удастся, так как жена погналась за мной! Даже лиса моя, которую я хотел застрелить, исчезла!» — сказал себе Хан Тёгюсвек. Он накинул петлю кнутовища на стрелу, торчащую из земли, и вытащил ее — стрела была из тех, какие называют «закаленными стрелами». Постучав «закаленной стрелой» о лук своего седла, он заткнул ее за пояс и поехал дальше. Раньше под седловиной был зазор — так называемый гонгу. Хан Тёгюсвек скакал себе и скакал, а под ним раздавались какие-то звуки, будто рядом с ним кто-то вскрикивал. Удивился он. Прислушался: что-то кричало прямо под ним. Он нагнулся и заглянул под свое седло в гонгу и увидел, что туда забралась тощая черная лиса, она лежала там и глядела прямо на него.

«Ну уж на этот раз я буду более ловким и не промахнусь!» — подумал про себя старик, спрыгнул с коня и крепко прижал лису. Но только он подумал: «Сейчас убью ее!» — как лиса сказала:

— О, я та, кто владеет даром предсказания будущего! Я очень мудрый оракул! Эй, ты, не убивай меня! — так она сказала.

— А не врешь? — спросил Хан Тёгюсвек.

— Не вру!

Тут он разговорился с лисой и спросил ее:

— А как ты предсказываешь будущее?

Она отвечала:

— Я предсказываю будущее, лежа на семислойном чепраке, держа во рту конец колчана в черных пятнах.

— Ах, так... Да ты насмехаешься надо мной! Сейчас я убью тебя!

А лиса скользнула от него, впилась зубами в нижний край колчана, вытащила одну из стрел, начала постукивать ею то с одной стороны, то с другой, и тетива лука стала издавать свистящие звуки. Услыхав это, старик соскочил с коня, снял и отбросил седло и подстелил лисе свой семислойный чепрак. Постукивая стрелой, лиса при помощи лука узнавала будущее. Потом она затихла. И тогда Хан Тёгюсвек спросил ее:

— Ну, что скажешь, лиса, удастся ли мне задуманное?

Та сказала:

— Удастся! Трижды ты умрешь и трижды оживешь, и всякий раз власть будет принадлежать тебе!

И, высказав ему таким образом свое предсказание, лиса добавила:

— У тебя появится двенадцать братьев. Придет время, и все двенадцать братьев, двенадцать богатырей, соберутся вместе — ах вы! И что бы ни случилось, власть всегда будет твоя! Ты трижды умрешь и трижды снова оживешь!

Потом он договорился со своей лисой о сроке, так как она сказала:

— Я отправлюсь вместе с тобой!

И сказал наш Хан Тёгюсвек:

— В такой-то день такого-то месяца в такое-то время я заеду за тобой.

И, договорившись о времени, он ускакал. Скакал он, скакал и вдруг увидел поднимающийся вдаль дым. «Ну, этот дым тоже принесет мне несчастье! Опять я встречу кого-нибудь! Надо как-то изловчиться и проехать никем не замеченным!» — подумал Хан Тёгюсвек и двинулся дальше. Но — куда там! — его уже заметили. На высокой горе Сямбер какой-то человек воскурил жертву и спустился бегом, чтобы дожидаться на дороге нашего Хан Тёгюсвека. Когда он приблизился, Хан Тёгюсвек тут же спросил, как его зовут и откуда он держит путь.

— Откуда ты и что ты за человек? Ты убьешь меня. Ты стал помехой на моем пути. Быстро говори, что ты там хочешь сказать? — так спросил он его.

— О Хан Тёгюсвек, я жду тебя с тех самых пор, как услышал, что ты отправился в путь, — отвечал тот.

Это был лама по имени Баахын Будуюасын, тот самый лама на желтой-прежелтой лошади, который обычно воскурял двенадцать жертв Алтаю. И он тоже хотел отправиться вместе с нашим Хан Тёгюсвеком. Хан Тёгюсвек и с ним договорился о месте и времени, сказав:

— Вот пройдет столько-то дней и столько-то месяцев, и я вернусь, — побратался с ним и ускакал.

Да, скакал он, скакал и видит: какой-то человек поднимает гору и ставит ее на другую, поднимает гору и ставит ее вместо другой горы, и так все время — поднимает и переставляет горы. «И этот тоже станет помехой на моем пути!» — подумал он, подъехав поближе. Увидев нашего Хан Тёгюсвека, человек, переставлявший горы, помчался к нему со всех ног — иначе ведь и быть не могло! Подбежав к нему, бросился он перед нашим Хан Тёгюсвеком на землю и сказал:

— С тех пор как я услышал, что Хан Тёгюсвек покинул свою страну, я жду вас здесь, на дороге.

Наш Хан Тёгюсвек заинтересовался именем этого человека:

— Как тебя зовут? Где твоя земля?

— Зовут меня Даг Саламнаар — Взвешиватель Гор, — отвечал тот. Пока он поднимал гору и нес ее к другой, он, наверное, прове-

рял, какая из них легкая, а какая тяжелее. — Зовут меня Взвешиватель гор, — сказал он.

Ну а потом Хан Тёгюсвек снова ускакал, опять назначив ему срок.

Скакал он, скакал и приехал в такое место, где увидел человека, который выпивал озеро и снова выливал его, выпивал озеро и выливал озеро. Увидев нашего Хан Тёгюсвека, он тоже подошел, стал ждать его на дороге и сказал:

— С тех пор как я услышал, что вы покинули свою страну, я жду вас здесь, на дороге, чтобы стать нам братьями, — так говорил этот молодой человек.

— Ну а как тебя зовут? — спросил Хан Тёгюсвек.

— Ах, меня зовут Хёл Пактаар Гёндервей — Глотатель озер Гёндервей.

Они тоже побратались, и, договорившись с ним о сроке, Хан Тёгюсвек уехал.

Скакал Хан Тёгюсвек, скакал и заметил вдали что-то, что он принял сначала за густые заросли караганы, а когда въехал на высокую гору и поглядел с нее, увидел неподалеку белый-пребелый холм. Когда же он поехал дальше — то, что виделось ему зарослями караганы, оказалось людьми, юртами и скотом, а то, что он принял за большую белую гору, было, оказывается, большой белой ханской юртой. Так как он уже приближался к ханской юрте, он постарался придать себе грозный вид, волосы его стали дыбом, прогтнув шапку, словно иглы.

Въехал теперь Хан Тёгюсвек на стоянку того хана, огляделся и увидел у юрты хана около тридцати-сорока коней, привязанных у коновязи рядами. Оглядел он их хорошенько и понял, что все это кони богатырей, собравшихся в юрте. Доскакав точно до середины конских рядов, он спешился, подвязал, откинув назад, головы своих коней — Большого соколино-серого со звездой и Малого соколино-серого со звездой — и привязал их к старому сандаловому дереву так, чтобы их осеняла тень молодого сандала. Подойдя к двери ханской юрты, он оглянулся и убедился в том, что оба его коня — Большой соколино-серый со звездой и Малый соколино-серый со звездой — чуть ли не на целый метр длиннее и чуть ли не на полметра выше коней других богатырей. Тогда он открыл дверь юрты и вошел.

Вошел он и увидел, что в юрте полно богатырей. Хан Тёгюсвек стал пробираться, перешагивая через плечи тех, кто был мал ростом, через колени тех, кто был ростом велик, и до щиколотки погружаясь ногами в мягкую землю пола. И только он собрался сесть выше всех богатырей и пониже бега, как бег пододвинул ему стоявший рядом с ним трон с восемью ножках. Ну, раз уж пододвинул, Хан Тёгюсвек уселся на него.

И тогда наш Хан Тёгюсвек спросил хана о его здоровье, назвав его отцом:

— Как живете — в мире и благополучии? — И спросил о здоровье его жены, назвав ее своей матерью, и поздоровался с ними так, как это положено зятю.

Выслушав его приветствия, хан спросил:

— Откуда ты едешь? Где та цель, к которой ты стремишься? Каковы твои намерения? Где твоя земля? Как тебя зовут? Как зовут коня, на котором ты приехал?

— Я — Хан Тёгюсвек с двумя конями, которых зовут Большой соколино-серый со звездой и Малый соколино-серый со звездой, и с богатырем Тайваган Улааном, владеющий миллионами религий и десятками тысяч бурганов, — сказал он. — Если у хана есть что-нибудь особо твердое, я ему это переломлю, если у него есть необъезженные кони, я ему их объезжу — вот чего мне хочется.

И когда он это сказал, один из богатырей стал бранить его:

— Ты что думаешь, нет никого, кто объездил бы коней хана, кто переломил бы для него твердое?

Потом стал бранить его богатырь, сидевший пониже того, и оба они ругали его попеременно. Когда же Хан Тёгюсвек, рассердившись, тоже стал отвечать им руганью, изо рта его вылетало пламя, так что взлетел вверх нижний край войлочной крыши ханской юрты. Услыхав, что говорил наш Хан Тёгюсвек, и увидав, как он выглядит, многие богатыри бежали, охваченные страхом. Остались сидеть только пять-шесть человек, повторявших один за другим: «Хоть ты и богатырь, но ведь и я тоже богатырь!»

Когда все богатыри заспорили друг с другом, хан-хозяин сказал:

— Ах, юноши, одно хочу я вам сказать: если вы не победите ловкостью, то и силой не сумеете победить. Давайте-ка устроим состязания! Устроим скачки и состязания борцов.

— Вот и хорошо! — решили все и принялись скакать на лошадях и выставлять своих борцов.

Прежде чем отвязать своих коней, Хан Тёгюсвек спросил:

— Откуда начинают бега?

Кто-то сказал: «Начинают с середины пути». А другой сказал: «Мы начнем бега оттуда, где сходятся небо с землей». А место, где сходятся земля и небо, не близко. И поскакали они туда, чтобы начать состязания с того места, где сходятся небо и земля.

Тут Хан Тёгюсвек пошел готовить своих лошадей к бегам, а слуги хана к тому времени повскакали на коней и умчались. Оказалось, что остались только кони нашего Хан Тёгюсвека и не найти уже ни одного мальчика-наездника. Хан Тёгюсвек побежал туда, побежал сюда, и тут как раз из юрты дочери хана выскочил маленький мальчик и сказал:

— Я тот, кто поскачет на коне моего старшего зятя!

Ну, дал он этому мальчику два мешка песка, чтобы повесить их по бокам коня, повел его за собой и собрался уж было приготовить к скачкам Большого соколино-серого со звездой. Но тут его Малый соколино-серый со звездой сказал: «Поскачу я!» И стали спорить его кони между собой, и вышло так, что скакать выпало Малому. Навьючил он тогда на бока Малого два мешка с песком. Потом заткнул за пояс за спиной у своего мальчика-ездока множество сухих и мокрых прутьев и отпустил его со словами: «Слушай, когда ты поскачешь от того места, где сходятся небо и земля, и

придет время, когда на ушах твоего коня выступит пот, перережь завязки обоих мешков с песком и сбрось их, так вот!»

Научил он этому мальчика и дал ему ножичек с желтой рукоятью.

Мальчик ехал, ехал. Конь его вовсе не бежал, шел медленно. Он стегал его мокрым прутом, пока не осталась от него одна сердцевина, и стегал его сухим прутом, пока от него не отпала кора, — только тогда конь поскакал.

Наконец он увидал вдали слуг на лошадях и постепенно догнал их. А когда догнал, увидал, что они, эти слуги, на ходу глотают хойтпак из дажыров. А у мальчика нашего хорошего не было с собой никакой еды.

Тогда один из слуг налил хойтпак в пиалу и крикнул:

— Эй, мальчик, хочешь пить?

— Хочу!

— Коли так, выпей этот хойтпак! — сказала одна служанка и протянула ему пиалу с хойтпаком. Но только мальчик поднес ее ко рту, как лошадь встряхнулась из всех сил — и пиала вылетела из его рук, описав большую дугу. Мальчик посмотрел на то место, куда упала пиала, и увидал, что хойтпак проел в земле большую дыру. Этот хойтпак был ядом! И тогда служанки стали колотить лошадь мальчика по голове, приговаривая: «Пусть вороны и сороки выклюют твои глаза!» — и умчались галопом, да так, что их длинные груди, закинутые за спину, хлопали. А он опять скакал и скакал. И опять этот мальчик догнал слуг. Слуги остановились и ждали его. И слуги эти его спросили:

— Эй, мальчик, хочешь есть?

— Да, я уже проголодался! — отвечал он.

Тогда один слуга вынул из кожаного мешка большой ломоть сушеного творога³ и дал его мальчику. Мальчик принял этот кусок творога и только хотел надкусить его, как лошадь опять встряхнулась из всех сил, так что кусок сушеного творога отлетел далеко в сторону. Отлетев и упав на землю, этот кусок сухого творога тоже проел в ней дыру. Да, и опять те слуги разразились руганью и проклятиями и опять умчались с шумом и хлопаньем.

Мальчик этот опять скакал, скакал, и, когда он через какое-то время догнал их, все слуги лежали и спали. Мальчик подъехал, откинул и подвязал голову своему коню и тоже улегся. Но конь его стоял, не сводя с мальчика глаз: «Я должен во что бы то ни стало уберечь мальчика! Эти враги обязательно захотят навредить ему!»

Вдруг конь заметил, что слуги собираются отправиться в путь. А мальчик продолжал спать. Конь подумал: «Ну, пусть поспит еще немного, пусть слуги отъедут. Эти злыдни опять станут вредить мальчику и опять захотят как-нибудь извести его!»

А мальчик все не поднимался. Тогда конь из всех сил дернул головой назад и оборвал свой повод, дернул головой вперед и оборвал узду, подбежал к мальчику и увидал, что те давно уже убили его, налив ему в уши яду, и теперь мальчик лежал бездыханный.

— Ах, какая неприятная история! Большой соколино-серый со звездой сказал ведь: «Поскачу я!» А я спорил с ним и побежал вместо него.

Да, поглядел он тогда вверх, почихал и позевал и стал бить копытами так, что обнажилось переплетение корней земли, затопал так, что вывернуло все внутренности этого мальчика, вызвал с неба сильный дождь, и он выполоскал яд из внутренностей мальчика — и так вернул его к жизни.

Оживив мальчика, конь сказал ему так:

— Ну и спишь же ты, мальчик! Слуги уже давно уехали, ну-ка, садись живей!

Мальчик, хороший наш, подбежал и уже собирался было вскочить на своего коня, когда тот сказал ему:

— Эй, скачи и отломи от тех вон вечных снегов кусок льда с коленную чашечку и сунь его в свою суму!

Мальчик отправился в указанное место, отломил от вечного снега кусочек льда, сунул его в свою суму и поскакал дальше. Конь его скакал во весь опор.

Но мальчик, милый наш, не обрезал еще мешков с песком — он забыл об этом. И тут вдруг конь его остановился:

— А теперь погляди в эту черную степь, мальчик. Там ли еще слуги, усакававшие утром, или их нет там, видно ли хоть что-нибудь?

И он действительно обнаружил слуг: посреди черной степи двигалось что-то вроде мошек и комаров. Увидев их, он наконец бросился им вдогонку; снявшись с места, он все скакал вперед, и конь его сказал на скаку:

— Обрежь-ка теперь веревки обоих мешков с песком!

Обрезал он веревки обоих мешков и сбросил их, и помчался его конь, помчался. Только сейчас конь поскакал по-настоящему, да так, что мальчику было этого не выдержать.

Когда он чуть не падал вперед, конь удерживал его своей благословенной гривой, а когда он чуть не падал назад, подпирал его корнем своего хвоста. А когда мальчику было уже не выдержать, конь волшебством превратил его в клеща и посадил в свою гриву. И тогда конь понесся... И когда приблизились они настолько, что слуги могли уже увидеть коня, он, оборотившись птицей, взмыл к облакам. Но и меж облаков увидели его слуги. Один из них взглянул вверх и сказал:

— Ха, конь того нашего врага тоже ведь враг; гляди, он над нами, в облаках!

Один из слуг свернул свой аркан длиной в семьдесят сажений и забросил его, когда Малый соколино-серый со звездой пролетал прямо над ними. И аркан захлестнул шею коня и сбросил его на землю. Но конь исчез из петли, как дым, и умчался. Мчался он, мчался, а давешние богатыри уже поджидали его — и хан тут был, и все остальные богатыри.

— Это пыль от копыт моего коня!

— Нет, от копыт моего коня пыль! — кричали они все и спорили.

Но Хан Тёгюсвек увидел, что пыль эта — от копыт его коня, и приготовился, забив стальную крюк в вершину дерева. И в тот момент, когда конь мчался мимо него он продел крючок через оба трензельных кольца и удержал коня. Удержав его крючком, он упал наземь, и конь так потащил его за собой, что он землю взрыл. Конь пробежал полдневный путь, прежде чем Хан Тёгюсвеку удалось кое-как ухватить его за морду. Все богатыри это видели, и им казалось, что земля дрожит, когда он повернул коня и поскакал к ним. И только когда осталась лишь треть времени, необходимого Малому соколино-серому со звездой для отдыха, начали постепенно подъезжать кони других богатырей.

— Ну, кто выиграл бега?

— Ах, Хан Тёгюсвек, ты выиграл их! — сказали все.

— А теперь что будет?

— Теперь будет состязание по стрельбе. Мы сложим в кучу столько дров, сколько смогут доставить девять верблюдов, насадим на пики девять штопальных игл и сквозь их ушки рассечем девять черных камней величиной с быка каждый, — сказали ему.

Когда все было установлено, спросили:

— Кто будет стрелять первым?

— Стрелять будет Хан Тёгюсвек!

— Нет, — сказали, — это не годится! Будет стрелять самолично наш хан!

Когда выстрелил хан, он высек огонь, и все запылало, но, когда его стрела достигла самого последнего черного камня величиной с быка, она застряла в нем, не расколов его.

— Ну, кто стреляет теперь?

— Теперь стреляет Хан Тёгюсвек!

Выстрелил Хан Тёгюсвек — и все камни расколол.

Был там у него еще холм — назывался он Серым холмом переговоров. Когда он высек пламя на склоне этого холма — стал он и тут победителем. И так как Хан Тёгюсвек везде высек огонь и выиграл и это состязание, должны были состояться еще и состязания по борьбе. В то время, когда борцы боролись друг с другом, поваливший своего противника должен был обязательно убить побежденного — таков был обычай. И теперь спросили:

— Кто будет бороться?

— С Хан Тёгюсвеком сразится борец хана.

У хана был борец, которого называли Вонючим черным мангысом. Доставили тут этого борца, Вонючего черного мангыса, и выпустили его против Хан Тёгюсвека.

Хан Тёгюсвек и раньше уже бывал на состязаниях по борьбе во многих местах и встречал многих таких борцов. Подумалось ему: «Смрад от Вонючего черного мангыса поражает в самое сердце». И тогда откусил он две пуговицы от своего воротника и заткнул ими себе ноздри. «Но все-таки он — борец хана», — подумал Хан Тёгюсвек и боролся с ним сначала чести ради три дня, а потом вколотил его в землю, вырвал его легкие и сердце и бросил их на дымовой круг курты хана.

— Развари, хан, сердце своего старого быка и съешь его! — крикнул он.

Тогда тот привел еще одного из своих вонючих черных борцов, и этого его вонючего черного борца Хан Тёгюсвек тоже убил. А за ним на борьбу вышел младший борец хана. «Это самый молодой борец хана. Ну, ничего не поделаешь!» — подумал Хан Тёгюсвек и чести ради сражался с ним три дня, а потом убил и этого борца хана. И еще там был борец по имени Темир Терек — Железный тополь, сын Неба. Хан Тёгюсвек начал бороться с ним. Три дня исполняли они танец орла⁴, и не узнать было, кто же из двух добрых богатырей настоящий борец. Потом вдруг схватили они по заросшему лесом холму и стали бить ими друг друга, касаясь при этом друг друга кончиками пальцев. Боролись друг с другом оба храбреца, и в пыли, которую они поднимали столбом, птица, сидевшая на яйцах, потеряла из виду свои яйца, кобыла, ведшая за собой жеребенка, потеряла из виду жеребенка — так отчаянно они боролись! А равнины, на которых они бились, превратились в котловины, через которые и коню было не перепрыгнуть.

Хан Тёгюсвек выиграл все состязания, и уже провозгласили: «Победил Хан Тёгюсвек!» — да тут Хан Тёгюсвеку опять пришлось заткнуть за пояс полу своего халата, так как против него остался еще один борец. А если спросят, кто был этот борец, — был им борец по имени Эр Дунгсай, который не может умереть, так как нет у него нити жизни⁵, который растет, не зная возраста. Схватил он для начала Эр Дунгсая, а потом бросил его на землю. И тот превратился в ничто.

— Ах ты страшилище, неужто ты враг, с которым так легко было справиться? — крикнул Хан Тёгюсвек, не ожидавший такого от своего противника, но только он, сложив руки за спиной, собрался было уйти, появился с улыбкой прежний Эр Дунгсай и схватил Хан Тёгюсвека за полу халата. И во второй раз он уничтожил его. А когда он опять собрался уходить, Эр Дунгсай снова взялся за него и сказал:

— Я — Эр Дунгсай, о котором говорят, что он не может умереть, так как нет у него нити жизни, который растет, не зная возраста, — вот кто я таков!

Только теперь начал бороться Эр Дунгсай по-настоящему. Он и Хан Тёгюсвек стоили друг друга как борцы, и постепенно стало ясно, что Эр Дунгсай ни за что не даст нашему Хан Тёгюсвеку победить себя. И, увидав это, прибежали вместе оба его коня — Большой соколино-серый со звездой и Малый соколино-серый со звездой.

— Отдай нам Эр Дунгсая! Не убивай пока Эр Дунгсая! — просили Хан Тёгюсвека оба его коня.

И так как кони просили его, Хан Тёгюсвек выпустил своего противника, а так как он его выпустил, Эр Дунгсай упал животом на землю и сказал:

— Когда сражаются мужчины, один из них падает, а другой выигрывает. Все равно убей меня! Кончай! — и не стал подниматься. Он был оскорблен и, оскорбленный, захотел остаться на земле.

И вот теперь оба хана доставили сюда своих певцов и велели им петь, доставили своих довшууристов и велели им играть на довшуурах. Хан Тёгюсвек и великий хан, оба, пришли, и, когда оба они были здесь, Хан Тёгюсвеку удалось уговорить Эр Дунгсая поднаться с земли. Уговаривая Эр Дунгсая встать, Хан Тёгюсвек сказал ему вот так:

— Эх, ты что, называешь принцессой Айвакай дочь этого хана луны — Ай Хаана? Вот у Хана солнца — Хюн Хаана есть дочь, принцесса Хюмюждей. Я ее достану для тебя! — И только он это сказал, как Эр Дунгсай встал, улыбаясь и смеясь, и подошел к нему:

— Это что, правда?

— Правда!

И тут же, не сходя с места, оба — он и Эр Дунгсай — побратались. Потом они пошли вдвоем к юрте-дворцу дочери того хана и вошли в нее. Оба, став братьями, легли там отдохнуть. Они пили и ели там, разжигая огонь без дыма, варя пищу без пара⁶.

Однажды, когда они наслаждались вот так, прибежал к ним со всех ног слуга и сказал: «Хан зовет!» — он ведь теперь тесть нашего Хана Тёгюсвека. — Хан зовет вас!»

— Раз говорят «Приди!», значит, это что-то хорошее, а вот когда говорят «Уйди!», значит это что-то плохое, стало быть, пойдем! — сказал Хан Тёгюсвек, и они пошагали к юрте тестя. Как только они вошли, хан, подозревая их к себе, сказал:

— Ну вот, сын мой. Ведь недаром говорится:

Для выполнения поручений годится зять.

Для угощения гостей годится горная мушмула.

Приведи к нам Синего быка, того, что живет прямо на север отсюда, — наши коровы стали все яловыми! — так сказал хан.

Хан Тёгюсвек вышел из юрты, собираясь отправиться в путь. Он уже хотел было ускакать, но молодая супруга спросила его:

— Ну, что изволил приказать ваш хан?

И он ответил:

— Ах, он сказал: «Прямо на север отсюда есть Синий бык. Приведи мне его — мои коровы все яловые!» — вот что он мне сказал.

Супруга Хан Тёгюсвека сказала на это:

— Отец наш из таких: коли есть хороший человек, то он отсылает его и находит способ его уничтожить. Там, где земля смыкается с небом, действительно есть бык, которого зовут Синим быком, он стоит над входом в нижний мир. Но говорят, что он чует человека на расстоянии в год, что он распознает и ожидает его на расстоянии в месяц. И говорят, что все богатыри, которые туда отправились, погибли вместе и по отдельности в его пасти! Неужели вы отправитесь туда, несмотря на все это? Решайте сами!

— Пристало ли бояться смерти тому, кто родился? Я еду! — сказал Хан Тёгюсвек и приготовился уж было уйти. Но призадумался над тем, что же делать ему со своей супругой-хан-

шей — взять ее с собой он не мог, да и оставить тоже не мог, так как подумал: «Ведь здесь Эр Дунгсай, который только что хотел взять ее в жены!» И он увез свою жену в сумерках, когда люди уже улеглись спать, высверлил в скале дыру и спрятал ее там. Птицы уже разлетелись по своим гнездам на ночь, так что действительно никто не мог этого увидеть, и, устроив все наилучшим образом, он ускакал.

Скакал Хан Тёгюсвек прямо на север. Скакал он, скакал, все приближаясь к Синему быку. А когда он уже совсем приблизился к Синему быку, оборотился он тут же, на месте, превратившись в змею, потом в волка, и так, превращаясь в разных животных, он добежал до цели, оборотился золотым клещом и забрался в шерсть на крупе Синего быка. И, сидя там, он с помощью волшебства вложил в пасть быка тройной недоуздок из четок и тогда опять принял свой первоначальный вид. И велел он своему Большому соколиносерому со звездой тащить быка на веревке, но взревел тут бык:

— Если ты тот, кто хочет убить меня, — убей! Если ты тот, кто хочет мне добра, — сделай мне добро! Я умираю! Мне дыхание сперло! — так мычал бык.

И когда он замычал так, сказал Хан Тёгюсвек:

— Я хотел взглянуть на вас, для того я и явился. Я не убью вас!

И они поговорили.

— Хан велел мне сделать то-то и то-то. Он, стало быть, послал меня к вам. «Мои коровы остаются яловыми» — сказал он.

Так разговаривал Хан Тёгюсвек с Синим быком. И на это Синий бык отвечал ему:

— Ну, отведи меня туда и крепко привяжи меня посреди его загона для скота.

Поскакал тогда Хан Тёгюсвек, поскакал и потянул за собой быка. Возвратившись, он привел его в ханский загон для скота, вогнал в землю одну из своих стрел и крепко привязал его к ней. Потом пошел в юрту хана.

А пока он был в пути, тот Эр Дунгсай все искал и искал его супругу-ханшу. Он спрашивал и птиц летучих, и людей, но не нашлось никого, кто бы видел ее. А был он человеком, способным к превращениям, этот Эр Дунгсай. И когда Хан Тёгюсвек проходил мимо, он обыскал его вплоть до голенищ сапог, но так ничего и не нашел. А потом вечером, когда все люди опять улеглись в свои постели, когда птицы расселись на ночь по своим гнездам и веткам, достал наш герой свою жену из скалы.

А тем временем Синий бык все ревел посреди загона для скота. И при каждом его мычании хан и ханша не могли найти себе места, где бы можно было им обоим укрыться.

Однажды хан опять послал к Хан Тёгюсвеку своего слугу; тот сказал, что хан приказал нашему Хан Тёгюсвеку явиться. Пошел к ним Хан Тёгюсвек, а в их юрте была такая невыносимая вонь! Поглядел он, а они, оказывается, отправляли в юрте все свои надобности, так как из страха перед Синим быком боялись выйти из юрты.

— Боже мой, дорогой наш мальчик! — закричали они. — Дай ему все, что хочешь, и пусть этот Синий бык убирается!

Он вышел, дал своему Синему быку сожрать ровно половину подданных хана, а потом отпустил его. Синий бык с ревом понесся прямо на север.

А на следующее утро встал Хан Тёгюсвек и обратился к своей жене:

— Теперь пойди к своим родителям, навести их. Разве не говорится:

Что до моей земли, то она далеко,

Что до моего народа, то он воинственен.

Гость, прибыв однажды, снова домой вернется.

Небо, пославшее дождь, снова прояснится.

Я вернусь к себе на родную землю.

Пошла его жена к своим родителям:

— Да, наш сказал, что мы теперь уйдем. Он сказал: «Иди к отцу и матери, навести их, а потом приходи!»

— Хорошо, ведь так и полагается, чтобы он вернулся, дитя мое! Хочешь взять что-нибудь из вещей? Хочешь взять что-нибудь из скота? — так сказал хан своей дочери.

— Ах, если мне что-нибудь понадобится, разве не моими будут вещи нашего Хан Тёгюсвека? А если я захочу держать скот, то есть ведь у него скот. А если уж хотите что-нибудь дать — что, если мне взять красную накидку моего отца? Что, если мне взять плетку моей матери с рукоятью из тамариска? Когда я отправлюсь в дальний путь, я могла бы укрыться накидкой от дождя. Когда я буду в пути, я могла бы держать плетку в руках.

Так попросила она накидку отца и плетку матери. Но они ответили:

— Ах, дитя мое, ну как же так? Это невозможно! Ведь мы, старые люди, пропадем тогда сами от дождя!

На это дочь сказала:

— Раз так, я не возьму ничего! — и вышла вон. Тут мать вернула ее и дала ей, одним глазом смеясь, а другим глазом плача, ту накидку вместе со своей плеткой. Дочь взяла все это и ушла.

На следующее утро Хан Тёгюсвек отправился в путь. Когда он поехал, за ним тронулся весь народ хана. Оглянулся хан Тёгюсвек, а за ним бегут, оба плача, хан и его жена, она — с медной поварешкой в руке, он — с укрюком. На месте осталась только юрта-дворец хана — большая и круглая. А все остальное двигалось за ним.

«Ах, дочь моя, махни нам разок рукой!» — с этими словами бежали за ними оба — хан и его жена. Когда их дочь оглянулась и махнула разок рукой, часть людей остановилась. Но хан снова побежал им вслед, повторяя все те же слова, что и раньше: «Махни же нам рукой, дитя мое!»

Но на этот раз дочь не оглянулась. Когда оглянулся Хан Тёгюсвек, он увидел, что его народ с трудом следует за ним, толпа была слишком тесной и малоподвижной, слишком плотной для такого долгого пути. И он сказал так:

— Ну, махни-ка одной рукой!

И когда он сказал так, жена его махнула одной рукой, и часть людей осталась.

Оглянулся опять Хан Тёгюсвек и увидел, что теперь за ним следует как раз столько людей, сколько нужно. Взял он тогда своих людей и поскакал, поскакал.

Проскакав какое-то время и прибыв на определенное место, сказал он своей жене:

— Да, теперь я поскачу вперед. А ты вели своему народу кочевать и Эр Дунгсаю вели тоже кочевать.

И оставил Хан Тёгюсвек своего младшего брата Эр Дунгсая, а сам двинулся в путь. Скакал он, скакал. Приехав на новое место, Хан Тёгюсвек расположился на ночь. И когда он спал, человек по имени Албын Джоданг, всегда стреляющий из-за шестидесяти горных хребтов, прострелил шесть его шейных позвонков и убил нашего Хан Тёгюсвека на том самом месте, где он улегся на ночь. И сказал тогда Большой соколино-серый со звездой Малому:

— Отправляйся теперь к ханше Тойлу Гоо! А я останусь здесь охранять его раны, чтобы убереечь их от червей, которых могут занести мухи!

С этими словами Большой соколино-серый со звездой встал над ним и стоял так, не сходя с места. Он обмахивал его своим хвостом, не давая мухам сесть на него и этим мешая червям съесть его.

— А еще где-то там живет Баахын Будуяасын, проезжай мимо, но ни в коем случае не показывайся ему, да! — сказал Большой соколино-серый конь со звездой своему Малому, не так ли?

Малый соколино-серый конь со звездой мчался, мчался, но — ничего не поделаешь — наступил день.

Проскакал он вблизи ламы Баахын Будуяасына, а лама Баахын Будуяасын был тот самый лама, который выходит, как только на земле становится светло, чтобы воскурить тринадцать жертв Алтаю.

Возжег он тринадцать курильниц и только хотел оглянуться, как мимо промчался Малый соколино-серый конь со звездой. Тут вскочил Баахын Будуяасын на Благородного желтого коня и погнался за ним. Догнав его, он поймал концом плети повод Малого соколино-серого коня со звездой, а потом сказал:

— Эй, ты! Где ты погубил моего старшего брата Хан Тёгюсвека?

Он ударил его раз плетью по голове и поехал за ним. Конь рассказал ему:

— Человек по имени Албын Джоданг, всегда стреляющий из-за шестидесяти горных хребтов, застрелил его. И Большой соколино-серый со звездой сказал мне: «Отправляйся к ханше Тойлу Гоо!»

— Да что там, туда ехать не надо, я сам отправлюсь к нему! — сказал лама Баахын Будуяасын и поскакал, поскакал. Приехали они туда и увидели, что Большой соколино-серый со звездой стоит над Хан Тёгюсвеком и охраняет его от мух и оводов. Тут подошел лама Баахын Будуяасын, отер ему кровь, приставил голову нашего Хан Тёгюсвека к телу, и, совершив обряд очищения, возжег он Алтаю тринадцать курильниц, а затем стал повторять свои священные тексты и наконец вернул нашему Хан Тёгюсвеку жизнь.

— Ах, как прекрасно я выпался,— сказал наш Хан Тёгюсбек, стал потирать себе лицо и голову и встал. Оживив Хан Тёгюсбека, лама сразу же сказал ему:

— Так-то и так-то, человек по имени Албын Джоданг, всегда стреляющий из-за шестидесяти горных хребтов, убил тебя.

И тогда они снова отправились в путь. Хан Тёгюсбек и Баахын Будуюасын вдвоем поскакали вперед и приехали в земли хана. Но, приехав туда, они увидели, что там все пусто: народ его давным-давно покинул эти земли. Травы земные были высотой до верхушек деревьев.

«Вот тебе и на! Ведь нет на свете никого, кто мог бы завладеть моей землей как добычей! Ведь нет на свете никого, кто мог бы победить богатыря Тайваган Улаана!» — думал Хан Тёгюсбек, придя на место, где стояла его юрта, и сел он там, глубоко задумавшись.

Когда Баахын Будуюасын подъехал к месту, где раньше стояла его юрта, и огляделся, он увидел, что там — вверх и вниз, вверх и вниз — летает клочок бумаги. Он пошел за ним и увидел, что бумага привязана к волосу и что-то на ней написано. Но когда Хан Тёгюсбек взял бумагу, то он прочел, что — ах — уже давным-давно Андалва, которого звали Девятиглавым Андалвой казахов, завладел его народом.

«Не преследуй нас! Живи здесь, на своей земле, в своей стране» — такое письмо написала ему ханша Тойлу Гоо. «Из девяти дажыров арагы я сделала один дажыр крепчайшего арагы. Я закопала его и мясо целого барана,— было там еще написано,— вырыла под очагом яму и все там спрятала»

Отрыли они тогда ее арагы в том месте и вытащили его: они ели оставленное ею мясо и пили ее арагы, и опьянели оба брата. А опьянев, братья сказали:

— Эй, куда это подевался хороший наш? Как бы то ни было, а он всегда будет наш! — И они стали хохотать, ударяя себя по коленкам.

— Будет и у нас еще радость! — В таком настроении были оба брата.

А тут как раз прибыл отставший от него в пути народ.

«Девятиглавый Андалва ограбил нас. Как он выдохнет — замерзают лепешки коровьего помета, как вдохнет — лепешки коровьего помета рассыпаются в прах» — так писала ему Тойлу Гоо.

А народ его был уже здесь, и он велел ему располагаться на ночь, потом отослал Эр Дунгсая, наказав ему:

— Пусть соберутся все двенадцать братьев, доставь всех сюда!

Из двенадцати братьев прибыли одиннадцать — вот все они и собрались. Чтобы вернуть свой народ, они отправились по следам Девятиглавого Андалвы.

Скакали они без остановки, и, оглядев все вокруг в подозрную трубу с вершины горы Сюме Дулда, Хан Тёгюсбек увидел, что в пустынной степи Тайваган Улаан уже вступил в бой с Девятиглавым Андалвой казахов. Его конь и он сам израненные шлепали по крови, и теперь герой как раз сражался с Андалвой, пробив себе путь от конца огромного войска до его начала и от начала до конца.

«Ну, ничего, пожалуй, не выйдет, если мы все поскачем туда, где сейчас Тайваган Улаан, он ведь уничтожит нас. Как же решить

все это добром? — размышлял Хан Тёгюсвек. — Да ведь есть же Эр Дунгсай, не имеющий нити жизни, тот, кто растёт, не зная возраста, вот кого нужно послать к нему!» — думал он.

Эр Дунгсай полетел туда серым соколом и, оборотившись крохотной черноголовой птичкой, зашептал на ухо богатырю Тайваган Улаану:

— Это я, твой старший брат Хан Тёгюсвек! Будь так добр, поднимись на эту большую гору Сюмебер и встретиться со мной, — так говорил он.

Уловив это своим ухом, Тайваган Улаан поехал не спеша вверх. А тем временем Хан Тёгюсвек распорядился:

— Теперь вы все спрячьтесь, я один встречу его. Понимаете, если он всех нас увидит, он, как человек, который уже долго был на войне и потому стал кровожадным, перерубит нас всех.

При приближении Тайваган Улаана Хан Тёгюсвек велел всем своим братьям спрятаться в траве, а сам поехал навстречу ему. Он встретил своего младшего брата и объяснился с ним:

— Я поехал в такую-то страну и привез из такой-то страны такого-то человека. — И братья там поговорили.

— У меня теперь столько братьев, нас теперь двенадцать, — сказал Хан Тёгюсвек. — Мы собрались теперь все двенадцать вместе.

Потом он всех их ему показал, и они все сошлись и поговорили друг с другом.

Сперва лама Баахын Будуяасын произвел очищение и омовение Тайваган Улаана, а потом все отправились на ту битву. А когда они туда отправились, лама Баахын Будуяасын сказал:

— Я не из тех, кто пойдет с вами на эту битву: мое дело только воскурять тринадцать жертв Алтаю, — и остался.

Двинулись они длинной вереницей на битву, и тут из-за холмов появился голый человек. Под мышкой у него был какой-то красный шарообразный предмет, и он косил им всех людей. Только Тайваган Улаан, один из всех, остался на ногах.

— О ужас! С вами, оказывается, так просто справиться — вскричал богатырь Тайваган Улаан, не тронувшись с места. И как только он оглянулся, земля задрожала, и из нее выскочил Эр Дунгсай. И сказал тут Эр Дунгсай:

— Он уничтожил всех, — и снова отправился к своему ламе Баахын Будуяасыну. А его лама Баахын Будуяасын сказал:

— Постарайтесь принести мне всех их, этих мертвых!

Тогда они принесли их всех к своему ламе Баахын Будуяасыну, и тот снова воскурил тринадцать своих жертв Алтаю. И он — а был он как раз человеком, который занимался тем, что оживлял людей, другого дела он и не знал! — оживил всех этих богатырей.

И тут заговорил Глотатель озер Гёндервей:

— Я тот, кому суждено победить этого врага. Дайте мне пожелтевший старый войлок!

Он взял много старого войлока, заткнул им себе рот и зад, проглотил целое озеро и отправился в путь. Ехал Гёндервей впереди войска, а тот человек опять вышел вперед и взял под мышку свой

красный шарик. Выпустил Гёндервей на него разом озеро — устроил настоящий потоп. И когда он устроил потоп, выяснилось, что то был борец Девятиглавого Андалвы по имени Найын Тийринг, боец, родившийся из красного огня.

Теперь, стало быть, все воины казахов до единого были перебиты. И тогда решили: «Убьем самого Девятиглавого Андалву, а где же он может быть?» Поиски привели их к его юрте, Девятиглавый Андалва лежал в ней и спал. И пока он лежал и спал, наши герои напали каждый на одну из его голов в том месте, где они разветвлялись.

А у Девятиглавого Андалвы были две супруги-ханши, и обеим им сунул он в очаг по большому ножу-скребку и сказал:

— Когда придут Хан Тёгюсбек и Тайваган Улаан, разбудите меня, а для этого кольните меня этими скребками туда, где начнутся девять моих шей!

А тут пришли богатыри, и каждый из них ударил по этому месту, но не смогли они отрезать ни одной головы.

Обе жены-ханши улыбались, смеялись, но и не думали пускать в ход скребки.

Нанеся еще немало ударов, герои вышли разочарованные и снова пустились в путь. И, только поднявшись на высокую гору, они внимательно огляделись вокруг, и Баахын Будуясын увидел, что жизненного духа Девятиглавого Андалвы там вовсе и не было и что лежало там лишь его пустое тело. А его жизненный дух, оказывается, простирался рекой, раскинувшей девять рукавов. И сказал Баахын Будуясын:

— Пусть Тайваган Улаан Баатыр сам разрушит одним выстрелом то место, где река разветвляется на девять рукавов.

И тогда стрелой с наконечником величиной с лопату выстрелил Тайваган Улаан Баатыр прямо туда, где разветвлялись девять рек, и разделил их. Взглянув туда, он увидел, что с этого места реки выбежала короткохвостая черная собака. Он стал преследовать ее, а когда нагнал, собака ушла в глубь земли. Проникнув в землю, она превратилась в переплетение корней земли и широко раскинулась. Когда же Тайваган Улаан уже вот-вот готов был поймать ее, она прыгнула в море. Когда она прыгнула в море, Глотатель озер Гёндервей снова заткнул себе рот и зад и выпил море. Враг остался на дне, превратившись в мелких рыбок. Они стали убивать этих рыбок, и одна из них сказала:

— Пусть про тебя забудут, а обо мне пусть вспоминают! — и, сказав так, исчезла.

Покончив с этим, Тайваган Улаан пошел проверить: Девятиглавый Андалва действительно был мертв. Они завладели его народом, велели ему следовать за собой и привели его в свои земли. Тут ханша Тойлу Гоо сказала бойцу нашего Хан Тёгюсека:

— Переруби-ка пополам эту младшую супругу Девятиглавого Андалвы вместе с ее лошадьёю! Он возродился в ее чреве и явится снова! И в конце концов он не даст вам жить! — так она сказала.

Подождал Тайваган Улаан медленно подъезжавшую к нему ханшу Девятиглавого Андалвы и разрубил ее пополам вместе с ко-

нем. И из чрева супруги Девятиглавого Андалвы выскочил мальчик вместе со своей пуповиной и начал сражаться с героем Тайваган Улааном, волоча за собой пуповину. Сражаясь друг с другом, попеременно побеждая друг друга, они оказались равны по силе и умению, и поэтому мальчик сказал:

— Если бы моя мать выносила меня положенное число дней и месяцев, разве я не проглотил бы тебя, эй, ты, сгусток крови! Разве я не проглотил бы тебя, комок грязи? Но не полны мои дни и месяцы! — И растекся он черной водой.

Эр Дунгсай тем временем все злился, и с каждым днем все хуже. А Хан Тёгюсвек был такой человек, что ничего этого не замечал. Когда в один прекрасный день ханша Тойлу Гоо, от рождения наделенная двадцатью пятью дарами предвидения, поглядела на Эр Дунгсая, тот все злился: выходя, глядел себе на каблуки, входя, глядел себе на носки. И, понаблюдав за Эр Дунгсаем некоторое время, поняла она, что тот собирается разрушить господство нашего Хан Тёгюсвека. Он взбунтовался, сказав:

— Теперь я разрушу его господство: он обманул меня!

Эр Дунгсай ведь стал когда-то младшим братом нашего Хан Тёгюсвека. Но Хан Тёгюсвек об этом забыл: он же был старым человеком, только и делал, что попивал себе арагы!

Когда же его супруга, ханша, по своей природе распознававшая суть вещей, понаблюдала за ним подольше, ей открылась новая сущность Эр Дунгсая. Ну и сказала она однажды Хан Тёгюсвеку об этой сущности Эр Дунгсая.

— Э, с чего этот ваш Эр Дунгсай всегда такой злой? Входя, глядит на носки сапог, выходя, глядит на каблуки; скажите-ка, что это значит, что с этим Эр Дунгсаем?

— Ой, я ведь совсем забыл! Когда Эр Дунгсай сражался за принцессу Хюн Хаана, Хана солнца, Хюмющей, я ведь обещал добыть ему принцессу Джес Хаана, Медного хана, Джесбекей. Он имеет полное право сердиться. Я пью арагы, стал стар и вот совсем забыл про это. Позовите Тайваган Улаана! — сказал Хан Тёгюсвек и отослал жену.

Услыхал это Эр Дунгсай — и что же? Тайваган Улаан Баатыр был тем, кто на краю ханства, иными словами, на границе охранял свой собственный участок земли, и вот к этому-то герою послал Хан Тёгюсвек Эр Дунгсая.

«Правда это? Или обман? — думал Эр Дунгсай, летя туда на своем Черном коне с белой звездой во лбу.

Когда он приехал, Тайваган Улаан Баатыр спросил:

— Ну, ты зачем приехал?

— О, наш старший брат Хан Тёгюсвек зовет вас. Он сказал, чтобы вы приехали.

— Н-да, ведь не было никакой причины звать меня, почему же он зовет меня, этот Хан Тёгюсвек? Я все-таки возьму с собой мое оружие! — сказал Тайваган Улаан Баатыр и, взяв свое оружие, с которым он обычно отправлялся на войну, сел на своего Темногнедого коня с обрубком хвоста и приехал в сопровождении Эр Дунгсая к юрте нашего Хан Тёгюсвека.

Когда они прибыли, вышла супруга нашего Хан Тёгюсвека и привязала лошадей прибывших богатырей на отдых к старому сандаловому дереву, так чтобы они были в тени молодого сандала. Потом она открыла дверь и впустила в свою юрту Тайваган Улаан Баатыра. Она разожгла для него огонь без дыма и сварила ему еду без пара. И сказал тогда богатырю Тайваган Улаану Хан Тёгюсвек:

— Ну вот, Тайваган Улаан Баатыр, причина, по которой я позвал тебя, такова: когда я поехал к принцессе Хюн Хаана Хюмюшдей и когда все герои бились за нее, тогда я сказал Эр Дунгсаю, что добуду для него принцессу Джес Хаана Джесбекей, и этим убедил его, вашего младшего брата, сдаться. А потом я об этом забыл. Это сказала ваша золовка, она мне об этом напомнила, — сказал он. — Ну, поезжай и возьми с собой твоего младшего брата. Поезжай помочь Эр Дунгсаю и возвращайся, — вот что сказал Хан Тёгюсвек. — А я пока останусь главой и хозяином твоего народа.

Тайваган Улаан Баатыр взял с собой Эр Дунгсая и снарядился в путь. Тайваган Улаан Баатыр велел своему младшему брату следовать за ним и поскакал точно на северо-восток. Скакали они, скакали, заранее условившись с Хан Тёгюсвеком о месяце, договорившись с ним о дне.

Приехали они в ту местность, где стоял большой белый храм. Эр Дунгсай был человеком, не много еще повидавшим на своем веку, поэтому он спросил о нем своего старшего брата Тайваган Улаан Баатыра:

— Что это за белый храм, а, старший брат?

И тогда Тайваган Улаан Баатыр рассказал ему:

— Ах, это вот что: в старое время, когда Хан Тёгюсвек был еще молодым и красивым и сражался с богатырями, он сжигал кости своих побежденных врагов, перемалывал их и построил из них этот храм. Это, стало быть, кости славных богатырей, — так сказал он.

И этот Эр Дунгсай, отважный парень, так ударил плеткой своего Вороного коня с белой звездой на лбу, что разрубил ему мясо на ляжке до кости, и крикнул старшему брату:

— Эй, брат, а нам хоть придется пережить такое? — и погнал своего коня.

Увидев это, подумал Тайваган Улаан Баатыр: «Ну и яростный паренек!» — и поскакал дальше, довольный и гордый своим младшим братом.

Ехали они, ехали. И приехали в другую местность, а там текла широкая река крови.

— До чего же красная вода, прямо как кровь! Что это за вода, скажите, старший братец? — спросил Эр Дунгсай.

— О, это кровь добрых мужей, наш старший брат Тёгюсвек отвел ее сюда, проведя канаву рукояткой своей плетки, еще тогда, в старое время, когда он сражался с добрыми и славными мужами, — так ответил ему тот.

Тут Эр Дунгсай опять сказал своему старшему брату:

— Эй, вы, а нам-то хоть придется пережить такое? — хлестнул своего коня и погнал его прочь.

Да, ехали они так, ехали и подъехали к стране того хана. А там было два охотничьих пса Джес Хаана — Узер и Гозар. Прислушался хан и слышит лай обоих псов. И сказал хан, отправляя своих слуг:

— Э, что это псы так лают? Поглядите-ка!

Один слуга вышел, вернулся и рассказал.

— Кажется, и впрямь явились сваты, — сказал он. — Сначала псы убегают с радостным лаем, а потом, лая, возвращаются во всю прыть.

Прошло немного времени, и слуги доложили:

— Вдали появились два человека.

Тут Тайваган Улаан поднял волосы на своем затылке дыбом, так что они, как иглы, прокололи дно его шапки и вылезли из нее, придав себе устрашающий вид и выехал вперед. Он подъехал, сошел с коня там, где рядами были привязаны кони всех богатырей. Подъехал Тайваган Улаан Баатыр точно к середине ряда коней всех героев, слез и сказал тогда своему младшему брату:

— Ты, стало быть, зять, а я — сват. Я сяду на почетном месте, а ты напротив очага, хорошо?

И, сказав это Эр Дунгсай, объяснив ему свое намерение, он вошел в юрту. Но, оглянувшись в дверях юрты, не обнаружил своего младшего брата, того Эр Дунгсая. А когда поглядел, то увидел, что тот помчался к лошадям, чтобы сравнить коня своего старшего брата — Темно-гнедого с обрубком хвоста — с лошадьми всех других богатырей. Потом он приблизился к своему старшему брату и крикнул:

— О старший брат, этот конь — Темно-гнедой с обрубком хвоста — вообще сверхъестественное создание, это — сокровище. Он на полметра выше и на метр длиннее всех лошадей этих богатырей! — Стало быть, он забыл те слова, которые ему были сказаны.

Ну вот, вошли они. А войдя, увидели, что юрта была полна собравшихся в ней богатырей. И направился Тайваган Улаан к месту рядом с местом хана, утопая в твердой почве до щиколотки, а в мягкой — до колен, а хан пододвинул ему свой трон на восьми ножках, Тайваган Улаан Баатыр-то! Тут спросил он его о здоровье его отца, спросил о здоровье матери и родных. И когда усаживались они, приветствуя друг друга, спросил его хан:

— Ну, по какой же надобности ты отправился в путь? Какую цель ты преследуешь! Как твое имя? — обо всем этом расспросил он богатыря Тайваган Улаана.

И сказал ему тот о своем происхождении:

— Я — богатырь, которого зовут Тайваган Улаан Баатыр, старший брат которого — благородный, великий Тёгюсбек. А вот там сидит Эр Дунгсай, мой младший брат, который не умирает, так как нет у него нити жизни, тот, кто растет, не зная возраста, — так сказал он.

— Если хану нужно сломать что-нибудь твердое, мы ему это сломаем! Если у него есть необъезженные кони, мы объедем их для него! Для того мы и явились! — сказал богатырь Тайваган Улаан.

Рядом с Тайваган Улаан Баатыром сидел еще один богатырь, и он сказал:

— Ты что, воображаешь, что, кроме тебя, нет другого доброго мужа, кто мог бы сломать для хана то, что у него есть твердого, объездить для него его необъезженных лошадей? — И начал этот

богатырь браниться. Тут уж и Тайваган Улаан Баатыр рассердился и стал ругаться, да так, что взметнулся нижний край войлочной крыши, так, что изо рта его выбивалось пламя. И все богатыри разбежались, осталось только три богатыря.

— Коли ты богатырь, то я-то уж и давно! — крикнул Тайваган Улаан Баатыр. Но так как богатыри начали ссориться и ругаться, хан сказал:

— Ну, парни, силой вам уж никак не получить нашу дочь, получите ее только ловкостью и мастерством в состязаниях, — и велел им прекратить ссору.

Тогда они стали готовить своих коней к состязанию — с этим сразу же согласились все.

— Откуда пустят лошадей? — спросил он, и ему ответили:

— Их пустят с того места, где сходятся земля и небо.

А еще должны были устроить состязания в борьбе.

— Кто из вас выиграет эти состязания, тот и возьмет мою дочь, — сказал хан. — Я сам присужу награду этому человеку.

Когда должны были начаться конные состязания, выпустили коней. И когда их выпустили, конь богатыря Тайваган Улаана задержался, а кони остальных богатырей усакали со своими всадниками. А Тайваган Улаан все не мог найти наездника для своего коня — Буро-гнедого с обрубком хвоста — и уже стал вырезать фигуру всадника, но тут пробрался вперед Эр Дунгсай:

— Давай, я пущу Вороного с белой звездой на лбу. Я сам сяду на него, сам поскачу.

— А нет, это не годится! На свете ведь больше того, что человек еще не изведаль, чем того, что он уже успел изведать! — сказал его старший брат Тайваган Баатыр. — Будь что будет, а я пошлю на скачки Буро-гнедого с обрубком хвоста, — сказал он.

Но никак не найти было мальчика-наездника для коня богатыря Тайваган Улаана. И тут из юрты-дворца дочери того хана выбежал мальчик, крича:

— Я — тот, кто поскачет на коне моего свояка!

И когда он уж сидел на коне, наш богатырь дал маленькому мальчику наставление, навьючил на бока коня по мешку, засунул за пояс мальчика у него за спиной множество мокрых и сухих прутьев и сказал:

— Когда из ушей твоего коня выступит пот, перережь веревки на мешках и сбрось их.

С этими словами он сунул ему в голенище свой ножичек с желтой рукоятью и пустил его.

Скакал мальчик, скакал. А слуги уже давным-давно скрылись из глаз. «Хан как будто назвал лошадей то, на чем я еду, но, может быть, я еду на быке?» — думал мальчик и лупил мокрыми и сухими прутьями до тех пор, пока от них не оставалась одна сердцевина.

И вдруг посреди степи его конь заговорил:

— Эй, остановись, мой мальчик! Есть ли там что-нибудь посреди этой голой степи? Посмотри-ка хорошенько! — так сказал конь тому мальчику. Вгляделся туда мальчик пристально и увидел в голой степи какой-то рой, что-то вроде тучи комаров.

— Посреди голой степи виднеется что-то черное, словно туча комаров, — сказал он.

— Да, это они! — ответил конь, и мальчик снова поскакал. Скакал он, скакал. Приблизился он к ним. Когда юноша приблизился и слуги увидали его, они остановились. Подошли они к мальчику, и их старые бабы поспешно сбросили свой дорзук с хойтпаком.

— Пить хочешь? — спросила одна из старух, и он ответил:

— Хочу пить, бабушка!

Тогда одна из них вытащила свою пиалу и налила в нее хойтпака до краев. Мальчик взял хойтпак и уже хотел залпом выпить его, как его конь встряхнулся с силой, и пиала вылетела, описав большую дугу, из его руки. А мальчик проводил глазами упавшую пиалу и увидел, что хойтпак проел в земле дыру.

— Да выключают ему глаза вороны и сороки! — так кляли и ругали коня слуги, и, ударив его хорошенько по голове, они унеслись галопом, да так, что груди тех служанок хлопали.

Теперь мальчик, бедняга, понесся галопом и опять поскакал им вслед, но конь его не мог догнать их. Расстояние между ними никак не сокращалось, и он не понимал, в чем здесь дело, может быть, его конь скачет медленно. Скакал он, скакал и наконец догнал слуг. Те ехали, откусывая на ходу от больших ломтей сушеного творога.

— Эй, мальчик, хочешь есть? — спросила одна служанка, и он ответил:

— Да, я уже проголодался, бабушка!

Она вытащила из кожаного мешка большой кусок сушеного творога и протянула ему. Но в тот миг, когда мальчик взял его и хотел было уже откусить от него кусок, лошадь его сильно встряхнулась, и кусок сушеного творога вылетел, описав большую дугу. И, опять обругав и прокляв коня, слуги снова унеслись с шумом и хлопаньем.

Мальчик догнал их, когда слуги, уже добравшись до места, где сливаются земля и небо, подвязали головы своих коней и спали, закрыв головы своими лавшаками. И, подвязав голову своего коня, мальчик тоже заснул. Конь не сводил с него глаз, так как считал: «Вот теперь эти враги наверняка причинят вред мальчику или убьют его». И, не сводя с него глаз, он охранял его. После долгого бдения он заметил, что слуги стали собираться в путь. «Ну, погодика, пусть только уберутся! А то эти злыдни могли бы навредить нашему мальчику. Пусть мальчик поспит еще немного», — думал конь и ждал, ждал.

Ха, но ведь уже прошло время, когда мальчику пора было бы вставать. Конь с силой откинул голову назад и оборвал свой повод, с силой рванул голову вперед и порвал свою узду, подбежал к нему и увидел, что они давно уже влили в рот мальчику яд и убили его. Мальчик лежал уже весь позеленевший.

Конь чихнул по-человечьи, фыркнул по-лошадиному, так уперся в землю, что обнажилось переплетение корней земли, и, взглянув вверх, обмахнул своей челкой облака Гурмусту, да так, что они пролились, обрушив на тело юноши целебный ледяной град,

вымывший из него яд, и так он оживил мальчика. А оживив мальчика, он сказал:

— Да, мой мальчик, крепко же ты спишь! А слуги давным-давно уехали. Быстро садись на меня!

И только собрался мальчик вскочить на него, как его Темногнедой с обрубком хвоста сказал:

— Эй, мой мальчик, скачи и отколи себе вон от того вечного снега кусок льда размером с коленную чашечку и сунь его в свою суму!

Мальчик бросился туда, отколол лед, сунул его в свою суму, сел и поскакал, поскакал.

В пути конь его сказал:

— А теперь, мой мальчик, погляди туда, на середину этой голой степи! Видишь ли там слуг хана, уехавших уже давным-давно, в назначенное им время, или, может быть, видны хотя бы их очертания?

Мальчик спешился, отер глаза от слез и, когда взглянул попристальней, увидел что-то вроде тучи комаров.

— Эй, среди этой голой степи можно различить что-то вроде тучи комаров, — сказал он.

— Садись скорей на меня! — сказал конь, и тот вскочил на него. — Срезай мешки и сбрасывай их, мой мальчик, — сказал еще конь, потому что этот мальчик совсем забыл о том, что велел ему сделать старший брат. Срезав мешки, мальчик поскакал, поскакал. А уж конь его мчался!

Он мчался так, что мальчику этого было не выдержать. Маленький мальчик не мог вынести такой быстрой скачки. Когда ему грозила опасность упасть вперед, конь поддерживал его своей длинной гривой, а когда он всей тяжестью перемещался назад и ему грозила опасность упасть, конь подпирал его корнем своего хвоста — вот как приходилось коню скакать! Он скакал, и из его гривы неслись голос птицы дженг, а из хвоста его неслись голос лебедя.

И так помчался он, что мальчику опять было не вынести такой скачки, и тогда конь превратил мальчика в золотого клеща и прочно прикрепил его к волосам своей священной гривы. И, укрепив его там, он помчался, помчался. А потом в местности, где вражеские слуги могли уже увидеть его, он волшебством заполонил все небо облаками и полетел среди облаков.

Он летел и с высоты своего полета увидал в одном месте слуг, действительно слуг, очень враждебно настроенных.

— Да уж, конь под этим вражиной — настоящий враг! Вот там, видите? Он над вами, конь богатыря Тайваган Улаана! — крикнул один из них, свернул свой канат из четок длиной в семьдесят саженей и набросил на него как аркан. Когда он бросил свой аркан, тот попал на шею коня, летевшего в облаках. Но, упав на землю, конь выскользнул из петли, будто быстро рассеявшийся дым. Выскользнув, он помчался теперь по земле. Хан и богатыри, пустившие своих коней задолго до него, говорили:

— Вот бежит мой конь! Это пыль от моего коня! — И каждый приготовился изловить его.

Один Тайваган Улаан Баатыр не сказал ни слова. Он узнал своего коня по тому, как тот вздымал пыль, и, когда сам он появ-

вился, герой приготовился, вогнал в конец своего укрюка стальной крюк и, подняв заднюю полу, засунул его за пояс, подняв переднюю полу, заткнул его за пояс.

Конь его как ни в чем не бывало летел мимо! Но Тайваган Улаан крючком попал в оба его трензельных кольца. Встретив препятствие, пойманный на крюк конь протащил его за собой на расстояние, равное половине дня пути, и только тогда смог он повернуть своего коня. Казалось, повернулись вместе с ним благородные Алтай и Небо, и все богатыри глазели на них.

И привел тогда Тайваган Улаан Баатыр своего коня и поставил его, высоко подвязав ему голову, и, когда прошло времени в два раза больше, чем нужно коню, чтобы отдохнуть после скачек, только тогда стали постепенно приходить кони других героев. И тогда наш герой спросил:

— Ну что, хан, выиграл я это состязание?

— Конечно, ты выиграл! Но теперь будут еще два состязания, — ответил тот.

— Какие же будут теперь состязания?

И на это хан сказал так:

— Мы будем стрелять через три верблюжьи поклажи дров в **три черных камня размером каждый с быка**, и сквозь ушки трех **штопальных игл мы будем стрелять через отверстия в тазовых костях трех лис**.

Насадил они тогда на шесть тазовые кости трех лис, воткнули три штопальных иглы, привязали три верблюжьи поклажи дров и сложили их в кучу, положили там три камня величиной с быка, а потом богатыри приготовились стрелять.

— А кто же будет стрелять первым?

— О, — сказали, — стрелять будет богатырь нашего Хан Тёгюс-века Тайваган Улаан, у которого чуть ли не миллион религий, чуть ли не десяток тысяч бурганов.

— Ну нет, этому не бывать! Богатырь Тайваган Улаан не может стрелять первым! Мы этого не допустим, ведь здесь сам хан, нет, этому не бывать! — сказали другие.

Ну, раз первым должен был стрелять хан, попросили его стрелять самолично. Выстрелил сам хан и попал сквозь ушки трех штопальных игл, выстрелил так, что загорелись три верблюжьи поклажи дров, выстрелил сквозь отверстия в тазовых костях трех лис, разбил два из трех черных камней размером с быка, но в третьем его стрела застряла.

— Ну, кто будет стрелять теперь?

— Теперь будет стрелять богатырь Тайваган Улаан!

Тайваган Улаан Баатыр так насекал свою стрелу, как никогда еще ни одной не насекал, и натянул тетиву. Он натянул тетиву так, что из кончиков его пальцев тридцать дней подряд, девяносто дней без конца капала густая черная кровь и хрящевые края его лопаток на четыре пальца зашли один за другой.

— Вот теперь я натянул достаточно! — сказал богатырь Тайваган Улаан. И тогда молвил его младший брат Эр Дунгсай:

— Я — тот, кто поймает стрелу моего старшего брата, я не дам ей упасть на землю! — вскочил на своего Вороного коня с белой звездой на лбу и приготовился. Тут Тайваган Улаан Баатыр спустил свою стрелу. Спустив ее, он разорвал ушки трех штопальных игл и поджег три верблюжьи поклажи дров. Попал он и в отверстия тазовых костей трех лис, и, расколов еще три черных камня размером с быка, стрела его полетела к подножию Серого холма согласия⁷. Но тут, не касаясь земли, прискакал Эр Дунгсай и, свесившись с коня, поймал ее. Не свалив коня Тайваган Улаан Баатыра, прискакал Эр Дунгсай.

— Ну, хан, выиграл я оба состязания? — спросил он.

— Ну да, конечно! А теперь будут сражаться друг с другом борцы.

Сказали:

— Будет бороться богатырь Тайваган Улаан!

Тайваган Улаан Баатыр, приготовившись, подумал: «Ведь еще никто и никогда не смог выдержать вони, идущей от борцов из ханского рода». Поэтому он откусил обе пуговицы со своего ворота и засунул их себе в ноздри, потом Тайваган Улаан Баатыр оделся и приготовился.

А тем временем от юрты-дворца хана — по четыре человека справа и слева — гнали вперед мечами и копьями черного вонючего борца хана. Помня, что это старый борец хана, герой сначала только из уважения, для виду боролся с ним два-три дня, а потом раздал его на плоской скале, вырвал у него легкие и сердце и крикнул:

— Развари сердце своего старого быка, хан, и съешь его! — И с этими словами он швырнул его вверх, туда, где перекрещиваются девять раз перекладыны дымового круга, — вот что сделал богатырь Тайваган Улаан.

А тем временем в качестве среднего борца хана появился вонючий черный мангыс, но и этого вонючего черного мангыса он вбил, уничтожив его, в землю.

— Развари сердце своего среднего быка, хан, и съешь его! — крикнул он и швырнул его на девятикратное скрещение перекладын дымового круга.

Теперь пришло время бороться с Тайваган Улаан Баатыром сыну Неба — богатырю по имени Бай Терек — Богатый тополь; это был один из трех упоминавшихся богатырей. Бай Терек приблизился, исполняя танец орла, и оба славных богатыря прыгали орлами друг около друга тридцать дней без перерыва, девяносто дней без конца и все-таки не могли по-настоящему распознать, кто же из них истинный борец. Потом схватили они по холму, поросшему лесом, и бились ими, касаясь друг друга кончиками пальцев, и бились друг с другом так, что образовалась котловина, через которую и коню было не перескочить. Когда оба добрых мужа стали бороться, птица, сидевшая на яйцах, не могла увидеть своих яиц, кобыла, ведшая за собой жеребенка, не могла увидеть жеребенка — вот сколько было поднято пыли! Внимательно наблюдал наш богатырь за сыном Неба Бай Терек и понял, что причина его непобедимости в том, что это был человек, силы которого никогда не иссякали.

Сражаясь с ним, богатырь Тайваган Улаан все пытался уразуметь: что же это за человек, и оказалось, что это человек из стали. «А что, если ударить его о край скалы,— думал он,— оттеснить его туда, сломать и скинуть стальное его тело?»

И стал он теснить его к скале то туда, то сюда и, оттеснив его к огромной каменной глыбе, высоко поднял и швырнул его о скалу. Вот тогда этот борец Бай Терек рухнул и разбился.

«Да, и этот был из славных мужей!»— подумал Тайваган Улаан, прочел по нем молитву и проделал ему отверстие в сальнике — над внутренностями. Потом окутал тканью его лицо, и так, охранив его тело приличествующим образом, борец Тайваган Улаан удалился.

Но теперь явился средний сын Неба, человек по имени Темир Терек — Железный тополь. Ведь было два небесных героя. И теперь он боролся с Темир Терекком и думал: «Наверное, этот тоже создан из стали?» Он стал теснить его, загнал на скалу и тоже переломил.

«И он добрый герой!»— подумал наш герой, сжег его кости, смолот их и сказал:

— Пусть увидят это грядущие поколения!

Потом построил храм и удалился.

Но оставался еще один борец. Против этого последнего борца выпустил Тайваган Улаан сражаться своего младшего брата Эр Дунгсая. У Эр Дунгсая, бедного, не было даже подходящей одежды, на нем была только обветшалая шуба. И все-таки он прибежал, подняв и заткнув за пояс заднюю полу своей обветшалой шубы, подняв и заткнув за пояс ее переднюю полу.

Явился и богатырь, сын Албын Джоданга, имевший обыкновение стрелять из-за шестидесяти горных хребтов, вышел, исполняя танец орла, на ту площадь в одежде с несметным множеством пуговиц, такой, в какую обычно одевают покойников.

Когда он выступил вперед, Эр Дунгсай крикнул:

— Ах ты избалованный, заласканный, ну-ка, быстро сюда! — И помчался на него без удержу. Но что это? Только схватил тот Эр Дунгсая, как уже и уложил его! Увидел это Тайваган Улаан Баатыр и разъярился:

— Ах ты дерьмо! Тебя, оказывается, так просто победить! Какой позор! Боже мой! — Так закричал его старший брат Тайваган Улаан Баатыр.

А Эр Дунгсай тем временем с улыбкой, со смехом вскочил снова на ноги, подбежал и стал бороться. Трижды умирал он и становился с каждым днем все лучше, становился со дня на день сильнее, и всё боролись и боролись они друг с другом. И тут из десяти пальцев рук Эр Дунгсая выскочило десять ножей с желтыми рукоятками, из двадцати пальцев его рук и ног выскочило двадцать ножей с желтыми рукоятками, так что стоило ему схватить врага, как ножи отделяли мясо врага от костей, а стоило ему наступить на него, как десять ножей на пальцах его ног отрубали мясо врага от костей.

Так он свалил борца на этом месте и, отделяя его мясо от костей, убил его.

— Ну как, хан, выиграли мы три состязания? — спросил он.

— Да, да, так оно и есть! — отвечал тот.

Тогда направились оба брата друг за другом к юрте принцессы Джес Хаана Джесбекей и вошли в нее. Она разожгла для них огонь без дыма, сварила еду без пара, тут они выпалились и отдохнули, оба брата. Хан бросала свои золотые карты и играла в свои серебряные шахматы.

И вот однажды хан велел сказать, чтобы явился его зять Тайваган Улаан Баатыр. Позвал он его и сказал:

— Теперь ты мой зять. Разве не говорят:

Для выполнения поручений годится зять,

Для угощения гостей годится горная мушмула.

Мои коровы давно уже остаются яловыми. Разве не говорят, что на севере живет Синий бык. Нельзя ли доставить мне его сюда?

— О, конечно, можно! — сказал Тайваган Улаан Баатыр, вышел и поскакал на коне к этому быку.

Скакал он, скакал, и, когда добрался до того места, где бык мог его почуять, превратился он в огненного змея. А когда добрался до места, где бык мог увидеть его, превратился в золотого клеща и, добравшись до быка, спрятался в шерсти на его крупе. А там уж взнуздан он его девятирядным недоуздом длиной в девять саженей, сплетенным из четок, и повел быка за собой. А когда он его повел, бык ревел, ему не хватало дыхания, он был уже еле жив.

— Если ты тот, кто убьет меня, то убей! Если ты тот, кто сотворит мне благо, сотвори мне благо! Мне уже нечем дышать! — молил его бык.

— Бог мой, я пришел вовсе не убить вас, и я пришел не сотворить вам благо. Я — тот, кто пришел взглянуть на вас, — сказал он быку. И тут он открыл быку свое намерение, и тогда они поклялись друг другу золотой клятвой, призвали оба на свое темя Бурган Очира и поклялись друг другу стать друзьями.

— Коли так, приведи меня на середину загона для ханского скота и крепко привяжи там, — сказал бык.

Тайваган Улаан Баатыр возвратился, ведя быка, привязал его посередине загона для ханского скота, а сам пошел в юрту своего младшего брата.

А бык ревел с такой силой, что хан и ханша лишились рассудка, так как им не найти было места, куда бы спрятаться от рева.

Через трое суток хан велел позвать к себе богатыря Тайваган Улаана, послал за ним бегом своих слуг. Пришел туда Тайваган Улаан Баатыр, а они, оказывается, отправляли в юрте все свои надобности, оба этих старика, и вонь в ней стояла невообразимая.

— А теперь, дорогой зять, дай своему быку все, что хочешь ему дать, но потом отошли его! Пусть уйдет от нас.

— А что, коровы ваши уже стали стельными, произошло ли это? — спросил он.

— Ах, мой сын, не можешь ли ты сам разузнать, удалось это или нет? — сказал хан.

Тогда он вышел, снял со своего быка недоуздок и отпустил его. И взревел тот, взревел, проглотив треть людей, а потом повернул на север и помчался туда огромными прыжками.

Однажды Эр Дунгсай сказал:

— Ну, дитя мое, пойди в юрту своих родителей, а потом возвращайся. Наш народ воинственный, наша страна далеко. Разве не говорят:

Гость, прибыв однажды, снова домой вернется,
Небо, пославшее дождь, снова прояснится.

Пришло нам время уехать, и мы поскачем!

Девушка пошла в юрту своих родителей и сказала:

— Ну вот, отец и матушка, мы решили уехать. «Иди к своим родителям, навести их и возвращайся», — сказал он мне, наш-то. И я пришла навестить вас.

— Это хорошо, дитя мое, ведь правду говорят:

Гость, прибыв однажды, снова домой вернется.
Небо, пославшее дождь, снова прояснится.

Он поступает правильно, что хочет уехать. Что возьмешь ты с собой из вещей? Что возьмешь из скота, дитя мое? — спросили старики.

— Если что-нибудь понадобится, то ведь никак нельзя сказать, что мне не хватит вещей Эр Дунгсая. А одеться — для того есть его платье, что касается скота — нельзя сказать, чтобы его скота было недостаточно. А если уж хотите дать мне что-нибудь, то я взяла бы плетку матушки с рукояткой из тамариска, я взяла бы красную накидку моего отца — я могла бы накинуть ее от дождя, — сказала она.

— Не-е-е-т! Это вещи, с которыми мы не можем расстаться, дитя мое. Если мы с ними расстанемся, мы погибнем, дитя мое, — ответили старики и ничего ей не дали.

Раз они так сказали, девушка выбежала из их юрты. Но когда она выбежала, старики снова позвали дочь, и теперь — полуплача, полусмеясь — мать дала ей плетку с рукояткой из тамариска, отец дал ей свою красную накидку, а потом они отпустили ее.

На следующее утро они снялись с места. Богатырь Тайваган Улаан отправил в путь новую юрту и ехал, ехал следом за ней. Но когда он оглянулся, то увидел, что за ним едет весь народ хана. И так как весь народ уехал, на месте осталась только одна юрта-дворец хана, большая и круглая. А хан с укрюком и старуха с медной поварешкой в руках бежали за своей дочерью, крича и заклинавая:

— Ах, дочь моя, дочь моя, махни хоть раз рукой!

Когда их дочь махнула раз рукой, часть народа отстала. И опять побежали за ней старики, крича ей вслед:

— Махни еще раз другой рукой!

Тут Тайваган Улаан Баатыр оглянулся и увидел, что толпа, следовавшая за ним, слишком тесна и малоподвижна для такого далекого путешествия. Поэтому он сказал Эр Дунгсаю:

— Скажи своей невесте, чтобы она махнула им разок рукой.

И тот сказал:

— Ну-ка, махни хорошенько рукой!

И когда она махнула рукой, то народ с легкой поклажей стал отставать и остановился. А оба брата — Тайваган Улаан Баатыр и Эр Дунгсай — все скакали вместе и скакали.

Когда они добрались примерно до середины пути, настало время сделать привал на ночь. Они переночевали, а когда встали на следующее утро, увидели: жена Эр Дунгсая, которую они добыли, исчезла.

— Куда же она подевалась?

Выезжай и ищи по всей стране — ничего не найти! Расспрашивай людей — ничего не узнать!

Эр Дунгсай был человеком, способным к превращениям. Превратился он, значит, в птицу и стал летать вокруг. Искал он в своей собственной стране — не найти ее! Три-четыре дня подряд искали оба, Эр Дунгсай и Тайваган Улаан Баатыр, и не нашли ее, эту невесту.

— Куда же она подевалась? Для того, кто пережил все это вместе с нами, мы правдивы, а для того, кто не пережил этого, мы лгуны, — сказали они, и оба, Тайваган Улаан Баатыр с Эр Дунгсаям, сели и заплакали. Но делать было нечего. Эр Дунгсай и Тайваган Улаан Баатыр велели своему народу продолжать путь и поскакали вперед. Поскакали они, и, приблизившись к землям хана и к его айлу, оба брата, один возле другого, медленно направились к юрте нашего Хан Тёгюсека:

— Для того, кто пережил все это вместе с нами, мы правдивы, а для того, кто это не пережил, мы лгуны. Мы увезли принцессу как положено. Но посреди пути, там, где мы сделали привал на ночь, она исчезла. И нет места, где она могла бы быть, нет места, куда она могла бы уйти.

И тогда заговорила Тойлу Гоо — это была ханша, которая от рождения была одарена двадцатью пятью дарами предвидения:

— Ах, скажите, пожалуйста, куда она денется! Вы сказали: «Куда пропала принцесса Джес Хаана Джесбекей?» Найдется она, — так сказала супруга хана Тойлу Гоо.

— Если хватит вам сил, то я вам скажу, ладно, — так она, кажется, сказала. — Под землей есть еще один враждебный нам богатырь по имени Хортан Шар Могай — Ядовитый желтый змей, который имеет привычку глотать все подряд. Этот Хортан Шар Могай появился из нижнего мира, проглотил ее и удалился. Он ушел на дно моря, там и лежит. — Не так ли она сказала?

Ночью, уложив свой народ отдыхать, сошлись вместе все двенадцать братьев, а если спросят, кто созвал их, то был это Эр Дунгсай, он собрал всех, облетев их серым соколом размером с быка, и все они отправились на поиски дочери хана — супруги Эр Дунгсая.

Поскакали они и, поглядев в подзорную трубу с вершины большой горы Сямбер, увидели они, что посреди моря лежит на дне Хортан Шар Могай, превратившись в монету с дыркой посередине. Тайваган Улаан Баатыр сказал Хан Тёгюсеку:

— Конец моей стрелы с насечкой трижды всплывет и трижды утонет, приглотываетесь, вы должны будете накинуть на него аркан.

Потом он стал натягивать лук — три дня без передышки, девять дней без остановки, и, когда из концов его пальцев начала капать черная кровь и хрящи его лопаток на ширину четырех пальцев зашли один за другой, сказал Тайваган Улаан Баатыр:

— Ну, теперь я натянул достаточно!

Хан Тёгюсвек стоял наготове. Тайваган Улаан выпустил свою стрелу, и они стали следить за ней. Море заходило волнами, всплыл в первый раз конец стрелы, но не поймалась стрела на аркан и снова погрузилась в воду. Поднявшись во второй раз, она снова утонула, когда Хан Тёгюсвек еще только хотел забросить аркан. Но в третий раз — только стал ее конец высываться, как Хан Тёгюсвек мигом закинул аркан, и он трижды охватил раздвоенный конец стрелы.

Потянул он, не сходя с коня, аркан, сплетенный из четок, а двенадцать богатырей были уж тут как тут. Конец стрелы с насечкой всплывал и пропадал, всплывал и пропадал. Когда он остановился, двенадцать братьев, не сходя с коней, помогли вытащить стрелу, а когда они ее вытащили, за ней вытянулось и все море. Что же оставалось еще Хортан Шар Могаю — пришлось и ему вылезти из моря. Вытащили они Хортан Шар Могаю, взрезали ему брюхо и распластали его мясо; когда они взрезали Хортан Шар Могаю брюхо, то из него полезли вниз люди элётские и полезли вверх люди тувинские. Но, даже убив чудовище, они не нашли ханши.

Тут уселись двенадцать братьев и давай все вместе плакать.

— Ее не найти, — сказали они.

— Да, плохо дело, — сказали они.

Тут прилетела крохотная черноголовая птичка и защебетала, кружа над ними в воздухе. Эр Дунгсай, понимавший язык птиц, сказал:

— Она кричит: «Мизинец, мизинец!» — к чему бы это, а?

Когда он сказал это, кто-то спросил:

— А вы надрезали мизинец этого вашего врага?

И тогда они побежали туда и стали разглядывать искромсанное мясо, а когда поглядели они попристальней, то увидели, что мизинчик — тако-о-о-й маленький^а — остался неразрезанным. Взрезали его, а в нем сидела ханша — еще в два раза красивее, чем раньше!

И так как они наконец нашли ее, обрадовались двенадцать братьев и поскакали назад. Все двенадцать в ряд — бок о бок — вернулись они домой.

Устроили они большой пир.

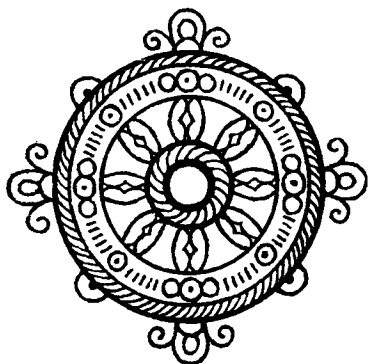
Такой, что сирота не смог поднять своей полы,

Что сука не могла поднять своего брюха,

Устроили большой праздник,

Забив серого барана своего бога.

И так жили они и дальше.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

18. Почему рассказчику не следует заставлять долго просить себя

Один юноша, постигший в совершенстве искусство рассказывания сказок и усвоивший много разнообразных знаний, женился на ханской дочери.

Ожидалось, что в день свадебного пира он расскажет хоть несколько своих сказок, так как всем не терпелось познакомиться с его искусством. Но как ни просили его об этом гости, из жениха не вытянуть было ни слова. Не стал он ничего рассказывать и тогда, когда его попросил об этом сам хан.

Когда наступил вечер и принялись за мясные блюда, жених заметил, что оставил нож в своей новой юрте, и попросил маленького мальчика принести его.

Мальчонка побежал к новой юрте и только собрался войти в нее, как вдруг увидел в ней троих людей, которых только что там не было.

Они лежали на почетном месте у очага, каждый положив голову на ноги другого, как на подушку, и беседовали.

Мальчик стал за дверью, прислушиваясь, и услышал, о чем они говорили.

— Но ведь этот юноша и впрямь дурной человек! Он усвоил столько знаний, а держит их в тайне от других людей. Он не имеет права так жить. Завтра мы убьем его на дороге, когда он откочует со своей юртой, возьмет с собой жену и отправится на родину со всем своим скотом и имуществом.

И первый добавил:

— Я убью его, наслав на него в пути грозу, и он погибнет, попав в потоки воды, несущиеся с гор.

Второй добавил:

— А я убью его, сбросив ночью на его ложе кусок скалы, как только он на него уляжется.

И третий добавил:

— Я убью его, повалив на его ложе дерево!

А потом сказали все трое:

— Того же, кто расскажет ему, о чем мы сейчас говорили, в ту же минуту унесет вода, и в ней он погибнет!

Эти трое были владыками знаний.

Побежал малыш назад к юрте хана. А там гости давно уже съели все мясо. Спросили они мальчика:

— Что ты там застрял?

И он ответил:

— Я все обыскал в вашей юрте, зять, но так и не нашел вашего ножа.

Когда рано утром пришло время хану провожать свою дочь и зятя в далекий путь, этот маленький мальчик сказал:

— И я буду сопровождать мою сестру и брата.

Стали люди отговаривать:

— Ты мал еще, тебе это не по силам, их проводят до места подданные хана и воины.

Тогда мальчик вбежал в загон, поймал черного, как ворон, ягненка, вытащил его и сказал:

— А знаете, что сказал этот ягненок?

Все удивились и замолчали.

— Так слушайте! Дочери хана и его зятю грозит опасность. В пути они не должны приближаться ни к воде, ни к скале и не должны идти вблизи деревьев. Не я говорю это, а черный ягненок. А теперь глядите, правда это или нет! Не успеете вы и глазом моргнуть, как его унесет поток воды.

С этими словами он выпустил черного ягненка, и тут разверзлась земля, оттуда хлынул поток воды, и не успели они и глазом моргнуть, как черный ягненок утонул в нем.

19. Отгек Джуман

Давным-давно, в самое раннее из ранних времен, жил храбрый человек по имени Джагыр Мерген. Этому храбрецу было уже девяносто девять лет. Оружием ему служил желтый лук длиной в девяносто сажень, он любил охотиться с ним, объезжая девять балок. И было у него девяносто желтых коз, и пас он их в своих девяти балках. Была у него умная голова, и он угадывал и понимал все, что ни случалось на свете. И было у него трое сыновей. Старшим был Майышгак, средним — Шойушгак, а младшим — Отгек Джуман.

И сказал в один прекрасный день девяностодевятiletний Джагыр Мерген:

— Настал мой час умереть, сыновья мои. У подножия вон той горы есть три поминальных камня — белый, черный и красно-бурый. Сложите рядом могильный холм и похороните в нем мои кости. И я хочу лежать там три моих последних дня и чтобы вы, мои сыновья, приходили туда по очереди три ночи и охраняли меня!

Едва старик ушел, Майышгак и Шойушгак забили желтого козла — вожака девяносто девяти желтых коз и заставили Отгека Джумана сделать за себя всю работу.

Вечером Отгек Джуман побежал со всех ног, принял к своему отцу, лежавшему рядом с надгробными камнями, и рассказал ему обо всем. Поцеловал старик младшего сына, а слезы капали из его пестрых глаз, как жемчужины. С наступлением дня отпустил старик сына, сказав:

— Не приходи сюда больше, пусть придут теперь твои старшие братья.

Пришел Отгек Джуман к старшим братьям и передал им слова отца. Весь день собирал он хворост, носил для них воду. А братья его ели жареное мясо, копались в черном сундуке отца, ссорились и спорили из-за его вещей и все забрали себе.

Наступил вечер, и, так как было не похоже, что кто-нибудь из братьев пойдет к отцу, Отгек Джуман не выдержал и побежал к нему. Опять рассказал отцу обо всем. Слезы покатались рекой из прекрасных глаз старика. Он поцеловал своего бедного сына и взял его к себе на ложе. Как только наступило утро, он отпустил сына, сказав ему те же слова, что и прошлой ночью.

Вернулся Отгек Джуман домой, братья дали ему лишь миску сыворотки и опять заставили работать весь день. А сами, мерзавцы, наевшись досыта мяса, опять не пошли к отцу, сказав:

— Мы идем на ханские состязания.

А бедный Отгек Джуман, как только начало вечереть, опять побежал к своему отцу и лег возле него. Рассказал ему все, что случилось. И вдруг отец говорит ему:

— Ах, мой мальчик, твоим братьям нечего делать на таких ханских состязаниях! Но хотел бы я знать, не подойдет ли это тебе.

И еще сказал он своему сыну:

— Пойди туда к своим братьям и помоги им!

Ответил Отгек Джуман:

— Не пойду! — и рассказал, как старшие братья заставляли его работать, как они его ругали. Слезы, словно жемчуг, брызнули из пестрых глаз отца, а потом он сказал:

— Три ночи прошли, и все три ты приходил ко мне. Тому, кто приходил, суждено счастье. А тому, кто не приходил, не повезет! По крайней мере пусть твоими будут три ущелья!

Пошли они к входу в большое белое ущелье и, заглянув туда, увидели целый табун пятнистых белых лошадей. Ближе всех к ним стоял большой белый конь с гривой до самой земли.

— Вот скакун, посвященный Небу! — сказал отец. — Он понесет, как ветер, того, кто поскачет на нем!

Посмотрел юноша хорошенько и увидел наверху, на отвесной скале, сапоги и мужскую одежду, седло и сбрую, желтый лук длиною в девяносто саженей с колчаном и коня с сильными клыками. Отец закрепил на коне седло, взнуздal его, велел Отгек Джуману надеть сапоги и платье, вооружиться отцовским луком и стрелами и сказал:

— Быстро скачи над облаками!

Пустил Отгек Джуман своего коня над облаками и, перелетев через юрту-дворец хана, опустился опять на землю и был тут как тут. Прислонил он свои стрелы и лук к юрте-дворцу хана, а она от этого чуть не рухнула. Тогда он крепко подвязал своему коню голову назад, а стрелы и лук подвесил к седлу. И пошагал к юрте, в которой сидели богатыри, и каждый, кто встречал его на пути, думал: «Что за красавец! Откуда он взялся?» И так как всем хотелось познакомиться с ним, народ повалил толпами к этой юрте. Даже хан удивился такому шуму и тоже подошел туда. Отгек

Джуман, сидевший на почетном месте, вскочил, как только вошел хан, и предложил ему свое место, сказав:

— Высокий господин, сядьте на почетное место!

Но хан, пораженный его красотой, ответил:

— Уй, уй, мой мальчик, сиди, сиди!

Да так и не закрыв рта, уселся у самой двери.

Отгек Джуман спросил хана:

— Я приехал, так как хотел бы принять участие в ваших больших состязаниях. Можно ли участвовать в них такому худому человеку, как я?

— Мы позволяем тебе это. Победит лучший среди мужей, а придет первым лучший из коней, не так ли? — ответил хан.

Отходя от юрты, хан трижды обошел вокруг коня и снаряжения Отгек Джумана, осмотрел все и очень удивился.

Когда пришло время бежать скаковым лошадям, Отгек Джуман сказал:

— Позвольте ли вы бежать моему жалкому двухлетку с клоком прошлогодней шерсти? Нет у меня даже мальчика, который поскакал бы на нем. И я подумал, не сесть ли мне самому на него?

И хан на это ответил:

— Ну, конечно, мой мальчик, конечно!

А когда Отгек Джуман спросил: «На расстояние во сколько лет пути пустим мы наших лошадей?» — хан удивился:

— Почему же на расстояние лет? на расстояние нескольких дней!

И пустили они коней наперегонки на расстояние в три дня и три ночи. Бело-каурый конь Отгек Джумана, оставляя за собой облака красной пыли, первым промчался по трем равнинам, трем долинам. Лишь через два дня стали приходить медленной рысью другие кони, усталые и измученные.

Когда хан преподносил награду за самого быстрого коня, младшая из трех его дочерей, стоявших с ним рядом, тайно пометила Отгек Джумана своим знаком.

Получив высокую награду, он на обратном пути, заклиная, дунул на своего прекрасного белого коня, на свои стрелы и лук, сапоги и платье, спрятал их, снова надел прежние нищенские сапоги и платье и вернулся в свою юрту.

Вечером Майышгак и Шойушгак говорили друг другу:

— Ах, как прекрасен был конь юноши, выигравшего состязания, и как прекрасен был он сам! И он — тезка нашего Отгек Джумана.

Наутро, когда старшие братья снова собрались уходить и крикнули: «Мы отправляемся на праздник!» — Отгек Джуман сказал:

— Я тоже пойду туда.

Не разрешили ему этого Майышгак и Шойушгак, затолкали бедного Отгек Джумана в загон для телят, заперли дверь, прислонив к ней тяжелый камень, и уехали.

Как только оба старших брата ускакали, сдвинул Отгек Джуман подпиравший дверь камень, отбросил его и вышел на волю. Побежал он к входу в свое красно-бурое ущелье и раздвинул его.

В красно-буром ущелье было полным-полно красно-бурых пятиных лошадей, они едва в нем помещались, и ближе всех к нему стоял красно-бурый конь, огромный, как красно-бурая гора Алтая, а грива его мела землю. За ним на отвесной красно-бурой скале лежало все, что было ему надобно: сапоги и платье, седло и узда и его оружие. Всему этому он нашел место, а затем со свистом пронесся на своем коне через красно-пестрые небесные облака, не теребя из виду юрты хана.

И опять опустился он за юртой, пустил своего коня иноходью и спешил к юрты-дворца хана. Он высоко запрокинул и крепко подвязал голову коня поводом к седлу и подвесил к седлу стрелы и лук; мягко ступая, подошел он к юрте, где сидели богатыри, и вошел. Когда он вошел, богатыри, заполнившие юрту, удивились, уставились на него и пропустили его к почетному месту.

Услыхав страшный шум, хан вышел из своей юрты-дворца и увидел игравшего головой красно-бурого коня величиной с красно-бурую гору Алтая. Седло его, сбруя и висевшие у седла стрелы и лук были так хороши, что таких еще не приводилось никогда видеть человеку, и хан невольно подумал: «Что за богатырь! Откуда он приехал? О небо!» Ему было невмочь оставаться в неизвестности, и он толкнул дверь в юрту-дворец богатырей. Там сидел вчерашний красавец, сегодня он был еще прекрасней, и хан, не в силах вымолвить ни слова, опустился у двери, да так и остался там сидеть.

Когда наконец наступило время больших состязаний в борьбе и вышел Отгек Джуман в борцовском наряде, от восхищения его красотой все забыли про свои дела. Боровшиеся с ним юноши безуспешно пытались схватить его за руки.

Когда хан награждал его, младшая из стоявших тут трех дочерей хана опять оставила на Отгек Джумане свою мету.

По пути домой он снова, произнося заклятие, подул на прекрасного коня, седло и узду, на сапоги, платье и оружие и, спрятав все это, вернулся к своей юрте и уселся в телящем загоне.

На следующее утро Майышгак и Шойушгак опять сказали:

— Мы уходим.

Когда же Отгек Джуман сказал: «И я ухожу», старшие братья запихнули его под черный казан и ушли. Выждав, пока Майышгак и Шойушгак перевалят за седловину, Отгек Джуман опрокинул черный казан и освободился. Он подошел к расщелине длинного черного ущелья своего отца и сказал:

— Мое длинное черное ущелье, отворись! Это пришел я, Отгек Джуман, тот, что должен отправиться на большие ханские состязания!

Заглянул он внутрь длинного черного ущелья, а там было столько черно-пестрых коней, что они там едва умещались. И был среди них черный конь с удлиненным телом и ушами длиной в две пяди. Поймал он этого коня и, подойдя к своему четырехугольному черному камню, молвил:

— Золотой черный абдыраа, откройся!

Когда камень открылся, он натянул черные сапоги, надел шапку с шариком, подходящим только ханам, и халат из собольих и

бобровых шкур. Он положил на коня подходящее черное седло и узду из кожи, украсил его золотыми и серебряными нагрудником и подхвостником, и стал конь выглядеть совсем по-иному.

Несясь в полете меж черно-пятнистых облаков, приблизился Отгек Джуман к земле хана. Слез у его коричневой юрты-дворца. Повесил на коня, крепко-накрепко перевязав их, свои стрелы длиною в девяносто сажений и лук вместе с колчаном. Вошел в коричневую юрту-дворец, и, сколько в ней ни было людей, все заговорил с ним:

— О, кто вы такой? Пройдите на почетное место!

И когда он уже сидел на почетном месте, вышел на этот шум из своей белой юрты-дворца хан, стал восхищаться стоящим у бурой юрты черным конем и вошел в юрту, чтобы посмотреть на его хозяина.

А там сидел прекрасный юноша, величественнее, чем сам хан, с чистым молодым лицом.

— Чей ты сын? Откуда приехал? Где твоя земля? — спросил он его.

— Зовут меня Отгек Джуман, я сын Джагыр Мергена, который дожил до ста лет. А теперь я один-одинешенек на свете. Вот прослышал, что будут состязания в стрельбе по ремням², и приехал принять в них участие. Позвольте мне участвовать в этих играх, достоctимый дедушка! — ответил он.

И сказал великий хан:

— Конечно! Участвуй! Есть ли вообще юноша достойней тебя?

Собрался народ из всех хошуунов. Собрались юноши, чтобы сплести четыреста, пятьсот ремней. И поднялся большой шум и спор о том, кто положит начало. Милый наш Отгек Джуман скатал плетеный аркан длиною в двенадцать сажений, привязанный к его седельным ремешкам³, и крепко-накрепко скрепил его, так что стал он величиной с маленький казан.

Когда перед стрельбой по ремням поднялись шум и суета, Отгек Джуман спросил хана:

— С расстояния во сколько лет и месяцев пути мы станем стрелять по ремням?

И хан ответил:

— Не с расстояния лет и месяцев и даже не с расстояния в шесть часов. Мы будем стрелять только с расстояния, на котором можно услышать крик.

Так он и приказал.

Стреляли юноши, которые сплели по пятьсот, по шестьсот ремней, а Отгек Джуману пришлось стрелять последним. Никто из стрелявших не выбил ни одного ремня. Тут вынул Отгек Джуман свой длинный желто-пятнистый лук, взял одну за другой три стрелы и сказал:

— Мало здесь места, чтобы натянуть лук в полную силу, поэтому для стрельбы по ремням я сделаю выстрел средней силы.

И еще он сказал:

— Я пушу три стрелы из лука, сразу исполнив три тайных желания мужчины! Делать нечего, ведь я — самый последний.

И, выстрелив трижды тремя стрелами, он выбил три главных ремня.

Все подданные ханских хошуунов совсем приуныли и просто онемели, ибо Отгек Джуман подряд тремя выстрелами выбил ремни, в стрельбе по которым полагалось состязаться весь день, и сразу стал победителем.

— Этот юноша по имени Отгек Джуман, выигравший в стрельбе по ремням, стоящий парень, — говорили все.

Подданные же царства — хлоп! — жители хошуунов — бух! — на том и разошлись.

Когда же начался праздник великого хана и стали пить арагы и кумыс, младшая из бывших тут трех дочерей хана, которую хан любил и берег как зеницу ока, в восхищении так кинула Отгек Джуману свое золотое кольцо, что оно попало ему прямо на палец. А потом ее хан-отец пометил его своим знаком, чтобы, где бы он ни был, узнать его.

Когда прошло семь дней праздника, он велел всему своему народу собраться еще раз. «Пусть все они пройдут мимо моей дочери, — думал он, — а я узнаю нужного мне человека».

Три дня шли люди мимо хана. В последний день, когда Отгек Джуман хотел во что бы то ни стало пойти туда и спорил с Майышгаком и Шойушгаком, они сказали ему:

— На такого несчастного, нищего и оборванного, как ты, хан вообще не обратит никакого внимания. Лучше уж пойти туда черной собаке, чем тебе, понимаешь?

— Вы, братья, провели уже шесть-семь дней на празднике хана, я же, бедный, не был там ни разу. Как выглядит хан? Хотелось бы хоть разок взглянуть на его лицо, — сказал Отгек Джуман.

— Ну, коли так, то по крайней мере не говори никому, что ты младший брат Майышгака и Шойушгака! Скажи: «Я несчастный сирота, бродяга». Не ходи за нами! — приказали братья.

Пока они могли видеть его, Отгек Джуман шел в выцветшем оборванном тоне.

Когда солнце достигло зенита и стало спускаться, все уже прошли мимо двери хана. Оставались только Майышгак, Шойушгак и Отгек Джуман.

Братья Майышгак и Шойушгак со свойственным им высокомерием сказали:

— Нас обоих им придется взять, а как же иначе? — и стали локтями подавать знаки.

Прошли они мимо, и ни одного из них не выбрала ханская дочь.

Последним шел бедный Отгек Джуман, которому пришлось быть синим быком¹, плестись в хвосте. Как только он приблизился, младшая дочь хана сразу же узнала его, схватила и притянула к себе. Хану же Отгек Джуман показался столь презренным, что он даже не дал ему приготовленной для победителя юрты. Пришлось Отгек Джуману самому собирать желтый войлок, из которого сука устроила себе пристанище, и складывать из него хадгыр.

И сказала тогда дочь хана:

— Покажись снова в своем прежнем прекрасном обличье, таким, каким ты был на празднике, и отомсти этому старому псу!

Вняв ее словам, Отгек Джуман снова принял свое прекрасное обличье и вышел из вонючего хадгыра, сложенного из желтого войлока. Увидев его, хан поразился: «Что за удивительное создание! О, он совсем не такой, как другие! Я, наверное, поторопился», — подумал он.

Вот послал хан трех своих зятьев на охоту в горы.

Отгек Джуман спросил:

— Достаточно ли хорош для того, чтобы охотиться на дичь, такой захудалый человек, как я, живущий в вонючем хадгыре суки, батюшка?

Потом они поскакали втроем на охоту, каждый на свою гору. Отгек Джуман настрелял на солнечной и на лесной стороне своей горы столько диких овец и баранов, что получилось по большой куче. Два других зятя хана вернулись с пустыми руками.

Привез Отгек Джуман свою добычу домой, и, сварив и поджарив хорошенько добытое мясо, он поджарил для своего знатного тестя сердце вместе с легкими и потрохами и в знак почтения послал все это ему с младшей ханской дочерью.

Она сказала:

— Хан-отец, не думайте, что коричневая еда, приготовленная в вонючем хадгыре суки, нечиста. Попробуйте-ка!

Когда она вышла, хан посмотрел вслед дочери и сказал:

— Мяса этого я есть не буду. Не нашли еще той дичи, что настреляли Майышгак и Шойушгак?

Ее родная мать не выдержала и сказала:

— Если зажравшийся старый пес не ест этого прекрасного блюда, принесенного моей младшей дочерью, то и пусть не ест.

Попробовала она сама, а мясо было на вкус, как тончайший сахар, от которого человеку не оторваться. А то, что осталось, мать велела отнести в юрты своих старших зятьев. Отведали они мяса, и первый сразу же прокусил себе язык, а другой — палец.

И опять послал хан трех своих зятьев на гору Эзен Хара и сказал:

— Идите на охоту вместе и вместе возвращайтесь!

Бедный Отгек Джуман раздобыл для своих старших братьев казан, сварил им чай и отправил своих старших братьев на большую охоту. Хоть три дня они охотились, а вернулись ни с чем, с пустыми руками.

И сказал Отгек Джуман:

— Если бы я подстрелил дичь, хорошенько поджарил бы мясо и дал бы его нашему хану-отцу, он все равно не стал бы его есть, потому что не считает меня за человека. Даже не отведав, он не стал есть мясо, которое я послал ему. Поэтому я убью дичь, а вы пожарьте мясо и дайте ему сами. Согласны, милые мои братья?

— Согласны, согласны, как же не согласиться! — отвечали они. — Но разве ты, несчастный, можешь что-нибудь убить? Ведь двое таких умелых, как мы, три дня гонялись за дичью и вернулись, не добыв даже капли крови из носа мышонка.

— Ну, если так, то поскачу я на одной из ваших лошадей, возьму с собой вашу вторую лошадь, нагрую и моего худого желто-пестрого коня и отправлюсь на гору Эзен Хара.

И повел он коня своего старшего брата вверх на гору, оглядел дичь и, выбрав из нее самое лучшее, застрелил двух неплодных архаров и неплодную горную козу. Навьючил двух на лошадей своих братьев, а третью, равномерно распределив поклажу, на своего коня и вернулся домой еще задолго до вечера. Увидав столько мяса, старшие братья закричали:

— Ну и мастак! Далеко нам до него!

И сказал средний брат старшему:

— Да ничего подобного! Давай возьмем все чистое мясо, а ему дадим желудок и потроха.

Голодный, взял он потроха и приготовил их, а потом сказал:

— Да будет нежным мясо дичи, которую я застрелил и сварил в супе, а то мясо пусть имеет вкус нечистот и мочи! Пусть у потрохов станет вкус тончайшего сахара!

Произнеся это заклятие, он уехал. А приехав, сказал избранной им подруге:

— Я выехал только на один день и трижды не промахнулся. Все лучшее мясо забрали мои братья, а мне оставили только потроха и желудки. Жажарь-ка их, да хорошенько!

А два старших брата Отгек Джумана явились к хану и сказали:

— Мы оба вернулись с тремя убитыми козами. Отведайте вечером их мяса!

Пожарили два старших зятя лучшие куски мяса, отослали их хану; тот набросился и с жадностью стал поедать его, да вдруг заметил, что у мяса вкус нечистот и пахнет оно мочой. Вскочил хан да как заорет:

— Что это они мне дали! Что, они намешали сюда свою мочу и нечистоты? Не могу я этого есть!

Тогда его жена сказала:

— Конечно, иным и не может быть мясо, добытое и принесенное тебе твоими умелыми зятьями, которых ты так любишь. А дичь, что недавно приносила твоя дочь, была так вкусна! Ах, как она была хороша! Просто превосходна!

Тем временем пришла жена Отгек Джумана и принесла жареные потроха.

— Папочка, когда я принесла мясо гораздо лучше этого, вы его даже и не пробовали, так как не считаете моего мужа за человека. Если хотите отведать его, попробуйте, а не то — бросьте его шелудивой собаке!

Почувствовав, что его младшая дочь обиделась, хан сказал:

— Сядь, дитя мое, я отведаю потрохов.

Он отрезал крохотный кусочек и, положив в рот, понял, что это очень вкусно. Стал пробовать посмелее — вкус был прекрасный. Было так вкусно, что он стал отрезать огромные куски и так торопился съесть их, что укусил себе пальцы. Наелся до отвала.

И подумал хан:

— Почему же лучшее мясо моих любимых зятьев так отвратительно на вкус? И почему потроха дичи, добытой сиротой Отгек Джуманом, живущим в хадгыре, сооруженном из жилья суки с шелудивой мордой, имеют вкус изюма и тончайшего сахара?

Да уж, прошлый раз я напрасно выбросил мясо, даже не попробовав его.

Он столько размышлял над этим, что заболел с тоски.

И опять послал хан трех своих зятьев на охоту на три разных стороны света, чтобы испытать их. Отгек Джуман спокойненько, не торопясь вернулся на своем коне в полдень. «С чего это он вернулся так рано?» — подумал хан и, подойдя к нему, увидел, что тот привез сердца, легкие и потроха пяти убитых на охоте разных животных и мясо неплодного архара. Поджарив это мясо, он передал его вечером своему папаше-хану. Принявшись за мясо, его тесть-хан откусил себе язык — такое оно, говорят, было вкусное. И сказал он тут:

— Мои любимые зятья оказались в действительности самыми дурными из людей, не правда ли?

И ханша ответила на это:

— Что ж теперь делать, старая падаль? Придется завтра пригласить ненавистного тебе Отгек Джумана на чай. Ты был не прав. Своим старшим зятьям ты построил такие красивые юрты и наделил их скотом и имуществом. А на бедного сироту Отгек Джумана, взявшего в жены твою младшую дочь, ту, что дороже тебе черной зеницы ока твоего и белых лунок твоих ногтей, ты смотрел сверху вниз, как на худого, неимущего и ничтожного. Давай угостим его, поставим ему маленькую белую юрту-дворец и устроим в его честь пир!

Говорят, в полдень следующего дня они передали Отгек Джуману: «Приходи пить чай!»

Отгек Джуман надел заранее принесенное и спрятанное в юрте настоящее ханское платье своего отца с красивым золотым шариком на шапке, обул свои темно-серые сапоги, и пошли они, нарядные, вдвоем, как два гуся, согласно перешептываясь и тихо переговариваясь, и вошли под звон своих золотых и серебряных украшений. Дрогнуло тут сердце их величественного отца, сидевшего на почетном месте, вскочил он на ноги.

— Садитесь, садитесь, папочка, куда же вы? — закричали они и засмеялись, так что он, пристыженный, снова уселся.

Тогда сказала мать:

— О моя младшая дочь, ты всегда была моей любимицей и наследницей. — И она со слезами поцеловала дочь и уступила ей свою подушку у очага.

— О мой сын, о мой сын, я был очень несправедлив к тебе, сядь сюда на эту подушку! — воскликнул хан и пододвинул Отгек Джуману свое сиденье.

Через три дня с охоты вернулись старшие зятья. Вернулись не пивши, не евши, не принеся с собой и коричневой мышки. Тут хан поставил и украсил для Отгек Джумана отдельную маленькую белую юрту-дворец и подарил ему ее. А потом, говорят, хан заболел — так он расстраивался из-за несправедливости, из-за того, что уж очень мало уважал Отгек Джумана, да и умер.

Отгек Джуман сел на место хана и могущественно владел землей, твердо управлял всем светом и жил мирно и счастливо.

Жили однажды старики, муж с женой, и не было у них детей. Весь их скот был семь черных коз. Пошел старик пасти своих коз, а старуха отправилась за водой. В черпак ее скользнул лягушонок. Она и говорит:

— Что за противная лягушка, убью-ка я ее!

Но как только она высоко занесла черпак, лягушонок сказал:

— Ах, боже мой, богда! Тем, у кого нет детей, я стану ребенком. Не убивайте меня, бабушка!

Отбросила тогда старуха свое ведро, взяла лягушонка и сунула его себе за пазуху, а тут уж и старик подошел, гоня перед собой коз. Она крикнула ему:

— Эй, старик, у нас теперь есть сынок-лягушонок! Наконец и у нас есть что-то милое сердцу! Скорей иди сюда!

— Что ты там болтаешь? Склюй тебя ворон!

С этими словами схватил старик свою палку и вбежал в юрту.

— Эй, ты, а у меня сын,— сказала старуха.

— Где у тебя сын, покажи-ка!

— А вот,— сказала старуха и вытащила лягушонка из-под выючного седла. Рассердился тут старик:

— Фу, что это за сын? Ты меня обманула!

— Нет, не сердись,— сказала старуха, а сам лягушонок крикнул ему:

— Папаша, папаша, не бей мою мать!

— Ах, чертов парень! Неужели наконец появился кто-то, кто сможет закопать мои кости в землю! Эй, старуха, забьем-ка одну из наших черных коз, готовь похлебку!

Выскочил лягушонок из юрты и сразу же содрал шкуру с самой большой из семи черных коз.

Когда мясо закипело, лягушонок сказал:

— Папаша, а папаша, дай мне ее почки и сердце.

Старик удивился: «Ну и чудак, не успел родиться, а уже просит мяса». И еще подумал: «Наконец-то появился кто-то, кто займет мое место, будет потом вместо меня». Он порадовался, отдал свое мясо, и тот съел его.

Посреди ночи старик проснулся, привстал на постели и увидел, что в его бедном джадыре от края до края простерлась пятицветная радуга. «Что-то у нас случилось»,— подумал он, растолкал свою старуху, и они лежали и шептались. Сын их лежал и спал все еще как лягушонок. Но когда они встали утром, это уже был не лягушонок, в постели лежал и спал крохотный черненький мальчик. Старуха подоила коз и дала ему соску, и он принялся ее сосать. Когда наступило время гнать на пастбище коз, мальчик и говорит:

— Папаша, папаша, дай мне петлю и силок. Пока я пасу коз, я поохочусь на сусликов и хомяков.

— Что ты, мальчик. Нет, я пойду сам. Ты же еще дитя, останься здесь и поспи!

Но мальчик сказал:

— Ах нет, папаша, я не буду спать!

И так как отец не согласился с ним, он заплакал и плакал до тех пор, пока старики не уступили, и он взял синок и все, что ему было нужно, и ушел, погоняя коз. Старик пошел поглядеть за ним и увидел, что он действительно ловит и убивает сусликов и хомяков. А рядом паслись козы. Но потом мальчик забыл о козах, и они заблудились.

— Крутая скала, ведь у тебя есть эхо. Пропали шесть моих черных коз! — стал кричать мальчик.

И тогда послышалось фыркание коз, и они прибежали к нему. Вечером мальчик вернулся в юрту. Он гнал перед собой коз, перекинув через плечо сусликов и хомяков.

— Теперь у нас есть кормилец! — С этими словами выбежали навстречу ему старики, расцеловали его и взяли у него добычу. Старик освежевал сусликов и хомяков, и конца им не было видно. Старуха доила коз, и мальчик подвел к ней козлят.

На следующее утро он встал и говорит старику:

— Вот, папаша, хочу я вам что-то сказать!

— И скажи, мой мальчик! — отвечает старик.

— Я скажу, а вы не рассердитесь? Посватайте за меня младшую дочь Хараатай Хаана!

Был у старика один-единственный слепой черный як. Надел он на слепого черного яка седло и чепрак, взобрался на него и отправился в путь, чтобы высватать младшую принцессу Хараатай Хаана. А мальчик собрал своих коз и опять ушел на пастбище.

Пришел старик к хану и говорит:

— Ну вот, сиятельный господин, пришел я к вам.

— А зачем ты пришел? — спросил хан.

— Я пришел за своим добрым счастьем. Прошу я для моего сына вашу младшую принцессу.

Хан как закричит:

— Айда, гоните-ка поскорее вон этого нечестивца, убейте его!

Вывели старика, убили его и сожгли. Потом сложили его кости и пепел в мешочек из мошонки, привязали его к седлу яка и отпустили животное.

Вернулся як к юрте. Старуха заплакала и закричала:

— Ах ты лысый, приносящий беду!

Но мальчик ответил:

— Ах, ничего, это не беда. Подайте мне пепел в черном савыле старика.

Слепил он фигуру человека, ударил ее ногой, и встал перед ним со смехом старик. Подбежала и старуха и давай целовать своего мальчика.

— Ну, папаша, пойдя теперь еще раз! — сказал тот.

Но старик ответил:

— Э нет, больше я не пойду!

А мальчик:

— Ну нет, папаша, пойдешь! В крайнем случае убьют они тебя трижды. А потом им все равно не останется ничего иного, как отдать за меня свою дочь.

Тогда сказал ему отец:

— Ну и хорошие же слова молвил мой сын! Ладно, пойду еще раз! Оседлал он слепого черного яка, сел на него и опять ускакал.

— Эй, когда пойдешь в этот раз, не бойся. Привяжи яка у правой стороны юрты прямо к веревке, скрепляющей юрту,— говорил ему мальчик.

Старик сделал все, как ему было сказано, и, когда он вошел, хан подумал: «Что за странный нечестивец? Разве я не убил его недавно и не превратил его в прах? Как же это так?» И он спросил:

— Ну, ты там, что приходишь сюда без конца, как же зовут твоего сына?

— Моего сына зовут Лягушонок. Ему девять лет,— отвечал тот.

— Разве девятилетний мальчик способен жениться?— спросил хан, а старик в ответ:

— Да нет, ведь во всем есть хоть какой-то смысл!

И, заметив уступчивость хана, он простер свою полу и поклонился.

— Ну и ну, видать, ты — старик, от которого не отделаешься. Дам я тебе две задачи. Если выполнишь их, бери мою дочь!

— О богда! Я выполню твои задачи, нет для меня невыполнимых задач!

— Ну что ж, тогда сделай так, чтобы по левую мою руку росло сахарное дерево и чтоб капал с него изюмный сахар, а по правую мою руку пусть растет золотой тополь, а на нем пусть сидит и кукует золотая кукушка. Сможешь это сделать, бери мою дочь.

— Да, это я могу,— сказал старик и собрался в путь, чтобы посоветоваться с сыном. Мальчик как раз пригнал коз с пастбища.

— Дело это трудное, сын мой, сможешь ли ты его выполнить? — спросил он сына.

— А каковы были его слова? — спросил тот в свою очередь.

— Слова его не были злыми, он был уступчив, задал только две трудные задачи.

— Какие же, папаша?

— О, этот хан сказал: «Вырасти по левую мою руку сахарное дерево и чтобы с него капал изюмный сахар, а по правую руку вырасти золотой тополь, на котором кукует золотая кукушка». Как нам это сделать?

Сказал тогда мальчик:

— Ну, это можно сделать, папаша. Ты поедешь туда еще до полуночи, папаша. Я дам тебе кое-что с собой.

Не успела еще наступить полночь, как сын вытащил свой черный меч вместе с ножнами и сказал:

— Вот это возьми с собой. Воткни меч справа в землю и скажи: «Вырасти золотым тополем. И пусть на нем кукует золотая кукушка!» Потом сунь в землю слева ножны и скажи: «Вырастите сахарным деревом! И пусть каплет с него изюм!» Прибежит собака с мордой в желтых пятнах. Скажи ей «Жри этот прах!»— и подуй на эту сыпучую землю.— И с этими словами он протянул старику немного земли.

Сел старик на своего яка и опять пустился в путь. Как только он приехал, на него напала собака с мордой в желтых пятнах. Он забросал ее сухой землей, и собака упала и вытянулась. Он пошел, воткнул меч справа и сказал:

— Вырасти золотым тополем! Пой, золотая кукушка!

Воткнул ножны слева и сказал:

— Вырасти сахарным деревом! Пусть каплет с тебя изюм!

Затем опять пустился в путь и вернулся домой.

— Что теперь будет, уж не знаю. Я сделал все, как было сказано. Собаку я уложил.

— Ну, все в порядке, папаша. Вы человек старый, ложитесь и выпитесь хорошенько! А я попасу коз и вернусь.

И он отправился пасти шесть коз и охотиться на сусликов и хомяков. А потом мальчик поскакал к юрте Хараатай Хаана, напевая:

— Мой черный меч, стал ли ты золотым тополем? И закуковала ли уже на нем золотая кукушка? И стали ли ножны моего черного меча сахарным деревом? И каплет ли с него изюмный сахар?

Когда хан встал ночью, с большого синего дерева капал изюмный сахар, а на макушке золотого тополя распевала золотая кукушка.

— Ну, старуха, теперь уж нам не удастся отказать этому жалкому старику, что приходил вчера. Теперь-то уж он заберет нашу дочь.

— Ну и что? Может быть, как раз это ей и суждено. Как знать, может быть, этот старик не простой,— сказала она.

А мальчик сказал:

— Ну, завтра пойдешь уж туда еще раз и возвращайся, папаша, теперь-то уж мы наверняка получим ханскую дочь.

— Что бы ни случилось, мой мальчик, я не боюсь,— ответил старик, надел на своего несчастного яка выючное седло и отправился в путь. А мальчик дал ему еще наставление:

— Привяжешь своего яка прямо к золотому тополю. А когда ты туда приедешь, тебя станут прогонять. Не обращай на это внимания!

Когда старик привязывал своего яка к золотому тополю, явился молодой парень и заорал:

— Этот старик привязывает своего яка к золотому тополю хана!

Старик сказал:

— Заткни глотку! Я знаю, что делаю,— и толкнул парня с такой силой, что тот сразу свалился замертво.

А он, старик, пошел к хану.

— Что ты за надоедливый старик! Все ходишь и ходишь... Я тебе ее не отдам. К тому же ты еще и убил на дворе человека!

— Ну, не так это страшно, хан,— сказал старик, вышел, дал мертвецу пинка, и тот вскочил на ноги.

— Да, нелегкое это дело, старуха. От этого старика не отделаться. Он оживил того человека. Что же нам теперь делать? — во второй раз спросил хан совета своей жены.

— Ну что ты за глупый хан! Как может хан, управляющий так долго целым ханством, быть таким простаком? — сказала супруга хана. — Ведь говорится: «Под раной на спине все равно конь, под меховой шубой всегда скрывается юноша».

И опять вошел старик:

— Завтра я хочу во что бы то ни стало женить сына. Это, говорят, принесет ему счастье.

— Ну и надоел ты мне сегодня, прямо сил нет. Хочешь прийти завтра, приходи, — сказал хан.

Вернулся старик домой и говорит своему сыну:

— Хан наконец сказал: «Приходи завтра!» Что нам теперь делать, сынок?

— Ну, раз уж он сказал, чтобы ты пришел завтра, то мы пойдем, папаша, — ответил мальчик.

Старики вместе с шестью своими козами и своим яком снялись с места и пустились в путь. А сын их уже не был таким, как прежде, он опять из мальчика превратился в лягушонка.

— Ну, теперь все кончено, теперь нам отрубят головы, — сто-нал старик. Но старуха сказала:

— Ах, замолчи, ну и отправляйся к своим высохшим мертвым! Лягушонок сказал:

— Поставьте хадгыр прямо перед юртой хана!

Когда они построили перед юртой хана хадгыр, принцессе он показался шестистенной белой юртой, а для чужих глаз это был только черный хадгыр. Парень показался девушке крепким, крас-нолицым юношей, красивым, как месяц на пятнадцатый день и как цветок, выросший в укрытой ложине. А для других это была про-сто жалкая лягушка.

— Ну, старик, раз уж ты все-таки пришел, устраивай девять пиров! — сказал хан.

— Вот тебе и на, теперь он велел мне устроить девять пиров. Что же теперь делать, сын мой?

А тот в ответ:

— Уж найду, как делу помочь. Не стало ли из шести твоих коз двенадцати? Заколи всех!

Старик заколол всех коз и зажарил мясо.

— Так, а теперь веди сюда моего зятя!

Привел он лягушонка. Хан как заорет:

— Ах, бедное мое дитя! О каком ты говорил сыне? Это же ля-гушка! Ах ты, опозорь свою мать!

Но сказала его супруга:

— Ах, опозорь постель своего отца! И тебя называют еще ха-ном? Ну чем ты лучше его?

Юноша поклонился и вышел, и тут хан увидел полу его халата из голубого шелка, подбитую мехом бобра. Взял он его в свою юр-ту. Хан был немного обижен, что его супруга вечно ругает его за глупость. Ну, как бы то ни было, они его взяли. Теперь у хана бы-ло три зятя.

Когда оба старших зятя собрались на охоту, младший сказал своей жене:

— Я тоже хочу пойти на охоту с моими зятьями.

Лягушонок застрелил в степи очень много дичи. Старшие зятья возненавидели его. Подъезжая к айлу, они дали ему только внутренности, а себе забрали все лучшее мясо. Возвратившись с охоты, старшие зятья послали хану мясо убитой дичи. А лягушонок сварил хорошенько внутренности, нарезал их мелко и тоже послал хану.

— Отведайте дичи, добытой вашим зятем!

Хан сказал:

— Несчастный! Разве это похоже на дичь, которую убивают на охоте! Ну, что поделаешь, надо попробовать, попробую-ка, — и как только попробовал, откусил палец — так было вкусно.

На следующее утро хан встал и приказал:

— Позвать ко мне Лягушонка! — и спросил его:

— У меня уже много лет подряд исчезают всегда жеребья буйрой кобылы. Можно их как-нибудь разыскать?

И Лягушонок ответил:

— Подумаешь, задача! Завтра я пригоню их сюда, несчастных!

На другой день Лягушонок отправился в путь, и когда доехал до берега океана и огляделся, то увидел стада двух жеребцов из одних рыжих лошадей без хвоста. Погнал он их перед собой, а навстречу ему — большая птица.

— Эй, ты откуда, юноша? Я утащила этих жеребят, так как у меня все время пропадают мои яйца!

— О, этому виной, наверно, гигантская змея, — сказал ей юноша.

В это время как раз большая змея ползла к вершине тополя и в гнезде заплакали два птенца. Лягушонок выхватил свой меч и отрубил змее голову. К нему подскочили птенцы и, плача, посетовали:

— Мать наша очень могуча. Как бы она тебя не проглотила! — и спрятали Лягушонка под своими крылышками.

Скоро с севера прилетело что-то большое, словно черное облако. Опустилось, увидело мертвую змею и говорит:

— Покажите мне того, кто ее убил.

А птенцы на это ответили:

— Нет, ты его съешь!

— Да нет же, я его не съем!

Подняли они тогда свои крылышки, и птица Хан Гэрди так обрадовалась, что нечаянно проглотила Лягушонка. Птенцы стали плакать и причитать:

— Тогда и мы умрем!

Тут Хан Гэрди извергла его обратно.

Разговорила с Лягушонком:

— Я оторвала лошадям хвосты ради приметы, чтобы их можно было отличить. А тебя на дороге поджидают старшие зятья. Они вырыли яму и накрыли ее пестрым ковром. Ни в коем случае не садись на середину ковра, постарайся сесть на самый красшек! — сказала Хан Гэрди.

Пока Лягушонок гнал домой лошадей, оба старших зятя приготовили еду, разостлали ковер и ждут его. И чтобы заставить его

сесть на ковер, они вышли навстречу оказать ему почести. Лягушонок хотел было уже сесть на ковер, да вдруг вспомнил, что сказала ему Хан Гэрди. Но пока один из зятьев натягивал свой лук, другой уже натянул свою тетиву и собирался было пустить стрелу. Лягушонок схватил их и бросил обоих в яму.

Привел он хану его коней, и тот сказал:

— Ах ты, мой хороший зять! — и сделал вид, что хочет поцеловать его, но Лягушонок отрубил ему своим мечом голову. Тут пришла его теща:

— Ах, богда, ты победил врагов, а теперь убей и их жен. Это ведь злые мангысихи, они собирались опустошить всю эту землю.

Так она отдала на смерть своих старших дочерей.

Ото всех, у кого была борода, он не оставил и козленка, ото всех, у кого есть холка, не оставил он и жеребенка. Не оставил ни сироты, ни суки, и, став, таким образом, хозяином всей страны, он покинул ее и уехал.

А если спросят, кем же был этот Лягушонок? Это был младший принц, сын бога Гурмусту, который послал его на землю, так как не мог вынести плача и жалоб этих бездетных стариков. Вот этот-то сын бога Гурмусту победил всех врагов, какие только были на земле, и принес мир и счастье не только этим старикам, но и многим другим людям.

21. Хан с двенадцатью женами

В старое время жил-был хан, у которого было двенадцать жен. У него было много скота и богатства, были у него и власть и мудрость.

Но от двенадцати жен не видел он ни одного мокроухого младенца.

И чем он становился старше, тем больше страдал от бездетности.

Поэтому однажды он пошел к человеку, который умел провидеть и предсказывать, и тот сказал:

— Человек, предназначенный тебе судьбой, — существо жалкого вида в неприглядной юрте.

Поехал он на коне дальше, и встретился ему на пути хадгыр. Войдя в него, он увидел сидевшую там глубокую старуху с тремя дочерьми. Он рассказал им, что позвало его в путь. И сказала старуха:

— Я отдам за тебя мою старшую дочь.

Посмотрел он на нее, а она такая уродливая. Не смог он совладать с собой, сел на коня и ускакал.

Но потом, когда бездетность стала ему совсем невыносима, прискакал он однажды к тому же черному хадгыру.

Прислушался он, не входя в юрту, а там разговаривали три девушки.

Одна сказала:

— Я выйду замуж за того, из чьего очага золу нужно выгребать трижды в день.

Другая сказала:

— Я выйду за того, у кого перед юртой горой громоздится добытая на охоте дичь.

А еще одна сказала:

— А я выйду замуж за того, кто ради меня много поездил-попутничал по свету, объездил всю землю и испытал за это время много превратностей.

Это и была младшая сестра. Хан сделал ее своей тринадцатой женой и устроил большой пир.

А потом взял своего охотничьего орла, переехал через большую реку и поскакал на свою большую гору охотиться. Кто знает, сколько дней и сколько месяцев был он в пути? Но за это время его младшая жена родила ему близнецов. Родив мальчиков, молодая женщина потеряла сознание, так как не сразу вышел послед. Тогда остальные двенадцать жен, раздираемые завистью, положили мальчиков-близнецов в ящик и бросили его в воду, а в постель положили двух слепых щенков. Когда бедная молодая женщина пришла в себя, все вокруг шептали и шипели:

— Вах, вах, ну где же это видано такое уродство?

Взглянула она, а рядом вместо двух хорошеньких мальчиков лежат два слепых щенка. Что ей было делать, бедной, одной среди врагов? Когда вернулся хан, он наделил несчастную скотом в черных яблоках, перевез ее на ту сторону моря и оставил ее там в изгнании.

А на острове посреди большого моря жили тогда двое бездетных бедняков. Старуха сидела перед хижинкой и вылавливала вшей из своей рубахи и вдруг крикнула своему мужу:

— Старик, эй, старик, вон плывет ящик. Беги-ка скорей туда и вытащи его!

Побежал старик, вытащил ящик крюком и, когда открыл его, увидел двух хорошеньких мальчиков.

И сказали тогда бездетные старики:

— Каких красивых детей подарило нам Небо!

Радостно расцеловали они маленьких мальчиков, покрыли поцелуями их ротики и лобики, вынули их из ящика и внесли в свою юрту. И тут оказалось, что их пустой казан до краев полон еды. Они дали поесть мальчикам из казана и поели сами, а еда в нем все не кончалась, и он все наполнялся и наполнялся доверху новой изысканной и прекрасной пищей.

Кто знает, сколько лет прошло с тех пор! Но однажды охотничий орел того хана улетел за море, да так и не вернулся. Прошло уже много дней и ночей, а орел все не возвращался. И вспомнил тогда хан: «Мне ведь предсказали когда-то: "Тебе суждено пересечь большое море на том карем двухлетке с пятном на лбу, который повернется к тебе"».

И пошел он тогда в свой табун, натянув на себя свой джаргак мехом наружу и ударяя камнем о лист железа; все его лошади испугались и разбежались на все семь сторон. И лишь один рыже-ка-

рий жеребец-двухлеток со светлым пятном на носу повернулся к нему и стал как вкопанный. Вскочил он на него и поскакал к большому морю. Переплыл его рыже-карий жеребец-двухлеток, как гусь, рассекая воду.

Сколько прошло дней, сколько прошло ночей — кто знает? Плыл он, плыл и вдруг слышит детские голоса: «Отец, не хочешь ли ответить в пути свежеприготовленного мяса?» Поднял он испуганно глаза и увидел двух небольших мальчиков, до того похожих, что их было не отличить друг от друга. Их головы высывались из двери большой белой юрты, стоявшей на острове.

Подъехал он к этой юрте, спешился, вошел в нее и увидел там старуху с седыми волосами и морщинами, такими глубокими, что в них можно было засунуть палец. Она сгребала в юрте в кучу дерева и камни, скалы и воду золотого мира, сгребала их, бормоча про себя: «Вот что значит двенадцать преступных жен!» — И вдруг все, что она сгребла в кучу, исчезло.

А в стороне в юрте стояла красивая-прекрасивая женщина. Едва взглянув в лицо хану, она упала плашмя на пол. Морщинистая старуха стала снова сгребать в кучу дерева и камни, скалы и воды Алтая, все время повторяя одни и те же слова, и опять все, что она сгребла, исчезло. Продолжая свое дело, старуха сказала удивленно взиравшему на нее хану:

— Все твои двенадцать жен — шулмусихи, а вот это — прогнанная тобой жена и твои близнецы-сыновья.

Услышав это, хан начал что-то понимать, но, когда он захотел подбежать к красавице, старуха сделала ему знак рукой:

— Остановись! Я — хозяйка судьбы. Ты оскорбил свою большую судьбу и совершил тяжкий грех. Если ты не очистишься, никогда уже не станет это создание твоей подругой!

Затем дала ему старуха маленький мешочек, не больше половины овечьего сердца, и сказала:

— Пересеки большое море, наполни этот мешочек камнями и привези сюда!

Взял хан мешочек и отправился в путь, отдавшись на волю волн. Переехал он на другой берег моря, стал наполнять мешочек камнями, но его было не наполнить. Три года наполнял он его камнями, на берегу уж и камней не осталось, а мешочек все не наполнялся. Делать нечего, вернулся он к юрте старухи, хозяйки судьбы. Вышла она и говорит:

— Как же тебе было его наполнить! Если не отправишься туда еще раз, тело твое не очистится! Отправляйся туда, где встречаются небо и земля, и принеси оттуда золотую иголку. Ни внизу, на земле, ни наверху, на небе, не найти такого грешника, как ты! Когда ты дойдешь до границы неба и земли, небо захочет раздавить тебя о землю. Поэтому возьми мой золотой браслет. Покажи его — и с тобой не случится ничего дурного.

Сняла она со своей руки золотой браслет и дала ему.

Вот пришел хан на место, где соединяются земля и небо, как раз в тот момент, когда небо падало сверху вниз. Но он показал золотой браслет, и небо чуть приподнялось и оставило щелочку. Он

прошел в нее, держа на виду браслет, и после трех лет поисков ему удалось найти золотую иглу в сердцевине дерева, одиноко стоявшего в стороне.

Взял он эту золотую иглу и поскакал к юрте старухи, хозяйки судьбы. От него самого и от его коня остались кожа да кости!

Как только он приблизился к юрте, из нее вышла его красавица-жена, а по обе ее руки — оба его сына. Значит, очистилось тело хана! А хозяйка судьбы, морщинистая старуха, исчезла.

Вот вернулся хан со своей женой и сыновьями домой. Двенадцати злокозненным женам дал он скот в черных пятнах и изгнал их на другой берег моря. А потом устроил большой пир и стал жить в мире и радости.

22. Мальчик с тысячью буланых лошадей

(Вариант I)

Один богатый человек повел однажды утром на водопой своих коней. И по воде подплыло к нему легкое. Он воткнул в него свой шест, повисло оно на шесте, и никак его было не стряхнуть. Хотел он вытянуть легкое из воды, да не тут-то было: его было не поднять. С большим трудом удалось ему как-то вытащить шест, да оказалось, что это вовсе и не легкое, а старая мангысиха. И сказала ему мангысиха:

— Выбирай, съешь мне тебя самого или твоих лошадей?

Человек ответил:

— А не взяла бы ты вместо этого моего единственного сына?

— Взять-то возьму, а вот как ты мне его дашь?

— Завтра я отправлюсь на новую кочевку. На месте, где стояла юрта, я оставлю золотые бабки моего мальчика. Когда он вернется за ними, хватай и глотай его, — сказал он.

На новом кочевье мальчик захотел поиграть в свои золотые бабки, но не нашел их. Спросил у отца, а тот сказал:

— Не остались ли они на месте старого кочевья? Поезжай туда на своем буланом двухлетке с пятнышком на носу и привези их!

И мальчик поехал туда на своем буланом двухлетке с пятнышком на носу. И увидел он, что там, рядом с его золотыми бабками, лежит на одном ухе старуха, накрывшись другим ухом. Мальчик попросил:

— Бабушка! Отдай мне, пожалуйста, мои бабки!

А старуха ответила:

— Ах, мой мальчик, когда я лежу, мне не встать, а когда я стою, мне не лечь, вот я какая. Сойди с коня и возьми их сам!

Но мальчик почуял опасность — отъехал повыше на пригорок, разогнал коня, стрелой пролетел мимо, схватил на скаку кости и был таков. Но, Гурмусту, мой богатый Алтай, что тут было! Старая мангысиха схватила свою железную палку-кожемялку¹, и началась погоня. Мальчик мчался впереди, а мангысиха гналась за ним и палкой-кожемялкой перебила ногу его буланому двухлетке с пятнышком на носу. Мальчик тут же перескочил на спину сине-се-

рой коровы. Корова бросилась спасаться в большое море. Когда она выбилась из сил, мальчик взобрался на высокое дерево, стоявшее посреди острова. О мой богатый Алтай, старая мангысиха была уже тут как тут и начала валить дерево. Похоже было, что она уже близка к своей цели. Мимо пролетала голубка, и мальчик крикнул ей:

— Я вот-вот попаду в руки старой мангысихи. Пусть узнают об этом мои собаки Гезер и Базар!

Но она не обратила на него никакого внимания. Вслед за ней пролетели ворон, ворона и много других птиц. Но и они не обратили на него ни малейшего внимания. Наконец прилетел огарь:

— Я доставлю весточку от тебя!

Наступила ночь, а на рассвете поднялось огромное облако красной пыли, и мальчик радостно засмеялся.

Старуха-мангысиха крикнула:

— Кончай смеяться! Скоро, паренек, я насажу твою печень на вертел!

Мальчик в ответ ни звука. Тут заметила старая мангысиха облако пыли и спросила:

— Что это там такое?

Мальчик ответил:

— Не кони ли богатых людей?

А тем временем стали уже видны обе собаки — Гезер и Базар. О мой Гурмусту, они разорвали ужасную старуху пополам и отшвырнули ее. Взял мальчик своих собак, вернулся домой и зажил мирно и счастливо.

23. Мальчик с тысячью буланых лошадей

(Вариант II)

В самое раннее время, еще задолго до давно ушедших времен,
Когда появился Чингис Хаан,
Когда начал вертеться земной шар,
Когда вырастали деревья длиной в тридцать саженей,
Когда расстилались травы длиной в три сажени,
Тогда это все и случилось.

Жил тогда старик с тысячью буланых лошадей вместе со своим единственным сыном. Захотелось ему однажды перевезти свою юрту на новое место. Пошел он к тысяче своих буланых лошадей напоить их и пустить в загон, но оказалось, что они чем-то напуганы, и ни одна даже не подошла к воде.

— Ну и ну, что же случилось? Почему лошади не пьют воды? — сказал он, спешил и не успел еще сказать: «Попробую-ка я!» — как его схватила за бороду джелбеге и потянула в воду.

Страшно стало старику: джелбеге чуть не утопила его, лицо его уже коснулось воды, и он закричал:

— Пощади мою жизнь!

На это джелбеге ответила:

— Захоти я спасти твою жизнь, я бы смогла это сделать. А отдашь ли ты мне за то своего сына? Или свою тысячу буланых лошадей?

Страшно было старику расстаться с жизнью, но отдать тысячу буланых лошадей тоже было жаль. Думал он, думал и сказал:

— Ну, что же мне делать? Отдам я своего сына!

Тогда она спросила:

— А как мне его заполучить?

И он ответил:

— Я сегодня как раз перевожу свою юрту на новое место. Стрелы и лук моего мальчика я оставлю на месте старого кочевья. Когда он придет за ними, тогда и бери моего сына!

И джелбеге выпустила старика. Когда он откочевывал, он спрята-
л стрелы и лук сына в ковыле, росшем за юртой. Ни сам маль-
чик, ни его мать этого не видели, так они и остались там, на месте
старого кочевья.

На новом месте сын захотел поохотиться и спросил:

— Папаша, а папаша, что с моими стрелами и луком?

А отец на это:

— Не знаю, сын мой!

Пошел он тогда к матери и спросил:

— Мамаша, а мамаша, где же мои стрелы и мой лук?

А она ответила:

— Не знаю, сын мой!

Стал мальчик искать свой лук и свои стрелы, и в юрте их не
оказалось. Тогда отец его сказал:

— Ах, дитя мое, значит, они остались при нашем поспешном
переезде на старом месте! Поезжай и привези их, у тебя ведь есть
лошадь!

Мальчик спросил:

— Папаша, папаша, на какой же из моих лошадей мне поехать?

И отец ответил:

— Поезжай на той из лошадей, которая, не глядя на тебя, вы-
бежит из табуна и ускачет!

Потом пошел он к своей матери:

— Мамаша, мамаша, на какой лошади мне поехать?

И она ответила ему:

— Поезжай-ка на лошади, которая посмотрит на тебя и остано-
вится, дитя мое!

Когда мальчик пошел к табуну лошадей, чтобы выловить себе
скакуна из тысячи лошадей, все лошади, увидев его, разбежались в
разные стороны. Остался лишь один дрянной буланый двухлеток с
ключьями прошлогодней шерсти и уставился на него.

Подумал мальчик: «Ну, хоть он и дрянной, да что делать, пое-
ду на нем, ведь это создание глядело на меня и осталось на месте!»
Он сел на него и поехал к старой стоянке.

Ехал он, ехал, и, когда зашло солнце и наступили белые сумер-
ки, он с большим трудом доехал туда. А на месте, где раньше была
юрта, лежала на одном ухе, прикрывшись другим, огромная джел-
беге.

Мальчик крикнул:

— Бабушка, бабушка, отдайте мне мои стрелы и мой лук!

Но джелбеге сказала:

— Ой, мой мальчик, когда я сяду, мне не встать, а когда я встану, мне не сесть. Вот мне какво! Как же мне дать тебе твои стрелы и твой лук. Сойди с коня и сам возьми их! Ты ведь такой прекрасный и молодой!

Но только мальчик хотел спешиться, как конь его припал на колено, и он прямо с седла поднял с земли свои стрелы и свой лук. Схватила джелбеге тут же свою железную палку-кожемялку¹ и бросилась на него. Стал мальчик удирать от нее, но джелбеге припустилась за ним. Полетел мальчик под облачным небом, поскакал над ветвистыми деревьями, так что не догнать его было. На полпути джелбеге уже чуть было не завладела им, ударила своей железной палкой-кожемялкой по правой задней ноге его коня. Но лошадь унеслась и на трех ногах. И снова приблизилась джелбеге и отбила ей и левую заднюю ногу, но лошадь ускакала и на двух передних ногах. И опять догнала ее джелбеге и перебила ей правую переднюю ногу — лошадь поскакала на единственной своей ноге, поскакала, просвистев, как выпущенная стрела, умчалась, как вспугнутый заяц. И тогда джелбеге перебила ей последнюю ногу — тут лошадь взвилась и полетела.

Тогда джелбеге метнула свою железную палку-кожемялку, как мечут дубинку, и рассекла спину лошади надвое. А мальчик скакал все дальше и дальше на шее коня. Джелбеге догнала его, чтобы окончательно уничтожить, но, даже когда она отсекла лошади шею, лошадь пересадила мальчика себе на голову и унеслась.

А когда джелбеге уже размозжила лошади голову, та, добрая, закинув мальчика на высокий тополь, пронзительно заржала напоследок и умерла.

Приблизясь, джелбеге закричала:

— Теперь ты, парень, в моих руках! — и давай пилить своей железной палкой-кожемялкой тополь, чтобы свалить его, Но тут подошел лисенок и сказал:

— Бабушка; а бабушка, хотелось бы и мне полизать крови и соков этого мальчика! Лягте и отдохните! А тополь уж я спилю!

Джелбеге, утомленная преследованием, отдала лисенку свою палку-кожемялку и сказала:

— Сделай это! Сделай это! — и легла отдохнуть.

Когда она глядела, лисенок пилил острой стороной, а когда не глядела — тупой, когда же джелбеге заснула, он заклеил ей глаза, забросил ее палку-кожемялку в море и был таков. Когда джелбеге проснулась — его и след простыл. Она стала скрести и разлеплять свои глаза, выпила море ртом и вылила его позади себя, достала свою палку-кожемялку и снова принялась валить тополь. Вот-вот упадет он, да тут пролетала мимо ворона.

— Ворона, ворона, милая ворона! Отнеси весточку двум моим собакам — Гезеру и Базару, спаси мою золотую жизнь! — закричал мальчик. Но ворона сказала:

— Не ты ли называл меня всегда «кар-кар-каркающая и кра-кра- кричащая препротивная ворона?» Нет, не отнесу! — и улетела прочь.

Прилетел черный ворон, и его попросил мальчик, но тот сказал:

— Не называл ли ты меня всегда «каркаркалка-кракракалка, гнусавый ворон»? Ничего я не скажу! — и улетел.

И много еще прилетало птиц, но все они говорили:

— Разве ты не забавлялся, стреляя в нас из лука? — и, не слушая его, улетали прочь.

Наконец прилетел орел, и, когда мальчик обратился к нему с просьбой, он сказал:

— Как бы то ни было, ты ведь принадлежишь роду мужскому. А разве я не мужского рода? Мужу любезно мужское. Я передам восточку! Ты узнаешь силу моих крыльев! Если мне судьба дарует счастье спасти тебя, то обе твои собаки будут здесь. Смейся, если столбом взметнется красная пыль, плачь, если столбом взметнется белая пыль! — С этими словами он улетел.

Мальчик сидел и ждал, ждал, а джелбеге все пилила и пилила дерево. Когда тополь с треском начал клониться, взметнулась белая пыль, и мальчик заплакал. Случилось это потому, что ветер небесный поднял сухую бледную пыль горных склонов. Потом взвилась красная пыль, и мальчик засмеялся. Случилось это потому, что мчались к нему, со свистом рассекая воздух, обе его собаки — Гезер и Базар. Джелбеге, увидев их обоих, бросилась со страху в море.

Собаки закричали:

— Если всплывет на поверхность пенистая черная кровь — смейся! А если всплывет на поверхность пенистая красная кровь — плачь! — и тоже бросились в воду.

Ждал мальчик, ждал. Сотрясались горы и долины, море вздымалось и гремело. От отчаянной борьбы катились волны и чуть не валили тополь, и мальчик сидел на нем, охваченный страхом.

Закипела красная кровь и поднялась на поверхность моря — мальчик заплакал. Выплеснулась вверх вспенившаяся черная кровь — мальчик засмеялся.

Вышли из моря обе его собаки, в конце концов им удалось убить джелбеге, но одной из собак джелбеге отбила своей палкой-кожемялкой переднюю ногу.

Мальчик поехал к своей юрте: он ехал на здоровой собаке и вел на поводке раненую. Ехали они, ехали, но не было конца их пути, сколько дней они ни ехали, сколько ночей ни ехали.

Мальчика мучили голод и жажда, хотелось ему скорее вернуться к своей юрте, но его раненая собака совсем уже не могла двигаться. И когда ей совсем стало неважно, он оставил ее и поехал дальше на здоровой.

Тут обиделась раненая собака:

— Разве я не рисковала ради тебя своей красной жизнью? Разве я не лишилась ноги! Я пришла к тебе, а ты оставляешь меня одну в широких просторах, посреди безлюдной степи. Ну ладно, здоровым возвращайся с миром к отцу и матери и к своей стоянке, а я останусь здесь умирать. Когда придет пора мне возродиться в следующий раз, мне уж не будет суждено счастья: я стану тем, кто живет разбоем. Став волком, я буду нападать на тебя со спины, став чертом, я буду нападать на тебя спереди, — так сказала она и, плача, осталась лежать на месте.

Мальчик здоровым и невредимым вернулся к своей стоянке. Его раненая собака погибла в степи и при следующем воплощении явилась на свет волком. Говорят, что так и произошло существо, которое называют волком.

24. Старик Эндз Дендз, или Юноша с собакой, кошкой и рыбой

Давным-давно жил на свете Эндз Дендз, старик. Был у него только один сын и шесть кошельей, полных золота. Однажды он дал своему сыну один из этих кошельей и сказал:

— Пойди и истрать это на покупки, сын мой!

Юноша взял золото, и отец проводил его в путь. По дороге встретился ему человек с сушеной рыбой в руке.

— Продашь мне свою рыбу? — спросил юноша.

— Продам, продам, — ответил тот, — ведь я хорошо знаю твоего отца. Но скажи, что ты мне за нее дашь?

— Дам кошель золота! — сказал юноша.

Человек очень обрадовался. Отдав кошель золота, юноша взял рыбу и протиснулся с ним. Каждый поехал своим путем, и немало прошло времени, пока юноша привез свою рыбу домой. Стал отец ругать его:

— Да что это у тебя такое? Ни обеда из нее не выйдет, ни ужина! На что нам высохшая рыба?

Бранили его оба — и старик, и его жена. И наконец сказали:

— Что ж, ничего не поделаешь. Ведь это принес наш мальчик!

И с этими словами положили они его сушеную рыбу на дно своего абдыраа.

Однажды отец достал еще один кошель с золотом, дал его сыну и опять послал:

— Истрать это на покупки и возвращайся!

На одной из дорог встретился юноше человек с кошкой на руках. Юноша крикнул:

— Ах, продал бы ты мне эту кошку!

— Ладно уж, продам я тебе кошку. А что ты мне дашь за нее?

— Дам кошель золота!

Отдал он свой кошель золота и взял кошку. Сказал:

— Прощай!

И человек тоже сказал ему:

— Я хорошо знаю твоих родителей, — и удалился.

Принес юноша кошку домой. Рассердился старик:

— Что случилось с парнем! Все надеешься, что он принесет домой хоть что-нибудь; была бы это хоть сторожевая собака! Ну чего ради ты притащил кошку? — ругали юношу старики.

Еле смирились.

— Ну что ж, ведь это сын принес, ничего не поделаешь! — сказали они, привязали кошку к ножке своей постели, на том и успокоились.

И опять однажды сказал старик:

— Возьми этот кошель золота и иди, сын мой! Попытайся-ка еще раз купить что-нибудь и возвращайся.

С тем его и отпустил.

Ходил, ходил юноша и встретил человека, тянущего за собой на поводке собаку.

— Эй, ты! Дай мне твою собаку!

А когда тот спросил:

— А ты мне что дашь за нее? — он ответил:

— Дам тебе кошель золота.

Получил юноша собаку и отдал за нее кошель золота.

Тот человек сказал ему:

— Ну, прощай! Твоих родителей я хорошо знаю! — и ушел.

Ходил, ходил юноша, а когда вернулся домой, родители его рассердились.

— Это еще что? Собака — это все, что ты выторговал за кошель золота! — ругали они его. Бранили они его, бранили.

— Ну, да что поделаешь. Ведь это принес сын!

Но юноша возразил отцу:

— Не ты ли, когда я принес кошку, ругал меня и сказал: «Если бы это была хоть сторожевая собака!» Почему же теперь, когда я привел собаку, ты опять ругаешь меня?

— Ах, ну что с тобой поделаешь! Ну, так возьми на поводок собаку, на руки кошку, а свою рыбу засунь за пазуху, — сказали родители и выгнали сына из юрты.

Бродил он, бродил со своими собакой, кошкой и рыбой и пришел наконец в чужую страну. Добравшись туда, улегся он на берегу моря, а сушеная рыба так терлась о его ребра, что стерла ему кожу до крови:

— Ах, на что мне эта засохшая рыба, пусть бедняга плавает себе в море!

И как только он швырнул рыбу в море, она сразу же превратилась в золотую рыбку и была такова.

Тут стал юноша стонать и жаловаться, что он голоден и хочет пить. И тогда кошка наловила мышей и принесла ему, а собака наловила птиц и принесла ему.

Как только они накормили юношу, из воды выскочил старик на белом коне и сказал:

— Эй, парень, иди-ка сюда, иди-ка! Тебя зовет Лузут Хаан. Когда я скажу тебе: «Закрой глаза» — закрой их, а когда скажу: «Гляди» — тогда открой их, ладно?

— Эй ты, старик, а куда мне деть собаку и кошку? — спросил юноша.

— А ты привяжи их здесь хорошенько, — ответил тот.

Так юноша и сделал. Тогда старик посадил юношу на своего коня и погрузился с ним глубоко в море.

— Ну, теперь закрой глаза, — сказал он, и юноша закрыл глаза, а когда он снова открыл их, перед ним был огромный красный дворец.

Старик велел ему: «Входи!» — и он вошел вслед за ним. Перед ними сидел хан с седой головой.

— Ну, мой мальчик, как поживаешь?

— Ничего, кос-как перебиваюсь, великий хан, — ответил юноша.

— Мы устроим в честь тебя трехдневное торжество, устроим трехдневный пир. Ты останешься здесь, а этот старик на белой лошади пусть отправится к собаке и кошке и вернется через три дня! — так сказал хан и отослал старика.

Но тот, прежде чем уйти, успел дать юноше важный совет:

— Слыхал, Лузут Хаан дает в честь тебя трехдневный пир. Если он после окончания пира спросит тебя: «Хочешь теперь взять скот?» — отвечай ему: «Скот я не возьму!» Если он спросит: «Хочешь какие-нибудь вещи?» — отвечай: «Не возьму!», а скажи: «Я возьму только красный ларец, который стоит перед бурганом».

Дал ему старик такой совет и ушел, а потом лег рядом с собакой и кошкой и стал его ждать.

А юноша оставался там и три дня пировал у хана. Обратился к юноше хан:

— Три года назад наша принцесса попала в руки людей. Ты купил ее и вернул ей свободу. Ее родная мать увидела тебя, когда ты отпускал ее в море. Потому мы и задали в честь тебя пир. А теперь скажи, что ты возьмешь? Возьмешь скот?

— Нет.

— Возьмешь какие-нибудь вещи?

— Если хан желает подарить мне что-нибудь, я бы взял тот сияющий красный ларец, что стоит перед бурганом.

Хан взял его — и ведь совсем было незаметно, что там внутри человек, — и отдал ему сияющий красный ларец. Простился юноша, а у выхода из дворца стоял уже старик. Он велел ему: «Закрой глаза!» — и они снова вошли на лошади в море. «Теперь гляди», — сказал старик, и юноша увидел, что они оказались как раз рядом с собакой и кошкой, и старик предупредил его:

— Так вот, ни в коем случае не открывай крышку ларца! А цель будет достигнута, когда увидишь тихую широкую степь по эту сторону красного, бурно разгулявшегося моря. На берегу этого моря чуть-чуть приоткрой крышку своего ларца, а сам ложись спать. А дело уж и без тебя сделается.

Юноша все так и сделал. Спал он себе, спал. Но вдруг разлился яркий свет и раздался громкий шум — святой Алтай! — откуда ни возьмись, появился большой дворец и возник целый город!

Отовсюду слышалось ржание, мычание, блеяние. А когда юноша проснулся и вскочил на ноги, он увидел красавицу, приготовлявшую чай. Это была его суженая — дочь Лузут Хаана, это ее принес он в том красном ларце.

И стал юноша жить ханом там, где вырос большой дворец.

А в это же время два охотника отправились за джейранами. Они ранили одного джейрана и долго преследовали его. Они гнались за ним, но джейран убегал, теряя свою драгоценную алую кровь.

И спросил младший из охотников:

— Есть ли в этой стране женщина с лицом алым, как кровь джейрана?

— Есть! — ответил другой. И на вопрос: «Где же она?» — он сказал:

— Такая женщина — жена Солнечного хана!

— Ладно, если такова жена Солнечного хана, возвратившись к себе на родину, я расскажу об этом моему хану.

И, приехав домой, рассказал тот юноша:

— Мы подстрелили джейрана. Какая же алая у него кровь! И когда я спросил одного старика: «Есть ли женщина с лицом алым, как кровь джейрана», он ответил: «Говорят, что у жены Солнечного хана оно еще более алое!»

И повелел тогда хан:

— Коли так, тотчас же отправляйтесь на поиски этой женщины и не возвращайтесь, пока не найдете ее!

Собрал он всех своих подданных и спросил их:

— Кто из вас может найти эту женщину? Кто из вас может переплыть через Соленое море? Дерево и камень, упав в него, сгорают. Сгорают даже птицы, летящие над ним. Кто знает, как перебраться через это море?

И сказал тогда девяностотрехлетний старик по имени Дойун Хара Самаган:

— О, перебраться-то через него можно! Я открою вам, как пересечь через него, если вы найдете дерево, на котором можно через него переправиться.

— Что же это за дерево? — спросили его.

— Если вы разыщете дерево Бум, на котором вьет свое гнездо и кладет свои яйца ворон, мы сделаем из него плот. На нем можно будет переплыть Соленое море, а там уж разыскать эту женщину.

— А где же нам искать это дерево Бум, на котором кладет свои яйца ворон?

— Если ты соберешь всех своих звездочетов, может быть, оно и найдется! — сказал старец.

Собрал тогда хан всех своих семьдесят звездочетов и запер в одном доме, сказав им:

— Найдите нам дерево Бум, на котором ворон вьет гнездо и кладет свои яйца.

Но звездочеты никак не могли ничего найти. Те из них, у кого еще были глаза и уши, сумели убежать, осталось лишь семеро слепых и глухих.

Тогда хан издал приказ:

— Если завтра в полдень так ничего и не будет найдено, я велю отрубить вам головы!

На следующий день, в полдень, хан пришел к ним и спрашивает:

— Ну как, нашли?

— Какое там нашли! Все ясновидцы с глазами и ушами удрали, а мы — семь ясновидцев без глаз и ушей, без рук и ног — остались здесь. Ничего нам не найти!

— Вот вы семеро и найдите. А не найдете до полудня завтрашнего дня, я приду за вашими головами.

Бились они, бились над своими расчетами. Один из звездочетов долго не мог вспомнить заклинание, необходимое для превращения, но, вспомнив его вдруг, обернулся воробышком и обратил в воробышков всех своих товарищей, и все семеро — друг за другом — вылетели в окно.

Только они полетели от хана, как вдруг на их пути встало огромное дерево с большими листьями, и семеро воробышков укрылись под семью листьями, а в это время на верхушку дерева сели два ворона. Удобно усевшись, они завели беседу:

— На завтра нам уже готов обед. Сможем склевать семь пар, стало быть, четырнадцать глаз.

— А где же они, эти семь пар глаз?

— О, эти семь пар, стало быть, четырнадцать глаз мы легко найдем. Только бы полдень настал! — ответил первый ворон.

— А может случиться так, что мы не получим их?

— Если семь звездочетов не найдут дерева Бум, на котором мы, вороны, кладем яйца, мы выключем им глаза. Если же они найдут дерево Бум, то нам не видать их глаз.

И опять спросил второй ворон:

— А где же это дерево Бум, на котором вороны кладут свои яйца?

— Дерево, на котором мы сидим, и есть дерево Бум, здесь мы кладем яйца.

Улетели оба ворона, а семь воробышков поднялись, пометили дерево и пробрались в дом, где они были раньше заперты.

В полдень явился хан и спросил их:

— Ну что, нашли?

Они ответили:

— Да, теперь мы знаем, где находится дерево Бум.

— Где же оно? Пометили ли вы его?

— Да, пометили.

Тогда привели старика Дойун Хара Самагана, и хан спросил его:

— Что нам теперь делать с этим деревом?

— О, из него получится поклажа ровно для восьмидесяти волов. Прикажите доставить восемьдесят волов и восемьдесят телег.

Взяли они с собой восемьдесят волов и восемьдесят телег, распилили дерево, погрузили его на восемьдесят телег, и все они оказались полны доверху. Бревна доставили на берег моря и связали из них плот. И отправился на нем Дойун Хара Самаган через море.

По ту сторону моря стояли два алых храма: один — огромный, другой — маленький. Старец привязал свой плот, превратился в древнюю нищенку, взял в руки палку и отправился к храмам. Вошел он в первый, а там сидела ханша небывалой красоты.

— Где хан? — спросил старик, превратившийся в старуху.

— Хан отправился на охоту, — ответила женщина.

— Вот что, дитя мое. Я пришла сюда, так как мне хотелось бы помолиться в этом храме. Мне уж семьдесят лет, я так стара, что вынуждена опираться о землю. Вот какие дела. И я пришла помолиться этому бургану.

Разговаривая так, старик подружился с молодой женщиной. Он приходил, уходил и помогал ей по хозяйству. А в один прекрасный день он сказал:

— Ну, дитя мое, я достаточно намолилась в большом храме. Теперь бы мне хотелось пойти в ваш маленький алый храм и помолиться там!

— Тот храм закрыт, — был ответ, — туда никому нельзя заходить, тетушка. Ключ от маленького алого храма всегда хранится у хана вместе с огнивом.

Когда хан вернулся и снял свой кушак, с него свесилось огниво. Ночью старик, обернувшись старухой, осторожно подполз, выкрал ключ, потом открыл дверь маленького алого храма и вошел. Взял красный ларец, спрятал его за пазуху и уехал на плоту прочь.

Проснулся юноша — о голубое небо! — все было снова, как раньше. Растерянные, сидели они втроем под открытым небом. Вокруг не было ничего! С кошкой на руках, с собакой на поводке, терпел он голод и жажду. Вот так-то. Красный ларец попал в чужие руки, и вся красота исчезла.

— Что же нам теперь делать? — раздумывал он.

Бродя по окрестностям, собака увидела однажды большое море, над которым вздымались клубы пара. Она помчалась обратно и рассказала об этом кошке и юноше:

— Там море, похожее на наше ядовитое море. Над ним клубится пар, как над ядовитым морем. Пойдемте посмотрим.

Отправились собака, кошка и юноша в путь, пошли к берегу.

— Если это действительно наше ядовитое море, то дерево должно загореться, — сказали они и сунули в воду кусок дерева, но оно не загорелось.

— Если это действительно наше ядовитое море, я обожгу переднюю лапу. — С этими словами погрузила собака в море лапу, но не обожгла ее. Погрузила она и вторую лапу и тоже не обожгла.

— Тогда я поплыву через море. Давайте поплывем все вместе!

Юноша еще колебался, но собака предложила привязать кошку ей на шею. Юноша привязал ей на шею кошку, и они втроем переплыли море. На другом берегу юноша и собака вырыли яму и легли в нее отдохнуть. А кошка бегала вокруг, ловила мышей и кормила уставших товарищей.

Однажды кошка осторожно прокралась к порогу хана и села, прижавшись к дверной раме. Как только хан вышел из юрты, чтобы облегчиться, она проскочила внутрь.

Увидев красавицу, сидевшую в юрте, кошка вскочила ей на колени.

Девушка воскликнула:

— Вот ужас! Откуда ты, моя кошка?

— От нашего юноши. Он столько скитался и голодал, что теперь еле жив. Мы едва добрались сюда. Скажи, как нам опять завладеть нашим красным ларцом?

— Ваш сияющий красный ларец заперт в маленьком алом храме. По обе его стороны стоят воины с оружием. Дойун Хара Сама-

ган сам его охраняет. На рассвете он засыпает ненадолго, а всю ночь не смыкает глаз, — сказала красавица.

Тут кошка поймала большую белую мышь, и та запищала:

— Ах, не ешь меня! Не ешь меня, не ешь меня!

— Как же мне тебя не есть, когда мы умираем с голоду!

— Я ведь мышиный хан!

— Ну, если ты мышиный хан, собери всех своих мышей и приведи их сюда!

Громко свистнула мышь несколько раз, и сбежалось множество мышей.

— Послушай-ка, — сказала кошка, — я не трону теперь ни одной из вас. А вы за это выройте мне подземный ход отсюда до маленького алого храма, чтобы я могла пробраться в него. Да не забудьте прогрызть маленькую дырочку для выхода!

Огромная стая мышей в мгновение ока вырыла подземный ход к храму. Кошка скользнула в него и притаилась. Она надеялась, что девяностотрехлетний старец Дойун Хара Самаган вздремнет под утро, и ждала, спрятавшись в тени вооруженных воинов.

И действительно, в конце концов старец стал клевать носом, и кошка тотчас же прыгнула ему на грудь и выцарапала глаза. Старец выринул из рук ларец, кошка схватила его и нырнула в земляную норку. Когда она прибежала к юноше и собаке, никакого моря уже не было.

Юноша спрятал ларец за пазуху и ушел. Придя на прежнее место, он приоткрыл ларец, сделав небольшую щелку, и улегся спать. А когда проснулся, опять увидел вокруг алые храмы, город и людей, и все это было залито ярким светом. На пастбищах пасся в изобилии всякий скот, и вокруг шумело, как некогда, ядовитое море. Так юноша опять стал Солнечным ханом!

25. Аржу Буржу Хаан

Это было тогда,

Когда внешнее море было еще болотом;

Это было тогда,

Когда гора Сюмбер была еще холмом;

Это было тогда,

Когда пышное сандаловое дерево было еще листиком —

жили тогда старик со старухой. До пятидесяти лет не было у них детей. Они жили и сокрушались:

— Хоть бы довелось еще нам увидеть мокроухого!

И вот, говорят, у старой женщины на пятьдесят пятом году родился сын.

Когда родился сын, забили они семь баранов и устроили, рассказывают, пир.

А потом старики стали рассуждать:

— Мы оба уже стары, скоро придет нам время умереть, как сможет этот мальчик, когда нас не будет, воспользоваться нашим имуществом для поддержания своей жизни? — И стали думать да гадать: «А мы вот как сделаем! Наполним мошонки от семи бара-

нов и таким образом накопим семь мешочков золота и спрячем их в сундуке».

К тому времени, как собрали они семь мешочков золота и спрятали их в сундук, их сын вырос в мужчину, и, значит, настало ему время заняться торговлей.

— О, мой мальчик, ты знаешь, как торгуют?— спросил его отец.

— Ну, конечно, знаю!— ответил он.

— Ну, коли так, бери с собой мешок золота, иди в город на базар и купи себе, что пожелаешь!— сказал отец, дал ему кошель денег и отослал его.

Придя в город, сын не нашел решительно ничего, что бы ему захотелось купить. Выйдя из города, он встретил по дороге человека с сушеной рыбой в руках.

— Старший брат, а старший брат, откуда у тебя эта рыба?— воскликнул он, а тот ответил:

— Она у меня из лавки!

— А не продашь ты мне свою рыбу?— спросил сын стариков.

— Может быть, и продам, а что ты за нее дашь?

— О, я дам за нее мешок золота!— ответил он.

Тот спросил:

— А где же твое золото?

И сын вынул из-за пазухи мешочек из мошонки барана. Тогда человек отдал ему рыбу, забрал золото и ушел.

Что же было дальше? Когда родители спросили его: «Ну, какую ты совершил сделку?»— он сказал: «Я вернулся с рыбой!»

— Ах, если мы съедем ее втроем, то останемся голодными! Что нам делать с этой сушеной рыбой?— воскликнула мать, побила сына и забросила рыбу за стопу одеял. Но отец его сказал:

— В конце концов это то, что добыл наш единственный сын!

И вскоре отец опять дал ему мешочек золота и сказал:

— Пойди еще раз, попробуй себя в торговле и возвращайся!

Тот пошел и встретил по пути человека, несущего на руках кошку. Он спросил:

— Продашь свою кошку?

— Да уж ладно, продам, а что ты за нее дашь?

Юноша сказал:

— Я дам мешочек золота.

И когда тот спросил: «А где оно?»— он показал ему свое золото. И тот человек взял его золото, передал ему из рук в руки кошку и ушел.

Когда юноша вернулся домой вечером с кошкой на руках, мать побила сына и воскликнула:

— Ну на что она нам нужна? Уж лучше бы это была собака, которую можно держать на цепи! А мясо кошки даже в пищу не годится!

Тогда его отец сказал:

— И все-таки это то, что добыл наш единственный сын. Зачем ты бьешь его?— Так успокаивал он мать. А сын тогда подумал:

«Хоть бы они еще раз послали меня! Они сказали, что хорошо бы иметь собаку, которую можно посадить на цепь. Если бы мне довелось найти собаку и вернуться с ней домой!»

Через некоторое время они дали ему еще один мешочек золота. Сын пошел и увидел человека, который вел за собой собаку.

— Эй, старший брат, а старший брат, продашь свою собаку?

— Я-то продам, а что ты за нее дашь?

— Я дам тебе мешочек золота.

И когда тот спросил: «Где же твое золото?» — он показал ему свой кошель.

Тот человек дал ему свою собаку на поводке и, взяв деньги, ушел.

Вечером с собакой на поводке юноша вернулся домой.

— Ах, на что нам эта собака? — воскликнула мать и опять побила юношу.

— А не ты ли сказала, что хорошо бы иметь собаку, которую можно посадить на цепь? Раз ты так сказала, я и привел собаку! — сказал сын.

— Это вовсе не сын, рожденный нами, это какой-то шулму, он погубит нас и превратит нас в кучку белых костей!

Мать опять побила сына и сказала:

— Давай убьем его!

Но отец возразил:

— Как может человек убить рожденного им сына? Лучше изгнать его куда-нибудь в чужие края!

— Хорошо, так и сделаем! — сказала она.

Тут отец стал избивать сына.

— Вот тебе твоя рыба! — и сунул ее ему за пазуху. — А вот твоя кошка! — и сунул ее ему в одну руку. — А вот тебе твоя собака! — и сунул ее в другую, и изгнали они его в чужие края.

Он бродил и плутал без всякой цели и попал на берег моря. Без еды и питья лег он спать и тут почувствовал: что-то трется о его бок так, что он никак не может уснуть. «Что же это такое?» — подумал он. Взглянул — а это сушеная рыба, лежавшая у него за пазухой, протерла ему бок до самого легкого.

— И зачем это я все время таскаю ее за пазухой! — воскликнул он, схватил ее и сразу швырнул в море.

А потом взял юноша на руки кошку, повел на поводке собаку и снова, не зная, куда направиться, стал бродить вокруг. И попался ему навстречу старец на белом коне и спросил его:

— Эй, откуда ты?

— Ах, я тот, кто бродит вокруг с кошкой на руках и собакой на поводке!

И тот сказал:

— У этого моря есть хан, и зовут его Белым Хааном лузатов. Он приказал мне: «Приведи мне юношу, ведущего на поводке собаку и несущего кошку на руках». Я возьму тебя с собой!

Заплакал юноша:

— Он убьет меня! Что ж мне теперь делать, как мне быть?

— Ну, не плачь! Привяжи собаку и кошку к этой иве и оставь их здесь!— сказал старик; и когда юноша исполнил это, взял его к себе в седло.

— Закрой глаза! И открой их, когда я скажу: «Гляди!»— сказал старик, и они поскакали прямо в море.

Когда старик сказал: «Гляди!»— юноша посмотрел вокруг и увидел золотой храм на острове в море, а в этом храме сидел хан. Старец сказал:

— Иди туда, хан будет принимать и угощать тебя три дня, а потом спросит тебя, чего ты пожелаешь, и скажет: «Если ты хочешь золота, оно у нас есть. Если ты хочешь серебра, оно у нас есть. Если хочешь одежду, вот одежда; если хочешь взять скот, вот и скот!» А ты тогда скажи: «Ничего я не возьму, ничего этого мне не надо! А если уж вы хотите подарить мне что-нибудь, то дайте мне вот этот ваш ларец!»— и погляди при этом на четырехугольный красный ларец, что стоит на высокой стопе ханских одеял.

И действительно, хан три дня угощал юношу, а потом спросил его: «Чем же одарить тебя?» И юноша, вспомнив совет старца, ответил: «Ничего мне не надо!» Оглядевшись, он увидел на сундуке красный ларец, маленький и четырехугольный.

— О, если хотите мне что-нибудь подарить, то подарите мне вот это!

Хан поднялся на ноги, взял ларец и подарил ему. Юноша сунул его за пазуху.

Потом пришел старец, сказал: «Закрой глаза!» Посадил его к себе на лошадь. Они вошли в море и снова вышли из него и увидели собаку и кошку на привязи.

Старец спросил юношу:

— Что дал тебе хан?

— О, я попросил у него ваш красный ларец, и он дал мне его!— сказал юноша.

— Дай мне его, пожалуйста,— сказал старец и взял у юноши ларец.

— Если ты меня спросишь, что там внутри, мой мальчик: там единственная дочь хана по имени Намхын Гызыл Уруг — Маленькая румяная девушка, а это — сияющий красный ларец. Если ты отправишься в гору, там найдешь свою страну и хана по имени Аржу Буржу. Когда дойдешь до середины безлюдной и блеклой степи, принадлежащей этому хану, где летают одни только вороны, отомкни замочек ларца и, не заглянув в него, ложись спать!

И еще сказал старец:

— Ты, конечно, все думаешь: почему хан отдал этот ларец? Единственный сын этого хана играл, приняв обличье рыбки, и попал в руки человека. Прошло уже три года, и вот ты принес эту рыбку. И его мать видела, как ты отпустил ее в море.

И пошел тогда юноша с ларцом за пазухой далеко в степь, дошел до самой ее середины и, приоткрыв замочек, но не заглянув в ларец, улегся спать.

И услышал он вдруг громкие крики и страшный шум. Проснувшись он и увидел, что в большом дворце, прекрасном, как дворец хана, сидит румяная девушка.

— Ой, ай, случилось что-то ужасное!

Юноша вскочил и хотел бежать, но девушка обняла его и сказала:

— Эй, куда ты бежишь? Тому, кто хан, не надо ведь спешить на работу! Твое имя теперь — Гызыл Хаан — Красный хан!

Она предложила юноше надеть шубу, подбитую собольими шкурками, и велела ему сесть на почетное место на золотой трон.

А вокруг юрты кипело море, которое называлось Бушующим стремительным ядовитым морем. И там стал жить наш юноша, такой счастливый.

А тем временем вышли на охоту два охотника этого Аржу Буржу Хаана. Ранили эти охотники джейрана и стали преследовать его, и один из них обратил внимание на капли крови, потерянные джейраном.

— О, какая алая кровь у джейрана! Есть ли на свете женское существо с лицом такого цвета?— спросил он.

— Ну как же, такая женщина есть. Если ты спросишь, что находится там на юго-западе, где клубится красный дым, так знай, это то, что называют Ядовитым морем, это оно кипит и дымится. Птицы не могут пролететь над ним, ничто живое не может переплыть его. Даже железо, попав в него, плавится. И все же посреди этого моря живет Намхын Гызыл — Маленькая румяная, супруга хана, которого зовут Гызыл Хаан, не так ли говорят?

— Коли так, пойду я к моему хану и расскажу ему об этом,— сказал первый охотник и поспешил к Аржу Буржу Хаану.

— Ну, охотник, что случилось?— спросил тот.

И охотник ответил:

— Мы стреляли в джейрана и ранили его и шли по его следу. А кровь у него такая алая! Я спросил у своего спутника: «Какая алая кровь у этого джейрана! Есть ли на этом свете женское существо с лицом такого цвета?» И он ответил: «Такая женщина есть. У Намхын Гызыл, супруги хана по имени Гызыл Хаан, живущего посреди Ядовитого моря, такое лицо!»

— Я покорю и убью его, а потом пойду и завладею этой женщиной!— сказал Аржу Буржу и собрал своих людей. Собрав своих людей, он спросил старших из них, тех, кому было за пятьдесят:

— Не знаете ли вы, как переплыть море, которое зовется Ядовитым?

Они сказали:

— О, если птица пролетит над этим морем, она сгорит и упадет. Если в него опустить дерево, оно тут же сгорит, и даже если в него попадет железо, оно сразу же расплавится. Поэтому нет никакого средства переплыть это море!

Но тут старуха Дойну Хара, девяносто одного года от роду, сказала:

— Ну как же это нет никакого средства?

— А какое есть средство?— спросил хан.

— О, есть одно средство: надо найти дерево Дондууд Бом, на котором раз в год гнездятся вороны.

— Где ж найти такое дерево?— спросили ее, и старуха Дойну Хара, девяноста одного года от роду, ответила:

— Расспросите астрологов и математиков во всех монастырях, они найдут его!

Созвал тогда хан всех астрологов и сказал:

— Ну-ка, на чьей земле стоит дерево Дондууд Бом, на котором гнездятся вороны? Разыщите его! Тот, кто не найдет его, поплатится головой!

Потом он собрал всех этих астрологов в одном доме и запер выход. А они, эти ламы, чертили свои гороскопы, но ничего не находили.

И тогда все они встали и убежали. Осталось только семеро лам. Один из этих семерых лам был слеп, у другого не было рук, у третьего — ног, это были семь слабых и больных созданий.

На следующий день пришел хан и спросил:

— Нашли вы дерево?

— Ах, мы ничего не знаем!

— Ой, ой, куда же делись все астрологи?

— Мы ничего не знаем, мы — несчастные, без рук и ног, — отвечали они.

— Тогда вы, семеро, и найдите его! А если не найдете, завтра поплатитесь головами!— сказал хан и оставил всех семерых в грусти и тоске.

Один лама, сделав астрологические расчеты, сказал:

— Вообще-то есть средство выбраться отсюда живыми. Прежде, когда мне были ведомы астрологические гороскопы и расчеты, я умел превращаться в птицу и летать. Но теперь я все забыл. Ничего уже не осталось в голове!

Он чертил гороскопы и вдруг среди ночи вспомнил нужное число. Тогда семеро лам превратились в семь птиц и вылетели в окно.

Улетели они и, когда решили переночевать на берегу моря, увидели, значит, большое дерево с густой листвой. Они сидели, спрятавшись в густой листве этого развесистого дерева, и, когда уже пожелтела на небе утренняя заря, они услышали разговор двух воронов, сидевших на дереве.

— О друг, о друг, — говорил один ворон, — сегодня я предвижу большую добычу. Как только наступит утро, мы выключем жир из четырнадцати глаз и наедемся досыта!— так говорил он.

— Как же это?— спросил второй, и первый сказал:

— К этому времени выяснится, что дерево Дондууд Бом, на котором гнездятся вороны, не найдено, и мы наедемся жира из четырнадцати глаз!

— А где же это дерево?

— Да вот тут!— сказал первый и улетел.

Семь птиц сделали на дереве отметку, полетели обратно в дом хана и уселись там.

Пришел хан и спросил:

— Ну, нашли вы его?

И они сказали:

— Мы нашли его!

Теперь он послал старуху Дойну Хара, девяноста одного года от роду, с восемью десятками повозок, запряженных волами. Прибыли на место, а там стоит высокий железный тополь. Когда его спилили, то хватило, говорят, поклажи на все восемьдесят повозок, запряженных волами.

— Возьмите все это и сгрузите у Ядовитого моря, — сказала старуха. Так они и сделали. А когда привезли они туда дерево и сгрузили его, из него связали плот. И когда этот плот погрузили в море, убедились, что он не горит в нем.

Старуха Дойну Хара, девяноста одного года от роду, уселась на плот, сказала:

— Я поплыву, разужнаю все, а потом вернусь! — и отчалила. На том берегу она вытащила плот и привязала его. А потом пошла, хромая, к аилу хана.

Там стоял бронзовый храм с запертой дверью.

Старуха подружилась с девушкой Намхын Гызыл, помогала ей носить воду и рубить дрова и, дождавшись дня, когда хан отправился на охоту, сказала:

— Немного мне осталось жить на белом свете, что, если мне пойти поклониться в этот ханский храм?

Девушка на это ответила:

— О матушка, в этот храм нельзя войти ни одному человеку! Никто, кроме хана, не должен открывать его, и ключ от него находится в огниве хана.

В один прекрасный день хан вернулся с охоты и, развязав свой кушак, оставил его вместе с огнивом. Подкараулила это хромая старуха, подползла и утащила из огнива хана ключ от храма. Спрятала она сияющий красный ларец за пазуху и убежала.

А юноша опять проснулся посреди голой степи, к ноге его была привязана собака, к руке — кошка. Исчезли Ядовитое море и юрта, и девушки тоже уже не было — все исчезло. Так перехитрила его старуха Дойну Хара, девяноста одного года от роду.

Кошка принялась ловить мышей и кормить ими юношу и собаку. Однажды собака взбежала на гору и закричала — ведь они все трое научились понимать язык друг друга:

— О, давайте уходить! На северо-западе, там, где заходит солнце, вздымаются пары нашего Ядовитого моря!

Все трое снялись с места и пустились в путь. Пришли они к морю, а оно кипит, и никак через него не переправиться. Плавать умела только собака, а юноша и кошка и знать не знали воды, и они сказали:

— Что же нам делать?

— Ведь когда-то это море даровал нам сам Лузут Хаан, и быть того не может, чтобы мы сгорели в нем, — сказала собака и сунула в море переднюю лапу — лапу не обожгло. Сунула она в море вторую переднюю лапу, и с ней тоже ничего не случилось.

Прыгнула собака в море и поплыла как ни в чем не бывало. Выйдя из моря, она сказала юноше:

— Привяжи кошку покрепче к мой голове!

И с кошкой, привязанной к ее голове, собака переплыла Ядовитое море и побежала к храму хана. Потом вырыла в земле ямку, и обе они в ней спрятались.

На рассвете, когда хан вышел из юрты помочиться, кошка под полой хана проскочила в юрту и пробралась за пазуху к девушке.

— Ой, кошка, откуда ты взялась?— воскликнула та, узнав свою кошку.

— Эй, а где красный ларец?— спросила кошка.

— Твой красный ларец внутри того храма. Старуха Дойну Хара обхватила его обеими руками и никогда не спит. Сидит всю ночь и держит его вот так, что ты тут поделаешь? И нет туда входа.

Тем временем кошка услышала, что хан возвращается, и опять скользнула к порогу.

Тут сказала Румяная девушка:

— Что бы ни случилось, отнеси это юноше!— и дала ей белый платок, завязанный тремя узлами.

Кошка взяла его в зубы и прыгнула на порог и, когда хан вошел, опять проскочила под его полой, принесла завязанный платок и дала его собаке. Собака схватила платок и, посадив кошку себе на голову, переплыла море.

Юноша, встретив собаку, развязал платок и увидел, что там еды на три года.

И его собака и кошка — все втроем они наелись досыта.

Потом собака опять поплыла с кошкой на голове, они добрались до своей ямки и залегли, значит, в ней.

Так они спрятались. А кошка принялась ловить мышей. Одна мышка, когда она поймала ее, заговорила:

— О горе, горе! Пощадите мою жизнь! Не убивайте меня! Я дам вам вместо себя других мышей. Я ведь мышиный хан!— вот что сказала мышь.

— Ого, еще чего! Я умираю с голоду,— сказала кошка.— Я тебя съем!— крикнула она и только хотела загрызть ее, как мышь снова взмолилась:

— О горе, горе, пощади мою жизнь! Я — хан!

— Ну, если ты хан,— сказала кошка,— то созови своих мышей!

И как только эта мышка издала писк, вся местность вокруг покрылась мышами. И тогда кошка сказала:

— Да ты и впрямь хан! Проройте мне отсюда подземный ход к тому железному храму и сделайте в нем дыру, из которой было бы видно лицо старухи Дойну Хара.

— О, это можно!— ответил мышиный хан, и множество мышей принялись рыть землю; пыль поднялась столбом, и вскоре мыши скрылись под землей. Кошка шмыгнула за ними и увидела, что под землей уже вырыт ход, и, продвигаясь по нему, она добралась до отверстия, выходившего в храм. Выглянув из него, она увидела черную старуху Дойну, сидевшую в храме и державшую вот так красный ларец.

Кошка подкараулила момент, когда старуха отвернулась. Она выскочила, отбежала и уселась в тени от старухи. И вдруг она бросилась на нее, прыгнула ей на плечи и выцарапала ей оба глаза.

Старуха завопила в страхе: «Ай, ай!» — и уронила на пол ларец. Кошка ухватила ларец зубами и побежала по подземному ходу к собаке. Собака приняла у кошки ларец, посадила кошку себе на голову, переплыла Ядовитое море и вернулась к юноше.

Юноша, собака и кошка снова отправились бродить втроем и добрались до обширной степи.

Проснувшись, они увидели вокруг себя Ядовитое море, ставшее в три раза больше.

Ядовитое море Аржу Буржу Хаана высохло, а потом погибла в пламени вся его земля. Осталась принцесса лузут — Маленькая румяная девушка, которая стала еще краше. С улыбкой, от которой озарилась сиянием вся внутренность юрты-дворца, она поднялась и пошла ему навстречу.

26. Дочь Лузут Хаана

В давнее время бедный юноша пас как-то семь своих желтых коз на берегу большого озера. Эти семь желтых коз было все его имущество. Пока он бродил там, два китайца, рыбачившие неподалеку от него, поймали золотую рыбку. Юноша сказал им:

— Продайте мне вашу рыбку!

Китайцы спросили:

— А что ты за нее дашь?

Юноша ответил:

— Я дам одну из семи моих желтых коз.

Сделка состоялась. Юноша вернул золотой рыбке свободу — пустил ее в воду — и продолжал пасти оставшихся у него шесть коз. Вернувшись вечером в свой черный хадгыр, он лег спать.

На следующий день, проснувшись рано утром, он нашел под своим одеялом суку с торчащими вверх сосками. Испуганный юноша вскочил с постели, забросал ее камнями и прогнал ее. На следующее утро он опять нашел под своим одеялом суку и опять прогнал ее камнями. А когда он пришел на третий день, под его одеялом оказалась девушка замечательной красоты, а вокруг нее было сияние, как от солнца и луны. Забыв все на свете, юноша глядел потихоньку на девушку, не отводя глаз. Ему не хотелось будить ее, но девушка сама проснулась. Юноша спросил, кто она такая, и девушка сказала ему только: «Я — твоя суженая». Так они познакомились, полюбили друг друга и стали жить вместе. Одно лишь было плохо: юноша никак не хотел разлучаться со своей красивой женой. Чтобы весь день глядеть на нее, он перестал выгонять своих коз на пастбище, перестал охотиться на мышей и сусликов, а проводил весь день в своей юрте.

И сказала однажды его жена:

— Хорошо, что ты так любишь смотреть на меня, но никуда не годится то, что ты и коз своих не пасешь, и на охоту за мелким

зверем не ходишь. Коли и дальше так пойдет, нам скоро и жить будет не на что! Надо же нам как-то жить! Поэтому нарисую-ка я тебе свой портрет.

Сказав так, она нарисовала для юноши на бумаге свой портрет, дала ему и отпустила его.

Юноша пас своих коз, охотился на сусликов и другую мелкую дичь, и вдруг ему захотелось посмотреть на свою жену. Он вытащил портрет, спрятанный за пазухой. Но как раз в этот момент поднялся сильный вихрь и вырвал портрет из его рук. Долго бежал юноша, плача, вслед за портретом своей жены и в конце концов потерял его из виду. Но, вернувшись в этот вечер, он не стал рассказывать своей жене о том, что случилось.

А портрет тем временем летел и летел и прилетел в ханство далекого хана. Его нашли люди, отправившиеся на рыбную ловлю. Они были очарованы красотой изображенного на нем существа и стали говорить: «Ни дать ни взять, вот это — подходящая супруга для нашего хана!» Посмотрел хан на этот портрет и сказал:

— Ну, если есть такой портрет, значит, должна быть и такая девушка. Уж я разыщу ее во что бы то ни стало!

Он собрал десять тысяч своих солдат и послал их на все семь сторон.

Ханские солдаты отправились в путь и стали обшаривать все, что хоть сколько-нибудь напоминало человеческое жилище. Через семь лет поисков лошади их исхудали и потеряли все свои силы, как и они сами, но молодой красавицы они так и не нашли. Некоторые из солдат, отправившиеся на север, считали, что им нельзя возвратиться домой с пустыми руками, и бесцельно слонялись по краю. Однажды ночью они увидали вдали свет и пошли на него. Вышли они к бедному черному хадгыру и крикнули: «Придержите собак!» И тут вышла как раз во плоти и крови та женщина, на поиски которой они отправились, и сияла она, как луна и солнце. Тогда они передали ей приказ хана, и юноша не знал, что ему делать: «Если я не отдам ее, это будет стоить мне головы, а если я ее отдам, то сам не смогу жить». Опечалился он, но его жена сказала:

— Не печалься! Слушайся моего слова! Иди по той дороге, по которой они поведут меня! Но не потеряй следа! Через несколько дней ты придешь к озеру, вода которого иссякла, а дно стало клейкой грязью. Там ты найдешь перья многих разных птиц. Наклей грязью эти перья на свое платье. А потом иди дальше, спрашивай всех, где юрта-дворец хана, и иди туда. А там я буду знать, что делать дальше.

И вот солдаты доставили девушку к хану, и он сделал ее своей любимой женой. И, упоенный и очарованный ее красотой, не в силах расстаться с исходившим от нее сиянием, как от луны и солнца, он только и делал, что сидел возле нее. Но одно было плохо: эта его жена никогда не смеялась. И чтобы заставить ее смеяться, собирались сюда все поэты и певцы, все, кто умел играть на игиле и ударять по струнам довшуура, но никто не мог вызвать даже одной-единственной ее улыбки.

Однажды хан сидел, как всегда углубившись в созерцание своей жены, вошли слуги и доложили ему:

— Там за дверью лысый бедняк, весь оклеенный птичьими перьями. Он говорит, что хотел бы встретиться с вами.

Едва услышав это, жена хана разразилась звонким смехом.

— Ну и чудное же это, наверное, создание, если моя жена, едва услышав о нем, уже смеется. Увидев его собственными глазами, она наверняка станет смеяться еще больше. Пусть он порадует мою супругу, ведь она вообще никогда не смеется. Быстро введите его сюда!

Тогда ввели юношу. Едва увидев его, женщина повалилась от смеха на пол юрты. Она смеялась до полного изнеможения. Потом она сказала:

— Что за смешное существо! Посмотри, как он одет! Посмотри на эти наклеенные перья! Я не могла удержаться от смеха.

Обрадованный хан сказал юноше:

— Надень на сегодня мое ханское платье, а я надену твое! Я хочу потешить мою супругу!

Когда на следующее утро хан в этом странном одеянии отправился на охоту, жена сказала всем военачальникам и чиновникам:

— Ах, с тех пор как явился этот лысый, я не ведаю сна! Этот человек принес мне большое горе! Завтра он вернется. Он весьма искусный волшебник. Может даже случиться, что он примет обличье хана, когда вернется. Может быть, он дойдет до того, что станет уверять: «Я — хан». Одно хорошо только: он никак не сможет сменить свою одежду. Вы узнаете его по одежде. Подкараульте его и, где бы он ни появился, сразу же убейте его!

Она выставила стражу из солдат и сама время от времени проверяла ее. Вечером на всем скаку возвратился домой хан в своей странной одежде, радостный и с богатой добычей. И тут со всех сторон кинулись к нему солдаты и схватили его. Хан закричал сердито:

— Что вы делаете? Я — ваш хан, все вы — мои подданные!

Но солдаты сказали:

— Ох, мой Гурмусту! Ну все точно так, как предсказала наша властительница: он действительно опасный волшебник! Он изменил свой голос под голос нашего хана и принял его облик! Если мы не поспешим убить его, он погубит нашего хана и его близких!

И, не обращая внимания на причитания и крики хана, они тут же убили его.

Теперь ханша вывела из укрытия своего настоящего супруга, одетого в одежды хана, и сделала его властителем страны. А потом прекрасная женщина, от которой, как от луны или солнца, исходило сияние, сказала:

— Я тебе еще одного не сказала: я младшая дочь Лузут Хаана. Не ты ли спас меня, когда я в облике золотой рыбки резвилась в мелкой воде и попала в руки людей? Поэтому мне захотелось и тебя порадовать, и, чтобы принести тебе счастье, я превратилась в девушку и пришла к тебе.

И так стали они жить вдвоем как властители этой страны, говорят, в мире и радости.

Да, в давнее время жил, говорят, старик. И было у него два сына — большой и маленький. И была у них мачеха.

«Старик — плохой человек. Если бы я была женой этого юноши!» — такие заносчивые мысли были, говорят, у их мачехи. И когда старик однажды отправился на охоту, соблазнила она ночью младшего сына, эта, значит, женщина, говорят.

— Что же это такое, вот уж позор! Ах, что ты сделала? Соблазнить меня, собственное дитя! Возможно ли такое на свете? Я еще не слышал никогда, чтобы кто-нибудь соблазнил своего собственного ребенка! — закричал юноша, избил женщину и убежал.

Женщина сидела, рыдая, до прихода старика, не смыв крови с лица и головы. Вернулся старик и спросил:

— Ах, беда, что случилось?

— Это твое дитя, алмыс-шулмус. Разве я не относилась к ним всегда как к своим собственным детям? Твой младший сын соблазнил и так избил меня! — отвечала она.

— О, худо, если это правда! — сказал старик. — Такой поступок дитя человеческое совершить не может. Уведите и расстреляйте его.

И он велел старому человеку и юноше увести его, дав им ружье.

Шли они себе, шли. Добравшись до пустынной, необитаемой степи, старик и юноша стали советовать:

— Ну как нам убить этого мальчика? И как мы будем жить, убив такого прекрасного мальчика? Лучше скажем, что он убежал и скитается теперь где-то.

— Да что здесь особенного, братья! Если вы велите мне скитаться, я так и сделаю. Отпустите меня! А сами идите и скажите: «Мы его убили!»

Старик вытащил из-за пазухи платок и слиток золота размером с лошадиную голову и дал ему со словами: «Ну, теперь отправляйся, а твою лошадь мы заберем!» — И с этим они ушли.

Старший брат пошел с двумя товарищами на охоту. Во время охоты он заметил, что по безлюдной белой степи бродит какой-то мальчик, посмотрел он в подзорную трубу, и показалось ему, что мальчик похож на его младшего брата.

— О друзья, там блуждает человек, похожий на моего единственного младшего брата. Пойдем туда и поглядим, кто это! — сказал он.

Пошли они туда, а это и в самом деле его младший брат.

— Ой, брат мой, что с тобой стало! Почему ты бродишь здесь?

И ответил тогда младший брат:

— Не родная она мне мать, а злая мачеха, потому и была так жестока со мной. Она так-то и так-то налгала моему отцу, сказала, чтобы он застрелил меня или выгнал из дому, и тогда отец мой сказал: «Пусть его застрелят!» Вот так я и попал сюда, но люди отпустили меня.

— Ну, коли так, друзья, то и я стану скитаться здесь, раз уж приходится скитаться тут моему единственному младшему брату!

— А что же нам сказать им о тебе?— спросили его спутники.

И он ответил:

— Ну, это нетрудно. Не говорите: «На границе нашей большой страны мы увидели, что там скитается младший брат, бедный!» Этого говорить нельзя! Скажите лучше: «Мы застрелили старшего брата вместе с младшим». Скажите: «Прибыв на границу нашей страны, мы услышали об этом происшествии и подумали: "Если младший сотворил такое, то же сделает и старший". Поэтому мы закопали их обоих». Вот так и скажите!

— Да, сделаем так! — согласились они, увели его лошадь и ушли.

— Где старший?— спросили их.

— Старший? На границе великой страны мы услышали об этом происшествии. Мы подумали: «Если младший сотворил такое, то и старший сделает то же» — и застрелили его.

— Ну и правильно,— сказали старики и стали себе дальше жить-поживать на белом свете.

А оба брата, младший и старший, шли, шли и пришли на гору. И, придя туда, они увидели черный камень размером с быка. У черного камня стояли две чаши с дождевой водой. Выпив по чаше воды, они легли под защитой скалы и заснули.

Как только наступило утро, один стал будить другого:

— Пора идти, братец, вставай и пойдем!

Брат его не шевельнулся. Он был мертв.

— Ой, мой братец, что же случилось? Отчего ты умер?— вскричал он.

Плача и причитая, подсунул он под его подушку тот золотой слиток и написал на черном камне: «Того, кто наткнется на кости моего младшего брата, прошу похоронить его!» — и двинулся в путь.

Шел он, шел. В одной стране все жители собрались на площади на большой совет.

— Что означает это огромное сборище? Что случилось?— спросил он.

И ему ответили:

— В этой стране ни один хан не остается в живых, ни один!

И подумал юноша: «Ага, говорят, что каждый, кто станет ханом, через три дня всегда умирает. Мой младший брат умер, и мне уже нечего терять! Пусть и я умру через три дня. Наестся бы еще хоть раз в жизни до отвала, а там уж можно спокойно умереть!»

И тогда юноша спросил:

— А для чего вы все собрались здесь?

А они отвечали:

— В нашей стране хан не живет, всегда через три дня умирает.

— Можно я стану вашим ханом, братья?— спросил он.

— Да, стань!— закричали все.

Ну, сделали они юношу ханом и посадили его на ханский трон. Сидел он так, сидел, бедный, три дня, а потом спросил:

— Разве не говорили у вас, что через три дня умрешь?

Вышел он из дворца на солнечную сторону, сел и стал есть все подряд. Думает: «Настал мой смертный час!», а вслух сказал:

— Наступил день моей смерти, сегодня уже прошло три дня!

Тут грянул черный дождь со снегом и градом. Дождь все шел и шел, и подползла гигантская змея.

— Хочу есть, хочу пить!— закричала она.

И сказал юноша:

— Разве ты не пожираешь всегда каждого, кто стал ханом?

Разве ты не пьешь кровь каждого, кто стал ханом? Подожди, я тебе что-то дам!

— Что ты мне дашь?

— Раз в три дня ты будешь получать свою пищу. Ты ведь съедаешь каждого, кто стал ханом? Так я всегда раз в три дня стану кормить тебя.

— Ну, если так, давай еду. А что мне дашь?

— Я дам тебе овцу и человека,— пообещал он.

— Ну ладно, через три дня давай человека и овцу да привяжи их крепко-накрепко вон к тому дереву!— сказала змея и уползла прочь.

А брат его лежал мертвый. В это время бродил по земле семидесятилетний лама, опираясь рукой о землю. Дошел он до этого места, увидел, что лежит человек. Посмотрел, а тот мертв.

«Ах, отчего же он умер? Такого греха я еще не встречал, как я ни стар. Что случилось? Такого греха я еще никогда не видал»,— думал он, молился, приносил жертвы, приносил жертвы и опять молился, молился. И тут вскакивает этот юноша:

— Где мой брат? Где мой брат? Где мой старший брат? Где мой старший брат?

И сказал тогда лама:

— О, я не знаю твоего старшего брата, откуда мне знать, где он. Посмотри-ка надпись там на камне!

Посмотрев на оставленную его старшим братом надпись, юноша вернулся бегом, схватил золото, лежавшее у него под подушкой, и сказал ламе:

— Ну, я иду теперь на юг! Мой старший брат пошел на юг.

И отправился вслед за своим братом. Шел он, шел себе, шел и увидал огонь — видимый ночью и невидимый днем. Этот огонь можно было увидеть только ночью. Поэтому ночью он шел, днем спал, а ночью опять двигался вперед.

И наконец однажды ночью он пришел к ободранной черной юрте, с которой войлок свисал клочьями.

Подойдя к юрте, он поглядел в нее через дырку в войлоке и увидел двух стариков. А позади них сидела красивая девушка. Старик вдруг принялся целовать девушку и стал плакать. А потом стала целовать ее и плакать старуха. Юноша подумал: «Ну что бы там ни было, а я хотел бы поесть!»— и быстро вошел в юрту.

— Что у вас случилось, братья?

Они сказали:

— О, а ты что за человек?

— Ах, братья, накормите меня! — ответил он.

Они тотчас принесли ему поесть.

— Ну, что случилось?

— Ах, сказали, чтобы мы завтра привели нашу дочь и отдали змее. Там ведь страна, в которой хан не остается в живых более трех дней. А теперь там воцарился хан, который велел, чтобы мы отдали нашу дочь. Можно ли сделать так, чтобы девушка эта, наша дочь, оказалась спасенной и осталась жить?

— Добудьте-ка мне хороший белый меч, такой острый, чтобы им можно было рассечь волос, — сказал юноша и, наевшись досыта, заснул.

Спал он себе и спал. А тут уже прискакали спешно два гонца того хана и заорали:

— Эй, старик, поднимайся, вставай, быстро давай свою дочь!

Разбудили они тогда юношу.

— Ну, где меч? Быстро несите его сюда! — крикнул юноша и, получив меч, сказал: — Дайте мне платье вашей дочери!

Старинный наряд девушки с каймой по подолю смешон ведь, правда? Но юноша все-таки надел его и выскочил, спрятав меч в рукав.

Они схватили его, повязали его голову веревкой как недоуздом и отправились в путь.

Скакали они, скакали и привезли его к месту, куда приползала змея, и крепко привязали к доске вместе с овцой. И так, связанного, оставили.

Стоял он, стоял... и тут появилась змея. Она уже подползла и собиралась перекусить его пополам, но вдруг упала, разрубленная пополам мечом, спрятанным в рукаве юноши. Но, сраженный ядом змеи, юноша упал плашмя, а привязанная овца все еще стояла.

Подошли хан и оба его посланных, переговариваясь между собой: «Ну, пойдем посмотрим, что там делается! Съела ли змея свою еду?»

Подошли, поглядели, а змея лежит мертвая, и юноша лежит тоже мертвый.

— О хан, мы убили змею и похоронили ее, щедро награди нас!

— Ах, идите и отрубите бестии голову. Разве я против? — сказал он.

Вот как! А старики тут воскликнули:

— Жизнь нашей дочери спасена!

Взвалили они на плечи свой таган и казан, взяли с собой одну из своих коз и помчались к юноше, чтобы помянуть его. Добравшись до него, старик заколол козу, а старуха побежала за дровами. И тут она увидела, что из песка высовывается кончик украшенного каймой подола халата, в который был одет похороненный в песке юноша. Помчалась она назад со всех ног с криком: «Святой Хааркан!»

— Эй, старуха, что случилось? — спросил старик.

— Виднеется кончик халата нашей дочери!

Они побежали и вытащили юношу. Он был полуживой. Взвалили они его себе на спины, бросили козу, таган и казан и побежали к своей юрте.

Придя к себе в юрту, дали ему поест и тем вернули юношу к жизни.

А тем временем опять примчались посланцы хана и закричали:

— Старик, эй, старик, выходи! Хан сказал, чтобы ты до полудня завтрашнего дня ссучил нити из ваты и сплел из них шатер.

— О горе мне, что вы такое говорите? Что я должен делать? Что случилось?

— Хан сказал, чтобы старик ссучил нити из ваты и сплел из них шатер, да притом до завтрашнего полудня!

— Что за глупости вы болтаете! С каких это пор семидесяти-летний старец должен сучить нити? Не болтайте чепухи! Не болтайте, не лайте!

— Не отрубить ли ему голову?— сказали друг другу вестники и помчались назад.

— У старика есть еще одна дочь,— доложили они.

— Привезите ее, привезите ее!— сказал хан.

Получив от хана приказ привезти ее голову, они поскакали обратно и снова появились у хижины.

— Старик!

— Ну, что там такое?

— Давай свою дочь!

Тут вышел юноша.

— Мы приехали за твоей головой!

— Нужна она вам — так берите!

Повязали они ему голову веревкой как недоуздом и ускакали. В пути они встретили множество погонщиков верблюдов, расположившихся на отдых.

— Что за человека вы везете?

— Этот человек принадлежит нам. Мы отрубим ему голову.

— Ах, продайте его нам! Есть такая красная вода... Раз ему так или иначе отрубят голову... А мы можем переправиться через эту воду, только отрубив человеку голову. Отдайте его нам, мы дадим вам за него трех верблюдов с поклажей. Дадим три тюка сукна!— говорили они.

— Ну ладно.— И, отдав его, посланные хана ускакали.

А погонщики верблюдов взяли юношу с собой и хотели переправиться через красную воду. Но когда они сказали: «Ну, отрубим», юноша предложил:

— Дайте-ка мне ваш нож, братья, я сам вонжу его себе в шею и перейду!

Погонщики верблюдов выстроились в ряд, приготовившись к переходу. А юноша поднял над водой кисть руки и отрезал ее ножом. Как только закапала кровь, погонщики один за другим переправились через красную воду. А перейдя на ту сторону, начали погонщики размышлять: «Да, это не простой человек! Это человек особый! Перейдем обратно и возьмем его с собой».

И они перешли обратно вместе с ним. Дали они юноше поклажу трех верблюдов.

Прибыв к большому базару, они разбили свои палатки и начали ходить по базару и торговать. И увидели они там какого-то юношу, который тряс некрашенный ящик на тележке и кричал:

— Купишь его, будешь иметь радость! Не купишь его, будешь жалеть! Ну, кто возьмет некрашенный ящик?

Никто его не брал. А наш юноша пошел за ним следом:

— Что ты сказал, брат?

— Я сказал: «Кто купит этот некрашенный ящик? Кто возьмет его, будет иметь радость. Кто не возьмет его, пожалеет», — повторил он.

«Ну и ну, он говорит, что, если его взять, будет радость, а не взять — будет горе. Ладно, возьму-ка я его!» — подумал он и сказал:

— Отдашь мне его?

— Бери, бери, а что дашь взамен?

— Дам поклажу трех верблюдов.

Дал он ему поклажу трех верблюдов и взял этот ящик. И тот — другой — юноша сказал:

— Ни в коем случае не открывай его до тех пор, пока не придешь домой!

— Хорошо, — сказал юноша, взял ящик и отправился в путь.

Пройдя полпути, он уже не мог больше выдержать и открыл его ключиком. Как только он открыл ящик, из него вышла прекрасная девушка и заговорила:

— О горе, горе! Твой трудный путь еще не закончен, тебе еще предстоит пройти через много страданий! Зачем ты открыл ящик? Быстро умер ты и быстро ожил! Опиши-ка мне свою жизнь — с тех пор, как ты родился у твоих родителей, как ты умер и снова стал живым, быстро!

Юноша сел и описал все, что пережил: как он родился у родителей, как умер и опять ожил. Дал бумагу девушке, она спрятала ее под мышкой справа и сказала:

— А теперь быстро захлопни крышку!

Он посадил ее в ящик, захлопнул крышку и пошел к погонщикам верблюдов.

Увидев его, они спросили:

— Что у тебя за некрашенный ящик?

— А, я его купил.

— Сколько дал за него?

— Отдал поклажу трех верблюдов.

— А что в нем?

— Да ничего в нем нет!

Тогда они увели юношу, привязали его крепко-накрепко к иве, сняли у него с шеи ключик, унесли его, открыли им ящик, и оттуда вышла прекрасная девушка.

— О, у того хана, который сумел избавиться от неизбежной смерти, нет жены. Если мы доставим ее туда и дадим ему в жены, нас ждут богатые подарки! — сказали погонщики верблюдов, вынули девушку из ящика, заковали ее в цепи, вместо нее посадили в ящик юношу и пустились в путь.

А засунув юношу в ящик, они к тому же бросили ящик в красную воду. А потом пошли к хану.

— Вот, мы привели вам супругу, красивую супругу привели мы вам!

Хан велел тут же поставить ему юрту, привести туда девушку, а сам пришел вечером, чтобы встретиться с ней.

— Кто ты такая и какова твоя история?— спросил хан, войдя в юрту. И на его вопрос она ответила:

— Вот моя история,— вынула из-под мышки бумагу и подала ему. Когда она дала ему бумагу, хан лишился чувств и упал. Это ведь была история его младшего брата. Он упал в обморок, а потом снова пришел в себя и собрал всех своих солдат.

Собрав всех своих солдат, он велел десяти из них обыскать оба берега красной воды, не найдут ли они в воде некрашенный ящик. Потом он велел разыскать обоих посыльных и, когда их привели, велел расстрелять их. Привели родителей той девушки, и он обращался с ним как с отцом и матерью, оставил их жить у себя и заботился о них.

А в местности, расположенной в нижнем течении этой красной воды, была страна хана Аржу Буржу. У хана был рыбак, бедный человек. Он ловил рыбу всегда только на крючок. И однажды этот бедный человек сказал своему хану:

— Я человек, который живет в вашей стране рыболовством. Я сворачиваю мою удочку и забрасываю ее. И вот на мой крючок поймался какой-то ящик, и его не вытянуть. Соберите своих подданных, и пусть они мне его вытянут.

Так говорил несчастный.

И собрал хан свой народ, и они вытащили бедняку ящик. Они разбили его и, заглянув внутрь, увидели юношу.

— Ах, это принц Лузут Хаана!— сказали они и, объявив его сыном Лузут Хаана, посадили его на трон. А когда это произошло, пришли пять солдат и нашли его. Найдя его наконец, они опять вернулись к своему хану и сказали:

— Твой младший брат попал в такую-то страну и стал сыном Лузут Хаана. Он живет в стране Аржу Буржу Хаана.

Тогда он дал им письмо: «Пожалуйста, поскорей приходи! Приходи не позже чем через месяц!»— так было в нем написано. Они пошли и отдали письмо.

Тогда тот юноша, ставший сыном Лузут Хаана, посадил вместо себя на трон бедняка-рыбака и отправился к своему старшему брату.

Прибыл он к своему старшему брату, и тот сидел на троне под именем Арыл Хюрюл Хаана, а его младший брат взошел на трон как сын Лузут Хаана.

И тут явились его мать, совратившая его, и отец, прогнавший его на чужбину. Они скитались так долго, что плечи их были изранены, руки загрибели, а ноги потрескались.

— А теперь быстро убейте этих стариков! Они нам не нужны. Вот наши родители! — сказал старший брат и показал на родителей девушки.

И тогда младший сказал:

— Не надо этого делать! Не будь мы рождены отцом и матерью, мы бы не скитались по свету, умирая и воскресая. Если бы у нас не было отца и матери, как бы мы жили, скитаясь, умирая и воскресая? Пусть они будут моими отцом и матерью, а ты возьми в родители тех.

И он стал жить дальше под именем Бюдюп Хойлу Хаан.

28. Ханские близнецы

Жил некогда хан, и был он умен и мудр. Его земля была прекрасна, подданные любили его, и богат он был скотом.

И была в его стране большая река, к которой приходил на водопой скот. В один прекрасный день река иссякла. Удивлялись люди. Скот стал страдать от жажды, мучились и люди.

И созвал тогда мудрый хан большой хурал, чтобы опросить народ и выяснить, почему оскудела река. Один из его метких стрелков, уже сто лет живший на свете и накопивший много знаний, сказал:

— У истока реки сидят серебряная и золотая лягушки, они заткнули источник; если дать им выпить крови близнецов хана, лягушки снова откроют путь воде.

Мудрый хан погрузился в раздумье. Народ ждал. Зашло золотое солнце, уже приближалось новое утро, когда мудрый хан заговорил:

— Оба моих сына мне дороже, чем зеница глаз моих, чем кровь моего сердца, но они не дороже мне, чем моя страна, не ценнее, чем мой народ. Поэтому давайте оборвем течение их жизни, давайте прольем их кровь.

Услыхав об этом решении, мальчики так заплакали, что обе пары их глаз совсем распухли. И пустились они в путь, чтобы расстаться с золотыми духами своей жизни.

И пошли они вверх по высохшему руслу реки. Томимые голодом и жаждой, дотащились они до истока реки. Уже вдали показались две лягушки.

Мальчики волочили свои голые тела по гальке, обливаясь горячим потом, чтобы продвинуться вперед хоть на ширину пальца. Они ползли и карабкались, и их суставы уже перестали сгибаться, а они все ползли, и отовсюду уже торчали их обнажившиеся кости.

И так они приблизились наконец к лягушкам — золотой и серебряной.

И сказали лягушки:

— Значит, завтра мы утолим свою жажду кровью двух ханских сыновей! — и захохотали: ха-ха, и запрыгали от радости: гоп, гоп!

Мальчики осторожно подошли, как только лягушки повернулись к ним спиной, близнецы кинулись вперед и проглотили обеих лягушек — золотую и серебряную.

И снова потекли воды большой реки, вода покатила по своему руслу и понесла близнецов.

Неизвестно, сколько прошло дней и ночей, но в один прекрасный день оба мальчика — целые и невредимые — вышли на берег. И стояла там на этом месте черная юрта, и, войдя в нее, они увидели старца с белой бородой до полу. И он спросил их:

— Ну а вы откуда, дети мои?

И они рассказали ему все, что с ними случилось. Старец вывел близнецов из юрты и рассказал им:

— В нашей стране повелось так, что ханы не живут. Умерло уже семь ханов. Я — старейший в этой стране, и мне приснился нынче сон, что, если с севера явятся к нам двое юношей, один из них будет нашим ханом. Значит, один из вас станет теперь нашим ханом.

Тем временем они подошли к ханскому дворцу, где уже собралось множество народа. Мальчики только удивлялись, вообще не понимая, что с ними происходит.

— Будьте нашим ханом и сядите на львиный трон с восемью ножках, — закричали люди, и тот близнец, который родился первым, вззошел на трон. И так он стал ханом.

В полночь окончился большой праздничный пир. Народ разошелся, и второй близнец тоже вышел из юрты. Этот мальчик дивился всему, что случилось с ними, и беспокоился о своем брате-близнеце. А тот вообще ни над чем не задумывался. Он забыл обо всем из-за красоты своей супруги-ханши и был без ума от счастья. Брат же его решил подождать под дверью в тени юрты-дворца.

Прошло немного времени с тех пор, как ушли последние гости и хан остался в юрте наедине со своей женой, как вдруг оттуда появилось нечто издающее мерцание, покаталось в золе, обернулось вилком длинной в три сажени и побежало прямо на юг.

Мальчик, притаившийся у юрты, прислушался, однако из юрты не доносилось ни звука.

Осторожно прокрался он в юрту.

Хан спал мертвым сном, а рядом с ним лежало уже не то прекрасное создание, каким была его жена, а уродливая старая женщина с увядшим, серым лицом, какое бывает только у мертвецов.

Как безумный, помчался юноша к белобородому старцу и рассказал ему все. Тот сказал:

— Так-так, значит, она — шулмус, а душа ее убежала, чтобы принести что-нибудь, чем можно было бы убить твоего брата. А тело ее осталось сейчас пустым. Когда душа ее возвратится, ее надо уничтожить, прежде чем она опять вернется в тело. Если это не удастся, твой брат умрет.

Старец спросил у юноши:

— Ты мастер стрелять?

И мальчик ответил на это:

— На расстоянии длинной в аркан я попадаю точно в пестрый глаз бабочки. На расстоянии, которое проходит аил от одной кочевой стоянки до другой, я попадаю точно в верхний шейный позвонок алтайского медведя.

— Ну и прекрасно, — сказал старец, — тогда, как только синий волк возвратится и станет валяться в пепле, перебей ему верхний шейный позвонок.

С этими словами он дал мальчику свой большой черный лук и стрелу.

Мальчик опять пошел к юрте-дворцу, спрятался в ее тени и застал. Собрав воедино силу всех своих десяти пальцев, нацелив остроту своих горящих глаз, вложив заранее стрелу в лук и натянув тетиву, ждал он волка.

Незадолго до рассвета прямо с юга прибежал синий волк длинной в три сажени. Только он собрался броситься в пепел, чтобы поваляться в нем, как мальчик, заговорив стрелу словами: «Не отскочи от верхнего шейного позвонка», выпустил ее. И запылал красный огонь, поднялся вверх густой столб черного дыма и застыл в виде тумана.

Юноша подбежал взглянуть, но его вывернуло наизнанку — такая там была вонь.

Придя в себя, он увидел, что там, где лежал пепел, образовалась большая черная дыра, глубоко уходящая в землю. Он побегал в юрту. Его брат лежал в глубоком сне, а страшная старуха была мертвым-мертва. Он разбудил брата, потом ударил в большой барабан, чтобы собрался весь народ, и рассказал, что произошло. И сказал он:

— Выберите умнейшего из мужчин и сделайте его ханом, выберите самую красивую из девушек и сделайте ее ханшей. А нас отпустите в нашу родную страну.

Но весь народ, посоветовавшись, сделал своим ханом того, кто победил шулмусиху, эту могущественную женщину, а другого — его правой рукой, советником. Из всех красавиц страны они выбрали двух самых прекрасных и дали им в жены.

Начались игры и состязания на целый месяц и праздничный пир на целый год.

С четырех стран света, из восьми аймаков были приглашены на праздник все братья и сестры. Они приехали в золотых повозках, запряженных иноходцами всей мастей, и пировали вместе.

29. Дептеген — черная старуха с мешком из верблюжьей кожи

Черная старуха Дептеген с мешком из верблюжьей кожи носит по всей земле в поисках самой кислой божь и самого густого хойтпака.

Приходит она к покинутому кочевью, а там лежит послед кобылы — она сует его в свой мешок. Проходит мимо места, где лежит ядовитая змея, — сует и ее в мешок. Идет в другое место, там

лежат три куриных яйца — и их сует в мешок. Идет дальше, смотрит: лежит шило — сует и его в мешок. Опять идет и видит на земле высохшую шкуру — сует ее в мешок. Наконец она приходит туда, где лежит допак из оленьих рогов, сует и его в мешок.

И так она бродит по земле и добирается до места, где сливаются воедино три реки. И стоит там белая юрта-дворец без веревок и завязок. Она входит, в юрте — ни души. Дептеген, черная старуха с мешком из верблюжьей кожи, роет себе ямку у дверного столба и ложится в нее.

Вечером приходит молодая красавица, сияющая, словно солнце и луна. Только она было села рядом с очагом, как шило колет ее. Она испуганно вскакивает — тут ее жалит ядовитая змея. Закричав, она сует ужаленную руку в пепел — тут лопаются спрятанные в углях яйца, и она лишается света глаз, она выбегает и от боли бежит вокруг юрты, да, поскользнувшись о послед кобылы, вываленный на высохшую шкуру, падает. И когда она лежит так, не в силах встать, подбегает черная старуха Дептеген и убивает ее допакон из оленьего рога. Берет одежду молодой красавицы и надевает ее. А беднягу она подтаскивает к воде и бросает туда.

Молодую женщину звали Шайнак. Юный супруг ее был из тех, кто в конце месяца возвращается домой с охоты, если он ушел в начале месяца, или возвращается в начале месяца, если ушел в конце его. Вернулся ее молодой супруг и сказал:

Ты варишь самый крепкий чай,
Ты готовишь самое жирное мясо,
Моя Шайнак, почему ты выглядишь так плохо?

И ответила на это черная старуха Дептеген с мешком из верблюжьей кожи:

— Ты ускакал — динь-дон — со звоном и бубенцами и отсутствовал месяцами и годами. А оставшаяся болела месяцами и годами. Как же ей не выглядеть плохо?

Вечером пришел его погонщик верблюдов и сказал:

— Белый верблюд-двухлеток весь день кричал: «Моя Шайнак! Моя Шайнак!» — и не ел травы.

Дептеген, черная старуха с мешком из верблюжьей кожи, сказала на это:

— Дурной знак, когда скотина называет человека по имени. Убей его! — и велела забить верблюда, так как верблюд-двухлеток почуял запах крови.

Тем временем пришел погонщик конского табуна и сказал:

— Рыжий жеребец весь день кричал: «Моя Шайнак! Моя Шайнак!» — и не притронулся к траве.

Тогда Дептеген, черная старуха с мешком из верблюжьей кожи, опять повторила те же слова и велела убить жеребца, так как он на водопое почуял запах крови.

Тем временем пришли пастухи, пригнавшие овец и коров, и тоже сказали:

— Баран с пятном на носу и черный бык весь день кричали: «Моя Шайнак! Моя Шайнак!» — и ничего не ели.

Наконец у молодого человека зародилось подозрение. Он проколол ножом ляжку своего единственного сына и стал вращать его на ноже. И крик сына пробудил от смерти родившую его мать, она вернулась золотым лебедем и опустилась около него.

Молодой человек притащил Дептеген, черную старуху с мешком из верблюжьей кожи. На его вопрос: «Что ты возмешь?» — она ответила:

— Я старый человек: возьму семь молодых кобылиц для верховой езды.

Тогда Дептеген, черную старуху с мешком из верблюжьей кожи, привязали к семи кобылицам, пустили их на семь сторон, и они разорвали ее на части.

А меткий охотник, этот молодой человек, жил счастливо со своей молодой женой, золотой Шайнак, в мире, богатстве и радости до самой смерти, так рассказывают.

30. Старики с семьей желтыми козами

В давнее время жили старик и старуха с семьей желтыми козами. Старика звали Даптама́л, а старуху — Бю́ршюкбей. Еще были у них сын и дочь. Мальчика звали Оттукбай, девочку — Гестикбей. Жили они, поживали, и вдруг однажды вечером к ним явилась джелбеге и утащила одну из желтых коз. На следующий день она унесла еще одну. Так и повелось, и, когда прошло семь дней, не осталось у стариков ни одной козы. На восьмой день она явилась опять, но не нашла никакой добычи.

Как прекрасно, когда старик Даптама́л сидит и — скриб-скраб — скребет себе спину!

Как прекрасно, когда старуха Бю́ршюкбей сидит и раздувает огонь!

Как прекрасно, когда юноша Оттукбай сидит и, подняв глаза, прямит стрелы!

Как прекрасно, когда девушка Гестикбей сидит и, опустив глаза, расщипывает сухожилия на волокна.

Так рассуждала джелбеге, сидя у юрты, и ей захотелось съесть кого-нибудь из четверых! Выждав немного, она схватила девушку Гестикбей, проглотила ее и убежала. На следующий день, как только стемнело, она явилась опять, заглянула сквозь дырочку в черную юрту, снова пробормотала все те же слова и через некоторое время проглотила мальчика Оттукбая и убежала. Когда джелбеге снова вернулась на следующий день и увидела, что старик, как и прежде, сидит и скребет себе спину, а старуха, как всегда, раздувает свой огонь, она опять произнесла про себя те же слова, отчего у нее даже слюнки потекли. Рывком открыла она дверь, скакнула в юрту и проглотила и старуху. Остался один старик Даптама́л. Он расстроился, так как не знал, что ему делать. На следующий вечер, как и всегда, явилась джелбеге. Она скакнула в юрту, чтобы проглотить старика. Но тот был очень высокого роста да еще лег поперек и никак не лез ей в пасть.

Тогда она сказала:

— Родич, приходи-ка завтра в нашу юрту пить чай!

Старик ответил:

— Хорошо, приду!

На следующий день он сказал джелбеге:

— Нет, детка, я приду к тебе завтра! Сегодня мне некогда!

День за днем приходила джелбеге, и всякий раз старик отговаривался: «Завтра!»

Наконец джелбеге решила сразу же забрать его с собой, но Даптама́л сказал:

— Сегодня в полдень я приду к тебе.

В полдень она примчалась и просто-напросто взвалила старика себе на спину. Долго бежала она со стариком на спине и присела на камень, чтобы отдохнуть немного. Даптама́л воспользовался случаем, прислонил к спине джелбеге вместо себя камень, а сам убежал домой. Джелбеге взвалила на спину камень и, только добравшись до своей юрты и сбросив со спины поклажу, поняла, что притащила. Разозлилась она, вернулась и во второй раз взвалила старика себе на спину. На этот раз она решила отдохнуть, только добравшись до местности, где не было камней. Но и старик был не дурак: осторожно отделил от земли кусок дерна величиной с человека, взвалил его на спину джелбеге, а сам опять дал стрекача. А джелбеге, добравшись до своей юрты, опять увидела, что притащила вовсе не старика, а дерн. Разъярившись, она помчалась назад и в третий раз взвалила старика себе на спину. Но на этот раз она схватила его за руки, перекинула их себе на грудь и не выпускала их даже тогда, когда отдыхала. Так она дотащила его до своей юрты, где было семеро ее желтых детей — семеро джелбегят. Она связала старика Даптама́ла черно-пятнистой веревкой, подвеси́ла его к дымовому кругу своего черного хадгы́ра и сказала своим детям:

— Да, детки мои,
Я пойду поищу щепчонку,
Чтоб насадить на нее
Даптама́ла печенку.
Пойду поищу веточки,
Чтоб нанизать на них
Даптама́ла почки.
А вы пока приглядите за ним.

Ушла джелбеге, а Даптама́лу дым ел глаза, и он чуть не задохнулся, и в своей беде пустил он кал и мочу. К нему сразу же подскочили семеро желтых детей джелбеге, спросили:

— Что это за прелесть? — и принялись лизать и глотать.

Старик Даптама́л поспешно ответил:

— Я мог бы выдать вам из своего брюха и кое-что получше, но, к сожалению, мне мешает то, что у меня связаны руки.

Джелбегята тотчас же перерезали веревки и развязали ему руки. Едва освободившись, старик тут же убил семерых желтых джелбегят, спустил им шкуры, разрезал их мясо и сварил его в казане. А семь голов сунул он в кровать, так, чтобы одна выглядывала, а остальные прикрыл. Потом он прорыл под кроватью джелбеге

яму с выходом из юрты в противоположном от почетного места конце и спрятался в ней. Вскоре вернулась джелбеге.

Почуяв запах вареного мяса, она сказала:

— О, как вкусно пахнет жир старика Даптамала!— и попробовала варено.— Э, да это по вкусу мясо джелбеге!

Она заглянула в казан и увидела мясо своих собственных детей. Вскочила джелбеге, взглянула на кровать и увидела семь голов своих детей.

— Даптамал, ты куда спрятался? — в ярости вскричала она.

— Я здесь, — слышался ей голос старика из-за юрты.

— Ну, погоди, старый пес, я тебе покажу!— зашипела она и выскочила из юрты. Но там его не было.

— Даптамал, где ты? — снова закричала она.

Теперь старик ответил ей из юрты:

— Я здесь!

— Ужо я поймаю тебя, старый пес!— заорала она и опять бросилась в юрту.

Но и внутри его не было. И так она бегала в юрту и из юрты до полного изнеможения. Лишь однажды удалось ей увидеть ступни Даптамала, юркнувшего в свою дыру; одним махом скакнула джелбеге вслед за ним в яму, а Даптамал выскочил, схватил с огня казан и опрокинул в яму кипящий отвар вместе с мясом. Джелбеге обварилась и тут же, на месте, и окоченела. Даптамал вспорол ей живот и увидел, что трое его коз подошли, а четверо еще живы, живы были и дочь его Гестикбей, и его сын Оттукбай, и даже жена, старуха Бюршюкбей. Погнал он своих коз домой, взял с собой свою старуху, сына и дочь и вернулся к своей бедной юрте. Теперь джелбеге уже не было, и можно было ничего не бояться. Все спали долго и сладко и жили долго и счастливо.

31. Страшные черные мангысы

В старое время жили как-то старик и старуха. Было у них семь черных коров, но не было потомства.

Однажды, когда старик пас семерых своих черных коров, он попал в чужую местность и увидел трех страшных черных мангысов. Они играли, подбрасывая вверх, как мяч, камень размером с трехлетнюю корову. Старик подошел к ним и в страхе остановился, а они, желая испытать его, пригласили:

— Давай, старик, поиграй-ка с нами в мяч этим камнем!

Старик посмотрел прямо в небо и промолчал. Мангысы спросили:

— Эй, ты, почему стоишь и не подбрасываешь камень?

Старик ответил на это:

— Я вижу там место, где он может, взлетев, застрять. Я брошу его так, что он застрянет.

— Этот старик — сумасшедший. Не умеет играть по-человечески. Не давай ему камень, — сказал один из мангысов.

— Ну ладно, старик, будем друзьями. Пойдем в гости в твою юрту!

Старик пошел, велел трем черным мангысам следовать за собой и потом сказал:

— Подождите здесь. Моя старуха в дурном настроении. Я пойду вперед и предупрежу: «Идут добрые друзья. Не показывай своего дурного настроения!»

Придя домой, старик забил одну из своих коров, налил крови в толстую кишку и засунул ее в гнилой пень. Тонкую кишку он зарыл в землю, а потом пошел навстречу мангысам.

Когда все они приблизились к его юрте, старик сказал:

— Друзья, сыграем в игру «Раздави живот замерзшей земли!»

Мангысы, притоптывая, бегом помчались по замерзшему лугу. Тонкая кишка не появлялась. Побежал старик и затопал так, что показалась тонкая кишка. Восхищенные мангысы сказали:

— Вот это ловкий друг!— что было на них не похоже.

— Ну, друзья, а теперь мы будем стучать в гнилые пни, пока из них не вытечет кровь!— сказал старик.

Мангысы разбили кулаками гнилой пень, но из него не потекло никакой крови.

— Теперь ударь ты, старик!— сказали они.

Старик набрал в грудь побольше воздуха и так ударил по пню, что брызнула кровь. Мангысы говорили между собой:

— И впрямь, необычный старик. Как же сго съесть?

Вошли они в его юрту. Он дал им чаю и угостил их.

— Свари, старуха, мяса для друзей!— велел старик.

— А где оно, твое старое сушеное мясо? Нечего мне варить, нет мяса.

— А куда ты дела голову первого мангыса? Куда ты дела спину среднего мангыса? А где окорок последнего мангыса? Для чего я предупредил тебя заранее: придут мои добрые друзья, не показывай своего дурного настроения!— ругал он свою старуху.

А так как добрых друзей не укладывают спать на голодный желудок, он сказал жене:

— Освежуй быка.

И она быстро содрала целиком шкуру и дала ее ему со словами: «Принеси шкуру, полную воды!» Старик пошел, набрал в шкуру воды и попытался ее поднять, но это ему не удалось.

— Что там с водой, старик? — спросил один из мангысов, побывавший вслед за ним.

— Ах, мне будет стыдно, если люди увидят, что пришли добрые друзья и позволили мне, старику, нести воду, они станут болтать об этом. А мне это неприятно!

— Давай сюда! Коли так, то я понесу,— ответил тот, схватил шкуру у горла и взвалил ее себе на плечо, и у него с шумом вырвались ветры. Старик, отброшенный струей воздуха, уцепился обеими руками за пень.

— Эй, старик, что ты делаешь? Что ты обнимаешься с пнем?— спросил мангыс.

— Я хочу вытащить его и заткнуть им твою задницу, раз в ней нет затычки!— ответил он.

— Уй, ну и глупый же старик! Теперь он разорвет мне весь задний проход!— сказал тот.

Они возвратились вместе и наконец сварили и съели мясо быка. Старикам мангысы оставили только почки и сердце, а все остальное, до последнего кусочка, сожрали втроем.

Ночью они стали советовать:

— После всего этого старик нас, конечно, уничтожит. Давайте спасем свои жизни и убежим!— И они убежали.

На пути им встретился волк:

— Эй, молодцы-мангысы, куда бежите?

— Ой, мы встретили злого старика и бежим от него, чтобы спасти свои жизни,— отвечали они.

— А-а, у него было семь черных коров, шесть из них я задрал. Теперь остался один черный бык. Я иду как раз туда, чтобы задрать и его. Подумаешь, старик!— сказал волк и добавил:— Веди-те меня туда! Я задеру для вас не только черного быка, но и старика со старухой. А потом съедем их всех!

Они надели ему понарошку на шею поводок, повели за собой и уже приближались к юрте, чтобы съесть старика и старуху.

Увидев их, старик закричал:

— Эй, волк, держи мангысов крепче!

Мангысы давай бежать. Бежали, бежали, а как оглянутся: волк все показывает им зубы.

— И он еще смеется, когда другим так страшно!— заорали они в ярости и припустились еще пуще.

Когда через некоторое время они опять оглянулись на бегу, то увидели, что волк выпал из веревки и лежит мертвый.

А старик и старуха стали жить наконец в мире и покое.

32. Бурган Буруш

Жил однажды со своим единственным сыном бедный старик по имени Бурган Буруш, никому и никогда не сделавший ничего плохого.

И вот единственный его сын умер, и на третий день старик пошел к тому месту, где он его похоронил. И увидел он там трех мангысов и старуху Эрлик, собиравшихся разодрать труп на части. С плачем побегал старик назад к своей невестке, а та как раз только что произвела на свет мальчика. А три мангыса со старухой Эрлик пошли вслед за стариком; когда они вошли в юрту, старик спрятался за невестку.

Мангысов стошнило в юрте кровью, отгрыгнули они жир и собирались было уже уйти. Но старуха Эрлик стала противиться:

— К чему нам уходить? Лицо этой женщины свежо и гладко, съедем ее младенца!

Мангысы же ответили:

— Нет! Пусть сначала мясо его станет мясом, пусть его кровь станет кровью. Сначала мы съедем старика Бурган Буруша. Коли соки и кровь старой шкуры не становятся хуже, то уж и лучше они, наверно, не станут!— С тем они и ушли.

Бедный старый Бурган Буруш, услышав все это, решил бежать от мангысов. Вскочил он на своего пегого коня и сказал:

— Лишь когда я в изгнании протру до дыр мои железные стрелы, лишь когда я протопчу горную тропу так, что она будет по плечи идущим, по пояс всадникам, лишь тогда я прощусь с надеждой!— и ускакал на север.

Его невестка вырыла в полу юрты, у изголовья своей кровати, яму и растила в ней сына. Когда ему было шесть дней, он уже говорил «папочка», в семь дней говорил уже «мамочка», в шесть лет стрелял архаров, в семь лет стрелял волков — так быстро становился он мужчиной. Однажды он забавлялся с мальчиками из своего аила стрельбой по ремням¹ и, конечно, — иначе и быть не могло — победил их всех. Они рассердились и сказали:

— У, негодник, не очень-то задавайся! Если бы ты был действительно смелым парнем, то три мангыса и старуха Эрлик не сме-ли бы преследовать твоего деда, да еще после того, как съели твоего отца!

Мальчик спросил:

— Мамочка, а мамочка, где мой отец? Где мой дедушка?

Его мать отвечала:

— Не знаю.

Мальчик сказал:

— Мамочка, мамочка, я страшно голоден, поджарь мне пшеницы!

Мать хотела поджарить ему пшеницы. Но мальчик схватил ее за обе руки, сунул их в казан и так заставил ее рассказать, что было с его отцом и дедом. А потом он согнул железный таган и растоптал черный казан. Сделал себе стрелу из ствола сладкой таволги, одиноко росшей в ущелье. Потом сделал себе лук из сладкой таволги, которая росла одна-одинешенька в ложине у горного склона, и отправился в путь на поиски своего деда.

Взлетел он в небо серым соколом величиной с быка и спросил про деда у небесного ветра. Тот ответил:

— Мангысы отрезали твоему деду путь к отступлению и собираются напасть на него спереди.

Мальчик полетел и, обогнав своего деда, опустился на землю и натянул лук. Он держал его натянутым с утра до вечера, пока не примчались три мангыса со старухой Эрлик. Из рта у них текли уже слюни. Он выстрелил во всех четверых, да так, что от них не осталось ничего — даже корове слизать было нечего, не было даже остаточка, чтобы сороке склевать. А тем вре-

менем подъехал его дед, и передняя кромка его седла обледенела от пролитых слез, а железные стремена были протерты до дыр, горная тропинка была так протоптана, что была по плечи идущим, по пояс всадникам. Дедушка обрадовался встрече с внуком и сказал:

— Ну вот, теперь мне уже не на что жаловаться. Мое желание исполнилось. Принеси можжевельника — столько, сколько могли бы свезти на себе девять яков, положи меня сверху и сожги!

Мальчик сделал все, как ему было велено, и, когда он зажег огонь, старик Бурган Буруш, славный наш, превратился в голубой дым и отлетел к Гурмусту Хаану.

33. Деревянная девушка

Давным-давно жили как-то двое стариков. И так как у них не было детей, старик взял однажды кусок дерева и вырезал из него девушку. Одна семья послала свататься за эту девушку. Старики красиво одели свою дочь и отпустили ее. А посланцам той семьи они наказали:

— Семь дней не выпускайте девушку из юрты!

В качестве приданого они дали ей синего быка. Первые семь дней девушке запретили выходить из юрты, но потом наконец ей позволили выйти. И тут синий бык взял да и проглотил девушку. Эти люди подумали: «Ведь нужно же нашей невестке сшить себе платья». Бросили они быку кусок шелка. Съел бык и шелк, но не смог все это удержать в своем желудке, выронил он лепешку навоза, а вместе с нею на землю вместо деревянной фигуры выпала красивая девушка в шелковых одеждах. Тут семья жениха пригласила родителей девушки. Те испугались, что их обман раскрылся. Когда же — после сомнений и колебаний — они все-таки пришли туда, они нашли там свою дочь, ставшую настоящей красивой девушкой, и были счастливы.

34. Волшебная сила дэрики

Часто случается, что кто-нибудь, испугавшись, говорит: «Ом дере, дюд дере дюр суухаа!» Это заклинание должно помешать злым духам повредить человеку. А что оно на самом деле действует, видно из следующей истории.

Две шулмусихи захотели полакомиться человеческим мясом и стали раздумывать, как бы им добыть его. Первая велела второй сесте у моста и сказала:

— Я устрою так, что супруги вон из той юрты, стоящей в долине, поссорятся. Женщина тогда убежит. Когда она подбежит к мосту, хватай ее!

Пошла первая шулмусиха и в самом деле сделала так, чтобы супруги в юрте рассорились, и женщина действительно выскочила из юрты и побежала по мосту. Но на мосту ее сердце обуял такой

страх, что она вспомнила обрывки заклинания, которое слышала как-то в детстве, и стала бормотать его про себя: «Дюд дар дирьяа суухаа, дюд дар дирьяа суухаа!»

А шулмусиха, которая была в долине, выждав какое-то время, почувствовала, что у нее уже слюнки текут, и решила, что ее подруга уже давно поймала женщину на мосту. Пошла к ней и увидела, что та сидит с пустыми руками. Она спросила:

— А где же женщина из юрты?

И та ответила:

— Здесь не проходил ни один человек, недавно прошла только хромая дэрики.

Значит, это заклинание превращает человека в беде в дэрики. Но так как женщина не помнила его точно, то создалось впечатление, будто дэрики хромает.

35. Яд шулмусихи и сила Бургана

Да, в давнее время жил, рассказывают, охотник. Он жил счастливо с женой и детьми. Однажды на охоте он увидел на покрытой снегом вершине большую белую юрту и спешил к ней. В ней он нашел женщину небывалой красоты, сияющую, как луна и солнце. Они поздоровались и поговорили немного. Она оказалась красивой и любезной. Прошло немного времени, и он забыл все — и свою семью, и свою родину. Сначала он хотел остаться на один-два дня, но потом это растянулось на недели, и наконец прошло три месяца, а он все не вспоминал о своей юрте. Каждое утро уходил молодой человек на охоту и приносил добычи еще больше, чем раньше.

Однажды красавица сказала:

— Теперь мы уже давно живем в одной юрте, живем друг с другом как супруги, ты стал моим мужем. И поэтому теперь, когда ты будешь подходить к юрте, ты должен обязательно подавать мне знак! Не сходи с коня, не дав знать о себе каким-нибудь шумом!

«В чем же тут дело? — задумался однажды молодой охотник, гоняясь за дичью далеко от дома. — Ну, сегодня, когда я вечером вернусь к юрте, я слезу потихонечку и подгляжу разок, чем это она там занимается».

Приехав, он тихо сошел с коня, снял седло и сбрую с его спины, сделал небольшой разрез в войлоке юрты и заглянул в нее. Его красивой жены нигде не было видно. Вместо нее у очага сидело существо со страшным медным носом и единственным глазом во лбу. Тут он понял, что имел дело с шулмусихой. Она обрезала ножом мясо со своей икры и варила его в казане. Увидев ее в таком виде, молодой человек оцепенел от страха. Захоти он убежать — не смог бы. Захоти он войти в юрту — не смог бы. Он покашлял, и его жена выбежала ему навстречу.

— О, ты уже вернулся! — воскликнула она.

— Да, я уже здесь, — ответил он.

— Ого, какая богатая у тебя добыча!— говорила она. Потом она пригласила его войти в юрту, и он вошел. Ночь он кое-как провел с ней, но чуть не сошел с ума. Утром он сказал:

— Я опять еду на охоту,— и на рассвете спешно уехал, этот молодой человек.

Поскакал он и оказался где-то вблизи постройки, похожей на храм. Он подошел к храму и рассказал ламе:

— Однажды, когда я был на охоте, я увидел в безлюдной местности большую белую юрту. Я вошел в нее и связался, сам того не ведая, с алмыс-шулмусихой, отвратительнейшим, страшным существом. Есть ли хоть еще какое-то средство спасти меня?

Лама открыл свои священные книги, бросил кости и сказал:

— Та, с которой ты связался, всесильная шулмусиха, она окончательно погубит тебя. С шулмусихой ты сошелся! Ты в большой опасности, и будет очень трудно освободить тебя от нее. Если освобождение вообще и возможно, то только с помощью силы Бургана. Придется прибегнуть к хитрости, а то она от тебя не отстанет — такая она могучая.— И лама продолжал: — Есть один путь к спасению. Вырви у нее волосок и принеси его сюда! Если это тебе удастся, то выход найдется!

Вечером охотник вернулся в белую юрту, но за всю ночь так и не смог вырвать у нее волоса. На следующее утро он опять отправился к ламе.

— Я не справился,— признался он,— она никак не дала мне вырвать у себя волос.

— Ну, тогда потребуется арагы. Достань бутылку черного арагы. Сядьте рядышком и пейте! Ты пей столько же, сколько и она, но только воду!

Вечером того же дня он купил много черного арагы и поскакал к своей юрте.

— Ну, жена, прошло три полных месяца с тех пор, как мы вместе. Давай отпразднуем это и повеселимся!— сказал молодой охотник.

Он дал своей жене черного арагы, а сам пил только воду. Когда арагы был почти выпит, шулмусиха опьянела, и постепенно к ней стало возвращаться ее подлинное отвратительное обличье. В ней постепенно исчезало все человеческое. Но даже и теперь, когда она была в таком расслабленном состоянии, молодому человеку никак не удавалось вырвать у нее волос. Как только его рука чуть-чуть приближалась к ней, она уже кричала: «Что ты делаешь?» — и отбрасывала ее.

Наконец стало светать. И молодой человек опять пошел к ламе.

— Мне этого никогда не сделать,— сказал он.— Уж как она была пьяна, и то мне не удалось взять волос с ее головы.

Тогда ответил ему лама:

— Ты сошелся с существом, к которому особенно трудно подступить. Попробуем-ка испытать ее силу, чтобы узнать, насколько она сильна. Когда ты сегодня вечером придешь к ней, то скажи: «У нас есть все, что только можно себе представить. И все-таки

есть на свете вещь, которой у нас нет». И если она спросит, что же это за вещь, ответить: «Принеси мне единственную зеленую шкуру ягненка!» Если она сумеет достать зеленую шкуру ягненка, мы будем знать, какова в действительности ее сила.

Вернувшись вечером, он сказал своей жене:

— Теперь мы живем вместе, вдвоем, стали одной семьей, и ни в чем у нас нет недостатка. Но если хорошенько подумать, нам все-таки кое-чего не хватает: у нас нет зеленой шкуры ягненка. Считается, что на свете нет зеленых ягнячьих шкур. Но выполни мое желание, жена, найди же для меня одну зеленую шкуру ягненка!

Его жена-шулмусиха ответила:

— Сейчас, когда вся страна и все люди живут в богатстве и изобилии, можно, конечно, отыскать одну-единственную зеленую шкуру ягненка!

На следующий день он опять пошел к ламе и сказал:

— Она надеется найти ее.

Лама приказал молодому человеку:

— Проследи точно, в чьем облике и в каком направлении пойдет твоя шулмусиха!

На следующее утро, прежде чем его жена покинула юрту, охотник забрался на высокую гору справа от его юрты и стал из подзорной трубы наблюдать местность. Он увидел, как жена его выскочила из юрты, прямо побежала к куче пепла, который она обычно высыпала на юго-восток от юрты, хорошенько в нем вывалялась и превратилась в синего волка. Волком влетела она в тысячное стадо белых овец, пасшихся дальше к юго-востоку. Ворвалась она в стадо, и из тысячи белых овец выскочил один-единственный желто-коричневый ягненок. Она схватила его, не обращая внимания на крики и вопли пастуха. Задушила ягненка и помчалась назад к пеплу у своей юрты. Вывалялась в нем опять, вытряхнула шкурку ягненка и пошла в юрту. Молодой человек поспешил с горы вниз. Как только он вошел в юрту, его жена достала из своего сундука шкурку ягненка и показала ее мужу, и это была зеленая шкурка, переливающаяся, как радуга!

И опять отправился молодой человек к ламе и доложил ему:

— Она побежала прямо на юго-восток. Из тысячи белых овец выскочил один-единственный буро-коричневый ягненок, она задрала его, утащила и выбила на пепле. И когда она показала мне шкурку, это была зеленая шкурка ягненка!

Лама на это ответил:

— Воистину велика ее волшебная сила! Но Бурган будет, наверно, посильнее! Теперь осталось лишь одно средство победить ее. Если она пойдет на это, мы выиграли. А если она на это не согласится, то с ней будет никак не справиться, и она погубит тебя. Скажи ей, что есть на свете шапка тысячи Бурганов, которую называют золотой шапкой-тирчик. Пусть она добудет тебе ее.

Вечером молодой охотник сказал своей жене:

— Теперь у нас, казалось бы, уже ни в чем нет недостатка. Но сегодня во время охоты я вдруг вспомнил, что у нас нет еще одной-единственной вещи.

— Так чего же, скажи! — спросила она.

Он ответил:

— Есть золотая шапка-тирчик, которую называют шапкой тысячи Бурганов. Хочу я такую шапку. Ах, если бы ты могла добыть такую шапку, чтобы я мог любоваться ею до конца своих дней!

Его жена ответила, помедлив:

— Нелегкое это дело.

— Мы живем вместе, а ты не хочешь исполнить моего единственного желания! — сказал он обиженно.

Она ответила:

— Ну ладно! Ты мой муж, делящий со мной мое ложе. Я исполню твое желание! — Поглядела она в одну сторону и заплакала, поглядела в другую и засмеялась.

На другой день, на рассвете, жена собралась в путь и, прощаясь, сказала мужу:

— Слушай, когда пройдет три месяца и три дня, я вернусь. Это будет на восходе солнца, и я явлюсь к юрте прямо с юга. Насыпь перед дверью юрты кучу сухого собачьего помета высотой с хадгыыр! Я вернусь в облике большого красного огня. Как только я покажусь, подожги собачий помет!

И опять пошел молодой охотник к ламе и сказал:

— Она пошла прямо на юг и хочет найти и принести шапку. А мне она велела насыпать перед дверью юрты кучу сухого собачьего помета высотой с хадгыыр. Возвратится она в виде огня, и будет это, когда минет три месяца и три дня.

— Ну, если так, то у нас есть теперь средство против нее, — сказал тот лама, — не собирай собачий помет, а сложи кучу из кустов можжевельника высотой с хадгыыр. Что пройдет три месяца и три дня — это ложь! Она примчится сюда уже через три дня. За ней будет гнаться большой красный огонь. Как только ты увидишь этот огонь, подожги кучу можжевельника!

Утром того дня, когда, по словам ламы, шулмусиха должна была вернуться, у него все было уже готово. Оглядел он все вокруг и увидел, что прямо с юга катится белое облако пыли, а за ним расстилается сверкающий большой красный огонь. Белое облако подкатилось ближе, быстро поджег молодой человек свой можжевельник, а сам спрятался в отдалении. Она принесла с собой золотую шапку-тирчик, которую называют шапкой тысячи Бурганов, и бежала она, шулмусиха, преследуемая красным огнем, который послал ей вослед Бурган. У самой кучи можжевельника она закричала:

— Ах, так ты хочешь убить меня! — и бросилась прямо в пламя. А красный огонь Бургана накрыл ее сверху.

Как только была уничтожена ведьма-шулмусиха, молодой охотник вспомнил о своей жене и детях. Он вернулся к ним и с тех пор счастливо жил с ними.

36. Эрген-оол, или Дитя двух скал

Я расскажу историю о сироте, отцом которого стал отвесный утес, а матью — поминальный камень, и о том, почему его так называли.

Жил-был некогда маленький мальчик, и звали его Эрген-оол — мальчик сирота. Подрос этот мальчик и стал метким стрелком.

Когда он отправился на охоту на свою гору Сюмбер, где охотился без конца, от птиц, летающих над землей, осталась вскоре лишь одна-единственная пестрая сорока, а от животных, бегающих по земле, — лишь одна-единственная пятнистая горная коза.

Однажды пятнистая горная коза и пестрая сорока отправились вместе на вершину одной горы, уселись там и давай рассуждать: «Ах, этот наш враг, которого называют сиротой, из нас, летающих птиц, оставил одну меня, а из бегающих четвероногих — только тебя! Что же нам теперь делать?» И они решили пожаловаться на него Гурмусту Хаану. Пестрая сорока взлетела в небо и рассказала обо всем. «Есть ли какой-нибудь выход?» — спросила она.

Чтобы убить Эрген-оола, Гурмусту Хаан напустил на землю страшный ливень и молнии — стрелы Алтая. Но когда они ударили в утес, мальчик перепрыгивал на поминальный камень, а когда Гурмусту метал их в поминальный камень, мальчик прятался под выступом утеса. Так он метался то туда, то сюда, и дождь и молнии не смогли повредить ему. С тех пор и стали называть его Сиротой, отец которого — утес, а мать — поминальный камень.

37. Старец с тремя сыновьями

Жил однажды старец, и было у него три сына. Старший его сын хотел получить власть и стать грамотным. Средний сын хотел держать скот, а младший — заняться торговлей. Дал он старшему сыну свою черную шапку, среднему сыну отдал свой скот, а младшему сыну, который хотел заняться торговлей, он отдал свою черную суму.

Старший его сын разъезжал по стране, исполняя свою должность. Средний сын содержал скот и стал оседлым. Младший сын шел, шел и пришел наконец к забору с воротами. Подойдя, он хотел открыть калитку, но сторож не пропустил его. Тогда он протиснулся в щель. Сторожами были старик и старуха, а за забором стоял храм. Юноша сказал:

— Я хочу пойти и соснуть там немного, — но они ему этого не позволили.

— Если хан узнает, он снимет с нас голову.

Он дал пару серебряных монет:

— Дайте мне поспать там одну-единственную ночь!

Старики, хоть и не без опаски, пустили его все же на ночь в храм.

— В чем же тайна этого храма? — спросил он.

Оказывается, у хана была единственная дочь. Время от времени она появлялась среди людей, низко опустив голову, чтобы ее не разглядели. Приходила она по восьмым, восемнадцатым и двадцать восьмым числам каждого месяца. А так больше ее никто не видел. Жила она в стеклянном доме.

Юноше очень захотелось увидеть эту девушку. Но старики воспротивились этому. Дал он им еще одну серебряную монету.

— Лежи три дня на земле, а потом приходи. Я попробую показать ее тебе, — сказал старик.

Явился юноша через три дня. Они спрятали его в медной статуе Бургана. Через его рот юноша мог кое-что видеть.

В полдень пришли хан и его дочь. Когда они вошли, юноша с трудом удержался от того, чтобы не вскрикнуть и не пошевелиться.

Когда он спросил стариков, где она обычно бывает, они ответили:

— Прячется в городе хана, никто там не видит ее, кроме трех девушек, которые подают ей пищу.

Пошел юноша к юрте, где готовили еду. Там он застал старую женщину. Она сварила ему чай, а он рассказал ей, зачем пришел. Оказалось, что показать юноше дочь хана невозможно, так как у тройной двери стоят три стража, хорошо знающие тех трех девушек.

— Ну, даже если это и так, дайте мне все же увидеть ее, — попросил юноша и вынул еще один серебряный.

Тогда старуха забыла про свой чай и погрузилась в раздумье. А тут наступило время нести ханской дочери пищу. Была не была, старуха одела юношу в сапожки и платье одной из служанок и пустила его с ними. И юноша вошел туда, где была девушка. Девушка, никогда не видевшая мужчины, развеселилась и начала разговаривать с ним. Юноша остался, и они стали мужем и женой.

Дочь хана терпеть не могла трех своих служанок, била их и пинала. Увидев это, юноша за них заступился. Это привело к ссоре.

— Почему ты защищаешь их? — сказала дочь хана, недружелюбно взглянув на него.

Она написала своим родителям послание: «Мне хотелось бы устроить праздник с моими тремя девушками и выйти хоть ненадолго на воздух. Я бы выпила арагы. Пришлите мне три бутылки арагы!»

Хан не соглашался на это. Тогда мать послала ей арагы на свой страх и риск.

Делая вид, что и она пьет, ханская дочь все подливала и подливали арагы юноше. И он опьянел и свалился. Она забрала его черную сумку, раздела его догола, завернула в старую тряпку и приказала двум служанкам: «Возьмите это и бросьте в колодец!»

Две служанки подняли его и вынесли. Наружные стражи недовверчиво ошупали узел.

— Это мусор принцессы. — И их выпустили. Младшая из служанок сказала:

— Этот несчастный должен погибнуть, так как он взял нас под свою защиту. Давай не станем губить его, а оставим на улице!

Юноша проснулся от того, что замерз до полусмерти, так как был совершенно голый. Он стал кричать и звать на помощь, ему пришлось побираться. Кто-то дал ему сапоги и платье. Кое-как вернулся он снова в юрту своего отца.

Пришел он к старшему брату, а тот уехал по делам.

— Старшая невестка, дай мне ради бога черную шапку!

Невестка устроила его на ночь и задумалась:

— Если об этом узнает твой старший брат, он убьет тебя. Через три дня он воротится. Верни ее до тех пор!— сказала она и дала ему черную шапку.

Он принял шапку правой рукой и крикнул:

— К западному окну дома принцессы!

Натянул он ее себе на голову и — о мой Гурмусту!— понесся со свистом. Добрался и вошел. Девушка, которая хотела его убить, заплакала и бросилась его целовать.

— Куда ты исчез?— сказала она и стала болтать без умолку.

С шапкой на голове, обняв женщину, он крикнул:

— Вверх, на эту каменистую горную вершину! — и уф... полетели. Опустились они на высокой горной вершине у озера, окруженного темным лесом.

В этой дикой местности, кишашей львами, леопардами, лисицами и волками, девушка не могла заснуть. А душа юноши нашла успокоение в глубоком сне на одинокой голубой горной вершине. Так как девушка не спала, схватила она шапку и была такова, а юноша остался один на пустынной горной вершине.

Тут явился гжи-гийик, снежный человек, со своими детьми. Он сорвал какой-то желтый плод, съел его и превратился в оленя. А потом съел другой, красный и снова стал снежным человеком.

«Так вот в чем дело!» — подумал юноша, собрал красные плоды, потом желтые и отправился в путь. Скитаясь, пришел он в город, где жила дочь хана. Идет он себе и встречает вдруг ее служанок, отправившихся покупать фрукты.

— Вот эти действительно хороши!— сказали они, и он продал им желтых фруктов. Отведала их дочь хана и превратилась в олениху. Опечалились служанки, заплакали, и поднялся невообразимый шум. А олениха била ногой об пол. Увидав своих родителей, она заплакала. И объявил хан:

— Тому, кто спасет ее, я передам свою страну и власть!

Узнал об этом юноша и вызвался: «Я спасу ее!» Хан и его жена велели позвать его. Юноша пришел и сказал:

— Я ее спасу!

Юношу пропустили через тройную стражу.

— Что тебе надобно? Хватит ли на это наших сокровищ?— спросили они.

— Мне вообще ничего не нужно, срежьте круглый тростник длиною в сажень, он мне понадобится.

Принесли ему тростник. Взял он круглую палку и вошел. Вошел, а девушка хоть и стала оленихой, но юношу все-таки узнала. Олениха била ногами и рыла землю. Юноша принялся лупить ее палкой. Сколько она ни кричала, ни орала — ей это не помогло. Хан-отец и мать очень огорчились, но им было велено не входить.

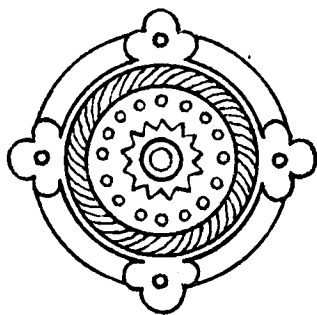
Хорошенько отлупив олениху, он ушел. Девушка по-прежнему осталась оленихой. Когда хан и его жена спросили его, как же так, он сказал:

— Я вылечу ее через три дня. Дайте мне обещание через три дня отдать свое ханство.

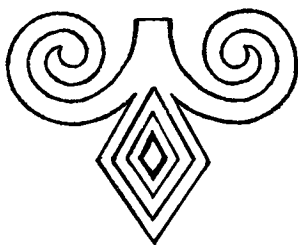
На том они и порешили.

Через три дня он вернулся, дал оленихе красный плод, она грянулась на пол и тут же превратилась в девушку. Увидев это, хан и его жена передали ему все, чем владели.

Он надел черную шапку и вернулся к юрте своих старших братьев. Воротился он туда среди ночи — кругом была полная тишина, братьев не было. А невестки, тронувшиеся со страха, были еще живы. Он уехал еще раз, снарядил повозки из чистого золота, собрал своих братьев, устроил большой пир и стал жить счастливо и мирно.

**БЫТОВЫЕ
СКАЗКИ**

38. Сказка о прекрасном сне

Недаром говорят тувинцы, что нельзя никому рассказывать о хорошем сне. А почему — это нам известно из сказки.

Жил когда-то давно юноша. Однажды сидел он на лугу перед своей юртой. А около него — три ханские дочери.

Одна сидела у него в головах и причесывала его, другая сидела сбоку и пела для него, а третья — самая прекрасная из них, его жена, — лежала в его объятиях. Вдруг он расхохотался. Они спросили его:

— Чему ты смеешься?

И он ответил:

— Я невольно вспомнил о прекрасном сне, который видел в детстве.

— А что это был за сон? — спросили они.

Сначала ему не хотелось рассказывать, но женщины не успокоились, пока он не начал свой рассказ.

«Однажды мне приснился прекрасный сон. И я сказал своим родителям: “Мне приснился такой прекрасный сон, отпустите меня побродить по свету!” Мать моя сказала: “Расскажи нам сначала свой прекрасный сон!” Но я его не рассказал. И отец мой тоже просил: “Расскажи нам свой прекрасный сон, прежде чем уехать от нас!” Но я знал, что прекрасные сны полагается скрывать, и молчал. Однако они продолжали настаивать, а так как я вечно был голоден, то сказал: “Расскажу, если вы забудете нашего яка”. И родители забили единственного яка, сварили мясо и дали мне поесть. Но, наевшись досыта, я все же не рассказал о своем сне. Тогда моя мать рассердилась и прогнала меня. Отец посадил меня в деревянный ящик и бросил в воду.

Ящик понесло вниз по реке, потом его выудили и принесли хану. Хан спросил меня: “Как ты попал в ящик и с ним в реку?” И я рассказал ему, как было дело. “А что ты видел в своем прекрасном сне?” — спросил хан. “Прекрасный сон нельзя ведь рассказывать”, — отвечал я.

Рассердился хан и велел запереть меня в темницу. Пока я сидел в темнице, на страну напал другой хан и завоевал всех и вся. Меня вывели из темницы, и я предстал перед новым ханом. Тот спросил: “За что тебя держали в тюрьме?” И я рассказал ему о том, что видел прекрасный сон, и о том, что за этим последовало. “А что это был за сон? Расскажи мне его!” — потребовал хан. “Прекрасный сон не полагается рассказывать”, — ответил я и замолчал.

Хана стало разбирать любопытство, он приказывал мне и угрожал, но я все же не рассказал ему своего сна. И велел он снова посадить меня в тюрьму.

И опять я сидел в темнице, и стало мне так грустно. Но я вспомнил о своем прекрасном сне и запел. И мое пение так понравилось младшей дочери хана, что, никогда не видев меня, она в меня влюбилась.

Она стала просить своего отца отпустить меня и просила до тех пор, пока тот уже не мог противиться. Исполнил он ее желание и отдал ей меня в мужья. Был устроен большой пир, и вот ты теперь моя жена. Мы оба счастливы, и теперь все точно как в моем прекрасном сне. Мне как раз и снилось, что я сижу на прекрасном лугу, солнце служит мне подушкой, месяц — подлокотником, а на груди моей — звезда. Потому я и рассмеялся».

Но едва он это сказал, как лишился чувств, а придя в себя, оказался опять на своем грязном ложе в нищенской юрте.

39. Хараат Хаан и Джечен Хаан

Жили однажды два хана — Хараат Хаан и Джечен Хаан. И жили они в ненависти друг к другу.

«А хорошо бы было захватить земли Хараат Хаана», — рассуждал Джечен Хаан.

«А что, если добыть земли Джечен Хаана», — говорил Хараат Хаан. И оба хана сражались — каждый за землю другого.

Был у Джечен Хаана сын, ни к чему не пригодный. Отец пытался найти ему умную невесту, но нигде такой не было. И отправил он тогда весь свой народ вниз по большой реке и вверх по маленькой реке на летние стойбища. В верховьях был сложен оваа, и к нему прикреплена дощечка с какой-то надписью. Мимо проходили толпами люди, но ни один из них так и не видел надписи. Последними прошли старик и старуха с семьей черными козами. Черный хадгыр они навьючили на единственного своего синего быка. И была с ними их единственная дочь, она гнала семь черных коз за нищим черным хадгыром. Эта девушка подошла к оваа, обошла его вокруг, оглядела дощечку, взяла в руки, разглядела ее и сказала:

— Коли нарисован орел, зачем писать «коршун»? Коли нарисована женщина, зачем писать «мужчина»? — и положила доску обратно.

Думаете, поблизости не случилось хана, услышавшего это? «Ну, — подумал хан, — да она суждена моему сыну». А девушка тем временем ушла, угнав своих коз.

Хан вернулся к своей юрте и провел в ней ночь. Утром сел он на своего черного иноходца и отправился на поиски черного хадгыра этого старика. Он спрашивал, выводывал и наконец достиг цели. Пустил он коня вниз с горы прямо к юрте старика. Подъехав и увидев, что девушка сидит у юрты и выделывает шкуру, спросил ее:

— Сколько раз ты протянула шкуру под палкой-кожемялкой, пока я спускался с того места, которое видно отсюда?

— А сколько шагов сделал твой конь с того момента, как я увидела тебя у того места на горе? — отвечала девушка.

Не сойдя с коня, он сказал:

— Завтра я опять приеду. А до тех пор ссучи мне веревку из пепла, девушка!

Девушка ответила: «Хорошо!» — нарвала травы, смочила ее в воде и скрутила из нее веревку.

На следующее утро, к тому времени, когда должен был приехать хан, она выложила эту веревку по направлению ветра и подожгла ее. Приехал хан и спрашивает:

— Ну, ссучила ты мне веревку, девушка?

Она ответила:

— Я-то ссучила, вон она, а смотай ее ты сам!

Взглянул туда хан и сказал:

— Я приеду завтра. А ты мне сквась к тому времени хороший тарак из молока быка.

Приехал наутро хан и только хотел сойти с коня, как девушка сказала:

— У моей юрты никому нельзя спешиться!

— Почему же?

— У моего отца сейчас как раз родовые схватки.

И когда хан спросил: «Как могут у мужчины быть родовые схватки?», — она ответила:

— Как можно получить молока от быка?

Тогда хан задал ей задачу:

— Присылай завтра своего отца в мою юрту! И пусть он будет ни внутри, ни снаружи, ни одетый и ни голый!

Девушка сказала:

— Хорошо.

Как только стало светать, она велела отцу надеть штаны, рубашу и чулки² и послала его к хану:

— Прежде чем хан проснется, ты должен развязать веревку у нижнего края его юрты, забраться между деревянной стенкой-решеткой и войлоком и усесться там!

Старик пошел и забрался туда, как ему велела дочь. А когда хан проснулся, помочился, почистился, тут старик и приветствовал его из своего убежища.

— Одно пари вы выиграли, выходите! — сказал хан. — Завтра сосчитайте, сколько лет медведю с горы Далантай, и возвращайтесь сюда.

Старик вернулся домой с проклятиями: «Медведь, конечно, схватит и съест меня!» Сокрушаясь, он сказал дочери:

— Теперь мне нужно сосчитать годы медведя и опять вернуться к хану.

— Не печалься, отец! Найди два старых, выбеленных солнцем человеческих черепа и принеси мне.

Каждый из них она выкрасила красной краской и привязала их крепко-накрепко к его плечам, затем отправила старика на гору Далантай. Он уселся в низине у склона, а вечером на поиски пищи вышел медведь. Увидел он старика и сказал:

— На Далантае семьдесят пять тысяч деревьев, а мне уже семьдесят пять лет, но никогда еще не видывал я такого существа с тре-

мья головами! — и поскорее убрался в лес. Старик возвратился домой, к своему хадгыру, а на следующий день, придя к хану, сказал:

— Я узнал возраст медведя и число деревьев на горе Далантай!

— Ну что же, тогда узнай возраст зайца с горы Джиринтай, сосчитай деревья на горе Джиринтай и возвращайся, — сказал хан.

Огорчился старик, но дочка сказала:

— На заячьей полянке намажь деревья сахаром и медом, а сам спрячься!

В сумерках, когда животные вышли на поиски пищи, старик взял ведро меду, смазал каждое дерево и притаился. Появился заяц, обглодал одно дерево, обглодал другое:

— Хоть на горе Джиринтай шестьдесят тысяч деревьев, а все же за все мои шестьдесят лет мне не попадалось еще среди них ни одного такого сладкого! — сказал он и давай объедать их.

Старик вернулся и, когда вышел хан, сказал ему:

— Зайцу шестьдесят лет, а деревьев — шестьдесят тысяч!

Хан молча удалился.

А вскоре он просватал дочь старика. Устроили маленький праздник, и старик в конце концов дал свое согласие. Хан отдал девушку в жены своему сыну, и уж тут был устроен большой пир: даже собаке было не поднять хвоста, а сироте не поднять живота — такой был задан пир.

— А теперь, моя милая, я иду на страну, с которой воюю, — сказал хан своей невестке. — Будь ты главой моему аилу и стране! Мой сын глуп. Я иду, может, вернусь с победой, а может, все потеряю. Ты же оставайся здесь и жди моего слова!

Хан вторгся в страну Хараат Хаана и повел за собой двух богатырей. Он напал на страну, дрался и был побежден. Вбили там четыре железных кола и привязали к ним двух богатырей. А Джечен Хаана бросили на лед, вбили четыре железных кола и привязали его к ним. Кормили хана одной вошью в день, а богатырям давали по две вши. И тогда послал Хараат Хаан четырех своих богатырей, наказав им:

— Соберите весь народ Джечен Хаана и пригоните его сюда!

— Если вы хотите завоевать мою страну, не ходите туда без моего слова. Мой народ очень воинственный, и, если вы скажете, что взяли меня в плен, он станет сражаться, — сказал Джечен Хаан.

И тогда спросили его эти четыре богатыря:

— Хочешь что-нибудь сказать своему народу?

Хан ответил:

— Мой народ очень воинственный. Сначала слезьте с коней у юрты моего сына! Скажите моему сыну: «Нужно собрать народ с верховьев большой реки и с низовьев маленькой реки. Помет барана и помет кастрированного козла — ценность, его нельзя оставлять». Там вы найдете, конечно, мою невестку, скажите ей: «Бараны и козлы с рогами пусть идут впереди, а без рогов — за ними!» Перед моими дверями есть четыре железных тополя, пусть два из них спилят, а два вырвут с корнем и принесут сюда! А что касается меня, я, мол, победил, лежу на девяти синих шелковых коврах, опираюсь на четыре железные спинки на все четыре стороны света и ем каждый день овечью похлебку.

Четверо богатырей отправились в путь и приехали в ту страну. И спешили перед той юртой, как было сказано.

— Твой отец победил. Он велел нам привести к нему весь народ и тебя! — так сказали они и повторили порученные им слова.

Сын начал точить топор и мотыгу, чтобы срубить железные тополя. Четыре богатыря должны были собрать его народ, но, как только они вышли, невестка сказала:

— Что ты думаешь о переданных отцом словах?

А сын на это:

— Чего там думать? Отец мой победил.

Тогда невестка так истолковала слова четырех богатырей:

— Слова «Собери мой народ с верховьев большой реки и с низовьев маленькой» означают: «Собери всех твоих воинов!» Слова «Помет баранов и помет козлов — ценность, его нельзя оставлять» означают: «Понадобятся патроны и оружие, привезите их в достатке!» Четыре железных тополя — это четыре богатыря. Слова «Спилите два из них» означают: «Двум из четырех отрубите головы, а двух привезите живыми».

День и ночь собирали они воинов, вооружали их, поставили их впереди и пустились в путь. Приехали в другую страну, а хан их лежит на льду. Они завоевали страну, освободили хана и привезли всю добычу домой. И спали они долгим и глубоким сном, и большой радости их не было конца.

40. Совет отца

В старину единственный сын бедняка отправлялся однажды на военную службу на чужбину. И на прощание отец стал учить его уму-разуму.

— Сын мой, — сказал он, — ты должен отправиться в далекие края. Ты пойдешь вместе с сыновьями многих отцов и многое увидишь. Когда будешь пить воду на чужбине, поступай так, как там принято. Я объясню тебе, что я имею в виду: когда ты будешь в стране слепых, живи там с закрытыми глазами, а когда будешь в земле хромых, ходи, прихрамывая на одну ногу! И еще одно запомни: скачи всегда на самой тощей лошади, ешь всегда самое жилистое мясо!

Сын не совсем понял смысл этих слов отца. Про себя он даже удивился и подумал: «Почему отец мне советует все неправильно?» Но он молча отправился на чужбину.

Парень попал в страну, где бушевала долгая и большая война, и изо всех юношей, покинувших вместе с ним родину, не осталось никого: одни пали в бою, другие умерли с голоду. И только жизненный дух нашего юноши, упорно цепляясь, не покидал его, и через много лет юноша возвратился на родину.

Однажды он спросил своего отца:

— Не объяснишь ли ты мне, что означали твои тогдашние советы?

И отец ответил:

— Ты прав, теперь я скажу тебе: то, что ты в стране слепых должен закрывать глаза, а в стране хромых прихрамывать на одну

ногу, означае, что ты не должен ни у кого вызвать неудовольствия и зависти. То, что ты должен ездить на самой тощей лошади, имеет свою причину: всегда найдется без счета охотников скакать на хороших лошадях. Хорошим лошадям люди никогда не дадут разжиреть, так как на них всегда ездят. Поэтому самая тощая из лошадей — всегда самая лучшая. А чтобы ты из мяса выбирал самое жилистое — я посоветовал тебе потому, что жилистое мясо дольше всего лежит в желудке, и поэтому человек не чувствует так быстро голода.

41. Мергелдей

Еще раньше, чем в раннее время,
Еще до старого времени,
Во времена, когда плоское высыхало,
Когда круглое катилось,
Жил хан по имени Харалдай,
Родившийся, чтобы господствовать над страной,
Где берет свой исток Длинная Черная Река.

У этого хана был всякий скот и много всякого добра. У среднего течения Длинной Черной Реки жил юноша по имени Мергелдей с одной только своей матерью. Не было у них ничего, что можно было бы назвать скотом, не было у них ничего, что можно было бы назвать добром.

Но однажды, когда Харалдай Хаан взглянул туда, ему показалось, что владение Мергелдея больше, чем его собственное. «Почему же владение того, у кого вообще нет скота и какого бы то ни было имущества, больше, чем мое собственное?» — подумал он и отправил туда посыльного.

Как только Мергелдей узнал об этом, он схватил двух ворон и посадил одну из них рядом со своей матерью, а другую — рядом с собой. Когда прибыл посыльный хана, юноша воскликнул:

— Ну, отправляйся охранять мою мать! — и выпустил ворону.

Посыльный пошел и убедился, что ворона сидит и охраняет его мать. Обо всем этом он рассказал хану.

«Так вот в чем причина!» — подумал хан и пошел к нему покупать ворону.

— Сколько стоит твоя ворона, юноша? — спросил он.

— Довольно дорого, — ответил тот, — пятьдесят лангов серебра!

Купив ее за пятьдесят лангов серебра, хан сказал:

— Лети, охраняй мою мать! — и отпустил ее. Ворона опустилась на землю, а потом поднялась и улетела.

«Один раз этому парню удалось обмануть меня, но уж больше я не дам себя обманывать!» — решил он и опять направился к юрте Мергелдея.

Придя к нему, он увидал, что Мергелдей поставил казан на пень и варит в нем чай. Купил он у него и казан за пятьдесят лангов серебра; на что бы он потом его ни ставил, желая сварить в нем чай, — казан не варил.

«Дважды удалось этому парню обмануть меня. Теперь-то я уж не дам надуть себя!» — решил он и опять пошел туда.

А Мергелдей налил кровь в толстую кишку, повесил ее себе на шею и сидел, точил свой нож.

Как только пришел хан, он воскликнул:

— Ну и устал же я! — и ткнул ножом себе в горло, кровь вы-
текла.

— Сколько стоит твой нож? — спросил хан, а юноша отве-
тил:

— Довольно дорого, пятьдесят лангов серебра!

— У меня столько лентяев, что вечно устают! Я бы хотел ку-
пить твой нож!

И он купил нож за пятьдесят лангов. Но когда он заколол им
тех лентяев, все они умерли.

«Трижды дал я парню обмануть себя!» — подумал он и взял с
собой четырех своих чиновников. Они связали Мергелдея веревка-
ми, сунули его в мешок и унесли. Принесли они его к морю-океану
и собрались бросить в море. Но не было в море местечка, свободно-
го ото льда. Тогда они положили его на лед, а сами ушли искать
топор, чтобы сделать прорубь.

А тут пришел сюда слепой сын хана.

— Мои глаза не знали света дня, а после того как я лежал
здесь, мои глаза прозрели! — сказал Мергелдей.

И сказал сын хана:

— Я хотел бы лечь на твое место!

Мергелдей надел тогда шапку из черного соболя, сапоги из чер-
ной юфты и всю одежду ханского сына и ушел!

Когда хан с четырьмя чиновниками нашли топор и, возвратив-
шись, собрались уже бросить в море Мергелдея, слепой ханский
сын закричал:

— Что вы за люди? Я — слепой сын хана!

— Хитростям Мергелдея нет конца! — воскликнул хан и одним
махом бросил в море собственного сына.

Вернулись они к своему айлу. Прошло несколько дней, и Мер-
гелдей пришел к айлу хана.

— Если я не ошибаюсь, я ведь бросил тебя в море? — спросил
хан. Мергелдей на это ответил:

— Вы оказали мне большое благодеяние. Я попал в нижний
мир. Там было все — всякий скот и какие угодно вещи.

Хан сказал:

— Если так, брось меня вместе с моими четырьмя чиновниками
в море!

Мергелдей повел их всех пятерых к морю. Сначала он сбросил
в море четырех чиновников.

— О чем они теперь говорят? — спросил хан.

Мергелдей ответил:

— Люди нижнего мира толпятся и кричат: «Это мне! Это мне!»

Тогда хан сказал:

— Быстро бросай меня! — И Мергелдей швырнул его в море.

Вернувшись в свой аил, он стал хозяином ханского города и
владения, стал там жить и превратил местность у Длинной Черной
Реки в зеленую долину.

42. О ленивом старике

Жил однажды очень ленивый человек, он никогда не выходил из своей юрты. Однажды его жена нарочно оставила кусок сушеного творога¹ в отхожем месте.

Найдя его, он вбежал в юрту с криком:

— Жена, жена, я что-то нашел!

Она ответила:

— Если ты наденешь свой пояс и пройдешь подальше, то найдешь в конце концов еще больше!

Опясавшись и пройдя подальше, он увидел пузырь, полный масла, и воскликнул:

— Жена, жена, я нашел масло!

Она сказала:

— Если ты сядешь на коня, возьмешь с собой собаку, повесишь через плечо свое ружье, привяжешь к седельному ремешку² котелок и отправишься в путь, ты и не то еще найдешь!

И этот сумасшедший взял собаку, перекинул через плечо ружье, привязал накрепко котелок к седельному ремешку и сел на своего коня.

Ехал он так, ехал и вдруг увидел лису, что бежала, а потом юркнула в свою нору. А была эта нора с двумя выходами. Этот глупец заткнул одну дыру своей шапкой, а в другую стал выкуривать лисицу. Лисица кинулась к первому выходу и, нахлобучив на себя его шапку, выскочила на волю. Собака погналась за ней. Так как собака была привязана к коню, конь тоже поскакал за нею. И человек остался и без лисицы, и без собаки, и без коня, и без шапки.

Он проходил мимо аила одного хана и, подойдя поближе, увидел на земле серебряный браслет и сунул его под лепешку коровьего помета.

У открытой двери беседовали трое: жена хана, его желтая собака с рыжеватой мордой и синий бык. Он остановился и услышал их разговор:

— Так или иначе, а хана мы уьем!

Тут старик Гагай Тюлгээчи³, который вчера еще потерял своего коня, пробормотал:

— Если нужно что-то увидеть, я из тех, кто видит; если нужно что-то узнать, я из тех, кто узнает.

И сказали те трое:

— Коли ты такой умелый, ты, конечно, сможешь угадать, куда делся потерянный браслет.

Гагай Тюлгээчи схватил вертел, быстро побежал и раскидал лепешку коровьего помета, нашел в нем спрятанный им браслет и отдал его.

Когда Гагай Тюлгээчи, еще вчера потерявший своего коня, пошел помочиться, он увидел, что там лежит синий бык. Он подбежал к нему и, несмотря на его сопротивление, вскочил ему на спину без седла и поскакал на нем. Собака с рыжеватой мордой накинулась на него, но он уложил ее своим ножом с желтой рукояткой.

Вошел он в юрту, а там лежала жена хана — тяжело больная.

Когда хан пошел за ним, он сказал:

— Если нужно что-то увидеть, я из тех, кто видит; если нужно что-то разузнать, я из тех, кто узнает.

Тогда хан решил показать ему свою жену. Старик сказал:

— Принеси женщине миску! — Он наполнил ее грязью и потом из своей подмышки и дал ей. Жена закричала и заплакала:

— Он дал мне гадость, я это пить не буду! — и отбивалась руками и ногами, но кое-как все-таки выпила.

Когда встали на следующий день и посмотрели: женщина была здорова и разгуливала себе.

Когда Гагай Тюлгээчи вернулся в свою юрту, заболел хан. «Приведите Гагай Тюлгээчи», — послал он за ним своих слуг.

Гагай Тюлгээчи пришел к хану и спросил его:

— Откуда ты взял жену?

— Я взял ее, когда она была девушкой, красивее которой и быть не могло!

— Откуда ты взял собаку?

— Я взял ее, когда она была щенком, красивее которого и быть не могло!

— Откуда ты взял этого лысого синего быка?

— Я взял его, когда он был теленком, более красивым, чем остальные!

Старик сказал:

— Это были три шулму, поэтому они и хотели разорвать нить твоей жизни⁴.

Тогда Гагай Тюлгээчи велел соорудить юрту и оставить ее пустой. Потом он насыпал в три миски муки, дал ей затвердеть и, произнося имена этих трех существ, ударил по ним, чтобы существа эти умерли.

Воры украли трех священных⁵ коней хана. Опять привели Гагай Тюлгээчи. Он стал гадать и посмотрел, что получается. Потом Гагай Тюлгээчи поставил юрту, дал затвердеть муке в трех мисках, ударил по ним и выкрикнул воров по имени — не правда ли? Три вора, услышав свои имена, испугались, привели трех священных коней и привязали их перед юртой.

Когда хан спросил: «Что вы возьмете?» — Гагай Тюлгээчи сказал:

— Я возьму джеле и хёне!

— А что же это такое? — спросил хан. И, подумав, догадался он, что эти слова означают: «Я возьму столько скота, сколько помещается на джеле; я возьму столько овец, сколько помещается на хёне».

И тогда пригнали этот скот, который он захотел взять, к юрте Гагай Тюлгээчи и отдали ему.

43. Хитрая проделка нищих монахов

Однажды голод привел двух нищих монахов к большой, богатой юрте. На очаге в ней кипел котел, полный мяса. Но хозяин не то что мясом, даже и чаем их не попотчевал.

Пошептались монахи друг с другом, да и принялись вдруг драться. Один стал тащить другого, казалось бы избитого до полу-смерти, вон из юрты с криком: «Я убью тебя, жалкую собаку, тут же на месте!»

Услыхали это люди в юрте, и стало им страшно, выбежали они из юрты и принялись успокаивать монахов.

Монах, которого избивали, крикнул им:

— Братья, держите этого человека, я только возьму из юрты мою торбу!

Люди, думая, что они успокоили драчунов, дали ему пройти в юрту, а сами с трудом удерживали второго монаха во дворе. А тем временем нищий монах в юрте пытался запихнуть в свою торбу мясо из котла. Но оно было таким горячим, что не притронешься.

— Ах, ты репа горячая!— заорал он из юрты.

Монах во дворе сделал вид, что страшно разъярился, и закричал:

— Ах, ты холодная груша, висящая на шишечках настенной решетки!

Монах в юрте поглядел на шишечки настенной решетки и увидел, что там висит дажыыр. Он снял его и убедился, что в нем холодная вода.

Он охладил в ней мясо и засунул все, что было в котле, в свой мешок. Потом крикнул людям:

— Отпустите его только тогда, когда я буду уже далеко!— и бросился наутек, как человек, спасающийся от смерти.

Через некоторое время, когда «избитый» был уже достаточно далеко, люди отпустили второго монаха. Он помчался за своим спутником. Тот сидел в укрытии за небольшим холмиком; он успел уже поделить жирное мясо и поджидал своего товарища. Изо рта у него бежали слюнки, он еле сдерживал смех.

44. О мальчике ростом с коленную чашечку

У старика и старухи был мальчик ростом с коленную чашечку. Однажды, когда дедушка хотел отправиться за сухим навозом, он сказал:

— Дедушка, а дедушка, давай я соберу сухой навоз и вернусь!

Дедушка дал ему верблюда и отпустил его.

Пошел небольшой град, мальчик сел под листок, и верблюд съел его вместе с листком. Только и был слышен крик:

— Я принесу сухого навоза, дедушка!

Но когда дедушка вышел из дома, мальчика нигде не было.

Верблюда съел волк, и так мальчик попал в утробу волка. Когда волк напал на чью-то отару, мальчик закричал:

— Эй, оокай-старичок! напал на вашу отару!

Так и не удалось волку ничего съесть.

Пошел волк к лисе:

— Ах, у меня в животе что-то поднимает такой шум!

Лиса сказала:

— Выпей как можно больше воды и бегай по степи.

Так мальчик вывалился вместе с пометом из кишок волка. Вывалившись, он прицепился к хвосту коровы из чужого аила. Потом взобрался на нее, щекоча, направил ее к своей юрте и привел ее туда как свою добычу.

У юрты лежали и спали две девушки. Одной из них он сунул под полу халата ягненка, а другой — коровий помет. А сам спрятался за войлоком, покрывающим стены юрты.

— Ты родила ягненка!

— А ты обделалась!

И так они поддразнивали друг друга и смеялись до того, что у них лопнули кишки, и они умерли.

45. Три брата, или Пузырьголова, Ниткошейка и Камышовая Ножка

Жили-были три брата. Младшего звали Пузырьголова, среднего — Ниткошейка, а старшего — Камышовая Ножка.

Ниткошейка и Камышовая Ножка продырявили, как решето, весь дорзук Пузырьголова и послали его за водой. Стал Пузырьголова наливать воду в свой изрешеченный дорзук: лил да лил, а дорзук все не наполнялся. Как он ни старался, как ни трудился, ничего у него не вышло, и он, измученный, вернулся домой.

А братья его тем временем сварили целую овечью шею, оставили Пузырьголове только мясо с одного-единственного позвонка, а все остальное съели сами.

Разве на шее не шесть позвонков?

Разве нас не три брата?

Скажите, где же тот, кто заступится за меня?!

И Пузырьголова стал так сильно чесать свою голову, что в пузыре сделалась дырка, и он умер.

— Ах, зачем мы съели все! Мы ведь не умирали с голода!— заорал Ниткошейка. И тут его горло лопнуло, и он умер.

— Ах я несчастный!— вскричал Камышовая Ножка. От тоски он затопал по земле, сломал ногу и тоже умер.

46. Дождик

Когда я в последний раз был дома, случилась такая история.

Однажды вечером, во время сильного дождя, я спешился у одной юрты по дороге. В юрте были старая женщина и красивая девушка. Старуха спросила меня:

— Как тебя зовут, мой мальчик?

И я ответил:

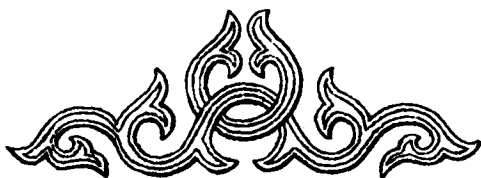
— Дождик!

Мы поели и улеглись спать. Дождь все не стихал. Посреди ночи я встал и пошел к спящей девушке. Девушка проснулась и крикнула сразу же:

— Мама, Дождик не дает мне спать!

— Не кричи же, я сама не могу спать!— выругала ее мать.

Тогда девушка замолчала и пустила меня в свою постель.

**сказки
о животных
и кумулятивные
сказки
небылицы**

47. Хитрый лисенок

Подкрался лисенок с тыла к черному хадгыру и стал подслушивать, о чем там говорят. А там как раз старик, глубоко вздохнув, сказал своей жене:

— Ах, старуха, если бы у нас был сын, то было бы кому пасти семерых наших черных коз!

Отошел лисенок на несколько шагов, сделал вид, что осип, и стал плакать и причитать:

— Горе мне, нет у меня матери, чтобы размять мою печень, нет у меня отца, чтобы погладить меня по голове! Коли нашелся бы человек, который взял бы меня, бродягу, в сыновья, я бы всегда помогал ему и делал бы всю черную работу!

Услыхали это старики и бросились наперегонки из хадгыра. Подняли они плачущего лисенка, лежавшего на земле, принесли его к себе и накормили до отвала. Взяли они его в сыновья, доверили ему пасти семерых своих черных коз. Но каждый день становилось одной козой меньше. Спросили они лисенка:

— Куда же они деваются?

И лисенок отвечал:

— Они оступились, взбираясь по скалам, да так там и остались.

На седьмой день вернулся лисенок домой без единой козы. Наутро старик отправился вместе с сыном-лисенком вызволять коз, застрявших в скалах. И впрямь, с высоты скалы меж высоких зубцов увидел своих коз.

Лисенок говорит старику:

— Батюшка, а батюшка, ты старый человек, ноги у тебя слабые, заходи-ка ты снизу, из долины, а я зайду сверху!

Кряхтя, старик с трудом вскарабкался на скалу, и тут он понял, что лисенок содрал с семерых его коз шкуры, мясо сожрал, а шкуры набил травой. Плута же и след простыл!

Спустившись с крутых гор, старик огляделся и увидел, что его жена сидит как ни в чем не бывало перед черным хадгыром и ищет у лисенка в голове. Оказывается, спровадив старика, лисенок вернулся домой, что-то наврал старухе и попросил ее:

— Матушка, поищи у меня в голове!

Старик рассвирепел и закричал издали во весь голос:

— Жена, жена, убей лисенка, что лежит у твоих ног!

Глуховатая старуха, ничего не поняв, переспросила:

— Что он сказал, дитя мое?

А тот ответил:

— Он сказал: «Испеки лисенку лепешку на желтом масле!»

Когда же старуха принялась распускать желтое масло, лисенок окунул в него свой хвост и давай хлестать им старуху по лицу, пока ее не убил. А сам сожрал жир и был таков.

Кряхтя и задыхаясь, прибежал старик и видит: сидит старуха рядом с котлом, лицо ее все в глубоких складках. Заорал старик:

— Лисенок содрал шкуру со всех семерых наших черных коз, а ты еще смеешься, старая сука!

И так он разъярился, что сердце его разорвалось на части.

А тем временем лисенок, умирая от жажды, нашел посреди замерзшей реки, на льду тонкую струйку воды и стал пить из нее. Тут идет ему навстречу волк. Едва завидев его, лисенок изрыгнул жир. Удивился голодный волк:

— Как же это — тебя рвет жиром, когда я чуть ли не умираю с голоду?

А лисенок и говорит:

— Трижды окуни свой хвост в воду этой узкой канавки и поболтай им туда-сюда, а потом посиди на льду и трижды взвой, запрокинув вверх голову, и с неба посыплется много желтого масла.

Волк так все и сделал, но с неба не то что масла, а вообще ничего не посыпалось. Когда же он с удивлением взглянул на лисенка, тот с хохотом убежал от него. Захотел волк вскочить да догнать его, но хвост его накрепко примерз ко льду, так лисенок и убежал. Встретился ему по дороге еще один старик.

— Старик, а старик, возьмешь меня в сыновья? Я связал для тебя волка, убей его!

Пошел старик за лисенком и действительно увидел волка, примерзшего ко льду. Убив его, привел старик лисенка в свою юрту и велел двум своим сыновьям почитать его как старшего брата.

Однажды лисенок напал на единственного белого коня старика, перегрыз ему шейную артерию и уже собирался было сожрать его, да старик схватил лисенка, повесил его в отверстии дымохода и ушел за дровами, чтобы опалить и спустить с него шкуру. А когда отец ушел, его мальчики принялись лизать кал и мочу, пущенные лисенком со страху, приняв их за масло. Тут лисенок и говорит им:

— Ах, братцы, братцы, ну что вы нашли там хорошего, сзади у меня течет всего лишь масло, а вот изо рта потечет сахар!

Мальчики и спрашивают:

— Как же нам до него добраться, нам не достать!

А лисенок отвечает:

— Принесите мне нож, я отрежу чуток и дам вам!

Принесли ему мальчишки нож, и он освободился. Потом стянул с обоих мальчиков кожу, сварил мясо в котле и был таков.

Вернувшись, старик почуял запах мяса и подумал:

— Ну и дельные у меня сыновья! Пока я ходил, они содрали шкуру с лисенка и сварили его.

Он отрезал себе немного от почки и печени, но, проглотив чуточку, прислушался: «Когда я жевал его почечку, она издала звук: бюрт-бюрт, а когда я жевал его печеночку, она издала звук: барт-барт. Что за чудеса?»

Помешал он в котле и увидел головы своих мальчиков; упал он без чувств в кипящий котел, тут и пришел его конец.

И вот лисенок опять остался без крова и приюта и снова умирал с голоду. Нашел он на заброшенной стоянке войлочную стельку. Лисенок назвался ламой и стал раздавать этой стелькой благословение. Отправился он к сотне черноголовых птиц, спустившихся к стоянке в поисках поживы, и говорит им:

— Я — знаменитый лама! Да придёте и примете мое благословение! — И птички пришли к нему. Произнося заклинания и делая вид, что раздает благословение, лисенок прокусывал каждой из них крыло и сожрал их всех до единой.

Набив себе брюхо, он решил поспать. Уже укладываясь, он заметил, как что-то тенью шмыгнуло мимо него. Приглядевшись, лисенок увидел зайчонка в силке. «Вот кого я съем!» Как прыгнет — тут ловушка и захлопнулась. Ведь этот заяц предназначался охотником на приманку орлу.

48. Лукавый лисенок

Гнался лисенок за горным козлом.

— Эй, малый, что ты гонишься за мной?

— Хочется мне съесть то, что свисает у тебя меж задних ног.

— Ну и глуп же ты еще, мой мальчик!

— Если я глуп, раздави меня о скалу!

— И раздавлю!

Разбежался горный козел, готовясь нанести лисенку удар, а тот и отскочи в сторону.

— Почему же ты отскочил в сторону? — спросил козел.

А лисенок ответил:

— Ах, дедушка, дедушка, уж больно я боюсь твоих глаз, закрой их!

Закрыв горный козел глаза да так ударился о скалу, что разбил голову и упал замертво.

Съев его шуляты, лисенок отправился дальше и повстречал семерых волков. Он подошел к ним и срыгнул. И сказали волки:

— Как же это так, почему ты срыгиваешь такое добро, какого мы сроду и в глаза не видели!

— А я опустил хвост в прорубь на замерзшей реке, посидел на льду, поглядел в небо, повыл, вот с неба и свалились мне жир да масло,— ответил лисенок.

Сделали волки все так, как сказал им лисенок, выли, выли в небо — ничего!

А лисенок побежал к бедному старику и сказал ему:

— Я приклеил накрепко семерых волков, идите скорее и берите их!

Старик побежал туда и спросил волков:

— Куда мне ударить вас, чтобы вы сразу подошли?

— Мы подохнем сразу, если ударить между хвостом и льдом.

Ударил он по их совету, и волки попадали один за другим. Погрузил он их всех в мешок, перекинул его за спину, и всякий раз, как он останавливался в пути, чтобы передохнуть, один из волков выбирался из мешка и клал в него вместо себя камень. На седьмом привале выбрался из мешка последний, седьмой волк, и в мешке осталось только семь камней. Подойдя к своей юрте, старик закричал:

— Эй, старуха, выходи поскорее, я принес добычу!

Старуха так заспешила, что проглотила иголку и наперсток, и бросилась к нему. А там стоял старик с камнями за плечами.

— К чему нам эти твои камни? — спросила старуха.

А старик сказал:

— Это ты их сожрала,— и рассек старухе грудь, но не нашел там ничего, кроме иголки и наперстка.

А лисенок побежал дальше. И увидел он старуху-джелбеге, она спала, лежа на одном своем ухе, а другим укрывшись.

— Что нового, бабушка?— спросил лисенок.

— Ничего особенного, мой мальчик! Я очень мерзну. Когда твоя бабушка встает, бедная, ей никак опять не лечь, а когда она лежит, ей никак не встать. Разведи-ка мне огонь, мальчик,— сказала она.

Лисенок развел огонь:

— Ложитесь к огню, а я лягу к скале.

Но джелбеге хотела зажарить и съесть лисенка и поэтому сказала:

— Нет, нет, мальчик мой, это ты, маленький, ложись к огню, а я лягу к скале.

Чуть только джелбеге вздремнула, лисенок закричал:

— Ой, ой, бабушка, огонь опалает мой бело-рыжий мех, а ведь он должен украшать юношей! Подвиньтесь чуть-чуть!

Джелбеге отодвинулась немного. Но едва она опять задремала, как лисенок закричал опять:

— Уй-уй, бабушка, огонь опалает мой рыжий мех, а ведь он должен украшать девушек! Подвиньтесь-ка еще немного!

Джелбеге подвинулась чуть-чуть, да и свалилась со скалы, тут ей и конец пришел.

Встретил лисенок бродячего ламу с узким деревянным коромыслом за спиной. Поднял одну лапу и стал хромать и притворяться, что движется с большим трудом. Стал бродячий лама ловить его, но лисенок, хромя, все-таки убегал от него. Казалось, вот-вот изловит лама лисенка, да никак это ему все-таки не удавалось. И подумалось ламе: «С таким грузом мне его не догнать! Но если я его сброшу и побегу за лисенком налегке, я его, конечно же, поймаю!»

Сбросил он свой груз и побежал, а лисенок — от него, да еще прикидывается, что еле-еле успевает убежать. Прикидывался, прикидывался, да и скрылся за холмом. А там собрался с силами, быстренько обогнул холм и вернулся к коромыслу бродячего ламы. Открыл его, а оттуда посыпались сахар, боорсак и всякие другие лакомые кусочки. Лисенок сожрал, что мог; что мог, прихватил с собой и побежал дальше. А навстречу ему трусит медведь. Зажмурил лисенок один глаз, как будто ослеп на него. Медведь и спрашивает:

— Что с твоим глазом, лисенок?

— Глаз сладкий, как сахар. Я вынул один и съел его, — отвечал лисенок.

— Ну, коли так, вынь и мне один глаз, съем-ка я его!

Вырвал лисенок медведю один глаз и кинул ему в рот кусок сахара.

Медведь не смог устоять перед его сладостью:

— Ах, будь у меня хоть кто-нибудь, кто стал бы кормить меня, я съел бы, право, и второй глаз, вот было бы славно! — сказал он.

Тут лисенок как заплачет, а медведь и спрашивает его:

— Что ты плачешь, лисенок?

— Ах, а мне вот частенько приходило в голову, что я мог бы стать кому-нибудь опорой. Но не было у меня еще никого, о ком бы я мог позаботиться!

Обрадовался медведь:

— Ну, коли так, вынь мне еще один глаз! А потом корми меня!

Вынул лисенок у медведя оставшийся глаз, быстро кинул ему в рот сахар и повел за собой слепого медведя, обдумывая, как бы это его убить и съесть.

К ночи пришли они к крутому, отвесному обрыву. Разжег лисенок костер, и расположились они на ночлег. Сам лисенок лег к огню, а медведя положил у обрыва. Только медведь задремал, а лисенок как закричит:

— Дедушка, дедушка, огонь выжигает дыры в моем бело-рыжем меху, а ведь он должен украшать юношей! Пожалуйста, подвиньтесь чуть-чуть!

Медведь немного подвинулся. Но только он начал опять засыпать, лисенок как закричит:

— Дедушка, дедушка, огонь опалает мой рыжий мех, а ведь он должен украшать девушек! Подвиньтесь чуть-чуть!

Медведь хотел еще немного подвинуться да свалился с обрыва и покатился вниз.

50. История о тарбагане, или Почему тарбаган проклял самого себя

Давным-давно, в стародавние времена, победил тарбаган всех живых существ. Только черного коршуна он никак не мог осилить.

Однажды, когда черный коршун пролетал ниже облачного неба и выше ветвистых деревьев, тарбаган сказал ему:

Что значит мое имя — Берет убитое?
Что значит мое прозвище — Выполняет обещанное?
Коли я выпущу свою стрелу, сохнуть тогда крыльям
Бедного слепого маленького черного коршуна!

Расхваставшись, выстрелил тарбаган, да не прицелился хорошенько. И не попала его стрела в черного коршуна, а лишь рассекла ему хвост. Рассердился стрелок-тарбаган Берет убитое — Выполняет обещанное и сказал:

Говорится же: высокомерье
Ведет к паденью.
Так со мной и случилось.
Если уж мне не выпало счастья
Властвовать над миром,
Пусть стану я червем,
Прорывающим темные норы.
Пусть стану я зверем,
Живущим в черной земле.
Пусть горло мое рвется
От черной воды, что я пью!
Пусть желудок мой лопнет
От сухой травы, что я ем!
Во время похудания
Пусть не будет никого худее меня,
А во время обрастания жиром
Пусть не будет никого жирнее меня.
Пусть своим жиром смажу я
Плечи того, у кого есть пальцы.
Пусть буду подвешен я
К седельному ремешку! того,
У кого есть седло.

Так клял и проклинал он себя до тех пор, пока не потерял дар речи, и рыл он себе нору, пока не истерлись когти на пальцах. Закричал он: «Ангыйт, ангыйт» — и юркнул в нору.

51. История о тарбагане, или Почему у архара всего два глаза

Некогда, в стародавние времена, не было на всей нашей земле лучшего стрелка, чем тарбаган.

Как-то раз участвовал он в больших состязаниях, на которые собрались лучшие стрелки со всех стран света, чтобы решить, кто же из них самый меткий на свете.

Когда дошла очередь до тарбагана, он сначала подстрелил ворону, пролетавшую по небу, а летевшего вслед за ней черного коршуна сбить не смог. Выстрел его лишь рассек черному коршуну хвост, и тарбаган так озлился, что откусил себе большие пальцы, взрыл землю и забился в ямку. С тех пор тарбаган уж более не охотился на человека, но сам стал его добычей. А у черного коршуна теперь рассечен надвое хвост. О том, что тарбаган в те давние времена питался мясом человека, свидетельствует железа у него под мышкой.

Когда состязания окончились и звери, собравшиеся на них, разъехались по родным местам, архар, которому не удалось попасть на состязания, встретив тарбагана, спросил его, кто выиграл состязание. Тарбаган ответил:

— Выиграл человек.

Огорчился архар и изрек:

— Сохнуть твоей надутой губе на седельном ремешке¹, высухать моим гордым рогам в горном ущелье! — И он заплакал и плакал до тех пор, пока два из четырех его глаз не высохли от плача.

Вот так и получилось, что у архара теперь всего два глаза, а от остальных двух остались только пятна. А это правдивая история о том, почему рога убитого архара оставляют высоко в ущельях гор, а тарбагану протыкают нижнюю губу и подвешивают его к седельному ремешку.

52. Тарбаган и архар

Когда-то пришли все живые твари на праздник, на собрание, где предстояло решить, кто над кем будет главным. И вышло так, что надо всеми должен властвовать человек. Тогда большинство тварей стали плакать и рыдать:

— Этот человек отнимет у нас наши места!

А тарбаган и архар, оба, не смогли прийти на это собрание. После собрания мимо пролетало много черных коршунов. Тарбаган спросил черных коршунов:

— Чем кончилось собрание?

— Человек теперь наш враг!

Архар тоже спросил:

— Чем кончилось собрание?

И опять ответили черные коршуны:

— Человек теперь наш враг!

И тогда один черный коршун сказал тарбагану:

— Вот теперь настало время, когда твои толстые губы высохнут на седельных ремешках!

А архару:

— Вот теперь настало время, когда твои пышные рога останутся в горах!

53. Бычок-ячок, баранчик и козлик

Однажды, в давние времена, одна богатая семья перекочевывала с зимовья на летние пастбища. Никто и не заметил, что на старой стоянке остались ячок, баранчик и козлик.

Бычок-ячок подошел к двум другим животным, оставшим от стада, и сказал:

— Давайте подумаем, как нам теперь жить!

И сказал тогда баранчик:

— Давайте станем братьями!

А козлик каждому нашел имя: баранчика назвал он Эргим Тайжы — Главный царевич, себя — Ортун Тайжы — Средний царевич, а ячка — Бууланг Тайжы — Царевич-Хвостик.

Не успели они поговорить друг с другом, как прибежал волк. Козлик взобрался на склоненную лиственницу, баранчик и бычок-ячок хотели последовать его примеру, да не смогли и повисли на дереве. Волк спросил козлика:

— А что это за две белые штучки сверкают у тебя на голове?

— А это два моих меча, ими я перерублю тебя!

— А что это болтается у тебя под подбородком?

— А это мой джюлгююш, им я буду стирать кровь с мечей!

От страха вырос и обнажился красный член бычка-ячка. Заметив это, волк спросил:

— А что это светится у тебя красное под животом?

И тут козлик быстро ответил:

— Это штык, им он пронзит тебя!

Волк спросил баранчика:

— А мешок меж задних ног — это что у тебя такое?

И опять ответил козлик:

— Это мешок, в который мы засунем тебя после того, как уьем!

Тем временем все тело бычка-ячка заостенело, он потерял равновесие и свалился с дерева. Тут козлик заорал:

— Быстро хватай несчастного волчонка, что стоит возле тебя!

Убежал тут волк как ошпаренный. На бегу он попал в западню и застрял в ней. Старик, сидевший у своей западни и привязанный к ее цепи, закричал от страха, порвал цепь и убежал. Тут три брата прикончили волка и взвалили его на бычка-ячка. «Теперь нам нельзя здесь оставаться, поищем такое место, где можно спрятаться», — решили они. Так пошли они и увидали вскоре дым, поднимавшийся из крытого камышом джадыра. Козленок вошел в него первым. Там сидело семеро волков.

У нас обед, и еда на обед идет к нам сама!

У нас ужин, и еда на ужин идет к нам сама!

воскликнул один и ударил по струнам своего довшуура.

Но козленок отнял у него довшуур, заиграл на нем и сказал:

Одной волчьей шкуры хватает как раз на один обшлаг.
Семи волчьих шкур хватит как раз на целую шубу!
Все входите! Бууланг Тайжы, сначала ты, а потом ты,
Эргим Тайжы.

Когда вошли бычок с волком на спине, а за ним баранчик, семеро волков обезумели от страха. С испугу они бросились во все стороны и разорвали камышовый джадыр во всех семи направлениях.

Три брата остались здесь, и жили они счастливо, не зная страха и опасностей. Потому что все волки в этой округе узнали об истории с семьей волками, и безумие овладевало ими всякий раз, как только они глядели в ту сторону, а уж направить туда свои стопы они так больше никогда и не решились.

54. Серая птичка с шишкой на груди

Серая птичка с шишкой на груди опустилась однажды на колючий куст караганы, и шипы караганы сорвали ей шишку. Птичка полетела к козе и говорит:

— Коза, а коза, съешь-ка куст караганы!

Но коза сказала:

— Я не могу даже досуха вылизать моих новорожденных козлят, а не то что съесть куст караганы!

Тогда птичка полетела к волку:

— Волк, а волк, съешь-ка козу!

Волк ответил:

— Рыжевато-буланый двухлетний конь хана упал в колодец. Я не могу даже съесть всего его нутряного жира, а не то что твою козу!

Птичка отправилась к мальчикам, стрелявшим из лука:

— Мальчики, а мальчики, застрелите-ка мне волка!

Но мальчики сказали:

— Мы не умеем еще даже победить друг друга, а не то что застрелить волка!

Птичка пошла к старцу:

— Старик, а старик, высеки-ка своих мальчиков!

Старик ответил:

— Я не могу уже волочить мое толстое пузо, а не то что высечь мальчиков!

Птичка пошла к мышке в норку:

— Мышка, а мышка, отгрызи старику его толстое пузо!

Но мышка сказала:

— Я не могу уже даже как следует вырыть в земле норку, а не то что отгрызть жирное пузо старика!

Птичка полетела к девушкам:

— Девушки, а девушки, утопите-ка мышку в норке!

Девушки сказали:

— У нас не хватает даже сил на то, чтобы расщипать на волокна сухожилия, где уж нам налить воду в мышкину норку!

Птичка пошла к старухе:

— Старая, а старая, отругай-ка своих девушек!

Ответила старуха:

— Я даже не могу теревить свою черную шерсть и сделать черный войлок, теревить белую шерсть и сделать белый войлок, а не то что отругать девушек!

Опечалилась серая птичка и заплакала. И прилетел тут ветер Гурмусту и спросил:

— Птичка, а птичка, что ты сидишь тут и плачешь?

И едва ветер небесный узнал обо всем, как ворвался с силой, скрутил черную шерсть в черное облако, белую шерсть в белое облако и закружил их вихрем. Старуха умоляла его перестать. Она сразу согласилась отругать девушек. А девушки согласились налить воды в норку, а мышь согласилась отгрызть старику жирное пузо, старик принялся сечь мальчиков, мальчики прицелились в волка, волк был готов проглотить козу, а козе ничего не оставалось, как съесть куст караганы. Так бедная серая птичка отомстила все-таки колючкам куста караганы.

55. Где бурый козленок?

Я пошел к юрте Хюрелдея и переночевал в ней. Он забил для меня бурого козленка с коричневой полоской на носу и оставил его на минутку на лопате. Тут пришла бурая собака и поела немного.

— Хюрелдей, Хюрелдей, что случилось с почками на лопате?

— Моя рыжая собака съела их.

— А что с твоей рыжей собакой?

— Она побежала за детьми, которые пошли за дровами!

— Куда побежали дети, которые пошли за дровами?

— Они пошли в лес!

— Что случилось с лесом?

— Его съел пожар.

— Что случилось с пожаром?

— Пожар погасил снег.

— Что случилось со снегом?

— Снег растопило солнце!

— Что случилось с солнцем?

— Солнце забралось за гору!

— Что случилось с горой?

— Гора превратилась в синего быка.

— Что случилось с синим быком?

— Он убежал с уходившим стадом.

— А что со стадом?
— Меж кустиков осоки
 трюх-трюх,
Меж стеблей камыша
 трях-трях,
Исчезло оно без следа...

56. Кто сильнее?

Давным-давно бежал как-то заяц по льду реки и сломал себе ногу. И, сломав себе ногу, он спросил:

— Лед, ты сильный?
— Я — сильный! — ответил лед.
— А если ты такой сильный, почему ты таешь под солнцем?
— Солнце, ты сильное? — спросил лед.
— Я — сильное!
— А если так, почему ты прячешься за облаками?
— Облако, ты сильное? — спросило солнце.
— Я — сильное!
— Если ты сильное, почему же ты уползаешь за гору?
— Гора, ты сильная? — спросило облако.
— Я — сильная!
— Гора, если ты сильная, почему ты позволяешь сурку дырять свое дно?
— Сурок сильный!
— Сурок, ты сильный?
— Я — сильный! — ответил сурок.
— Почему же ты позволяешь самому обыкновенному человеку застрелить себя?
— Человек, ты сильный? — спросил сурок.
— Я — сильный!
— Если ты сильный, почему ты страдаешь от боли?
— Боль сильная!
— Боль, ты сильная?
— Я — сильная!
— Если ты сильная, почему даешь себя вылечить?
— Потому что врач сильный!
— Врач, ты сильный?
— Да, я — сильный!

Тут врач вылечил зайцу ногу, и заяц, выздоровев, вскочил и уискал.

57. Сказка-гадание

Приехал сюда путешественник с семьёю навьюченными верблюдами и переночевал наверху на лопатке старика. Тем временем пошел дождь. Старик подумал: «Э-э, идет дождь». Поглядел вверх, и тут ему вроде бы влетело что-то в глаз. А это была птица Хангарьд. Он стал спасаться в бороде козла, а тут еще и бык появился.

Я попросил каждого из присутствующих выбрать что-то. Джурук-уваа взял Хангарьд, Эрика выбрала старика, Батсенгээ выбрал быка, Сесмээ выбрал козла, а я, Хара Балдын, выбрал лопатку.

Джурук-уваа, который выбрал птицу Хангарьд, к кому бы ни пришел, делает это с легкостью. То, что Эрика выбрала старика, означает, что она любит людей. Сесмээ выбрал козла — он не будет сластолюбив, как козел, но напьется воды во многих землях и доживет до глубокой старости. Тот, кто выбрал быка, спокоен, но спокоен не так, как корова.

58. Небылица

Так вот! Давным-давно, в те времена, когда еще не было на свете моего отца, я пас лошадей моего деда. Ну, отправился я однажды отдохнуть куда глаза глядят. Отвязал ничто от своего седельного ремешка¹. Принес три больших сизых камня, чтобы очаг сложить, и только разжег огонь, как закурлыкал мой дорожный котелок: зильдир-зальдир, да возьми и опрокинься. Оказывается, вместо камней я принес трех заснувших голубей.

Ну, отправился я дальше, пришел в другой аил, а там как раз в полном разгаре большой праздник, и на угощение закололи муху-четырёхлетку, пировали уже целых четыре дня, и все были сыты и довольны. А тут появился и я да присоединился к пировавшим, наелся да отвала, а вечером, когда улегся спать, смазал жиром один из своих сапог по самый носок, а вот на головку другого сапога жира не достало².

Проснулся я ночью оттого, что раздалось: зилир-залир, зилир-залир. Прислушался, а это спорят мои сапоги.

— Ты сожрал жира больше, а я меньше жира сожрал, — и давай драться. Отвесил я две оплеухи виноватому, да и невиновному столько же, засунул один под подушку, другой — под ноги и улегся.

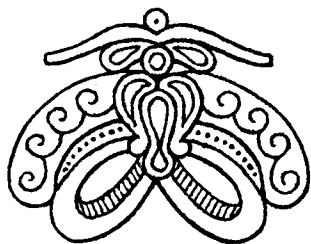
А утром, только я встал и отправился за лошадьми, как послышалось из леса: тиш-таш. Пошел я поглядеть, кто там, и увидел змей. Они сидели и жевали смолу! Помог я немножко змеям жевать смолу и пошел дальше и тут услышал за холмом: пид-пад, пид-пад!

«Наверно, в аиле у какого-нибудь хана теребят шерсть, чтобы свалить из нее войлок», — подумал я, ведь была осень. А оказалось, это тарбаган взбивает подушку из сена. Он хочет, чтобы в норке у него было тепло и уютно. Повзбивал я сено вместе с тарбаганом да отправился к своим лошадям. А тут как раз ожеребилась одна из моих кобыл, она была жеребой уже пятнадцать месяцев. Принесла она зеленого жеребенка с белым пятном на носу. Сел я на кобылу, поместил на седло перед собой жеребенка и хотел было ехать, но кобыле было не выдержать меня. Тогда я сел на жеребенка, перекинул через седло перед собой кобылу и поскакал.

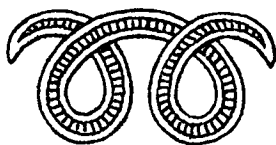
Поскакал, доехал до аила, там переночевал. Утром проснулся, вышел из юрты — а коней нет как нет. Воткнул я в лед на озере

свой укрюк, взобрался на него, огляделся, но ничего не увидел. Воткнул я в верхний конец укрюка свой нож, залез на него — и опять ничего не увидел. Нашлась у меня еще только штопальная игла, всадил я ее сверху в нож, забрался на нее и тогда увидел своих лошадей. Хотел поскакать за ними, а коня-то у меня не было. Поскакал я тогда на мухе и пригнал своих лошадей, но, когда я решил напоить их, оказалось, что мне нечем сделать лунку во льду озера. Тогда я оторвал себе голову, выбил своей нижней челюстью дыры во льду и напоил хорошенько лошадей.

Потом поехал дальше. Но когда я захотел крикнуть, не раздалось никакого крика; когда захотел свистнуть, не раздалось свиста — вот что со мной случилось! Захотел я провести рукой по голове, да ведь я забыл ее там, где делал ею лунки. Тогда я поскакал туда и нашел свою голову. Собрал я кое-как свой ум-разум, ой-ой-ой! Значит, и так бывает, что человек сам теряет свою голову! Но конечно, тот, кого при этом не было, примет мою историю за ложь!

**мифы
и исторические
предания**

59. Мангыс на Луне

Жил однажды на этом свете огромный великан — мангыс. Он заглатывал всех зверей и всех людей и вообще ничего не щадил.

Похоже было на то, что скоро уже вообще ничего не останется, и тогда люди и другие живые существа — все обратились к Гурмусту с просьбой обуздать этого могучего мангыса.

Гурмусту Хаан велел привести его, приказал перенести его на остров на Луне и там приковать цепями.

Мангыс жив до сих пор. Раз в три месяца, всегда в пятнадцатый день, его выпускают на волю. Мангыс не успокаивается. Когда он сражается с Луной, становится темно. Называют это «затмением Луны».

По нашему обычаю, это день поста. Не умирают. Не едят мяса. Как раз поэтому.

60. О том, как джелбеге пожирает Луну, Солнце и Землю

Давным-давно жило на этом солнечном свете существо под названием джелбеге, оно пожирало все — воду, людей, деревья и даже камни. И потому-то с этого света послали туда, наверх, письмо тридцати трем небесным Гурмусту. А каким, спросят, образом послали? Это было письмо, написанное золотыми чернилами; развели огонь и сожгли его, говорят. Ведь иначе ничто не могло полететь к Гурмусту — не было же еще самолетов! Написали на бумаге золотыми чернилами, раздули огонь и таким образом послали письмо. И так, говорят, дошло оно до тридцати трех Гурмусту.

Когда письмо дошло туда и тридцать три Гурмусту прочли его и посоветовались, Бурган Башкы послал из тридцати Гурмусту Очирвана, чтобы он навел порядок, и наказал ему:

— Управься с джелбеге из нижнего мира, да и возвращайся!

Это существо, этот бурган по имени Очирван, сжег землю верхнюю и опалил землю нижнюю. И когда он приближался таким образом, джелбеге нырнула в ядовитое озеро и залегла на его дне.

Это ядовитое озеро хлебал теперь сам бурган Очирван, он хлебал его, хлебал и, стало быть, все его выпил. А когда он выпил его, выпил до дна это ядовитое озеро, оказалось, что там лежит джелбеге. И, увидав, что там лежит джелбеге, Очирван сказал:

— Лишая весь этот свет покоя, ты пожирала скот, пожирала

людей и поджигала скалы. Тридцать три Гурмусту послали меня управиться с тобой. Что ты можешь на это возразить?

— Мне нечего возразить, то, что я делала, худо! — отвечала джелбеге.

Тогда он разрубил ее золотым очуром, разрубил ее таким образом: переднюю часть отдал Ай Хааркану — Милостивому Месяцу, а заднюю часть — Хюн Хааркану — Милостивому Солнцу.

— Ты, труженик, владей этой частью! А ты, стойкий маленький муж, владей ее грудью. Вся сила теперь в ее груди!

И так как он это сказал, существо под названием «джелбеге» и теперь еще там — на Милостивом Месяце. Кровь и нечистоты джелбеге капали оттуда и стали червяками и муравьями, насекомыми — мухами и слепнями. Получилось так, что все это возникло из крови и нечистот джелбеге. Вот по какой причине все это появилось!

Это — языческое слово из давних-предавних времен.

61. Истории о Сардакбане

Сардакбан пришел с севера — говорят одни, он пришел с запада и ушел на восток через озеро Хар-ус-нуур — говорят другие.

Сардакбан сотворил мир. Он нес землю в подоле и разбрасывал ее — и так возник мир.

Реку Хомду и земли вокруг нее Сардакбан создал в приданое своей дочери.

* * *

Рассказывают, что это Сардакбан выбил на скалах изображения разных диких животных. В Цэнгэле есть различные места, где можно еще обнаружить такие изображения, например в долине Хомду, выше впадения Ак Хема — Белой реки. На этих наскальных рисунках представлены те звери, которые были в его время: волк, олень, каменный баран и архар.

* * *

Когда мать Сардакбана жила вблизи Хара Суг — Черной воды, в местности под названием Гурван Тохой — Три луки, она заболела. Отправился тогда Сардакбан к святым ключам в район истоков реки Хомду и отвел воду для своей матери туда, где она жила.

Так возникла река Хомду.

* * *

Эжен Хаан, правитель всей империи, повелел Сардакбану отвести Хомду в Пекин. Сардакбан взялся за это. И когда он отвел Хомду к Пекину настолько, что оставалось до него лишь полдня пути, он воскликнул:

Заставив тебя ржать, как кобылица с жеребенком,
Заставив тебя реветь, как верблюдица с верблюжонком,
Привел я, парень, тебя сюда.

Эти слова оскорбили поток Хомду, и он повернул и потек обратно. Тогда Сардакбан проклял его:

Вкривь потекшее
Озеро Булджунг —
Будь это теперь твоим именем!

* * *

Иногда насмешка Сардакбана звучит иначе:

Заставив тебя реветь, как верблюдица с верблюжонком,
Заставив тебя рыдать, как женщина с ребенком,
Привел я, парень, тебя сюда.

Говорят, что рядом с озером Хар-ус-нуур находится высохшее русло реки — это след повернувшего обратно потока Хомду. А в аймаке Ховд даже рассказывают, что во рву была найдена большая лопата.

* * *

Когда Сардакбан трудился над тем, чтобы вывести Хомду на равнину, однажды в полдень он решил отдохнуть. А чтобы река не утекла от него, он стал копать землю своей лопатой, набросал земли и перегородил ею путь реке. Так образовалась яма. Когда перед запрудой накопилось слишком много воды, он отчерпнул немного ладонями и вылил в эту яму. Так возникло Сарыг Хёл — Желтое озеро. Он продолжал отдыхать, и поэтому накопилось столько воды, что она прорвала земляную перемычку и стала вытекать, извиваясь, — так возникло ущелье Теве Мойуну — Верблюжья Шея.

Иной раз рассказывают по-другому: Сарыг Хёл возник на том месте, где была вынута лопатой земля. Из отброшенной лопатой земли выросла небольшая горка у берега озера — Сарыг Хёлдюнж Межелиг — Холм у Желтого озера.

* * *

Когда Сардакбан менял русло Хомду, всюду — от Ак Хема и вверх до Цэнгэла — стояла вода; тогда прорвалась река, и возникло ущелье Теве Мойуну — Верблюжья Шея.

Но Сардакбан хотел, собственно говоря, вывести Хомду через Галджан Орук — Голую дорогу, на равнину.

* * *

Сардакбан отвел воду реки Хомду и сделал из нее озеро Булджунг. Рассказывают, что по ту сторону Ак Салаа — Белой балки — есть следы стремительного коня Сардакбана. Каждое копыто — размером с целый аил.

Сардакбан выпустил воду из озера Хураан Хёла — Озера ягнят.

Когда Сардакбан отвел из озера Хураан Хёл реку Хомду, он высыпал у Теве Мойуну полную лопату земли, но Хомду прорвал запруду и потек дальше. Это внизу, у зимней стоянки Аксак Шимита — Хромого Шимита. Тогда Сардакбан стал отводить Хомду все дальше и наконец сказал:

Река Булджунг,
Озеро Булджунг —
Раз ты потекла по неверному пути,
Стань озером Булджунг!

И стал он копать там землю. И провел палкой ровненькую черту, не так ли? Стало быть, там самой обыкновенной палкой Сардакбана проведена такая черта. Когда мы хотим вырыть канаву, даже маленькую, мы поступаем так же.

* * *

Было два бога, которые хотели вывести Хомду с гор, — Сардакбан и Мемли. Придя на равнину Цэнгэла, в местность, где сегодня находится озеро Сарыг Хёл, Мемли сказал, что здесь они и останутся. Сардакбан же хотел целиком отвести реку от гор и повести ее к Пекину, но не по тому пути, которым она течет сегодня. И сказал он тут обидные слова:

Заставив тебя ржать, как кобылица с жеребенком,
Заставив тебя реветь, как верблюдница с верблюжонком,
Привел я, парень, тебя сюда!

Тогда оскорбленный Хомду вырвался от него и ушел в горы. Так возникло ущелье Теве Мойуну — Верблюжья Шея. Сардакбан снова поймал Хомду и отвел его еще раз до озера Хар-ус-нуур

Повернув, повернув, будь ты теперь Эх Аралом,
Возвратившись, возвратившись, будь ты теперь Булджин Тохоем.

* * *

В сомоне Саксай на одном из горных хребтов есть пять маленьких лощин. По легенде, Сардакбан ехал на коне вниз с гребня горы и хотел на скаку поднять что-то. От этого и остались следы его пяти пальцев.

* * *

Есть в степи место, где лежит большой белый обломок скалы — это когда-то Сардакбан бросил им в волка и убил его.

В разных местах — севернее горного хребта Хара Даг — Черных гор и в центре сомона Саксай — есть углубления в почве — отпечатки конского копыта величиной с хонаш.

Сардакбан создал мир. Когда он захотел отвести с Церека реку Ак Суг — Белую воду, он поволок за собой свою мотыгу и так прорыл канаву.

Наверху, в Ак Салаа, Белой балке, и в Сарыг Догай, Желтой луке, — сохранились следы его коня. В Сарыг Догай этот след тянется на много километров вверх, до самых снежных вершин. Каждый отпечаток конского копыта — величиной с хонаш, с площадью, занимаемую одной юртой.

Наверно, тогда были все-таки и маленькие люди, так как существуют ведь большие и маленькие муравьи, а то откуда бы нам стали известны все эти истории!

62. Легенда о Бурган Башкы и Очирваане

Оба, и Бурган Башкы, и Очирваан, хотели, чтобы их считали властителями человечества. И решили они тогда, что властителем над людьми и миром будет тот, в чьей пиале расцветет цветок.

И вот они сидели оба с закрытыми глазами, держа в руках свои пиалы. Очирваан приоткрыл однажды глаза щелочкой и увидал, что в пиале Бурган Башкы распускается цветок лотоса. Он незаметно вынул его и опустил в свою пиалу. Тут Бурган Башкы открыл глаза и сказал:

— Ну хорошо, ты будешь в этом мире властителем! Но в твоём мире будут войны.

А вот если бы Бурган Башкы стал властителем мира, он бы, так как причина войн всегда волки и покражи, он бы повесил волкам на шею колокольчики, а на голову воров поместил бы огонь, чтобы каждый сразу же мог распознать их. И тогда в его правление мир и люди не знали бы войн.

63. Единственное черное дерево мира

Когда я еще был молодым пареньком, лет четырнадцати-пятнадцати, звездочет Галджан видел привезенный из Гюмбю один лист «Единственного черного дерева мира», похожий на лист тополя. Под сенью этого дерева может укрыться сотня конников. Листья его — величиной с войлок, покрывающий крышу шестистенной юрты. Привез этот лист Джайсанг, который не был подданным ни одного бега, и случилось это за сто двадцать лет до нынешней власти.

64. О происхождении живых существ

Разве не говорят, что Бурган Бодисады создал золотой мир? Он сказал:

— Пусть черноголовые черви станут такими же разными, как пять моих пальцев!

И действительно, существует такая пословица:

Не все люди одинаковы,
Не все лошади — иноходцы.

65. Откуда взялись рыбы

Что касается рыб, то Бурган Башкы сказал:

— Да станет это пищей детям моим! — отрезал немного мякоти от своих мясистых ляжек и бросил в море.

66. О тувинском языке

Когда-то, давным-давно, не было живых существ. Скот и люди произошли от земной коры, из земли вышли они и выросли.

И тогда пришлось Хан Гэрди, Бургану Башкы и ежу посидеть вместе и подумать, какими же быть теперь людям.

Один спросил, мол, как же их теперь называть, другой сказал, что им нужно раздать названия. Одни хотят стать монголами, другие — халха, а третьи — бурятами; и так они роздали названия всем народам демократических государств.

Ая-яй-яй, и тогда люди, которых нарекли тувинцами, захотели получить свой язык. А эти трое как раз раздавали языки. И после того как они целых три дня раздавали языки — о голубое небо! — тувинцы остались и вовсе без языка, у них просто не было языка, как у скота. «Что же теперь будет?» — подумал Бурган Башкы и забеспокоился. Позвал он к себе ежа, и еж явился к нему.

— Ты подготовил уже поверхность земли, и мы создали из этой земной коры всех живых существ и разные народы. А вот этот тувинский народ остался теперь без языка. Все языки уже розданы другим странам.

И продолжали Хан Гэрди и Бурган Башкы:

— Ну, решай, какой им нужно дать язык, наши знания уже исчерпались!

— Ты роздал все языки народам, теперь возьми ото всех этих языков понемногу для тувинцев. Тогда и у них будет свой язык, — ответил еж.

Да, и потому-то у нас, тувинцев, такой язык, в который каждый из многих народов вложил что-то свое: якуты, узбеки, сарты, казахи, монголы, китайцы и русские. Из языков всех земных созданий что-то вошло в наш язык. Это удивительный язык. И все-

таки тувинскому народу смогли таким образом хоть и с трудом, но дать свой язык. Потому-то в этой стране¹ не умеют говорить на нашем языке.

67. История о Манджын Богде

В давнее время у самого загона богатого аила, кое-как перебиваясь, жила бедная женщина. И ничего-то у нее не было, кроме прокопченного черного хадгыра над головой да пяти черных коз, кормивших ее.

В один год родился у женщины сын. Но новорожденный малыш только и плакал все время, дни шли один за другим, а плачу его не было конца.

Однажды утром женщина вышла из своей юрты, чтобы загнать скот. А тут встали как раз китайские торговцы, ночевавшие в юрте богача. Малыш плакал. Они услышали его крик и, поглядев на черный хадгыр, увидали огоньки пламени, вырывавшиеся из дымового отверстия. Заглянули они в черный хадгыр и не увидали там ни души. Тогда они налили в соску арагы, и, как только малыш взял ее в рот и стал сосать, он тотчас же заснул.

Когда китайцы покинули юрту и ушли, появилась женщина, и так она обрадовалась, что наконец прекратился плач ее малыша и он уже заснул.

Через некоторое время китайские купцы принесли бедной женщине золота и серебра и купили у нее малыша. А так как бедной женщине нечем было жить и часто приходилось голодать, она осталась на старом месте и очень радовалась тому, что разбогатела и избавилась от своего горлопана, отдав его богатым людям.

Когда мальчику исполнилось восемь лет, его объявили новым воплощением Манджын Богды. Наш народ пошел к Эжен Хаану, заручившись поддержкой судей, и привел мальчика назад.

Мальчик успел привыкнуть к своим китайским родителям и, вернувшись на родину, скучал по ним и кричал:

— Я хочу к моей маме! Я хочу к моему папе!

И чтобы он не плакал, ему седлали кастрированных барана и козла и выполняли все его капризы. И он играл себе и играл, пока не засыпал посреди загона. А выпавшись, он поднимался на ноги и кричал:

— Если мне не дадут арагы, я буду скучать по моим родителям! — начинал плакать, и слезам его не было конца.

Когда опять приехали китайские купцы, единственным, что купил у них мальчик, был арагы. Так постепенно мальчик приучился к арагы и влез в долги.

Как-то в один год пришло множество китайских купцов. Они потребовали, чтобы им позволили поймать и увезти с собой мальчика, раз его не заставить уплатить долги. Задумался мальчик, что ему делать, но не нашел выхода. Тогда он отдал им семьдесят верблюжьих поклаж шкурок и пригнал им скот с семи пастбищ.

Китайцы погрузили шкурки и погнали скот, но едва они подъехали к Пекину, как вдруг их шкурки превратились в листья, а скот — в зверей, которые разбежались во все стороны.

Рассказывают, что китайцы так и сели, плача и не зная, что им делать, и только повторяли:

— У Манджын Богды вовсе нет сердца!

Став таким большим пьяницей, Манджын Богда побился об заклад с одним человеком, утверждавшим, что Манджын Богда не сможет пить с рассвета до захода солнца. Заносчивый Манджын Богда посадил солнце на цепь и продолжал пить много дней подряд.

Тут начался падеж животных, они не могли не спать столько времени, и к нему пришли люди и попросили его прекратить это. Тогда он отпустил солнце, и оно спешно описало несколько кругов, чтобы наверстать упущенные дни, а потом вернулось к обычному ходу.

Вот поэтому-то Манджын Богду и называют владыкой бешенства, а диких бешеных зверей называют его вестниками, и поэтому доньше всякий, кто окажется в безлюдной местности и наткнется там на бешеного зверя, тотчас бросается на землю и кричит:

— Эй, Манджын Богда, пусть минует меня пасть твоего вестника!

68. Людоеды

В давнее время среди тувинцев, кочевавших здесь, на Алтае, встречались и такие, что ели людей. Этих существ, поедавших людей, называли людоедами.

Некая женщина, которая жила одна, без соседей, растапливала в своей юрте снег, когда увидела в воде, налитой в котел, что два людоеда пробираются по скалам и точат свои ножи.

Когда людоеды пришли, чтобы убивать и поедать, — а у женщины был маленький ребенок — она сказала:

— Мой избалованный зад не ест непосоленного мяса. Подождите, я попрошу соли у соседей!

Удивились людоеды таким речам:

— Как это ее зад стал мясоедом! Давайте поглядим. — И они отпустили ее.

И теперь людоеды сидели и ждали. Никого! Еще ждали — и опять никого! Наконец они поняли, что выпустили эту женщину из своей пасти, и горько пожалели об этом.

* * *

Есть и другие рассказы о том, что когда-то ели человеческое мясо: нет, мол, ничего вкуснее человеческой печени. Кто хоть раз попробовал ее, тот всегда будет есть людей. Один человек пришел однажды в гости в юрту своей дочери, которая стала людоедкой. Вечером он решил остаться ночевать. Но так как дочь любила отца, она не

могла решиться убить его. Поэтому, когда она стала варить мясо, она намекнула ему:

Онс делает: хрой-хрой.

Кто ночевать останется — с того голова долой.

И выпроводила его.

* * *

А еще в другой раз один человек пришел в юрту людоеда и отведал человеческого мяса. Попробовав в первый раз печень человека, он уже не смог устоять против ее вкуса и подумал: «Пусть попробует немного и моя жена» — и спрятал для нее маленький кусочек печени под своей косой.

Он принес его домой и отдал ей поест; она же встала ночью, когда он спал, убила своего мужа и съела его печень.

Так и получилось, что людоедство распространялось все больше.

69. Легенда о Йовгун Мергене

В нашей стране жил известный своей доблестью и знаниями человек по имени Йовгун Мерген, человек, который, стреляя, ни разу не промахнулся.

Однажды над одной стороной китайского города Пекина не взошло солнце, и все время было темно. Пробовали и то и се — ничто не помогало. Тогда попросили прийти нашего Йовгун Мергена.

Пошел туда Йовгун Мерген и сказал:

— Так вот, если вас интересует, почему здесь темно, дело в том, что птица Хан Герди, живущая выше мира и ниже неба, распростерла одно свое крыло. Оно закрывает око солнца. Если я стрельну в птицу, которая вам мешает, я ее вам достану. Правда, одно будет плохо: погибнет ваш город!

Тут сказал Эжен Хаан:

— Если городу суждено погибнуть, пусть погибает! Лишь бы только снова взошло око солнца, а там все равно!

Взял Йовгун Мерген лук и стрелы; прицелился хорошенько и выстрелил.

И тут упало вниз одно крыло Хан Герди, и город был разрушен до основания.

Но око солнца снова взошло.

Возблагодарили китайцы этого человека за доставленную им радость и устроили в его честь большой пир. Но ему они дали на этом пиру яд, так как считали: «Это большой враг! Пока он жив, он никогда не даст нам снова возвыситься!»

Йовгун Мерген ушел, отправился на запад и умер в местности под названием Мёнгюн Дёжю. Он превратился в черный камень и так там и остался.

Но хоть он и был уже мертв, китайцы по-прежнему боялись его. Каждый год они приходили туда и обильно поливали камень ядом. Так делали они много лет. И однажды камень исчез. От него не осталось ничего, кроме жирного следа, направленного на север.

С тех пор о Йовгун Мергене ничего не слышать.

70. Джаагай Шапкан

Говорят: «Даже когда тело человека умирает, остается его имя». Это точно подходит к Джаагай Шапкану, храброму мужу тувинцев. Имя Джаагай, что значит «красивый», было прозвищем, так называли его все люди. Что же касается его внешности и его способностей, то это был человек столь прекрасный и превосходный, что среди всех земных созданий не было ему равного. В доказательство его небывалой красоты скажем, что, когда он из земли дербетов пришел в один монастырь в нашей местности, чтобы изучать священные письма, ламы, увидав Джаагай Шапкана, бросили свои книги и долго сидели, ничего не делая, только глядели на него.

Однажды, когда воевали с казахами, Джаагай Шапкан не заметил, что множество казахов подстерегают его на пути, и пошел прямо на них. Казахи, восхищенные его красотой, не только не стреляли, но бросили свое оружие и пошли прямо ему навстречу с поднятыми руками в знак того, что они ему сдаются.

Джаагай Шапкан умер на тридцать седьмом году жизни.

«Умер Джаагай Шапкан!» — этот крик пронесся по озерам у истока реки Хомду и отозвался в горах на все стороны.

Не прошло и времени, нужного на то, чтобы выпить пиялу чаю, как собрался весь народ, узнав эту вест.

Как выяснилось позже, Джаагай Шапкан был сном великого Гесера. Тридцать семь лет продолжалась его жизнь в этом мире. Когда Гесер проснулся, Джаагай Шапкан исчез.

* * *

В другом предании рассказывается.

Однажды поскакал Джаагай Шапкан с пятьюдесятью всадниками к монастырю Далай Хаана дербетов за культовыми фигурами, но там согласились дать ему только двух лам. Однако, когда он — высокий, красивый и благородный — вступил в храм, пришлось прервать служение богам, так как все глядели только на Джаагай Шапкана. Когда настоятель спросил, что ему угодно, Джаагай Шапкан сказал, что хочет получить двух лам и две культовые фигуры. Тогда настоятель предоставил ему полный выбор. Джаагай Шапкан один раз прошел по храму, следуя движению солнца, и сразу сделал свой выбор. Тут поднялись горестные крики, так как он выбрал двух лучших лам и две самые ценные культовые фигуры.

Еще одно предание.

Всякий раз, когда люди приходили почтить красоту Джаагай Шапкана, они останавливались, забыв все на свете. Даже Далай Хаан, пригласивший его к себе, чтобы полюбоваться на его красоту, так и застыл в смятении, сидя на своем месте, с бутылкой в руках. Да и все люди, пришедшие к храму сотворить свои молитвы, совершенно позабыли о своем намерении.

* * *

После Джаагай Шапкана правил муж по имени Газак Даа. При нем утвердилась религия. Принес ее человек из страны Далай Хаана. Был это старик Дюп из рода хойтов, дербет, которого звали Де-ге Бакшы.

71. Эр Джюврек

Эр Джюврек был одним из богатырей Амырсанаа. Когда Амырсанаа удалился и не осталось уже ни одного из его воинов, оставался лишь один Эр Джюврек. Когда его должны были схватить, он взобрался на неприступную скалу. Так как негде было отправить за ним простых солдат, за ним послали двух князей, чтобы они увезли его в Китай. Эр Джюврек, крепко сжав обоих под мышками, сказал:

Россия, к тебе не пойду я!
 Не надену шапку с заломленным дном!
 Китай, к тебе не пойду я!
 Не украшу себя почетным знаком — хвостом хорька!—

и бросился в воду с высокой скалы.

Солдат, спрятавшийся и спасший тем самым свою жизнь, услышал эти слова и воспроизвел их на своем шооре — у вод реки Ханаса на Алтае.

* * *

Когда умер Джаагай Шапкан, один человек, находившийся в это время в его юрте, в расстройстве поднялся на холм Кайракты и громко закричал:

— Ваш Джаагай Шапкан мертв!

Крик его потряс горы, стоящие по обе стороны холма, и отдался эхом в лесу.

Эр Джюврек, сидевший в это время у Хара Оваа — Черного Оваа — и пивший арагы, отчетливо услышал этот крик.

— Кто-то кричит: «Джаагай Шапкан мертв!» — воскликнул он и прыгнул — в одних штанах и рубаше, с дажыыром, полным арагы, привязанным за спиной, — в озеро.

Другие люди поехали на своих конях вокруг озера, но приехали

они слишком поздно. Они убрали своего князя, подготовили все к похоронам, сели там и пили арагы.

Поэтому-то и зовут его Эр Джюврек — Мужественный Джюврек.

72. Амырсанаа

Князем «Четырех ойротов» был Амырсанаа.

Однажды произошло разбойничье нападение. Амырсанаа, не совсем разобравшись в обстановке, сражался со своими собственными подданными.

Наши Семь хошуунов тувинцев воскурили жертвенный дым и пустили всех своих серо-голубых коней вокруг него по кругу. Стрелы свои они положили перед собой поперек седла, надели колчаны и поехали встретить Амырсанаа.

Увидел их Амырсанаа и, решив, что они едут, поместив поперек седел своих детей, подумал:

— Ба, вот едут мои подданные, чтобы сдаться мне.

И когда он поднялся на крутой высокий холм, все Семь хошуунов наших тувинцев дали такой залп стрелами из луков, что потемнело солнце.

Тогда Амырсанаа отрезал своему коню хвост, отломал верхушку одного из деревьев и принес такую клятву:

Когда снова будет на месте верхушка Единственного древа мира,
Когда хвост пестро-пятнистого коня коснется земли,
Когда окче казахов станут серебряными и они захватят власть,
Когда все собаки с белым пятном на груди станут черными
и будут мочиться, стоя на четырех ногах,
Только тогда я снова узнаю вас!

Посреди острова Шивээт есть такое дерево — обломанный тополь, верхушка которого снова выросла.

73. О бере Сарыг Даа

Сарыг Даа был предпоследним из семи бегов Дёрт сумун дыва — Четырех сумунов тувинцев. Хоть в этих четырех сумунах было немного людей, но в Хомду и Алдае они были очень знамениты. Когда там бывали большие праздники, туда всегда приходили наши люди.

Во времена Сарыг Даа был однажды праздник Двенадцати кереев в районе Алдая. Сарыг Даа послал туда своего борца Галпану. Когда началась борьба, борец Двенадцати кереев, чтобы показать силу, стал приплясывать, держа по ящику чая на каждой руке. Галпана стал подражать ему, схватил обоих своих секундантов и стал прыгать из стороны в сторону, держа их над головой.

Был там и один китайский князь, и он крикнул:

— Сарыг Даа, борьбу ты выиграл! А теперь состязание в игре на шоре!

Сарыг Даа ответил:

— Вот мой музыкант, играющий на шооре, Сарыг Гыс!

Сарыг Гыс заиграл, и люди сидели, забыв и себя, и обо всем на свете. Всадники сидели на своих лошадях, и казалось, они заснули. Еще со времен Джаагай Шапкана в состязаниях всегда становились победителями Четыре сумуна.

Когда праздник окончился, Сарыг Даа возвратился и сам устроил праздник, очень большой праздник. Четыре сумуна тувинцев и Двенадцать кереев казахов — все были приглашены на этот праздник. Князья со всех стран света все вместе дружно просили божественного Сарыг Даа, чтобы он показал своих сильных борцов. Вышел на борьбу борец Гонгуш, который при уgone лошадей всегда связывал макушки двух лиственниц. Тут князья закричали:

— Землю Сарыг Даа не победить!

Сам Сарыг Даа был первым среди князей. В его бровях были волосы тигра. Однажды все князья собрались в Чуулгуне. Пришел и Сарыг Даа со своими сорока мужами. Были поставлены две юрты. В одной расположился сам Сарыг Даа.

Сюда пришли другие князья, чтобы поздороваться с ним. Среди них был и князь Барын бейса. Он часто слышал от других, что Сарыг Даа по виду очень опасен, но отвечал:

— Да ну уж! Наверняка он человек, как и мы все!

Однако же теперь, когда тот вошел, он, дрожа, застыл у двери.

74. О добром герое Арвыйанге

Арвыйанг был из тех метких, что ловки настолько, чтобы не стрелять в землю, и из тех благородных, что не садятся на голую землю.

Когда Арвыйанг жил высоко в Небе-Алтае, он не давал никому угнетать себя и сам тоже никого не угнетал. Он делал все, что делали люди, стрелял в того, в кого стреляли люди, и был тем, кто научился всему, что умели люди. Вот каким счастливым сотворила его судьба!

Грудь человека, живущего добрыми мыслями на пользу золотого мира, народа и народной власти, открыта всяческим знаниям. Когда он спит, сон его чуток; когда он идет, ноги его легки; когда он едет, конь его быстр; когда он говорит, слова у него на языке; когда он борется, все его силы наготове. Так вот и протекает всегда жизнь хорошего человека.

Злые мысли делают голову окровавленной,
Добрые мысли делают губы жирными.

* * *

Во времена, когда образовались Четыре сумуна из Семи хошуунов наших тувинцев и возникла власть и религия, жил у реки Хомду человек по имени Арвыйанг. Арвыйанг был таким метким,

что никогда не стрелял в землю, и был так благодороден, что на голую землю никогда не садился.

А если спросят, как прознали про достоинства Арвыйанга, то вот как дело было.

Во времена божественного Сарыг Даа спустился он в полном снаряжении с той вон горы к храму Алдын Дзуунунг Оргээ, юрте-дворцу Золотого Будды, и, привязав своего коня, вошел в нее. Тут сказали:

— Что это за невежа? Не говоря ни слова, спустился к юрте-дворцу Золотого Будды и привязал своего коня!

И еще услышал он: «Дать ему триста пятьдесят ударов!»

И чтобы вынести приговор, собрали всех подданных и велели привести его к правителям.

— Почему ты спустился со своим ружьем к юрте-дворцу Золотого Будды и привязал там своего коня?— спросили его, и он ответил:

— О да, я привязал его! Верно, что я прибыл сюда в полном одеянии. Я ведь мужчина! Верно, что я приехал на коне с оружием и остановился здесь. Ведь я мужчина! Ведь это мое черное ружье врезается мне в плечо! Ведь это моя шапка из меха тарбагана покрывает мою голову. Так как этот Золотой Будда — правящая власть, ему известно все, что происходит за многими горами. Бурган понимает все, что происходит за шестьюдесятью горами, и знает все, что происходит за шестьюдесятью морями. Раз в коричневом сердце моем несправедливость, я скажу все!

Все онемели.

— Речь Арвыйанга правдива. Ответ его правилен. Ведь говорится:

Спроси ответа у человека, которого собираются убить.
Осмотри зубы лошади, которую собираются продать.

Что бы от него осталось, если бы ему дали триста пятьдесят ударов? А Арвыйанг-то ведь — один из достойнейших людей, человек, знающий все девять мудростей. Ну если не все девять, то три-то из них мы увидим!— решили тут.

И когда он согласился: «Так тому и быть!»— ему сказали:

— Ты говорил: «Мое черное ружье врезается мне в плечо!»

И он решил: «Буду стрелять в цель!»

— Если я, выстрелив подряд три раза, попаду, зовите меня метким!

На расстоянии пятидесяти шагов насадили на пикку серебряную монету. Он встал, широко расставив ноги, вложил одну пулю в ствол ружья, а две вложил в рот. Казалось, что раздался лишь один выстрел, но из ствола трижды шел дымок. Когда взяли и посмотрели серебряную монету, то увидели в ней три соединяющиеся цветком дырки.

— Ах ты,— закричали,— милостивый! Вот это был выстрел! А теперь пусть покажет свое умение плавать!

Привели его к берегу красных вод реки Хомду. Он быстро снял с себя сапоги и платье и бросил их на землю. Потом он поджег

один запал пропитанного порохом трута, прыгнул с берега и переплыл реку; доплыв до противоположного берега, он перевернулся на спину и, еще прежде чем догорел подожженный трут, приплыл обратно и вышел на берег.

— О, вот это настоящий мужчина! — закричали все, восхищаясь им.

А третьим было то, что ему велели прочесть наизусть текст «Бандзыракчы». Пригласили двух ученых лам, приготовили высокое сиденье из подушек и войлочных ковров и велели ему читать наизусть «Бандзыракчы». И он начал декламировать на следующий день в полдень с преимуществом во времени в три строфы. Оба ламы не смогли догнать его и отстали.

— О да, он человек прекрасных дарований! Разве не так? Ну и добрый же герой! — говорили вокруг, и ему подали арагы в чаше из золота и серебра, забили скот для его ночного пира, на прощание подарили ему шелку на шубу и хадак и проводили его.

Когда он вернулся в свою юрту, один человек из монастыря Далай дербетов в Увсу пришел с приглашением прийти в их монастырь. Он пошел туда, два дня ему велели ждать и отдыхать. А на третий день пришел знаменитый Хамбы Лама и, обменявшись с ним приветствием, спросил:

— Что есть один?

Арвыйанг ответил:

— Если бы не было одного, откуда бы взялось число «тысяча»?

Тот спросил:

— Что есть два?

— То, что увидел двумя глазами, может ли человек потерять?

— Что есть три? — спросил Хамбы Лама.

— Лошадь, у которой связали три ноги, может ли она далеко уйти?

— Что есть четыре?

— О, четыре! Когда достигнешь четырех лет, почему бы не начать работать?

— Что есть пять?

— Как пройдет пять девятков, не замерзнет ли суп в тарелке?

— Что есть шесть?

— Если астролог не знает своих астрологических расчетов, к чему ему тогда носить это имя?

— Что есть семь?

— Когда Семь ханов достигнут зенита, почему не наступает тогда рассвет?

— Что есть восемь?

— О, если восемь вечеров подряд читать священные тексты, почему бы не разбогатеть от этого?

— Что есть девять?

— Почему человек, владеющий девятью премудростями, ложится спать на пустой желудок?

— Что есть десять?

— Почему заняты не все седельные ремешки, когда убит олень с разделенными на десять ветвей рогами?

И он засмеялся так громко, что разлетелись надвое рога пестрого козла, рога ста оленей и хвост темно-каурой лошади. Тут все закричали:

— Вот это действительно добрый герой удивительнейших способностей, добрый, добрый!

Арвыйанг, одетый в шелка, поскакал на своем иноходце и приехал, дважды переночевав в пути, к своей юрте.

Тут сказала его жена:

— Ты не остался здесь со своей семьей и оставил здесь одну меня, девушку из чужой страны. Я уйду обратно!— И она собрала свои вещи. Арвыйанг взял шоор, подул в него и всей душой своей спросил свою поседевшую мать Хомду и своего покрытого снегами великого Хан Гёгея о том, почему все так получилось.

Сколько дней играл он на шооре, не выпуская его из рук! Тут жена его сказала:

— Ой, не сохнут ли у тебя рот и горло?

И раз она спросила так, стали они опять разговаривать и болтать друг с другом, и она осталась у него.

Так добросердечие ведет к добру.

75. Поучение

Когда мужчины вместе едут верхом по стране, то, говорят, всегда там с ними Белый хозяин Земли.

Почему так говорят?

Когда кто-нибудь помянет добром наш золотой мир, нашего великого Гурмусту, всех наших людей, то, сколько бы ни промелькнуло перед ним и ни убежало бы от него всякой дичи, не останутся пустыми его седельные ремешки¹, исполнятся его желания. Когда молодой человек благочестиво разбрызгивает в жертву белое питье² и радуется, беседуя с другими, смеется и живет счастливо, давая простор всем своим силам, радуется вместе с ним и Алтай и исполнит желания этого человека. Не надо ссориться, не надо говорить плохо друг о друге. Когда едешь на лошади, нужно дать ей хорошенько отдохнуть. Когда находишься сам в пути, надо внимательно следить за собой. Когда на плече у тебя ружье, нужно обходиться с ним разумно, и тогда ты будешь тем, о ком говорят:

Справедливый ведет за собой справедливых,
Праведный ведет за собой праведных.

Кто, бывая в юрте, часто подолгу беседует со старыми людьми и прислушивается к взрослым, тому прибавится от них разума. Если из десяти услышанных истин он запомнит одну, то, прожив так тридцать дней, он запомнит тридцать истин. А за год это триста шестьдесят пять истин. У такого человека уже немалые знания. А никто еще не слышал, чтобы человек, знающий девять премудростей, лег спать на голодный желудок.

Вот такие напутственные слова остались нам от нашего великого наставника по имени Арвыйанг.

76. О происхождении скороговорки

Есть скороговорка, которую нужно произносить, не переводя дыхания:

Билдим билдим бир шаварты,
шавартының джакша бёлюк,
бёлюктың бёленг агаш,
агаштының арван гузук,
гузуктунунг гурван хээр,
хээртиның гезер тайга,
тайгатының дарвыл овюс,
овюктың орге гарыш,
гарыштының джеди гулаш,
гулаштының гуу дёнг!

Давным-давно в районе Цэнгэла жил вор по имени Хар Битегеш. Он был мал ростом, очень мал ростом, и был он ловким вором. Когда хозяин скота избивал его палкой или дубинкой за то, что он угонял воровски скот и похищал коней, он во время избивания соскальзывал вниз по боку коня, так что удары приходились по луке седла, — вот какой это был хитрый человек!

Однажды, когда этот человек ехал на коне вверх по долине реки Бёхмёрён, он завернул в один аил, а там лежала больная старуха.

— Ой, мы слышали, что вы человек с запада, из района божественного Сарыг Даа. Вот я так тяжело заболела. Вы, наверно, знаете какое-нибудь средство от болезни. Не поможете ли вы мне в моей беде? — так она сказала.

Тогда тот человек сказал эти стихи и удалился.

Когда он во время одной из своих воровских вылазок опять попал туда и вошел в ту же юрту, эта женщина сказала:

— О, благодаря твоему чтению стихов, которые были словно молитва, мне стало уже на следующий день лучше, и я выздоровела!

77. Балджын Хээр

У тебя кандык и саранка есть, мой Алтай,
У тебя юноши и девушки есть, мой Алтай,
У тебя иноходцы и скакуны есть, мой Алтай,
У тебя разумные и мудрые есть, мой Алтай!

Пусть шоора нежное звучание
Сократит твою долгую ночь!
Пусть игила грустный напев
Размягчит твои твердые кости!

Сиротой — без родителей — был он, Балгынак.
Бедняком — без скота — был он, Балгынак.
Но видя богатство богачей,
Он не исполнялся завистью.
А видя смелость богатырей,
Балгынак не чувствовал себя слабее.

Ведь с ним всегда была
Его единственная сестра Алдын Гээш.
Ведь под его седлом всегда был
Его единственный конь Балджын Хээр.

Алдын Гээш —
Она была первой из достохвальных девушек
Всех шести хошуунов,
Она была первой из цветущих девушек
Всех семи хошуунов.

Его Балджын Хээр —
Он был первым из пятнистых коней,
Наполнявших Алтай,
Первым он был из коней темногривых,
Наполнявших равнины.

И наконец сам он, Балгынак, —
Непревзойденной была ловкость десяти его пальцев.
Когда он стрелял — что это был за стрелок!
Когда он боролся — что это был за силач!
Прославленным сыном своего отца был он!

Не долго ему пришлось ждать суженой.
Однажды появилась невеста и сошла с коня.
И толпами собрался народ.
И все люди праздновали этот день.

Родившийся с умелыми руками Балгынак
На следующий же день взялся за оружие.
К пестрым вершинам своего Алтая
За добычей он поскакал.

Жена его послала свою золовку Алдын Гээш
За кандыком и саранкой.

Хозяин мрачных ущелий
Благородный великий Уззэнек
Был тронут красотой нежной девушки,
Увидев ее, он смутился.
Не смог он удержаться
И спрятал ее суму с корешками.

Невестка, полная черных мыслей,
Жестоко избила бедную девушку
И прямо среди темнейшей из темных ночей
Выгнала бедную из юрты ее брата.

Алдын Гээш, удрученная и грустная;
Бесцельно бродила среди пестрых вершин,
Одолеваемая голодом и жаждой,
Пела она от всего сердца:

«Отдай же мне мою красивую красную суму!
Возьми за нее мое красивое девичье тело,
Узэнек, Узэнек!»

Скалы и камни запели, вторя ей.
Текучая вода журчала, вторя ей.
Молодые травы шелестели, вторя ей.
Сандал качался и гнулся, вторя ей.

«Отдай же мне мою красивую красную суму!
Возьми за нее мое красивое девичье тело,
Узэнек, Узэнек!»

«Возьми же свою красивую красную суму,
Отдай мне за нее твое красивое девичье тело,
Алдын Гээш, о Алдын Гээш!»

Рожденный мужем Балгынак
Приторочил столько диких овец и олénéй Алтая
К седлу своего бесценного коня,
Что на пути домой его шатало.

А тем временем его жена, полная черных мыслей,
Послала его милую сестру на верную гибель.
Ее старший брат, Балгынак, стал несчастным,
Охваченный болью и тоской,
Стал он без меры пить арагы
И потерял свою добрую славу.

От верного коня остались лишь кожа да кости,
А сам он весь распух от арагы.
Эту черную воду — дьявольский напиток —
Он пил и пил, и ничего иного он не ел.

Но в один прекрасный день пришел он в себя,
Поднялся на свою высокую гору:
«Надо, наконец, подумать о пропитании
И настрелять себе дичи», — решил он.

Но и на расстояние, на которое мечут бабки,
Глаза его, увы, уже не хватало!
Силы на то, чтобы натянуть его мощный желтый лук,
У него, увы, уже не достало!

Не убил он даже и мыши,
Проездил он целый день напрасно!

От усталости он изнемог.
Рот и горло его пересохли,
Жажда стала невыносимой.
И он поскакал в поисках какого-нибудь аила.

Его благородный конь, его Балджын Хээр,
Напрягает все свои силы и летит вперед.
Он пронесится мимо глубоких вод,
Он мчится над отвесными скалами,
Он вылетает из мрачных ущелий,
Он отскакивает от покрытых снегом ледников.

Священные небеса и чистые горные леса,
Пестрые снежные вершины
И полноводные целебные реки
Устрашает дикий крик человека,
Пристрастившегося к арагы.

«О, как горит кончик моего сердца и печень!
Вот-вот оборвется красная нить моей жизни!
За арагы — вай, да за один только глоток
Отдал бы я своего Балджын Хээра!»

Стальная подкова Балджын Хээра
Коснулась берега озера Барга.
Изо всех юрт, стоявших там в ряд,
Направился он к ближайшей.

Балгынак, одержимый страстью,
Устремился в самую пасть гибели:
Услыхавший его крики человек
Поджидал его уже с нетерпением,
С дажыыром, полным арагы, в руках,
Заранее уже торжествуя.

Балгынак, совершенно раскисший,
Видит перед собой дажыыр,
Хватает его: «Вот что я хочу опрокинуть
В мою пересохшую грудь!»

Но тот вдруг дажыыр отвел
От губ его, дрожащих от нетерпения:
«Прежде чем выпьешь и смочишь губы,
Дай, Балгынак, сначала слово мужчины:
Будет ли моим твой Балджын Хээр,
Как только получишь дажыыр, полный арагы?»

«Он ведь не отец мне, этот Балджын Хээр,
Он ведь всего-навсего сын кобылы!
Так больше не мучь меня
И поскорее смочи мне рот и горло!»

Кто бы не захотел иметь Балджын Хээра,
Ведь равного ему во всей стране не было!
В одно мгновение вскочил чужак
На любимого коня Балгынака.
«Пока полный дажыыр опустеет,
Я уже обскачу вокруг озера Барга!»

И только когда издал чужак пронзительный крик,
Когда залился он дьявольским смехом,
Понял Балгынак, давший ему свое слово,
Что он наделал, несчастный!

Черная вода, этот чертов напиток,
Уже обожгла его губы.
Чужеземец, которому так посчастливилось,
Ускакал прочь, давя все на своем пути.
А Балгынак с головой одуревшей
Остался на месте, оскорбленный и униженный.
Того, что случилось,
Обратно уже не вернуть!
Крепко сжав зубы —
Пил он горькую воду — Балгынак,
Глотал, глотал, глотал ее.

Но еще не успев добраться до дна дажыыра,
Услыхал он ржание своего Балджын Хээра.
О, горе! Когда подбежал к нему Балгынак,
Услыхал он только насмешки чужеземца,
Схватил тот седло и узду
И швырнул ему навстречу!
Внутри у него все сжалось,
Все внутренности его горели огнем,
Рассудок его помутился,
Ноги и руки ослабли.

У своего благородного коня,
Оставшегося еще с отцовских времен,
У его золотого колена
Испросил он благословенья.

Из его хвоста — прекрасного, как ленты джалама,
Вытащил он волосок и спрятал его в своей шубе.
Испугали его ясные, как стекло, глаза коня,

Ужаснуло его великолепное, как дворец, тело коня,
С трудом оторвал он взгляд
Своих сверкающих пестрых глаз, проливая слезы.
И он пошел вдоль по берегу большого озера.
И никто его там не заметил.
С седлом и чепраком за плечами —
О, горе, так ушел несчастный, — горе!

Камышинки на озере Барга
Опустили головки, вздыхая:
«С лицом, белее снега,
Со щеками, краснее крови,
Где она, твоя Алдын Гээш? —
Балгынак, Балгынак!
Со станом благороднее, чем стан оленя,
Со спиной длиннее горного хребта,
Где он, твой Балджын Хээр, —
Балгынак, Балгынак!

Один камышовый стебель
Сорвал он и сделал из него шоор.
Единственный волос, оставшийся ему от его коня,
Живешь ты на земле или нет, —
Балгынак, Балгынак!»

Деревья и камни со всех восьми сторон
Пробудились и слушали его!
Текущие воды со всех девяти сторон
Остановились и слушали его.
Летающие птицы сложили свои крылья,
Глядели вниз и слушали его.
Скачущие звери преклоняли колени,
Туго натянул он и сделал себе игил —
Балгынак, Балгынак.

Пестрые глаза его были полны слез,
В груди его накопилась горечь.
«Ты, освещавшая луну и солнце,
Алдын Гээш, Алдын Гээш!

Ты, объехавший озеро Барга,
Балджын Хээр, Балджын Хээр!
А ты, кому теперь все равно, —
Глядели вверх и слушали его.
Камыши на озере Барга
Склонили свои головки и слушали его.

Деревья и скалы, текущие воды,
Летающие птицы, скачущие звери,

Камыши на озере Барга,
Комары в степях Балхаша —
Плакали все вместе в один голос,
Рыдали все вместе, причитали в один голос.

Их слезы слились воедино,
И получился настоящий потоп.
А отвергнутого, одинокого Балгынака
Погловило глубокое озеро.

С тех пор прошло уже много лет,
Распалась великая страна.
Пришлось богатому Алтаю
Отдать неверным озеро Барга-хёл.
А поступь Балджын Хээра,
И голос Алдын Гээш,
И жалобы Балгынака
Нам шоор да игил сохранили.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

КОММЕНТАРИЙ

1. Хвала Алтаю (Алдай мактаар)

Магнитофонная запись от Байынбурээда, пастуха кооператива «Алтайн оргил»; произведена 7 августа 1966 г. в центре сомона Цэнгэл.

Нем.: Taube, 1978, с. 10, № 1.

Настоящие сказители (*тоолучу*), типичным представителем которых был шестидесятилетний Байынбурээд (умер зимой 1967/68 г.), раньше начинали свое исполнение по большей части с такой «хвалы», которая называется «головой сказки» или «зачином сказки» (*тоолдунг бажы*). Такие *тоолучу* обычно исполняли более объемистые произведения и чаще всего сказки из категории богатырских; отсюда можно сделать вывод, что такая основательная «хвала» предваряла лишь длинные сказки. Байынбурээд начал этой «хвалой» исполнение одной из частей трилогии, которая содержит в том числе вариант № 11. Похожую «хвалу» мы слышали 6 августа 1967 г. в Онгаде от М. Хойтювека, который был ровно на 20 лет моложе Байынбурээда (ср. № 16), и 2 июля 1969 г. в Оруктуге — от пятидесятитрехлетнего Хара Балдына (ср. № 4).

1 Имеются в виду лошадь, як, овца, коза, верблюд.

2. Эргил-оол

Магнитофонная запись от М. Хойтювека; произведена 7 августа 1967 г. в Онгаде.

Нем.: Heldensagen, с. 120—128.

TCV 39; ср. BCC 401 B *.

О сюжете и его распространении см. коммент. к № 3.

Фрагмент сказки типа «Эрген-оол» (№ 3), но без странствия Эрген-оола в царство мертвых. Сказитель хотел продолжить рассказ 8 августа, но был отозван к своему стаду верблюдов, и запись осталась незаконченной. М. Хойтювек отнес эту сказку к числу *айитбас тоол* — «сказок, которые не следует рассказывать»: имелось в виду, что их не следует рассказывать часто, так как «нехорошо слушать о царстве мертвых и их страданиях и муках». Об аналогиях у алтайцев ср.: Bäckér, с. 57. Несмотря на то что в этой сказке нет героических подвигов, фрагмент имеет четкий характер богатырской сказки: в нем намечаются эпическое одиночество героя, его быстрый рост, характерный для богатыря, его истинно богатырские качества, открывшиеся уже в детстве. Оружие, а также снаряжение для себя и своего коня он обретает типичным для подобных героев способом, а именно от своего коня, который нарекает его и именем (связанный с этим обряд первой стрижки волос лошади совершает, обкусав пушок на голове ребенка), без чего герой не может пуститься в путь. Мотивировкой того, что герой отправляется на подвиги, является типичное для такого рода сказок стремление разъяснить непонятное ему явление. Но еще до того он осознает свое одиночество: «Одна-единственная шепка еще не костер, один-единственный человек еще не аил», что дает основание причислить эту сказку к группе сказок о сватовстве — одной из двух важнейших групп богатырских сказок.

Интересно упоминание имени Гесера и связанное с ним указание на одноименный эпический цикл, распространенный в Центральной Азии (см.: Мифы народов мира. Т. 1, с. 297—298). Спасенный Эргил-оолом змей в черных пятнах представляется ему одним из девяти героев — дружинников Гесера Богды, а позже, когда они называют друг друга братьями, они спрашивают друг друга силу и защиту, в том числе и «Гесера Богда на свои косы». Неоднократное упоминание Гесера (ср., например, № 70) в сказках и преданиях алтайских тувинцев говорит о том, что эпос о Гесере был им знаком, хотя мне никто и никогда не назвал «Гесера» как самосто-

ательный сюжет (даже при перечислении репертуара сказителей или в какой-либо другой связи). Подробнее о Гесере у тувинцев см.: Куулар Д. Бытование «Гэсэра» в Туве. — Уч. зап. 1961, 9, с. 188—195; Brands H.-W. Bemerkungen zu einer tuvanischen Variante des Geser-Motivs. — ZAS, 1977, 11, с. 267—275. О Гесере вообще у тюркских народов см.: Неклюдов С. Ю. Тюркские сюжеты о Гесере и их отношение к монгольским версиям. — Documenta Barbarorum. Festschrift für Walter Heissig zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1984, с. 253—261.

Для исполнения Хойтובהа типичны вводящие отрезки текста — *аалаяний* или *ааланий*, напоминающие *айланайын* одной киргизской шаманской песни (см. Предисловие). В этой сказке имеется целый ряд параллелей с шаманистскими представлениями (подробнее см. в Предисловии; см. также: *Taube. Relations*). Особенно важна в этом отношении упомянутая выше сцена братания и призывания силы и защиты определенных божеств на головы, косы и темечки друг друга. Темя (родничок) — это то место, через которое в шамана проникает его дух-хранитель. В тувинских шаманских песнях, записанных нами в Цэнгэле, к духу-хранителю обращаются с соответствующей просьбой: «Спустись на мое темя!» Исторический интерес представляет собой и мотив братания, часто встречающийся в повествовательном фольклоре алтайских тувинцев (ср., например, № 7), а в монгольском героическом эпосе — только в эпосе Северо-Западной Монголии (за одним-единственным исключением все монгольские эпические сказания, содержащие тему побратимов, происходят из Северо-Западной Монголии); он интересен с точки зрения истории объединения и слияния самых разных языковых и этнических групп (ср.: *Heissig. Ethnische Gruppenbildung*), которое, возможно, произошло в прошлом еще задолго до эпохи Монгольской империи.

¹ Стрельба по ремням — состязание в стрельбе из лука по свернутым и переплетенным в виде маленького цилиндра ремням, положенным друг на друга пирамидкой.

² Это значит готовить особенно умело, особенно хорошую еду (сказочная формула).

3. Эрген-оол

Магнитофонная запись от Б. Семби; произведена 5 сентября 1966 г. в центре сомона Цэнгэл.

Нем.: *Taube*, 1977, с. 128; *Taube*, 1978, с. 63, № 25.

Ср. АТ 465 + 329 + 302; АА 535; ТТВ 83, 86; ТCV 39; ср. ВСС 401В*.

Распространение: тув.: (1) Лузут хааннинг тайжизи (= № 26, к первой части); (2) ТТ I, с. 15 (близкий вариант, рассказанный Ак Чолдурбеном, находится сегодня в Рукописном фонде ТНИИЯЛИ, русское название: «Шан-хан, имеющий сто восемь жен»); (3, 4) ТТ II, с. 3 и 194; (5) ТТ VI, с. 189; (6) ТТ VII, с. 136; (7, 8) ТНС I, с. 61 и 68; (9) ТНС II, с. 11; (10, 11) ТНС 1971, с. 130 и 149; (12) *Басаков*. Диалект черных татар, с. 55; (13, 14) *Потанин*. Очерки, IV, с. 412, № 13 (уринхайск.), с. 588, № 177 (сойотск.); (15) Яковлев, с. 1; алт.: (16) *Радлов*. Образцы, I, с. 8; (17) Алтайские сказки. Т. 2, с. 52; (18) Полнолуние, с. 94; (19) *Потанин*. Очерки, IV, с. 622, № 183 (карашор, абаканцы); уйг.: (20) *Uig. VM*, с. 96; монг.: (21, 22) *МонгАУ*, с. 7 и 130; (23, 24) *ААЗЭ* 1948, с. 47 и 134; (25) *МонгААЗД*, с. 149, № 32; (26) *МонгС* 1954, с. 66; (27) *МонгС* 1966, с. 161; (28) *Porpe*. *Mongolische Volksdichtung*, с. 255; (29) *Ходза*, с. 361; (30) *Heissig*. *Mongolische Volksmärchen*, с. 34, № 7; (31) *Санжеев*, с. 58/83 (дархат); (32) *Потанин*. Очерки, IV, с. 519, № 154 (дархат); (33) *Потанин*. Окраина, II, с. 180, № 20 (рассказан монголом-ордосцем. Сказку Потанин называет китайской); калм.: (34) *Jülg*. *Mongolische Märchensammlung*, с. 187; бурятск.: (35, 36) *Баранникова*, с. 43 и 152; тибетск.: (37) *Bräutigam*, с. 99; (38) *Schuh*, с. 37, № 59; бирманск.: (39) *Esche*, с. 120 (монг.).

Сказка состоит из двух частей.

1. Юноша спасает дочь или сына чудесного существа (чаще всего князя змей — владельца нижнего мира, мира водяного; иногда и Гурмушту/Курбусту Хаана — владельца верхнего, небесного мира). Получает награду (чаще всего ящичек или собачку), благодаря которой он обретает красавицу-жену [вар. (32): чудесную силу; этот комплекс выступает как самостоятельная сказка в нашем № 15 и в ТCV 39]. Ее видит хан (мотив сожженных перепелов, унесенного локона, улетевшего портрета) и оспаривает ее у героя (чудесные задачи или трижды повторяющееся прятание, всякий раз со счастливым исходом благодаря помощи женщины). Эта первая часть является, пожалуй, одним из наиболее излюбленных сказочных сюжетов во всей Центральной Азии. Часто она встречается в качестве самостоятельного сказочного сюжета (ср. АТ 465) в нескольких типичных сочетаниях, с определенными характерными зачинами: а) спасение змей от огня или от другой змеи [так в нашей сказке, в вар. (19) и др.; ср. также № 27; б) спасение рыбы [№ 24, вар. (9, 6, 14) и др.]; в) по-

хищение снятого платя [вар. (10, 30) и др.]; г) спасение хана волком от голодной смерти [вар. (13); Радлов. Образцы, I, № 1095].

2. Путешествие в нижний мир, в царство Эрлика (много соответствий с «Божественной комедией» Данте). Подобные «рассказы о посещениях ада» известны у монголов, тибетцев и китайцев (ср.: Hoffmann, с. 32; Heissig. Höllenfahrtsgeschichten; Са-зыкин). В различных вариантах герою после троекратного прятания предлагается еще одна чудесная задача: он должен добыть хану нечто [в некоторых монгольских вариантах это явно душа умершего, ср. вар. (25 и 27)], что можно достать только у родителей его жены, т. е. в ином мире. Опасности этого путешествия в иной мир отчетливо видны в варианте (25), где поначалу вопрос о том, возвратится герой или не возвратится, остается открытым. Создается впечатление, что этот мотив под влиянием монгольских и тибетских преданий расширился и превратился в «Рассказ о посещении ада».

В алтайском варианте «Боро Чуда» (Полнолуние, с. 8) первая часть нашей сказки сочетается с мотивами сказки «Анчы Кара» (ТНС III, с. 26: понимание и утрата языка животных). В сказке «Эрген-оол» отчетливо выступает идейный смысл мотивов красного или золотого ларца как награды за спасение ребенка властителя водяных духов, часто связанных с добыванием невесты. В большинстве случаев герой должен лишь чуть-чуть приоткрыть ларец и лечь спать, не заглянув в него, и, как правило, он следует этому указанию. И пока он спит, из ларца появляются юрта, скот и прекрасная девушка. (Ларец в данном мотиве играет ту же роль, что и в вариантах из китайской провинции Чжецзян из TCV 39, что и в сказках из Кореи). Эрген-оол же, напротив, не получает никаких инструкций относительно ларца. Он заглядывает в него и видит в нем женские атрибуты — ножницы и иглу, а также ушные метки пяти родов скота (pars pro toto) и очень разочарован. Ларец, обладающий высокой символической ценностью (см. Предисловие), является, очевидно, и залогом благосостояния семьи (об этом говорят ушные метки), и поэтому расстаются с ним только так, что один глаз смеется, а другой — плачет (подобная формула постоянно связана с этим мотивом). Параллель этому можно найти в более жизненном мотиве, когда герой возвращается домой с женой, завоеванной в состязаниях, а она заранее выпрашивает у своих родителей два каких-то предмета, например, в № 17 («Хан Тёгосвек») — красную накидку отца и плетку матери с рукояткой из тамариска. И когда в тех же характерных условиях ей волей-неволей дают и то и другое, за ней отправляется весь народ и весь скот. И только после того как она махнет рукой, часть их остается. В «Эрген-ооле» эта деталь мотива только намечена, причем представляется ослабленным магическое содержание: часть народа возвращается назад по слову женщины. В уйгурском варианте (20) первоначальное значение ларца представляется потерянным. Здесь в ларце лежит обручальное кольцо, которое могло бы быть вручено и без ларца, но впоследствии оно все-таки служит средством получить ханскую дочь, как в сказке № 20.

Мотив сожженных перепелов (или рыб) и магического изготовления из теста (с добавлением молока из груди прекрасной женщины) перепела, который может насытить многих людей, пользуется, кажется, большой любовью, и мы встречаем его и в другой связи (например: TTV, с. 3; Потанин. Очерки, IV, с. 416; Потанин. Окраина, II, с. 140; МонгААЗД, с. 186). Здесь этот мотив заменяет более часто встречающийся в этой связи мотив пряди волос, унесенной водой: благодаря ей хан и узнает о существовании прекрасной женщины.

Следующие за этим эпизодом попытки сладострастного хана провести с красавицей ночь она волшебством трижды сводит на нет, волшебством же она помогает своему мужу трижды победить хана в состязании на умение спрятаться. Таковы характерные для центральноазиатской сказки дополнения к сказочному типу АТ 465.

Потом героя посылают в нижний мир убить Эрлик Хаана. То, что он видит там, напоминает дантовские картины ада (убийство удушением и затыкание рта куском овечьего курдюка упоминает Г. Финдейзен в связи с убийством стариков в своей еще не опубликованной рукописи об Ак-Кёбеке, любезно предоставленной мне Г. Ф. Гейне из Билефельда).

В варианте «Тана-Херель» (2) исполнителя Тевек-Кежге, в котором Шанг-Хан посылает Тана Хереля в нижний мир, чтобы погубить его и таким образом завладеть его женой, предыстория иная: Тана-Херель должен был добыть Алдын-Дангыну, чтобы сто восемь жен Шанг-Хаана молились на нее и таким образом избавились бы от своей бездетности. С помощью двух помощников из верхнего мира Тана-Херель после ряда приключений выполняет эту задачу, посватавшись к Алдын-Дангыне. Сто женщин молятся на нее и рожают сто сыновей, восемь отказываются молиться на нее («она не лучше нас») и рожают восьмерых шенят.

Потом Шанг-Хан посылает героя в нижний мир (более короткие варианты см.: Потанин. Очерки, IV, с. 424, и Радлов. Образцы, IX, с. 137, запись Катанова). Очень подробное описание нижнего мира дает «Алдай Буучу» (ТТ II, с. 74). В варианте (12) отсутствует предыстория, результатом которой является желание хана. Среди трудных задач встречаются наряду с прятанием и известные по № 39 вопросы о возрасте животных и о числе деревьев на какой-нибудь определенной горе. Фраг-

ментом этого сюжета является № 2 («Эргил-оол») нашего собрания. Ср. также до-
полнения и примечания в ТТV 86 (с. 95, IV; с. 96, V).

1 Имеются в виду метки, указывающие на принадлежность скота определенно-
му хозяину. Так как скот аила пасется обычно вместе, такие знаки принадлежности
наносятся клеймением или делаются особые надрезы на ушах скота; отпавшие кро-
хотные кусочки ушей, нанизанные на нитку, хранятся в абдыраа.

2 Палка-кожемялка — длинная деревянная или железная палка с острыми зуб-
цами на одной стороне, через которые протягивается обрабатываемая шкура.

4. Зачин сказки (Тоолдунг бажы)

Магнитофонная запись от Балдына (Хара Балдына), 53 лет; произведена 2
июля 1969 г. в северном Оруктуге. Балдын слышал этот зачин сказки примерно в
1933 г. от Самыджаба. От него записаны также № 57, 64, 65, 74 и 75. О сказочных
зачинах см. также коммент. к № 1.

Предлагаемый зачин сказки вводит текст о герое Бёген Сагаан Тоолае, который
считается наиболее излюбленным и распространенным сюжетом (ср. № 5 и 6); был
записан в нескольких вариантах от разных исполнителей. Правда, сам Хара Балдын
не смог воспроизвести текст сказки.

5. Бёген Сагаан Тоолай (Бёген Сагаан Тоолай)

Магнитофонная запись от Д. Дагва; произведена 29—30 августа 1967 г.

Нем.: Taube, 1978, с. 97, № 27.

Ср. АТ 519 (IV) и 709 А. Ср. также ММТ 96 III—V, 151 А III—VII, 151
В III—V, 132 II—IV, ср. ТТV 166; ср. BCC 519.

Распространение: тув.: (1) Маг. Т.— «Бёген Сагаан Тоолай», рассказано Бай-
ынбурээдом 2 августа 1966 г.; (2) Маг. Т.— то же название, записано от Дёлёёна 21
августа 1967 г.; (3) «Эр-Агыын», рассказано женщиной по имени Баайаа 24 августа
1967 г. (то же см.: Taube, Pavyldaj, с. 24); (4) ТНС 1971, с. 59 = ТТ III, с. 73; (5)
ТТ VII, с. 60; (6) Баскаков. Диалект черневых татар, с. 36; алт.: (7) Märchenbaum
II, с. 467; сартск.: (8) Jungbauer, с. 83; калм.: (9) Ramstedt, I, с. 31, № 11 = ММТ
1518 (сюжет «Бёген Сагаан Тоолая» только с 39 с.; героя здесь зовут Бёёрёгиин
Бёкён Цагаан); (10) Калмс 1982, с. 89; Калмс 1962, с. 31 (= ММТ 151А); (11)
Бадмаев, с. 23 (= ММТ 132); (12) Бадмаев, с. 34 (= ММТ 151А); монгorsk.: (13)
Schröder, с. 101; (14) Тодаева, с. 289; уйг.: (15) Uig. VM, с. 50; бирманск.: (16)
Esche 209 (араканезийск.) — ср. № 7.

Наряду с «Паавылдай Баатыром с конем леопардовой масти» (ср. № 8, 9, 10)
«Бёген Сагаан Тоолай», несомненно, наиболее популярная богатырская сказка ту-
винцев Алтая. Наряду с этой формой имени, испытавшей на себе монгольское влия-
ние (ср. калм. Бёёрёгиин Бёкён Цагаан у Рамстедта), есть еще и форма Бёген Ак
Тоолай, которую в 1982 г. двадцатидевятилетний информатор Джанджыржаб назвал
мне как первичную.

Большинство тувинских вариантов начинается с рождения героя. Затем следует
несколько элементов, типичных для большинства богатырских сказок (ср., напри-
мер: Ходза, с. 53; ТНС 1971, с. 13; Heissig, Mongolische Volksmärchen, с. 194, № 46):
нападение врага (хана или мангыса, а иногда и трех ханов и трех мангысов) на род-
ной аил героя, не очень характерное для богатырской сказки в целом оставление ге-
роя в люльке (см. об этом: Halén, I, с. 106, и миф о Чоросе в «Мифах народов ми-
ра»), затем его сверхъестественно быстрое возмужание, обнаружение старших брать-
ев, описание его похода против врага (в других богатырских сказках — похода ради
выполнения чудесных задач или сватовства), преодоление препятствий на пути (не-
проходимый лес, кипящее море) и победа над врагом (или достижение цели). Эти
основные мотивы тувинских и монгольских сказок очень сходны. За исключением
гуманистического исхода (братание), по своему центральному сюжету начало сказки
«Бёген Сагаан Тоолай» совпадает со сказкой о Хевис Сююдюре (№ 7). Характерны-
ми признаками совершенства повествовательного стиля являются трехкратное нара-
стание сюжета и формульное описание отдельных эпизодов. В тувинском варианте
(4) этой специфической цепочке мотивов предпослано другое начало: шесть братьев,
не оставивших никакой еды младшему; с помощью волшебного камня младший
обеспечивает их едой; он побеждает семерых чудищ, добывает себе и каждому из
братьев по жене. Затем следует мотив о завистливых невестках и вероломных брать-
ях. Мотив отрезанных ног, обретенных затем благодаря уроку, усвоенному от ране-
ной мыши; ср. с тувинской сказкой из ТНС III, с. 95 («Сын Аралбай хана»), и ТТ
VII, с. 60 («Алдай мерген»). Эпизод потухшего огня (часто как следствие игры с

зайцем; ср. коммент. к № 6), принесения огня от джелбега и обозначения пути просыпанным пеплом встречается и как отдельная сказка (тип АТ 709А, ср.: Танзаган, с. 164 — алтайскую или бирманскую сказку «Брат Железная Рука» у Esche, с. 214). Этот архаический мотив связан с почитанием огня очага. Дать ему погаснуть считалось тяжким проступком, влекущим за собой недобрые последствия, и не только у тувинцев. Мотив неоднократного прихода джелбеге ср.: Heissig. Mongolische Volksmärchen, с. 217, № 48; очень кратко этот мотив появляется в сочетании с элементами из № 11 у Малова (№ 105). Основным ядром сказок типа «Бёген Сагаан Тоолай» является комплекс мотивов, начинающийся с измены братьев и кончающийся освобождением из тела джелбеге; он представлен в очень скромном варианте (3). Для начала калмыцких вариантов характерно, что здесь важная роль отведена лошади: или она воспитывает трех мальчиков, или у нее крадут жеребят, чем и мотивируется поход против трех противников.

Монгорские варианты (13, 14) начинаются с того, что героя в виде черного жеребенка рождает двум старикам черная кобыла (через семь дней он начинает говорить, еще через семь дней становится мальчиком). Узнав от считающейся его матерью женщины правду о своем происхождении, он отправляется на поиски своей подлинной матери (мотив принуждения к открытию истины при помощи поджаренных зерен ячменя — ср. коммент. к № 14 — появляется здесь не в форме стереотипа) и находит двух братьев. Они живут теперь вместе с тремя женами, явившимися к ним в облике горлиц. Несмотря на то что герой хитростью получает самую красивую из них, мотив зависти невесток и превращения героя в калек отсутствует. Огонь очага погашен кошкой, рассвирепевшей от того, что она не получила своей доли на праздничном пире (то же обильно встречается и в Средней Азии и в Тибете; ср.: Erberg, с. 98; Tib. M., I, с. 39 и сл.). В соответствии с жизненным укладом монголов-земледельцев людоедку и вампиришу — мангудзу приводит к дому братьев след проросших семян рапса. Далее варианты развиваются параллельно нашей сказке, причем вследствие названных выше отклонений выпадает проглатывание и извержение калек (в данном случае и высосанных вампиршей женщин). Зато описывается, как герою удается сбить и последнюю из девяти голов мангудзы и как сжигают ее тело и ее дом.

Сказка «Джюлек-батыр» (Jungbauer, с. 83, сартск.) содержит вынесенный в сказку типа KHM 57 поразительный по соответствию деталей вариант со всеми характерными мотивами. Опыт сравнительного сопоставления этого сартского варианта с калмыцким вариантом Рамштедта (9) и с вариантами алтайских тувинцев проведен в работе Таубе «Das Märchen von Bögen Sagaan Toolaj». См. также: Schröder, с. 76 и 79.

В уйгурском варианте (15) этой сказки сохранились лишь намеки на характерный комплекс мотивов. После того как три брата уезжают, чтобы вернуть свой скот, похищенный врагами (тремя калмыцкими богатырями), двое из них остаются в разных местах, не думая больше о достижении цели, а младший доводит дело до конца и привозит каждому по жене. Его героические подвиги, аналогичные нашему «Бёген Сагаан Тоолаю», осуществляются в типичном для богатырской сказки стиле и практически составляют львиную долю сказки. На обратном пути домой он находит своих братьев в нужде, берет их с собой, но они решают погубить его, так как завидуют его подвигам и тому, что из трех жен его жена самая красивая (ср. мотив о коварстве зятя в № 20). Они вытаскивают у входа меч острием вверх и зовут героя на помощь, но он не натывается на меч, как они этого ожидали, а перепрыгивает через него и не становится калеккой, тем самым выпадает вся вторая часть первоначальной сказки. Возвратившись домой, братья со стыдом покидают радостный праздник.

Следы сюжета «Бёген Сагаан Тоолая» содержатся, кажется, и в сказке «Три брата», с которой нас знакомит Н. А. Баскаков в «Диалекте черневых татар» (с. 36). Здесь намечены существенные мотивы: мотив о младшем брате, обеспечивающем старших, заговор старших против младшего (здесь они его покидают), избавление старших братьев от близкой гибели, от чудища (здесь — старика с лохматой бородой), которое регулярно навещает их шатер и (вместо того чтобы сосать кровь) поедает приготовленную еду (кашу), членовредительство (здесь двум старшим братьям старик выкручивает по руке и ноге, но во время экзекуции сам теряет оба глаза). В конце снова повторяется мотив заговора старших братьев против младшего, который в сюжете о Бёген Сагаан Тоолае является предпосылкой к продолжению действия, но остается здесь нерезализованным: после того как старик наказан, младший брат женится и живет теперь только своей семьей. (Хотя связь между уничтожением противника и женитьбой не высказана здесь с полной ясностью, она, по-видимому, такова же, как в «Бёген Сагаан Тоолае».) Теперь старшие братья решают погубить его и забрать его жену и подкарауливают его ночью (1). Он узнает об этом и застреливает их — здесь потерялись важные связи первоначальной традиции. Эпизод первой части сказки о медведе, постоянно приходящем и пожирающем лошадь, отца и мать, относится к сказкам типа нашей № 30 («Старики с семью желтыми козами»).

Комплекс мотивов — калечение героя, объединение с другим калеккой — слепым, исцеление с помощью женщины-чудища — в очень сходном виде встречается и в русском фольклоре, но совсем в иной связи. В сказке о женитьбе царевича на богатырше (ср. мотив Брунгильды в «Нибелунгах») верный слуга занимает место

слабого царевича на свадебном ложе и укрощает богатыри железными розгами. За этот обман она позже отрубает ему ноги. Приращение ног происходит с помощью Бабы Яги (*Schirmunski. Vergleichende Epenforschung*, с. 51).

Распространение сюжета сказки «Бёген Сагаан Тоолай» четко концентрируется на западе Центральной Азии. Подавляющее большинство вариантов с явными совпадениями некоторых деталей ведет свое происхождение из района вокруг Алтая и на запад от него. Небольшое число южносибирских вариантов значительно отличается от основного типа. Все монгольские варианты — от калмыков или ордосских монголов (ср.: *Lörincz. Mongolische Märchentypen*) — обстоятельство, которое может быть прослежено и в отношении других сказочных типов (ср. об этом: *Taube*. Эпический фольклор тувинцев на Алтае), что позволяет сделать вывод об определенных ареалах бытования традиции. Большая близость алтайско-тувинских и калмыцких вариантов позволяет сделать вывод о том, что эта сказка, очевидно, была хорошо известна и широко распространена вокруг Алтая еще до того, как калмыки переселились на нижнюю Волгу. Интересно, что взаимосвязь сюжетов «Бёген Сагаан Тоолая» и «Шаралдай Мэргена» (№ 11), которые М. Хойтукев в разговоре о своем репертуаре назвал родственными (его «Буга Джарын Буктуг Гириш» — вариант № 11); так же у Байынбурээда, имеется, кажется, и у туркмен, что явствует из сказки «Ак Памык», переведенной О. Эрбергом.

1 Отрезание хвоста и гривы у лошадей считалось оскорблением для их хозяина, признаком порабощения.

2 Рассказчик поет горестно.

3 Рассказчик поет с надеждой.

4 Седельные ремешки — длинные тонкие ремешки по обе стороны деревянного седла для привязывания к ним охотничьей добычи и небольшого багажа.

5 По законам гостеприимства каждому гостю должно быть предложено что-нибудь из «белой пищи» (имеются в виду молочные продукты), хотя бы чай с молоком. «Белое» наряду с жиром животных считается лучшей едой.

6 См. примеч. 2 к сказке № 2.

7 См. примеч. 2 к сказке № 3.

8 С такого «танца», в котором борцы подражают полету орла, начинается борьба у центральноазиатских народов.

9 Т. е. убить его. По народным верованиям тувинцев, в нижнем из трех миров расположено царство Эрлика — страна мертвых.

10 Текст балладоподобного народного предания и название мелодии, передающей это повествование музыкальными средствами и самостоятельно исполняемой чаще всего на струнных инструментах (см. № 77).

11 Одна из кличек коня в упомянутой выше балладе и название одного из мотивов мелодии, подражающей бегу коня (см. примеч. 10).

6. Эр Агын

Записано от исполнительницы А. Баайаа 24 августа 1967 г. в центре аймака Баян Улэгей.

Нем.: *Taube*, 1977, с. 24.

Ср. АТ 519 IV и 709А. Ср. ММТ 151, 152, 132; ср. ТТВ 166; ср. ВСС 519.

Распространение см. № 5.

Эта сказка — очень краткий вариант популярного у тувинцев Алтая сюжета «Бёген Сагаан Тоолай», некоторые редакции его сближаются с эпическим жанром. В данном варианте выпущена вся предыстория — как герой спасает старших братьев от голода, как он борется последовательно с тремя противниками и добывает жен себе и братьям. Повествование начинается с характерной для этого сюжета цепочки мотивов: необоснованная зависть старших братьев (здесь невестки не играют, как обычно, отрицательной роли); превращение героя в калеку, похищение у него жены и всего имущества; изготовление шоора и игра на нем; братание с двумя калекками (слепым и безруким), которые находят его по звучанию шоора; обретение дочери господина Неба; комплекс джелбеге (затухание огня в очаге, добывание огня у старухи-джелбеге, след, проложенный пеплом, джелбеге-кровопийца, победа над джелбеге и требование к ней исцелить всех калек, насильственное освобождение героя из тела джелбеге).

При этом отсутствуют некоторые характерные мотивы, такие, как исцеление мышц ног по примеру мыши или крик птицы в конце сказки, указывающий, где именно в теле джелбеге можно найти героя (ср. № 5). Можно указать и на отклонения другого рода в деталях: в № 5 оленю, на котором приезжает безрукий, перебивают ноги палкой, а в других вариантах действует укрюк — деревянная метательная палка, которую тувинцы Алтая использовали раньше в разных целях, в том числе для сшибания ветвей с деревьев (о нем есть упоминание и в № 7), а герой версии А. Баайаа употребляет с этой целью меч. В № 5 три героя прибегают к своим волшебным способностям (умение перевоплотиться в различных животных, как в «Сло-

ие о полку Игореве» и русских былинах), для того чтобы изменить свою судьбу: им известны целительные способности дочери властителя Неба, и они именно с этой целью добывают ее. В нашем же варианте эти старинные сведения и волшебные умения, кажется, совершенно потеряны; для этого и нужен присоединившийся к трем первым братьям четвертый брат, единственной функцией которого является поимка дочери властителя Неба в образе золотого лебедя, у которой, пока она играет с зайцем, угасает очаг (в № 5 он угасает, так как калеки, неотрывно глядя на девушку, забывают обо всем). Она приносит огонь от джелбеге и вместе с тем исцеление. Эти, а также другие особенности говорят о том, что вариант Баайаа основан на более архаичных версиях этого сюжета вроде того, что представлен в нашем сборнике «Бёген Сагаан Тоолаам» (№ 5). Ср. коммент. к № 5.

7. Хевис Сююдюр (Хевис Сүүдүр)

Магнитофонная запись от пятидесятилетнего Д. Дагва, произведена 29 августа 1967 г. к северу от центра сомона Цэнгэл.

Нем.: Taube, 1978, с. 74, № 26.

Распространение: тув.: (1) ТТ I, с. 191; калм.: (2) Ramstedt I, с. 139, № 18 (= Heissig, с. 194, № 46), ср. № 5.

«Хевис Сююдюр» — одна из тех богатырских сказок, типичных для алтайско-тюркских и монгольских народов (ср., например, МонгАУ, с. 79 и 149), в которых особенно четко обозначился переход к героическому эпосу. У нее много общего с первой частью № 5. Так как оба текста принадлежат одному исполнителю, общность эта выражена особенно ясно. Следует отметить богатый репертуар формул, особое, напоминающее «Илиаду» пристрастие к подробностям в описании снаряжения героя и его коня и роль старшей невестки, которой ведомо все, даже разные тайны (например, все, что касается снаряжения героя), и которая всегда дает верный совет и сама поступает правильно; это напоминает традиционный обычай тувинцев Цэнгэла, согласно которому человек, переезжая реку, а может быть, и пред лицом других опасностей обязательно выкликает имя жены своего старшего брата, умеющей разжигать огонь без дыма и готовить еду без пара, т. е. особенно умело; правда, в основе этого мотива, возможно, лежит практическое соображение: огонь без дыма не может выдать врагу расположение стоянки, что очень важно в условиях обширных просторов Центральной Азии, и женщина, умеющая разжечь огонь и варить еду без дыма и пара, способствует защите жизни и имущества (ср. эпизод из «Сокровенного сказания монголов», § 87: один друг молодого Темуджина дает ему еду, но не дает огнива, очевидно, с тем чтобы тот не выдал себя, разведя огонь); следует указать также на то, что бездымный огонь, который, согласно Авесте, горит на одной из привратных башен «земной тюрьмы», чистилища мертвых, считается чистым (см.: *Gabain. Iranische Elemente*, с. 60). По пути к противнику, отнявшему в то время, когда герой лежал еще в люльке, а старший брат его отсутствовал, его имущество, герой сначала одолевает три препятствия (непроходимый лес, гору, ядовитое море), а потом двуглавого мангыса. Его мать, наделенную (при помощи характеризующей ее формулы) чертами джелбеге, он уничтожает, хитростью отняв у нее серебряную палку-кожемялку, в которой спрятан его жизненный дух (ее проклятие «Я буду опасным врагом твоим потомкам! Я напушу на них мух и оводов», очень подходящее именно к среде кочевников-скотоводов, будет повторено еще раз уничтоженным им неродившимся сыном мангыса). К убийству прекрасной жены мангыса, пытавшейся отравить героя, примыкает борьба с еще не родившимся — недостает трех месяцев до рождения — сыном мангыса (ср. № 15 и 17). И только теперь он оказывается перед настоящим противником — тремя братьями по имени Гургудай, причем по инициативе коней состоится как выражение глубочайшего гуманизма братание с младшим Гургудаем, жена которого ведет себя дружелюбно. Эта тема клятвы на братство, не редкая в тувинских сказках (ср., например, № 17 или «Карыкы Маадыр», ТТ II, с. 66), распространена неравномерно по остальной Центральной Азии. В. Хайссиг (*Heissig. Ethnische Gruppenbildung*) установил, что все пятнадцать монгольских эпических песен, содержащих этот исторически подтвержденный мотив, за одним-единственным исключением, происходят из Северо-Западной Монголии. Конец сказки целиком и полностью отвечает гуманистическому духу побратимства.

В калмыцком варианте (2) эпизод братания помещен вначале, а потом уже оба друга-побратима совместно побеждают трех чудовищ, разграбивших в отсутствие героя его родной аил и угнавших его родителей.

Первая часть сказки № 5 является вариантом этой сказки. «Кангывай-мерген» [вар. (1)] только в первой своей части является вариантом «Хевис Сююдюра». Младшая из трех жен побеждаемого в ней хана Кучу встречает героя дружелюбно. Он наказывает двух его старших жен, остается у младшей, забыв о своей собственности. Текст продолжается как вариант сказок № 8 и 10 (ср. также: *Потанин. Очерки*, IV, с. 583).

1 См. примеч. 4 к сказке № 5.

2 См. примеч. 1 к сказке № 5.

3 См. примеч. 2 к сказке № 2.

4 Очевидно, подразумевается, что она выронила это из рукава волшебным образом.

5 Тангуты — почти истребленный Чингисханом народ, живший северо-восточнее Тибета; здесь имеется в виду, вероятно, вообще какая-нибудь тибетская народность.

6 См. примеч. 2 к сказке № 3.

7 Очевидно, имеются в виду Хевис Сююдюр и Дёнен Хула.

8 Т. е. мечом.

8. Паавылдай Баатыр с конем леопардовой масти

(вариант I)

(*Пар шоокар аъттыг Паавылдай баатыр*)

Магнитофонная запись от Ш. Дагва, которому было тогда за 60 лет, произведена 24—25 августа 1966 г. в Сарыг-булаке.

Нем.: Taube, 1977, с. 7.

Ср. AT 315, 590 (II). Ср. MMT 94; AA 315A; ср. BCC 315; TTV 108; Liungman, 315; BP I, с. 551 и сл., III, с. 1 и сл.

Распространение: тув.: (1) «Гунан Хара Баатыр» (= № 10, рассказано Б. Семби); (2) «Паавылдай Мergen» (= № 9, рассказано Джоксумом); (3) Mat. T. — вариант Байынбурзда (декабрь 1967 г.); (4) TT VI, с. 108; (5) TT VII, с. 173; (6) THC 1971, с. 42; (7) Потанин. Очерки, IV, с. 491, № 138; (8) там же, с. 585, № 176; (9) там же, с. 591, № 178; монг.: (10) Потанин. Очерки, II, с. 175 (халха); (11) IV, с. 399, № 117 (халха); (12) Потанин. Окраина, II, с. 131; (13) с. 133; (14) с. 140, № 4; (15) с. 157; (16) МонгС (1966), с. 75; (17) Halén, I, с. 238; (18) Потанин. Очерки, II, с. 175 (хотогойт.); (19) Санжеев, с. 61—87 (дархат.); (20) Mostaert, Folklore Ordos, №1 (ордосск.); калм.: (21) Ramstedt, с. 104, № 16; бурятск.: (22) Баранникова, с. 131, № 11; тибетск.: (23) Schuh, с. 61, № 85 (= Tib. M., I, с. 201).

Эта сказка — одна из наиболее распространенных и любимых у тувинцев Цэнгэла, как и «Бёген Сагаан Тоолой» (№ 5). Один раз она встречается под названием «Гунан Хара Баатыр» (= № 10), данным ей по другому — монгольскому — имени героя. В моем материале есть пять вариантов этого типа, и если бы было время, то можно было бы записать еще три. При всем различии объема варианты алтайских тувинцев обнаруживают некую законченность в обрисовке мотивов. Основные мотивы: обман героя матерью или женой и (или) сестрой; сговор их против героя с побежденным им врагом; симуляция болезни матерью (или сестрой); отправление героя на свершение подвигов с целью обессилить его; одоление героя с помощью хитрости; его спасение при помощи коня или старшей сестры (иногда невесты); преследование противника; опознание одним из пастухов по различным признакам, как, например, питье из определенного сосуда, как в хотогойтском варианте (18), и, наконец, убийство противника во время состязаний в стрельбе из лука и наказание неверных матери и сестры. Начало нашей сказки — рождение героя (как это типично для эпоса тюрко-монгольских народов) у престарелых родителей, исчезновение без вести отца, когда герою было три года, и то, как он узнает об этом во время игры (ср. № 14 и 32), — отличает № 8 от всех остальных алтайско-тувинских вариантов. В монгольском варианте (17) противник — мангыс, которого несет по воде, словно какой-то предмет (мотив, часто встречающийся в качестве зачина в сказках типа наших № 22, 23, но и 14), он сговаривается с сестрой героя, как погубить его. Некоторые другие варианты (например, 5, 7, 16) также отличаются своими зачинами от тувинских редакций с Алтая. В них есть мотив, часто встречающийся в вариантах № 5: герою велено достать его жене или сестре животное, чтобы ей было с кем забавляться, она отсылает добытое животное (зайца, соболя) или сажает его в ящичек и пускает по реке с письмом, в котором говорится, что тот, кто убьет ее мужа (брата), сможет жениться на ней (тот же мотив и в калмыцкой сказке «Барс Мergen Батур», которая в основном продолжается как вариант № 11). Последовательность мотивов меняется. Так, в варианте (11) типичное избавление врага (отодвигание камня, прикрывающего яму) происходит не в начале, а в ходе борьбы, завязавшейся после того, как в первый раз принесено лечебное средство. В № 9 и варианте (5) совершенно отсутствует комплекс мотивов симулирования болезни и встречи героя с предназначенной ему невестой. Сюжетное воплощение мотивов также различно; это видно, например, на выборе различных «лекарств» (молоко белой верблюдицы, сердце и легкие синего быка, лисицы, легкое мангыса, черный верблюд и др.). Оживление героя совершает с помощью лошади чаще всего его старшая сестра, которая (во всех алтайско-тувинских вариантах) замужем за сыном властителя Неба. Как в № 10, так и в монгольских вариантах (17 и 19) она берет себе в

помощь найденную в пути за лечебным средством предназначенную брату невесты (мотив, характерный для сказок типа нашей № 11); ср. также близкую к началу сюжета о Паавылдае бурятскую сказку (Баранникова, с. 426), в которой сына хотят убить оба его родителя. Оживление совершается иногда двумя девушками, как в варианте (13), которые появляются из отрезанных пальцев побежденного мангыса (это ассоциируется с мотивом спасения Бёген Сагаан Тоолая из пальца джелбеге — см. № 5 и его варианты), иногда собственным сыном [вар. (8)] или с помощью братьев, которых герой обрел при решении трудных задач [вар. (6)]; в тибетском варианте (23) происходит братание с демонами, характер варианта сильно отличается от других, — может быть, под влиянием письменной версии, носящей явный отпечаток буддизма. В калмыцком варианте (21) зlostной родительской стороной является отец, опасющийся силы подрастающего сына. В относительно самостоятельном монгольском варианте (14) сказка начинается с мотива сожженных перепелок (ср. № 3), благодаря чему чужеземный хан замечает прекрасную женщину, а не с мотива врага, спрятанного в яме, или письма в ящичке; конец образует вариант тувинской сказки «Аны Мерген с конем Ак шанг» (ТТ VII, с. 185) с мотивом спутников, обладающих волшебными умениями, и объяснением возникновения созвездий Орион и Большая Медведица. С этими двумя последними мотивами, указывающими на связь с тувинской сказкой, ср. также вариант (19): он содержит важнейшие мотивы измены сестры, которая здесь не подсыпает под брата горох, а делает непригодным его оружие, и заключения побежденного героя в яму (спасение с помощью Хан Херети, которого призывают на помощь благородные птицы). Как вариант нашей сказки начинается и алтайский героический эпос «Алтай Буучай», где, между прочим, герою бросают под ноги не горох, а — что гораздо привычнее для этой среды — послед кобылы, чтобы он поскользнулся и упал. В хотогайском варианте (18) для этого употребляют замерзший верблюжий навоз, в казахской сказке — овес и пепел. Постоянное применение в тувинских сказках с этой целью гороха бросается в глаза и требует внимания. Может быть, мы имеем здесь дело с реминисценцией о раннем земледелии, на которое есть много разных указаний в сказках и песнях тувинцев, например характерный мотив давления, оказываемого на мать с помощью пытки жареным ячменем, чтобы вынудить ее сказать правду о пропавших членах семьи (ср. № 32). Здесь следует указать и на древнюю традицию разведения гороха в Ладаке, т. е. на большой высоте, и на ряд примечательных параллелей Ладака и Алтая (см.: *Taube. Auffällige kulturelle Parallelen*). Начало не только алтайского «Алтай Буучай», но и бурятского героического эпоса «Эренсей» имет много существенных общих черт с сюжетом «Паавылдай»; здесь, правда, речь идет о женщинах, которые прежде всего хотят погубить своих мужей. Специфическая картина предлагаемого варианта Ш. Дагва с выделением охотничьих вылазок отца указывает здесь на более тесные связи. Об алтайском варианте под названием «Алакай», исполняемом горловым пением с инструментальным сопровождением (*кай чёрчэк*), записанном в 1959 г. в Кош-Агаче Теленгитского района от рассказчика Орболыка, мне сообщила алтайская коллега Елизавета Ямаева, которой я весьма признательна за это.

Сюжет «Паавылдай» одинаково широко распространен у тюркских и у монгольских народов, причем отчетливо заметна концентрация в западных и северо-западных монгольских и южносибирских областях. У тувинцев на Алтае этот сюжет представляет вполне единую традицию. Имя героя встречается в двух формах — Паавылдай и Павылдай. Опубликованная Ф. Коном (с. 121) тувинская сказка о молодце Хайтыкаре является вариантом № 8, 9 и 10.

9. Паавылдай Мерген с конем леопардовой масти (вариант II) (Пар шоокар айттыг Паавылдай мерген)

Магнитофонная запись от Б. Джоксума, 55 лет, выполнена 22 августа 1967 г. в Чагаан-голе (тув. Ак-хем).

Ср. АТ 315, 590 (II); ММТ 94; ТТУ 108; ср. АА 315А; ср. ВСС 315, 906**.

О распространении, а также другие сведения см. коммент. к № 8.

Вариант «Паавылдай», записанный от Б. Джоксума, отличается от других (в нашем сборнике № 8 и 10) своей краткостью. В нем отсутствуют начинающая сказку предыстория и весь комплекс мотивов, связанный с симуляцией болезни, т. е. чудесные задачи и встреча с предназначенной герою девушкой (также в тувинской сказке ТТ VII, с. 173). Это сконцентрированное редуцированное действие вовсе не означает, что и повествование должно быть скупым. Напротив, исполнение Джоксума отличается необычной для коротких сказок образностью (при курении «вся долина Тунгуйлук наполнилась туманом»; при борьбе «ляжки нашего Паавылдаа блестяли, как вечный снег на вершинах Алтая»). Непривычна и конкретная локализация: долина Харангыты, Оленгит и Холааш — это местности восточнее верховьев р. Кобдо, район, где издревле пасли свой скот гёк-монджаки.

Запись от сплавщика Б. Семби, 25 лет; произведена 5 сентября 1966 г. в центре сомона Цэнгэл.

Нем.: Taube, 1978, с. 50, № 24.

Ср. АТ 315, 590 II; ММТ 94; ТТВ 108; ср. АА 315 А; ср. ВСС 315, 906**.

Данные о распространении и прочие сведения см. в коммент. к № 8.

Вариант сюжета «Паавылдай» Б. Семби — наиболее подробный из публикуемых здесь, в нем все эпизоды действия представлены с эпической широтой. Следует отметить один новый мотив, появляющийся в связи с оживлением героя (доставка к его телу девушки, предназначенной ему в жены, ср. № 11). Ново и вмешательство властителя Неба Гурмусту Хаана и будущего тестя в поединок героя с Хэдээнинг Гёк Бугазы — здесь прослеживается тесная связь с монгольской богатырской сказкой «Эрийн сайн Эгээдэй мерген» («Эгээдэй мерген, лучший из мужей», МонГАУ, с. 118), впрочем, не имеющей ничего общего с «Паавылдаем», но содержащей много параллелей с «Ханом Тёгюсеком» (№ 17) и, как и эта сказка, обнаруживающей отчетливую тенденцию к героическому эпосу. В варианте Б. Семби признаки богатырской сказки, сближающей его с эпосом, выражены также более ярко, чем в других публикуемых здесь версиях «Паавылдай». Благодаря вниманию к чувствам и «рыцарственному» духу у этой сказки есть общие черты с № 7 и 17; ср., например, высказывания о чувстве чести богатыря — о том, как Эр Дунгсай чувствует себя оскорбленным настолько, что музыканты должны смягчить эти чувства (№ 17), или чувства разочарования и стыда, которые испытывает Гунан Хара Баатыр, узнав о лживости матери и сестры, что лишает его поединок достоинства («тогда мне нечего делать на этом свете — и он лег на землю»). Следует заметить, что в упомянутой выше монгольской богатырской сказке «Эгээдэй мерген» того, кто мерится в бою силами с героем, с кем герой впоследствии побратается и останется навсегда, тоже зовут Гунан Хара Баатыр, т. е. так же, как и героя нашей сказки. Хотя точкой соприкосновения монгольского «Эгээдэй мергена» с алтайско-тувинским «Гунан Хара Баатыром/Паавылдай Баатыром» № 8, 9 является мелкая деталь, а именно вмешательство властителя Неба, ее нельзя игнорировать, так как речь идет о весьма специфической детали, которая обрисована здесь подробнее, чем в монгольской параллели.

Это, да и указание имени исполнителя (его отца Байынбата), от которого Б. Семби перенял сказку, исключает, по-моему, влияние относительно ранней монгольской публикации сказки (1957 г.). Учитывая значение сюжета «Паавылдай» в устной традиции алтайских тувинцев, следует помнить о долгой жизни данного сюжета у этой этнической группы. Наличие особенно живой эпической традиции в районе Алтая и в Северо-Западной Монголии, где тюркские и монгольские племена живут в тесном содружестве, позволяет предположить, что сюжет «Паавылдай» относится к очень древним общим традициям этих народов — к основному фонду, у монгольских групп, возможно, с главным героем по имени Гунан Хара Баатыр, чем и можно объяснить то, что лишь однажды это имя встречается в весьма характерной тувинской сказке на Алтае.

1 См. примеч. 4 к сказке № 5.

2 Часто душа человека находится в его ноже. Если нож ломается, владелец его умирает. Еще и сегодня предложить свой нож во время еды, особенно женщине, — значит проявить свое почтение.

3 Верхний из шести шейных позвонков (*атлас*) считается местом смертельным.

4 В семьях посвящали Небу или Алтаю отдельных животных. Их не забивали, а если это были ездовые животные, на них мог ездить только хозяин, но никогда женщины.

11. Шаралдай Мерген с конем в желтых яблоках (*Сарыг шоокар агттыг Шаралдай мерген*)

Записано от исполнительницы Арсый 26 августа 1966 г. в Сарыг булаке.

Нем.: Taube, 1978, с. 121, № 28.

Ср. ММТ 93D + 146; 161 III—V.

Распространение: тув.: (1) Мат. Т. — «Буга Джарын Буктуг Гириш» (рассказано Байынбурээдом 7—8 сентября 1966 г.); (2) Мат. Т. — «Буга Джарын» (рассказано С. Гуланом 25 июля 1982 г.); (3) ТТ II, с. 127; (4) Бокту Кириш; алт.: (5) *Радлов*. Образцы I, с. 12; (6) Полнолуние, Сын-Ару; туркменск.: (7) Erberg, с. 98; уйг.: (8) Малов, № 105; монг.: (9) МонГАУ, с. 73; (10) Ням-Осор, с. 14; бурятск.: (11) Баранникова, с. 426; эвенк.: (12) Василевич и Алькор, с. 171; о других вариантах см.: *Köhalmi*. Die brave Schwester.

В центре этого сюжета, распространённого и как богатая сказка, и как эпос, находится девушка. Для оживления своего брата, умершего вследствие разных причин или уснувшего сном, подобным смерти [как в эвзек. варианте (12)], она, переодевшись мужчиной и действуя как мужчина, добывает ему невесту или невест из верхнего мира (в № 10 для оживления нужна собственная жена героя). Затем она превращается в зайца, в лесу во время охоты ее находит брат и с тех пор регулярно отдает ей на пропитание часть охотничьей добычи. Жена (или жены) брата проникается подозрениями, хочет уничтожить ее (самый распространенный мотив: наливает ей в уши олово). С помощью животного она попадает к людям, где выходит замуж, выздоравливает, производит на свет ребенка, благодаря которому брат находит свою сестру. Этот сюжет сконцентрирован главным образом в Южной Сибири и на Алтае и встречается, кажется, чаще у тюркоязычных народов (ср. алтайский эпос о Джангаре, см.: Bäckér, с. 60—61, 63—64), чем у монголоязычных, где его можно обнаружить прежде всего у бурят, а у них главным образом в эпосе об Аламжи-мергене. К. У. Кэхалми (Geser-Khan) упоминает о широком распространении сюжета у халха-монголов, но причина здесь в том, что эта сказка по ошибке отнесена к ММТ 94, сюжету, распространенному по всей Монголии, к которому у Лёринца указано множество вариантов (ср. № 8 и 10).

Обширная версия героического эпоса из Кызыла [вар. (4)] кончается героическими подвигами Хаа-Ченге, сына Бокту Кириша. В центре повествования богатырь Бокту Кириш со своей сестрой Бора Шээлей, обрисованной с большой теплотой. Расширение сюжета за счет описания следующего поколения имеет свою параллель в тувинском варианте (1) Байынбурээда из Цэнгэла. Здесь имеется трилогия: 1) история и приключения Хара Буурул Дюжюмела; 2) история двух его детей (здесь, как и в других алтайско-тувинских вариантах, сестру зовут Буктут Гириш!); 3) история Сарыг Галдара, внука Хара Буурул Дюжюмела. Насколько самостоятельны и законченны сами по себе отдельные части, видно уже по тому, что Байынбурээд сначала исполнил «Сарыг Галдар», заметив только, что сюда еще многое относится; он сказал, что этого сюжета хватит «на три зимних вечера».

В версии С. Гупана (2) лошадь советует привезти для оживления дочь Джес Хаана (Медного), Ай Хаана (Луны) и Хюн Хаана (Солнца). Буктут Гириш, выступая теперь под именем брата, выигрывает в трех состязаниях и достает Хюн Хаану мифическую птицу Хан Херети (мотив спасения птенцов Хан Херети). Но когда она привозит птицу, испуганный хан выпускает птицу с хадаком (ср. тот же мотив в № 17: там синий бык, живущий на севере). После оживления брат отдает сестре сердце и почки убитой им дичи, и у трех жен рождается подозрение. Дочь Хюн Хаана, поняв все, относится к этому благосклонно, но обе старшие злобны, находят стеклянный дом сестры на горе Сюмбер и убивают ее. Мертвую Буктут Гириш находит охотник, оживляет ее своим прикосновением и берет ее в жены. Буга Джарын узнает племянника по тексту его колыбельной песни.

В сказке «Сын-Ару» (6) — три брата и сестра, на жизнь которой покушаются невестки. После двух неудачных попыток они прибегают к средству, знакомому и по нашей сказке, — наливают ей олово в уши. Они вынуждают братьев убить ее, так как она, преступив все приличия, потребовала, чтобы добыли ей мужа. Но младший не выполняет этого — следует мотив девушки в ящике на реке. Младший из семи рыбаков находит ее и женится на ней [ср. вар. (7)]. Рождается сын, обнаруживающий олово в ушах, и братья и сестра наконец находят друг друга. Мотив сестры, оживляющей брата при помощи волшебной девушки, которую она получает, одержав победу в трех состязаниях, встречается в виде отдельной сказки в варианте (15). Мотив открывающейся горы находим и в варианте № 19 («Балдыр Бээжек», ТНС 1971, с. 106), и в алтайской сказке (Танзаган, с. 164) в контексте комбинации мотивов, типичной для сюжета «Бёген Сагаан Тоолая»: затухание огня в очаге — добывание огня — чудische-кровосос преследует сестру героя, которая прячется в скале, — уничтожение чудища братом (см. об этом также: Fundamenta, II, с. 871). К мотиву пребывания тела в скале см.: Heissig. Felsgeburt.

В туркменском варианте «Ак-Памык» (7) отчетливо видна связь с «Бёген Сагаан Тоолаем» (№ 5): девушка разыскивает своих семерых братьев, находит их, ведет их хозяйство. Рассвирепев оттого, что ему не дали лакомого куска, кот гасит огонь (см. коммент. к № 5). Девушка добывает огонь у чудища, которое следует за ней и наделает ей на палец обручальное кольцо, становящееся день ото дня все уже. Братья отрубают ему голову, из нее появляются новые чудища, разрывающие братьев. Девушка оживляет своих братьев молоком яростной верблюдницы, добытым с большими трудностями, братья вскоре женятся, и их жены, кроме младшей, из ревности хотят погубить свою золовку (олово в уши и горло). Посаженная на верблюда и отправленная на поиски мужа, она встречает сына падишаха, тот берет ее в жены [здесь есть общее с алтайским вариантом (6)]. С рождением ребенка она излечивается. Употребив определенные слова при игре в кости, мальчик выдает свое происхождение, и братья и сестра снова находят друг друга. Относительно связи сюжета № 5 и 11 ср. также их привязанность друг к другу в репертуаре сказителя М. Хойтובה (см. коммент. к № 5).

Вариант (3) — контаминация сказок № 11, 21 и 39, причем № 11 образует рамочный рассказ.

В сказке о Шаралдай Мергене, там, где сестра действует за брата [в вар. (2) — даже под его именем], мы встречаемся со стремлением призвать на себя силу другого, более сильного, или заявить о себе как об исполнителе воли этого другого (ср. № 18). Сестра говорит: «Не я стреляю, стреляет мой брат Шаралдай!» и т. п. Точно такие же слова встречаются в текстах тувинских шаманов в сомоне Цэнгэл. Одна шаманка пела (магнитофонная запись 1966 г.): «Не я камлаю, а камлает мой суженый Халак» или: «Причиной этому не мои мысли (не то, что я хочу этого), причиной этому дух судьбы» и т. п. (ср.: *Taube. South Siberian*, с. 348 и сл.). Встречается этот прием и в формулах, сопровождающих лечебные манипуляции узбекских знахарок; одна из них, например, начала свои действия словами: «Это не моя рука (= сила), это сила...», затем следовало имя покойной родственницы (*Cirtautas. Uzbek Female Healers*, с. 95).

Этому сказочному типу и тому, что могло лечь в его основу, посвящена часть работы К. Kóhalmi «Die brave Schwester, die böse Schwester und der weiße Hase»; там же приведены и другие работы о нем.

В. Е. Майногашева предполагает («Хакасская и тувинская версии»), что чисто охотничья среда явилась реальной основой возникновения этого сюжета, который получил дальнейшее развитие в условиях кочевого скотоводства.

В алтайско-тувинском варианте сказительницы Арсыый чуть ли не полностью отсутствуют элементы, свойственные кочевому скотоводству, их можно усмотреть только в окружении властителя верхнего мира (на свадьбе его дочери забивают белого барана, вожака овец; эта дочь, теперь жена героя, встречает супруга, возвращающегося со своей сестрой, чашей, полной молока). Тем самым наш вариант, отражая очень раннюю ступень осознания своего отличия от других народов с иным культурно-хозяйственным укладом, доказывает свой древний характер. Другая работа В. Е. Майногашевой на эту тему «Образ Хуу-Иней в хакасском героическом эпосе» осталась мне, к сожалению, недоступной. Опубликованная Ф. Я. Коном «Сказка про царя Черни» является вариантом нашей сказки. На два других варианта любезно обратил мое внимание С. Ю. Неклюдов: бурятский «Айдурай-мэргэн» (запись Ц. Жамцарано) и сарыг-уйгурский «Янгысак и Конгырджан» (опубликован Э. Р. Тенишевым в книге «Строй сарыг-уйгурского языка» — № 5).

1 Дух-хранитель Алтая и всех живущих на Алтае существ.

12. Хара Буурул Дюжюмел (Хара Буурул Дүжүмел)

Магнитофонная запись от полевой сторожихи Д. Оролмаа, 44 лет, произведена 29 августа 1966 г. в центре сомона Цэнгэл.

Нем.: *Taube, 1977*, с. 64.

Ср. ММТ 97.

Распространение: тув.: (1) «Эрдине хюренг аъттыг Сулу Балдыр Хаан» (= № 13).

Эта типично богатырская сказка представляет собой очень близкий к первой части сказки № 13 вариант. Так как обе версии принадлежат разным рассказчикам, которые, в свою очередь, восприняли их от разных сказителей, можно, безусловно, причислить эту сказку к основному фонду алтайско-тувинских сказок. Главная фигура — старый человек, имя которого в оригинале связано аллитерацией с кличкой его коня (что характерно для тюрко-монгольской эпической поэзии): Хан Шилги аъттыг Хара Буурул Дюжюмел. Подлинным героем повествования является его сын, еще не родившийся в начале рассказа (см. об этом коммент. к № 14 и Предисловие). Возможно, мы имеем здесь дело с начальной стадией расширения сюжета в направлении к формированию цикла, которое произойдет позже, когда истории отца и сына разовьются в самостоятельные сюжеты. Можно предположить и обратный процесс, т. е. такие сказки, как наша, представляют собой краткую редакцию более обширных сюжетов. Но, принимая во внимание всеобщий пиетет по отношению к традиции и к самим устным произведениям, которые я имела возможность наблюдать в Цэнгэле, в данном конкретном случае мне это кажется менее вероятным.

Бездетность Хара Буурул Дюжюмела здесь не упоминается, но ее можно предположить, исходя из варианта Б. Семби (№ 13). Героя беспокоят различные предзнаменования, которые вынуждают его к отъезду (ср. вóрон в № 17). Приметы эти характерны для сказок и эпоса тюрко-монгольских народов: повторный дурной сон (здесь сон табунщика), поведение лошадей или нарушение нормальных условий содержания стада (не хватает пастбищ и воды). Сон сбывается. Старый герой отправляется на поиски врага, угнавшего лошадей, и оказывается побежденным в поединке. Лошадь убегает и, увидев торчащую из дымового отверстия подпорку юрты, узнает, что у старика за это время родился сын. Это тоже характерный мотив. Юрта

тувинцев в Цэнгэл не знает обычных для монгольских юрты двух подпорок, в ней только одна подпорка с развилкой наверху, которая употребляется лишь для укрепления юрты во время бури. За эту же подпорку держится роженица и, (по сведениям С. Соломатина, Ленинград) вместе с привязанным к ней канатом она символизирует связь с Небом. В следующей сцене похищения конем сына, быстро, по-богатырски набирающего силы, отразилось любовное отношение к детям: конь кладет себе на седло кусок луга с цветами, чтобы мальчик мог играть с ними (намек на это есть и в № 13; там конь еще вызывает дождь, чтобы он охладил и освежил мальчика). Это особая форма нежной преданности коня своему господину. Но чаще просто говорится о том, как конь пытается смягчить скорость своего бега ради маленького всадника, например подпирает его спереди гривой, а сзади — хвостом.

Мальчик освобождает своего отца, и сказка заканчивается подробным описанием существенного для богатырской сказки эпизода наречения именем. Имя сына то же, что и в № 13, это еще раз подчеркивает близость двух рассматриваемых вариантов. Мотив рождения героя со сгустком крови, зажатым в правой руке, отражающийся в его имени, встречается нередко в фольклорных и исторических рассказах и текстах. Несомненно, мы здесь имеем дело с весьма древними представлениями. В «Сокровенном сказании монголов» подобное упоминается в связи с рождением Чингисхана (§ 59 и 78). Известен этот мотив и в связи с Гесером и Амарсанаа, т. е. сгусток крови в правой руке новорожденного намекает на его могущество в будущем. Может быть, кровавый сгусток — это жизненная сила (ср. коммент. к № 17), и тот факт, что герой рождается, держа его в руке, свидетельствует о его способности сохранять и защищать самого себя. Комок земли в левой руке, очевидно, намекает на будущую власть и над землей.

Хотя калмыцкая сказка, лежащая в основе MMT 97, и имеет с нашей сказкой несколько существенных общих мотивов, логическая связь обеих частей, зависимость одной от другой очень различны. Сражающиеся в начале сказки друг с другом мужчины — бездетный старик и неизвестный — братаются. От названного брата старик узнает, что у него родился сын; когда сын отправляется с своим конем, на страну старика совершается нападение. Сын побеждает злую силу и освобождает родителей.

Судя по «Указателю типов монгольских сказок», эта сказка не имеет общемонгольского распространения и лишь изредка встречается у западных монголов. В том виде, в каком она встречается у алтайских тувинцев (как она в расширенной форме представлена нашим № 13), она как будто вообще отсутствует. Ср. также алтайский героический эпос «Козын Эркеш» (см.: «Алтай Буучай. Ойротский народный эпос». Новосибирск, 1941, с. 199—240, привожу по Lőrincz. Parallelen, с. 329).

¹ Имеется в виду жердь с разветвленным верхним концом, которой при сильном ветре подпирается дымовое кольцо юрты, чтобы придать ей устойчивость; в таком положении за нее держатся роженицы, и поэтому в сказках торчащие из дымового отверстия юрты концы жерди служат знаком того, что родился ребенок.

² Первая стрижка волос связана с официальным наречением именем. Обычно совершается, когда ребенку исполнится три года. В честь этого события устраивается праздник.

13. Сулу Балдыр Хаан с конем Эрдине Хюренг (*Эрдине хүренг айттыг Сулу Балдыр хаан*)

Магнитофонная запись от сплавщика Б. Семби, 25 лет, произведена 5 сентября 1966 г. в центре сомона Цэнгэл.

Нем.: Taube, 1977, с. 93.

Ср. MMT 97.

Распространение: тув. (1) «Хара Буурул Дюжюмел» (= № 12).

Это расширенный вариант № 12. Сын главного героя освобождает отца из плена, где ему приходилось выполнять тяжелую работу — носить дрова, пока веревки не изранят плечи, носить воду, пока руки не потрескаются, т. е. такую работу, которая не имеет никакого отношения к скотоводству и выполняется обычно женщинами. Этот мотив (в № 12 он только намечен) отражает социальные различия. Если главный герой № 12 — уже подготовленный к беде дурной приметой — побежден вызванным им противником в честном бою, то здесь иначе: Сулу Балдыр Хаан, отправившись на охоту, останавливается у незнакомой юрты, и здесь на него нападают, что противоречит обычаю. На принадлежность его противников — двух братьев — к неземному миру указывает не то, что младший, приняв обличье волка, спит на земле (такая способность к превращению — одно из свойств эпического героя), а скорее тот факт, что в качестве атрибута старшего выступает синий бык (ср. коммент. к № 12). В эпосе тюрко-монгольских народов нередко можно наблюдать демонизацию противника даже там, где несомненно отражение определенных исторических битв. Может быть, и различные животные, на которых скачут богатыри, — си-

спений конь у главного героя и синий бык егю противника (синий означает здесь специфический серо-голубой цвет шкуры) — указывают на этнокультурные различия?

Если сказка № 12 кончается наречением сына именем, здесь к этому примыкает сватовство сына, ставшего богатырем. (Наречение именем является предпосылкой самостоятельных героических подвигов: освобождение отца происходит по инициативе его коня, хотя и сын, еще не доросший до того, чтобы быть богатырем, тоже смог показать свою ловкость). Сначала он убивает по пути трех борющихся друг с другом братьев. Младший, ожив, братается с ним, но в трех последующих состязаниях не принимает никакого участия (глухой мотив). Затем следуют в очень краткой форме мотивы возвращения домой вместе с невестой, обнаружения разграбления, победы над напавшим богатырем по имени Синий бык широкой страны и восстановления покоя и мира в собственной земле. Ср. коммент. к № 12.

1 См. примеч. 1 к сказке № 12.

2 См. примеч. 2 к сказке № 12.

14. Бай Назар

Магнитофонная запись от Д. Оролмаа, произведена 29 августа 1966 г. в центре сомона Цэнгэл.

Нем.: Taube, 1977, с. 43; Taube, 1978, с. 192, № 37.

Ср. АТ 301 I—IV (301B*), 302 II—III, 513 II—III; ср. ММТ 176; ср. ТТV 77, 215; КНМ 71, 224; ВР II 79, III 556; Liungman, 302, 513, AB.

Распространение: тув.: (1) *Потанин*. Очерки, IV, с. 583, № 176 (сойот.); тюменско-тат.: (2) *Радлов*. Образцы, IV, с. 460; кирг.: (3) *Радлов*. Образцы, V, с. 530; каз.: (4) Турсунов, с. 23 (ср. КазНС 77, с. 7 = КазНС 79, с. 15 = Казиев, с. 11); (5) Сидельников, с. 14; калм.: (6) Ramstedt, I, с. 5, № 4; (7) *Mostaert*. Folklore Ordos, № 32 (ордосск.); бирманск.: (8) Esche, с. 214 (аракан.). Другие варианты см.: Boratav, с. 77—80.

Сказка, построенная довольно сложно, начинается мотивами чудесного зачатия (мать героя съедает грудинку кобылы, ср. F 611.I.8) и рождения героя как младшего сына престарелых уже родителей, восьмерь братьев которого уже давным-давно уехали от родителей (эпическое одиночество героя). Следующий эпизод рисует быстро растущего и набирающего силу мальчика (эпизод игры мальчиков, высмеивающих малолетнего героя, который постоянно выигрывает у них), которому раздраженные соседи выбалтывают тайну его старших братьев: «Если уж ты такой ловкий и сильный, взял бы и нашел своих братьев!» (или своего отца), что является распространенным поводом к тому, чтобы герой отправился на подвиги, например в сказках № 8 и 32; на последнем месте находится эпизод, связанный обычно с этим мотивом, — герой вынуждает свою мать к тому, чтобы она сказала ему правду: попросив ее поджарить ему ячменя, он опускает в горячий котел ее руки.

После того как младший находит и приводит домой восьмерых своих братьев, отец сватает для всех восьмерых своих сыновей невест, но дальше фигурирует лишь одна из них, младшая — Хенджейей. По пути домой герой теряет белую верблюдицу (часть приданого), так как нарушает переданный ему тестем запрет на ночевку у колодца. За этим следует новый комплекс мотивов, который, будучи слегка расширен, выступает и как самостоятельная сказка (ср. № 22, 23); отцу встречается джелбеге (в большинстве вариантов он выуживает из воды нечто, потом оказывающееся джелбеге); он может откупиться от нее только тем, что обещает ей своего сына (мотив S 211); к этому примыкает мотив оставленного на старой стоянке какого-то любимого сыном предмета или необходимого ему (игральные кости, лук и стрелы, напильник). Мальчик скачет туда (формульный разговор с джелбеге), благодаря доброму совету своего коня хватает предмет, не сходя с коня, и спасается бегством. Этим заканчивается комплекс мотивов в сказке «Бай Назар». В самостоятельных сказках, построенных на этом сюжете, — № 22, 23 и их вариантах — он еще продолжается (погоня джелбеге за героем, перебивание ног его лошади, укрывание на дереве, спасение оттуда с помощью позванных собак). Спасаясь от джелбеге, герой попадает в нижний мир. К приключениям в нижнем мире, цель которых — добыть дочь Темир Хаана для властителя нижнего мира Боббук Хаана, присоединяется мотив помощников, владеющих волшебными умениями (F 601): здесь это скороход, от которого никто не убежит, слушающий землю, все поедающий, выпивающий море, переставляющий горы (ср. тув.: ТТ VII, с. 185; нем.: Taube, 1978, № 38; этот же комплекс мотивов есть и в калмыцком эпосе «Джангар»). Обычно помощников бывает шесть (с героем — семь), и здесь, в № 14, тоже один раз говорится о семерых, — может быть, это оговорка рассказчика; по аналогии с европейскими вариантами (например, КНМ 71) в мотиве с домом, где все должно спореть, следовало бы ожидать «дующего», который бы все загасил. В одной дархатской (Санжеев, с. 61/87) и в одной казахской сказке (Wunderblume, с. 385) в подобной ситуации пожар гасит выпивающий море. В результате своих побед герой получает девушку

Хюнкээ. Комплекс мотивов, связанный со сватовством к девушке Хюнкээ, до того момента, когда пять его помощников остаются на пути домой, встречается у казахов как самостоятельная сказка (последняя и самая трудная задача злого хана); доказательством связи с сюжетом «Эр Тёштюка» является имя девушки.

На пути в верхний мир помощником героя становится мифическая птица Хан Херети (Хан Гэрд), которую он кормит своим мясом (В 542) и с которой братается при расставании (она оставляет ему свое перо). Мотив спасения детей Хан Херети от змеи и как следствие благодарность и помощь птицы часто являются составной частью приключений богатыря (ср., например, № 20). У входа в верхний мир на него нападает сын джелбеге Шойунг Гулак; Хюнкээ похищают, самого героя заключают в яму, но он спасается благодаря своему коню и Хан Херети. Далее следует мотив места, где хранится жизненный дух чудовища, о котором узнает девушка при помощи их общего ребенка, — весьма распространенный в вариантах тюркских народов Центральной и Средней Азии (в одной туркменской сказке — Erberg, с. 65 — в связи с элементами из № 3). Здесь есть и переключки с мотивом борьбы с еще не доношенным сыном чудовища (ср. № 15 и 17). Заключительный эпизод сказки — возвращение героя домой, предвестием которого является знак, предопределенный когда-то девушкой Хенджевей (развязывается ее пояс, разрешается бременем белая верблюдица).

Сказка «Бай Назар» — тувинская версия распространенного в Центральной Азии героического эпоса «Эр Тёштюк»; настоящего ее героя, сына Бай Назара, и здесь зовут Эр Тёстюк, или, по-тувински, Эр Герзенг. Небольшое число монгольских вариантов принадлежит калмыкам или монголам-ордосцам. Как «Бёген Сагаан Тоолай» (№ 5) и некоторые другие сказки, часто встречающиеся у алтайских тувинцев, варианты этого сюжета отсутствуют в районе Центральной и Восточной Монголии. Хотя в калмыцких вариантах есть множество отклонений, в них можно найти глубоко уходящие связи с сюжетом рассмотренной нами сказки. Ср. тип ММТ 176: 1) восемь братьев празднуют свадьбу с восемью девушками, когда появляется желтая змея и требует себе их девятого брата; 2) змея наказывает девятому брату раздобыть дочь хана; 3) он обзаводится чудесными помощниками и, победив в состязаниях, завоевывает руку девушки; 4) по совету лисы он оставляет девушку для себя, а к змее приводит переодетую лису; 5) в качестве награды он требует ящичек, в котором находится душа змеи, убивает змею и получает девушку.

При сравнении сказки алтайских тувинцев «Бай Назар» с вариантами других тюркских народов легко установить, что эта сказка, если оставить в стороне сюжетные дополнения, характерные для крупных эпических форм, содержит все основные мотивы сюжета об Эр Тёштюке и что она, очевидно, наиболее близка возможному архетипу, ибо соединяет в себе самые главные мотивы с такой полнотой, которую можно найти лишь в одном казахском варианте (4). И в деталях она тоже наиболее близка остальным вариантам: например, восемь пар серег на решетчатой стене юрты, девятую вывешивают туда лишь в последний момент; змеи вползают через рукав или застежку на груди, выползают через застежку на груди и штанину; воскрешение убитых птенцов, в которых содержится душа Шойунг Гулака. Тувинский вариант не содержит также глухих мотивов, как, например, киргизский у Радлова: в определенном месте, где они собираются остановиться на ночевку, Кенджеке напоминает о предостережении своего отца не ночевать здесь, о чем в предыдущем тексте ничего не говорится; перья, которые Эр Тёштюк получает от орла в знак благодарности, позже не находят применения. В нем нет дополнений, не существенных для дальнейшего хода повествования, каким мне представляется введение фигуры Бекторы в двух версиях.

Киргизский, один казахский (4) и тувинский варианты из Цэнгэла очень близки друг другу, в то время как другой, например казахский вариант (5), значительно отличается, как и тюменско-татарский, который совершенно иной, главным образом во второй половине (в нем чувствуется сильное влияние ислама, поэтому не кажется удивительным встречающийся в нем мотив из среднеазиатской литературы, который мы находим у Лютфи в его «Гюль и Навруз»: двое любящих попадают в море, и их прибывает к двум противоположным берегам). Казахский вариант (4) и вариант из Цэнгэла кроме основной структуры и главных мотивов обнаруживают еще и удивительное совпадение в конкретном построении мотивов. Только в этих двух вариантах рассказывается, например, о том, как вообще узнает Эр Тёстюк/Эр Герзенг о существовании восьмерых своих старших братьев. Близость этих двух вариантов сказывается и на именах главных героев: отца героя зовут Эр Назар (каз.) и Бай Назар (алт.-тув.), противника — змеиноного князя Джылан Бапы Хаана (каз.) или Джылан Боббук Хаана (тув.) — в обоих случаях зовут Тери Хаан. Она сказывается и в таких деталях, как восклицание: «Передайте это (т. е. еду) сыновьям Эр Назара/Бай Назара!», по которому герой узнает, что нашел братьев.

Более простой и тем не менее более совершенный ход повествования тувинского варианта с Алтой и сильный отпечаток на нем мифологизма говорят, возможно, о том, что этот вариант отражает первоначальное состояние сюжета. В казахском варианте (4) отдельные мотивы порой истолковываются реалистически. В тувинском

варианте Хенджевей бергену своему чудесному умению, соответствующему чудесным свойствам Эр Тёстюка, узнает, что отец должен отдать Эр Тёстюка джелбеге, в то время как в казахском варианте описано очень трезво, как Кенджекей, незамеченная, пробирается за Бай Назаром и подслушивает его разговор с джалмауыз-кемпир.

Чтобы отвлечь джелбеге на то время, пока он поднимет предмет, оставленный его отцом (напильник, точильный камень или игральные кости), Эр Тёштюк в казахской версии спрашивает: «А что, девушки позади тебя — это все твои дочери?» В тувинской же редакции иначе: «Что это за семь детей позади тебя, что с ними?» Это упоминание семи детей джелбеге кажется мне свидетельством первичности этой формулы.

Джелбеге, которая спит на одном ухе и прикрывается другим, — типичный персонаж тувинских сказок Цэнгэла и Алтая вообще, соответствующий джалмауыз-кемпир или джалмауыз-калпыр киргизов и казахов, что видно из постоянно употребляемой формулы: «Когда я сижу, я не могу встать, а когда я стою, я не могу сесть». У тувинцев Цэнгэла у нее часто семь детей, играющих роль в определенном контексте (ср. № 30).

И наконец, мне представляется интересным также и то, что в противоположность версиям, которые привлекались для сравнения, в тувинских версиях из Цэнгэла можно наблюдать принцип, явственно проявившийся в повествовательном фольклоре этой этнической группы, но не ограниченный ею: название сказки именем отца ее истинного героя, хотя отец его фигурирует обычно в еще меньшей степени, чем это имеет место в «Бай Назаре», часто он только упоминается в самом начале. Я считаю это признаком древности, который следует рассматривать, возможно, в связи с патриархальными родовыми отношениями, впрочем, может быть, мы просто имеем дело с обозначением сказки по началу текста, как это бывает в фольклоре. Все говорит о том, что сюжет «Эр Тёстюка» возник в среде с доминантой-тюркских племен, а включенный в него комплекс джелбеге (ср. № 22, 23) происходит из более древних культурных слоев, общих для тюркских и монгольских народов. См.: *Taube E. Die altaituwinische Version*).

1 Эр Тёштюк — казахская форма имени; тувинская форма этого имени Эр Герзэнг. Сказитель употребляет то казахскую, то тувинскую форму.

2 См. примеч. 2 к сказке № 3.

15. Паавылдай Мерген с конем леопардовой масти (*Пар шоокар аъттыг Паавылдай мерген*)

Магнитофонная запись от 66-летнего Билдейнинг Устэзна, произведена 1 ноября 1985 г. на пастбищах юго-западнее сомона Зуун-бурэн.

Распространение: тув.: (1) Первая часть «Хан Тёгюсвека» (= № 17); (2) Мат. Т. — «Сарыг шоокар аъттыг Шаралдай мерген» (рассказано Б. Джоксумом 25 октября 1985 г.); (3) Катанов, с. 1003.

Несмотря на вынесение в заглавие сказки имени героя и клички его коня, она не имеет ничего общего с одноименными № 8 и 9. В основных чертах она во многом совпадает скорее с первой частью № 17, за исключением уничтожения нерожденного мангыса. Отклонение есть лишь в самом начале: вместо карканья ворона в № 17 здесь имеется мотив обручения сразу после рождения, чрезвычайно распространенный в среднеазиатской сказке (как и обручение до рождения). Интересно указание на обмен пеленками в знак обручения, что действительно практиковалось в таких случаях (ср. обмен одеждой как знак братания). Препятствиями на пути, которые в № 17 в соответствии с характером этого текста представлены более реалистично (за мужем следует жена, что герой воспринимает как несносную помеху в пути), в нашем № 15 являются обычные в сказке сдвигающиеся скалы (мотив Симплегад, см.: *Taube. Folkloristischer und sachlicher Gehalt*, с. 18—20), которые герой отделяет друг от друга выстрелом из лука (ср., например, монгольскую богатырскую сказку «Богдо Нойин Джарг Хаан»: *Poppe. Mongolische Volksdichtung*, с. 170), и нередкие в алтайско-тувинских сказках встречи со змеей. В остальном последующее действие не только сюжетно, но и в деталях отдельных эпизодов имеет немало сходства с вариантом (2) Б. Джоксума и с «Хан Тёгюсвеком» (№ 17); последнее представляет особый интерес, так как исполнители Б. Устээн и М. Хойтювек представляют тувинцев, живущих по обе стороны Алтайского хребта — на монгольской и на китайской территориях, и это еще одно соображение в пользу единой фольклорной традиции тувинцев Алтая. См. также коммент. к № 17.

1 Рассказчик сопровождает эти слова соответствующим жестом.

2 Рассказчик показывает, как именно.

3 Рассказчик показывает жестом, как именно.

Магнитофонная запись от 45-летнего М. Хойтювека, произведена 6 августа 1967 г. в Онгаде.

Нем.: Taube, 1977, с. 6.

Этот зачин Хойтювек исполнил перед началом сказки «Хан Тёгюсвек» (№ 17). Зачины сказок относят время событий следующей за ними истории к доисторическому, очень древнему времени. В это начальное время сразу после сотворения мира все еще ново, все в изобилии, что-то не такое, как сейчас (например, размеры и свойства животных, как в № 4 и 16). Устойчивыми формулами является описание природы с обильными пастбищами и лесами, дающими достаточно пищи и воды большим стадам и обильную добычу охотникам. Люди живут, радуясь этому миру, который, по Байынбурээду (№ 1), они воспринимают как дар Алтая. Такое исконное чувство благодарности можно найти не только в сказочных зачинах, оно есть и в «хвалах» (*мактаар*), которые выступают самостоятельно как принадлежность обряда.

17. Хан Тёгюсвек (Хан Тёгүсвек)

Магнитофонная запись от М. Хойтювека, произведена 6 и 7 августа 1967 г. в Онгаде.

Нем.: Heldensagen, с. 224—257 (с незначительными сокращениями).

Ср. ММТ 93 В; С; D 2.

Распространение: тув.: (1) ТНЧ 1971, с. 112 (Дээр Мёге); (2) *Потанин*. Очерки, II, с. 512 (1-я часть); сагайск.: (3) *Радлов*. Образцы, II, с. 138 (Кан Тёгёс); монг.: (4) Беннигсен, с. 91; (5) МонгАУ, с. 118.

«Хан Тёгюсвек» уже своими размерами разительно отличается от всех остальных текстов нашего собрания. Однако есть еще и критерии формы и содержания, которые позволили бы поставить вопрос о том, не следует ли уже отнести этот текст к эпосу. Так как весь он исполнялся напевом, его можно было бы записать таким образом, чтобы сегменты предложений, зависящие от мелодических фраз, в сочетании с множеством встречающихся здесь стихотворных устойчивых формул, наглядно демонстрировали бы организованную речь, что очевидно в предшествующем сказке зачине (это, между прочим, касается и ряда других текстов). Но ради удобства чтения мы от этого отказались.

Упомянутый выше зачин (№ 16) своей подробностью отличается от других текстов этого типа (№ 1 и 4). В этой сказке, кроме того, слабо представлены мотивы волшебных сказок — и этим «Хан Тёгюсвек» отличается от таких богатых сказок, как «Паавылдай Баатыр», «Гуанан Хара Баатыр», «Бёген Сагаан Тоолай» или «Шаралдай Мерген». В отличие от этих текстов и их вариантов здесь и стиль исполнения производит впечатление большей строгости и большей последовательности (употребление *epitheta opantia*, формул, внимание к структуре, отсутствие страха перед повторениями, например в сценах обретения друзей, и др.) Здесь мы встречаем прежде всего неоднократно повторяющиеся мотивы, типичные для богатых сказок, представленные в окружении относящегося к ним текстового поля с эпической широтой.

Отличает «Хан Тёгюсвека» от всех опубликованных в настоящем сборнике богатых сказок и то, что здесь есть намеки на родовые битвы или столкновения с определенными этническими группами; так, например, волшебный противник — андалва — называется казахским (можно сравнить с этим оборотительные войны тюркских народов против нападений кочевых калмыков в эпосе «Алпамыш»). Наконец, есть и приметы того, что, может быть, «Хан Тёгюсвек» — часть какого-то более обширного произведения. Есть определенные параллели отдельным песням калмыцкого «Джангара» (более подробно см.: *Taube* Э. Следы сюжетов из «Джангара»). Упоминаются «двенадцать братьев прежних времен», которых должен собрать Эр Дунгай на борьбу с левятиглавым андалвой; двенадцать братьев были предсказаны Хан Тёгюсвеку оракулом лисы — в тексте же не появляется столько спутников героя, хоть и говорится, что явились одиннадцать из двенадцати. Возможно, что некоторые эпизоды, группировавшиеся вокруг отдельных героев, выпали. Во всяком случае, «Хан Тёгюсвек» наряду с трилогией Байынбурээда составляет высшую ступень развития эпической поэзии алтайских тувинцев. Его можно было бы определить как малую форму эпоса, характерную для всей Центральной Азии, которую на основе среднеазиатского материала описал в своей работе «К возникновению, развитию и распространению героического эпоса из района Баргу» Ринчиндоржи.

«Хан Тёгюсвек» — компиляция двух сюжетов о сватовстве, причем нет ничего необычного в том, что к началу сказки у героя уже есть жена (ср., например, № 21). Вокруг этих двух сюжетов сватовства группируются характерные сюжетные

близки: отъезд с двумя своими лошадьми (относительно проблемы двух коней героя и параллелей к ним в европейском эпосе сделал доклад на V съезде монголоведов в г. Улан-Баторе в 1987 г. В. Хайсиг: *Historical Realities in the Mongolian Epics*), долгий путь, прибытие к отцу невесты, три состязания (скачки, стрельба из лука, борьба), братание с последним противником по совету лошадей (ср. № 7), дополнительная трудная задача тестя (ср. № 11, здесь это Хан Херети, в одной записи Потанина — Очерки, II, с. 179 — мангыс, которого нужно привести и который потом наводит страх), возвращение с невестой, нападение на героя по дороге и спасение героя благодаря двум его коням и одному спутнику, обнаружение происшедшего за время его отсутствия нападения на его родную юрту (письмо и провизия под тем местом, где находился очаг), соби́рание помощников, преследование и уничтожение захватчика, борьба с его нерожденным сыном, вторичное возвращение домой, совместное сватовство для младшего из побратавшихся с ним помощников, по дороге свидетельства былых подвигов героя (кости и кровь побежденных им богатырей в виде белого храма и реки крови), повторение первой церемонии сватовства вместе с доп.полнительной трудной задачей, снова возвращение домой, исчезновение невесты в пути (ср. № 14), обнаружение ее местопребывания на дне моря первой супругой героя, победа над захватчиком объединенными силами, при этом освобождение целых народов (злétов, тувинцев), обнаружение невесты в мизинце чудища благодаря крику птицы (ср. № 5), окончательное возвращение домой и радостное празднество.

Сагайский «Кан Тёгёс» (*Радлов. Образцы, II, с. 138*), имя которого напоминает имя нашего героя, представляет собой нанизывание героических подвигов при отсутствии обычного заключения. Подвиги совершаются ради наказания похитителей скота (чудищ) и сватовства у мифических существ Ай Сабар и Хюн Сабар (или Айдас и Хюндас), на предложение которых побрататься с ними герой отвечает отказом. В результате его героические походы послужили лишь тому, что он завладел большими стадами и сорока ведьмами. Возвратившись домой, он оказывается без жены и ребенка, и создается впечатление, что это только первая часть и настоящие подвиги еще вот-вот начнутся.

Восклицание «Ааалаыйный», начинающее сказку, можно сравнить с «айланай-ын» в начале обращения к духам-помощникам киргизского шамана (Баялиева, с. 137). Возможно, это свидетельствует о том, что «Хан Тёгюсбек» считается текстом с духом-хозяином — *тоол ээзи* (ср.: Bäckер, с. 56) — явление, которое было явно знакомо алтайским тувинцам. Именно М. Хойтювек высказался о том, что существуют так называемые *айтбас тоол*, т. е. такие сказки, которые не следует рассказывать (ср. коммент. к № 2), а если уж рассказывать, то не часто (аналогичное сообщает Бекер — Bäckер, с. 57 — об алтайцах, см. также: *Taube. Zur ursprünglich magischen Funktion.*)

Отдельные заметки:

Ворон: считается мудрым и обладающим даром предвидения, к его карканью прислушиваются и истолковывают его (ср. значение ворона в Непале, где в ходе ежегодного праздника Дипавали один день посвящается ему, — см. E. Jung, с. 14 и сл.)

Голый человек с красным шарообразным предметом под мышкой, которым он косит всех людей: в опубликованном Радловым «Алтын Пыркане» (сагайск.) — Образцы, II, с. 89—138 — на помощь призываются семь голых мужчин, «живущих под землей, засунувших под мышку свои шапки» (с. 97), «души которых не может достать никто» (с. 124). А незадолго до этого из-под земли вызывается семиглавый Чэлбэгэ с медной палкой. Можно ли считать семерых голых его сыновьями? В алтайско-тувинских сказках неоднократно встречаются семеро детей джелбеге. Красный шарообразный предмет появляется только здесь. Возможно, в основе этого лежат представления, подобные тем, что существуют у памирских киргизов, согласно которым вместилище жизненной силы это нечто вроде темно-красной студенистой массы (ср.: Dor-Naumann, с. 58 и 50). Мотив голого в алтайско-тувинском фольклоре чрезвычайно редок. Его более точное назначение — прячет что-то под мышкой и сражается на стороне противника — совпадает с назначением семи голых мужчин в сагайском «Алтын Пыркане», следовательно, можно предположить, что первоначально в их основу легла одна и та же мысль.

Синий бык: он стоит над входом в нижний мир, там, где смыкаются земля и небо. В № 8 он также живет на севере и рога его достают до неба. Задача состоит в том, чтобы добыть его сердце и легкие как лекарство для симулирующей болезни матери героя (предлог для того, чтобы погубить его), на деле же они оказываются ядом. В этом контексте синий бык является также господином Синего озера (ТНС 1971, с. 45). В алтайской богатырской сказке «Алып-Манаш и Кюмюжек-аару» (Танзаган, с. 240) синий бык служит ездовым животным семиглавого дельбергена (дельбегена). Его пребывание над входом в нижний мир соотносится с местом, где живет дельбеген, — под землей (ср.: *Радлов. Образцы, II, с. 123*). В № 13 главному герою также принадлежит синий бык. В некоторых алтайско-тувинских сказках противником героя выступает богатырь Хёдээзинг Гёк Бёгези, имя которого иногда встречается и в форме: Хёдээзинг Гёк Бугазы — Синий бык степи — широкой страны (например, в № 13 и 10), иногда меняясь в пределах одного текста. В одном

варианте сказки № 15, рассказанной Б. Джоксумом 25 октября 1985 г., говорится о сватовстве героя к дочери Хёдээнинг Гёк Бугазы. Образ синего быка принадлежит не земному миру, а потустороннему.

В связи со скачками следует подчеркнуть один архаический элемент. О соперниках на скачках в качестве характеристики говорится, что «их груди хлопали». Если о противниках на скачках во время первого сватовства ничего больше не сказано, то во втором случае о наездниках противника говорится прямо как о «старых бабах», и как обращение употребляется «бабушка», и опять подчеркивается «хлопанье грудей». В аналогичных ситуациях иногда говорится о том, что вместе со скачущими бежит шулмусиха (как, например, в № 15, в монгольских сказках: Беннингсен, с. 91, в калмыцких: Ramstedt, с. 139), — возможно, это реликт скачущих наездниц. Укажу и на то, что в эпосе «Гесер» встречаются войска старых демонических женщин. В. Хайссиг (см. выше) видит здесь связь с раскопками, обнаружившими захоронения сотен женщин скифо-сарматской эпохи, погибших, очевидно, в борьбе.

Длинные груди, обе заброшенные на спину (ср. мотив F 531.15.1 и F 460.1.2) или одна заброшенная за плечо, а другая положенная у кромки пепла (*Porpe. Mongolische Volksdichtung*, с. 106—107), у монгольских, тюркских и маньчжурских народов (монголов, маньчжуров, различных алтайско-тюркских народов, киргизов) являются как бы характерной чертой старых демонических женщин, но иногда они встречаются и у демонических существ мужского пола (у чувашей, татар; см.: *Taube. Folkloristischer und sachlicher Gehalt*, с. 45 и примеч. 76). В нашей сказке нельзя однозначно сказать, были ли всадники с «хлопающими грудями» только женщинами.

Крайне интересен также мотив встречи с лисой. Там, где говорится, что эта лиса предсказывает будущее по луку и стрелам, описано, как именно она это делает: лиса «впилась зубами в нижний край колчана, вытащила одну из стрел, начала постукивать ею то с одной стороны, то с другой, и тетива лука стала издавать свистящие звуки. Постукивая стрелой, лиса при помощи лука узнавала будущее». Известно, что многие сибирские народы представляют себе шаманский бубен как лук (ср. терминологию шаманского бубна; например, металлический поперечник называется «тетивой»; см.: *Потанов. Лук и стрела*, с. 72), и, по всей вероятности, это представление более древнее, чем представление о бубне как о ездовом животном шамана, и одна из функций шамана — предсказание будущего — в древнейшие времена совершалась при помощи лука и стрелы (см. также: *Emshemer. Zur Ideologie der lappischen Zaubertrommel*). Наша сказка не только документирует этот интересный с точки зрения этнографии факт по отношению к алтайским тувинцам, но и является еще одним ярким доказательством этого архаического культурного элемента.

1 Место девятикратного перекрещивания перекладин круга дымового отверстия — наивысшая точка юрты. Круг дымового отверстия юрты тувинцев сомона Цэнгэл состоит из круглого обруча, снабженного дырами, в которые вдеаются концы жердей крыши и шесть изогнутых перекрещивающихся стержней, возвышающихся над кругом и центром юрты. Перпендикулярные друг другу стержни — три на три — образуют девять перекрещиваний.

2 Птичья сутра — текст, целью которого было толкование поведения и полета птиц.

3 Сушеный творог — творог из отходов молока, оставшихся после дистилляции водки; разделив творог на мелкие или крупные куски, его сушат на воздухе. Так он долго сохраняется и составляет значительную часть зимнего запаса продуктов.

4 См. примеч. 8 к сказке № 5.

5 Т. е. аорта (анат.), в переносном смысле — вообще жизнь. Разорвать ее — значит прервать жизнь, убить.

6 См. примеч. 2 к сказке № 2.

7 Серый холм согласия — в фольклоре стереотипное обозначение места встречи героев, съехавшихся на поединок.

8 Сказитель показывает на своем мизинце, какой он был маленький.

18. Почему рассказчику не следует заставлять долго просить себя (Тоолучу джүге джыгатпас)

Записано от руки от М. Хойтювека (45 лет), 6 августа 1967 г. в Онгаде.

Нем.: *Taube*, 1978, с. 216, № 40; *Taube*, 1977, с. 22.

Ср. ВСС 516*.

Распространение: каз.: (1) Сидельников, II, с. 159 (= Казиев, с. 125); ингушск.: (2) Мальсагов, с. 159, № 36; 4 варианта у белорусов и украинцев (по ВСС 516*).

Для понимания этой сказки важно учесть, что она основана на древних представлениях и вере в магическую силу и магическое воздействие изреченного слова. Об устойчивости древних традиций, когда пение было не самоцелью, а магическим

сростом поддержки общности, когда целью его было радовать духов, свидетельствует множество твердо установленных правил, соблюдающихся еще и сегодня. Так, у тувинцев сомона Цэнгэл совместное пение должно начинаться с определенной песни, по характеру величальной; первую песню должен начинать только старейший из собравшихся; песню нельзя прерывать и т. д. (ср.: Taube, 1980, с. 134—135). Такое пение выходило за пределы культового действия и становилось событием, связывающим людей в единое целое.

Нечто подобное происходило и при исполнении сказок. Им отводилась особая роль на охотничьих стоянках. Усладить духа-хозяина охотничьей стоянки и дичи рассказыванием сказок считали первой предпосылкой удачной охоты. В нашей сказке очень важна мысль, что человек не вправе отвергать то, что дано и предназначено ему свыше (ср., например с таким охотничьим обычаем: охотник должен застрелить все, что предлагает ему Алтай, он не должен, например, пренебречь зайцем, если вслед за ним вдруг появится более крупная дичь, скажем олень, а то его покинет охотничье счастье).

В казахском варианте в отличие от тувинского с самого начала говорится об обычае в ночь свадьбы, до того как жених с невестой вернутся в родительский аил, рассказывать друг другу сказки. Можно и в этом случае предположить, что первоначально целью рассказывания сказок было не просто развлечение присутствующих, а обращение к духам, например к местным духам того отрезка пути, который предстояло одолеть жениху с невестой. Жених нарушает этот обычай. Сестра невесты подслушивает на улице трех духов, грозящих в наказание погубить юношу, после чего сказка в принципе продолжается как тувинский вариант. Три духа — хозяйка сказок, две из которых точно названы — сказка о насекомых и сказка об оружии.

Интересны и славянские параллели: у восточнославянских народов есть соответствующий сюжет, не отмеченный у Аарне — Томпсона: верный слуга спасает барина от мести трех коляд (сказок). Здесь тоже три сказки мстят за то, что, рассказывая их в рождественскую ночь, барин засыпает. Можно предположить, что и тут речь идет не о рассказывании сказок вообще, в любой ситуации, а о рассказывании их при особых обстоятельствах, а именно в ночь под рождество, а стало быть, с определенной магической целью.

В ингушском варианте «Наказание тому, кто не расскажет сказки» хозяин дома отказывается рассказывать сказки пряхам, которые пришли в его дом, чтобы оказать ему принятую в сельской общине помощь (*белхи*), и ложится спать. Его сестра подслушивает разговор трех духов, стоящих в головах, сбоку и в ногах брата; из него следует, каким образом каждый из них собирается уничтожить на следующий день ее брата. (Наказание здесь мотивировано, пожалуй, социально: помощь жителей деревни не оплачивается здесь эквивалентом — рассказыванием сказок, как это принято; возможно, для восточнославянских вариантов следует принять во внимание подобный же аспект: на рождество хозяин обычно делает что-то для своих слуг, т. е. рассказывает им сказки). На следующий день сестра не покидает брата и тем самым предотвращает его смерть (она убивает охотничью собаку, плюет в ручей, отрезает рукав новой шубы брата); ответив на вопрос о причинах такого поведения, она превращается в камень. Брат узнает во сне, что оживить ее может только кровь его сына. Жена поддерживает его в решении совершить это для спасения сестры. Вернувшись домой, они видят, что сын опять жив и здоров. Это завершение сказки — выдача тайны, окаменение и оживление при помощи крови — связывает ингушский вариант со славянскими, в то время как в алтайско-тувинском и казахском вариантах вместо спасителя, выдавшего тайну, трем духам подsunута замена («Овечка сказала...» — мотив козла отпущения). Всем вариантам свойственно общее представление о том, что неполный рассказ или отказ от рассказывания достойны наказания, что это в конце концов недостаток почтения к духам, даровавшим умение рассказывать, и, стало быть, оскорбление. Монголами эта сказка неизвестна, и, по словам Д. Климовой (Прага), неизвестна она и западнославянским народам. Поэтому мы адресуем вас к выводам ученого А. Зеки Валиди Тогана, исследовавшего путевые записки Ибн Фадлана, который писал о наличии убедительных параллелей в культуре варягов и алтайских народов, контакты которых могли быть опосредствованы славянами. Видимо, контакты норманнов с тюрками в Восточной Европе, а возможно, и с северокавказскими народами относятся к временам куда более ранним, чем IX—X столетия (Togan, с. XXXIII).

19. Отгек Джуман (Отгек Джуман)

Рассказано 6 и 7 июля 1969 г. в Остуге Б. Самдыном. Начало записано на магнитофоне, потом магнитофон вышел из строя, и вторая часть записана от руки. Еще один вариант я записала 1 ноября 1985 г. вблизи центра сомона Зуун бурэн от Б. Устээнэ.

Нем.: Taube, 1978, с. 126, № 29.

Ср.: AT 530; ср. AT 502, 510; ср. AA 530A; KHM 21, 136; BP 1 165; III 94; MMT 218B; TTV 60, 206, 257; Liungman 510A (?).

Распространение: тув.: (1) TTV, с. 121; (2) TT VI, с. 55; (3) TT VII, с. 60; (4) THC II, с. 60; (5) THC 1971, с. 106; уйг.: (6) Uig. VM, с. 16; узб.: (7) Шевердин, II, с. 26 (1-я часть); куманд.: (8) Баскаков. Дialect кумандинцев, с. 160; сартск.: (9) Jungbauer, № 6; чувашск.: (10, 11) Serow, с. 34 и 93; калм.: (12) Jülg. Kalmückische Märchen, с. 30; монг.: (13) Jülg. Mongolische Märchensammlung, с. 164; бурятск.: (14) Баранникова, с. 240 (еще один вариант — в MMT 218B); тибетск.: (15) CHK M, с. 157; дунг.: (16) Дунг HC, с. 79, № 9; болг.: (17) Leskien, с. 21, ср. № 20.

Этот тип, родственный сказке о сивке-бурке восточных славян, представлен, пожалуй, особенно широко у тюркских народов.

Узбекский вариант, представляющий собой первую часть сказки, до свадьбы во многом совпадает с нашей версией. Правда, испытания претендентов отличаются друг от друга, что объясняется различиями среды, в которой они происходят; обычным трем состязаниям мужчин в нашей сказке здесь соответствует трехкратная попытка проскакать на коне по лестнице в сорок ступеней до павильона, расположенного на стене дворца, выпить воды из чаши, поданной принцессой, сняв при этом с ее пальца кольцо. Далее следуют поиски обладателя кольца посланцами короля.

Уйгурская сказка о сыне пастуха содержит характерные мотивы в привычном сочетании с описаниями прежде всего снаряжения юноши на борьбу с драконом и наделения его разномастными конями, собаками и разноцветной одеждой, что он находит в саду своего приемного отца под камнями соответствующих цветов. Находка снаряжения в уйгурском варианте совершенно не мотивирована. Следы мотива, связывающего эту сказку с «Отгек Джуманом», можно найти лишь в замечании, что платья находятся под камнем (в алтайско-тувинском варианте — на скале). Но есть и другие признаки того, что несколько избыточное вступление уйгурского варианта восходит к вступлению, подобному «Отгек Джуману»: сначала там говорится о том, что одна женщина умирает незадолго до родов, а позже в яме у ее могилы находят мальчика, которого берет к себе один человек. Этот мальчик и становится героем сказки.

В версии Б. Устэна, которую он назвал «Три зятя хана» («Хааннынг үш гүдеези»), уже по заглавию видно, что здесь центральное место принадлежит второй части сказки типа «Отгек Джумана»: пастуха, сватающегося к дочери Ай Хаана (Хаана Луны), в противоположность двум другим зятям-охотникам презируют; возникает ассоциация с презрением лесных охотников к кочевым племенам, что выражается, например, в предостережении матери, рисующей дочери кочевую жизнь как нечто ужасное (ср. Абу-л-Гази по кн.: Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I. Wiesbaden, 1963, с. 543). Затем следует мотив о вкусном мясном блюде презренного зятя и невкусном — зятьев, которых ему предпочли (ср. № 20). К нему примыкает комплекс мотивов о пропавших жеребцах (их похитила мифическая птица Хан Херети, но из благодарности за спасение своих птенцов передает их герою, чтобы он мог возратить их), о злокозненности зятьев, сначала присвоивших себе этот подвиг. Немотивированное появление зятьев в нашем № 19 предполагает знание приведенного не полностью мотива.

Тувинский вариант (5) в деталях отличается от нашей сказки: вместо отца, готовящегося к смерти, на помощь разоренному младшему из братьев является белобородый старец (позже юноша называет его отцом — возможно, это реминисценция к первоначальному мотиву завещания умирающего отца); об образе белобородого старца, играющем важную роль в фольклоре народов Центральной Азии, особенно в фольклоре монголов, см.: Tucci — Heissig, с. 383; Taube. Folkloristischer und sachlicher Gehalt, с. 234. Когда юноша хочет последовать за своими братьями в верхний мир (у перехода — железный тополь!), двое лам пытаются преградить ему путь — еще один признак характерного для этого варианта социально-критического аспекта. Юноша попадает к хану верхнего мира и объясняет свое вторжение тем, что он ищет определенного верблюда (у народов Центральной Азии это излюбленная аллегория сватовства). Он чудесным образом узнает свою невесту (его стрела попадает в сапог ханской дочери; ср. русскую сказку о Василисе Прекрасной), затем выполняет чудесную задачу, убив по ту сторону кипящего моря мифическую птицу Хан Херети, похитившую жеребцов хана (ср. № 20), и наконец получает в жены принцессу. Он посылает злых братьев своим великодушием, возвращается с невестой на родину, где извлекает из скалы спрятанный им туда скот.

Кумандинский вариант (8) кончается свадьбой. Как и многие сказки, опубликованные Баскаковым в 1965 и 1972 гг., этот вариант демонстрирует сильное влияние русской сказки (здесь ханская дочь сидит в высоком тереме и выйдет замуж за того, кто допрыгнет до нее на коне; впрочем, может быть, в русской сказке это мотив восточного происхождения? Ср. лестницу в сорок ступеней к павильону, в котором сидит принцесса). Вторая часть нашей сказки во многом соотносится с № 20.

У сказки «Оттек Джунан» наряду с характерными элементами из гримировского «Железного Ганса» есть много общего с «Золушкой» [помощь мертвого родителя в трехкратном снаряжении, обстоятельства отъезда на состязание и праздник, трехкратный успех, нахождение партнера для дочери хана (или королевского сына)] — все это выглядит как мужская версия знаменитой сказки].

1 Epitheton ornans сильной лошади.

2 См. примеч. 1 к сказке № 2.

3 См. примеч. 4 к сказке № 5.

4 «Быть синим быком» означает «быть последним».

20. Лягушонок (Пагаджак)

Записано от пастуха Сарыг Дюгера 10 июля 1969 г. в Оруктуге.

Нем.: Taube, 1978, с. 158, № 33.

Ср. АТ 425, 433В, 550; ср. ММТ 173А (I—III); ср. ТТV 72, 85, 206, 257; ТCV 43; ср. ВСС 430 + 530А; КНМ 28, 57, 97, 108; ВР I 260, 503, II 394, 482.

Распространение: тув.: (1) ТТ VI, с. 55; (2, 3) ТТ VII, с. 60 и 232; кирг.: (4) КиргНС 1972, с. 116; узб.: (5) Швердин, II, с. 111; каракалп.: (6) Reichl, с. 67; туркм.: (7) Erberg, с. 116; тара-татарск.: (8, 9) Радлов. Образцы, IV, с. 146 и 397; сартск.: (10) Jungbauer, № 7; монг.: (11) МонгААЗД, с. 153; (12) Беннигсен, с. 94; (13) Ramstedt, с. 120, № 17 (= Heissig. Mongolische Volksmärchen, с. 204, № 47); монгорск.: (14) Тодаева. Монгорский язык, с. 221; (15) Mostaert, Textes, с. 55; тибетск.: (16, 17) Chophel, с. 106, 143; (18) Tib. M., IV, с. 96; (19) Folk Tales from China, I, с. 5; (20) СНК М, с. 157; дунг.: (21) Дунг НС, № 5; бирманск.: (22) Esche, с. 45; кампуч.: (23) Gaudes, № 26; белорусск.: (24) Barag, № 26; ср. № 19.

Один из тувинских вариантов (3), монгольский (12), калмыцкий (13) и варианты из района Ордос (14, 15) очень близки к первой части (до женитьбы) нашей сказки. Здесь требования хана — сооружение золотого моста от юрты к юрте, трех замков и т. п. (12, 13), выстилание своей юрты, юрты хана и дороги, ведущей от одной к другой, белым шелком [ср. бирманский вариант (22), где этот комплекс мотивов связан с элементами нашего № 28]. В тувинском варианте (3), в котором герой с самого начала выглядит человеком, комплекс мотивов, связанный со сватовством (сватающегося отца трижды убивают, пепел его отсылают домой на быке — так и у калмыков и узбеков; чтобы жениться, следует выполнить определенные требования), перенесен в сказку о благородных животных, отыскивавших волшебный драгоценный камень. Так же соотносится с № 24 и сказка «Бор ашгыяктынг оглу пагаджак оол», записанная от Б. Устэна 1 ноября 1985 г. Рассказчик начинает ее вводными мотивами «Лягушонка», за которыми следуют торговля, спасение зверей и пр. Этим она похожа на монгольский вариант (14) Тодаевой и тибетский (18), в конце которых выразительно говорится о том, что если в мире и есть недостатки, то только потому, что кожу сожгли слишком рано, т. е. в облике лягушонка являлся спаситель.

Упомянутая калмыцкая редакция (12, 13) продолжается как АТ 425. Здесь ребенок стариков, серо-голубая шкурка, на самом деле оказывается младшим сыном Хормуста (Курбусту). В тувинском варианте дитя, которое рождается после большого перерыва у глубоких стариков, на самом деле тоже сын Курбусту Хаана. Тувинские варианты (1) и (2) подходят на нашу сказку во второй своей части; а) мотив охоты зятя; б) заколдованная охотничья добыча (мясо коня, а потроха вкусны); в) исчезновение жеребцов; г) спасение птенцов Хан Хереги; д) коварство зятя. В сартском варианте (10) пункты в — д связаны с сюжетом «Беген Сагаан Тоолая» (ср. № 5). В конце варианта (2) зятя осуществляют свой коварный план и наказаны за это. Иначе в варианте (1): сначала герой умирает от ядовитой змеиной крови; чтобы оживить героя, его конь доставляет к нему с неба его сестер (ср. № 11) и возвращает украденных лошадей. Зятя показывают хану фальшивые знаки, герой освобожден с помощью своей жены, и божий суд, выраженный в полете стрелы, решает, кто хороший зять (у злых стрела возвращается к стрелку); затем следует эпизод поисков ханского жеребца, сюда входит встреча с богатырем, который хочет жениться на жене героя, и борьба с ним, и завершается все побратимством обоих соперников (ср. заключительный мотив № 7).

Мотив возвращения унесенных Хан Херети жеребят содержится в «Даш-хюрен аьтыг Тана-херел», [Чыынды чогаалдар, цит. по: Гребнев, с. 13, ср. также вар. (10)]. Сюжет второй части нашей сказки содержится и в монгольском героическом эпосе. Тибетский вариант (19) представляет собой нечто среднее между № 19 и нашей сказкой: герой рожден лягушкой, но сватается сам (как во всех тибетских вариантах); характерным мотивом является то, как он добывается согласия на женитьбу: он смеется так, что все трясется, плачет так, что все затопляется, и к тому же еще прыгает так, что рушатся все дома. Когда он уже живет вместе с младшей ханской дочерью, он без ее ведома принимает участие в осенних играх хана, и, к ее удив-

лению, ему известен весь ход праздника [ср. в монгольском варианте (14) посещение представлений театральной труппы]. Поэтому на третий год жена возвращается с игрища прежде времени, находит лягушачью шкуру и сжигает ее. Необычен конец тибетского варианта: жена не может выполнить трех условий, необходимых для того, чтобы герой остался жить (без лягушачьей шкуры он замерзнет), так как отец задерживает ее, и герой умирает. Чаще после разлуки становится возможным соединение, например с помощью ламы или Белого старца (13) или по исполнении чего-то вроде искупления: искать его, пока железная палка не станет с иглу, пока не пронесутся железные башмаки (5, 6); ср. также № 21. У тибетцев вместо сожжения шкуры введен мотив убийства жены и мотив подsunутой вместо нее женщины (который мы встречаем у тувинцев в № 29); из пруда, в котором старшие сестры топят младшую, вырастает грецкий орех (плоды этого дерева сладки для всех и только для сестер горьки); пепел этого дерева, развеянный по полю, становится ячменем (каша из него сладкая, сестрам горькая); из озера, в котором они топят ячмень, поднимаются ласточки, и одна из них рассказывает обо всем принцу-лягушонку.

Сказка о лягушонке распространена по всему району Центральной и Средней Азии и особенно часто встречается у тюркоязычных народов и тибетцев, здесь сын двух стариков почти всегда лягушонок (как в монгольских вариантах из ордосской области); у каракалпаков это лис (ср. мотив принятия лисенка в сыновья в сказках № 47, 48), у монголов — серо-голубая шкурка. Несмотря на различие требований, предъявляемых отцом невесты, можно наблюдать относительное единство традиции. Тибетские варианты имеют некоторые особенности (отказ от мотива убийства отца, выступающего сватом; сватовство, осуществляемое самим героем; запугивание царя смехом, слезами и прыганьем).

К этому сюжету см. коммент. Б. Л. Рифтина к № 5 в ДунгНС. С. Ю. Неклюдов любезно обратил мое внимание на то, что эпосом на этот сюжет является алтайский «Когутей» (см.: Алтайский эпос Когутей. М.— Л., 1935).

21. Хан с двенадцатью женами (Он ийи гадынныг хаан)

Записано от 69-летней Ноост 7 июля 1969 г. в Остуге.

Нем.: Taube, 1978, с. 154, № 32.

Ср. АТ 707 и АА 707; ММТ 138А и В; ТТV 239; ТCV 33, 53; КНМ 96; ВР II 380; ВСС 707; Liungman, 707.

Распространение: тув.: (1) ТТ II, с. 127; (2) ТТ IV, с. 111; (3) ТНС 1971, с. 13; (4) ТНС III, с. 95; нем.: Taube, 1978, с. 146, № 31; (5) *Калзан*. О фольклоре, с. 305; (6) *Потанин*. Очерки, IV, с. 343 (в № 84); (7) с. 600, № 181; тофалар.: (8) Шерхунаев, с. 283 (последняя часть); туркм.: (9) Erberg, с. 105; кирг.: (10) Богданова, с. 105; (11) КиргНС 1981, с. 96; каз.: (12) КазНС 1979, с. 35; монг.: (13) МонгАУ, с. 133; (14) ААЗЭ 1948, с. 44; (15) ААЗЭ 1956, с. 104; (16) Ganžuržav, с. 14; (17) МонгААЗД, с. 170, № 46; (18) МонгС 1962, с. 120; (19) МонгС 1966, с. 142; (20) Halén, II, с. 21, № 29; (21) Halén, II, с. 27, № 30; (22) Minjian wenxue, 1961/2, с. 52; тангут.: (23) *Потанин*. Украина, II, с. 186, № 23; кавк.: (24) Ditt, с. 42. Ср. № 32.

Этот весьма распространенный в тюрко-монгольской среде сюжет использован А. С. Пушкиным в «Сказке о царе Салтане». Отдельные его варианты наглядно демонстрируют, сколь различно мог выглядеть основной сюжет на разных этапах традиции. В противоположность данной сказке в других тувинских вариантах (4, 7) та часть сказки, в которой рассказывается о том, как хан добивается склонности своего сына, существует как самостоятельный эпизод. В разных вариантах число жен различно: сначала у хана нет ни одной жены или есть одна, две, три, двенадцать или сто восемь жен; младшая или последняя всегда приносит ему сына, двух сыновей, сына или дочь или трех сыновей (обычно с особыми признаками: золотой грудью, серебряной спиной, золотыми или серебряными ногами). При этом определенную роль играет мотив обещания, данного женой перед отъездом хана на охоту (например, в вар. 4 и 5) или случайно подслушанного им еще тогда, когда он искал себе невесту [например, в вар. (2 и 17); тогда он и женится именно на той девушке, которая обещает подарить ему детей особого рода].

В нашем варианте, в котором мотив множества уже имеющихся жен связан с подслушиванием девушек, подслушанное не содержит определенного обещания, речь идет лишь о надеждах трех сестер и их представлениях о ценностях: две из них мечтают обрести с супругом благосостояние и богатство (необходимость трижды в день выносить пепел является символом изобильной жизни, как и горы принесенной с охоты дичи), а младшая мечтает о готовности жениха перенести ради нее трудности, т. е. в конечном счете о любви, — построение мотива не совсем обычное.

Во всех вариантах, кроме (19), вместо ребенка подбрасывают щенка, хотя судьбы похищенных детей и различны: детей или пускают в ящике по воде [наш № 21,

вар. (3, 4, 5) и др.] или кидают скоту и собакам, которые не причиняют им вреда, а греют и охраняют их (вар. 4); в варианте (23) ребенка зарывают, над ним распускается растение (этот мотив отсылает нас к сказке Юго-Восточной Азии — ср.: Gaudes, № 49), его съедает овца и приносит ягненок, который кричит «Мать» — и требует, чтобы его закололи, тогда он снова возродится в облике маленького ламы и раскроет обман ханши, хитростью занявшей место отвергнутой. Затем младшую жену изгоняют, иногда ослепленную и с перебитыми членами [вар. (4, 5)], так что открывается возможность мотива излечения по аналогии (ср. № 5 и его варианты). Но и в этом комплексе один из вариантов — (19) — остается своеобразным: мальчика бросают собаке и корове, корова проглатывает его; излечение женщины совершается по примеру слепого журавля, лисы без передних лап и зайца без задних. В пустыне корова телится и приносит мальчика. Песню, которую поет мать, обрадованная этим событием, степной ветер доносит до старших ханш. Тогда они сказываются больными и требуют в качестве лекарства сердце ребенка с золотой грудью и серебряной спиной (их «излечивают» при помощи собачьего сердца).

Если монгольский вариант (21) представляет собой сильно редуцированную версию, другие варианты (12, 20) представляют собой более широкое развитие сюжета. За воспитанием детей приемными родителями здесь следуют дальнейшие приключения (добывание волшебных предметов и чудесной невесты — с использованием многих соответствующих мотивов), которыми две завистливые сестры стремятся воспользоваться для того, чтобы все-таки погубить детей младшей. Казахский вариант (12) содержит, кроме того, мотивы из № 19 [завешание отца (приемного отца) и снабжение сына (приемного сына) конем в богатой сбруе у места, где погребен труп отца].

Вариант (5) представляет собой вступительную часть версии о Бокту-Кирише и Бора-Шээлей (ср. № 11), которая в расширенной форме была рассказана И. С. Шириненом: три сестры, спасаясь бегством от мангыса, встречают трех ханских сыновей и выходят за них замуж. Выполняя свое обещание, младшая рождает мальчика и девочку — у обоих золотая грудь и серебряная спина. Искалеченная и изгнанная, она находит со временем своих детей на берегу далекого моря, где их воспитал владыка моря. Они получили имена Бокту-Кириш и Бора-Шээлей. На такую же контаминацию (№ 21 и 11 нашего сборника) указывают некоторые особенности варианта (2): детей, спущенных на воду в ящике, находит охотник; брат отправляется на состязания, предшествующие сватовству, и после состязаний Курбусту Хаан превращает его в камень; сестра отправляется туда же, принимает участие в борьбе и в качестве награды требует оживить ее брата (ср. № 11). Мотив превращения брата в камень Тасшиларом, отцом девушки, к которой сватаются, встречается в казахском варианте (12), где избавление от чар и свадьба совершаются благодаря вмешательству приемного отца. Наша сказка включена в фавулу еще одного варианта № 11 нашего сборника (ТТ II, с. 127), — правда, в другой последовательности. Тувинским вариантом (3) является третья и последняя часть трилогии — история внука главного героя Тевене Мёге Баатыра. Весьма разнообразен вариант (8), записанный Катановым и опубликованный Шерхунаевым; он отличается от других и своим характером: старший бог хочет жениться и выбирает младшую из трех сестер, обещающую родить двух сыновей: одного — с золотой, а другого — с обычной человеческой грудью. Двух мальчиков, родившихся сначала, помогающая при родах бабка отдает богачу, заменив их собачками. Когда рождается обычное дитя человеческое, бог, считающий себя обманутым, бросает мать и ребенка, зашив их в бычью шкуру, в море. Они спасаются и поселяются на берегу моря. За свою шапку из травы сын получает волшебные предметы (топор, который сам строит юрту; укрыю, защищающий от трехсот солдат бога; мешок, который кормит). Он побеждает солдат бога, освобождает братьев, оказавшихся великанами, от богача. Выкормленные матерью, они становятся обычными людьми — бог остается без детей и без солдат.

Интересен и очень древний элемент сказки — фигура властительницы судьбы с лицом, испещренным глубокими морщинами, которая сгребает воду и камни и заставляя хана искупить грех своих нечеловеческих поступков (таким образом осуществляется и желание младшей сестры, высказанное в начале сказки) и лишь затем возвращает ему жену и детей. Она живет по другую сторону моря, что направляет внимание на те варианты, в которых дети воспитаны владыкой моря.

Образ властительницы судьбы сочетает в себе черты божества земли (ср. внешнее сходство и сходство функций с тибетской Матерью всех Сабдагов, которую называют и Хранительницей земных врат или Старой матерью гневной — см.: Мифы народов мира, «Тибетская мифология» и «Сабдаг») и богов-демиургов (ср. сгребание камней, земли и воды; у сагайцев с помощью этой манипуляции девять создателей сотворяют героя — *Радлов*. Образцы I, с. 154). Связь подобной деятельности с управлением судьбой, как в этой сказке, наличествует и в узбекской сказке «Хузнобад» («Волшебный рубин», с. 7), где рассказывается о старике с седой бородой, который «достает из воды камешки, что-то ищет на них и снова бросает в реку...» и

при этом говорит: «Я людям судьбу определяю»). Здесь тувинская сказка, несомненно, отражает архаические представления, присущие очень ранним слоям общей культуры народов Центральной Азии (подробнее об этом см.: *Taube. Auffällige kulturelle Parallelen*, и в Предисловии).

22. Мальчик с тысячью буланных лошадей

(Вариант I)

(*Мунг хоор джылгылыг оолак*)

Записано от 69-летней рассказчицы Ноост 7 июля 1969 г. в Оруктуге.

Нем.: Taube, 1978, с. 268, № 54.

Ср. АТ 315А II-IV, 316; ср. ТТВ 220; ср. ММТ 111 (I-IV); АА* 313 I, 314.

О распространении и пр. см. коммент. к № 23, который является расширенным вариантом этой сказки.

1 См. примеч. 2 к сказке № 3.

23. Мальчик с тысячью буланных лошадей

(Вариант II)

(*Мунг хоор джылгылыг оолак*)

Рассказано Ч. Галсаном (III. Джурук-уваа), 23 лет, 17 сентября 1966 г. в Улан-Батаре; записано им же.

Нем.: Taube, 1977, с. 85.

Ср. АТ 316 I, 315А II-IV; ТТВ 220; ММТ 111 (I-IV); ср. ВСС 313А; АА 313*, 314.

Распространение: тув.: (1) = № 22; Маг. Т.; (2) «Гезер Базар ийи тайга» (магнитофонная запись Якоба Таубе от 36-летнего Дэмбининг Байыра 23 июля 1982 г. в Хойбаштыге); (3) ТТВ, с. 197; (4) ТНС II, с. 106; (5) ТНС 1971, с. 112; (6, 7) *Радлов*. Образцы, IX, с. 10, № 150, с. 158, № 1319 (оба урянхайские, сойонские); (8) Катанов, с. 1011; (9) *Потанин*. Очерки, IV, с. 341, № 84, 1-я часть (урянх.); алт.: (10) Алтайские сказки, 1974, с. 78; кирг.: (11) КиргНС, с. 123; каз.: (12) КазНС 1979, с. 139; уйр.: (13) Казиев, с. 49; узб.: (14) Швердин I, с. 155; туркм. (15) Erberg, с. 123; башк.: (16) Goldene Schale, с. 194; монг.: (17) *Потанин*. Очерки, IV, с. 348, № 85 (дёрбет.); (18) МонгААЗД, с. 143, № 29; (19) Санжеев, с. 69/96 (дархат.); (20) АУБ II, с. 18; (21) МАУД, с. 138; (22) ААЗ, с. 38; (23) *Porpe. Khalkha-mongolische Grammatik*, с. 158; (24) *Minjian wenxue*, 1962, № 6, с. 11; (25) МонгС 1966, с. 167; (26) *Róna-Tas*, с. 171 (даргинск. = нем. *Heissig. Mongolische Volksmärchen*, с. 117, № 40); бурятск.: (27) Баранникова, с. 185; тибетск.: (28) Schuh, с. 1, № 2. Ср. № 14.

Эта сказка является расширенной редакцией версии, рассказанной исполнительницей Ноост [вар. (1)]. Если в № 23 у лошади во время бегства отбивают — одну за другой — все ноги и в конце концов отскакают туловище [ср. вар. (2, 3, 17, 19, 25)], а голова коня забрасывает мальчика на железный тополь [ср. вар. (18)], то в варианте (1) он загодя спасается на серо-голубой корове. После того как другие птицы отказывают герою в помощи, так как он когда-то насмеялся над ними [ср. также вар. (17)], ему помогает орел, ибо он тоже «существо мужского рода», а в варианте (1) — огарь — птица, характерная для среднеазиатских озер. Одна из собак героя в борьбе с джелбеге теряет ногу, ее не берут с собой. Оскорбленная этой неблагодарностью, она дает клятву в следующий раз родиться на горе людей волком [так же и в вар. (2)]: «позади тебя осой и волком, впереди тебя буду я алмыс-шулмус» или в вар. (3), где, как и в варианте (5), противник — мангыс. Ср. также вар. (10). В спиливании дерева джелбеге «помогает» лисенок. Пока она смотрит, он пилит зазубренной стороной палки-кожемялки, когда она спит — тыльной стороной. Под конец лисенок заклеивает ей глаза и забрасывает палку-кожемялку в море, ср. варианты (2) (два марала), (3), (16), (18), (19) — всякий раз три разных лисы; относящаяся сюда стереотипная формула: «Это была не я, а другая лиса» напоминает подобные формулы в тибетских сказках (5) (здесь — лягушка и лиса). В трех монгольских вариантах — (17), (18) и (25) — юношу ловит шулмусиха; он просит помощи у верблюда, собаки, лошади и других животных, сначала напрасно, так как когда-то он насмеялся над ними (так же как и в нашем варианте); в конце концов помогает бык. В некоторых вариантах далее следует чудесное спасение, например, в (5), (9), (17), (18) (точильный камень, обломок гребешка и игла превращаются в скалу, лесную чащу и железный тополь), (19) (игла становится морем), (24) (жемчужина старшей сестры становится морем), (9) (также гребень и точильный камень), (17) (белый камень и набранная в рот вода становятся каменной степью и морем), (25) (овечий навоз заклеивает глаза, нос и рот джелбеге, она запутывается в кишках, прожеванная пища попадает ей в лицо). Возможно, железный тополь в

варианте без чудесного спасения является реликтом этого мотива, как на то намекается в варианте (5) (игла становится железным тополем). К концу бегства следует преодолеть водное пространство (8, 9, 17, 25). В одном из урянхайских вариантов — (9) — герою помогает перебраться через реку бобер (мальчик находит его красивым, его преследовательница называет его уродом, и бобр устраивает так, что она падает в воду); в некоторых монгольских вариантах (17, 19, 25) на вопрос джелбеге, как она сможет переправиться на другой берег, следует ответ: «С камнем на шее» или «С взрезанным животом». (Обо всем этом комплексе мотивов чудесного бегства см.: Jungbauer, № 8). Отзывчивый бык (17) или (и) бычок [вар. (18, 19, 25)] требуют, чтобы их убили, и они или их члены превращаются в скот, юрты, богатые пастбища и в красивых женщин.

Урянхайский вариант (9) является контаминацией наших № 22, 21 и 19, 20: здесь героини — три девушки; убежав от джелбеге, они сидят на дереве, их находят три охотника и женятся на них; одной из пар довелось пережить то, что пережил хан и его младшая жена в № 21.

Вариант (8) построен иначе: отец, преследуя соболя, загоняет его на высокое дерево, на котором сидит чылбыга (= джелбеге). Он хочет сам вернуться к ней, но вместо него к ней отправляется его сын, задерживает ее вопросами и ответами и прогоняет ее [ср. вар. (7)]; она цепляется за иву и взлетает на луну, где до сих пор и сидит. Такому построению сюжета близка сказка «Долоон настай хүү» (из МонгАУ 1965): здесь за типичным началом (отец предлагает сына, чтобы не приносить в жертву себя самого или своих лошадей) следует диалог, в который оказывается вовлеченным сын мангыса, в конце которого на определенной реплике его убивают стрелой из лука.

Тувинский вариант (5) кончается состязаниями, победитель которых получает невесту. Об альтернативе: кто должен быть съеден — животное или человек — см.: Schröder, с. 97, IV.

Среднеазиатские варианты, относительно самостоятельные, отличаются прежде всего тем, что встреча сына со старой ведьмой происходит не по воле отца, а сама собой [вар. (11, 13, 14)]. Иначе в казахских вариантах (12 и том, который входит в «Эр Тестюк», ср. коммент. к № 14). Здесь этот мотив соотносится с тремя тувинскими вариантами с Алтая. Самостоятельный казахский вариант (12) содержит некоторые элементы сюжета «Эр Тестюка» / «Бай Назара»: младший из двух сыновей, который был богатырем, ищет новую стоянку. На берегу озера, где хорошее пастбище, стоит старая ведьма (Мыстан), которая грозит съесть его самого или белую верблюдницу. Хотя он рассказывает об этом отцу, тот велит переехать туда. Утром оказывается, что исчезла белая верблюдница (ср. джелбеге у Соляного колодца, нарушение запрета на ночевку, исчезновение белой кобылицы в № 14). Только теперь следует мотив о принесении в жертву сына (оставляется оружие). Сын уничтожает старую Мыстан и трех ее сыновей (ср. в № 14 уничтожение сына джелбеге Шойунг Гулака).

Широкое распространение сказки этого типа породило множество вариантов, но большая их часть, в том числе и алтайско-тувинские варианты, четко сохраняют основную структуру типа, который, очевидно, можно отнести к древнейшим слоям культуры, общей еще для тюркских и монгольских народов. Фигура джелбеге относится к древнейшим персонажам тюркских сказок (см. рецензию P. Zieme на кн.: Taube E. Tuwinische Volksmärchen. — OIZ, 1981, с. 416). То, что джелбеге, которая часто живет под землей или у входа в нижний мир, всегда пытается спастись бегством на дне водоемов (ср. также демона в конце сказки № 17), что она часто всплывает из воды (как нечто, что несется по воде), может быть, указывает на то, что этот мифический персонаж был некогда связан с водой, так как элемент, наиболее близкий подобному существу, всегда предоставляет ему наиболее верное убежище.

1 См. примеч. 2 к сказке № 3.

24. Старик Эндз Дендз, или Юноша с собакой, кошкой и рыбой (Эндз Дендз ашгыяак ийикпе ыт мыс балык уштуг оол)

Магнитофонная запись сказки, рассказанной Д. Оролмаа, дочерью Делёёна, произведена 29 августа 1966 г. в центре сомона Цэнгэл.

Нем.: Taube, 1978, с. 166, № 34.

Ср. AT 200, 554, 560B; ср. AA 560; ср. TTV 58; MMT 25 C; ср. Grimm, 1913 II № 18; ср. Liungman 560.

Распространение: тув.: (1) Mat. T. 1967/8 (= № 25); (2) Mat. T. 1982/5 («Дондаабом», рассказано 29-летним Д. Джанджыржабом); (3) Mat. T. 1982/9 («Оскюс-оол», рассказано Б. Семби); (4) Mat. T. 1985/6 («Бор ашгыяктынг Пагаджак оол», рассказано Б. Устэоном); (5) TT VII, с. 60; алт.: (6) Радлов. Образцы, I, с. 188 (те-леут.); каз.: (7) Balbазs, с. 138; (8) Сидельников, с. 148; кирг.: (9) КиргНС 1981, с. 54; сартск.: (10) Jungbauer, № 3; узб.: (11) Wunderblume, с. 127; монг.: (12) AA3Э

1984, с. 47; (13) МонгАУ 1969, с. 17; (14) МонгС 1966, с. 248; (15, 16) Hålen, II, с. 66, № 38, с. 78, № 40; (17) Бомбүүлей, с. 17; (18) Амстердамская, с. 8/38; (19) Nasunbajar, с. 77—92 (дунсян. = нем. *Heissig*, *Mongolische Volksmärchen*, с. 81, № 16/2); (20) Тодаева, 1985, с. 37—39 (хорчин.); (21) Санжеев, с. 71/98 (дархат.); калм.: (22) *Jülg*, *Mongolische Märchensammlung*, с. 147; (23) КалмС 1982, с. 114; бурятск.: (24, 25) Баранникова, с. 345, 353; тибетск.: (26, 27) Tib. M. I, с. 108, 122; (28) Tib. M. IV, с. 119; (29) Chophel, с. 98; (30) Hoffmann, с. 69; (31) *Bräutigam*, с. 142.

Этот тип относится к весьма распространенным и популярным в Центральной Азии сказкам о женитбе на девушке чудесного происхождения. Очень часто это дочь владыки моря (герой спасает ее или ее брата от опасности и в благодарность получает ее при помощи чудесного предмета); он тесно связан с № 26 (см. коммент. к № 26).

Во многих вариантах этого типа герой отправляется на базар и покупает за неправдоподобно высокую цену дитя Лузут Хаана в облике рыбы и еще двух животных, за что его родители и изгоняют его вместе с животными (к мотиву о человеке, совершающем неразумные поступки, ср.: *Ramstedt*, № 1). Центральным мотивом типа является, очевидно, различное число мешочков [часто — мошонок баранов, забытых для пира в честь рождения героя, например в вар. (1)], наполненных золотом или серебром, накопленным родителями для поддержки сына. Интересна трансформация этого мотива в киргизском варианте, где герой покупает на родительское наследство собаку и кошку; изгнанный из дома, он работает у муллы, который расплачивается за его труд мешком песка. Этим песком он тушит загоревшийся камыш и так спасает дочь Лузут Хаана. Такое же реалистическое обоснование имеется и в казахском варианте (8), где покупка животных (кошки, орла, собаки) обосновывается практической надобностью (для ловли мышей и помощи в охоте). Ящичек, который во многих вариантах является наградой владыки моря, здесь результат четвертой торговой сделки, в нем оказывается змея, которая сразу же сама благодарит своего спасителя, подарив ему волшебный камень.

В обоих этих среднеазиатских вариантах отсутствует первоначальный характер тувинских вариантов, за основным мотивом следует комплекс мотивов нашего № 20 («Лягушонок»), который встречается в том же контексте и у монголов [вар. (15)]: дерзкое требование героя к родителю (или к старикам, у которых он живет) просватать за него ханскую дочь (причем свата убивают, но он оживлен лягушонком). В среднеазиатских вариантах условия хана выполняются волшебной силой кольца или камня, в тувинской сказке — самого лягушонка. Связи с алтайско-тувинской сказкой о лягушонке подчеркиваются еще и тем, что тувинский вариант (4) того же названия, что и № 20, начинается так же, как и № 20, и героем его является сын-лягушонок.

Мотив загоревшегося камыша в киргизском варианте (9) указывает на № 2 и 3 (по происхождению родственные сказкам рассматриваемого типа и № 26), где детей Лузут Хаана в обличье змей спасают от преследующего их огня. То, что здесь имеется в виду не просто степной пожар, хотя конкретный прообраз изображения этого мотива и следует искать именно в этом явлении, столь характерном для степных районов, явственно следует из № 2 (ср. также и № 35). В основе мотива лежит представление об огне как естественной угрозе змеям — представителям водяного мира. Отражение еще одной ситуации, в которой необходима помощь, мы находим в тибетском и монгольском вариантах, где спасают белую змею от черной [вар. (29, 19)] или одного из борющихся между собой владык от другого. Обстоятельства, связанные с награждением героя, — то, как он попадает в морское царство и возвращается оттуда, и что он там видит — во многих вариантах совпадают. Предмет же, который он должен попросить, — тот, что даст ему неожиданно-негаданно жену, скот и прекрасную стоянку, — меняется в зависимости от того, к какой группе принадлежит носитель традиции: красный или золотой ящичек (во всех тувинских вариантах, а также в № 2 и 3 и в некоторых монгольских), кольцо [киргизский вариант (9) и некоторые монгольские варианты]; у тибетцев это чаще всего собака и шерстяное одеяло или шерстяной канат [вар. (29, 27)], красная сука, кольцо и цветок [вар. (26)].

Так или иначе, во всех алтайско-тувинских вариантах (и в № 28) фигурируют два охотника, рассказавшие хану о красоте жены героя [трансформация волшебного мотива унесенного ветром портрета (ср. № 26) или волоса — вар. (26) — в мотив бытовой сказки]; в варианте (2) жена одного из охотников рассказывает о том, что она услышала из их разговора, в варианте (4) это делает табунщик. В № 3 в соответственном месте тоже появляются охотники, настолько ослепленные видом красавицы, что сжигают перепелов (здесь созданные волшебством перепела взамен сожженных, обладающие свойством насыщать всех, ведут к обнаружению прекрасной женщины). Мотив «кровь животного на охоте», приводящая к посягательству на жену героя, для охотящихся и кочевых этносов, не живущих в постоянных местах, более логичен, чем, например, унесенные водой волосы — встречается и в монгольских летописных легендах (см.: Шара тууджи. М. — Л., 1957, пер.: с. 142, текст: с. 58 и

сл.; ср. также № 25). В некоторых тибетских вариантах (27, 29) герой сам виноват в утрате жены (сжигает собачью шкуру и против ее воли приглашает царя). Хотя она и покрывает свое лицо грязью, но во время приготовления пищи у нее стекает пот, смывая грязь и обнаруживая ее красоту. В этих тибетских сказках далее следуют три состязания или три задачи царя, выигранные женщиной [то же и в монгольском варианте (16)], с привлечением какого-нибудь волшебного предмета — ящичка, из которого появляются войско (в тибетской) или два человечка с железными дубинками (в монгольской), убивающих царя (хана). Иначе разливается ход повествования в вариантах с благодарными животными или просто с животными, готовыми оказать помощь [как в дунсянских — вар. (19, 20)], чаще всего это собака и кошка [во всех алтайско-тувинских вариантах, за исключением вар. (3), кроме того, в вар. (9, 19, 20, 26)], плюс еще и орел [вар. (8)], собака и мышь [вар. (18)], плюс петух [вар. (15)], мышь, обезьяна и медвежонок [вар. 25, 28]; см. также ММТ 25А, где значатся два калмыцких варианта; *Владимирцов Б. Я.* Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. М., 1958, с. 81]. Кроме вариантов (19) и (20), где собака и кошка просто присутствуют, их обычно покупают вместе с ребенком Лузут Хаана, но они не имеют никакого отношения к добыванию волшебного предмета; в вариантах же с другими животными волшебный предмет часто попадает к герою именно благодаря их помощи.

Варианты с мышью, обезьяной и медвежонком имеют в конце в связи с возвращением утраченного героем волшебного камня следующий общий мотив: камень, потерянный во время поездки по воде, герои получают обратно, запугав жителей воды грозящим им якобы нападением врагов, от которого может спасти только вал (дом) из камней. При поднятии на поверхность камней обнаруживается и волшебный камень. Сказки с этими тремя животными столь явственно совпадают с гриммовской сказкой «Верные животные», что вполне можно допустить общий источник, к которому восходит и монгольско-ойратский сборник «Волшебный мертвец».

После того как прекрасная женщина обнаружена, часто, как и в нашей сказке, появляется старуха (или старик), которая открывает, каким образом можно попасть к ней на остров [то же и в вар. (5) южносибирских тувинцев], и берется похитить оттуда волшебный предмет. Все это, а также все события, связанные с обнаружением несгораемого дерева для плота, и действия собаки и кота (привлечение к помощи мышинного хана и усыпление бдительности хранителя ящичка) выглядят достаточно единообразно.

Из наших записей лишь вариант (3) сильнее отличается от нашего № 24, что свидетельствует об относительной стабильности традиции. В известной мере № 24 представляет эту сказку в алтайско-тувинской версии как ойкотип алтайских тувинцев.

Сказка № 25 представляет собой как бы «источник» нашего № 24 — редакцию учителя, исполнителя, от которого сказка была усвоена, так как сказитель Дёлёён, от которого мы записали № 25, — отец Оролмаа, исполнительницы № 24. Между моментом ее исполнения и временем, когда она в последний раз слышала эту сказку от отца, прошло добрых двадцать лет, обе записи на магнитофонную пленку произведены с интервалом в один год. Близость этих двух редакций бросается в глаза, очень много даже буквальных совпадений. Но рассказ Дёлёёна во многом все же подробнее, как это видно уже из вступления, — в изображении деталей, в пояснении событий (например, того, почему им не вредит вода ядовитого моря: «Ведь когда-то это море даровал нам сам Хаан Лузут»)], в дополнительных разъяснениях (например, когда речь идет о возвращении ящичка: «Ведь они все трое научились понимать язык друг друга»), которые он в данном случае сопровождал или заменял жемасами. Но, может быть, это отчасти связано и с тем, что более молодая Оролмаа рассказывала непринужденно, предполагая посвященность слушателей в мир традиции, в то время как старый Дёлёён со снисходительностью, свойственной его возрасту, старался достичь абсолютной понятности сказки младшим и прежде всего иностранке? Необходимо упомянуть и тот факт, что дочь и отец дали этой сказке разные названия: Оролмаа в качестве названия сказки употребила имя отца самого героя, который упоминается лишь в первом предложении и играет какую-то роль только в самом начале. Такая практика вообще характерна для этой рассказчицы (ср. № 14, 27). О мотиве спасения дочери или сына царя змей (водяного мира) см. ДунгНС, № 1 и относящийся к этой сказке комментарий Б. Л. Рифтина.

25. Аржу Буржу Хаан.

Магнитофонная запись от 70-летнего охотника Дёлёёна, произведена 21 августа 1967 г. вблизи паромы через Кобдо, южнее центра сомона Цэнгэл.

О принадлежности к определенной категории сюжетов и распространении см. коммент. к № 24.

Включение в собрание двух изложений этой сказки, рассказанных отцом (№ 25) и дочерью (№ 24), перенявшей ее от отца, но в последний раз слышавшей

только в юности, предпринято сознательно, с тем чтобы дать представление о том, как осуществляется передача традиции.

1 Описательный оборот вместо слова «ребенок». Считают, что в бездетности повинны злые духи. В таком случае слово «ребенок» — табу, и надо его заменить.

26. Дочь Лузут Хаана (Лузут хааннын тэйжизи)

Рассказана исполнительницей Айыышы 17 сентября 1966 г. в Улан-Баторе и в тот же вечер наговорена на магнитофонную ленту Ч. Галсаном, знавшим эту сказку с детства. Перевод основывается на этой записи.

Нем. Taube, 1977, с. 145.

Ср. TTV 83 I [вар. I] 86, 215?; ср. также MMT 230 I, II, (IV) и 334 II, (III), IV, V.

Эта сказка в силу своей специфичности не отмечена ни в АТ, АА, ВСС, ТСВ, ни в ММТ; в последнем указателе некоторые из приведенных Лёринцем типов содержат элементы и соответствия с нашей сказкой (ММТ 156 I, 158 III, IV), ближе всего к ней указанные выше типы. Правда, ММТ 334 в пересказанной здесь форме бурятской бытовой сказки не оставляет впечатления исконности — исходная ситуация кажется вымученной (жена уговаривает влюбленного в нее супруга наняться к богачу погонщиком волов и дает ему свой портрет; это, несомненно, трансформация мотива о побуждении женой мужа снова взяться за работу, вместо того чтобы только любоваться ее красотой). В ММТ 230 также фигурируют комплексы мотивов III (следует убить большую птицу и послать ей перья) и IV (хан использует одежду из перьев для того, чтобы испугать подданных, за что они его убивают) явно как менее убедительные дериваты мотивов нашей сказки. В обоих случаях отсутствует начальный мотив № 26 о спасении чудесного существа в облике животного, из-за чего утрачивается характер волшебной сказки. Невольно сказка как бы соотносится с АТ 400 из-за начального мотива: достижение прекрасной женщины, которая оказывается дочерью властителя вод или неба, сводится просто к тому, что герой встречает ее в облике животного (рыбы, лягушки, лебедя) на берегу озера и спасает ее (чаще всего выкупив; ср. наши № 24 и 25), после чего она остается у него (как в сказке о царевне-лебеди) или даруется ему впоследствии. Примыкающий к этому комплекс утраты женщины и обретения ее вновь ассоциируется с АТ 400. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что № 26 вряд ли соответствует хотя бы одной из главных сюжетных точек АТ 400 и подчиненным им варьирующим мотивам. Зато в некоторых сказках из Центральной Азии, связанных с № 26, можно в том или ином случае обнаружить соответствия. Нельзя уложить эту сказку и в АТ 465, хотя в ней и идет речь о потере, вызванной насилием. К АТ 465 относятся сказки типа наших № 3, 24, 25. Хотя есть в них нечто общее с № 26, может быть, даже они и восходят к нему, но в основе своей являются самостоятельным типом.

Часть вторая, начинающаяся потерей жены как следствия улетевшего портрета, а затем утрата женой, теперь принадлежащей хану, способности смеяться и возвращение ей этой способности при помощи обмена платьем с ее похитителем, что становится причиной гибели хана, встречается у уйгуров в виде самостоятельной сказки (UigVM, с. 34). Мы встречаем ее — правда, чаще всего в расширенной форме — у тувинцев Южной Сибири. В сказке «Рыбак Оскюс-оол» (ТНС 1971, с. 149) этот комплекс сюжетов, примыкающий к мотиву унесенного ветром портрета, связан, образуя бытовую сказку, со следующим, тоже встречающимся самостоятельно сюжетом: лама хитростью добывается того, что дочь хана сажает в ящик и бросает в реку. Он велит своим слугам выловить ящик, но не открывать его. По пути рыбак выменивает девушку на собаку, которая разрывает ламу на части, едва только он открывает ящик (ср.: Алтайские сказки, 1974, с. 57). Своеобразная связь тех же мотивов с мотивами сказки совсем иного рода мы встречаем еще в одной тувинской сказке (ТТ III, с. 118) — варианте сказки «Старик Бумбаадай с тысячью черных овец», — также не учтенной в АТ (ТНС 1971, с. 104; нем.: Taube, 1978, с. 287, № 60). Здесь Балансиги (имя героя многих монгольских плутовских историй) спасает ханскую дочь, хитростью отбив ящичек с ее сердцем у двух чертей, которые должны доставить его в нижний мир Эрлик-хану, и таким образом обретает ее. В примыкающем сюда сюжете о старике Бумбаадае, где мучения насланы Эрликом (а не небесным богом, как обычно), Эрлик кончает в конце концов тем же, что и хан из нашей сказки.

Появление спасенной волшебной девушки сначала в облике собаки вызывает ассоциации со сказками тюркских народов Средней Азии. Такой мотив мы встречаем у тибетцев, когда герой в числе прочего должен попросить в награду себе собаку, которая превратится потом в девушку (ср.: Tib. M. I, с. 122; Chophel, с. 98). Имеется он и у монголов (например, Halén, II, № 40).

Основное содержание первой части № 26 (спасение чудесного существа и следующая затем награда — жена и благосостояние; ср. № 2) и в других сказках является исходным пунктом сказочного повествования. Существуют и характерные для

района Центральной Азии континентации, известные и тувинцам Алтая. Такой контaminaцией является и № 26, сюда же можно отнести и № 24 и 25 (похищается волшебный предмет, что влечет за собой потерю жены и имущества, затем он возвращается благодарными животными), № 3 (третьи лица говорят о красоте женщины; красавица делает так, чтобы сладострастный хан не мог три ночи сдвинуться с места, трижды побеждает его в игре в прятки и т. п.). Особый вид, имеющий уже новеллистические черты, являют собой монгольские сказки типа кончающейся трагической сказки «Намжил Кукушка». Здесь герой обретает возлюбленную благодаря своему красивому пению, услаждающему владыку вод, но теряет ее потом навсегда и себе в утешение мастерит струнный смычковый инструмент, украшенный конской головой, — морин-хуур, так как потерял вместе с ней и своего коня.

Простое и прямолинейное повествование нашей сказки — явление крайне редкое, но в более или менее расширенном виде она широко распространена, как уже говорилось, по всей области Центральной Азии и у различных народов. Может быть, эта сказка представляет собой архаический основной тип, характерный для этого региона, оказавшийся весьма популярным и продуктивным, — с одной стороны, распространившись и развившись в бытовую сказку, а с другой — обильно сочетаясь со сказками других типов. Ср. № 2, 3, 24 и 25, а также 27. С. Ю. Неклюдов любезно указал на этот сюжет в уйгурском предании о Гесере (см.: Тенишев, № 2).

27. Два брата, или Старик Эренцен (Ийи алышкы ийикпе Эренцен аңгыяак)

Магнитофонная запись от Д. Оролмаа, произведена 29 августа 1966 г. в центре сомона Цэнгэл.

Нем.: Taube, 1978, с. 245, № 49.

Ср. АТ 300, 303, 567а; ср. АА 300а; ВСС 300; ср. ТТV 62, 220/2, 221/1; Grimm, 1913, I, № 74; BP III 84; Liungman, с. 300.

Распространение: тув.: (1) ТНС II, с. 60; кирг.: (2) КиргНС 1981, с. 69; монг.: (3, 4) *Потанин*. Очерки, IV, с. 495, № 140, с. 493, № 139; (5) МонгАУ, с. 145; тибетск.: (6) Hoffmann, с. 63; (7) Schuh, с. 52, № 77 (ср. также: с. 37, № 59 и с. 54, № 78).

Сказка содержит комплексы сюжетов разных сказок. Эти комплексы формируются вокруг следующих мотивов:

1. Попытка матери (мачехи) уничтожить сына, так как он обвинил ее в измене или соращении или противостоял ее попыткам совратить его (ср.: МонгАУ, с. 101; см. также: de Vries — FFC, с. 140, 320 и сл.). Забота об очередности наследования [вар. (1, 4, 6) — ханша требует сердце пасынка-первенца как лекарство от мнимой болезни] или возможность узурпации трона более умным другом ханского сына в варианте (5) (различный социальный статус друзей играет здесь решающую роль) отражает дальнейшее развитие мотива соращения в условиях развития социальной дифференциации; ср. также тувинские сказки «Ак Тунг, сын Аганака» («Аганака оглу Ак-Тунг») в ТТV, с. 177 (= ТНС 1971, с. 91; нем.: Taube, 1978, с. 218, № 41) и «Хан, побежденный правдой» («Шынга аштырган хаан») в ТТ VII, с. 179; нем.: Taube, 1978, с. 259, № 517.

2. Требование вещественного доказательства (в нашей сказке это только намечено; ср. АТ 709 11а).

3. Мотив двух братьев.

4. Мотив победителя дракона.

5. Гибель ханов (ср. № 28), в № 27 связанная с очередным принесением людей в жертву змее, обычно же — со связью ханши с демоном.

6. Выкуп юноши, позже называемого сыном Лузут Хаана, за три тюка материи (напоминает тибетские варианты № 24).

7. Обретение ящика, из которого появляется прекрасная девушка (ср. № 24, а также № 2 и 3 и их варианты).

8. Пуск по воде человека в ящике, который пойман затем рыбаком.

9. В конце обозначение местности как земли Аржу Буржу Хаана, а юноши — как сына Лузут Хаана (ср. № 24 и 25).

Как показывают несколько приведенных здесь вариантов, эти комплексы мотивов связаны с различными сказками, от которых, в свою очередь, тянутся повествовательные линии еще и к другим сказкам. Так, в варианте (3) и его ближайших параллелях причиной удаления пасынка (сыновей) является то, что мачеха притворяется больной и требует в качестве единственного средства исцеления сердце своего пасынка (детей), а отсюда тянутся нити к № 8 и его вариантам, да и к № 28. Принесение в жертву девушек [в вар. (6) это — регулярное принесение детей в жертву двум львам] в сочетании с мотивом об иссякшем источнике также указывает на сходство с № 28 (здесь — принесение в жертву лягушкам двух ханских сыновей), также содержащим мотив погибающего хана. В № 27 такие переплетения с другими сказками особенно многообразны. Возможно, это указывает на то, что такие переплетаю-

щиеся мотивы составляют ядро фонда эпических мотивов рассматриваемого региона. Этому многообразию переплетений мотивов противостоит тот факт, что в имеющемся в нашем распоряжении материале лишь очень редко встречаются близкие предлагаемой версии варианты. В тувинском варианте (1) старший брат, оказавшись один, всегда оставляет на месте охоты что-нибудь из своей добычи; он женится и с помощью воинов своего отца находит потерянного брата. И только теперь за этим следует мотив ханши, мужа которой умирают один за другим. Отсутствует обычный в сказке о двух братьях мотив присвоения подвига (в нашей сказке, правда, едва намеченный), зато в этом варианте братья завладевают по пути «бесшумными сапогами» и шапкой-невидимкой; с их помощью они перехитрят волшебника, которого посещает по ночам жена того брата, который стал ханом (и здесь имеется соотношение с № 28).

Опубликованный Потаниным (предположительно дархатский) вариант (3), представляющий собой очень краткую редакцию и имеющий лишь грубо намеченные параллели к нашей сказке (главным образом с первой ее части — до оживления младшего брата), с другой стороны, содержит некоторые детали, подчеркивающие общность с нашим № 27: пробуждение юноши с помощью молитвы и чаши с дождевой водой [ср. также вар. (6)]. Красная река, у которой живут братья до того, как они отправляются домой, чтобы спасти отца, соответствует Красной воде, из которой в алтайско-тувинской сказке выплывают ящик с юношей и на берегу которой он живет у старого рыбака. Две чаши с водой — одна из них была, очевидно, отравлена — вызывают ассоциации с мотивом одной из вставных историй упомянутой выше тувинской сказки «Хан, победивший правдой» (змея, из пасти которой каплет отравленная слюна). Упомянем еще казахскую сказку (место записи не указано) и одну из киргизских (*Потанин*. Очерки, IV, с. 813, коммент. к № 49), так как они подчеркивают близость № 27 к северо-западному району Центральной Азии. Казахская сказка содержит несколько мотивов, характерных для сюжета о двух братьях или сказки о Бате, которые очень редко встречаются в столь полном виде в этом районе: уговор о подаче друг другу примет жизни, спасение принцессы, узнавание по кольцу, присвоение подвига везиром, доказательство истинной принадлежности подвига (благодаря умению поднять и отбросить мертвого дракона, что не удалось везиру), превращение в камень и спасение героя братом. Киргизский вариант кончается совершенно в духе среднеазиатских сказок (хотя просматриваются и связи с монгольскими сказками, например МонгАУ, с. 101): заключение любящего в тюрьму из-за предательства везира, друг помогает принцессе бежать; переодевшись женой арестованного, он получает доступ в тюрьму и меняется с ней платьем, благодаря чему обвинение везира оказывается необоснованным. Мотивировка приказа о казни точно совпадает с № 27. Киргизский вариант (2) доказывает, что это совпадение не случайно. Совпадения здесь заходят так далеко, что охватывают все мотивы и многие детали. Отклонения таковы: вначале упоминается еще одна сестра — она встречает братьев, когда те в конце возвращаются домой. Для соединения двух братьев, один из которых стал тем временем ханом, а другой — принят другим ханом в качестве сына, поставлено одно условие: через три месяца они — каждый с тридцатью джигитами — должны встретиться на границе и, если узнают друг друга, вместе отправиться на поиски сестры и отца, что и происходит; мачеху, изгнавшую тем временем мужа и падчерицу, не щадят, а привязывают к хвосту дикой лошади. В этом киргизском варианте текст надписи точнее обосновывает то, почему брат оставляет золотого около мнимого мертвеца; кто найдет его, должен приличествующим образом похоронить его брата, так как у него самого нет на это сил. Возможно, это — более позднее разъяснение. Первоначально, как и в варианте (1), это могло означать заботу о брате, который, может быть, еще оживет. Об этом говорит также и то, что старший указывает, в каком он пойдет направлении. Эта киргизская сказка является единственным близким вариантом № 27. Она является доказательством того, что № 27 представляет собой не индивидуальную контаминацию рассказчика, а есть самостоятельный тип, который распространен не только у тувинцев Алтая. Вынесение в название сказки имени отца братьев — излюбленный прием рассказчицы (ср. № 14, 24).

28. Ханские близнецы (*Хааннинг ийизи*)

Рассказано 55-летним пастухом верблюдов Джураем 12 июля 1969 г. на пути из долины Аът баштыг в южный Оруктуг; записано в тот же день в Оруктуге.

Нем.: Taube, 1977, с. 152; Taube, 1978, с. 269, № 55.

Ср. АТ 507 В. Ср. ТТУ 62; ММТ 122 II—IV, 144 В III—V; АА 449 А; ВР III 84.

Распространение: тув.: (1) ТНС II, с. 100; (2) ТНС 1971, с. 81; бурятск.: (3) Баранникова, с. 76; монг.: (4) МонгАУ, с. 149; (5) Владимирцов, 1958, с. 24; тибетск.: (6) Hoffmann, с. 55 и (7) с. 63; (8) Schuh, с. 54, № 78 (= Tib. M. I, с. 88); непальск.: (9) L'évi, II, с. 6. Ср. № 27 и ТНС 1971, с. 91.

Мотив золотой и серебряной лягушки известен в тибетской и восходящей к ней монголоязычной сказочной традиции. Отсюда, наверное, алтайские тувинцы переня-

ли эту сказку, может быть, потому, что были знакомы с ойратской версией цикла «Siddhi-Kür» («Волшебный мертвец»).

В тибетском варианте (5) между мотивом об иссякшем источнике и мотивом о ханше, все мужья которой умирают, вставлен мотив о чудесных предметах (шапка-невидимка и сапоги-скороходы). Другие варианты содержат лишь один из главных мотивов. Вариант «Ак сагыш и кара сагыш» (1) начинается с мотива двух братьев: один бросает другого в беде; озабоченный узнает от четырех животных, почему иссяк источник; с помощью серебряного укрюка лисы он спасает страну от грозящей ей гибели от жажды и получает за это дочь хана и богатство; злой брат тоже хочет разбогатеть; животные принимают его за вора, желающего украсть серебряный укрюк (ср. TC, с. 143), но брат спасает его.

В TTV, № 62, мотив ханши, мужья которой погибают, связан с мотивом благодарного животного: освобожденная рыба, из-за которой отвергают принца, становится его спутником и убивает дракона, выходящего по ночам изо рта принцессы; к этому примыкает мотив о том, что не только владения, но и сама принцесса должна быть поделена, и поэтому ее подвешивают за ноги (ср.: Dirr, с. 93, и Ramstedt, с. 89).

Бурятский вариант (3) содержит важнейшие мотивы в другом порядке и соотношении и дополнительно мотив излечения ханского сына благодаря случайно подслушанному разговору (ср. THC III, с. 26).

Непальская легенда (9) о возникновении Боднат-ступы под Катманду содержит мотив иссякшего источника, который благодаря жертве человека высшего ранга совершенства (царь или его сын) снова дает воду: король велит своему сыну в определенный день убить у источника человека, который лежит накрытым. Сын закалывает его, не зная, что это его отец, и в виде искупления за этот грех строит ступу. О мотиве источника ср. также: CHK M, с. 112. См. также: Liungman, с. 42.

29. Дептеген — черная старуха с мешком из верблюжьей кожи (*Теве гежи эдиктиг Дептеген хара хоочун*)

Записано от А. Баайаа 24 августа 1967 г. в центре аймака Баян Улэгэй.

Нем.: Taube, 1977, с. 82; Taube, 1978, с. 298, № 64.

Ср. AT 130. Ср. MMT 106; ср. TTV 89, 90; KHM 11, 13, 27, BP I 79, 99, 237; Liungman 210, 403B, 450 (?).

Распространение: желтые уйгуры: (1) Малов, № 101; монг.: (2) Schröder, с. 81 (монгорск.); (3) *Тодаева*, 1975, с. 239 (монгорск.).

В связи с мотивом о произвольно собранных вещах вспомним сказку «Сам с пядь с бородой в аршин» (Chodsa, с. 109): бедняк собирает зайца, лису и волка, чтобы отвлечь этим внимание хана и его слуг, пока он крадет ханскую юрту. В сказке лужаев «Нуххими» (Esche, с. 257) отец спасает свою дочь от ведьмы, собрав и спрятав в доме ведьмы различные предметы, которыми она изгоняется. В двух монгорских вариантах (2, 3) мангудзу, которая собирается съесть старуху, убивают предметы, спрятанные в разных местах в ее доме (они выступают здесь как помощники); в бурятских вариантах, включенных Лёринцем в MMT, различные предметы или животные также помогают победить мангыса или медведя. Вполне может быть, что эта сказка имеет отношение к близкому одной из монгорских сказок типу о заглазывателе, распространенному у всех восточноазиатских народов (ср.: Schröder, с. 71—81); по крайней мере и там и здесь имеется общий для этого комплекса мотив спрятанных предметов (ср. сказочный тип: «Путешествие зверей», AT 210). Но своеобразна совершенно иная концепция: в то время как обычно предметы используются против чудищ, в тувинской сказке с Алтая они употребляются «черной старухой» во зло молодой женщине. В нашей сказке этот мотив спрятанных предметов, связанный с мотивами подмененной невесты (который встречается в этом регионе в вариантах нашей сказки № 21), появления женщины в облике лебедя, заботы о ее ребенке и выбора наказания самой ложной женой напоминают, несмотря на совершенно иную структуру содержания, конец сказок Гриммов «Братец и сестрица» и «Три маленьких лесовика» (KHM 13). Версия у Малова [вар. (1)] только часть такой сказки. Укажу по крайней мере на ассоциацию, которая возникла у меня в связи с образом «черной старухи» Дептеген: в тибетской мифологии одна из «владетельниц земли», богиня «Черная куча взрыхленной земли», имеет облик черной женщины с серпом в правой руке и мешком, полным болезней, — в левой (Мифы народов мира, II, с. 394, Сабдар). Возможно, этот мифологический образ относится к очень раннему общему культурному слою народов Центральной Азии (ср.: Taube. Auffällige kulturelle Parallelen).

30. Старики с семьей желтыми козами

(*Джеди сарыг бишкүлдүг ашгыяк хоочун ийи*)

Услышано в конце августа 1966 г. в Сарыг булаке от исполнительницы по имени Арсыый (последовательность действия, стихи и др. зафиксированы письменно). В середине сентября того же года Ч. Галсан, опираясь на эти свои записи,

наговорил эту сказку на магнитофонную пленку. Эта запись и легла в основу перевода.

Нем.: Taube, 1977, с. 102.

Ср. AT AA 327C; ср. TTV 161; MMT 115A + BIII; ср. KHM 15; BP I 115; Liungman 327C.

Распространение: тув.: (1) TT VII, с. 219; (2) Яковлев, с. 5; (3) Баскаков. Диалект черневых татар, с. 147; алт.: (4) Радлов. Образцы, I, с. 28; (5—7) Баскаков. Диалект кумандинцев, с. 129, 148 и 162 (куманл); каз.: (8) Сидельников, II, с. 161; монг.: (9) МонгААЗД, с. 182, № 54; (10) Halén, II, с. 4, № 24; (11) Санжеев, с. 60/86 (дархат.); монгорск.: (12) Schröder, с. 81; бурятск.: (13) Баранникова, с. 117; тибетск.: (14) Schuh, с. 22, № 38 (ср. также № 39); бенгалск.: (15) Mode, с. 389.

Эта сказка, имеющая большое распространение у монгольских и тюркских народов, уходит корнями в их древнейшие верования и может быть, по всей вероятности, отнесена к древнейшим сказочным сюжетам. В отличие от других, стадийно более поздних сказок о слупом черте или великане, в которых с самого начала ясно, что для героя все кончится благополучно, здесь момент угрозы еще очень ошутим; отсутствует также свойственное подобным сказкам противопоставление глупости, сопровождающей телесную мощь, и хитроумия, соединяющегося со слабым телом. Еще не стерта мифологическая основа. Алтайско-тувинские и некоторые другие варианты отчетливо указывают на то, что эти сказки связаны с опубликованными Шрёдером сказками о мангудзе. О людоедстве джелбеге см. также: Потанин. Очерки, IV, с. 167.

Среди прочих вариантов № 30 выделяется очень скромной, ограниченной основными мотивами формой: чудище похищает животных, одного за другим, а потом и человека. Последнему удается перехитрить его: в пути он дважды подсовывает вместо себя замену, убивает детей чудища при определенных, типичных обстоятельствах, вынуждает чудище съесть мясо собственных детей и в конце концов убивает само чудище в его юрте.

Наряду с этой формой, редуцированной до передачи голой сути, встречаются расширенные варианты этого типа. Для ряда вариантов (2, 9, 13) характерно, что герой сказки (старик/старуха) ищет кого-нибудь, кто помог бы ему съесть быка. Летом обычно не забывают крупный рогатый скот — нарушение этого правила сразу же вызывает дурные последствия, и вот, после того как некоторые животные предлагают себя в качестве едоков-помощников (сорока и ворона, которые, однако, отвергнуты, так как могут съесть очень немного), находится мангас/мангадхай, который управляется с тушей, а под конец хочет съесть и угощающего (юношу, старика, старуху), к этому может уже примкнуть основной тип.

Хотя дархатский вариант (11) и начинается, как № 30, с внезапного желания чудища съесть юношу, в нем комплекс мотивов — похищение юноши, которого чудище собирается съесть, и подсовывание похитителям вместо себя замены — сменяется трехкратным исчезновением юноши, в результате чего мангыс, разыскивая его, разоряет свое имущество. А к этому уже примыкает мотив убийства детей, но в очень краткой форме — отсутствует мотив убийства детей с помощью хитрости (подвешивание героя на дымоходном кольце над огнем и «слизывание масла»), знакомый и тибетским сказкам (ср. Chophe, с. 119). Более подробное изображение похищения с подсунутыми взамен стволом дерева и обломком скалы [как, например, в № 30 и вар. (9)] в варианте (1) едва намечено, а может и вовсе отсутствовать [например, в вар. (2, 13)]. Мотив убийства джелбеге тут же, на месте, в яме, ведущей из юрты, куда ее заманивают и обливают кипятком, имеет параллели в варианте (2), в дархатской сказке (Потанин. Очерки, IV, с. 552, № 168) и в неполноценном уйгурском варианте (Малов, № 106). Хотя в бурятском варианте (13) действие также разворачивается под открытым небом, но заканчивается не ошпариванием, а, как и во многих других вариантах, уничтожением на льду. Реже смерть наступает оттого, что джелбеге поскользнулась на льду, чаще — оттого, что она, желая слизать кровь своих детей, которой герой наполнил кишку и разлил ее по льду, примерзает языком ко льду, где ее настигают и убивают.

Что касается мотива поедания нечистот у джелбеге и их детей (приверженность нечистоте к «антипищам»), то С. Ю. Неклюдов любезно указал мне на параллели у депегиров в эвенкийском фольклоре и др.

31. Страшные черные мангысы (Удүсүр гара мангыс)

Записано от Ш. Дэмби 10 июля 1969 г. в Бююрээлиге.

Нем.: Taube, 1978, с. 282, № 58.

Ср. AT 78, 126; AT 1049; ср. AT 1064, 1085; AT 1149 (мотив K 1715); ср. MMT 9, 116; ср. TTV 162; KHM 20, BP I 148.

Распространение: тув.: (1) Радлов. Образцы, IX, с. 169, № 1352 и с. 174, № 1357; (2) Катанов, с. 1014/1018 (= THC I, с. 50); (3) TT II, с. 34 (= THC I,

с. 38; нем.: Taube, 1975, № 16; (4) Мангайн, с. 238; алт.: (5) *Баскаков*. Дialect черневых татар, с. 49; кирг.: (6) Wunderblume, с. 448; (7) КиргНС, с. 45; каз.: (8) КазНС 1979, с. 134; каракалп.: (9) Karakalp. M., с. 71; туркм.: (10) Erberg, с. 76; монг.: (11, 12) *Потанин*. Очерки, IV, с. 551, № 167 (халх.), с. 405, № 123 (дархат.); (13) *Потанин*. Окраина, II, с. 171 (срдос.); (14) МонгААЗД, с. 133, № 19; (15) МонгАУ, с. 22; (16) МонгАУ 1959, с. 151; (17) Halén, с. 83 № 41; (18) Ganzner-Yan, с. 90; (19) МонгС 1962, с. 17; (20) Heissig. Mongolische Volksmärchen, с. 87, № 17; калм.: (21) КалмС 1962, с. 57; (22) КалмС 1982, с. 43; тибетск.: Schuh, с. 7, № 10; (24) Hoffmann, с. 76.

Предлагаемый вариант представляет собой грубоватую версию весьма распространенной у тюркских и монгольских народов сказки, отдельные варианты которой немногим отличаются друг от друга. Порядок следования основных мотивов, содержащихся и в нашей алтайско-тувинской версии, может меняться; проба сил может происходить в иной форме: выжимание воды из белого и крови из черного камня (из птицы, мыши), поиски сердца и мозга земли (сердца мыши, мозга быка). Часто в виде дополнительного комплекса мотивов добавляется АТ 1115 — проведение ночи в жилище чудища и попытка последнего убить старика во сне, чему тот успевает помешать, подсунув вместо себя твердый предмет (каменную бабу, ствол дерева, посудину), так что утром страх чудища увеличивается [например, вар. (1, 2, 3, 7, 16, 22)]. Концом обычно служит эпизод с волком, который обнаруживает убегающее чудище, но тоже оказывается обманутым стариком и поэтому замучен в конце чудищем до смерти. Часто вместо волка выступает лиса [вар. (3, 7, 8, 9, 23)].

С мотивом «спрятать что-нибудь между камнями, чтобы "найти" при необходимости» мы встречаемся в тувинском фольклоре в совершенно иной связи, а именно в сказке типа нашей № 42 и ее вариантах (ср., например, ТНС II, с. 42: «Ленивый Ак Чалгаа»); его функция в том, чтобы излечить героя от лени, создав «находкой» ситуацию успеха, что побудит его к дальнейшим действиям (см. также: Баранникова, с. 170, и Taube, 1978, примеч. к № 16). С хитрым аргументом: другому стыдно, если ты несеешь тяжелый груз (см. ТНС I, с. 38: «в свои старые годы прими еще и "милостыню"»), — мы встречаемся и в тибетских сказках (например, с группой лисой — Hoffmann, с. 98).

Вместо чудища (мангис, мангас, мус, див) часто выступает зверь — тигр, реже леопард или лев (см.: Taube, 1978, № 16 и примеч. к № 16; эта версия из ТТ II, с. 34 и ТНС I, с. 38 еще ближе к нашей сказке). Л. Лёрина помещает этот тип сказки (в зависимости от фигуры противника) и в сказки о животных (ММТ 9), и в волшебные (подгруппа: победа над мангысом, ММТ 116). Но на основе материала Центральной Азии обе реликвии со всеми вариантами должны рассматриваться вместе, и их следует отнести к одному типу.

32. Бурган Буруш

Записано от исполнительницы А. Баайбаа 24 августа 1967 г. в центре аймака Баян Улзэй.

Нем.: Taube, 1977, с. 70

В сказке используются мотивы и формулы, характерные для богатырских сказок алтайских тувинцев: «Пусть сначала мясо его станет мясом, пусть его кровь станет кровью», быстрый рост богатыря, возмужание в отсутствие отца (здесь — деда), получение свидетельства об утрате одного из членов семьи, принуждение матери к ответу (опускание ее рук в горячий котел) с целью узнать правду, определение срока по протертым до дыр железным стременам, дорога, которая вытоптана так, «что была по плечи идущим, по пояс всадникам». Изложение очень сжатое, подвиг описан весьма кратко. То, что косвенно отражено в богатырской сказке, — победа над враждебными демоническими силами — здесь прямо выставляется причиной событий: спасение одной мертвой души путем уничтожения грозный ей демонов. Благодаря этому, а также благодаря формулировке, что старый Бурган Буруш никому никогда еще не сделал «ничего плохого», и из-за того, что в конце сказки душа его отлетает к богу Гурмусту (а может быть, и из-за самого его имени), сказка обретает явственно религиозное звучание, отличаясь тем самым от подавляющего большинства сказок алтайских тувинцев, которые скорее производят языческое впечатление. Можно отнести это за счет сказительницы, в сказках которой всегда можно наблюдать ламаистские или монгольские влияния (ср., например, № 34).

По названию эта сказка напоминает те, в которых фигура, вынесенная в заглавие, не является главным героем, совершающим решающий освободительный подвиг (ср. № 14). Однако действие здесь сконцентрировано вокруг дедушки Бурган Буруша, что придает сказке своеобразный характер.

1 См. примеч. 1 к сказке № 2.

33. Деревянная девушка (*Бйаш уруг*)

Записано от девушки Торлаа, 20 лет, 13 августа 1967 г. вблизи центра сомона Цэнгэл.

Нем.: Taube, 1977. с. 125.

34. Волшебная сила дэрики (*Дэрикининг джүрээнинг гүжү*, или: *Номнунг джүрээнинг гүжү*)

Записано от А. Баайаа 25 августа 1967 г. в центре аймака Баян Улэгэй.

Нем.: Taube, 1977, с. 33.

Эта история обнаруживает ламаистское происхождение и должна явить пример действенности молитвенных формул (даже в искаженной форме). Отец рассказчицы, от которого она переняла свои истории, был человеком, не чуждым грамоте, много поездившим по монгольским районам. И монгольское происхождение этого предания проявилось уже в формах заголовка, испытавших на себе влияние монгольского языка: «Сила сердца (квинтэссенция) (буддийского) учения» или «Сила сердца дэрики» (вероятно, от монг. *Дара экэ* «Мать Тара», обозначение одного из буддийских женских божеств). В самой форме молитвы не содержится смыслового значения; можно различить лишь начинающую молитву *ом дара (ом дере)* и санскритскую завершающую формулу *svāhā*.

35. Яд шулмусихи и сила Бургана (*Шулмунунг хораны бурганнинг гүжү*)

Записано на магнитофонную ленту от 36-летнего столяра и плотника кооператива С. Хорлу 5 сентября 1966 г. в центре сомона Цэнгэл.

Нем.: Taube, 1977, с. 35.

Ср. TCV 112.

Распространение: тофалар.: (1) Шерхунаев, с. 272; кирг.: (2) КиргНС, с. 34; каз.: (3), 4) КазНС 1979, с. 123 и 106; тибетск.: (5, 6) Tib. M. I, с. 174 и 168; (7) Tib. M. IV, с. 26; дунг.: (8) ДунгНС № 17.

В основе сказки лежит представление о том, что демонические существа в облике красивой женщины сближаются с мужчиной, чтобы погубить его. То, что тема эта в сказке выражена на «ламаистский лад» (создается даже впечатление, что главным предметом ее является спор доламаистских верований и буддийского учения), и то, что преследования женскими демонами в обличье красивых женщин часто встречаются в тибетском фольклоре, могло бы привести к мысли, что сказки этого типа ламаистские по своему происхождению. На самом же деле они, несомненно, основаны на более древних религиозных представлениях.

Такие сказки широко бытуют в Китае и Японии (ср. ДунгС., примеч. к № 17, с. 455). Есть доказательства существования их и у тюркских народов. Там они довольно близки между собой и совпадают главным образом в исходной ситуации (появление демонической героини в то время, когда герой охотится); алтайско-тувинский вариант отличается от других тем, что несет на себе отпечаток ламаизма, а это определяет и ход действия. В тофаларском варианте исчезает один охотник, который встретил на охоте волшебницу, поддался ее чарам и ослеп. Многих охотников заманила она своей игрой и пением и превратила их, ослепленных ее красотой, в цветы. Сын охотника разыскивает отца, ему удается освободить его и всех прочих с помощью совы; он касается желтого кушака волшебницы, и та теряет свою волшебную силу, становится земной девушкой, сын охотника женится на ней.

В этой сказке главная женская фигура выглядит скорее природным божеством, без отталкивающих демонических черт, обычно ей присущих. Возможно, перед нами первоначальная форма этого типа. Намеки на бывшее природное божество мы находим и в других вариантах: ср. роль пещеры (злой волшебницы скал) в казахских и киргизских вариантах и злой волшебницы горной вершины в тибетском (5), соответствующей покрытой снегом вершине (горному божеству) алтайско-тувинской сказки, на которой встречаются охотник и шулмусиха.

В одном казахском варианте (3) речь идет, как в восточноазиатских версиях, о женщине-змее, которая, как и в дунганском, является законной супругой героя. По его ухудшившемуся самочувствию волшебник (в казахской сказке) или седобородый старик (в дунганской) распознает истинную природу его жены и открывает ему средство ее уничтожения. В казахской сказке ее, как и в нашем варианте, сжигают. Начальные мотивы казахского (4) и киргизского вариантов совпадают с нашей и тофаларской сказкой, затем к ним примыкают иные мотивы: в киргизской — мотив Полифема (ослепление ведьмы; бегство из пещеры с другими узниками под брюхом овца); в казахской — встреча с пери, а до нее — мотив о змее-стреле. Алтай-

ские туvinцы также сохраняли веру в таких змеей, которые, летя вертикально по воздуху, могут пронзать деревья и камни.

В одном из тибетских вариантов (6) мать мальчика — это ведьма, отправляющаяся на встречу с духами верхом на ящичке (ср. мотив из № 28, а также Tib. M. IV, с. 26). В другом варианте (5) мотив демонической женщины переплетается с мотивом ведьмы, приближающейся к мужчинам, вышедшим из юрты: сначала здесь идет обычная свадьба, ночью невеста, мучимая жаждой, пьет кровь забитых для пира животных. Так как утром оказывается, что ее рот и руки запачканы кровью, на нее возводят навет, объявляя ее ведьмой, она умирает от стыда и возрождается действительно настоящей ведьмой. Она сближается с кочевником, живет с ним, чудесным образом пасет его скот, но ночью он видит на своей груди ее свиное рыло. Далее тибетские и алтайско-тувинские варианты снова совпадают: ведьму сжигают с помощью ламы. Трудностям ее уничтожения, доказывающим магическую силу шулмусихи, отводится в алтайско-тувинской версии много места. Архаические мотивы здесь: овладение одним из ее волосков, заключающим в себе жизненную силу (ср. Мифы народов мира: Шулмас), — широко распространенное представление, касающееся не только этого демонического существа, — и мотив чудодейственной ягнячьей шкурки (ср.: Rubruk, с. 41 и сл., где упоминается овечья шкура в культе для изображения богов — хранителей очага и молодняка скота). В тибетском мифе (Сказание о происхождении нгологов) в качестве приданого женщины названа белая овечья шкура, которая имеет сначала образ яка: если ее потрясти, появляется всевозможный скот (см.: Мифы народов мира: Тибетская мифология). Точно так же в тибетском варианте (7): нужна человеческая кожа, принадлежащая женскому демоническому существу, чтобы появился человек. Этим и объясняется функция ягнячьей шкурки в алтайско-тувинской версии. Подробнее см.: *Taube E. und Ja. Märchen im Dienste von Macht.*

36. Эрген-оол, или Дитя двух скал

Магнитофонная запись от сплавщика Б. Семби, произведена 5 сентября 1966 г. в центре сомона Цэнгэл.

Нем.: Taube, 1977, с. 126.

Сказка принадлежит к тематической группе рассказов об охотнике, столь превосходном стрелке, что мир зверей оказывается в опасности. Если пользоваться современной терминологией, то это — нечто вроде сказок «об охране природы». Писет по отношению к природе, выражающийся в почитании Алтая, родной земли и многих традиционных заповедей и табу, является важной составной частью мировоззрения алтайских тувинцев. Сказки, отстаивающие заботливое обхождение с существами, дарованными природой, довольно широко распространены среди индейцев Северной Америки (по свидетельству Р. Круше из Музея этнографии в Лейпциге). Ф. Г. Гайне приводит сравнительный материал об отношении эвенков к животным: их не следует убивать без надобности или мучить, так как они являются равноправными партнерами в совместной жизни на лоне природы. В одной сказке из Северной Сибири, известной и многим эвенкийским группам, охотники свежуют живого оленя, а затем отпускают его; им в наказание в этой местности исчезает вся дичь. В четвертой части «Белого парохода» Ч. Айтматова говорится о таких же последствиях неразумной охоты молодых людей, которые, не обращая внимания на слова стариков, нарушают традиционные обычаи. Рогатая мать-олениха (маралуха), покровительница рода бугу, и все маралы навсегда покидают тот край, куда она когда-то привела предков этого рода. В основе этого предания лежат, очевидно, фольклорные традиции, наглядным примером которых является казахская версия сказки о появлении на свет тарбагана (Казиев, с. 117): звери умоляют бога спасти их от неразумных стрелков, целиком предавшихся охотничьей страсти, несмотря на уговоры стариков убивать лишь столько дичи, сколько нужно общине. Эта сказка, представляющая столь актуальную благодаря своему концу — превращению стрелка в тарбагана, соотносится со сказками нашего сборника о тарбагане (№ 50—52) с отчетливой мифологической основой. И в данном варианте эта мифологическая основа проявляется в просьбе зверей, обращенной к богу неба Гурмусту, вмешаться и восстановить тут безопасность и порядок и спасти зверей от вымирания (ср. также № 59, 60). Во всяком случае, наша сказка отличается от мифа о всепожирающем существе джелбере (№ 60) тем, что здесь человек не оказывается побежденным, а умеет спастись от непогоды, насланной Гурмусту ему в наказание. Подробнее см.: *Taube, Naturschutzmärchen.*

37. Старец с тремя сыновьями

(*Уш оолдуг ашгыйак*)

Записано от пастуха Дэмби 10 июля 1969 г. в Бююрээлиге.

Нем.: Taube, 1978, с. 223, № 42.

Ср. AT 310 + 566; ср. MMT 206, 207; ср. TTV 58, 174, 175, 202; TCV 196; Liungman 566.

Распространение: тув.: (1) ТТ VII, с. 60; уйг.: (2) Uig. VM, 64; сартск.: (3, 4) Jungbauer, № 2 и 14.

Из начального мотива не следует, что два предмета (шапка и сумка), которые отец дает двум из трех своих сыновей, являются чудесными. Это выясняется лишь в ходе действия (о сумке это можно лишь предположить, иначе к чему бы ханской дочери красть ее?). Этот комплекс становится понятнее благодаря вариантам (2) и (3). Вариант из Туркестана (3) содержит дополнительно эпизод с чертями, дерущимися за волшебные предметы. В уйгурском варианте другое начало: герой сражается с ханской дочерью на жизнь (женитьбу) и смерть в шахматы. Иначе изображено здесь жестокосердие ханской дочери (в нашем варианте намек на него чувствуется в ее обращении со служанками), что как бы является еще одной причиной для того, чтобы наказать ее волшебным превращением. Герой выигрывает и получает от двух спорящих друг с другом фей три волшебных предмета (шапку, палку и ковер). Создается впечатление, что в начале нашего варианта, как и в конце, что-то утрачено.

Заслуживает внимания и упоминание «снежного человека» (тув. *гиги гийик*). Тувинцы Цангэла верили в существование человекоподобных существ, живущих выше границы вечных снегов массива Таван Богд (тув. Бэш Богда). Представление о снежных людях, часто встречающееся в тибетском фольклоре (ср.: *Lörincz. Tibetische Tiernmärchen und Doo-mo-Märchen*), насколько мне известно, не встречается больше нигде на Алтае и вообще дальше к северу.

38. Сказка о прекрасном сне (Тувинское название отсутствует)

Записано от Ч. Галсана летом 1968 г. в Маркклеберге.

Нем.: Taube, 1978, с. 263, № 52.

Ср. АТ 725; ср. АА 725; ср. ТТV 197; ВР I 324 (см. также IV 104).

Сказки, в которых важную роль играют сны (сон сбывается, или все рассказанное оказывается сном; ср. ТТV 143—145), часто встречаются в Средней Азии. В ТТV 197, напротив, отсутствует намек на то, что в конце концов все оказывается только сном. Этот сказочный тип связан с мотивом вопросов-загадок, задаваемых врагами падишаху (ср. монгольскую сказку об убийстве стариков, например АА3, с. 14, а также венгерскую: *Ortutay*, № 13), разгадать которые может только плененный юноша.

В основе нашей сказки лежит древнее тувинское представление о том, что о хорошем нельзя говорить, вследствие чего в бытовой обрядности рождались разные мероприятия по охране от «белых (хороших) слов». У Рамштедта мы встречаем вариант из Северной Монголии (Halén, № 44), который в основных чертах соответствует алтайско-тувинской версии. Здесь герой также побывал во многих местах, но никогда ничего не рассказывал о своих сновидениях, пока одна ханша не велела связать его. Выполняя просьбу возвратившегося хана, он рассказывает их, его освобождают, и в награду он получает ханскую дочь. По сравнению с более скромным построением монгольского варианта алтайско-тувинский вариант имеет несколько более развитую художественную структуру: в нем все рассказано ретроспективно, отталкиваясь от конечной ситуации.

39. Хараат Хаан и Джечен Хаан (Хараат хаан Джечен хаан ийи)

Записано от Ш. Дагва 25 августа 1966 г. в Сарыг булаке.

Нем.: Taube, 1977, с. 76; Taube, 1978, с. 254, № 50.

Ср. АТ 875; Ср. ТТV 235; ММТ 330; ТCV 28 II, IV, IX; КНМ 94; ВР 349; Liungman 875. Ср. также de Vries (FFC 73).

Распространение: тув.: (1) Mat. T. 1966/I (рассказано Дендевом); (2) Mat. T. 1982/12 (рассказано Д. Дагва); (3) ТТ IV, с. 136 (= ТНС II, с. 29); (4) ТТ II, с. 127; (5) Бокту Кириш; (6) Катанов, с. 1006—1008; (7) Радлов. Образцы, IX, с. 140, № 1150; тофалар.: (8, 9) Радлов. Образцы, IX, с. 619, № 92 (= Шерхунаев, с. 292), с. 644, № 177; алг.: (10) Потанин. Очерки, IV, с. 362 (телеут.); (11, 12) Радлов. Образцы, I, с. 60 и 197; тат.: (13) Радлов. Образцы, IV, с. 201, № 4; (14) Васильев, с. 68, № 24; кирг.: (15) КиргНС, с. 123; уйг.: (16) Радлов. Образцы, VI, с. 198 (таранчи.); каз.: (17) Balázs, с. 162; туркм.: (18) Erberg, с. 20; чув.: (19) Serow, с. 15; монг.: (20) Потанин. Очерки, IV, с. 365, № 102 (дербет.); (21) МонгААЗД, с. 168, № 45; (22) Могау, с. 163; (23) АА3, с. 34; (24) Хорлоо, 1960, с. 70; (25) Ganziufzav, с. 106; (26) Мунхад Тайжит Хаан (рассказано Р. Занланом, рукопись принадлежит М.-Ш. Гаадамба в Улан-Баторе); (27) Heissig. Mongolische Volksmärchen, с. 108, № 20; (28) Halén, II, с. 11, № 27; (29) Mengguzu, с. 85; (30) Minjian wenxue, 1961/9, с. 16; (31) Chinese Literature, 1957/2, с. 162; (32) Neimeng, с. 5; (33) Mostaert. Folklore Ordos, № 9; калм.: (34) КалмС 1982, с. 19; тибетск.: (35) Bräutigam, с. 45; (36) Chophel, с. 90.

Сказка об умной девушке бытует у монгольских и алтайско-тюркских народов в двух разновидностях.

1. Хан ищет умную сноху. Он задает отцу (реже — брату) девушки трудные задачи или вопросы. После свадьбы сын хана лишь с помощью жены может решить трудные задачи своего отца. Когда хан подвергается опасности, его выручает ум девушки.

2. Хан домогается красавицы-жены некоего человека для себя или для своего сына. Он задает ее мужу трудные задачи, которые тот решает при помощи своей жены (иногда и самостоятельно, ср. похожие сказки типа АТ 465), так что хан не может ничего с ним поделать. Хан испытывает подобным же образом своего сына с отрицательным результатом. Наша сказка относится к первой группе, как и варианты (4—7, 10, 12, 20, 21—24, 26); ко второй относятся варианты (15, 17, 27, 29) и некоторые другие.

Наряду с разгадыванием надписи или рисунка, как в № 39 и еще в небольшом числе вариантов, имеются и типичные доказательства ума, выражающиеся в необычном поведении девушки, противоположном «правильному» поведению. Чаще всего это проявляется в том, как она ведет себя при дожде (закрывает своим платьем собранное топливо, прикрывает грудь, а не зад, удерживает молодник, чтобы до времени дойки он не добрался до маток). Ум ее проявляется также и в подсказанных ею ответах ее отца на вопросы хана.

В качестве испытательных задач, как правило, фигурируют: приготовить питье из воловьего молока или получить теленка от быка; изготовить канат из пепла (ответный аргумент: пусть родит мужчина; ответное требование: самому смотать канат); сварить еду в деревянном котле (на вертеле); прийти к хану, соблюдая определенные его условия: приветствовать хана не снаружи и не изнутри юрты (Н 1052). В сказках этого типа из Центральной Азии последнее требование находит наиболее убедительное исполнение, основанное на особенностях традиционного жилища: нужно спрятаться между каркасом и кошмами юрты или чума. Наиболее распространены такие трудные вопросы: сколько раз за определенное время девушка проведет гребнем по волосам и шкуркой по палке-кожемылке (на такие вопросы обычно отвечают вопросом: сколько шагов сделала лошадь хана); сколько лет зайцу и медведю такого-то леса: сколько деревьев на такой-то горе (два последних вопроса мы встречаем и в одном из вариантов № 26, см.: Баскаков. Диалект черновых татар, с. 55).

Мотив Н 1021 (изготовление каната из пепла/песка) и Н 1024 (чтобы скот мужского пола давал молоко/телился), очевидно, принадлежат к древнейшим элементам фабулы сказок этого типа, так как они встречаются чуть ли не во всех вариантах, даже и там, где остальные задачи — совершенно иного рода [тибетский вариант (36): сто баранов должны принести две сотни мешков ячменя; требуемое количество ячменя можно доставить при помощи мешков из шерсти, состриженной с баранов, и ручек из их рогов; подобный мотив в ММТ 332 I—II].

Сказки первой группы, в свою очередь, имеют две разновидности: в большинстве монгольских вариантов за женитьбой ханского сына на умной девушке (часто это вторая невеста, избранная после того, как первая оказалась глупой, например вар. (28)) следует испытание ханского сына, а затем пленение хана и освобождение его с помощью умной снохи, понявшей смысл его зашифрованного письма (см.: Потанин. Украина, II, с. 178; этот мотив, не типичный для европейских редакций, обнаруживается и в ирландской сказке; см.: Märchen der europäischen Völker, III, с. 26/33).

Похуже, что вопрос о возрасте зайца и медведя и числе деревьев встречается только в алтайско-тюркских вариантах (2, 3, 8, 9), в них же мы находим и единообразное решение задачи. В монгольской сказке, в которой встречается этот мотив [вар. (23)], он редуцирован до вопроса только о числе деревьев и является мотивом усеченным. Наша сказка № 39 и вариант (3) представляют собой нечто вроде связующего звена между алтайско-тюркскими и монгольскими вариантами, так как кроме названных выше вопросов, характерных для алтайско-тюркских вариантов, они содержат еще и мотив зашифрованного письма. Эта сказка алтайских тувинцев не отражает влияния монгольских сборников, опубликованных двумя десятилетиями ранее, чем она была записана. Об этом, как и о ее «алтайско-тюркском характере», говорит и записанный Радловым в 1889 г. на Северном Алтае вариант (12), тоже содержащий мотив зашифрованного письма, прекрасно и оригинально изложенный (его пишут на крыльях пролетающих гусей), а также сравнение ложа с девятишлестным шелком. В известной мере особняком стоит внутримонгольский вариант (32), в котором присущий этой сказке социально-критический момент стал доминирующим. Мотив сватовства полностью выпал: своими вопросами и задачами богач хочет лишь доказать свое умственное превосходство над одним из своих бедных работников, но устыжен и побежден его дочерью (ср. с ламой в ММТ 330). Эта мотивация говорит о поздней трансформации первоначального мотива поиска умной невесты.

Внутреннее единство алтайско-тувинских вариантов указывает на единую традицию. Примечательной чертой варианта (2) является то, что хан узнает об особых способностях девушки еще до всяческих испытаний ее мудрости — по сиянию над ее головой.

О монгольских и тюркско-алтайских вариантах этой сказки, которые могли бы дать дополнительный материал сравнительному исследованию Яна де Фриза, посвященному в том числе и этому сказочному типу 875, «Die Märchen von klugen Rätselfösern» (Helsinki, 1928, FFC 73), см. подробнее: *Taube. Einige Gedanken* (но, к сожалению, со множеством опечаток).

1 См. примеч. 2 к сказке № 3.

2 Без тона и сапог человек считается неодетым.

40. Совет отца

(*Аданынг сургаалы*)

Записано от М. Хойтювека 7 августа 1967 г. в Онгаде.

Нем.: *Taube*, 1977, с. 123.

Ср. АТ 9101; ср. ММТ 212.

Сказка не имеет прямых параллелей. С некоторыми монгольскими сказками (*Потанин*. Окраина, II, с. 376; *Halßen II*, № 37), с одной киргизской (КиргНС, с. 155) и со сказками из Кампучии (*Gaudes*, № 43) и Бирмы (*Esche*, с. 43) ее связывает мысль, что совет отца, старшего и опытного, имеет глубокое обоснование и не может быть брошен на ветер. Эти сказки не миновали влияния Панчатантры. В них характер советов и то, что за ними следует, очень отличают эти сказки от нашей, их скорее можно отнести к типу ММТ 211, где советам не следуют. В киргизской же сказке и в монгольской сказке Потанина сын, напротив, делает то, в чем его убеждает отец (он собирает еще и советы других, добрых и старых людей), и это идет ему на пользу, как и юноше из нашей сказки, который доверился советам отца, хоть сначала и не понял их, и лишь потом убедился в их правильности.

41. Мергелдей

Запись на магнитофонную ленту от С. Гупана, произведена 21 июля 1982 г. в Аът баштыге.

Ср. АТ 1535; ср. АА 1535А и 1535*В; ТТВ 351; ср. ММТ 234; ср. КНМ 61, 146; ВР II, с. 10, III, с. 169.

Распространение: тув.: (1) ТТ VII, с. 214; (2) *Радлов*. Образцы, I, с. 302, № 12; куманд.: (3) *Басакаев*. Дialect кумандинцев, с. 169; уйг.: (4) *Märchenbaum I*, с. 23; дунг.: (5) *ДунгНС* с. 254, № 58; кирг.: (6) *КиргНС*, с. 219; узб.: (7) *Märchenbaum I*, с. 62; (8) *Шевурдин II*, с. 302; монг.: (9) *Потанин*. Очерки, IV, с. 235 (дербет.); (10) *МонгААЗД*, с. 176, № 50; (11) АА3Э, с. 45; (12, 13) *МонгАУ*, с. 17 и 115; (14) *МонгС* 1954, с. 111; (15) *МонгС* 1962, с. 25; (16) *МонгС* 1966, с. 29; (17) *Poppe*. *Khalkha-mongolische Grammatik*, с. 138; (18) *Mong. reader*, с. 80; (19) *Heissig*. *Mongolische Volksmärchen*, с. 178, № 41; (20) *Долоон хожгор*, с. 1; (21) *Хорлоо*, 1960, с. 67; (22) *Chodsa*, 1964, с. 85; (23) *Бомбуулэй*, с. 25; (24, 25) *Halßen II*, с. 112, № 50 и с. 115, № 51.

Довольно самостоятельный вариант одного из популярнейших в Центральной Азии сказочного типа, который особенно часто можно встретить в районе Монголии (монг.: «Долоон хожгор нег можгор»); эта сказка считается одной из самых распространенных бытовых сказок монголов (см.: *Хорлоо*, с. 67). Растрепе приходится бороться с происками семи лысых, и всякий раз с помощью хитроумия и находчивости ему удается обратить нанесенный ему вред себе на пользу и победить противников, которые гибнут по собственной же вине.

Эта версия «семи лысых и растрепы» бытует и у тувинцев Советского Союза [ср. вар. (1)]; правда, создается такое впечатление, что этот относительно краткий вариант [как и вар. (6)] основан на праверсии, характерной для монгольского варианта. Он ограничивается лишь рассказом об убийстве единственного верблюда, благодаря чему один лысый получает двух верблюдов, а семь лысых теряют семь своих верблюдов, и о том, как героя топят в мешке, что приносит ему хорошее платье и лошадь с богатой сбруей, в то время как семь лысых сами дают себя утопить (К 527, К 842). В монгольских вариантах, кроме того, еще сжигают юрту (ставя на пари пепел, лысый выигрывает золото и серебро) и убивают его жену или мать (и труп тоже приносит выгоду). Необычен для такой сказки конец: лысый получает в жены ханскую дочь и сам становится ханом, — возможно, это реликт эпизода с мертвой матерью, за которую герой часто получает ханскую дочь. Кроме того, удивляет чуть ли не демократическое поведение Караты Хаана (типично негативный образ тувинской сказки), который уважает работу простого человека и восстанавливает по отношению к нему справедливость. Здесь кажется забытым первоначальный смысл этого мотива. Конец Караты Хаана снова отвечает его обычному характеру — сдается, что это противоречие можно объяснить слабостью традиции. В монгольских вариантах

единственный верблюд или единственная корова, убитые семью лысыми, не возмещаются великодушно-справедливым жестом хана, а сам «глупец» замазывает кровью убитого животного белые пятна на лбу чужих животных, пасущихся в степи. Когда кто-то, считая их своими, спрашивает «глупца», есть ли у них пятна на лбу, тот отвечает отрицательно, бьется об заклад и таким образом выигрывает животных. Наш алтайско-тувинский вариант в первой своей части во всем отличается от остальных. Партнером оказывается хан, которому издала владение Мергелдея показалось красивее собственного [ср. лучшее поле зерна в тувинском варианте (1)]. Мотив двух ворон по своей идее напоминает тип АТ 1074, известный тувинцам (ср. ТТ IV, с. 179; ТНС I, с. 193); мотив варки на стволе дерева напоминает деревнянский котел из некоторых вариантов № 39 (АТ 875 и 1174). Третий мотив обмана противника, вернее, конкретная манипуляция, лежащая в его основе (наполнение толстой кишки кровью), постоянно встречается в другой связи (например, в варианте № 30), а его применение в № 41 весьма оригинально. К этой первой части примыкает тот комплекс мотивов (намерение утопиться, обмен со слепым, возвращение в роскошных одеждах, намек на возвращение со скотом, хан вместе со своими советниками прыгает в воду), благодаря которому сказка и относится тематически к типу АТ 1535. Существует и определенное сходство с калмыцкой сказкой «История о ложкоглотателе» (ср.: *Heissig. Mongolische Volksmärchen*, с. 186, № 44; Ramstedt, I, с. 22), где выгодный обмен также происходит без воздействия семи противников.

42. О ленивом старике

(Тувинское название отсутствует)

Записано от исполнительницы Джумук 16 июля 1982 г. у впадения р. Джылан-ныг в р. Кобдо.

Ср. АТ и АА 1641; ср. ТТV 311; ММТ 119, ср. 120; ТCV 190; Liungman 1640.

Распространение: тув.: (1) ТНС II, с. 42; (2) ТНС III, с. 86 (нем.: Taube, 1978, № 57); (3) ТТ III, с. 118; каз.: (4) Малюга, с. 82 (= KasVM, с. 154); узб.: (5) Швердин, с. 203; монг.: (6) *Потанин*. Окраина, с. 539; (7) МонгААЗД, с. 184, № 56; (8) МонгАУ, с. 81; (9) ААЗ, с. 42; (10) МонгС 1962, с. 35; (11, 12) МонгС 1966, с. 41, 131; (13) Halén, II, с. 72, № 39; (14) *Потанин*. Очерки, IV, с. 539, № 161 (дархат.); бурятск.: (15) Баранникова, с. 170; калм.: (16) Ramstedt, с. 56, № 13; тибетск.: (17, 18) с. 34, № 56, с. 35, № 57 (ср. также: с. 33, № 55); (19, 20) Tib. M. II, с. 211, 223; (21, 22, 23) Tib. M. IV, с. 84, 87, 149; (24, 25) Tib. M. I, с. 238, 243.

Рассказ Джумук состоял из несвязных отрывков, которые мне пришлось привести в порядок. По ходу рассказа она сама неоднократно поправляла себя или выражала неуверенность в последовательности мотивов. Сказку эту она слышала в детстве от отца, а позже не слыхала и никогда не пересказывала и постепенно забыла ее. И больше нам никто не рассказал и не упомянул этой сказки. Этот факт, а также сходство с джатакой № 465 и относительно редкое распространение среди тюркских народов и, напротив, множество монгольских и тибетских фольклорных вариантов говорят о том, что здесь была перенята монгольско-тибетская традиция, возможно восходящая к письменному образцу.

Предсказание будущего по свиной голове, на что часто намекает имя главного героя в монгольских и тибетских вариантах, и то, на чем оно основано [ср. среди прочих вар. (13 и 16)], — вообще-то нетипичный объект для скотоводов-кочевников, — в № 42 не играет никакой роли. Здесь герой пользуется затвердевшей мучной похлебкой, чтобы, постукивая по ней, якобы предсказывать будущее [правда, в вар. (2) это все-таки овечья голова]. Совершенно необоснованное и неожиданное возникновение имени Гагай-Голдээчи (монг. *gaхай* — «свинья», ср. с тув. и калм. *tolgeci* — «предсказатель») также свидетельствует о заимствовании, предположительно через монголов, причем кое-что оказалось непонятным и поэтому было переосмыслено. Так, например, в нашем варианте неясно, откуда старику известны имена конокрадов. В тувинском варианте (2) они сами называют ему их, испуганные его великой славой всезнающего предсказателя [ср. также и тибетский вариант (21)]. Это тоже очень похоже на вторичное толкование. Более правдоподобна такая версия: воры случайно проходят мимо предсказателя, который, возможно, ударяя по затвердевшей похлебке, произносит что-то вроде «первый, второй...», принимают эти слова на свой счет и считают себя разоблаченными (ср. АТ 1641 II); неверное толкование случайно услышанных слов встречается в этой связи и в других вариантах из Центральной Азии [вар. (4, 16, 19 и др.)]; например, в варианте (16) старик поглаживает живот, обращая к нему слова «твердый» и «мягкий», что как раз оказывается именами проходящих мимо юрты воров.

Предыстория вопросов и ответов, из которых старик будто бы делает заключение о демонической сущности ханши, быка и собаки (они шли красивее всех других), станет яснее из западнотибетских вариантов (20, 23), записанных от скотоводов-кочевников. Здесь царю вдруг встречается красивая девушка, ведущая быка, и

он получает ее в жены себе и своим братьям, после чего все братья, начиная с младшего, друг за другом заболевают и умирают. Когда очередь доходит до него самого, он призывает ясновидца со свиной головой.

Комплекс мотивов, содержащийся в отдельных вариантах, варьирует. Вводный мотив о ленте, которого его жена хитростью (прятанием чего-нибудь съедобного вблизи юрты) побуждает вести себя по-мужски и отправиться в путь, чтобы сделать что-нибудь для поддержки семьи, присутствует всегда, несмотря на какие-то отклонения [например, вариант (4) начинается мотивом о двух богатых и их бедном брате, которого они с целью погубить его выдают за предсказателя). Примыкающие к этому сцены (попытка поймать в норе лису или зайца вплоть до потери шапки, собаки, лошади с оружием, а иногда и с одеждой) несут довольно стереотипный характер. К основному составу следующих друг за другом мотивов, имеющихся и в нашем алтайско-тувинском варианте, относятся: нахождение украшения [в большинстве тибетских вариантов это бирюза — вместилище души, нечто сходное видим и у монголов, например, в варианте (13), где потеря кольца непосредственно связывается с заболеванием], нахождение лошадей, исцеление хана, демоническая природа ханши, а также быка (иногда и собаки) хана и возвращение старика с богатыми подарками; калмыцкий вариант с мотивом недовольства жены перекликается со «Сказкой о рыбаке и его жене» (КНМ 19) и русской «Сказкой о рыбаке и рыбке», но, конечно, без свойственного волшебной сказке исчезновения всего обретенного в конце. Характерный для восточнославянской сказки мотив «отгадай, что у царя в сулаке» (ср. АА 1641) имеется и у казахов [вар. (4)].

Излечение ханской дочери [вар. (1) и др.] напоминает тувинскую волшебную сказку сходного содержания (ТТ III, с. 26; ТНС 1971, с. 139), которую можно встретить и у других тюркских народов, и у монголов (ср.: Таубе, 1978, примеч. к № 30). Важный здесь мотив понимания языка животных как предпосылки исцеления ханской дочери встречается в том же контексте и у тибетцев [вар. (25)].

Во многих вариантах [например, (2, 6)] под конец старика призывают к помощи против войска враждебного хана, и, несмотря на обаявший его страх, ему и здесь удается благодаря случаю обратиться врага в бегство (ср. тип 1154, ТТV 365). Это нечаянное изгнание вражеского войска, напуганного падением старика с дерева, напоминает нам и об одном эпизоде в 19-м рассказе Siddhi-kür (Jülg. Mongolische Märchensammlung, с. 164 и сл.; ср. BP I 162).

Сказка № 42 отличается от других вариантов отсутствием типичного для многих вариантов социально-критического, а также антиламаистского или антишаманистского аспекта [ламы и шаманы, как правило, не могут помочь; в вар. (7) герой — юноша, проживший три года в монастыре и ничему не научившийся!]. Но вместе с тем отступает и все, что напоминало бы бытовую сказку и шванкообразный характер этого типа, который задан еще вначале. Демонические силы, окружающие хана, довольно могучи, и от этого варианта создается впечатление, что рассказчица видит в старике все-таки нечто особенное: потребованное от него (излечение ханши и разоблачение демонов) он совершает и в силу каких-то особых, по крайней мере умственных способностей. Может быть, причина этого вообще в древнем характере фольклора и культуры алтайских тувинцев, которому еще чужда ирония этой сказки (см. Предисловие).

1 См. примеч. 3 к сказке № 17.

2 См. примеч. 4 к сказке № 5.

3 Человек, который гадает по свиной голове.

4 См. примеч. 5 к сказке № 17.

5 См. примеч. 4 к сказке № 10.

6 Рассказчица замечает: «Не знаю, откуда он узнал эти имена!»

43. Хитрая проделка нищих монахов (Бадарчы ламиларнынг джалы)

Записано Ч. Галсаном, помнившим сказку с детства, 30 августа 1967 г. в Цэнгле.

Нем.: Таубе, 1977, с. 109.

Ср. ММТ 409 и далее.

Очень слабое сходство с двумя типами сказок, бытующих у монголов и калмыков. Общие с ММТ 409 начало: прожорливость нищих монахов — то же, что лежит в основе родственного типа сказок о голодном священнике (попе) (АТ и ВВС 1775).

На мотиве вступивших в сговор монахов, понимающих друг друга по намеку, как и в калмыцкой сказке (ММТ 410), основан юмор тувинского варианта, который кончается тем, что хитрость их идет обоим на пользу, в то время как в калмыцкой сказке в соответствии с нормами шванков о священниках и запахах нищие монахи терпят поражение.

44. О мальчике ростом с коленную чашечку
(Тувинское название отсутствует)

Записано от двенадцатилетнего ученика Бадарыннг Пэпизона 3 июля 1969 г. в Дюктегтге.

Нем.: Taube, 1978, с. 239, № 45.

Ср. АТ 700; ММТ 376 и далее; ТТV 288; КНМ 45; ВР I 389; Liungman 700.

Распространение: тув.: (1) ТНС II, с. 51; ср. также «Оскюс оол», с. 47; алт.: (2) Танзаган, с. 111; кирг.: (3) КиргНС, с. 230; каз.: (4) Казиев, с. 60; туркм.: (5) Ярты-Гулок, с. 32; узб.: (6) Швердин, II, с. 129; ср.: (7) Швердин, I, с. 232; калм.: (8) Ramstedt, с. 69, № 14; монг.: (9) Потанин. Очерки, IV, с. 550, № 166 (дархат.); (10) МонгААЗД, с. 180, № 52; (11) ААЗ, с. 29; (12) МонгАУ, с. 152; (13) АУБ II, с. 14; (14) Владимирцов, с. 91; (15) Rintchen, с. 143; (16) МонгС 1966, с. 122; (17) МонгС 1962, с. 96; тибетск.: (18) Tib. М. II, с. 253; (19) Tib. М. III, с. 72; (20) Tib. М. I, с. 247 (= Schuh, с. 22, № 38).

Вариант Пэпизона, несомненно, восходит к более длинной сказке, что видно и из приведенного текста. [У туркмен вокруг образа Ярты-Гулока образовался целый цикл сказок. В узбекском варианте (5) сначала было семь братьев, все величиной с ухо, от них хотят избавиться старые родители, младший спасается и становится их опорой.] В некоторых вариантах содержится мотив ягненка, подкладываемого спящей девушке (имитация рождения уродца). Пэпизон упомянул такой эпизод в заключение своего рассказа, но не мог вспомнить его точно и связать с предыдущим. Тибетский вариант (20) начинается историей о зайце, часто встречающейся у тибетцев как вариант тувинской сказки о лисенке (ср. № 47—49, а также: Taube. Fuchsgeschichten).

Интересен также выбор предмета, избираемого разными народами для определения величины героя сказки. Алтайско-тувинский мальчик величиной с коленную чашечку аналогичен мальчикам величиной с пальчик (в тувинских, киргизских сказках), с ухо (в алтайских, узбекских), в полверблюжьего уха (в туркменской), с козий хвостик (в тувинской, монгольской), с горошину (в узбекской).

¹ Тув. *оокай* — «старичок» — табуированное название волка, ср.: Taube. Zum Problem der Ersatzwörter, с. 592 и сл.

45. Три брата, или

Пузырьголова, Ниткошейка и Камышовая ножка
(Уш алышкы)

Магнитофонная запись от сказительницы Арсыый (тридцати с небольшим лет), произведена 7 августа 1967 г. в Багы булаке.

Нем.: Taube, 1978, с. 243, № 47.

Ср. АТ 295; ср. ММТ 248; ср. КНМ 18; ВР I 125; ср. ВСС 295.

Распространение: тув.: (1) Потанин. Очерки, IV, с. 359, № 97; (2) тофалар.: Шерхунаев, с. 247; калм.: (3) Ramstedt, с. 2, № 1; монг.: (4, 5) МонгААЗД, с. 188, № 60 и далее; бурятск.: (6) БурНС, с. 270; тибетск.: (7) Schuh, с. 29, № 47.

Характер братьев в вариантах (2) и (5) совпадает с таковым в № 45 (Яйцо-голова, Волосошейка, Ковыль-ножка). В других сказках братья иного рода: вариант (6) (бурятск.) — Шерстинка, Яйцо и Трава; в тувинском варианте (1) соляной, бумажный и костяной мальчики, которых соответственно растворяет дождь, уносит ветром, съедает собака [подобно мальчикам из жира, масла и ковыля в варианте (5), где, правда, мальчик из масла остается сидеть у очага и не погибает]. В варианте (2) Яйцо-голова погибает, так как слишком радуется тому, что после смерти Ковыль-ножки и Волосошейки сможет один съесть принадлежавшую всем троим овцу [ср. вар. (7), а также начальный мотив «шести братьев» — ТНС 1971, с. 59; МонгАУ, с. 20, — где пятеро из шести братьев съедают все шесть овечьих позвонков, не оставив шестому его доли]. Возможно, стихотворная вставка нашего варианта и является указанием на версию с шестью братьями. Ср. также бурятскую сказку (БурНС, с. 407), где Жирок-пузырек, Опаленный стебелек и Травинка-неженка живут вместе с Козлом-простаком и Бараном-невеждой (см. № 68). Только тибетский вариант отличается от других: здесь действуют три птицы (Длинноклювка, Длинноножка, Толстопузка): они варят суп, Длинноклювка, пошемивая его клювом, обжигается и умирает, Длинноножка пляшет на печи от радости, что ей достанется большая доля, и умирает, Толстопузка съедает все одна, переедает и тоже умирает.

46. Дождик

(Дамды)

Записано Ч. Галсаном (воспроизведено по памяти) осенью 1965 г. в Марккелберге.

Ср. начальный мотив в БурНС, с. 269.

47. Хитрый лисенок (Хуг дилгижек)

Записано от А. Баайаа 24 августа 1967 в центре аймака Баян Улэгэй.

Нем.: Taube, 1978, с. 11, № 2.

Ср. АТ 37* + 2 + 113В; 327D; ср. ТТV 5, Liungman 2.

Распространение: тув.: (1) Катанов, с. 972; (2) Радлов. Образцы, IX, с. 101, № 897; (3) Баскаков. Диалект черневых татар, с. 67; монг.: (4) Потанин. Очерки, IV, с. 552, № 168.

Другие алтайско-тувинские варианты см.: Mat. Т., № 48; запись от 5 сентября 1966 г. от Б. Семби (Дилгижек) и 31 августа 1967 г. от Джучаша, четырех с половиной лет, сына учителя Баатыра.

Представленные номерами 47—49 сказки о хитром лисенке широко распространены не только среди тувинцев Алтая, где мы часто встречали их, но и по всей территории Центральной Азии и, конечно, далеко за ее пределами. Отдельные эпизоды и мотивы, характерные для этих сказок о лисе, могут выступать и вставными самостоятельными единицами в других сюжетах — совсем короткими как проделка лисенка, когда ему жарили хёдбег в сказке Джучаша (Taube, 1978, № 6), или более длинными, составляющими целый комплекс, в повествовании о семи желтых козах, вплоть до гибели старика и его жены (Taube, 1977, с. 113). Но они могут и более или менее свободно в варьирующей последовательности нанизываться друг за другом (№ 47, 49 или в записанных А. Франке тибетских сказках о лисе — ср.: Hoffmann, № 17). Цепочка мотивов, начиная с подвешивания лисы на обруче дымового отверстия с последующей ее хитрой уловкой, позволившей уничтожить детей своего врага, и вплоть до смерти ошпаренного старика, встречается и в виде самостоятельной сказки [ср. вар. (4) и наш № 30 и их тувинский вариант «Дёнг Хёёжюк», ТТ VII, с. 219; нем.: Taube, 1978, № 56]; здесь хитрец — мальчик или старик, а тот, кого он перехитрил, — джелбеге (ср. коммент. к № 30). Последняя проделка лисы — вариант тувинской сказки «Кот-наставник» (ТНС 1971, с. 193; нем: Taube, 1978, № 17), распространенной и у монголов.

В варианте (1) лисенок лишен коварства: он пасет овец безо всяких происшествий и помогает старику захватить множество волков. Монгольский вариант (5) является континиацией чуть ли не всех мотивов о коварстве лисы, встречающихся и в сказках о лисе, ср. № 48, 49 и др., и в сказках о других животных, например, в тувинских сказках «Кырган сааскан» («Старая сорока» — ТНС III, с. 109; на нем. яз.: Taube, 1978, № 4) и «Койгунак» («Заяц» — ТНС I, с. 30; на нем. яз.: Taube, 1978, № 15).

48. Лукавый лисенок (Зэлтин дилгижек)

Записано от двенадцатилетнего школьника Пэпизэна 3 июля 1969 г. в Дюктег-тиге.

Нем.: Taube, 1978, с. 14, № 3.

Ср. АТ 2,10***, 37*; ср. ТТV 5. Ср. Liungman 1 и 2.

Другими алтайско-тувинскими вариантами являются № 47 и 49; см. также коммент. к № 47 и 49.

Рассказчик начал свою сказку с комплекса мотивов об усыновлении лисенка стариками, о хищении семи коз, приготовлении хёдбегна и до смерти стариков — это начало здесь выпущено, так как оно полностью совпадает с № 47.

В начальном эпизоде с горным козлом можно обнаружить переклички с № 53 и двумя сказками из Тувы: «Хунажик» («Козлик» — ТНС 1971, с. 179; на нем. яз.: Taube, 1978, № 10) и «Шынга аштырган Хаан» («Хаан, побежденный истиной» — ТТ VII, с. 179, рассказ З. Чундунга; на нем. яз.: Taube, 1978, № 51). Мотив старика, возвращающегося с охоты без добычи, бытует у казахов в качестве самостоятельной сказки (КазНС 1979, с. 253). О мотиве убийства путем отнесения от огня до тех пор, пока партнер не свалится в пропасть, см. № 49, а также тибетские сказки о лисе (Hoffmann, с. 90, № 5; см. коммент. к № 49).

49. Лисенок (Дилгижек)

Записано от 65-летнего пастуха Ш. Дэмби 10 июля 1969 г. в Бююрээлиге.

Нем.: Taube, 1978, с. 21, № 7.

Ср. АТ 1,10***, 21*, 37, 37*.

Распространение: тув.: (1) ТНС I, с. 30; монг.: (2) Потанин. Очерки, IV, с. 552, № 168 (дархат.); монгорск.: (3, 4) Тодаева. Монгорский язык, с. 211 и 234; тибетск.: (5) Hoffmann, с. 90; (6) Francke, с. 420; (7) Schuh, с. 23, № 39, ср. также с. 26, № 44.

К типичному для сказок о лисе началу — лиса становится пастухом и пожирает доверенных ей овец — в повествовании Дэмби примыкает еще и эпизод о волке, вмерзшем в лед; и то и другое содержится в стереотипном изложении в № 47 и поэтому исключено из текста. Продолжение является вариантом тувинской сказки «Койгунак» (1), где центральной фигурой служит заяц. Обе сказки имеют общий эпизод (обман обманщиков — нищих монахов; К 341.2, К 371.1) с тувинской сказкой «Лама и суслик» (ТНС III, с. 75; нем.: Taube, 1978, № 72). Ср. также вар. (5), Hoffmann, № 17/5 и 8. Этот мотив также встречается в виде самостоятельной сказки. Характерный эпизод — лиса заставляет других зверей пожирать собственные глаза — имеет параллели и в тибетских сказках (Tib. M. III, с. 266; Hoffmann, № 17/5): здесь лисенок заклеивает глаза волку, ибо только так он сможет увидеть «страну богов и людей», — такое объяснение (явно более позднее, чем просто желание съесть что-нибудь вкусное) получает здесь этот мотив. Наш номер кончается, как и № 48, мотивом К 891. 5. 2 (оттеснение спящего к краю скалы).

В алтайско-тувинских сказках обнаруживаются элементы, по-видимому уходящие корнями в эпоху охотничьей культуры, мы видим это на примере сказок о лисенке, тарбагане и в № 36 с его тенденцией сохранения природы (ср. коммент. к № 36). Может быть, и мотив убийства путем оттеснения к краю пропасти отражает широко практиковавшиеся в древности методы охоты, когда дичь загоняли на край пропасти? Не было ли первоначальной целью рассказывания сказок о лисенке, подобно рассказыванию историй о койотах у индейцев-скиди Северной Америки (Пропп, с. 359), способствовать переходу ловкости животного, героя сказки, на рассказчика или его слушателей, ведь такое рассказывание сказок на охотничьих стоянках обязательно вплоть до сегодняшнего дня? Это могло бы стать объяснением того, почему в противоположность общей скудости репертуара сказок о животных у алтайских тувинцев у них бытует относительно много сказок о лисе и почему здесь, как и везде, один эпизод следует за другим: чем больше приводится примеров хитрости и изворотливости лисы, тем более этих качеств может перейти на человека, а для того, что он собирается предпринять, это необходимо.

Подробнее об этом типе сказок о лисе и роли лисы в фольклоре Центральной Азии см.: Taube. A. H. Francke's Fuchsgeschichten.

50. История о тарбагане, или Почему тарбаган проклял самого себя (Тарваганнинг тбдгүзү)

Рассказано плотником кооператива С. Хорлу в августе 1966 г. в Цэнгэле (записано позже Ч. Галсаном).

Нем.: Taube, 1978, с. 42, № 19; Taube, 1968, с. 271 (тув. текст на с. 268, вар. С). В Mat. Т. имеется еще один алтайско-тувинский вариант, рассказанный Ч. Галсаном весной 1966 г. в Маркклуберге по воспоминаниям из времен детства. Магнитофонная запись опубликована: Taube, 1968, с. 269 (тув. текст на с. 267, вар. А), третий вариант записан на магнитофонную пленку от арата Дж. Олджея 26 октября 1985 г. в Хох даваа (сомон Заамар, Центральный аймак).

Распространение: тув.: (1) № 51; (2) № 52; (3) ТТ VII, с. 245; (4) Потанин. Очерки, IV, с. 179, № 6 а; алт.: (5, 6) с. 179 и далее № 6 б и е (теленгитск.); (7) Никифоров, с. 251; кирг.: (8—11) Потанин. Очерки, II, с. 151, № 6 б, в, г, д; монг.: (12—15) Потанин. Окраина, II, с. 345 и далее, № 6/1—4 (халх. и солон.); (16—18) Потанин. Очерки, II, с. 151, № 6 а, е, ж (монг.-урианх. и хотогойт.); (19—21) IV, с. 179 и далее № 6 а, г, д (дербет., богдо-шабинар, бурятск.); (22) Гаадамба, с. 66; (23) Sticker, с. 401 и далее; Dähnhardt, с. 458.

История происхождения тарбагана — этимологическая сказка, широко распространенная на Алтае и в Монголии, — по всей вероятности, является отражением важного значения тарбагана как объекта охоты и в то же время смертельной опасности, ибо он является распространителем чумы (ср.: Taube, 1968, с. 263 и далее). Алтайские тувинцы (в отличие от проживающих с ними в том же районе казахов) в охотничий сезон не без удовольствия употребляют в пищу мясо тарбагана. А так как они и без того охотятся на тарбагана ради его шкурки, этим они на какое-то время сохраняют свой скот. Рассказы о происхождении тарбагана относятся к комплексу тем о заносчивом и высокомерном стрелке, с которым мы уже встречались в № 36.

В районе Алтая и Западной Монголии, где произведено большинство записей этого сюжета, история происхождения тарбагана и его типичных свойств и привычек часто связывается с двумя мотивами: 1) происхождение раздвоенного хвоста черного коршуна (в монгольских вариантах чаще ласточки); 2) стрелок, который стреляет по множеству солнц (число которых различно). Превращение заносчивого стрелка в тарбагана совершается как следствие того, что он проклинает самого себя, дает клятву или — особенно часто в монгольских вариантах — под влиянием воз-

действия сверхъестественного существа. И только тувинские варианты с Алтая дают объяснение особенностей крика тарбагана и того, каким образом везут с охоты убитых тарбаганов, и только в них история происхождения тарбагана связывается с объяснением двух похожих на глаз углублений в черепе архара (ср. № 51) и истолкованием обычной оставлять в горах его рога. Монгольские варианты дают объяснение происхождения тушканчика и поведения ласточек с наступлением сумерек. В некоторых, главным образом монгольских, вариантах несчастный стрелок превращен в звезду. В теленгитском варианте (4) выстрел направлен на крылья Хан Гэрди, мифической птицы. Здесь просматривается отчетливая связь с нашим № 69, где в эту птицу надо выстрелить, потому что она заслоняет солнце над городом Пекином (см. коммент. к № 69 и Erkes, с. 32 и сл.). У алтайских тувинцев мы находим две мотивировки выстрела, повлекшего за собой столь серьезные последствия: высокомерие стрелка (№ 50) и состязание в стрельбе из лука, которое, как это следует из № 52, является не только спортивным соревнованием, но и борьбой за господство над живыми существами, кажется еще не разделенными на людей и зверей.

Рассказ о происхождении тарбагана завершает одну казахскую сказку совершенно иного рода (Казиев, с. 117; ср. № 36). См. также: Taube, 1969; Taube, Naturschutzmärchen.

1 См. примеч. 4 к сказке № 5.

51. История о тарбагане, или Почему у архара всего два глаза (Тарваганнинг төбөгүзү)

Магнитофонная запись сказки, рассказанной двадцатидвухлетним Ч. Талсаном весной 1965 г. в Маркклеберге по воспоминаниям юности.

Нем.: Taube, 1978, с. 41, № 18; Taube, 1968, с. 270 (тув. текст на с. 268, вар. В.).

Вариантом является № 52, см. коммент. к № 50.

1 См. примеч. 4 к сказке № 5.

52. Тарбаган и архар (Тувинское название отсутствует)

Записано от Сурнаг оглу Хуваака 19 июля 1982 г. в Остуге.

Расширенный вариант этой сказки — № 51. См. коммент. к № 50.

1 См. примеч. 4 к сказке № 5.

53. Бычок-ячок, баранчик и козлик (Буга буруу, гужа хураан, анай деге үштүнг үлгери)

Записано от А. Баайаа 24 августа 1967 г. в центре аймака Баян Улэгэй.

Нем.: Taube, 1977, с. 107.

Ср. AT 125, 126A + 78; ср. 1152; ср. MMT 39,18; TTV 11; TCV 3,10; AA 126; BCC 125, 126A*; Liungman 130.

Распространение: тув.: (1) THC 1971, с. 179 (= TT II, с. 185, THC I, с. 34; Taube, 1978, с. 25); (2) TC, с. 169; каз.: (3) Сидельников, с. 114; (4) КазНС 1979, с. 256; (5) Бозинген, с. 27; кирг.: (6) КиргНС, с. 266; чувашск.: (7, 8) Serow, с. 76, 161; узб.: (9) Швердин, I, с. 17; туркм.: (10) Erbeig, с. 58; монг.: (11) Потанин. Окраина, II, с. 194; (12) Потанин. Очерки, IV, с. 554, № 169 (дархат.); (13) МонгААЗД, с. 139, № 25; (14) ААЗЭ, с. 72; (15, 16, 17) Содном, с. 107, 109, 126; (18) Rintchen, с. 5; (19) МонгС 1962, с. 203; (20) МонгС 1966, с. 242; (21) Neimeng, с. 34; (22) Halén, II, № 60; ср.: (23) Heissig. Mongolische Volksmärchen, с. 87, № 17; (24) ЯМВМ, с. 41; бурятск.: (25) БурНС, с. 407; кавк.: (26) Dirr, с. 167 (абхазск.).

У народов Центральной и Средней Азии бытуют некоторые типы сказок, характерные для среды кочевых скотоводов. Наряду с распространенной, преимущественно у монгольских народов, сказкой об осиротевшем верблюжонке или осиротевшем жеребенке (ср. MMT 71, 72) к ним относится и сказка о трех (иногда — двух, реже — об одном) детенышах животных, которые, оставшись одни-одинешеньки, сумели победить волков (или тигров). Чаще всего, брошенные на старом пастбище, когда все уже перекочевали на новое, они оказываются в той же ситуации, что и верблюжонок или жеребенок в сказках указанного выше типа: потеряв свою мать и защиту стада, они беззащитны перед лицом всех опасностей, которыми так богата степь. Примечательно, что во всех известных мне вариантах среди трех животных

на разе не встречается жеребенко, что опять-таки подчеркивает особое положение лошади среди пяти видов домашних животных. В известной мере эти два типа сказок дополняют друг друга. Расширение сюжетов встречается редко, например в бурятском варианте с Жирком-пузырьком, Опаленным стебельком и Травинкой-неженкой, которые живут вместе и подвергаются угрозе со стороны волка, пока не выходит наконец козлик и не отпугивает волка своими рогами, бородой и мошонкой. Среди молодняка вообще самым смелым и дерзким оказывается козлик (возможно, это связано с тем, что овцы и козы обычно пасутся вместе, причем козам принадлежит ведущая роль, так как они лучше знают горы, чем овцы, послушно следующие за ними). В алтайско-тувинском варианте козел как раз и не стоит на первом месте в иерархии, намеченной именами (Эргим Тайжы — «Главный принц», Ортун Тайжы — «Средний принц», Бууланг Тайжы — «Последний принц», буквально нечто вроде «Хвостовой принц»), но и здесь он — *spiritus rector*, дающий имена.

Есть целый ряд мотивов, исконных для сказок о трех детенышах животных (они необязательно встречаются все вместе, и порядок их появления может быть разным). В рассматриваемой сказке есть все самые существенные из этих мотивов:

1. Трое покинуты на старой стоянке.

2. Запугивание волка ответами на его вопросы о том, что представляет собой то или это и для чего служит то, что: а) сверкает на голове (рога), б) болтается под челюстью (борода), в) висит меж ног (мошонка); вариант 2в часто отсутствует, — может быть, по субъективному решению редактора или переводчика, пугающихся часто наивности фольклора в «щекотливых» вопросах (алтайско-тувинский вариант в отличие от других тувинских вариантов наиболее откровенный и тем самым аутентичный). Поэтому же в опубликованных редакциях не встретить и четвертого вопроса волка: (г) об отвердевшем от страха члене (копыте, чтобы пронизать им), из чего вряд ли можно заключить, что такой вопрос не встречался ни в одном варианте.

3. Бегство на дерево, чтобы спастись от врага, падение одного из зверей и восклицание: «Хватай волка!» (этот же мотив мы встречаем в другой связи в сказке о случайной удаче, где испуганный волк или тигр забирается вместе со своими спутниками, взгромоздившись друг на друга, на дерево, куда уже раньше взобрался герой, который таким криком побуждает к бегству стоящего внизу, отчего падают все остальные).

4. Пирующие и музицирующие волки обращаются в бегство при виде шкуры (иногда — головы) околешего волка (о запугивании волка выдумкой, что, мол, нужно собрать волчьи шкуры для Гурмусту, ср.: *Потанин*. Окраина, II, с. 170).

Для многих вариантов характерны ответное музицирование козленка, угрозы в стихотворной форме и раздача имен в начале сказки.

В алтайско-тувинской версии первый волк, спасаясь бегством, попадает в западню, в других же вариантах доминирует мотив связанных друг с другом зверей. В одной казахской сказке (Сидельников, с. 200) некоторые мотивы нашей сказки встречаются как приключения барана и козла, разыскивающих лекарства для своих бывших владельцев. Примечательно, что при весьма широкой популярности сказок этого типа в обширном регионе сохраняется однородность их сюжетного содержания, тогда как в подобных случаях, касающихся волшебных сказок, можно наблюдать часто труднообозримое разветвление сюжета и большую вариативность мотивов. В связи с нашей сказкой интересно также примечание к ТТV 11 (с. 34, V).

54. Серая птичка с шишкой на груди (*Бедегелиг бора гушсаитынг улегери*)

Записано от исполнительницы Баайаа 24 августа 1967 г. в центре аймака Баян Улэгэй.

Нем.: Taube, 1977, с. 30.

Ср. АТ 2034 А*; ММТ 7/19; ср. ТТV 19; КНМ 80, ВР II 146, АА* *2015 I.

Распространение: тув.: (1) ТС, с. 179 (= ТНС III, с. 141); (2) *Баскаков*. Диалект черновых татар, с. 28; алт.: (3) Танзаган, с. 37; (4) Алтайские сказки, 1974, с. 51; каз.: (5) Сидельников, с. 191; (6) Малюга, с. 108; (7) Бозинген, с. 175; кирг.: (8) КиргНС, с. 255; узб.: (9) Швердин, I, с. 57; калм.: (10) КалмС 1982, с. 135; монг.: (11) ААЗ, с. 46; (12) МонгААЗД, с. 134, № 20; (13) АУБ II, с. 9; (14) МонгАУ, с. 19; (15) МонгС 1967, с. 26; (16) Halén II, с. 124; венг.: (17) Orfútaу, № 26.

Все варианты из Центральной Азии очень сходны друг с другом. Особенно близки тувинские, казахские, киргизский, алтайский (3) и монгольские варианты. Алтайский вариант (4), возможно, краткая редакция с ошибками варианта (3): овца должна съесть волка! При сравнении двух тувинских вариантов этой сказки — из Цэнгэла и Тувинской АССР — особенно заметно различие между текстом оригинальным и опубликованным: здесь — скромный вариант, где ход повествования сконцентрирован на существенном, там — изукрашенный, стилистически олитературенный текст с поучительным концом.

По содержанию совершенно отличен только узбекский вариант (9), очевидно представляющий гораздо более позднюю ступень развития сюжета, в котором совершенно пропал мотив возмездия: воробей нашел ящичек с хлопком, он облетает различных людей, которые обрабатывают и перерабатывают хлопок, пока наконец из хлопка не сделан наряд, которым воробей похваляется перед подшо (падишахом): «Мой наряд красивей!» Но подшо, повелевший убить его за это, погибает сам, и тогда воробей восклицает: «Теперь у меня легче на сердце!» — причина остается неясной. Абстрактный социальный протест в этом конкретном случае вряд ли может быть достаточным объяснением, очевидно, первоначально этому предшествовало (как в других вариантах) то, что подшо оскорбил воробья.

55. Где рыжий козленок?

(Тувинское название отсутствует)

Записано от А. Баайаа 24 августа 1967 г. в центре аймака Баян Улэгэй.

Нем.: Taube, 1977, с. 111.

Как и № 54 и 56, является образцом кумулятивной сказки.

56. Кто сильнее?

(Гежээ)

Магнитофонная запись от 15-летнего Буянтогтоха, сына рассказчика Б. Семби, произведена 24 июля 1982 г. в Аът баштыге.

АТ 2031; ММТ 439.

Распространение: тув.: (1) ТНС I, с. 16; (2) ТТ II, с. 200; кирг.: (3) КиргНС, с. 115; узб.: (4) Швердин, I, с. 54; каз.: (5) Бозинген, с. 60; (6) Сидельников, с. 193; калм.: (7) КалмС, с. 118; монг.: (8) Halén II, с. 131, № 59; инд.: (9) Kathasaritsagā, с. 109; бирманск.: (10) Esche, с. 155 (капен); (11) Ziem, с. 5.

Среди «сильных» чаще всего встречаются лед, солнце и дождь, облака и ветер, гора и скалы, трава, животные (архар, собака, тарбаган, волк). Некоторые варианты просто кончаются выводом, что сильнее всех — человек. Другие возвращаются к исходной точке: наступают на воинственный пузырь и растаптывают его (7). В тувинском варианте из Цэнгэла круг гармонично замыкается: врач, оказавшийся самым сильным, излечивает ногу зайца, которую тот сломал на льду. Узбекский вариант, тоже начинающийся с мотива сломанной ноги, не имеет мотива излечения и вместо этого предлагает в самые сильные крохотное животное — муравья [ср. в казахском (6) и бирманском — мышь], физические особенности которого поясняются. В основном совпадающий с узбекским казахский вариант (5) кончается ответом на вопрос, почему муравей теперь стал таким худым и может таскать только то, что не больше его самого размером.

57. Сказка-гадание

(Тувинское название отсутствует)

Магнитофонная запись от Балдына, произведена 2 июля 1969 г. в северном Оруктуге.

Ср. АТ 1960J; ММТ 442.

Распространение: каз.: (1) Сидельников, с. 403; (2) с. 405; кирг.: (3) КиргНС, с. 217; бурятск.: (4) Балдаев, с. 383; (5) с. 385; (6) Шадаев, с. 98; монг.: (7) МонгААЗД, с. 141.

Короткий текст, спонтанно рассказанный исполнителем в ситуации, которая требовала вовлечения в повествование некоторых из присутствующих, примыкает к определенному типу небылиц, в которых изображается небылая или невозможная ситуация, заканчивающаяся заключительным вопросом, обычно: «Кто (из встретившихся в сказке лиц или вещей) самый большой?» Это сближает такие сказки с излюбленными, очевидно, в Центральной Азии сказками-тестами, направленными на определение уровня интеллектуального развития и живости ума детей.

Вариант Х. Балдына конкретным адресом своих вопросов отличается от вариантов, представляющих этот тип.

58. Сказка лгуна

(Мегеченинг үлегери)

Магнитофонная запись от 37-летнего учителя П. Дживаа, произведена 11 августа 1967 г. в центре сомона Цэнгэл.

Нем.: Taube, 1978, с. 311, № 73.

ММТ 433, ср. 434.

Распространение: каз.: (1) Казиев, с. 70; кирг.: (2) Потанин. Окраина, II, с. 381; узб.: (3) Швердин, II, с. 367; туркм.: (4) Erberg, с. 5; калм.: (5) Калмс 1982, с. 5; бурятск.: (6) Потанин. Окраина, II, с. 379; монг.: (7) Потанин. Монгольские сказки, с. 19.

Небылицы подобного рода можно встретить у всех тюркских и монгольских народов Центральной Азии (ср., например: Balázs, с. 148). Правда, редко встречаются собственно небылицы сами по себе, как в этой тувинской сказке. Чаще рассказывание определенного числа звеньев небыличной цепочки (30, 41, 70, 71) является условием получения невесты (в бурятском варианте — освобождения от владыки мира), и тогда ее можно встретить включенной в простое рамочное действие.

Собственно небылица чаще всего начинается с парадоксального изображения семейной ситуации. К типичнейшим мотивам относятся также насаживание друг на друга палки, ножа и иглы и последующее вскарабкивание на них и удавшиеся под конец поиски утраченного скота, спор неодинаково смазанных жиром сапог, отрывание собственной головы, для того чтобы использовать ее в качестве инструмента (для рубки льда и др.), и потеря головы. Наиболее близки к тувинской сказке казахский и киргизский варианты.

¹ См. примеч. 4 к сказке № 5.

² Поев мяса, жирные пальцы вытирают о сапоги или о кожаный аркан, чтобы сохранить их эластичность, используя тем самым даже малейшие остатки жира.

59. Мангыс на луне

(*Айда дуар мангыстынг дугайы*)

Записано от 74-летнего Л. Джигжина 10 июля 1969 г. в Бююрээлиге.

Нем.: Taube, 1978, с. 300, № 65.

Близкий вариант этого мифа, широко распространенного в районе, опубликовал Потанин в своих «Очерках» (IV, с. 191): джелбеген (в отличие от нашей джелбеге мужское существо, явно сходное с мангысом) пожирает людей. Луна взяла его на небо, и поэтому джелбеген теперь время от времени заглатывает луну (затмение луны). Тогда люди стучат по железу и кричат: «Выпусти мою луну!» У тувинцев Цэн-гэла существует точно такой же обычай. По представлениям тувинцев, существо под названием «джелбеге» живет на луне, куда оно улетело в конце сказки типа наших № 22 и 23 (ср.: Катанов, с. 1011). Род этого существа в данном контексте неясен в отличие от других сказок, где это всегда старая женщина.

Тофаларский миф (см.: Шерхунаев, с. 308, 318 и сл., тоже связан с вариантом Катанова) о сотворении земли богом, у которого черт в конце концов хитростью урывает кусочек земли, кончается тем, что черт, преследуемый богом, превращается в ведьму, — возможно, в существо, похожее на джелбеге (в таком конце обнаруживаются древние языческие представления), которая взлетает к небу и вцепляется в луну (затмение луны).

Все эти варианты объясняют происхождение лунных затмений воздействием демонического существа, некоторые толкуют поведение людей при лунных затмениях как обращенное к этому демону требование возратить луну. См. об этом также: Schröder, с. 77. См. также коммент. к № 60.

60. О том, как джелбеге пожирает Луну, Солнце и Землю

(*Джелбеге ай хун джер джириинг дугайы*)

Магнитофонная запись от пенсионера Джоксума, произведена 25 октября 1985 г. в центре сомона Заамар (Центральный аймак).

Представление о демоническом существе или чудовище, заглатывающем луну, широко распространено (ср.: Мифы народов мира, статьи «Раху» и «Тюркская народная мифология»); записаны и опубликованы также варианты из Центральной Азии и Южной Сибири. Специфической отличительной чертой обоих тувинских вариантов, записанных на Алтае (см. также № 59), является обращение людей за помощью к одному из небесных владык и просьба покончить с этим безобразием. Среди мифов о луне, опубликованных Потаниным (Очерки, IV, с. 190—193, прежде всего варианты а, в, е, л), вариант е, записанный от дербета из Улаангома, во многом соответствует нашему № 60: посланный для наведения порядка великий бурган расщепляет мангыса на две части и распределяет их совершенно иначе, чем в нашем варианте: переднюю часть — луне, заднюю — солнцу. В нашем варианте рассказчик явно ошибся при распределении половинок тела; но, так как из последующего текста явственно следует, что они были распределены точно так же, как и в дербетском варианте, в переводе соответствующее место было исправлено мной (передняя часть — луне, задняя — солнцу). Дархатский вариант Потанина (к) также повествует о том, что семидесятиглавый мангыс был расщеплен стрелой молнии на

две части, и тоже Очирзаном, а ему это было поручено Бурханом Бахши, который «не может сделаться синим, а должен остаться белым». Здесь под флером ламаистских имен отчетливо проглядывают более древние представления и ясно, что первоначально людям приходило на помощь, как и в варианте Потанина, солнце и луна. Реминисценции этого, возможно, таит в себе и упоминание милостивых луны и солнца в нашем тувинском варианте из Цэнгэла: там трех милостивых — луну (*ай*), солнце (*хүн*) и земной мир (*делегей*) следует воспринимать как истинные силы или творцов — создателей вселенной, ср. также трех милостивых в различном составе у соседних народов (например, Шитар, Чингиз и Гезер или Кезер, Чингиз и Амурсана), которые часто воспринимаются как некое единство. Мотив сожжения или опаления мира Очирваном становится яснее благодаря вариантам Потанина (записанным от алтайцев и телеутов), в которых луна кладет конец проискам джелбегена (йелбегена). В варианте (1) сначала по просьбе людей это пытаются сделать солнце, но снова возвращается на небо, так как оно сжигает все; в варианте *a* солнце по той же причине отказывается от этого.

По варианту алтайских тувинцев создается впечатление, будто сначала можно было найти решение, одинаково приемлемое как для людей, так и для джелбеге. В одном киргизском варианте, записанном на Тарбагатае (Потанин. Очерки, II, с. 146) поручение остановить джалмауз — пейгамбар, пожирающую людей и скот, дается ежу; за это его вознаграждают золотым слитком (о еже в алтайско-тувинской мифологии см. коммент. к № 66). Герою-демиургу Сартакпаю (см. об этом коммент. к № 61) также приписывается этот подвиг (ср.: Танзаган, с. 182). В этом алтайском варианте, после того как солнце и луна не смогли помочь людям, они обратились к Сартакпаю, который забросил на луну всепожирающего семиглавого дельбегена вместе с елью, за которую тот цеплялся. К этому примыкает объяснение лунных фаз.

Дельбеген ковывает елью луну, пока это не становится ей невыносимо, и тогда она делает дельбегену следующее предложение: пусть дельбеген съест ее до половины, а потом луна, в свою очередь, будет есть его до тех пор, пока не станет снова полной, и так все время по очереди, но только пусть бросит ковывать ее. Поэтому луна, которая когда-то всегда была круглой, теперь то убавляется, то прибавляется.

Особенно много лунных мифов подобного типа у тюркских народов Южной Сибири и примыкающих к ним с запада районов, а также у северо-западных монгольских племен. У последних пожирателем является мангыс, у тюркских же народов — джелбеген/йелбеген, джелбеге или джалмаус. О том, что у обоих этих персонажей, возможно, имеется общий прототип, говорит наличие семидесяти голов у мангыса в дархатском варианте Потанина. Упоминание о семиглавом существе, называемом «*yel bökä*» (джелбеге), имеется в Диване Махмуда Кашгарского (1072 г.).

О залегании джелбеге на дне озера см. № 22.

61. Истории о Сардакбане

(Тувинское название отсутствует)

Предания, циклизующиеся вокруг образа культурного героя Сардакбана, имеют живое хождение у алтайских тувинцев и до сих пор считаются рассказами о случившихся некогда подлинных событиях. Записи рассказов произведены в основном в июле—августе 1966 г. от следующих информантов: Байынбурээд (см. № 1, 77), Джигжин (74 лет; см. № 59, 69), кузнец Манджын (69 лет), плотник П. Хорлу (36 лет, см. № 35, 50), управляющий молочной фермой Дендев, двадцатипятилетний учитель Ш. Гага (по-тувински — Гакай), пастух кооператива «Алтайн оргил» Певек и Дж. Гакай (71 год; см. № 70). Большинство упоминаемых местностей, рек и озер находятся в районе сомонов Цэнгэл и Сагсай. Исключением является оз. Хара-ус-нур (по-тувински — Хар суг), в которое впадает р. Ховд (тув. — Хомду), а также местности в непосредственной близости от него, — Эх Арал, Буджин Тохой и Церек (сомон Зерег в аймаке Ховд), и кроме того Ак Салаа и Сарыл Догай (в сомоне Буянт).

Мифическая фигура по имени Сартактай, Сартактай-Кезер, Сартакай, Сартакпай, Сардакбан известна от хребта Хангай по всему району Алтая. У алтайцев с именем Сартактая также связывается не только возникновение примечательных географических мест, но и другие деяния, характерные для демиурга (Каташ, с. 30—32). В «Аноском сборнике» Никифорова (с. 242) имя Сартактая связывается с определенными местами на р. Катунь; в некоторых преданиях, опубликованных Потаниным (Очерки, IV, с. 286—287), информантами которых он указывает телеутов и теленгитов, — с местами на реках Катунь и Чуя. Отдельные мотивы тувинских преданий можно обнаружить в виде знаков или в какой-либо иной форме и у алтайцев: отпечатки следов на почве, брошенный Сартакбаем и до сих пор лежащий где-либо камень и др. Они приписывают Сартакпаю и изгнание с земли всепожирающего семиглавого дельбегена (ср. № 60; см. также: Танзаган, с. 182). Алтайская форма имени Сартактай-Кезер (Потанин. Окраина, II, с. 301) устанавливает связь с Гесером, главным героем эпоса Центральной Азии, с которым в Северо-Восточном

Тибете (Амдо), точно так же как и на Алтае, связывается происхождение определенных особенностей ландшафта. В текстах двух информантов Потанина, дербетов из Улаан-гома (с. 285, № 61а, с. 287е), явственно чувствуется связь с топонимическими легендами. У обоих имеются параллели к мотиву: Хомду — приданое дочери Сардакбана, и для нее или для старшей сестры Сардакбана, выданной замуж в Китай, следует отвести туда Хомду. У обоих этих информантов имеются указания и на оскорбительные для Хомду слова Сардакбана, которые послужили причиной того, что река не потекла по каналу, вырытому для нее Сардакбаном (мотив, разъясняющий причину высохшего речного русла у Хар-ус-нура), или не потекла по нему вперед, а возвратилась назад. Торгут (*Потанин. Очерки*, II, с. 170, там же и другие западномонгольские легенды) приписывает герою Сартактаю выемку на правом берегу Хомду, близ Хар-ус-нура, отходящую от реки. По этому каналу герой в легенде в один день доскакал до Пекина.

У Потанина (*Очерки*, IV, с. 285 и далее, № 61а) оскорбление заключается в том, что Сартактай говорит, будто отвести реку было не труднее, чем надеть недоуздок на верблюда. Буквально:

Теперь я овладел тобой, вода,
Не как верблюдом, а как верблюжонком,
Не как конем, а как жеребенком,
Не как быком, а как теленком,
Не как бараном, а как ягненком.

Потанинский текст на с. 287е содержит вариант стихов:

Повернув, повернув, будь ты теперь Эх Аралом...

Это явное наставление властителя реки водам Кобдо и идентификация Эх Арала и Будджына как местностей, расположенных в нижнем течении этой реки.

Указанию на то, что в отведении реки кроме Сардакбана принимал участие и второй герой (Мемли), соответствует роль сына у алтайцев (ср. также: *Радлов. Образцы*, IV, с. 188, и *Танзаган*, с. 269) и дербетов, согласно которой второй участник всегда мешает завершению работы.

Значение имени Сардакбан, состоящего из *сардак* + *бан* (уменьшительный суффикс), невозможно объяснить на основе тувинского языка. Если принять во внимание, что в № 66 упоминаются сарты и что сартский и алтайско-тувинский варианты «Бёген Сагаан Тоолая» (№ 5; ср.: *Taube. Das Märchen von Bögen Sagan Tolaj*) поразительно близки, то следовало бы указать на этническое название «сартак», «сарт», которое встречалось у монголов в качестве имени (ср.: *Spuler*, с. 243). Мне кажется более уместным искать связи значения имени Сардакбан или с названием рода сартов у алтайцев (который, возможно, и происходит от этнического названия «сарты»), или со значением «марал-одногодок», которое, по Радлову («Опыт словаря»), имеет слово «сардак» у сагайцев и койбалов, т. е. «марал-одногодок». Семантически к такому значению подошло бы имя Мемли, что значит или млекопитающее животное, или сосунок (*māmā* — «грудь», «сосок»; ср. у Радлова османское *māmāli* — «млекопитающее»). Если понимать «мемли» как «грудной ребенок», то можно обнаружить связь с сыном Сартактая, который по преданию алтайцев является вторым участником в деяниях Сартактая. Есть еще и другая возможность — толковать обоих демиургов как животных, ведь в начале центральноазиатских генеалогий первопредками выступают животные (напомним о рогатой маралухе, родоначальнице рода бугу — см. коммент. к № 36). Богатство легенд о Сардакбане и отражение в них специфического пейзажа Цэнгэла, несомненно, являются доказательством того, что тувинцы относительно давно населяют этот район.

К вопросу о персонаже Сардакбан см.: *Самшилдэндэв С. О Сартактае. — Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал, III боть, Улаанбаатар, 1977*, с. 253—257. Что касается связи Сардакбана с водой и реками, то можно вспомнить древнекитайского мифического императора Юя (Да Ю), проводящего каналы, исправляющего русла рек и борющегося с потопом (см.: *Мифы народов мира*, II, с. 678).

62. Легенда о Бургане Башкы и Очирваане (*Бурсан Башкы Очирваан дугайы домак*)

Записано от старика по имени Дюгер (прозвище — Косой Дюгер) в середине августа 1966 г. в Сыраальге.

Ср. TCV 166.

Распространение: тув.: (1) Катанов, с. 963; (2) *Радлов. Образцы*, IX, с. 45, № 349; монг.: (3) *Потанин. Очерки*, IV, с. 269 (дербет.).

В «Записках» Потанина Бурган Башкы и Очирван фигурируют в Северной Монголии в числе богов-демиургов (*Очерки*, IV, ч. 4, № 54, 47. Сотворение мира и человека). В варианте (3) нашей легенды Бурган Башкы тайно опрокидывает пиа-

лы, которые он и Май-Тэрэ (санскр. Майтрея) держали в руках во сне. Май-Тэрэ проклинает его: «Твое время будет временем воров!» («Теперь как раз и есть это время Бургана Башкы», — поясняет рассказчик). В варианте (1) [= (2)], записанном Катановым 22 июня 1889 г. на р. Серлиг, ламаистский налет отсутствует, но построен он менее логично. Персонажи сказки — братья-ханы и их сестра девица Оруз (= «русская», возможно, смутное отражение образа Екатерины II), Эджен (по-монгольски «властитель»; имеется в виду, конечно, китайский император) и Эрлик (властитель нижнего мира и судья над душами умерших). Эрлик опустил в свою пиалу цветок (для чего — не сказано), младший Эджен переложил его в свою пиалу. Тогда Эрлик проклял его: «Твои подданные будут обманщиками и ворами!» Так и случилось. Эрлик стал дьяволом, девица Оруз отправилась в Россию и стала царией. В обоих вариантах, как и в предложенной нами легенде, речь идет о том, кто должен стать властителем мира людей.

О мотиве узнавания воров и волков см.: Радлов. Образцы, I, с. 424, № 1, стих 152 и далее. С. Ю. Неклюдов любезно указал нам на бурятские варианты Хангалова (III, с. 8—10).

63. Единственное черное дерево мира (*Орчалангыннг джангыс хара ыйаш*)

Записано от Ш. Дагва 24 августа 1966 г. в Сарыг булаке.

Распространение: западномонг.: Потанин. Очерки, IV, с. 187, № 29 а, б, в.

Несомненно, имеется в виду всемирное дерево, часто встречающееся в повествовательном народном творчестве алтайских тувинцев, где оно обычно имеет одно из двух функциональных значений: 1) дерево под названием Бум, Дондаа Боом или Дондууд Бом (ср. № 25), на котором вьют свое гнездо вороны или вороны (ср. № 24; его вариант «Дондаа Боом» 23 июля 1982 г. в Хой баштыге записал Якоб Таубе от двадцатилетнего Дэбининг Джанджыржаба на магнитофон; 2) дерево, на котором находится гнездо мифической птицы Хан Херети (Хан Гэрд) или иногда белого верблюда. Ему постоянно угрожает змея (№ 14 и др.).

Представление о «единственном древе мира» распространено, очевидно, в первую очередь на Алтае и вокруг него. Потанин записал свои легенды от урянхайца-элёта, от дербета и халхасца, живущего на Тарбагатае. Во всех вариантах мы встречаем представление о сверхъестественной величине дерева (монг.: *орун ганцхан модон*) (а: под его сенью может укрыться тысяча человек) и его листья (а: величиной с целый хлеб; б: величиной в шесть войлочных кошм для юрты; в: на одном листе мог бы поместиться человек с шестнадцатью лошадьми). Вариант в содержит мотив о дереве без верхушки, которое играет определенную роль в легенде об Амырсанаа (ср. № 59).

Вообще представления об образе мирового дерева в центре мира, являющегося осью мира и относящегося к древнейшему мировоззрению большинства народов, нашли свое отражение и в ламаистской мифологии (Дзамбу, Кальпаврикша и др.). Калмыцкий поэт Д. Кугультинов в своем стихотворении «В тени дерева Бо» (М., 1990, с. 13) упоминает «дерево Бо» высотой до неба, с листьями «толщиной... в ладонь», которое расцвело «в Индии... на бхопальской земле, где Будда впервые предавался размышлениям о добре и зле...».

Гюмбо — возможно, имеется в виду ламаистский монастырь Кумбум в Цинхае (КНР), где находится священное дерево.

64. О происхождении живых существ (Тувинское название отсутствует)

Магнитофонная запись от пастуха кооператива Балдына, произведена 2 июля 1969 г. в северном Оруктуге.

65. Откуда взялись рыбы (Тувинское название отсутствует)

Данные о записи те же, что и к № 64.

66. О тувинском языке (Тувинское название отсутствует)

Магнитофонная запись от 70-летнего Дж. Олджея, произведена 26 октября 1985 г. в Хох даваа (сомон Заамар, Центральный аймак).

Бурган Бакыс (Башкы) упоминается и еще кое-где в качестве демиурга (см. № 62). Мифическая птица Хан Херети (Хан Гэрд) и еж в этой функции во всем собранном мной у алтайских тувинцев материале больше нигде не встречаются. Но еж упоминается как первый судья в зачине сказки «Бёген Сагаан Тоолай» сказителя

Байнбурээда, где говорится о раннем времени, «когда еще еж судил». В одном варианте, № 60, записанном от киргизов (казахов) на Тарбагатае (Потанин. Очерки, II, с. 146), не кто иной, как Керпек-шешен — еж — заставляет джалмауз-пейгамбар перестать заглатывать людей и скот. Присутствие в этом варианте сходного героя очень важно, так как доказано, что пастбища алтайских тувинцев простирались на восток вплоть до района Тарбагатая (Fundamenta, I, с. 641), а в одном из их устных исторических преданий рассказывается даже о том, что они жили дальше на запад, вплоть до района озера Балхаш (см.: Taube. Zur Vergangenheit der Tuwiner). В функции демиурга еж выступает также в ногайском фольклоре (см.: Казиев, с. 163 — «Как еж выдумал серп»). Кроме того, в функции демиурга и охранителя небесных светил от чудища-пожирателя, т. е. спасителя жизни на земле, еж выступает у ряда тюркских народов и у бурят. Ему специально посвящена работа автора настоящих строк (см.: Taube. Der Igel). Все свидетельствует о том (между прочим, и археологические находки из района Ордоса и Южной Сибири; ср. золотые фигурки ежей в Сибирской коллекции Петра I в Эрмитаже), что еж — образ древнейших слоев мифологии алтайских народов.

1 Т. е. в Монголии.

67. История о Манджын Богде (Манджын Богданынг тбдгүзү)

Магнитофонная запись от Ч. Галсана (тогда 22-летнего студента-германиста), произведена весной 1966 г. в Маркслеберге, под Лейпцигом.

Здесь нашли отражение еще очень живые в прошлом столетии контакты алтайских тувинцев с китайскими купцами; они часто упоминаются в научной литературе того времени о тувинцах и районах их обитания (Потанин, Ладыгин и др.). Крайняя нищета этих, как их тогда называли, алтайских урянхайцев в немалой степени является следствием тех преимуществ, которые имели иностранные купцы по сравнению с этими высокогорными кочевниками.

Г. Н. Потанин (Очерки, II, с. 79) публикует монгольское предание о Нарбанджин-гегене, ламаистской инкарнации божества, носившего в древности имя Балджын Меджин и способного на совершение 88 чудесных подвигов. Как имя (монг. банджын или меджин и тув. манджын доподлинно идентичны; *б и м в тувинском чередуются), так и предание о его носителе совпадают. После своего воплощения он, по всей вероятности, пребывавший ранее в Китае, не принимает материнского молока, так как не может взять в рот ничего, кроме водки, которую ему и дает мать по совету ламы. Позже он погрязает в долгах, чтобы удовлетворить свою потребность в алкоголе. Чтобы удержать своих заимодавцев, которые назначили ему последний срок для выплаты долга, он приказал солнцу остановиться, чтобы тому дню не было конца. Солнце светило десять дней подряд. Китайский император, обеспокоенный нарушением порядка в природе, велит заключить Нарбанджина в тюрьму. Тогда всюду появляются двойники Нарбанджина — ламы, одетые, как он, и пропивающие чужие деньги. В конце концов император выплачивает долги Нарбанджина, но ссылает его в монгольский район.

Важные элементы этой легенды в различном оформлении присутствуют в обоих вариантах: связь с Китаем (в монгольской версии обоснованная тем, что Нарбанджин первоначально был китайцем, что яснее мотивирует плач по родителям в тувинской версии из Алтая), пьянство, задолженность, надувание заимодавцев. Алтайско-тувинский вариант использует в последнем мотиве чудо несколько иного рода, чем остановка солнца в монгольском варианте. Солнце встречается и здесь, но в дополнительном эпизоде спора о том, что герой сможет пить с восхода солнца до его захода.

В алтайско-тувинской версии, весьма характерной для среды кочевых скотоводов и рассказанной очень живо, многое становится более понятным благодаря конспективной записи Потанина.

68. Людоеды (Могачы)

Магнитофонная запись от учителя П. Дживаа (около 37 лет), произведена 11 августа 1967 г. в центре сомона Цэнгэл. Он определил этот текст как легенду (домак). Нем.: Taube, 1978, с. 304, № 70.

69. Легенда о Йовгун Мергене (Йовгун мергеннинг дугайында домак)

Записано от 75-летнего Джигжина 10 июля 1969 г. в Бююрээлиге. Нем.: Taube, 1978, с. 301, № 66. Ср. TCV 67.

История о Йовгун Мергене — один из солярных мифов, среди которых особенно интересны архаичные типы, повествующие о лишнем солнцах или об ослепшем (т. е. затемненном и невидимом) солнце. В обоих типах речь идет о том, что земле и живущим на ней грозит гибель или из-за непомерной жары, или от недостатка света и тепла.

Представленный здесь мифологический сюжет алтайских тувинцев является версией второго типа таких солярных мифов. Но фигура стрелка, вызывающего несчастье, указывает и на связь с первым типом.

Миф о лишнем солнцах встречается и у народов, живущих в низовьях Амура и на Сахалине; там культурный герой луком и стрелами уничтожает лишние солнца (ср.: Мифы народов мира, II, с. 461, стб. 2).

Один из монгольских мифов связывает такой же подвиг с происхождением тарбагана (ср. коммент. к № 51). Превосходный стрелок Эрхий Мэргэн («стреляющий большим пальцем») сшибает шестью стрелами шесть из семи солнц, во время последнего выстрела между ним и солнцем как раз пролетает ласточка, он рассекает ей хвост (возникновение раздвоенного хвоста ласточки), но уже не попадает поэтому в седьмое солнце.

В Китае миф о лишнем солнцах содержится уже в самых древних литературных текстах. О связи с китайскими преданиями говорит, пожалуй, тот факт, что в содержании этой легенды устанавливается непосредственная связь с китайской средой — угроза городу Пекину и просьба китайцев о помощи (см. об этом: Erkes, с. 32). И все-таки подлинная тема здесь — отсутствие солнечного света, вызванное птицей Хан Гэрд, которая одним из своих крыльев прикрывает «глаз солнца». Правда, отстреленное перо разрушает город Пекин, но китайский император заранее согласился на это ради того, чтобы вернуть свет и тепло.

Можно сравнить это с теленгитским вариантом сказки № 51, где выстрел, из-за неточности которого стрелок превращается в тарбагана, был направлен на крыло Хан Гэрд.

Очень интересны понятие «глаз солнца» и связанное с ним представление об ослеплении солнца (превращении в невидимое). Этот мотив, встречающийся во многих солярных мифах, играет особо важную роль у народов Центральной Америки (ср.: Мифы народов мира, II, с. 461, стб. 3). Может быть, это — свидетельство того, что миф о затемненном глазе существовал в Старом Свете еще до заселения Америки и был позже перенесен туда?

Среди алтайских тувинцев племени гёк монджак считают Йовгун Мергена своим. Опираясь на П. С. Палласа, С. Ю. Неклюдова в связи с рождением Чороса упоминает (Мифы народов мира, II, с. 633, стб. 3) предка дербетских и джунгарских княжеских родов, «старца меткий стрелок» Йобогон-мергена, предка рода хойт, жившего за три поколения до Чингисхана. По преданию, в район верхнего течения Кобдо ламаистскую религию принес дербет по происхождению из рода хойт, старик Дюп, которого называли Деге Бакшы (ср. № 70). Он — предок рассказчика Джигжина (брата матери моего информанта и друга Ч. Галсана). Таким образом, через этого Дюпа, возможно, ведет линия к «нашему» Йовгун Мергену.

70. Джаагай Шапкан

Первая история рассказана пастухом кооператива Джураем 12 июля 1969 г. во время верховой поездки из долины Аът баштыг в Оруктуг (записана в тот же вечер). Джурай определил свое повествование как «домак» — легенду, сказание. По версии другого исполнителя — Багвая, сон Гесера продолжается только 25 лет, тогда и Джаагай Шапкан, по-видимому, тоже умер в 25 лет. Легенда, связанная с его смертью, более подробно, с детальным повторением параллельных мотивов рассказывается в одной из двух историй об Эр Джювреке (№ 71).

Вторая история записана от С. Хуваака (58 лет) 19 июля 1982 г. в Остуге. Описание Джаагай Шапкана, красота и остроумие которого покоряли всех, и его смерти (№ 71) имеется и в варианте Джурая. И это является свидетельством жизнестойкости исторического предания, в котором можно встретить и отдельные эпизоды из жизни героя, и сочетание их. В тексте С. Хуваака говорится о том, что Джаагай Шапкан слыл первым из семи бегов «тувинцев четырех сумов» (*dört сумун дыаа*), к которым принадлежали родо-племенные группы джаг дыва, иргит, хёйюк (все три составляют племя гёк монджак) и шунгуур. За ним следовали Газак Даа, Севенг Даа, имена двух неизвестны, Сарыг Даа и Бадиа Гюнг. Рассказывают, что пастбища Джаагай Шапкана и его кочевье располагались у Хураан-хёла, верхнего из двух озер, образуемых Кобдо, а точнее, у хребта, в области под названием Далын Тюрген («Семьдесят быстрых»); горы Улуг Тюрген и Бичин Тюрген («Большой быстрый» и «Маленький быстрый») являются частью горного хребта на границе с Китаем, относящегося к особо почитаемым тувинцами Цэнгэла «тринадцати богам Алтая» (ср.: *Taube. Widerspiegelung*, с. 121—122). Вместе с тем эту местность называют и Шоокар арга («Пестрый лес»). Этот район занимает центральное место в исторических преданиях тувинцев Цэнгэла (ср. № 71).

Фигура Джаагай Шапкана не раз связывалась с введением «религии», т. е. ламаизма, об этом же информировал нас в 1966 г. 63-летний столяр кооператива Дзодоч. Правда, он сказал, что это произошло всего 80 лет назад, стало быть, в конце XIX в. Это можно объяснить тем, что более энергично (т. е. при преследовании шаманов) ламаизм действительно пытался утвердиться только в конце прошлого столетия (ср.: *Taube. Notizen*, с. 44—45). Реже это событие приписывается Газак Даа [например, в 1966 г. 75-летний пастух кооператива Цебек (= Ц. Хаа) называл его Хазактаем и полагал, что он жил еще до Джаагай Шапкана]. С вероятностью можно, пожалуй, сказать, что первое соприкосновение тувинцев района Цэнгэла с ламаизмом дёрбетов произошло где-то в середине XVIII в., правда, без глубоких последствий для их духовной культуры.

Представление о возможности реального явления снов мы встречаем время от времени в сказках (ср. № 38). Например, сны могут принять облик человека, как в нашем конкретном случае: сон Гесера воплощается в личность Джаагай Шапкана. Аналогии этому существуют, например в частично сохранившихся до сегодняшнего дня представлениях нанайцев (Лебедева, с. 13). Они верили в реальное существование героев и героинь сказок (нингман), как и долгане, которые были уверены в том, что образы сказок не только могут материализоваться и стать видимыми, но и «могут вмешиваться в жизнь людей, помогая им в лечении болезней, в охотничьем промысле. Так называемая «магическая функция» фольклора в данном случае мыслится не как влияние слова на ход событий, а как прямое или косвенное вмешательство персонажей, созданных творческим воображением» (*Попов А. А. Долганский фольклор. М., 1937, с. 18; цит. по Лебедевой*). То, что именно Джаагай Шапкан считается персонажностью сна Гесера, главного героя эпического комплекса, распространенного по всей Центральной Азии, вплоть до Сибири (правда, у тувинцев на Алтае мне встретились лишь отдельные намеки на сюжет Гесера), крайне интересно на фоне долганского материала, поскольку известно, что эпос о Гесере — даже в печатной форме (ксилография) — употребляется у монголов при врачевании больных (*Heissig. Religionen*, с. 411). Далай Хаан — князь монгольского племени дёрбетов. Ср. «старик Дюп» (*дюп* означает «начало, корень, первопричина»), которого также звали Деге Бакшы — коммент. к № 69.

71. Эр Джюврек (Эр Джүврек)

Имя исполнителя не зафиксировано, предположительно это Ш. Дагва. Письменная запись услышанного в ходе беседы летом 1966 г. Первая история об Эр Джювреке относится к историческим преданиям, группирующимся вокруг последнего джунгарского князя Амурсаны (тув. Амырсанаа, см. сказку № 72 и коммент. к ней), который после неудачного восстания против маньчжурского господства бежал в царскую Россию, где вскоре и умер. Другие информанты приводят — с некоторыми вариациями — только ту часть слов Эр Джюврека, которая направлена на отрицание китайских властей:

Сына китайца я не сделаю своим князем,
Хвост хорька я не сделаю своим знаком достоинства

(т. е. я не надену шапку с хвостом хорька, который обозначал тогда достоинство определенного ранга при маньчжурской династии Китая). Эти слова иногда вкладываются в уста самого Амырсанаа как обоснование его бегства в Россию.

Вторая история связывает Эр Джюврека с Джаагай Шапканом, прославившимся своей исключительной красотой и остротой ума (ср. № 70). Совместное поминовение умершего и распивание арагы еще и сегодня принято у алтайских тувинцев. Происхождение обоих преданий относится к концу первой половины XVIII столетия. Названные в них географические пункты (район вокруг Хураан-хёла, верхнего из двух озер, образуемых р. Кобдо, где находится холм Кайракты, и другой район у Ханаса, притока Иртыша, юго-западнее Алтайского хребта, ныне в Китае) в сочетании с географическими точками, упоминающимися в других исторических преданиях (ср. № 70 и 72) начала XVIII в., позволяют сделать вывод о том, что здесь может идти речь о существовавших там уже тогда родовых территориях алтайских тувинцев.

72. Амырсанаа

Записано летом 1966 г. при разговоре с Ш. Дагва.

Амырсана (тув. Амырсанаа) из рода хойт был последним князем джунгаров, который вместе с князем хотогойтов Чингунжабом (хотя и без общих военных действий) предводительствовал повстанческим движением против маньчжурского господства за самостоятельное монгольское государство. Так как их борьба отчаяла чаяния

и интересам всех монгольских племен, они стали героями народных песен и устных преданий халхасцев, ойратов, калмыков и бурят. Связанные с их именами сказания благодаря общности языка и обычаев легко распространялись среди монголов различных племен. В то время как у халхасцев доминировали песни о Чингунжабе, у западномонгольских племен центральной была фигура Амырсаны (ср.: Хорлоо, 1981, с. 66 и сл.). Под его руководством 2 октября 1755 г. нападением на китайский военный пост в Или началось восстание, закончившееся в 1757 г. Амырсана бежал в Россию, где умер 21 сентября от оспы. (О нем см.: Кузнецов.)

Тувинцы Алтая чувствовали себя ущемленными непосредственно не только из-за расположения своих пастбищ — они до сегодняшнего дня видят в Амырсанаа своего князя, о котором сохранили добрую память (здесь, несомненно, следует принять во внимание происхождение отдельных родов от предшателя дербетского рода хойт, ср. коммент. к № 69). Несмотря на другие (не только положительные) черты своего характера, он остался в воспоминаниях народа человеком, любившим свою родину и народ. Монгольские и алтайско-тувинские предания совпадают не только в этом, но и в надежде, что он отправился в Россию за помощью и однажды вернется, чтобы положить конец господству иностранцев. Подобными надеждами воспользовался — и не он один — в начале нашего столетия Дамбийжанцан, калмык или алтаец-ойрат, выдававший себя сначала за внука, а потом за воплощение Амырсаны и быстро завоевавший влияние в Западной Монголии благодаря распространению слухов о продвижении его армии, которая освободит от иностранного господства. Но вскоре Дамбийжанцан своей жестокостью снижал печальную славу разбойника и грабителя. При нем, например, в Делююне произошло сожжение шаманов, что прежде всего коснулось шаманов алтайских тувинцев (ср.: *Taube. Notizen*, с. 44—45; *Weiers*, с. 485—488). Разные ученые и путешественники, такие, как Н. Ф. Катанов, А. П. Беннигсен, Б. Я. Владимирцов, приводят свидетельства того, что население Северо-Западной Монголии долгое время ожидало возвращения Амырсаны.

История «ошибки» и нападения семи хошуунов тувинцев на Амырсанаа имеет, возможно, историческую подкладку в неоднократных попытках китайцев победить Амырсану, для чего китайские военачальники пытались найти союзников среди местного населения (ср.: *Weiers*, с. 455—456). Так, очевидно, следует понимать и клятву Амырсанаа, по-видимому оскорбленного своими же, ибо в нашей версии его уход скорее можно понять как наказание, чем как уход за помощью, обещающий освобождение. Или наша версия отражает противоречия в поведении самого Амырсаны (Владимирцов говорит о его вероломстве, нетвердости и непостоянстве во взглядах и симпатиях). К «ошибке» относятся и слова, которые среди тувинцев Цэнгэла также передаются из уст в уста как изречение Амырсанаа:

Князь, не узнающий своих подданных, как я, глуп.

Подданные, не узнающие своего господина, еще глупее.

В разговорах часто приводили клятву Амырсанаа. Два последних условия его клятвы не были обязательными. Упоминаемые в клятве окче — это приспособление, состоящее из двух скрепленных друг с другом копыт, которые кожаными ремешками прикрепляются к подошве сапога, чтобы облегчить ходьбу по камням и одновременно предотвратить снашивание подошвы сапог (см.: *Taube. Zur traditionellen Kleidung*, с. 122—123 и рис. 23). Первое упоминание окче, очевидно, принадлежит Рубруку, который в 1253—1254 гг. путешествовал по Монголии. Он сообщает о народе «оренгай», живущем на севере Монголии: «Они подвизывают себе под ноги пригнанные кости и двигаются на них по замерзшему снегу и льду с такой огромной быстротой, что ловят птицу и зверей» (цит. по: П. А. Шахунова — Б. А. Лиханов, с. 64). Наличие подобного щадящего подошву приспособления у казахов (*dağa*), на что указывает клятва Амырсанаа, подтвердил мне казахский этнограф Сартхожа Харжаубай (Улаанбаатар). Упоминание серебряного окче, как и мочеиспускания собак, «стоя на четырех ногах», призвано к тому, чтобы отгнать возвращение Амырсанаа в необозримое время, скорее даже в такое, которое никогда не наступит. Но всегда клятва содержала мотив отрезанного хвоста и отломанной верхушки дерева. В «доказательство» правдоподобия этого предания называются различные места, где есть такой тополь без верхушки (с указанием свидетелей, которые его видели). Называют Шивээт, расположенный, как говорят, высоко в горах, там, где сегодня проходит граница с КНР; указывают (среди прочих — наш информатор Хара Балдын) и Гюртю-хова или Гюртю-хава, предположительно расположенный в районе Сундарык, на р. Хава, также в КНР. На район китайского Алтая указывает и еще одна легенда об Амырсанаа, рассказанная торгумом (*Потанин. Окраина*, II, с. 281), в которой содержится обоснование богатства казахов (киргиз-казахов), на что, очевидно, намекают и окче, изготовленные из серебра. В другом месте Потанин помещает легенду одного дербета о «единственном дереве мира» (*Потанин. Очерки*, IV, с. 187, № 29, ср. наш № 63), которая хоть и не связана с Амырсанаа, но указывает на связь обеих традиций. Герой этой легенды Шуну отправляется в Пекин, где сотрясает китайский трон; в наказание ему дробят лопатки, но у него еще хватает сил сбить верхушку с единственного дерева мира. И здесь тоже говорится о том, что

Шуну возвращает, когда вырастет новая верхушка. В одной телеутской сказке Шуну выступает как сводный брат Амырсанаа (Радлов. Образцы, I, с. 206).

Легенды об Амырсанаа примыкают к ряду подобных же легенд, бытующих у различных народов, об исторической личности, которая исчезла лишь на какое-то время (ср. у немцев — император Барбаросса, у русских — легенды о возвращающихся избавителях, как Димитрий Самозванец и др.) и обязательно возвратится освободить свой народ.

73. О беге Сарыг Даа

(Сарыг Даа бегнинг дугайы)

Записано от Сурнаг оглу Хуваака 19 июля 1982 г. в Остуге.

Сарыг Даа был предпоследним из семи бегов *дёрт сумун дыва*, т. е. четырех сомонов тувинцев (включающих родо-племенные группы джаг дыва, шунгуур, иргит, хэйюк). Он жил во второй половине прошлого столетия. Имя его было Очиржаб, но так его никто не называл. Он был блондином — отсюда его эпитет «сарыг» — желтый. Тувинцы, живущие сегодня в сомоне Цэнгэл, относились к этим четырем сомонам тувинцев.

74. О добром герое Арвыйанге

(Эки Арвыйанг баатырның дугайы)

Магнитофонная запись от Балдына, произведена 2 июля 1969 г. в северном Оруктуге.

Арвыйанг считался образцом мужских добродетелей и честной жизни, что выражено эпитетом *эки* — «добрый, славный». Несмотря на наличие мифических черт, связанных в народной памяти с его происхождением [он жил «в Небе-Алтае», его «поседевшая мать Хомду» (= река), его «покрытый снегом великий Хан Гёгей» (= гора)], в остальном он изображается как человек и мог бы быть отнесен как современник Сарыг Даа (см. № 73) к концу XIX в. Эпизод с настоятелем монастыря дербетов в Увсе (территория сегодняшнего аймака Увс) и ловкими ответами на его вопросы имеет в какой-то мере параллель в монгольской сказке из хошууна Барин Внутренней Монголии (Тодаева. Язык монголов, с. 44—46, пер. — с. 99—101).

Частое употребление пословиц характеризует Балдына как хорошего знатока малых форм народного творчества. От него мы записали ряд благословений и восхвалений (*алгыш, мактаар*), и среди прочего № 4. Пять девяток — так называются 45 самых холодных дней зимы; Семь ханов — созвездие Большая Медведица.

1. См. примеч. 4 к сказке № 5.

75. Поучение

(Сургаал)

Магнитофонная запись текста, рассказанного Балдыном 2 июля 1969 г. в северном Оруктуге.

Тексты подобного рода, преподающие правила поведения (ср. также № 40), относятся к традиционным формам народного творчества Центральной Азии и получили особенно широкое распространение в монгольской поэзии и через нее, несомненно, оказали влияние на поэзию соседних народов (слово *сургаал* тоже монгольского происхождения).

1. См. примеч. 4 к сказке № 5.

2. См. примеч. 4 к сказке № 5.

76. О происхождении скороговорки

(Тувинское название отсутствует)

Магнитофонная запись. Исполнено Дж. Гакаем и женщиной по имени Назын-джаб 26 октября 1985 г. в Хох даваа (сомон Заамар Центрального аймака).

Эта скороговорка широко распространена, и для взрослых является приятным развлечением попытаться произнести ее быстро и без ошибок — без пропусков, остановок и огорок. В некоторых строках есть вариативные отклонения. В тексте встречаются большое число монгольских слов и заимствование монгольского суффикса для образования названий местностей. По своему строению скороговорка соответствует исчезающей сегодня поэтической форме, которая в монгольской народной поэзии называется «стихи враскачку» (букв. «иноходью»).

Отличительная черта этой формы: каждая новая строка начинается с последнего слова предыдущей строки (см.: *Taube. Schamanen und Rhapsoden*, с. 175). Вот условный перевод скороговорки:

Знаю, знаю я место топкое,
Топкого места с табакерку из козлиного рога остров,
Островного места полный оленей лес,
Лесного места десять орехов,
Орехового места трех каурых,
Каурых места кастрированную гончую собаку,
Собачьего места короткую траву,
Травяного места сусликовой лапки пядь,
Пяденного места семь сажень,
Семи сажень поблекший холм.

Речь идет о событии, которое относится, очевидно, к дореволюционному времени. В одном варианте III. Гагаа (учитель 28 лет) в 1969 г. рассказал, что героя истории зовут Хуг Хара Бедегеш (Хитрый Черный Бедегеш), что его изображают низеньким темнокожим человеком, умершим недавно. Он провел некоторое время у дербетов, где голодал и добывал себе пропитание воровством. За это «заклинание» он был, как рассказывают, щедро вознагражден богатым больным, которому выдал себя за сведущего в лечении и затем вернулся в район алтайских тувинцев. Возникновение скороговорки восходит к рассказу самого Хуг Хара Бедегеша. Сарыг Даа, по преданию, один из семи князей (бегов) дёрт сумун дыва (точнее, предпоследний), живший в конце прошлого столетия и слышавший «Великим волшебником». Поэтому ему сопутствовало прозвище Бурган (что-то вроде «божественный»).

Бёхмёрён — река в аймаке Увс.

77. Балджын Хээр

Предлагаемая версия балладоподобной песни (тувинское название: *ыр* — «песня») о коне Балджын Хээре принадлежит Ч. Галсану, записавшему ее осенью 1967 г., после того как магнитофонная запись от Байынбурээда, произведенная в центре Цэнгэла, оказалась непригодной из-за слабого напряжения тока во время записи (тогда тогда производили специально для наших записей). Так как Ч. Галсан и ранее часто слышал этот текст, был знаком с этим преданием с детства и хорошо помнил исполнение Байынбурээда, все это легло в основу его версии, в которой, несомненно, очень велико и его собственное творческое начало. В моем архиве хранится магнитофонная запись еще одного варианта «Балджын Хээра» — «Арвийанг Балджын хээр ийи», в котором история коня связана с образом Арвийанга (ср. № 74), варианта, рассказанного Б. Джоксумом 25 октября 1985 г. в Заамаре.

Нем.: *Taube. Tuwinische Lieder*, с. 83.

Имя Балджын Хээр, как и Амырсанаа, Бёген Сагаан Тоолай, Джаагай Шапкан, часто можно услышать у тувинцев Алтая как нечто вроде затравки, всегда вызывающей массу ассоциаций и точек соприкосновения и кладущей начало беседе. По кличке этого коня и его истории, точнее, истории его хозяина названа мелодия, исполняемая главным образом на игиле и довшууре и передающая мягкую поступь коня. О том, что определенные мелодии носят имена соответствующих коней, мы услышали 28 июля 1966 г. от столяра кооператива Дзодоча, которому было тогда шестьдесят с небольшим лет. Он привел нам первый пример — историю коня «Ала Джаваа» («Пегий двухлеток»). Один молодой человек умыкнул девушку, и, спасаясь бегством, они должны были переехать через Бёёрел (приток, впадающий в Иртыш на китайской территории), который в это время широко разлился. При переезде реки девушка свалилась с коня, и река унесла ее. Тогда юноша проклял свою лошадь и реку такими словами:

Ала Джаваа, пусть останется от тебя только твой труп!

Быстротечный Бёёрел, пусть останется от тебя только твое каменное русло!

Песня о Балджын Хээре относится к тем памятникам устного фольклора, сюжетом которых является возникновение музыкальных инструментов. Песня — тув. *ыр* — употребляется здесь в том же смысле, как нем. «Lied» в немецком переводе «Слова о полку Игореве» («Lied von der Heerfahrt Igors»). Чаще всего, как и в нашем случае, речь идет о струнных и духовых флейтоподобных инструментах, история происхождения которых является содержанием фольклорного произведения, ср. сказки «Поющая скрипка» (цыганская), «Клен» (венгерская) и др. Чаще всего фантазию народа возбуждают наиболее привычные ему инструменты. Многообразную выразительность, которая может быть достигнута при помощи инструмента, можно сравнить только с чем-то живым, одухотворенным. Часто это печальные истории, связанные с проклятием, убийством или другой тяжкой несправедливостью,

трагичности которых смягчена только тем, что возникает инструмент, в котором продолжает жить душа погибшего. У бывших кочевыми центральноазиатских народов главный инструмент — это струнный инструмент типа игила (ср. у монголов морин хуур), гриф которого часто оформлен в виде конской головы (ср. девичьи головы на грифах струнных инструментов в Европе, где истории о возникновении инструментов часто связаны со смертью девушки). Насколько можно судить по сказкам, роль коня у этих народов в целом куда более важная, чем роль женщины (сравни, насколько по-разному они обрисованы), потому и в инструменте продолжает жить конь. Среди монгольских сказок на эту тему одна бытовая сказка, происходящая из Автономного района Внутренняя Монголия (ср.: Чжунго миньцзянь гуши соань. Пекин, 1958, с. 192; рус. пер: Сказки народов Китая. М., 1961, с. 109; другие переводы см.: *Taube. Baldzin Хег*, с. 65), имеет острую антифеодалную направленность. Конь, выращенный героем, становится предметом зависти князя, и герою легче смириться с тем, что его нет в живых, чем с тем, что им владеет другой. «Балджын Хээр», как и эта сказка, коренится в реальности — участие местного божества, духа-хозяина ущелий Узэнека, даже при наличии многих, частично живущих еще и сегодня религиозных представлений; ничуть не противоречит этому. И для рассказчика, и для слушателей это тоже реальность.

Другая монгольская сказка на эту тему относится к разряду волшебных; ср.: МонгАУ 1969, с. 209—212). Герой Намджил, кукушкоподобный, зачаровывает своим пением владыку одного озера, который приглашает его к себе. Намджил влюбляется в его дочь, и они живут вместе. Когда ему нужно возвратиться на родину, к родителям и жене, дочь владыки озера дает ему волшебного коня, который по ночам будет прилетать с ним к ней. У его жены рождается подозрение, и однажды, когда он опоздал и лошадь еще не успела втянуть крылья, она срезает их, и лошадь погибает. В одном варианте (МАУД, с. 139—140) чудесная возлюбленная заменена дочерью нойона, жена — старой служанкой, а крылатый конь указывает на первую из названных как первоначальную версию. Все сказки, как и «Балджын Хээр», кончатся тем, что герой изготавливает себе струнный инструмент, употребив для этого кости и волосы коня. В основе этого мотива — представление о том, что волосы являютсяместилищем души или жизненной силы, представление, распространенное во всем мире и неоднократно встречающееся в сказках алтайских тувинцев (например, в № 35) и, в частности, выражающееся также и в том, что первая стрижка волос ребенка совершается только через три года после его рождения (волосы сохраняются в мешочке, и в случае заболевания их прикладывают к ребенку). Об изготовлении другого инструмента — флейтообразного шоора — говорится только в тувинском варианте с Алтая.

Географические названия, встречающиеся в этом тексте, также указывают на районы по ту сторону Алтайского хребта, в данном случае на советской территории. Под Барга-хёл подразумевается оз. Маркаколь, западнее центрального массива Алтая в Казахской ССР (так оно называется и в упомянутом выше варианте Б. Джоксума). Понятие «степи Балхаша», возможно, относится к степным районам, расположенным еще далее к западу, между Тарбагатаем и озером Балхаш. На фоне преданий о происхождении алтайских тувинцев из района озер Барга и Балхаш указание на этот район в песне о Балджын Хэере чрезвычайно интересно, прежде всего вследствие ее популярности и значения в фольклоре тувинцев Цэнгэла и по ту сторону хребта (территория нынешней КНР), откуда родом Байынбурээд (подробнее об этом: см.: *Taube. Zur Vergangenheit*).

Конец песни говорит в пользу того, что тувинцы жили в высокогорных районах, примыкающих к центральному массиву Таван Богд (тув. Беш Богда), относящихся к трем государствам (СССР, МНР и КНР), в тесном контакте друг с другом и даже составляли единое целое.

¹ См. примеч. 5 к сказке № 17.

СВЕДЕНИЯ ОБ ИСПОЛНИТЕЛЯХ

Вслед за тувинским именем и следующим за ним (если оно известно) отчеством, а иногда монгольским именем или прозвищем мы приводим все известные данные о личности (возраст, вид деятельности и другие сведения), о тех, от кого исполнитель усвоил свой репертуар, об особенностях исполнения и репертуаре (номера всех текстов данного рассказчика, включенных в настоящее издание или названных в числе вариантов, а также названия тех сюжетов, которые он упомянул как принадлежащие его репертуару), далее — дата встречи с ним, чаще всего совпадающая с датой фиксации его текстов.

Если нет специальных указаний, все названные местности расположены в районе сомона Цэнгэл (аймак Баян Улэгэй МНР). Упомянутый кооператив — всегда единственный в сомоне Цэнгэл кооператив «Алтайн оргил» («Вершина Алтая»), в котором работают или работали большинство исполнителей. В случае, когда кто-нибудь из них живет уже не в районе Цэнгэла, а в другой части страны или если он родом из провинции Синьцзян (КНР), это специально отмечено.

Айышы (Аюуш), Бадыделгернинг — тетя Ч. Галсана (см. Ш. Джурук-уваа) со стороны матери, очень приветливая; в 1966 г. ей было чуть за пятьдесят. Родилась в районе Цэнгэла, но в последнее время жила со своей семьей в Улан-Баторе, где я неоднократно посещала ее юрту. Умерла там же в 1971 г. В 1966 г. рассказала № 26 (тоол).

Арсый — доярка кооператива. В 1966 г. ей было сорок лет с небольшим. Мы встретили ее в конце августа 1966 г. в Сарыг булаке и в начале августа 1967 г. в Багы булаке. Осенью 1985 г. она жила у одного из своих сыновей на оз. Ишгинт нуур в Зуун бурне (аймак Селенге): внезапные снегопады сделали невозможной тогда еще одну нашу встречу. Я записала от Арсый множество пословиц и загадок, в настоящем издании ее тексты: № 11 (тоол), № 30 (тоол), № 45 (улегер).

Баайаа, Албачынинг — родилась в Цэнгэле, в 1967 г. ей было 70 лет. В конце 60-х годов жила у своих детей в сомоне Буянт аймака Баян-Улэгэй. Мы встретили ее случайно 24 августа 1967 г. в центре аймака Баян-Улэгэй, где она, возвращаясь после посещения родственников, в ожидании автобуса пила чай в юрте своих друзей. Мы тоже завернули в эту юрту родственницы нашего друга Ч. Галсана (Джурук-уваа), чтобы переночевать в ней во время нашего двухдневного пребывания в центре аймака. У меня не было с собой магнитофона, так как я приехала сюда для того только, чтобы купить книги. И все-таки мы спросили у Баайаа, знает ли она сказки, на что она сразу же ответила утвердительно и тут же принялась рассказывать. Когда мы попросили ее выпить чаю и немного подумать, она ответила: «Нечего мне думать, вся моя грудь полна ими!» И она сразу же рассказала нам шесть сказок подряд, живо и выразительно, и рассказывала почти до полудня. Галсан записал последовательно действия, имена, формулы, особые выражения и др., по этим ориентирам он несколько позже записал эти сказки. На следующее утро, в 7 часов мы были уже у нее. Она рассказывает еще две сказки, поет песню, начинает еще одну сказку, но волнуется, что подойдет ее автобус, и обрывает ее.

Все свои сказки Баайаа слыхала в детстве от своего отца Албачы. Он умел читать не только по-монгольски, но и по-тибетски. Она назвала его *хара бакшы*, что означает человек, получивший начальное образование в ламаистском монастыре, а потом вернувшийся в светское сословие. О нем она сказала: «Вообще он был человек, доходивший до конца книг» (т. е. очень много читавший). Очевидно, он знал эпос о Джангаре, так как Баайаа вспоминала: «Когда я была маленькой, вечером, после того как были воскурены жертвы, он исполнил 61 историю Джангара (*Джангырнынг алдан бир туюкюзю*)», в них «ложь» (т. е. вымысел) превратились в правду».

Возможно, с образованностью ее отца связан тот факт, что Баайаа, в соответствии с монгольской терминологией, называет сказки *улегер*, а не *тоол*.

Все рассказанные ею 24 и 25 августа 1967 г. тексты вошли в наше издание, это № 47, 32, 29, 53, 54, 6, 55, 34.

Байынбурээд (1903—1969). Во время нашей первой встречи в июле 1966 г. ему было 63 года, на нас произвел глубокое впечатление его веселый, спокойный и скромный характер. Он работал в кооперативе пастухом и охотником, был вдовцом и жил в верхнем (т. е. южном) конце центра Цэнгэла вместе с одним из своих многочисленных детей, поставив себе юрту недалеко от берега р. Ховд, а рядом у него была еще хижина, в которой он занимался кузнечным ремеслом. Раньше Байынбурээд был еще и шаманом, стало быть, воплощал в своем лице единство (о существовании которого известно уже с раннего времени) шамана и кузнеца, а также единство шамана и рассказчика. Родом он из района Сундарык на р. Хава, расположенного за Алтайским хребтом (ныне — территория КНР). Уже в молодости во время войны казахов с китайцами (1927 г.) он пришел оттуда, а в Цэнгэле жил уже 35 лет.

К его репертуару, который он пел, относятся все самые распространенные среди тувинцев в Цэнгэле сюжеты: «Бёген Сагаан Тоолай», «Паавылдай Мерген с конем леопардовой масти», «Хара Буурул Дюжюмел» и вариант «Шаралдай Мерген с конем в желтых яблоках» под названием «Буга Джарын и Буктуг Гириш». Он слышал и усвоил эти тексты еще в юности. Некоторые из них имеются и в репертуаре Б. Устэна, тоже происходящего из района, который относится сегодня к Китаю, и это говорит в пользу того, что у тувинцев Алтая существует общая, во многом единая фольклорная традиция. Байынбурээд начал свое первое исполнение 2 августа 1966 г. с «Хвалы Алтаю» («Алдай мактаар», № 1). Таким образом, он и М. Хойтукев (ср. № 16) были единственными, кто при исполнении придерживался этого старого обычая.

Версии Байынбурээда — относительно объемные тексты, все их он называет *тоол*. Три из них образуют трилогию: «Хара Буурул Дюжюмел», «Буга Джарын и Буктуг Гириш» и «Сарыг Галдар», т. е. здесь уже произошла циклизация, характерная для эпической поэзии. Когда мы дали ему прослушать первую запись, он заплакал.

Так как сюжеты Байынбурээда, кроме относящегося к этой трилогии «Сарыг Галдара», представлены вариантами других сказителей и, кроме того, вскоре должен быть опубликован весь его репертуар, в нашем издании в записях от него представлен № 1 (№ 77, песня — тув. *ыр* «Быддын Хээр» Ч. Галсана, основанная на исполнении Байынбурээда 2 августа 1966 г.).

Об исполнении Байынбурээда см. Предисловие. См. илл. 6 в ст.: *Taube. Zur traditionellen Kleidung*.

Балдын, по прозвищу Хара Балдын (Черный Балдын), которым он обязан отличающему его от других соотечественников особо темному цвету лица. Летом 1969 г. ему было 53 года, и он работал пастухом кооператива. Мы повстречали его 2 июля 1969 г. в Оруктуге, где остановились по пути в Аът баштыг. Тогда нам пришлось пешком с нашим багажом перевалить через горный хребет, так как водитель, не знавший местности, высадил нас не в той долине, куда мы направлялись, а в соседней. Хара Балдын вышел нам навстречу вместе со своими сыновьями, когда мы — уже босиком — одолели болотистое подножие горы, и пригласил нас в свою юрту (позже он и его сыновья проводили нас через хребет). Хара Балдын был видный мужчина, в голубом бархатном тоне, какого я ни у кого больше не видела (снимок на с. 2 статьи Таубе «Volksmusik im Herzen Asiens», он сидит в середине). Он оказался прекрасным знатоком малых форм народной поэзии, от него мы записали девять благословений (*алгыш*) и три хвалы (*мактаар*), две из них — в технике пения *хёгмэй* (одновременное извлечение двух звуков, горловое пение), ибо Хара Балдын слыл большим мастером и такого пения. Кроме того, от него были записаны варианты текстов № 77 и № 50 настоящего сборника. 2 июля 1969 г. он рассказал № 4, № 57 (Сагыш — букв.: «мысль», в данном случае нечто вроде текста для детей, рассчитанного на догадку), № 75 и № 74.

Из сказителей он назвал нам старого тувинца Джымба Бакшы, от которого слышал многое; зачин сказки он слышал 36 лет назад от старика Самыджаба.

Буянтогтох, Сембининг — сын сказителя Б. Семби, летом 1982 г. он был пятнадцатилетним школьником. Тем летом юрта его родителей стояла в Аът баштыге. Он слышал много сказок не только от своего отца, но и от деда Байынбата, в том числе и сказку, рассказанную нам 24 июля 1982 г., «Гежээ» («Кто сильнее?», № 56). В тот же день мы записали от него короткую сказку «Бейжи хаан оол» на магнитофонную ленту.

Гакай (монг. Гагаа), Джылбактынг. В конце 60-х годов, когда я познакомилась с ним и мы были гостями в его юрте в Цэнгэле, он был заместителем председателем сомона. 26 октября 1985 г. я снова встретила с ним — тогда ему был уже 71 год — в Хёх даваа в сомоне Заамаар (Центральный аймак), где он живет теперь и где жил его старший брат Олджей (монг. Олзий), в свои 77 лет еще пасший овец кооператива в Заамааре. Оба они — уважаемые, сведущие люди, хорошо знающие старые традиции и хранящие их. Гакай учился в 20-е годы в Иркутске; наряду с монгольским он знает и казахский язык (как и большинство тувинцев в Цэнгэле) и узбекский. Он показал даже свое знакомство с латинским шрифтом. Он и его брат Олджей, дополняя друг друга, а иногда еще и при поддержке жены Назынджаб (около 65 лет) рассказали различные предания о Сардахбане (ср. № 61), Джаагай

Шапанане (ср. № 70) и сказки о тарбагане (ср. № 50—52). При этом каждый воспроизводил рассказ другого знаками одобрения. Предание о возникновении тувинского языка принадлежит главным образом Олджею (№ 66), в то время как в рассказе о происхождении скороговорки (№ 76) участвовали в основном Гакай и Назынджаб.

Галсан, Чинагийн — см. Джурук-уваа.

Гупан, Сембининг — сын сплавщика и сказителя Б. Семби; официальное монгольское имя, данное ему в школе, Октябрь. Когда я познакомилась с ним в Айт баштыге, ему было 17 лет (см. Б. Семби), и, как все дети Семби, он был быстрым и сообразительным. 21 июля 1982 г. он живо и уверенно рассказал «Мергелдей» (№ 41; *тоол*), который слышал от своего деда Байынбата. Через несколько дней, 27 июля 1982 г., нам удалось записать от него на магнитофонную ленту сказку «Буга Джарын» (*тоол*), вариант сказки «Шаралдай Мерген с конем в желтых яблоках» (№ 11).

Дагва, Доржунунг, в отличие от исполнителя Ш. Дагвы называемый нами в предыдущих работах Дагва II. Тувинцы называли его Шоокар Дагва (Пятнистый Дагва) из-за пятен на лице и, кроме того, дали ему кличку Зылдырман (от *зылдыраа* — «шуршать, шелестеть») за его быстроту и подвижность. Летом 1967 г. ему было 50 лет, он был пастухом кооператива; в 1985 г. он жил в Орхон Тууле (аймак Селенге). Нам указали на него как на хорошего исполнителя.

Когда я была в сомоне Цэнгэл в 1967 г., он вместе с другими мужчинами находился ниже (т. е. севернее) центра сомона, на правом берегу Кобдо, так как пришла пора сенокоса на речных островах. Мы посетили его 18 августа в лагере косарей. Под нажимом своих товарищей-косарей он назвал нам сюжеты тех сказок (*тоол*), которые мог исполнить: «Бёген Сагаан Тоолай» и «Хевис Сююдюр». Освобожденный руководством кооператива от работы, он появился днем 29 августа в нашей юрте вблизи паромы, чтобы рассказать нам что-нибудь, и исполнил сначала «Хевис Сююдюр» (№ 7), а потом «Бёген Сагаан Тоолай» (№ 5), закончив эту сказку 30 августа. Оба эти сюжета Д. Дагва часто слышал от старого Джэнивека, умершего в середине 60-х годов в возрасте 73 лет.

19 июля 1982 г. Д. Дагва рассказал нам в Остуге еще сказку «Джагыр Хаан» (магнитофонная запись) — вариант сказки «Хараат Хаан и Джечен Хаан» (№ 39).

Дагва — крайне подвижный, темпераментный человек, таким же было и его исполнение. Через некоторое время после начала своего рассказа — а был конец дня, и кроме Галсана и его отца в юрте находились только женщины и дети — Дагва вдруг останавливается и требует большей аудитории. Приглашают еще слушателей из соседнего айла, те, изъявив полную готовность, прибывают. Во время рассказа Дагва делает быстрые движения плечами и бедрами, что напоминает *бий*, нечто вроде сидящего танца, распространенного у тувинцев и известного и другим тюркским народам и западномонгольским группам (калм. *бишлхе*, монг. *биелгээ*). Исполнение его было очень выразительным, особенно в передаче диалогов сказочных персонажей. Впечатляла мимика Дагвы. В противоположность Байынбурэду и Хойтювеку, голос которых к концу каждого пассажа затихал, переходя в бормотание, Дагва делал в конце каждого пассажа выразительное ударение. Во время исполнения он подчас прихлебывал арагы, и в конце «Бёген Сагаан Тоолая» путал имя хана: Гургудай вместо Хурелдей.

Дагва, Шёёдюкейнинг, в отличие от другого исполнителя называемый нами в прошлых работах Дагва I. Он приходится братом Ш. Дэмби, работал в кооперативе пастухом и летом 1966 г., когда ему было далеко за шестьдесят, жил в Сарыг булаке. Среди тувинцев старик пользовался большим уважением и хорошо знал местные традиции и предания. Он был единственным, на ком я увидела старинную верхнюю одежду — тон с отложным воротником и шлицей сбоку (*дилбектиг тон*). (См. илл. 10 в ст.: *Taube. Zur traditionellen Kleidung*).

24 и 25 августа 1966 г. он рассказал в Сарыг булаке версию сказки (*тоол*) «Паавылдай Мерген с конем леопардовой масти» (№ 8), 25 августа — «Харат Хаан и Джечен Хаан» (№ 39) и исторические предания «Эр Джюврек» (№ 71) и «Амырсанаа» (№ 72).

Дёлёён. Летом 1967 г. семидесятилетний Дёлёён, отец исполнительницы Оролмаа, жил только охотой. Он провел несколько лет в Улан-Баторе и других районах Монголии. Затем, расставшись с семьей, вернулся с дочерью Оролмаа в Цэнгэл. Жизнь его была бурной. В молодые годы он был ламой, но, по его словам, мирским, т. е. не жил в монастыре. Был он и шаманом. Слыл отъявленным лгуном и разбойником. После возвращения в Цэнгэл он целые недели проводил в горах, лишь изредка появляясь в центре сомона или в айлах. Мы встретили его впервые 29 июля 1967 г., а два года спустя он разбил свою маленькую остроконечную охотничью палатку около нашей юрты вблизи паромы через р. Кобдо, несколькими километрами ниже (т. е. севернее) центра сомона. На вопрос, знает ли он сказки, он ответил, что может рассказать только по-монгольски, что у него был когда-то сборник монгольских сказок «Улигерийн далай» — очень большая книга, которую он позже уничтожил, вот из нее он может мне рассказать. 21 августа мы, как было заранее уговорено, посетили его, и он сразу же начал рассказывать — по-тувински! — сначала сказку (*тоол*) «Аржу Буржу Хаан» (№ 25) будто бы из этого сборника.

Начал он рассказывать тихо и спокойно, но постепенно голос его становился все громче и оживленнее, и он стал сопровождать свой рассказ поясняющими жестами. Окончив сказку, он заявил: «Это все, что я знаю». Мы благодарим его, даем ему табак и конфеты, а я дарю ему еще и солнечные очки. Он целует меня надо лбом, как это принято у тувинцев, мы еще какое-то время беседуем, и вдруг он говорит: «Ну а сейчас я расскажу еще один тоол, который я слышал от моего дедушки Улаана». Оказывается, это вариант «Бёген Сагаан Тоолая» (ср. № 5).

Дживаа, Пагванынг — летом 1966 г. ему было 36 лет, он работал учителем в школе сомона Цэнгэл, очень интересовался историческим прошлым тувинцев. Его дед Даваачи, некогда известный своими богатыми знаниями в области истории и культурных традиций тувинцев, сумел передать многое из своих знаний детям и внукам. Когда среди тувинцев Цэнгэла возникали по этим вопросам сомнения, то говорили: «Нужно спросить сыновей Даваачи!»

В 60-е годы на основе того, что он знал от деда и отца, Дживаа начал по-монгольски делать записи в тетради с надписью «Некоторые особенности быта, хозяйства, бытачаев и языка тувинской народности, живущей в сомоне Цэнгэл аймака Баян-Улэгэй МНР», которая в 1966 г. насчитывала уже 14 с половиной заполненных страниц. В 1968 г. в Улан-Баторе вышел принадлежащий ему томик образцов тувинского народного творчества в переводах на монгольский язык под названием «Ардын уг» («Слово народа»). Одновременно тогда же, в 60-е годы, он начал собирать загадки и пословицы. Он познакомил меня с этим собранием, насчитывающим без малого 150 образцов, и позволил пополнить ими мое собственное собрание. Заимствованные у него образцы составляли 10% моего материала. На рубеже 1966 и 1967 гг. умерла жена Дживаа и оставила его с восемью детьми, старшему из которых было 13 лет. Тогда его записи оборвались: домашние обязанности наряду с профессией учителя не оставляли ему уже свободного времени; очевидно и то, что удар судьбы подорвал его творческие силы. В 1968 г. он первым покинул район Цэнгэла и переехал в кооператив в районе Зуун-Хараа (аймак Селенге), где я снова встретила его в 1982 г. Он был опять женат на тувинке, но дети, родившиеся на новом месте, уже не говорили по-тувински. «Наших песен они не знают», — с сожалением говорил он. Когда я поинтересовалась, не расскажет ли он мне *тоол, домак, тёёгю*, он ответил, что ничего не помнит, все забыл и ничего уже не рассказывает. Из-за тесной связи с родными традициями, в которых он вырос, отъезд с Алтая, диктовавшийся, очевидно, стремлением убежать от воспоминаний, означал для Дживаа как бы потерю родных корней.

В нашем собрании две сказки, рассказанные Дживаа 11 августа 1967 г., когда во время моей второй поездки в Цэнгэл мы снова встретились с ним в центре сомона: № 58 и *домак* № 68.

Джигжин, Лобчаанынг — из-за внешнего сходства со Сталиным получил прозвище Стэлэн, по которому он был, пожалуй, более известен, чем под своим собственным именем. Летом 1969 г. ему было 74 года (в 1972 г. он умер). Старший брат матери Ч. Галсана.

Он был одним из самых зажиточных людей среди всех тувинцев родо-племенной группы гёк-монджак, да и во всем Цэнгэле. Он пользовался повсеместно большим уважением и считался лучшим знатоком старинных преданий (в том числе исторических), мифов и тувинской традиции. Был он крайне консервативен, и в его юрте строжайше следили за соблюдением старинных правил и бытачаев. Кроме его собственной юрты и всех, где он бывал, еще только в одной юрте мне удалось видеть, что молодые женщины соблюдали описанный мной старинный обряд *беглээр* (собственно: обращаться так же, как с бегом, с князем) (см.: *Taube. Zum Problem der Ersatzwörter im Tuwinischen des Cengel-sum*, с. 599—605).

Он долго отвечал на мои вопросы, касающиеся представлений о мире, душе и др., а потом сказал: «Джэ, амды болсун, уруум» («Ну а теперь хватит, дитя мое»). Он рассказал нам об Амырсанаа и Сардакбанае и мифы (*домак*) «Мангыс на Луне» (№ 59) и «Легенду о Йовгун Мергене» (№ 69). На прощание сказал: «Я рассказал тебе понемногу того и этого. Если будешь писать про это, назови мое имя и помести мою фотографию и приезжай когда-нибудь отдохнуть, не всегда же работать! И тогда приезжай обязательно и в мою юрту!» И тут я стала свидетельницей церемонии прощания по старинному ритуалу. См. илл. 3 в ст.: *Taube. Goldmädchen*.

Джоксум, Бодогонунг. Летом 1967 г. ему было 55 лет, он единственный представитель рабочего класса среди моих информантов. Еще с 1939 г. работает столаром в артели Ак-хема (монг. Цагаан-Гол), относящегося к Цэнгэлу, расположенного ниже центра сомона, на левом берегу Кобдо, немного выше впадения в него Ак-Хема. Там и стояла его юрта. Все знали его как прекрасного работника. Непривычный порядок в его юрте и чистота скромного хозяйства сразу же бросались в глаза и, несомненно, объяснялись оседлым образом жизни, связанным с его работой и весьма незначительным содержанием скота, ограниченным лишь текущими потребностями. Бросалась в глаза и общая атмосфера в его семье и особо ласковое отношение супругов друг к другу. И наконец, Джоксум являл собой исключение и в том, что сам по себе пришел к нам и предложил рассказать что-нибудь. Он приходил к нам уже

опадают за рыболовными крючками, и у меня создалось впечатление, что ему хотелось и, со своей стороны, сделать мне что-нибудь приятное; позже он подарил мне еще и сделанную собственноручно домбру. Посреди разговора он вдруг сказал: «Я расскажу вам хороший тоол». Мы сговорились на вечер 22 августа, и тогда в своей юрте в Ак-хеме после угощения, поданного на скатерти, он исполнил нам № 9 и сказки: «Бёген Сагаан Тоолай» (ср. № 5, 6) и «Оскюс-оол» (Осиротевший мальчик, вариант сказки № 24).

Рассказ его спокоен, но постепенно голос становится все громче. Пение скоро переходит в рассказ, но каждый новый абзац он снова начинает петь. В конце он говорит: «Не огорчайтесь, но это все, что я знаю».

Однако 27 августа он снова появляется в нашей юрте и заявляет, что сократил конец последней сказки, так как было уже поздно, а нам предстояло еще переехать верхом через реку, а теперь вот он хочет закончить сказку правильно.

Джоксум, который обычно рассказывал свои сказки жителям своего айла в белом месяце (*шагаа*), старинном празднике Нового года по лунному календарю, слышал их от двух известных некогда сказителей — Гёктойлу и Гарасала.

Через 18 лет я снова встретила Джоксума в Заамаре (Центральный аймак) у одного из его сыновей — Дамба, с которым он жил в старости. В семье его сына я встретила ту же особую атмосферу, которая поразила меня некогда в юрте Джоксума.

От Джоксума, которому теперь было уже 73 года, я смогла записать несколько коротких текстов: 1) «Шаралдай Мерген с конем в желтых яблоках» (не вариант № 11, а самостоятельная версия типичных состязаний, связанных со сватовством, которую он воспринял от своего отца); 2) «Арвийанг и Балджын Хээр» (вариант № 77); 3) «Гэ-зэр Хаан с благородным кауро-вороным конем» — краткая версия того эпизода о Гесере, когда герой забывает свою жену и свой дом; 4) № 60 настоящего собрания.

Джумук, Доржунунг. Мы встретились с ней 16 июля 1982 г. в ее юрте на берегу р. Кобдо, у владения в нее р. Джылангыч. Она собиралась рассказать «Серую птичку с шишкой» (ср. № 54), но не смогла с этим справиться, несмотря на помощь своего мужа Бимбаа, и попытка Бимбаа тоже не удалась — их обоих смущал «ящичек» (магнитофон). После угощения она рассказывает сказку «О ленивом старике» (№ 42), Галсан записывает ее. От своего отца Доржу она слышала много сказок; в том числе и о Паавылдае (ср. № 8, 9, 10), «Бурган, из ног которого бил огонь» и «Мальчик с красновато-рыжим конем». Она явно не привыкла рассказывать.

В 1985 г. я снова встретила эту семейную пару в Зуун бурне (аймак Селенге), куда они незадолго до того переселились. Оба чрезвычайно обрадовались, одарили меня, «девушку из нашего Цэнгэла», и Джумук рассказала мне многое о свадебном обряде. Между прочим, она соблюдала табу на имена, связанное с обычаем *бэлээр* (ср.: *Taube. Zum Problem der Ersatzwörter*, с. 599—605).

Джурай. Летом 1969 г. ему было 55 лет, он работал в то время пастухом верблюдов в кооперативе. Участник второй мировой войны, сражался и на Амуре против японцев, имел различные награды.

Он обещал рассказать сказки и пригласил нас в свою юрту в соседней долине Аът баштыг. Но дело ограничилось угощением в трех юртах айла. Потом он проводил нас обратно в южный Оруктуг, и только теперь, в пути, верхом на коне, он рассказал нам — может быть, он опасался исполнения перед микрофоном — сказки (*тоол*) № 28 и № 70.

Сын Джурая — Гупан летом 1982 г. (тогда ему было 32 года) обещал мне рассказать три сказки, которые он часто слышал от отца (сам Джурай уже умер); но этому не суждено было сбыться; через два дня после нашего уговора, после праздника, он трагически погиб.

Джурук-уваа, Шыныкбайнынг (монг. Чинагийн Галсан) — родился в конце февраля 1944 г. на зимней стоянке своих родителей в горах Хара Даге. После окончания начальной школы в Цэнгэле он учился в средней школе в Улэгэе, а потом в течение года изучал монгольский язык и литературу в университете в Улан-Баторе. Затем был послан на учебу в ГДР и с 1963 по 1968 г. изучал германистику в Лейпцигском университете им. Карла Маркса, где я и познакомилась с ним случайно в 1965 г. После 1968 г. он сначала работал преподавателем немецкого языка в университете в Улан-Баторе, примерно с середины 70-х годов работает журналистом. После первых поэтических опытов еще в школьные годы было опубликовано его первое стихотворение «Баян-Олгийн зохиолчдын бутээлээс» («Таван Богдынхны дуу». Улан-Баатар, 1961, с. 60). Интенсивнее начинает писать в 1966 г., главным образом на немецком языке. Первая его публикация — рассказ «Бизэн-пастушонок» (*Bisen, der Hirtenjunge. — Die Zaubertruhe*. Т. 15, В., 1969, с. 46—55). Зимой 1967/68 г. состоялось его знакомство с семьей известных писателей Эрвином и Эвой Штритматтер. В 1981 г. в Берлине выходит под германизированной формой его имени Галсан Чинаг том рассказов, написанных по-немецки, «Eine tuwinische Geschichte» («Тувинская история»); некоторые из них вместе с новыми вышли в 1986 г. и в Монголии под названием «Айангат цагийн тууж». В то же время он перешел с немецкого на монгольский язык «Тия Уленшигеля», сочинения Генриха Манна, Эрвина Штритматтера.

Воспитанный на родных традициях, занимавших важное место в жизни его племени (его дядей с материнской стороны был Джигжин), он с самого детства был знаком с народной поэзией тувинцев. Он сопровождал меня в первых четырех моих поездках, и многое из того, что мы услышали, было знакомо ему с детства. Благодаря ему были сделаны письменные записи текстов, когда не было магнитофона или он ломался.

Осенью 1965 г. по памяти он записал № 46, весной 1966 г. он записал на магнитофонную пленку — сначала просто для меня в качестве языковых образцов — несколько тувинских текстов: два варианта о происхождении тарбагана (№ 51 и вариант А в работе: *Taube. Drei tuwinische Varianten zur Sage von der Herkunft der Murgeltiere*) и «Историю о Манджын Богде» (№ 67).

17 сентября 1965 г. в Улан-Баторе под впечатлением полевых работ по сбору тувинского народного творчества он наговорил на магнитофонную ленту сказку № 23.

Во время полевой работы в 1967 г. он также исполнил одну сказку: 30 августа 1967 г. в центре сомона Цэнгэл он рассказал сатирическую сказку (*моол*) № 43.

Летом 1968 г. в Марккелеберге, под Лейпцигом, он исполнил № 38 и сразу же после исполнения записал эту сказку. Наконец, когда оказалось, что большие куски магнитофонной записи «Балджын Хээрэ» в исполнении Байынбурээда по техническим причинам оказались совершенно непригодными, осенью 1967 г. в Марккелеберге он записал этот текст Байынбурээда, в чем ему помогли воспоминания о неоднократно слышанных в детстве и юности исполнениях им этого текста. Его поэтический дар, своими корнями глубоко уходящий в тувинское народное творчество, несомненно, наложил на этот текст свой отпечаток.

Дюгюр, прозванный в отличие от двух других тезок за свои светло-рыжие волосы Сарыг Дюгюр (Желтый Дюгюр), был пастухом кооператива; летом 1969 г. ему было 57 лет, он муж исполнительницы Ноост. Жил он тогда в южном Оруктуге, аиле, в котором мы провели довольно много времени. Эта супружеская пара жила одиноко, единственный сын был на военной службе, что очень печалило старика, так как чрезвычайно затрудняло их жизнь. Он часто выпивал, и тогда жалобы его разносились по долинам. Когда мы утром 9 июля вместе с ним выехали верхом из аила, мы спросили его, знает ли он сказки. Он назвал: «Паавылдай». Так как у нас было записано уже немало вариантов этого сюжета, мы попросили его подумать, не может ли он рассказать что-нибудь другое. Вечером 10 июля 1969 г. он пришел в нашу юрту и спросил, можно ли ему рассказать нам кое-что. И тут мы услышали от него сказку «Ягүшонок» (№ 20). См. илл. 1 на с. 2 в ст.: *Taube. Volksmusik im Herzen Asiens* (он — первый слева).

Дюгюр, прозванный Халыр Дюгюр (Косой Дюгюр). Летом 1966 г. ему было 70 лет, за несколько лет до этого он работал еще в кооперативе пастухом. Около 20 августа он рассказал в Сыраалыге миф (*домак*) «Легенда о Бургане Башкы и Очирване» (№ 62).

Дэмби, Шёёдюкейчинг — брат Ш. Дагва. Работал в кооперативе пастухом. Летом 1969 г. ему было 65 лет. Мы встретились 6 июля в Остуге, он пригласил нас к себе. 10 июля мы навестили его юрту — ничто в ней не говорило о достатке хозяина. Ш. Дэмби побывал во многих местах — вплоть до Улан-Батора и в советском районе до Онгудая (Горно-Алтайская АО). За насмешливые речи по поводу слишком больших норм сдачи скота он просидел несколько лет в тюрьме.

Ш. Дэмби начал рассказывать сразу же после первой просьбы и делал это с явным удовольствием. Во время исполнения он лежал на земле, опершись на одну руку. Так как сказки его с юмором, он постоянно посмеивался и с явным удовольствием исполнял грубоватые пассажи.

10 июля он рассказал три сказки (*моол*): № 31, 49 и 37. Он был готов рассказать нам и «Паавылдай Мергена» (ср. № 8, 9) и «Джечен Хаана» (ср. № 39), но ради экономии времени и из материальных соображений мы отказались от этих текстов, уже исполненных нам к тому времени его братом, в пользу трех новых.

Назынджаб — женщина, которой в 1985 г. было около 65 лет; см. о ней: Гакай, Дж.

Ноост — жена Дюгюра (Сарыг Дюгюра). Когда мы жили с ней в 1969 г. в аиле в южном Оруктуге, ей было 69 лет. Она никогда не покидала район Цэнгэла. О ее судьбе см.: Дюгюр.

Однажды вечером 7 июля 1969 г. эта маленькая женщина пришла в юрту старшего брата Галсаа — Шыныкбайнинг Гакая (монг. Гагаа), где мы тогда жили, села к очагу и, выпив пару чашек чаю, начала рассказывать — сначала сказку (*моол*) № 22 (ср. № 23). Потом она спросила, нужно ли нам такое, и, когда мы ответили утвердительно, рассказала вторую — сказку № 21, а в заключение еще и историю о мальчике, который спасает детей птицы Хан Херети (эпизод, встречающийся во многих богатырских и волшебных сказках), указав, что она не знает этой сказки целиком. Речь ее была плавной, свободной, как будто ей часто приходилось рассказывать, хотя и очень тихой, даже робкой, в отличие от ее иллюстративных, иной раз очень живых жестов, которыми она сопровождала свой рассказ.

Олджей, Джылбактынг — в 1985 г. ему было 77 лет. См. Гакай, Дж.

Оролмаа, Делёёна — дочь сказителя Делёёна. Когда мы встретили ее летом 1966 г., ей было 44 года. Это была высокая, статная женщина. В отличие от большинства женщин в Цэнгэле, которые наряду с работами в собственном хозяйстве были доярками и ухаживали за кооперативным скотом, она работала сторожем на нескольких кооперативных полях в нижнем конце долины р. Харангын гол (тув. Харангыты). Все свои сказки она слышала от своего отца Делёёна и слыла хорошей рассказчицей.

В 1985 г. она жила в Чагаан-толгое (аймак Селенге). Непринужденно, уверенно и без признаков малейшей усталости она рассказала нам 29 августа 1966 г. в центре сомона Цэнгэл четыре сказки (*тоол*): № 27, № 24, № 14 и № 12.

Пэпизэн, Бадарнынг. Летом 1969 г., когда мы гостили несколько дней в юрте его родителей в Дюктегтиге, был еще двенадцатилетним школьником. Это был живой и умелый паренек, во время каникул пасший коз и овец своих родителей и охотившийся на тарбагана. См. илл. 14 к ст.: *Taube. Zur Jagd*. В 1982 г. я снова встретилась с Пэпизэном в Цэнгэле, где он жил с женой и детьми и работал в кооперативе мастеровым. Отец Пэпизэна, Шыныкбайнынг Бадар, старший брат Галсана, производил впечатление умного и умелого человека, он соорудил, например, нечто вроде «ходилки» для своего младшего ребенка — ни в одной юрте я не видела такого приспособления. Мать Пэпизэна, Мыстад (в 1969 г. ей было 30 лет), оказалась поистине кладезем народных песен, благословений, загадок и пословиц.

3 июля 1969 г. Пэпизэн рассказал в Дюктегтиге сказки (*тоол*) № 48 и № 44. Первую он слышал от Доржунунг Дагва, и при исполнении так и чувствовались его мимика и жесты (правда, у обоих одинаково быстрый и живой характер). Если что-нибудь было неточно, отец Пэпизэна останавливал его и поправлял.

Самдын, Булунгнунг. Летом 1969 г. ему было около 40 лет, он работал мастером так называемого «молочного завода (монг. *сууний завод*)» в Остуге, молокоперерабатывающего предприятия, где добывался казеин, шедший на экспорт. В 1973 г. он умер. Это был очень открытый, работающий человек, в то время отец шести детей. Самдына мы встретили еще в конце августа 1966 г. в Сарыг булаке, когда он приехал туда в качестве «агента», точнее, продавца. Он приехал верхом с двумя навьюченными лошадьми, чтобы по заданию кооператива снабдить отдаленные айлы промышленными товарами и определенными продуктами; тогда он обещал при случае рассказать кое-что, так как в тот первый год у меня еще не было магнитофона, который мог бы работать без включения в сеть, и я не могла еще производить записей вне стационара. И когда мы навестили его в 1969 г. в Остуге, он не заставил себя просить и предложил нам три *тоола*: «Бёген Сагаан Тоолай» (ср. № 5, 6), «Паавылдай Баатыр с конем леопардовой масти» (ср. № 8, 9, 10) и «Отрек Джуман» (№ 19). Из экономии времени и пленки, которой оставалось уже немного, но прежде всего в интересах охвата как можно большего числа сюжетов мы отказались от версий уже записанных ранее сказок в пользу нового для нас «Отрек Джумана», который он и рассказал нам 7 июля 1969 г. в своей юрте, но только после того, как днем забил овцу нам на угощение.

Он поет текст, который давно слышал от одного старика, слегка покачивая бедрами, форсируя голос. И хотя мы и просили его просто рассказывать, он продолжал петь, не снижая силы голоса, до самого конца.

Кроме его семьи, которая, конечно, знает сказку, но слушает явно с напряженным интересом, присутствует еще несколько пожилых людей. Сразу можно заметить, с каким удовольствием рассказывает Самдын свою сказку: вместе со слушателями он радуется в самых удачных местах, время от времени выражает свое сочувствие герою, а когда прерывает исполнение, чтобы отдышаться чуть-чуть, дает уже пояснения того, что ожидает нас в дальнейшем ходе рассказа. Как и в других случаях, участие, сочувствие аудитории были очень живыми.

Семби, Байынбатнынг. Летом 1966 г. ему было 25 лет; он работал сплавщиком в бригаде, которая из Сыраалыга, с гор на границе с КНР, сплавила по Кобдо лес в Цэнгэл и Улгэй. На обратном пути они всегда отдыхали в центре сомона Цэнгэл. Во время одной из таких остановок мы и встретились с ним 5 сентября 1966 г., и он за один вечер рассказал нам пять сказок (*тоол*): «Лисенок» (ср. № 47—49) и № 13, № 10, № 3, № 36. При рассказе Семби очень сосредоточен, но исполнение его производит впечатление свободного, раскованного. Сначала он говорил спокойно, без жестикуляции, но постепенно оживлялся, мимика его менялась в соответствии с событиями рассказываемой сказки, в комичных местах он улыбался. Даже под конец в нем не было заметно ни малейших признаков усталости.

В 1982 г. я снова встретила его — в последний раз (в 1984 г. он был убит). Тем летом он жил на своей летней стоянке в Айт баштыге, и его юрта, в которой он жил с женой и девятью детьми, стояла несколько выше юрты учителя Шыныкбайнынг Гакая (Гагаа, старшего брата Галсана), где я гостила с моим сыном. Мы часто виделись с ним, но в этот раз он рассказал только одну сказку — («Осиротевший мальчик»), вариант № 26. Он сказал: «А теперь пусть расскажут сыновья!» Его сыновья Гупан (Октябрь) и Буянтогтох рассказали № 41 и 56. Сам он слышал все свои сказ-

ли в детстве от своего отца Байынбата, родившегося примерно в 1901 г., на которого ссылались еще и внуки.

Торлаа, Дюгюржебдинг — двадцатилетняя девушка, пастух и доярка, вечером 31 августа 1967 г. пришла переночевать в юрту родителей Галсана (стоявшую тогда вблизи паромы через Кобдо, ниже центра Цэнгэла). Она предложила рассказать маленькую сказку (*тоол*) «Деревянная девушка» (№ 33).

Устээн, Билдейнинг — этого шестидесятилетнего пастуха я посетила 1 ноября 1985 г. на равнине восточного берега Селенге, к юго-западу от центра кооператива и сомона Зуун-бурэн (аймак Селенге), так как мне называли его как хорошего знатока сказок и вообще устной традиции. Он родился в районе Алтая, относящемся сегодня к КНР, и только после 1966 г. (из-за «культурной революции») переехал в МНР и сначала поселился в сомоне Цэнгэл, откуда позже переехал в Зуун-бурэн. Мы познакомились еще в 1969 г. в юрте Шыныкбайнынг Бадара в Дюктетиге (см. Пэпизэн). Это был общительный, жизнерадостный старик, охотно рассказавший варианты № 19, 20, 22, 23, 72. Сказка (*тоол*) № 15, помещенная в нашем собрании, хоть и носит название самой распространенной среди тувинцев Цэнгэла богатырской сказки (ср. № 8, 9), не является ее вариантом.

Он терпеливо ответил на мои вопросы по этнографическим комплексам, но потом ему пришлось заняться овцами — из-за меня он до полудня продержал их в загоне.

Хойтювек, Мангнайнынг — пастух верблюдов кооператива, летом 1967 г. ему было 45 лет. Его отец, Мангнай, умерший 84 лет от роду, считался великим рассказчиком. Сам он начал рассказывать в двадцать лет, но еще с восемнадцати лет его отец на протяжении трех лет обучал его этому и исправлял его всякий раз, как он делал ошибку. Во время последовавшей вскоре за этим военной службы он много рассказывал, потом — реже.

Летом 1967 г. его юрта стояла в Онгаде; летом 1969 г. она была на южном берегу Годана, который тогда широко разлился, настолько, что мы не могли его переехать и не могли встретиться в Хойтювеке, чтобы закончить запись, начатую в 1967 г. (№ 2), и сделать другие. Незадолго до моего приезда в 1982 г. М. Хойтювек умер.

6 августа 1967 г. он рассказал нам — в какой-то мере как объяснение своей немедленной готовности, вызвавшей, как он заметил, наше удивление, — «Почему рассказчику не следует заставлять долго просить себя» (№ 18, который он назвал *улегер*) и «Хан Тёгюсвек» (№ 17), *тоол*, который он закончил на следующий день, 7 августа, добавив к нему соответствующий зачин сказки (*тоолдунг бажы*, № 16).

7 августа 1967 г. он рассказал еще № 40 и фрагмент сказки «Эргил-оол» (№ 2), исполнение которого прервалось, так как он был срочно послан к стаду.

В своем репертуаре М. Хойтювек назвал еще следующие сказки (*тоол*): «Паа-вылдай Мерген с конем леопардовой масти» (ср. № 8, 9, 10), три связанных друг с другом текста (как у Байынбурээда): «Хара Буурул Дюжюмел», «Буга Джарын и Буктуг Гириш» и «Бёген Сагаан Тоолай», значит, в отличие от Байынбурээда он называет в качестве третьей части «Бёген Сагаан Тоолая», выступающего обычно, да и у Байынбурээда, самостоятельно (ср. № 5, 6).

Он различает *тоол* и *улегер* прежде всего по объему: *тоол* — более длинные, *улегер* — более короткие, часто поясняющие нечто определенное, тексты. Так, он определил (опять же как Байынбурээд) длину «Хан Тёгюсвека» в три зимние ночи, длину «Эргил-оола» в одну зимнюю ночь и назвал эти два сюжета важнейшими сказками (*тоол*) тувинцев — весьма субъективное суждение, если принять во внимание их меньшее по сравнению с другими сюжетами распространение.

Исполнение М. Хойтювека производило впечатление свободного и непринужденного, хоть он и заметил, что магнитофон немного действует на него. «Эргил-оола» он целиком пел, это помогало ему помнить последовательность текста. В жестках был экономен, не было заметно никаких признаков усталости.

Хорлу, Саргайнынг — родился в 1930 г., работал столяром и плотником кооператива и жил вблизи центра Цэнгэла. Хороший знаток тувинской традиции и особенно традиционной материальной культуры, он сам очень хороший мастер. В числе более тысячи тувинцев он покинул сомон Цэнгэл; в 1985 г. жил у Ишгинт-нуура в сомоне Зуун-бурэн (аймак Селенге). С отцовской стороны он — двоюродный брат Ч. Галсана, мы часто встречали его, впервые 28 июля 1966 г.

В центре Цэнгэла в августе 1966 г. он рассказал этиологическую сказку (*тёгю*) «История о тарбагане» (№ 50), а 5 сентября 1966 г. — *тоол* «Яд шулмул-хи и сила Бургана» (№ 35). Кроме того, он пополнил наши записи предания о Сардакбани и загадок. Во время исполнения казался очень сосредоточенным, может быть, смущенным, рассказывал безо всякой жестикуляции. См. на илл. 10 — сверху слева и 15, 17 — справа в ст.: *Taube. Zur Jagd bei den Tuwinern des Cengel-sum in der Westmongolei.*

Хуваак, Сурнаг оглу — около 70 лет, пастух кооператива. Мы встретили его 19 июля 1982 г., когда он остановился на ночевку в аиле в Остуге, где мы были два дня. Он рассказал краткий вариант сказки о тарбагане (№ 52) и многое из истории тувинцев, в том числе и предание о бере Сарыг Даа (№ 73).

- ааалааний** — восклицание, с которого сказитель Хойтювек начинает свой рассказ и некоторые его пассажи; очевидно, формула обращения к духам (см.: *Taibe E. Ałajani*)
- абдыраа** — деревянный сундук, в котором хранится праздничное платье, меха и другие ценные предметы; он пришел на смену вышедшим сегодня из употребления кожаным мешкам — *барва*; абдыраа — стоят сегодня чаще всего попарно у стены за почетным местом (дёр) напротив двери
- аил** (тув. аал) — сезонное объединение (чаще всего по родственному признаку) нескольких юрт; составляло хозяйственное единство. Его величина, т. е. число объединившихся юрт, зависит от свойства окружающих аил пастбищ и от времени года
- ай-саранка** — чалмовидная лилия (*Lilium martagon* L.); ее луковицы употреблялись в пищу
- аймак** — административная единица (сегодня употребляется и как территориальная)
- алмыс-шулмус** — злой дух, чудище; часто женского пола
- Алтай** — здесь как божество, ниспосылающее защиту и благословение; почитается как и вообще горы
- Андалва** (андалва-мангыс) — многоглавое чудище; см. также (мангыс)
- арагы** (рус. арака) — алкогольный напиток, получаемый путем дистилляции из кислого и свернувшегося (обычно смешанного ячьего, овечьего и козьего) молока; см. также хойтпак
- баатыр** — герой, богатырь
- Балджыр-бурган** — по-видимому, «достолавный Будда»
- Бандзыракчы** (от санскр. Панччаракша) — широко распространенный позднебуддийский текст
- бег** — первоначально обозначение круга лиц из родни мужа, потом — главы родственной группы, позже — обобщенно в значении «высокий господин», «князь»
- бес** — кандык, собачий зуб, вид лилии (*Erythronium dens canis* L.); ее луковицы употреблялись в пищу
- богда** — господь, святой, бог; употребляется в качестве восклицания в значении «боже мой!»
- Богда бурган** — священный Будда; употребляется также как восклицание
- божа** — вареный хойтпак (см.)
- боорсак** — блюдо, приготовленное из раскатанного и нарезанного кусочками теста (мука, замешанная на воде с добавлением масла и небольшого количества соли), варенного в жире; наряду с сахаром и сухим творогом наиболее распространенное кушанье, обязательно предлагаемое каждому, кто заходит в юрту
- Борукчу Хаан** — имя собственное, часто встречающееся в тувинских сказках, возможно, мифического происхождения
- бурган** — бог, Будда, святой, а также их фигурки
- бурган Башкы** — учитель, Будда
- бурган Бодисады** — очевидно, «святой бодхисаттва»
- Гесер** (или Гесер-богда) — герой эпоса, распространенного у народов Центральной Азии; во многих районах Гесер почитался как божество, на что и указывает форма имени «Гесер-богда» (т. е. священный Гесер)
- гётээр** — мешок из окурной кожи яка, в котором изготавливается и хранится хойтпак
- гонгу** — пустое пространство под традиционным деревянным седлом, которое опирается на позвоночный столб коня, а по бокам от него
- Гурмусту** (Хаан) — властитель неба, т. е. верхнего из трех миров, и его жителей (от перс. Ахурамазда). Тридцать три Гурмусту — это тридцать три небесных божества, судя по сказкам не игравшие самостоятельной роли в мифологии алтайских тувинцев

гымисы — кумыс
 даа — титул персоны высокого ранга
 даай — обозначение определенного ряда лиц из родни мужа и обращение к ним
 дажыыр — сосуд из обкуренной кожи для хранения воды и арагы; может быть различной формы: продолговатым, плоским с расширяющимися боками и узким горлом
 дербеты — западномонгольское племя
 джавадай — название одного из видов травы
 джавшан — трава, растущая в виде куста
 джадыр — удлиненный жердевой шалаш с коньком и входным отверстием на узкой стороне, под щипцом крыши
 джалама — полоски материи, чаще всего белой, которые привязывают к веткам кустов и деревьев в качестве жертвы местным божествам
 джаргак — тон (см.) из плохого меха; вылезшая, изношенная меховая одежда
 джейран — парнокопытное животное рода газелей (*Gazella gutturosa* Pall.)
 джелбеге — образ злобного женского существа в фольклоре алтайских тувинцев
 джеле — натянутые на колышках веревки, к которым привязывают телят
 джюлгыюш — пучок шерсти яка, прикрепленный к деревянной палочке, употребляемый для чистки котлов
 довшуур — двухструнный щипковый инструмент
 докпак — колотушка из рога оленя, которой бьют шкуры, чтобы смягчить их; так же называется небольшой деревянный топорики с металлическим острием
 дорзук — кожаный сосуд типа мешочка из кожи конской пятки для хранения хойт-пака (см.) и кумыса
 дыва — самоназвание алтайских тувинцев
 дэрики — нечто вроде небесной феи
 игил — двухструнный смычковый инструмент; иногда его гриф украшен резной конской головой
 карагана — непритязательный кустарник с мелкими желтыми цветочками, произрастающий и на засушливых почвах (*Robinia caragana*)
 лавшак — традиционная верхняя одежда мужчин и женщин, более легкая, чем тон (см.), на легкой подкладке или без нее, для более теплого времени года
 лама — монахи; представитель распространенного в Монголии и Тибете северного буддизма (ламаизма)
 Лузут Хаан — владыка духов, живущих в воде или под землей, и трех нижних миров; его истинный облик — змея
 мангыс — чудище, встречающееся в фольклоре различных народов Центральной Азии, которое, несмотря на тело великана и множество голов, видом и образом жизни напоминает человека
 мангысиha — злое чудище, похожее на джелбеге
 Молочное море — один из семи всемирных океанов индийской мифологии, расположенный к северу от всемирной горы Сюмбер
 оваа — кучка камней, сложенных в культовых целях; ее часто можно встретить в горах, на перевалах или приметных местах дороги, там, где поклоняются местному духу-хранителю
 оёлед — элты, западномонгольский род
 окче — приспособление для предохранения обуви от снашивания, состоящее из двух связанных ремешками конских копыт. Его привязывали к подметке сапога; помогало в ходьбе по каменистой почве. Сегодня вышло из употребления
 оленг — трава осока
 ореге — квадратный кусок войлока, которым на ночь, а также в дождь и стужу прикрывается дымовое отверстие
 Очир (Бурган Очир) — «Невозмутимый Будда» (букв. Будда-громовержец)
 Очирваан — ламаистское божество (санскр. Ваджрапани)
 савыл — ковшеподобный деревянный сосуд для питья, служит также и ступкой
 сарамбай — ремень и название игры «стрельба по ремням»; «желтая степь сарамбай» — очевидно то место, где обычно устраивалось это состязание
 сумун (сомон) — небольшая административная единица (сегодня и территориальная)
 Сюмбер (Сюмер, гора Сюмбер) — первоначально мифологическая гора в центре мира, окруженная морем; в сказках часто выступает как гора, дающая защиту герою, т. е. как родовая гора. Название гора Сюмбер восходит к горе Сумеру, по буддийской мифологии находящейся в центре мира
 тарак — загустевшее кислое молоко коров, яков, овец и коз
 тарваан (тарбаган) — сурок
 тон — род шубы длиною почти до икр; верхняя одежда на меховой подкладке для холодного времени года, с застежкой справа, перехваченная в талии матерчатым поясом из длинного куска сложенной в складки материи (для женщин раньше покроем были иным. См.: *Taube. Zur traditionellen Kleidung*)
 Узут Хаан см. Лузут Хаан

Узут-море (море Узут) см. море Лузут Хаана

укрюк — шест с тонкой ременной петлей на конце для ловли лошадей

хан (тув. *хаан*) — племенной князь у тюркских и монгольских народов

Хааркан — святой, великий, величественный, благородный; обращение к горам, ущельям; рекам, солнцу и месяцу, почитаемым божествами

хадак — длинный шалеобразный шелковый платок, который дарят вместе с другими подарками в знак приветия и как выражение почтения

хадгыр — конический круглый жердевый чум, крытый корой или шкурами; некогда типичное жилище многих сибирских народов. Еще в нашем столетии у тувинцев Цэнгэла существовал обычай, согласно которому молодожены должны были какое-то время прожить в хадгыре, пока для них соорудили юрту

хамбы лама — настоятель ламаистского монастыря

хан — употребляется перед именем собственным со значением «великий, благородный»

Хан Херети [или Хан Гэрд(и), монг. Хангарьд] — мифическая гигантская птица, которая считается врагом змей; соответствует птице Гаруда в буддийской мифологии

хёёдбэнг — мучное блюдо типа блинчиков, обжаренных в горячем жиру

хёне — веревки, натянутые меж двух колышков, к которым привязывают ягнят и козлят

хёнек — сосуд, напоминающий ведро, изготовленный из высушенной и обжаренной кожи

хойтпак — кислое свернувшееся молоко яков, овец и коз

хонаш — место, на котором расположена юрта и ее ближайшее окружение — пространство, на котором хранится топливо и другие припасы и находится на привязи молодой скот

хошуун — самая мелкая административная единица

хурал — собрание старейшин и советников

шоор — флейтоподобный инструмент, вырезанный чаще всего из ивового дерева

шулму (шулмус) — уродливые злые персонажи фольклора с одним глазом на лбу; поедают людей; см. также алмыс-шулмус

шулмусиха — женщина-шулму. Часто выступает под видом красавицы, чтобы, обманув мужчин, жить с ними

эжей — дедушка; обращение к старикам

Эрлик (Эрлик Хаан) — властитель царства мертвых, расположенного в одном из нижних слоев земли

Эрлик-баба (баба Эрлик) — злое сказочное существо, напоминающее шулмусиху

юрта — крытое войлоком жилище монгольских и тюркских скотоводов-кочевников Центральной и Средней Азии с деревянным остовом

БИБЛИОГРАФИЯ С УКАЗАНИЕМ СОКРАЩЕНИЙ

- АА — Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- ААЗ — Ардын аман зохиолоос. Эмхтг. Д. Дашдорж, И. Гур-Рэнцэн. Улаанбаатар, 1958.
- ААЗЭ — Ардын аман зохиолын эмхтгэл. Ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар, 1947.
- ААЗЭ 1948 — Ардын аман зохиолын эмхтгэл. Эмхтг. Г. Багаева, ред. Ч. Лхамсүрэн. Улаанбаатар, 1948.
- ААЗЭ 1956 — Ардын аман зохиолын эмхтгэл. Ред. Б. Содном, Б. Нацаг. Улаанбаатар, 1956.
- Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л., 1986.
- Александрова А., Туберовский М. Туркменские сказки об Ярты-Гулоке. Л., 1963.
- Алтайские сказки. Зап. и переск. А. Гарф и П. Кучияк. Т. 1—3. М., 1939—1974 (т. 1 — 1939, т. 2 — 1966, т. 3 — 1974).
- [Амстердамская Л. М.] Восточно-халхаские народные сказки. Текст и перевод. М.—Л., 1940.
- Аранчин Ю. Л. Институт за четверть века.— Уч. зап. 1971, 15, с. 22—30.
- Астахова А. М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.—Л., 1962.
- АУБ I — Ардын уншиг бичиг. Ардыг Гэгээрүүлэх Яамнаас эрхлэн гаргав. Улаанбаатар, 1939.
- АУБ II — Ардын унших бичиг. Аман зохиолын түүвэр. Эмхтг. Б. Лхамсүрэн, ред. Б. Цэвэгжав. Улаанбаатар, 1943.
- Бадмаев Н. Сборник калмыцких сказок. Астрахань, 1899.
- Балдаев С. П. Буряад арадай аман зохиёолой туубэри. Улан-Удэ, 1960.
- Баранникова Е. В. Бурятские богатырские сказки.— Эпическое творчество, с. 66—69.
- [Баранникова] Бурятские народные сказки. Волшебнo-фантастические. Сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Улан-Удэ, 1973.
- Бардаханова С. С. Улигерные мотивы в бурятских сказках о животных.— Эпическое творчество, с. 69—71.
- Баскаков Н. А. Диалект черневых татар (туба-кижи). Тексты и переводы. М., 1965 (Северные диалекты алтайского [ойротского] языка).
- Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972 (Северные диалекты алтайского [ойротского] языка).
- Баялиева Т. С. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.
- Беннигсен А. Н. Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912.
- [Боданова М. (ред.)] Киргизские народные сказки. М., 1972.
- Бозинген. Казахские народные сказки. А.-А., 1985.
- Бокту Кириш и Бора Шээлей. Пер. Л. Гребнев. Кызыл, 1969.
- Бомбуулэй — Алтан мѳнгүн бѳмбүүлэй. Эмхтг. Д. Дашдорж. Улаанбаатар, 1975.
- Будегичева Т. Б. О проблеме изучения художественных традиций тувинского народа.— Уч. зап. 1973, 16, с. 91—99.
- БурНС — Бурятские народные сказки. Волшебнo-фантастические и о животных. Ред. Е. В. Баранникова. Улан-Удэ, 1976.
- Бюрбе С. М. Музыкальный фольклор тувинцев.— Уч. зап. 1964, 11, с. 303—310.
- Вайништейн С. И. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореф. докт. дис. М., 1969.
- Вайништейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.
- Василевич Г. М., Алькор Я. П. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936.
- Васильев М. А. Памятники татарской народной словесности. Л., 1926.
- Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности. Л., 1926.
- Владимирцов Б. Я. Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. М., 1958.
- Волшебный рубин. Узбекские народные сказки. Сост. М. Шевердин. Нукус, 1980.

- БСС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Л. Г. Бараг и др. Л., 1979.
- Вчерашняя И. А. Тувинские народные сказки. Автореф. канд. дис. М., 1955.
- Вчерашняя И. А. Тувинские народные сказки. Опыт исследования. — Уч. зап. 1955, 3, с. 136—148.
- Гадамба Ш.-М. Эрхий мэргэний домог-Үлгэрийн учир. — Шинжлэх ухаан амьдрал. [Улаанбаатар], 1966, 3, с. 66.
- Гарф А. — см. Танзаган.
- Глаза дракона. Легенды и сказки народов Китая. Пер. с кит. и примеч. Лин Лина и П. Устина. М., 1959.
- Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос. Опыт историко-этнографического анализа. М., 1960.
- Гринблат М. Я., Гурский А. И. Сказки народов СССР. Минск, 1970.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1. Л., 1926.
- Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. — Археологический сборник. Вып. 3. Л., 1961.
- Дамдинсүрэн Ц. Монголын уран зохиолын дээж зуун билэг оршив. Улаанбаатар, 1959 (Corpus scriptorum mongolorum. T. XIV).
- Дарыма О. К.-Ч. Новые записи произведений тувинского фольклора. — Уч. зап. 1968, 13, с. 317—321.
- Долоон хожгор. Эмхтг. Н. Ходза, орч. Хай-Пинь. Хөххот, 1956.
- ДунгНС — Рифтин Б. Л., Хасанов М., Юсупов И. Дунганские народные сказки и предания. М., 1977 (СМНВ).
- Дьяконова В. П. Об одной категории социальной иерархии шаманов. — Уч. зап. 1973, 16, с. 222—227.
- Дьяконова В. П. Отражение погребального обряда тувинцев в фольклоре. — Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974, с. 259—266.
- Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960.
- Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
- Зеленин Д. К. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок. — С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934, с. 215—240.
- [Казиев.] В стране сказок. Сост. Б. Ш. Казиев. А.-А., 1983.
- КазНС 1977 — Казахские народные сказки. Сост. Ф. Жанузакова. А.-А., 1977.
- КазНС 1979 — Казахские народные сказки. Сост. Т. Дауренбеков. А.-А., 1979.
- Калзан А. К. О фольклоре Монгун-Тайги. — Уч. зап. 1964, 11, с. 305—310.
- Калзан А. К. О тувинской фольклористике. — Уч. зап. 1971, 15, с. 186—191.
- Калмс 1962 — Калмыцкие сказки. М., 1962.
- Калмс 1982 — Калмыцкие сказки. Элиста, 1982.
- Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.
- Каташ С. Мифы, легенды Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1978.
- Кидайш-Покровская Н. В. О специфике эпического сюжета в тюркоязычных памятниках. — Эпическое творчество, с. 63—66.
- КиргНС — Киргизские народные сказки. Пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного и К. Эшмамбетова. 2-е изд. Фрунзе, 1981.
- Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. Т. 3. Экспедиция в Сойотию. М., 1934; изд. 2, 1936.
- Кузнецов В. С. Амурсана. Новосибирск, 1980.
- Куулар Д. С. О тувинских легендах и преданиях. — Уч. зап. 1959, 7, с. 134—142.
- Куулар Д. С. Н. Ф. Катанов и тувинский фольклор. — Уч. зап. 1963, 10, с. 220—228.
- Лебедева Е. П. О фольклоре нанайцев. — Аврорин. Материалы, с. 3—23.
- Майногашева В. Е. Хакасская и тувинская версии героического сказания о Бокту Кирише. — Эпическое творчество, с. 31—32.
- Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. М., 1967.
- [Мальсагов А. О.] Сказки и легенды ингушей и чеченцев. М., 1983 (СМНВ).
- [Малога Е.] Чудесный сад. Казахские народные сказки. А.-А., 1962.
- [Мангнай] Маңнайның тоолдары. Кызыл, 1971.
- МАУД — Монгол ардын Үлгэр домог. Эмхтг. Ц. Өлзийхутаг. Улаанбаатар, 1982.
- Мифы народов мира. Т. 1—2. М., 1982.
- Михайлов Г. И. К вопросу об эволюции монгольского героического эпоса. — Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960, с. 210—227.
- Михайлов Г. И. Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста, 1971.
- МонгААЗД — Гадамба Ш.-М., Цэрэнсодном Д. Монгол ардын аман зохиолын дэ-эж. Улаанбаатар, 1967.
- МонгАУ — Монгол ардын Үлгэр. Эмхтг. Ж. Надмид ред. Ц. Өлзийхутаг. Улаанбаатар, 1957.
- МонгАУ 1965 — Монгол ардын ҮлгэрҮҮд. Ред. О. Банди. Улаанбаатар, 1965.
- МонгАУ 1969 — Монгол ардын Үлгэр. Эмхтг. У. ЗагдсҮрэн. Улаанбаатар, 1969.

- МонгС 1954 — Ходжа Н. Монгольские сказки. Л., 1954.
- МонгС 1962 — Монгольские сказки. Пер. с монг. Г. И. Михайлов. М., 1962.
- МонгС 1966 — Монгольские сказки. Сост. Г. И. Михайлов. М., 1966.
- МонгС 1967 — Монгольские сказки. Сост. Г. И. Михайлов. М., 1967.
- Монгуш Д. А. 40 лет тувинской письменности. — Уч. зап. 1971, 15, с. 12—21.
- Монгуш Д. А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии. — Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983, с. 127—145.
- Неклюдов С. Ю. Жанрово-типологическое сопоставление бурятского героического эпоса и русской былины. — Эпическое творчество, с. 40—41.
- Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М., 1984.
- [Никифоров Н. Я.] — Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г. Н. Потанина. Омск, 1915.
- Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. М., 1984.
- [Ням-Осор.] Өнчин цагаан ботго. Монгол ардын ҮлгэрҮүд. Эмхтг. Л. Ням-Осор. Ред. Д. Лодойдамба. Улаанбаатар, 1958.
- Оскуп-оол и Золотая Дангина. Тувинские народные сказки. Пер. М. А. Хадахане. Кызыл, 1980.
- [Пермяков Г. Л. (ред.)] Прodelки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора. М., 1972 (СМНВ).
- Полнолуние. Алтайские и шорские сказки. Пер. и обраб. А. Смердов. Новосибирск, 1955.
- [Потанин Г. Н.] Монгольские сказки и предания. [Семипалатинск], 1919.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 гг. по поручению Имп. Русского географического общества. Вып. 1—4. СПб., 1881—1884.
- Потанин Г. Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина 1884—1886. Т. 1—2. СПб., 1893.
- Потапов Л. П. Лук и стрела в шаманстве алтайцев. — СЭ. 1934, № 3.
- Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд., Л., 1986.
- Радлов В. Образцы народной литературы тюркских племен... Ч. 1—10. СПб., 1866—1907 (переизданы фотомеханическим способом: Лpz., 1965).
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1—4. СПб., 1893—1911.
- Ральдин Х. П. Этнический состав современного населения МНР. — Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1968.
- Рекомендации научно-теоретической конференции, посвященной 40-летию тувинской письменности и 25-летию ТНИИЯЛИ. — Уч. зап. 1971, № 15, с. 290—293.
- Сазыкин — см. Sazykin.
- Санжеев Г. Д. Дархатский говор и фольклор. Л., 1931.
- [Сидельников.] Казахские сказки. Т. 2. Сост. и ред. В. М. Сидельникова. А.-А., 1962.
- СМНВ — Серия: Сказки и мифы народов Востока. М.
- СНК Л — Сказки народов Китая. Л., 1961.
- СНК М — Сказки народов Китая. М., 1961.
- [Содном.] Мал аж ахуйн холбогдолтой ардын аман зохиол. Эмхтг. Б. Содном, ред. Г. Ринченсамбуу. Улаанбаатар, 1956.
- Сокровенное сказание — См. Haenisch.
- Танзаган — отец алтайцев. Алтайские сказки. Зап. и переск. по-русски А. Гарф и П. Кучияк. М., 1978.
- Татаринцев В. И. О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора. — Уч. зап. 1970, № 14, с. 174—188.
- ТАУ — ТУва ардын ҮлгэрҮүд. Ред. У. ЗагдсҮрэн. Улаанбаатар, 1970.
- Тенишев Э. Р. Строй сарыг-уйгурского язы. 1. М., 1976.
- ТНС I — Тувинские народные сказки. Сост. И. А. Плоткина. Ред. О. А. Толгар-оол. Кызыл, 1954.
- ТНС II — Тувинские народные сказки. Сост. М. А. Изынеева. Кызыл, 1958.
- ТНС III — Тувинские народные сказки. Сост. А. К. Калзан. Ред. О. К. Саган-оол. Кызыл, 1964.
- ТНС 1971 — Тувинские народные сказки. Пер. и сост. Марк Ватагин. М., 1971.
- Тогуй-оол А. С. Опыт исследования тувинского стихосложения. — Уч. зап. 1953, № 1, с. 93—110.
- Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. М., 1985.
- Тодаева Б. Х. Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. М., 1975.
- Тока С. К. Знаменательная дата в культурной революции. — Уч. зап. 1960, № 8, с. 16.
- Толгар-оол О. К. К 25-летию ТНИИЯЛИ. — Уч. зап. 1970, № 14, с. 250—259.

- ТС — Тувинские сказки. Ред. С. А. Садко. Новосибирск, 1970.
- ТТ I — Тыва тоолдар. Ред. А. Д. Сат. Кызыл, 1947; 2-е изд. Кызыл, 1967, ред. С. Сарыг-оол.
- ТТ II — Тыва тоолдар. И. Медээчи тургускан, С. Сарыг-оол ред. Кызыл, 1951.
- ТТ III — Тыва тоолдар. А. Калзан, О. Сувакпит тург., С. Сарыг-оол ред. Кызыл, 1955.
- ТТ IV — Тыва тоолдар. А. Калзан, Д. Куулар тург., С. Сарыг-оол ред. Кызыл, 1957.
- ТТ V — Тыва тоолдар. Д. Куулар, А. Калзан тург., С. Сарыг-оол ред. Кызыл, 1960.
- ТТ VI — Тыва тоолдар. Д. Куулар тург., С. Сарыг-оол ред. Кызыл, 1963.
- ТТ VII — Тыва тоолдар. О. К. Дарыма тург., К. Х. Оprü ред. Кызыл, 1968.
- [Турсунов.] Золотая бита. Казахские волшебные сказки. Сост. Э. Турсунов. А.-А., 1983.
- УТ — Уругларга тоолдар. Кызыл, 1959.
- Уч. зап. — Ученые записки ТНИИЯЛИ (Кызыл).
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 1—3. Улан-Удэ, 1958—1960.
- [Ходза Н. А.] Сказки народов Азии. Л., 1959.
- Хорлоо П. Монгол ардын явган лгэр. Улаанбаатар, 1960 (SF. Т. 1. Fasc. 8).
- Хорлоо П. Монгол ардын дууны яруу найраг. Улаанбаатар, 1981.
- [Чанчы-хөд.] Демир шилги аьттыг Тевене-Мөгө. Тыва тоолдар. Кызыл, 1972.
- Шадаев А. И. Эрдэни шулуун. Бурят-монгол арадай онтохонууд. Улан-Удэ, 1958.
- Шахунова П. А. и Лиханов Б. А. К вопросу изучения Тувы русскими исследователями. — Уч. зап. 1954, № 2, с. 63—80.
- [Шевердин.] Узбекские народные сказки. Ред. и пер. с узб. М. И. Шевердин, сост. М. И. Афзалов, Х. Расулев, З. Хусаинова. Т. 1—2. Таш., 1963.
- Шерхунаев Р. А. Сказки и сказочники Тофаларии. Кызыл, 1977.
- Эпическое творчество народов Сибири. Тезисы докладов научной конференции. Улан-Удэ, 1973.
- Яковлев Е. Пять сойотских сказок. [Б. м.], 1901.
- ЯМВМ — Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. М., 1981.
- Ярты-Гулок — см. Александрова, Туберовский.
- Adler E. Der Elefant im Waschitrog. Märchen aus Burma. В., [1968].
- AF — Asiatische Forschungen. Wiesbaden.
- AM — Asia Major. Lpz.
- АОН — Acta Orientalia Hungarica. Budapest.
- AT — *Aarne Antti. The Types of the Folktales. A Classification and Bibliography.* Translated and Enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1961. 2-е изд. (FFC, 184).
- Bäcker Jö. Zu einem neu aufgefundenen altaischen Jangar-Epos. — ZAS. 18 (1985), с. 55—67.
- [Balázs]. Das goldene Zeit. Kasachische Volksepen und Märchen. Aufgezeichnet von B. Balázs, nacherzählt und hrsg. von E. Müller. В., 1956.
- Barag L. G. (Hrsg.) Belorussische Volksmärchen. В., 1966 (VM).
- BOH — Bibliotheca Orientalis Hungarica. Budapest.
- Borataw P. N. L'épopée d'Er-Töstük et le conte populaire. — Volksepen der uralischen und altaischen Völker. Wiesbaden, 1968 (Ural-altaische Bibliothek. 16), с. 75—86.
- BP — Bolte J., Polivka G. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Bd. 1—5. Lpz., 1913—1932.
- [Bräutigam]. Die Prinzessin Wen cheng und der Gesandte aus Lhasa. Volksmärchen, Legenden und Tierfabeln der Tibeter. Aus dem Chinesischen übersetzt und frei nacherzählt von H. Bräutigam. В., 1963.
- Chinese Literature. Beijing.
- [Chodsa N.] Das betrogene Kamel. Volksmärchen, Legenden und Tierfabeln der Mongolen. В., 1964 (übersetzt aus dem Russ., «Mong. skazki»).
- [Chophel Norbu]. Folk Tales of Tibet. Dharamsala, 1984.
- [Cirtautas]. Märchen der Usbeken. Samarkand, Buchara, Taschkent. Hrsg. und übersetzt von Ilse Laude-Cirtautas. Köln, 1984 (MdW).
- Dähnhardt O. (Hrsg.). Natursagen. Eine Sammlung naturdeutender Sagen, Märchen, Fabeln und Legenden. Bd. 3: Tiersagen, 1. Teil. Lpz., 1910.
- Dirr A. Kaukasische Märchen, ausgewählt und übersetzt. Jena, 1922 (MdW).
- [Doerfer]. Sibirische Märchen. Bd. 2: Tungusen und Jakuten, hrsg. und übersetzt von G. Doerfer. Düsseldorf — Köln, 1983.
- Dor R., Naumann C. M. Die Kirghisen des afghanischen Pamir. Graz, 1978.
- Schmidt J. J. Dsañs-blun oder Der Weise und der Thor. St.-Pbg., 1843.
- Eberhard W. Typen chinesischer Volksmärchen. Helsinki, 1937 (FFC, 120).
- Eberhard W., Borataw P. N. Typen türkischer Volksmärchen. Wiesbaden, 1953 [Akademie der Wissenschaften und der Literatur (zu Mainz). Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. 5].
- Eckardt A. Die Ginsengwurzel. Koreanische Sagen, Volkserzählungen und Märchen, während eines 20jährigen Aufenthaltes in Korea gesammelt. Eisenach (1955) («Das Gesicht der Völker». Der ostasiatische Kulturkreis. Koreanische Dichtung).
- Emsheimer E. Zur Ideologie der lappischen Zaubertrommel. — Studia ethnomusicologica eurasiatica. Stockholm, 1964, с. 28—49.

- [Erberg O.]. Vierzig Lügen und andere turkmenische Volksmärchen. B., [1964] (übersetzt aus dem Russ., «Turkmenische narodnye skazki»).
- Erkes E. Chinesisch-amerikanische Mythenparallelen. — T'oung Pao. 24 (1925/26), c. 32—53.
- [Esche A. (Hrsg.)]. Märchen der Völker Burmas. Lpz., 1976.
- Feng huang: Chin yüe feng huang («Der Goldjade-Phönix»). Shanghai, 1959.
- FFC — Folklore Fellow Communications. Helsinki.
- Folk Tales from China. Bd. 1—5. Beijing, 1957—1962 (Bd. 5: Chinas Völker erzählen).
- Francke A. H. Wa-tsei-sgruns. Füchsgeschichten, erzählt von Dkon-mchog-bkra-shis aus Kha-la-tse. — AM. 2 (1925), c. 408—431.
- Frenzel E. Motive der Weltliteratur. Stuttgart, 1980.
- Frenzel E. Stoffe der Weltliteratur. Stuttgart, 1983.
- Fundamenta — Philologiae Turcicae Fundamenta. Bd. 1—2. Wiesbaden, 1959—1965.
- Gabain A. Iranische Elemente im zentral- und ostasiatischen Volksglauben. — Studia orientalia. Vol. 47. Helsinki, 1977, c. 57—70.
- Gansu minjian gushixuan («Ausgewählte Volksmärchen aus Gansu»). Lanzhou, 1962.
- [Ganzuuzav]. Gurban nasutai gunagan ulagan bagatur. Arad-un aman jokiyal-ud. Kökeqota, 1956.
- [Gaudes R. (Hrsg.)]. Kambodschanische Volksmärchen. B., 1987 (VM).
- [Giese Fr. (Hrsg.)]. Türkische Märchen. Jena, 1925 (MdW).
- Die Goldene Schale und andere Märchen der Völker der Sowjetunion, Moskau o. J. (übersetzt aus dem Russ., «Skazki narodov SSSR»).
- [Grimm]. Kinder- und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm. Berlin — Weimar, 1965.
- [Grimm 1913]. Die Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm in ihrer ursprünglichen Gestalt, hrsg. von Friedrich Panzer. Bd. 1—2. München, 1913.
- Haenisch E. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Lpz., 19482.
- [Halén H.]. Nordmongolische Volksdichtung. Gesammelt von G. J. Ramstedt. Bearb., übers. und hrsg. von H. Halén. Bd. 1—2. Helsinki, 1973—1974.
- [Hatto A.]. The Memorial Feast of Kökötöy-Khan. A Kirghiz Epic Poem. Oxf., 1977.
- Hatto A. Shamanism and Epic Poetry in Northern Asia. L., 1970 (Foundation Day Lecture. 1970).
- [Heissig]. Mongolische Volksmärchen, aus dem Mongolischen übers. und mit einem Nachwort von W. Heissig. Düsseldorf — Köln, [1963] (MdW).
- [Heissig]. Helden-, Höllenfahrts- und Schelmengeschichten der Mongolen. Aus dem Mongolischen übers. von W. Heissig. [Zürich, 1962] (Manasse Bibliothek der Weltliteratur).
- Heissig. Religionen — см. Tucci — Heissig.
- Heissig W. Felsgeburt (Petrogenese) und Bergkult. — Fragen der mongolischen Heldendichtung. 2. Wiesbaden, 1982, c. 16—36.
- Heissig W. Ethnische Gruppenbildung in Zentralasien im Lichte mündlicher und schriftlicher Überlieferung. Opladen, 1983 (Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften, Vorträge. G 72).
- Heyne F. G. Die Jagd in den Wäldern des Grossen Chinggan. — Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Bd. 38 [Berlin] (im Druck).
- [Hoffmann]. Märchen aus Tibet, hrsg. und übertragen von H. Hoffmann. Düsseldorf — Köln, [1965] (MdW).
- [Jahn Samia al Azharia (Hrsg.)]. Arabische Volksmärchen. B., 1970 (VM).
- [Jech J. (Hrsg.)]. Tschechische Volksmärchen. B., 1961 (MdW).
- [Jülg]. Kalmückische Märchen. Die Märchen des Siddhi-kür oder Erzählungen eines verzauberten Toten. Kalmückischer Text mit deutscher Übersetzung und einem kalmückisch-deutschen Wörterbuch von B. Jülg. Lpz., 1866.
- [Jülg]. Mongolische Märchensammlung. Die neun Märchen des Siddhi-kür nach der ausführlichen Redaction und die Geschichte des Ardschi-Bordschi Chan. Mongolisch mit deutscher Übersetzung und kritischen Anmerkungen hrsg. von B. Jülg. Innsbruck, 1868.
- Jung E. Märchen aus Nepal. Basel, 1976.
- [Jungbauer G. (Hrsg.)]. Märchen aus Turkestan und Tibet. Jena, 1921 (MdW).
- Kara Gy. Chants d'un barde mongol. Budapest, 1970 (BOH. 12).
- Karakalpäische Märchen. Hrsg. von K. Reichl. Bochum, 1985.
- KasVM — Kasachische Volksmärchen. Moskau, 1986.
- Kathasaritsagara (von Somadeva) — C. H. Tawney, new ed. by N. M. Penzer. The Ocean of Story. Bd. 1—10. L., 1924—1928 (1. Auflage: Calcutta, 1880—1884, 2 Bde).
- KHM — Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm.
- Köhalmi см. Uray-Köhalmi.
- Laude-Cirtautas I. Uzbek Female Healers. — Researches in Altaic Languages. Ed. by L. Ligeti. Budapest, 1975 (BOH. 20), c. 91—98.
- [Leskien]. Balkanmärchen. Aus Albanien, Bulgarien, Serbien und Kroatien. Hrsg. von A. Leskien. Jena, 1915 (MdW).

- Lévi S. Le Népal. Etude historique d'un royaume hindou. P., 1905—1908 (Annales du Musée Guimet. T. 17—19).
- [Lintur P. V. (Hrsg.)]. Ukrainische Volksmärchen. B., 1972 (VM).
- [Ljungman W.]. Die schwedischen Volksmärchen. Herkunft und Geschichte. B., 1961 (Deutsche Akademie der Wissenschaften. Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Volkskunde. 20).
- Lörincz L. Der Märchentyp 301 als tibetisches Element im Heldenlied des Dschangar.— AOH. 22. [1969], c. 335—352.
- Lörincz L. Parallelen in der mongolischen und altai-türkischen Epik.— Studia Turcica. Ed. L. Ligeti. Budapest, 1971 (BOH. 17), c. 321—330.
- Lörincz L. Märchen, Sagen und Schwänke vom Dach der Welt (Tibetische Tiermärchen und Dre-mo-Märchen).— Tibetan and Buddhist Studies. Vol. 2. Ed. by L. Ligeti. Budapest, 1984 (BOH 29/2), c. 117—127.
- Lörincz L. Mongolische Märchentypen. Budapest, 1979 (BOH. 24 = MMT).
- München-Helfen O. Reise ins asiatische Tuwa. B., 1931.
- Märchen der europäischen Völker. Unveröffentlichte Quellen III. Münster, 1962.
- Märchenbaum I — Der Märchenbaum. Märchen aus aller Welt. Erzählt von Vladislav Stanovský und Jan Vladislav, Deutsch von Erich Bertleff. Prag, 1960.
- Märchenbaum II — Der zweite Märchenbaum. Märchen aus aller Welt. Erzählt von Vladislav Stanovský und Jan Vladislav. Prag, 1961.
- Mat. T. — Материалы собрания Эрики Таубе, записанные в 1966, 1967, 1969, 1982 гг. в сомоне Цэнгэл Баян-Улзгэйского аймака и в 1985 г. у тувинцев, уже не живущих на Алтае.
- MdW — Märchen der Weltliteratur.
- Mengguzu minjian gushiji («Sammlung mongolischer Volksmärchen»). Shanghai, 1962.
- Minjian wenxue («Volksliteratur», Zeitschrift). Beijing.
- MMT см. Lörincz. Mongolische Märchentypen.
- [Mode H., Arun Ray (Hrsg.)]. Bengalische Märchen. Lpz., 1969.
- Mong. FT.— Mongolian Folk-Tales.— Chinese Literature. [Beijing], 1957, 2, c. 157—167.
- Mong. Reader — Austin, William M., John G. Hangin und Peter M. Onon. A Mongol Reader. Wash., 1956.
- Mostaert A. Textes oraux Ordos. Peip'ing, 1937 (Monumenta Serica, Monograph Series № 1).
- Mostaert A. Folklore Ordos. Peip'ing, 1947 (Monumenta Serica, Monograph Series № 11).
- Nasunbajar. Tungsiang kelen-ü temdeglel («Aufzeichnungen über die Sprache der Dongxiang»). Ulaanbaatar, 1961 (Studia Mongolica. III, Fasc. 3).
- Neimeng minjian gushi («Volksmärchen aus der Inneren Mongolei») (geordnet von Li I). Beijing, 1955.
- [Ortutay Gy. (Hrsg.)]. Ungarische Volksmärchen. B., 1961 (VM).
- Penzer см. Kathasaritsagara.
- [Pomeranzewa E. (Hrsg.)]. Russische Volksmärchen. B., 1965 (VM).
- Poppe N. Khalkha-mongolische Grammatik mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar. Wiesbaden, 1951 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur (zu Mainz), Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. 1).
- Poppe N. Mongolische Volksdichtung. Sprüche, Lieder, Märchen und Heldensagen. Khalkha-mongolische Texte mit deutscher Übersetzung, einer Einleitung und Anmerkungen. Wiesbaden, 1955 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur (zu Mainz), Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. 7).
- [Ramstedt]. Kalmückische Sprachproben, gesammelt und hrsg. von Gustaf John Ramstedt. 1. Teil: Kalmückische Märchen. Helsingfors, 1909—1919 (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XXVII, 1 und 2).
- Reichl K. Karakalpakische Märchen mit Übersetzung, Glossar und Anmerkungen. Bochum. 1985.
- Rinčindorji C. Zur Entstehung, Entwicklung und Wandlung der Heldenepen aus der Bargu-Region.— Fragen der mongolischen Heldendichtung. Teil II, hrsg. von W. Heissig. Wiesbaden, 1982 (AF. 73), c. 92—115.
- Rintchen (= Rincen, Bjambyn). Folklore mongol, collecté par R. Wiesbaden, 1965 (AF. 15).
- Róna-Tas A. Dariganga Folklore Textes.— AOH. 10 [1960], c. 171—183.
- Rubruk W. Reise zu den Mongolen 1253—1255, übersetzt und erläutert von Friedrich Risch. Lpz., 1934.

- Sazykin A. G. Hell-Imaginations in Non-Canonical Mongolian Literature.— AOH. 33, 3 (1979), c. 327—335.
- Schirmunski V. (= V. M. Žirmunskij). Vergleichende Epenforschung. B., 1961 (Deutsche Akademie der Wissenschaften, Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Volkskunde. 24).
- Schröder D. Aus der Volksdichtung der Monguor. 1. Teil: Das weiße Glücksschaf. Mythen, Märchen, Lieder. Wiesbaden, 1959 (AF. 6).
- Schuh D. Tibetische Handschriften und Blockdrucke sowie Tonbandaufnahmen tibetischer Erzählungen. Wiesbaden, 1973 (Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland. XI, 5).
- [Serow]. Die schöne Kuline. Tschuwaschische Volksmärchen. Ausgewählt und aus dem Tschuwaschischen übersetzt von Iwan Serow, nacherzählt von Anneliese Probst. B., 1970.
- SF — Studia Folclorica Instituti linguae et litterarum Academiae Scientiarum Rei publici Populi Mongoli. Ulaanbaatar.
- [Sharma N.] Folk Tales of Nepal. New Delhi, 1976.
- Sib. M. II cm. Doerfer.
- Siditü kegür-ün üliger («Märchen vom Sidi-kür»). Kūkeqota (= Chöchchot), 1957 (nach einer gleichnamigen Ausgabe aus Ulaanbaatar, 1938).
- Siditü kegür-ün üliger. Ulaanbaatar, 19281; Mukden, 19582.
- Sowjetunion — Märchen der Völker der Sowjetunion. B., 19482.
- Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223—1502. Lpz., 1943 (Das Mongolische Weltreich. II).
- Sticker G. Abhandlungen aus der Seuchengeschichte und -lehre I: Die Pest, 1. Teil: Die Geschichte der Pest. Gießen, 1908.
- Štovičková D. und M.: Märchen aus Tibet und anderen Ländern des Fernen Ostens. Prag, 1974 (übersetzt aus dem Tschechischen, Prag, 1964).
- Taube E. Folkloristischer und sachlicher Gehalt mongolischer Märchenstoffe. Dissertation. Lpz., 1964 (Manuskript).
- Taube E. Einige mongolische Unterhaltungsspiele.— Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. 24. [1967], c. 56—65.
- Taube E. Drei tuwinische Varianten zur Sage von der Herkunft der Murmeltiere.— Studia Asiae. Festschrift für Johannes Schubert. Pt. 1 (-Supplement to «Buddhist yearly. 1968»). Halle/Saale: Buddhist Centre. (1969), c. 263—275 [= Taube, 1968].
- Taube E. Einige Gedanken zu mongolischen Varianten des Märchens vom klugen Mädchen.— Olon ulsyn mongolc ģerdėmnij II ich chural, II bot'. Ulaanbaatar, 1973, c. 148—157.
- [Taube E.] Das leopardenscheckige Pferd. Märchen der Tuwiner. In der MVR gesammelt und nacherzählt von E. Taube. B., 1977 [= Taube, 1977].
- [Taube E.] Tuwinische Volksmärchen. Übers. und hrsg. von E. Taube. B., 1978 (Volksmärchen. Eine internationale Reihe). [= Taube, 1978].
- Taube E. War das Urbild des Gestiefelten Katers ein Fuchs? — Proceedings of the Csšoma de Kőrös Memorial Symposium, ed. by L. Ligeti. Budapest, 1978 (BOH. 23). c. 473—485.
- Taube E. Volksmusik im Herzen Asiens.— Kleine Beiträge des Museums für Völkerkunde Dresden. 6. 1983, c. 2—12.
- Taube E. Relations between South Siberian and Central Asian Hero Tales and Shamanistic Ritual.— Olon ulsyn mongolc erdemtnij IV ich chural (1982). III bot'. Ulaanbaatar, 1984, c. 165—171.
- Taube E. South Siberian and Central Asian Hero Tales and Shamanistic Rituals.— Shamanism in Eurasia. Pt. 2, ed. by Mihály Hoppál. Göttingen, 1984, c. 344—352.
- Taube E. A. H. Franckes Fuchsgeschichten aus Ladakh im Kontext der zentralasiatischen Folkloretradition.— Wissenschaftsgeschichte und gegenwärtige Forschungen in Nordwest-Indien. Hrsg. vom Staatlichen Museum für Völkerkunde Dresden. 1990 (Dresdener Tagungsberichte. 21), c. 266—272.
- Taube E. Auffällige kulturelle Parallelen zwischen Altai und tibetischem Sprachgebiet (Materialien des 5. Kőrös Csšoma Symposiums. Sopron, 1987 (im Druck)).
- Taube E. Anfänge der Seßhaftwerdung. B., 1981.
- [Taube E.] Ergil-ool. Chan Tögüsvėk. (Aufgezeichnet und aus dem Tuwinischen übers. von E. Taube).— Heldensagen aus aller Welt. B., 1988, c. 120—128, 244—257 (to xė: Stuttgart, 1988).
- Taube E. Naturschutzmärchen in Zentralasien.— Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde zu Leipzig. 53 (1989), c. 51—54.

- Taube E. und Taube M.* Schamanen und Rhapsoden. Die geistige Kultur der alten Mongolei. Lpz., 1983.
- TCV см. *Eberhard W.* Typen chinesischer Volksmärchen.
- Thompson S.* Motif-Index of Folk-Literature. Bloomington, 1932—1933 (Indiana University Studies. 19, 20).
- Tib. M.* — Märchen, Sagen und Schwänke vom Dach der Welt. Tibetisches Erzählgut in deutscher Fassung. Bd. 1—4. St. Augustin, 1982.
- Togan — Togan A. Zeki Validi.* Ibn Fadlān's Reisebericht. Lpz., 1939.
- TTV см. *Eberhard W. und Boratav P. N.* Typen türkischer Volksmärchen.
- Tucci G., Heissig W.* Die Religionen Tibets und der Mongolei. Stuttgart—Berlin—Köln—Mainz, 1970 (Die Religionen der Menschheit. 20).
- Uig. VM* — Uigurische Volksmärchen. Nacherzählt von Konstantin Ehrlich. Alma-Ata, 1985.
- Uray-Köhalmi K.* Geser Khan im tungusischen Märchen. — AOH. 34. 1980, c. 75—83.
- Uray-Köhalmi K.* Die brave Schwester, die böse Schwester und der weisse Hase. — Fragen der mongolischen Heldendichtung. Teil 3, hrsg. von W. Heissig. Wiesbaden, 1985 (AF. 91), c. 112—124.
- VM* — Volksmärchen. Eine internationale Reihe. B.
- Weiers M.* Die Mongolen. Beiträge zur ihrer Geschichte und Kultur. Darmstadt, 1986.
- Die Wunderblume und andere Märchen. B., 1961.
- Ziem K.-E.* Einen Bräutigam für Fräulein Maus. Märchen aus Burma. B., 1959.
- ZAS* — Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Wiesbaden.
- Zhongguo minjian gushixuan* («Ausgewählte Volksmärchen aus China»). Bd. 1—2. Beijing, 1958—1962.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Работы Э. Таубе об алтайских тувинцах	51

БОГАТЫРСКИЕ СКАЗКИ

1. Хвала Алтаю.....	54
2. Эргил-оол.....	54
3. Эрген-оол.....	61
4. Зачин сказки.....	69
5. Бёген Сагаан Тоолай.....	70
6. Эр Агыын.....	88
7. Хевис Сююдюр.....	90
8. Паавылдай Баатыр с конем леопардовой масти (вариант I).....	107
9. Паавылдай Баатыр с конем леопардовой масти (вариант II).....	114
10. Гунан Хара Баатыр (вариант III).....	117
11. Шаралдай Мерген с конем в желтых яблоках.....	127
12. Хара Буурул Дюжюмел.....	131
13. Сулу Балдыр Хаан с конем Эрдине Хюренг.....	134
14. Бай Назар.....	139
15. Паавылдай Мерген с конем леопардовой масти.....	150
16. Зачин сказки.....	154
17. Хан Тёгюсвек.....	155

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

18. Почему рассказчику не следует заставлять долго просить себя.....	186
19. Отгек Джуман.....	187
20. Лягушонок.....	196
21. Хан с двенадцатью женами.....	202
22. Мальчик с тысячью буланных лошадей (вариант I).....	205
23. Мальчик с тысящей буланных лошадей (вариант II).....	206
24. Старик Эндз Дендз, или Юноша с собакой, кошкой и рыбой.....	210
25. Аржу Буржу Хаан.....	216
26. Дочь Лузут Хаана.....	224
27. Два брата, или Старик Эренцен.....	227
28. Ханские близнецы.....	234
29. Дөптөгөн — черная старуха с мешком из верблюжьей кожи.....	236
30. Старики с семью желтыми козами.....	238
31. Страшные черные мангысы.....	240
32. Бурган Буруш.....	242
33. Деревянная девушка.....	244
34. Волшебная сила дэрики.....	244
35. Яд шулмусихи и сила Бургана.....	245
36. Эрген-оол, или Дитя двух скал.....	249
37. Старец с тремя сыновьями.....	249

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

38. Сказка о прекрасном сне.....	254
39. Хараат Хаан и Джечен Хаан.....	255
40. Совет отца.....	258
41. Мергелдей.....	259
42. О ленивом старике.....	261
43. Хитрая проделка нищих монахов.....	262
44. О мальчике ростом с коленную чашечку.....	263
45. Три брата, или Пузырьголова, Ниткошейка и Камышовая Ножка.....	264
46. Дождик.....	264

47. Хитрый лисенок.....	266
48. Лукавый лисенок.....	268
49. Лисенок.....	270
50. История о тарбагане, или Почему тарбаган проклял самого себя.....	271
51. История о тарбагане, или Почему у архара всего два глаза.....	271
52. Тарбаган и архар.....	272
53. Бычок-ячок, баранчик и козлик.....	273
54. Серая птичка с шишкой на груди.....	274
55. Где бурый козленок?.....	275
56. Кто сильнее?.....	276
57. Сказка-гадание.....	276
58. Небылица.....	277

МИФЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

59. Мангыс на Луне.....	280
60. О том, как джелбеге пожирает Луну, Солнце и Землю.....	280
61. Истории о Сардакбане.....	281
62. Легенда о Бурган Башкы и Очирваане.....	284
63. Единственное черное дерево мира.....	284
64. О происхождении живых существ.....	285
65. Откуда взялись рыбы.....	285
66. О тувинском языке.....	285
67. История о Манджын Богде.....	286
68. Людоеды.....	287
69. Легенда о Йовгун Мергене.....	288
70. Джаагай Шапкан.....	289
71. Эр Джюврек.....	290
72. Амырсанаа.....	291
73. О беге Сарыг Даа.....	291
74. О добром герое Арвыйанге.....	292
75. Поучение.....	295
76. О происхождении скороговорки.....	296
77. Балджын Хээр.....	296

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарий.....	304
Сведения об исполнителях.....	362
Словарь.....	370
Библиография с указанием сокращений.....	373

Научно-художественное издание
СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ АЛТАЙСКИХ ТУВИНЦЕВ

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«Сказки и мифы народов Востока»*

Заведующий редакцией С.С.Цельникер
Редактор Л.С.Ефимова
Младшие редакторы И.М.Гриднева, Н.Л.Петрова
Художник Л.С.Эрман
Художественный редактор Э.Л.Эрман
Технический редактор В.П.Стуковнина
Корректоры Г.П.Каткова, Р.Ш.Чемерис

ЛР № 020910 от 2.09.94

ИБ № 16806

Сдано в набор 16.07.91. Подписано к печати
17.05.93. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл.п.л. 24,0.
Усл.кр.-отт. 24,0. Уч.-изд. л. 31,13. Тираж 2000 экз.
Изд.№ 7075. Зак.1644 С-1

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Московская типография № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., д.6